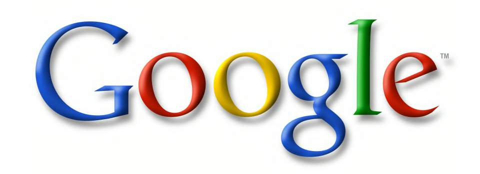

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Ilovaiskii, D.I.

РАЗЫСКАНІЯ

О

НАЧАЛѢ РУСИ.

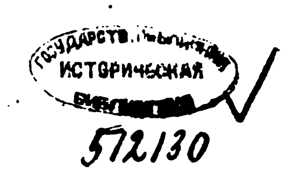
ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Соч. **Д. Иловайскаго.**

МОСКВА.
Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ В., д. Шиловой.
1876.

TK

ИСТОРИЧЕСКАЯ
572130

Происхожденіе настоящаго труда слѣдующее. Когда я задумалъ приступить къ изложенію Русской исторіи въ довольно значительныхъ размѣрахъ и въ обработкѣ, по возможности соотвѣтствующей научнымъ требованіямъ настоящаго времени, я принужденъ былъ остановиться надъ самымъ ея началомъ. Отъ писателя, предпринимающаго обозрѣніе цѣлой исторіи какого либо народа, несправедливо было бы требовать точныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій по всѣмъ вопросамъ даже второстепенной или третьестепенной важности, которые онъ встрѣчаетъ при послѣдовательномъ движеніи своего труда. Но онъ не въ правѣ уклониться отъ посильнаго рѣшенія вопросовъ первостепенной важности, а тѣмъ болѣе обойти такой существенный предметъ какъ происхожденіе государственнаго быта, и ограничиться изложеніемъ какой либо теоріи, хотя бы доселѣ и господствовавшей, не подвергнувъ ея тщательному пересмотру и не попытавшись придти къ какому либо положительному убѣжденію. Сообразно съ тѣмъ я и поступилъ въ своихъ приготовительныхъ работахъ. Пересмотръ вопроса о происхожденіи Русской національности и русской государственности повелъ меня далеко въ глубь прошедшихъ вѣковъ; привелъ въ скиѳскія и сарматскія дебри; заставилъ пересмотрѣть и теоріи о другихъ народностяхъ, имѣвшихъ когда то близкія отношенія къ Руси, въ особенности о Болгарахъ. Результаты своихъ розысковъ, постепенно обнародованные въ разныхъ изданіяхъ и во многомъ несогласные съ существовавшими доселѣ теоріями, я предлагаю въ настоящей книгѣ собранными вмѣстѣ, нѣсколько дополненными и приведенными во взаимное соотвѣтствіе. Эти

работы отчасти облечены были въ полемическую форму, которая въ данномъ случаѣ оказалась наиболѣе удобною для выясненія исторической истины. Онѣ отвлекли меня на значительное количество времени отъ задуманнаго труда, т. е. обозрѣнія Русской исторіи съ самаго ея начала до нашего времени. Въ настоящую минуту, благодареніе Богу, я могу представить вниманію просвѣщеннаго Русскаго общества вмѣстѣ съ результатами своихъ розысканій о началѣ Руси и первую часть самого Обозрѣнія. Въ этой первой части я открываю изложеніе Русской исторіи дѣйствительнымъ историческимъ событіемъ, т. е. осадою Царяграда; а опроверженія басни о Варягахъ переношу на ихъ настоящее мѣсто, т. е. въ замѣчанія о нашей книжной словесности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЭЛЛИНО-СКИѲСКІЙ МІРЪ НА БЕРЕГАХЪ ПОНТА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ ВАРЯГОВЪ.

Стр.

ЕЩЕ О НОРМАНИЗМѢ.

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ.

Стр.

Замѣчанія и отвѣты.

ЭЛЛИНО-СКИѲСКІЙ МІРЪ НА БЕРЕГАХЪ ПОНТА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *.

I.

Природа Восточной Европы.—Скиѳія.—Ея народы.—Черты изъ быта и религіи Скиѳовъ.

Передъ нами сплошная, широко раскинутая равнина, предѣлы которой почти со всѣхъ сторонъ ясно очерчены природными границами, каковы морскія воды и горные хребты. На сѣверѣ ее омываютъ Студеное море или Ледовитый океанъ съ своимъ большимъ заливомъ или Бѣлымъ моремъ и глубоковдающееся въ материкъ Балтійское море съ своими развѣтвленіями. Когда то Бѣлое море сливалось съ Балтійскимъ; но потомъ ихъ раздѣлили гранитныя скалы Финляндской возвышенности, которая своими безчисленными озерами еще напоминаетъ о томъ, что она поднялась изъ Океана. На югѣ Восточную равнину ограничиваютъ двѣ глубокія впадины, извѣстныя подъ именемъ Чернаго и Каспійскаго морей. Когда-то и эти два моря сливались другъ съ другомъ; чему яснымъ доказательствомъ служатъ лежащія между ни-

* Рѣдкій изъ писателей древности болѣе или менѣе не касался означеннаго міра; поэтому источники для его изученія довольно обильны и разнообразны, хотя и весьма разсѣяны. Главное мѣсто между ними занимаютъ творенія Геродота, Гиппократа, Ктезія, Діодора, Овидія, Страбона, Діонисія, Діона Хризостома, Тацита, Птоломея, Лукьяна, Скимна, Арріана, Евсевія, Аммiана Марцеллина, а также произведенія византійцевъ Прокопія и Константина Багрянороднаго.

Что касается до пособій, то предметъ нашъ имѣетъ весьма обширную литературу. Назовемъ только тѣ изданія, которыя мы имѣли подъ рукою: Укерта Skythien und das Land der Geten oder Daken. 1846. Неймана Die

ми солончаки и соленыя озера. Какъ остатокъ этого слiянiя существуетъ неглубокое Азовское море; оно своимъ протокомъ въ Черное (Боспоромъ) разрываетъ горный край, замыкающiй съ юго-востока нашу равнину, на двѣ неравныя части: исполинскiй хребетъ Кавказа и невысокiя горы Таврическаго полуострова. На югозападѣ между Чернымъ и Балтiйскимъ морями Карпаты отдѣляютъ ее отъ равнины средняго Дуная, оставляя свободною низменную полосу около его устьевъ. Между Карпатами и Балтiйскимъ моремъ наша равнина не имѣетъ естественной границы и безпрепятственно переходитъ въ равнину Польши и Сѣверной Германiи. На востокѣ Уральскiй хребетъ, представляющiй огромное протяженiе отъ сѣвера къ югу, служитъ какъ бы стѣною, отдѣляющею насъ отъ неизмѣримой Сѣверноазiатской равнины. Впрочемъ эта стѣна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ до того отлогiя склоны, что переходъ изъ Европы въ Азiю почти

Hellenen im Skythenlande. 1855. Цейса Die Deutschen und die Nachbarstämme. 1837. Бергмана Les Scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves. 1858. Куно Die Skythen. 1871. Ашика—Воспорское царство. 1848. Спасскаго — Археологонумизматическiй Сборникъ. 1850. Графа Уварова — Разысканiя о древностяхъ Южной Россiи 1850. Кёне—Описанiе музеума кн. Кочубея. 1857. Отчеты Императорской Археологической коммиссiи 1859 - 1872 гг. Дюбуа Voyage autour du Caucase. Григорьева—Цари Боспора Киммерiйскаго 1851 и О скиѳскомъ народѣ Сакахъ 1871. Бюллетени Петерб. Академiи наукъ съ статьями гг. Мюлленгофа, Шифнера, Куника, Радлова, и др. Изданiя: Петерб. Археологич. Общества (статьи гг. Минцлова, Муральта и др.), Одесскаго Об. Исторiи и древностей (статьи гг. Надеждина, Бруна, Мурзакевича, Юргевича, кн. Сибирскаго и др.). Пропилеи (Леонтьева — Розысканiя на мѣстѣ древняго Танаиса и гр. Уварова—Розысканiя близъ Симферополя и Севастополя). Московскаго Археологич. Общества (Археологич. топографiя и Археологич. раскопки Таман. полуострова. - К. Герца). Кромѣ того замѣтки о Скиѳахъ разсѣяны въ сочиненiяхъ Нибура, Шафарика, Клапрота, Кеппена, Черткова, Гильфердинга и пр. По археологiи Скиѳiи и Воспорскаго царства замѣчательны еще труды Стемпковскаго, Дюбрюкса, Бларамберга, Стефани, Тизенгаузена, Забѣлина, Стасова и др. Въ последнее время особенно важныя заслуги принадлежатъ упомянутой Императорской Археологической коммиссiи, которая своими систематически и тщательно веденными раскопками кургановъ въ южной Россiи обогатила науку эллино-скиѳскихъ древностей большимъ запасомъ вещественныхъ памятниковъ. Единственное въ мiрѣ собранiе этихъ древностей, а также богатая нумизматическая коллекцiя находятся между сокровищами Императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ.

незамѣтенъ. Между южнымъ Ураломъ и Каспійскимъ моремъ пролегаютъ широкія ворота, посредствомъ которыхъ Восточноевропейская равнина незамѣтно сливается съ равнинами Средней Азіи.

Равнины Европы и Азіи при всемъ близкомъ сосѣдствѣ своемъ имѣютъ важныя отличія. Сибирская низменность, хотя и обилуетъ величественными рѣками; но онѣ обращены на сѣверъ и текутъ въ пустынный Ледовитый океанъ; а Средняя Азія извѣстна своимъ безводіемъ. Тогда какъ Восточноевропейская равнина отличается прекраснымъ орошеніемъ и замѣчательною сѣтью текучихъ водъ. Ея главныя рѣки берутъ начало внутри страны, откуда въ сопровожденіи безчисленныхъ притоковъ направляются во всѣ четыре стороны, къ своимъ четыремъ морямъ. Эта водная сѣть заранѣе предназначила нашу страну къ великой исторической роли: воды сообщили ей жизнь растительную и животную; по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность; рѣки служили главнымъ средствомъ сообщенія.

Своимъ внѣшнимъ видомъ, климатомъ и естественными произведеніями Восточноевропейская равнина далеко не представляетъ полнаго однообразія. По характеру природы она распадается на три главныя части.

Внутри страны почва поднимается и поверхность получаетъ холмистое, волнообразное очертаніе. Эта средняя полоса извѣстна вообще подъ именемъ Алаунскаго пространства. Предѣлы ея приблизительно могутъ быть обозначены слѣдующими чертами.

Сѣверозападный уголъ Алаунскаго пространства образуетъ Валдайское плоскогорье, которое начинается отлогими возвышенностями по сосѣдству съ Ильменемъ, а въ срединѣ своей представляетъ живописные холмы, раздѣленные глубокими оврагами. Самые высокіе пункты его достигаютъ болѣе 1000 футовъ надъ поверхностью моря. Это область источниковъ; здѣсь между холмовъ залегаютъ небольшія озера, изъ которыхъ берутъ свое начало три главныя рѣки Восточной Европы: Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Отъ Валдайскихъ горъ граница Алаунской плоскости направляется къ югу по теченію Днѣпра. Въ его верховьяхъ отъ этой плос-

1*

кости отдѣляется цѣпь песчаныхъ холмовъ, которая идетъ на западъ къ Нѣману и теряется въ его низменностяхъ. А на среднемъ теченіи Днѣпра Алаунская плоскость примыкаетъ къ отрогамъ Карпатъ и простирается до знаменитыхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Эти пороги образовались вслѣдствіе преграды, которую представляетъ теченію рѣки гранитный кряжъ, служащій продолженіемъ Карпатскихъ отроговъ. На западъ отъ Днѣпра, между упомянутою цѣпью песчаныхъ холмовъ и отрогами Карпатъ, раскинулось низменное пространство, извѣстное своимъ обиліемъ водъ и лѣсовъ; это бассейнъ рѣки Припети. На юговостокѣ Алаунская плоскость ограничивается среднимъ теченіемъ Волги, гдѣ соединяется съ отраслями Уральскихъ горъ. А на сѣверовостокѣ она заканчивается низкими хребтами или „увалами", которые служатъ водораздѣломъ Волжскаго бассейна отъ рѣкъ, текущихъ въ Сѣверный океанъ, и постепенно сливаются съ Уральскимъ хребтомъ.

Природа Алаунскаго пространства представляетъ вообще умѣренное и мѣстами нелишенное прелести сочетаніе полей, лѣса и воды. Взоры путника обыкновенно имѣютъ передъ собою слегка взволнованную поверхность съ ея частыми рѣчками и ручьями, полями и пригорками; его кругозоръ замыкается ближними или дальними рощами. Лѣтомъ повсюду роскошная зелень, а зимою сплошная пелена снѣгу. Таковымъ является это пространство въ близкое намъ время; но чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ конечно лѣса были обширнѣе и гуще. Въ сѣверной части преобладаютъ хвойные лѣса и торфяныя болота, а въ южной лиственные и богатые пласты чернозема. Эти пласты занимаютъ всю южную полосу Алаунскаго пространства и отдѣляютъ его отъ степной полосы; они идутъ отъ Подоліи до средней Волги и далѣе къ Уралу, встрѣчаясь островами по ту и по другую его сторону. Вмѣстѣ съ умѣреннымъ климатомъ черноземъ послужилъ главнымъ условіемъ для развитія осѣдлаго земледѣльческаго населенія. Тогда какъ сѣверная часть, отличаясь судоходными рѣками, довольно суровымъ климатомъ и почвою, требующею тяжелаго труда для своей обработки, способствовала развитію промышленнаго, энергичнаго и подвижнаго характера въ населеніи.

Отъ средняго или Алаунскаго пространства поверхность Русской равнины постепенно понижается въ обѣ противуположныя стороны къ Сѣверному океану и къ морямъ Черному и Каспійскому. Сѣверная полоса представляетъ песчаноглинистую почву съ ея безчисленными озерами и болотами, неизмѣримыми сосновыми и еловыми лѣсами, которые чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе смѣняются мелкимъ кустарникомъ и наконецъ переходятъ въ дикія, безпріютныя тундры, покрытыя мохомъ. Все въ этой сѣверной природѣ носитъ на себѣ печать утомительнаго однообразія, дикости, колоссальности и необъятности; болота, лѣса, мхи—все безконечно и неизмѣримо. Жители этого сѣвера издавна сообщили мѣткія прозванія всѣмъ главнымъ явленіямъ своей природы: темные лѣса дремучіе, мхи дыбучіе, вѣтры буйные, озера бурныя, рѣки свирѣпыя, болота стоячія и т. п.

Южная полоса Россіи представляетъ другую крайность сравнительно съ сѣверомъ. Тамъ непроглядные лѣса, непроходимыя болота, холодный, влажный климатъ; а здѣсь необозримыя степи, скудость воды и сухой, лѣтомъ накаленный, воздухъ. Зыбучіе пески и солончаки только мѣстами покрываются тонкимъ слоемъ земли, на которой растутъ степныя травы. Деревья суть рѣдкое явленіе, и путнику на безпредѣльномъ горизонтѣ представляются только группы безчисленныхъ кургановъ—единственные памятники минувшихъ вѣковъ. Въ утомительномъ однообразіи своей природы сходятся обѣ крайности: сѣверъ и югъ.

Южнорусскія степи по своему характеру распадаются на двѣ части: западную и восточную. Западная часть простирается отъ низовьевъ Дуная и отроговъ Карпатъ до нижняго теченія Дона. Она представляетъ плоскость, постепенно покатую къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Ея ровную поверхность нарушаютъ глубокія рѣчныя долины и балки. Почва ея хотя довольно насыщена солью, однако обилуетъ травою. Между тѣмъ юговосточныя или Прикаспійскія степи отличаются весьма низменнымъ уровнемъ своей поверхности и почти лишены растительности; что происходитъ отъ обилія солончаковъ. Это послѣднее пространство еще вполнѣ сохраняетъ характеръ бывшаго морскаго дна. Первая есть степь травяная, а вторая соленая.

Степи Азовско-Черноморскія въ древности и составляли собственную или Европейскую Скиѳію. Здѣсь начинается наша исторія.

Извѣстія классическихъ писателей о природѣ и климатѣ Скиѳіи довольно разнорѣчивы и сбивчивы. По однимъ, это страна холода, снѣговъ, бурь и непогодъ; по другимъ, она отличается климатомъ знойнымъ и чрезвычайно сухимъ; а по словамъ третьихъ въ ней господствуютъ сырость и туманы. Всѣ эти извѣстія имѣли свое основаніе, потому что онѣ относились къ разнымъ мѣстностямъ, къ разнымъ временамъ года и составились подъ разными впечатлѣніями. Греки знали хорошо только прибрежья Чернаго моря; о внутренней же странѣ они судили по слухамъ, часто весьма неточнымъ. Привыкнувъ къ теплому, мягкому климату своей родины, они были чувствительны къ рѣзкимъ переходамъ между зимнею и лѣтнею температурою Понтійской Скиѳіи, и находили ея климатъ очень суровымъ. Хотя снѣгъ выпадалъ тамъ зимою на короткое время, однако онъ представлялъ поразительное явленіе для грека, особенно когда послѣднему приходилось видѣть бѣлыя хлопья, падающія при сильномъ степномъ вѣтрѣ и на самомъ себѣ испытать скиѳскія вьюги и метели. Необычны были для него и лѣтніе мѣсяцы, когда все засыхало и замирало въ степи, и воздухъ казался раскаленнымъ. Таковъ именно континентальный климатъ той страны, которая лежитъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и часть которой собственными глазами видѣлъ Геродотъ, посѣтившій Ольвію. Другіе писатели, какъ Гиппократъ, указавшіе на сырость и туманы Скиѳіи, по всѣмъ признакамъ описывали по преимуществу болотистые берега Меотиды и восточнаго Черноморья. Третьи, особенно географы какъ Страбонъ, связывали вмѣстѣ разныя извѣстія и давали сбивчивыя описанія.

Суровый климатъ Скиѳіи, на который жаловались Греки, не мѣшалъ ей однако въ изобиліи производить хлѣбныя растенія и служить житницею для собственной Греціи; а на Таврическомъ полуостровѣ уже тогда произрастали не только превосходныя яблоки и груши, но и болѣе нѣжные плоды, каковы гранаты, ѳиги и виноградъ. Есть поводъ думать, что Европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою, почти безлѣсною, степью какъ въ наше время, а по-

тому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая полоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Отстатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, еще видѣлъ въ XIII вѣкѣ латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо далѣе, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ. Но дикія кочевыя орды, толпившіяся на этихъ равнинахъ въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ, широко распространили область столь любезной имъ степной природы.

Скиѳы составляли одну из обширныхъ вѣтвей Арійской или Индоевропейской семьи народовъ, именно вѣтвь Германо-Славяно-Литовскую. Колыбелью собственно скиѳскихъ народовъ можно назвать страны орошаемыя рѣками, извѣстными въ древности подъ именемъ Оксусъ и Яксартъ (теперь Аму-Дарья и Сыръ-Дарья). Страны эти въ древности у своихъ южныхъ сосѣдей назывались общимъ именемъ Турана. Лежащія къ югу отъ него области Ирана, т. е. Бактрія, Мидія и Персія, имѣли осѣдлое населеніе и достигли уже значительной степени гражданственности въ то время, когда Скиѳы сохраняли еще вполнѣ свой кочевой бытъ. Извѣстно, что древнія преданія Ирана наполнены разсказами о набѣгахъ туранцевъ и борьбѣ иранскихъ богатырей съ этими кочевниками. Съ восточной стороны Каспійскаго моря скиѳскія орды постепенно распространяли свои кочевья и на западную сторону; потомъ мало-по-малу заняли Черноморскія степи и Прикавказскія земли, откуда они отча-

сти вытѣснили своихъ предшественниковъ Киммеріянъ, отчасти смѣшались съ ними. Подъ именемъ Киммеріянъ по всей вѣроятности скрывалась та вѣтвь арійцевъ, которая называется Кельтами.

Европейскіе Скиѳы и ихъ азіатскіе соплеменники долго еще тревожили своими набѣгами Переднюю Азію, и однажды наложили свое иго на обширное Мидійское царство. Извѣстенъ разсказъ о вѣроломствѣ царя Мидіи Ціаксара, который умертвилъ на пиру скиѳскихъ предводителей и освободилъ свой народъ. Преемники мидійскихъ государей, цари персидскіе также должны были вести упорныя войны со Скиѳами. Киръ, по словамъ Геродота, погибъ въ битвѣ съ ними; а Дарій Гистаспъ, чтобы смирить неукротимыхъ наѣздниковъ, предпринималъ походъ въ Европейскую Скиѳію. Этотъ походъ, какъ извѣстно, подалъ поводъ „отцу исторіи" бросить взглядъ на Скиѳскій міръ и оставить грядущимъ поколѣніямъ любопытную его картину. Съ нея собственно и начинается исторія нашей страны.

Геродотъ лично посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря: онъ былъ въ Ольвіи; но едва ли проникъ далѣе въ самыя степи. Онъ конечно собралъ почти все, что можно было узнать о Скиѳахъ отъ греческихъ торговцевъ и путешественниковъ. Разсказы его представляютъ замѣчательное смѣшеніе извѣстій историческихъ съ темными слухами и съ вымыслами живаго воображенія греческихъ колонистовъ. Приведемъ наиболѣе существенныя черты изъ этихъ разсказовъ.

По сосѣдству съ Ольвіей или торжищемъ Бористенитовъ—какъ называетъ ее Геродотъ—живутъ племена смѣшанныя изъ Эллиновъ и Скиѳовъ и извѣстныя подъ именемъ К а л л и п и д о в ъ. Выше нихъ по Гупанису (Бугу) обитаютъ А л а з о н ы. Тѣ и другіе во многихъ отношеніяхъ соблюдаютъ скиѳскіе обычаи; впрочемъ они сѣютъ хлѣбъ, а также употребляютъ въ пищу лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ по Гупанису и Бористену (Днѣпру) живутъ С к и ѳ ы З е м л е д ѣ л ь ц ы, которые сѣютъ хлѣбъ и сбываютъ его эллинскимъ купцамъ. Еще выше по Гупанису живутъ Н е в р ы. Это народъ оборотней; по словамъ сосѣднихъ Скиѳовъ, они ежегодно на нѣсколько дней превращаются въ волковъ; но вообще у нихъ тѣже обычаи что у Скиѳовъ.

Къ сѣверу за Неврами лежитъ пустыня. Къ сѣверу за Скиѳами Бористена также лежитъ пустыня, за которою живутъ Андрофаги или Людоѣды, народъ самъ по себѣ не скиѳскій, имѣющій свой особый языкъ; но одѣваются они по скиѳски; нравы у нихъ самые дикіе; они не знаютъ никакихъ законовъ. За ними начинается уже настоящая, необитаемая пустыня.

На востокъ отъ Скиѳовъ Земледѣльцевъ, въ странѣ безлѣсной и простирающейся на 14 дней ходьбы, встрѣчаются Скиѳы Кочевые, которые не пашутъ и не сѣютъ. Еще далѣе на востокъ обитаютъ Скиѳы Царскіе; они простираются отъ горъ Таврическихъ до рѣки Танаиса, т. е. вдоль Меотійскаго прибрежья, на которомъ находится торговый городъ Кремны. Это самое храброе и самое многочисленное скиѳское племя, которое смотритъ на другихъ Скиѳовъ какъ на своихъ рабовъ. Къ сѣверу отъ нихъ живетъ нескиѳскій народъ Меланхлены, т. е. Черные плащи, за которыми тянутся болота и безлюдныя пространства.

За рѣкой Танаисомъ лежитъ конецъ собственно скиѳской земли. Здѣсь находится область Савроматовъ, которая отъ Меотійскаго озера простирается къ сѣверу на 15 дней пути и совершенно лишена деревьевъ. Интересна басня о происхожденіи Савроматовъ. Когда-то воинственныя женщины или Амазонки, обитавшія гдѣ то около Кавказа, были побѣждены Греками. Три корабля, наполненные плѣнницами, плыли по морю. Во время пути онѣ напали на своихъ стражей и перебили ихъ; но, неумѣя управлять судами, должны были отдаться на волю вѣтровъ и волнъ. Корабли пристали около города Кремнъ въ землѣ свободныхъ Скиѳовъ. Амазонки захватили первый попавшійся табунъ, сѣли на коней и начали дѣлать набѣги на скиѳскую землю. По трупамъ, оставшимся на полѣ сраженія, Скиѳы узнали, что ихъ враги всѣ женскаго пола. Тогда они рѣшили не истреблять ихъ; а составили отрядъ изъ молодыхъ людей, которому велѣли разбить станъ подлѣ лагеря амазонокъ и показывать имъ дружеское расположеніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что два лагеря соединились въ одинъ и амазонки сдѣлались женами молодыхъ Скиѳовъ. Но онѣ не захотѣли остаться въ Скиѳской землѣ, а убѣдили своихъ мужей уйти съ ними за Танаисъ. Тамъ отъ этого соединенія Скиѳовъ и амазонокъ

и произошелъ народъ Савроматовъ. Женщины савроматскія сохраняютъ воинственныя привычки своихъ прародительницъ: онѣ ѣздятъ на конѣ, ходятъ на охоту и на войну вмѣстѣ съ мужчинами и носятъ мужское платье. У нихъ есть такой обычай, что дѣвушка не можетъ выдти за мужъ, пока не убьетъ хотя одного непріятеля. Савроматы говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но несовсѣмъ чистымъ.

За ихъ страною лежитъ область Будиновъ, покрытая всякаго рода деревьями. Это многочисленный народъ, отличающійся свѣтлыми волосами. Здѣсь находится большое, многоводное озеро, котораго топкія окрестности поросли тростникомъ. Въ немъ ловятся выдры, бобры и другіе пушные звѣри, которыхъ шкура идетъ на теплую одежду. Въ той же области есть обширный городъ Гелонъ, весь построенный изъ дерева. Жители Гелона говорятъ языкомъ смѣшаннымъ изъ греческаго и скиѳскаго, потому что они произошли отъ греческихъ изгнанниковъ, которые поселились между Будинами. Тамъ есть храмы, посвященные греческимъ богамъ, построенные по греческому образцу и украшенные статуями и алтарями. Гелоны обработываютъ землю и живутъ своею жатвою и садоводствомъ, а Будины остаются номадами и употребляютъ въ пищу сосновыя шишки. За Будинами опять пустыня, а за этою пустынею къ востоку въ странѣ лѣсистой обитаетъ особый и многочисленный народъ Тиссагетовъ, которые существуютъ звѣроловствомъ. Сосѣди ихъ Ирки также занимаются охотою; высмотрѣвъ съ вершины дерева какого либо звѣря, они пускаютъ въ него стрѣлу; а потомъ, вскочивъ на коня, преслѣдуютъ его съ помощью собаки. За Ирками еще далѣе къ востоку опять встрѣчаются Скиѳы, именно тѣ, которые отдѣлились отъ Царскихъ Скиѳовъ и ушли въ ту сторону.

Вся описанная до сихъ поръ земля состоитъ изъ равнинъ; но далѣе она становится неровною и каменистою. Еще далѣе, у подошвы высокихъ горъ живутъ люди, о которыхъ говорятъ, будто они отъ рожденія плѣшивы; у нихъ приплюснутый носъ и длинный подбородокъ. Языкъ у нихъ особый; но одѣваются они по-скиѳски. Этотъ народъ называется Агриппеи. Они питаются плодомъ одного дерева, похожимъ на бобы; изъ него выжимаютъ густой, темный сокъ, который пьютъ, смѣшавъ съ молокомъ. Скота у нихъ

мало, потому что нѣтъ хорошихъ пастбищъ. Они живутъ подъ деревьями, которыя на зиму ограждаютъ войлоками. Сосѣди не трогаютъ Агриппеевъ, почитаютъ ихъ за святыхъ людей и обращаются къ нимъ за рѣшеніемъ своихъ распрей. Бѣглецъ находитъ у нихъ неприкосновенное убѣжище. Вся страна, простирающаяся до этихъ лысыхъ людей, достаточно извѣстна по разсказамъ Скиѳовъ и эллинскихъ торговцевъ. Народы, населяющіе ее, говорятъ на семи языкахъ, такъ что Скиѳы, путешествуя по ней, должны употреблять семь переводчиковъ. Но относительно того, что находится еще далѣе къ сѣверу, нѣтъ ничего достовѣрнаго; высокія и неприступныя горы преграждаютъ туда доступъ. Агриппеи разсказываютъ невѣроятныя вещи, будто на этихъ горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, а за ними еще другой народъ, который спитъ шесть мѣсяцевъ въ году. Къ востоку же отъ Агрипеевъ живутъ Исседоны, у которыхъ существуетъ слѣдующій обычай. Когда у кого умретъ отецъ, то всѣ его родственники приводятъ къ нему на закланіе что либо изъ своего скота; потомъ рѣжутъ на куски трупъ покойника, и, смѣшавъ съ мясомъ животныхъ, устраиваютъ пиръ. Но черепъ они золотятъ и употребляютъ его какъ священный сосудъ во время торжественныхъ жертвоприношеній, которыя ежегодно отправляютъ въ честь предковъ. Впрочемъ, эти люди слывутъ справедливыми; а женщины у нихъ пользуются такою же властію какъ мужчины. По разсказамъ Исседоновъ, за ними къ сѣверу живутъ Аримаспы, т. е. Одноглазые, а также Грифы, которые стерегутъ золото.

Вотъ тѣ народы, которыми Геродотъ населяетъ Скиѳію и земли, прилежащія къ ней съ сѣвера и востока. Онъ описываетъ также ихъ сосѣдей и съ другихъ сторонъ. На нижнемъ теченіи Дуная живутъ Геты, а на верхнемъ теченіи Тираса, въ странѣ Прикарпатской, обитаютъ Агатирсы (имя которыхъ находилось конечно въ связи съ названіемъ рѣки Тирасъ т. е. Днѣстра). На Таврическомъ полуостровѣ, съ кочевыми Скиѳами сосѣдятъ Тавры, занимающіе южную, горную часть его; а за Воспоромъ Киммерійскимъ, на нижнемъ теченіи другаго Гупаниса (Кубани) живутъ Синды.

Геты считаютъ себя безсмертными: они думаютъ, что смерть есть только переселеніе къ ихъ богу Залмоксу. Каждыя пять лѣтъ они отправляютъ къ нему посла, что бы заявлять о своихъ нуждахъ. Съ этою цѣлью выбираютъ по жребію одного человѣка и подбрасываютъ его на воздухъ такимъ образомъ, что бы онъ упалъ на острее трехъ подставленныхъ копій. Если посолъ умиралъ отъ своихъ ранъ, то это было знакомъ благоволенія со стороны бога; въ противномъ случаѣ думали, что выбранный ему неугоденъ, и тогда назначали другаго. Агатирсы народъ очень изнѣженный и пристрастный къ золотымъ украшеніямъ. Они имѣютъ общихъ женъ, съ тою цѣлью, что бы, составляя какъ бы одно семейство, не имѣть поводовъ къ ревности и ссорамъ. Дикіе Тавры приносятъ въ жертву своей богинѣ иноземцевъ, которыхъ морскія бури загоняютъ на ихъ берега. Они живутъ военною добычею, а плѣнникамъ своимъ отрѣзываютъ головы и втыкаютъ на шесты, утвержденные надъ ихъ жилищами; головы эти по ихъ повѣрью охраняютъ домъ отъ враждебной силы.

Теперь обратимся собственно къ Скиѳамъ, и посмотримъ, какими чертами изображаетъ Геродотъ ихъ бытъ и вѣрованія. Во первыхъ, о происхожденіи Скиѳовъ, т. е. объ ихъ родоначальникахъ, существовали баснословныя преданія, какъ то бываетъ у всѣхъ народовъ. Геродотъ передаетъ намъ на этотъ счетъ вымыселъ собственно скиѳскій и басню, сочиненную греческими колонистами. Послѣдніе конечно все привязывали къ своимъ роднымъ богамъ и героямъ. Они разсказывали, что Геркулесъ, однажды забредъ въ пустынный край, гдѣ его застигли вьюга и холодъ. Онъ выпрягъ коней изъ своей колесницы, пустилъ ихъ на пастбище, а самъ завернулся въ свою львиную шкуру и заснулъ богатырскимъ сномъ. Но, когда онъ проснулся, коней ужъ не было: ихъ увела ехидна или чудовище, на половину женщина, на половину змѣя, и скрыла въ своей пещерѣ. Что бы выручить коней, Геркулесъ долженъ былъ исполнить желаніе ехидны. Отъ ихъ соединенія родились три сына: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, которые и сдѣлались родоначальниками трехъ народовъ. Но сами Скиѳы разсказывали слѣдующее преданіе о своемъ происхожденіи и первыхъ царяхъ. Отъ ихъ верховнаго бога и дочери рѣки Бо-

ристена родился герой Таргитай. У этого Таргитая было три сына, Липаксай, Арпаксай и Колаксай, отъ которыхъ и произошелъ Скиѳскій народъ. Во времена этихъ трехъ братьевъ однажды съ неба упалъ плугъ, ярмо, сѣкира и чаша, всѣ сдѣланныя изъ золота. Старшій братъ увидѣлъ ихъ первый и хотѣлъ взять; но золото раскалилось; тоже повторилось и съ среднимъ братомъ; но, когда подошелъ младшій, золото оказалось остывшимъ, и онъ овладѣлъ имъ. Видя въ томъ божественное знаменіе, старшіе братья уступили царство младшему. Послѣдній въ свою очередь раздѣлилъ обширную Скиѳскую землю между своими тремя сыновьями. Священное золото сохраняется у его потомковъ съ большимъ тщаніемъ. Обыкновенно оно находится въ самомъ большомъ царствѣ; однако и другіе скиѳскіе цари ежегодно заставляютъ привозить его въ свои владѣнія и совершаютъ въ его честь большія жертвоприношенія.

Что касается до скиѳскихъ божествъ, то вотъ ихъ имена. Главный это Папай, который соотвѣтствовалъ греческому Зевесу, слѣдовательно богъ неба; потомъ Апія или земля, Тавити или греческая Гестія, Итосуръ—Аполлонъ, слѣдовательно солнце, Артимпаса—Афродита Уранія. Царскіе Скиѳы кромѣ того приносятъ жертвы богу моря Посейдону, котораго они называютъ Тамимазадасъ. Но предпочтительно предъ другими богами Скиѳы приносятъ жертвы Арею, т. е. богу войны.

Жертвоприношенія совершаются у Скиѳовъ слѣдующимъ образомъ. Животное ставятъ въ священномъ мѣстѣ и связываютъ ему переднія ноги. Тотъ, кто приноситъ его въ жертву, дергаетъ конецъ веревки и тѣмъ заставляетъ его падать. Тогда, призывая имя бога, которому приносится жертва, онъ кладетъ на шею животнаго веревочную петлю, и палкой крутитъ эту петлю до тѣхъ поръ, пока оно задохнется. За тѣмъ онъ вынимаетъ внутренности и варитъ мясо въ котлѣ. По недостатку дровъ, огонь разводится подъ котломъ будто бы изъ костей того же самаго животнаго; а если нѣтъ котла, то его замѣняетъ желудокъ этого животнаго, куда кладутъ мясо и наливаютъ воды. Такимъ образомъ быкъ варитъ самъ себя. Также приносятся въ жертву лошади и другія животныя, но только не свиньи.

Въ каждой скиѳской области устраивается особое святилище богу войны. Для этого свозятъ связки хвороста и воздвигаютъ изъ него курганъ въ три стадіи длины и ширины; на верху этого кургана выравниваютъ квадратную площадку, на которую входъ устроивается съ одной стороны. Отъ дѣйствія погоды и времени холмъ осѣдаетъ; но Скиѳы ежегодно подвозятъ къ нему полтораста возовъ свѣжаго хворосту. На вершинѣ кургана водружается старый желѣзный мечъ, который и служитъ изображеніемъ бога войны. Ежегодно передъ этимъ мечемъ приносятъ въ жертву лошадей и другихъ животныхъ. Кромѣ того ему приносятъ и сотую часть изъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ; при чемъ имъ льютъ на голову вино, потомъ рѣжутъ горло надъ сосудомъ; послѣдній несутъ на верхъ и кровью обливаютъ мечъ; а въ это время стоящіе внизу отрубаютъ принесенному въ жертву правую руку вмѣстѣ съ плечемъ и бросаютъ ее на воздухъ; гдѣ она упадетъ, тамъ и остается.

Относительно войны наблюдаются слѣдующіе обычаи, скиѳъ пьетъ кровь перваго поверженнаго имъ непріятеля; головы всѣхъ убитыхъ имъ въ сраженіи онъ отрѣзываетъ и представляетъ царю. Кто не принесетъ ни одной головы, тотъ не имѣетъ части въ добычѣ. Кожу, снятую съ этихъ головъ, вѣшаютъ на поводьяхъ своихъ лошадей, и у кого наиболѣе такихъ украшеній, тому и болѣе почета за его храбрость. Нѣкоторые сшиваютъ вмѣстѣ человѣчьи кожи и дѣлаютъ изъ нихъ плащи для себя, или попоны для коней; а кожею, снятою съ правой руки непріятеля, обтягиваютъ свои колчаны. Изъ черепа наиболѣе замѣчательныхъ враговъ устроиваютъ чаши для питья, покрывъ ихъ сверху воловьей кожей, а богатые кромѣ того украшаютъ внутри позолотой. Тоже самое дѣлаетъ скиѳъ съ черепомъ своего ближняго въ томъ случаѣ, когда возникнетъ между ними сильная ссора и онъ въ присутствіи царя одолѣетъ своего противника въ единоборствѣ. Когда скиѳъ принимаетъ какого почетнаго гостя, то онъ любитъ показывать ему такія чаши или кубки и разсказывать при этомъ ихъ исторію.

Всякій скиѳскій начальникъ ежегодно устроиваетъ въ своемъ округѣ пиръ, на которомъ подается сосудъ съ виномъ. Но это вино пьютъ только тѣ, которымъ удалось убить непріятеля, а остальные со стыдомъ сидятъ въ сторонѣ. Кто

истребилъ большое число враговъ, тотъ пьетъ разомъ изъ двухъ кубковъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Когда Скиѳы заключаютъ съ кѣмъ либо дружбу или союзъ, они наливаютъ вино въ глиняный сосудъ, и примѣшиваютъ туда нѣсколько капель крови изъ надрѣзовъ, которые дѣлаютъ при этомъ на своемъ тѣлѣ. Потомъ заключающіе союзъ окунаютъ въ сосудъ оружіе, т. е. мечъ, сѣкиру, копье и стрѣлы; послѣ чего произносятъ обычныя молитвы и заклятія, и пьютъ вино изъ сосуда.

У Скиѳовъ существуетъ большое количество гадателей. Когда ихъ призываютъ, то они приносятъ связку ивовыхъ прутьевъ, которые раскладываютъ, перебираютъ и надъ ними производятъ свои гаданія. А нѣкоторые убогіе люди, извѣстные подъ именемъ энаре, гадаютъ съ помощью липовой коры. У Скиѳовъ есть обычай: когда они хотятъ произнести самую сильную клятву, то клянутся царскими предками. Поэтому, если царя постигаетъ болѣзнь, то онъ призываетъ трехъ наиболѣе извѣстныхъ гадателей, и послѣдніе съ помощію своего искусства должны открыть того изъ Скиѳовъ, который произнесъ ложную клятву царскимъ именемъ. Обвиненнаго хватаютъ и приводятъ къ царю. Если онъ отрицаетъ обвиненіе, то царь приказываетъ привести двойное число другихъ гадателей, и въ случаѣ ихъ согласія съ первыми обвиненному тотчасъ отрубаютъ голову, а имѣніе его отдаютъ первымъ гадателямъ. Когда же вторые объявятъ его невиннымъ, то призываются новые гадатели, и, если большинство изъ нихъ подтвердитъ невинность обвиненнаго, то вмѣсто него осуждаются на смерть первые гадатели, какъ лжецы. Ихъ связанныхъ кладутъ въ телѣгу, наполненную хворостомъ и запряженную быками, потомъ зажигаютъ хворостъ и гонятъ быковъ. Когда царь наказываетъ кого смертью, то вмѣстѣ съ нимъ лишаетъ жизни и его дѣтей мужскаго пола, но дочерей щадитъ.

Могилы скиѳскихъ царей лежатъ на краю Скиѳіи въ странѣ Герросъ, именно тамъ гдѣ Бористенъ становится судоходнымъ (слѣдовательно около Днѣпровскихъ пороговъ). Когда царь умираетъ, то въ этой странѣ приготовляютъ для него большую квадратную яму. Тѣло царя обливаютъ воскомъ, предварительно вынувъ внутренности и наполнивъ животъ благовонными смолистыми веществами, зернами ани-

су и т. п. За тѣмъ кладутъ его на колесницу, и везутъ по всѣмъ областямъ, которыя были ему подвластны. Обитатели ихъ, въ знакъ печали, надрѣзываютъ себѣ ухо, обриваютъ волосы вокругъ головы, дѣлаютъ надрѣзы на рукахъ, царапаютъ лобъ и носъ и протыкаютъ стрѣлы сквозь лѣвую руку. Объѣхавъ разныя области, колесница достигаетъ страны Герросъ, и здѣсь тѣло кладутъ въ приготовленную яму на ложе изъ зеленыхъ листьевъ. Надъ тѣломъ устраиваютъ шатеръ на воткнутыхъ копьяхъ и покрываютъ его ивовыми вѣтвями. Кругомъ царя въ той же ямѣ погребаются одна изъ его женъ, предварительно задушенная, его кравчій, поваръ, конюхъ, глашатай, кони и вообще лучшія изъ его вещей, а также и золотые сосуды. Затѣмъ могилу засыпаютъ землею, и воздвигаютъ надъ ней высокій курганъ, при чемъ всѣ работаютъ съ большимъ усердіемъ.

По прошествіи года выбираютъ пятьдесятъ человѣкъ между слугами покойнаго царя. Они всѣ принадлежатъ къ Скиѳскому народу, такъ какъ царь не покупаетъ для себя рабовъ, а набираетъ слугъ изъ своего народа. Означенныхъ пятьдесятъ человѣкъ Скиѳы удавливаютъ вмѣстѣ съ такимъ же числомъ коней. Изъ послѣднихъ они дѣлаютъ чучелы, набитыя соломой, и располагаютъ ихъ кругомъ царской могилы, продѣвая сквозь нихъ продольный шестъ, который вѣшаютъ на два шеста вертикальныхъ; на каждое лошадиное чучело сажаютъ мертваго всадника, продѣвъ сквозь него палку, которую прикрѣпляютъ къ продольному шесту.

Погребеніе простыхъ Скиѳовъ совершается конечно съ гораздо меньшими церемоніями. Когда кто изъ нихъ умретъ, родственники кладутъ его на телѣгу и дѣлаютъ съ нею объѣздъ по его друзьямъ и знакомымъ, при чемъ послѣдніе устроиваютъ пиршества и угощаютъ тѣхъ, которые провожаютъ тѣло. Этотъ объѣздъ продолжается сорокъ дней, послѣ чего покойникъ предается погребенію. Скиѳы участвовавшіе въ этомъ погребеніи, потомъ намазываютъ себѣ голову и вымываютъ ее, а остальное тѣло очищаютъ слѣдующимъ образомъ. Ставятъ три шеста, наклонивъ ихъ другъ къ другу, и укрываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ войлокомъ; въ эту палатку приносятъ сосудъ съ раскаленными камнями, на которые бросаютъ конопляное сѣмя, и оно распространяетъ такой паръ, отъ котораго Скиѳы приходятъ въ

одуреніе и испускаютъ странные крики. Этотъ паръ служитъ имъ вмѣсто бани. Женщины скиѳскія съ помощію шероховатаго камня мелютъ въ порошекъ куски кипариса, кедра и благовонной смолы, потомъ прибавляютъ воды и дѣлаютъ тѣсто, которымъ трутъ себѣ тѣло и лицо. Это тѣсто сообщаетъ имъ чистоту и пріятный запахъ.

II.

Дарій въ Скиѳіи.—Выводы о скиѳской народности.

Что касается до населенности Скиѳіи, то Геродотъ сознается, что слухи о томъ весьма различны: одни называли эту страну очень многолюдною, а другіе на оборотъ. Но вотъ что, по его мнѣнію, могло дать о томъ понятіе. Между Борисѳеномъ и Гупанисомъ лежитъ мѣстность, называемая Ексампей. Тамъ есть мѣдная ваза, въ шесть разъ превосходящая величиною кратеръ, который находится у входа въ Эвксинскій Понтъ и принесенъ въ даръ богамъ Павзаніемъ, сыномъ Клеомброта. Эта мѣдная ваза имѣетъ вмѣстимость шести сотъ амфоръ и толщину въ шесть пальцевъ. Туземцы разсказывали Грекамъ слѣдующее: скиѳскій царь Аріантъ, пожелавъ узнать число своихъ подданныхъ, приказалъ подъ страхомъ смертной казни, чтобы каждый скиѳъ принесъ ему наконечникъ стрѣлы, и этихъ наконечниковъ собрано было такое огромное количество, что изъ нихъ онъ велѣлъ отлить упомянутую вазу.

Народы, обитающіе около Понта Эвксинскаго,—прибавляетъ Геродотъ—суть самые невѣжественные; но изъ нихъ надобно исключить Скиѳовъ, которые превосходятъ другихъ своими умственными способностями. Изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ они нашли самое вѣрное средство сохранить свою независимость: для этого они не упускаютъ изъ рукъ тѣхъ непріятелей, которые приходятъ въ ихъ землю, и въ тоже время не даютъ на себя напасть, когда того не желаютъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей. Сидя на коняхъ, они искусно стрѣляютъ изъ лука, а жилища свои влачатъ за собою, потому что эти жилища состоятъ въ ихъ кибиткахъ. Они питаются отъ своихъ стадъ, а не

плодами земледѣлія.* Подобный народъ нельзя ни завоевать, ни даже принудить его къ бою, что вполнѣ доказалъ походъ противъ Скиѳовъ персидскаго царя Дарія Гистаспа.

Дарій горѣлъ желаніемъ отомстить Скиѳамъ за ихъ набѣги на Мидію. Во главѣ 700,000 войска онъ переправился черезъ Боспоръ Ѳракійскій по мосту, наведенному изъ греческихъ (малоазіатскихъ) судовъ, прошелъ Ѳракію, покорилъ встрѣченные здѣсь народы, завоевалъ Гетовъ, перешелъ Дунай, опять по мосту изъ судовъ, и вступилъ въ скиѳскія пустыни.

Услыхавъ о походѣ Дарія,—повѣствуетъ Геродотъ—Скиѳы подумали между собою, и рѣшили, что имъ нельзя съ однѣми собственными силами побѣдить въ открытой битвѣ такую многочисленную рать. Они послали къ сосѣднимъ народамъ съ просьбою о помощи. Тогда собрались на съѣздъ князья семи или осьми народовъ: Тавровъ, Агатирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ, Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ. Скиѳскіе послы убѣждали собравшихся князей соединиться вмѣстѣ для обороны отъ Персовъ; въ противномъ случаѣ грозили, что всѣ они будутъ завоеваны Персами какъ Ѳракійцы и Геты. Князья Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ единодушно обѣщали помочь Скиѳамъ; но Агатирсы, Невры, Андрофаги, Меланхлены и Тавры отказались. „Вы первые напали на Персовъ и захватили Мидію безъ нашего участія—отвѣчали они;—а теперь Персы платятъ вамъ тѣмъ же; мы не оскорбляли ихъ, и пока они на насъ не нападутъ, мы останемся спокойны“. Тогда Скиѳы рѣшили не вступать въ открытую битву съ Персами, а удаляться въ глубь страны, засыпая на своемъ пути колодцы и источники. Царскіе Скиѳы дѣлились на три орды; въ самой большой начальствовалъ Идантурсъ, а въ двухъ другихъ Токсарисъ и Скопасисъ. Составленъ былъ такой планъ: Скопасисъ, соединясь съ Савроматами, долженъ отступать вдоль Меотійскаго озера къ берегамъ Дона, если Персы направятся въ ту сторону; а Идантурсъ и Токсарисъ, соеди-

* Скиѳы, по словамъ того же писателя, выкалываютъ глаза своимъ рабамъ, и послѣдніе занимаются доеніемъ кобылицъ. Надоивъ молока, наливаютъ его въ деревянный сосудъ, потомъ рабы, помѣстясь вокругъ сосуда, качаютъ его до тѣхъ поръ, пока не всплыветъ на верхъ самая лучшая и самая вкусная часть молока, которую Скиѳы и снимаютъ.

нясь съ Гелонами и Будинами, должны держаться отъ Персовъ на разстояніи одного дня пути и навести непріятелей на земли тѣхъ народовъ, которые отказали въ помощи, чтобы принудить ихъ взяться за оружіе. Послѣ того скиѳскіе князья отправили далѣе на сѣверъ свои кибитки съ женами, дѣтьми и стадами, а сами съ отборною конницею пошли на встрѣчу Персамъ; но, избѣгая открытой битвы, начали отступать передъ ними, держась отъ нихъ на одинъ день пути и уничтожая при этомъ всѣ произведенія земли, которыя могли достаться Персамъ. Послѣдовала длинная и утомительная погоня за Скиѳами. Персы прошли всю ихъ страну, потомъ страну Савроматовъ и Будиновъ, затѣмъ повернули назадъ; Скиѳы навели ихъ постепенно на земли Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ, которые спаслись въ отдаленныя пустыни. Только Агатирсы своими угрозами вступить въ битву со Скиѳами заставили послѣднихъ повернуть на югъ и снова привести Персовъ въ свою землю.

Извѣстны посольство Дарія къ Идантурсу съ требованіемъ или рѣшительной битвы, или воды и земли въ знакъ покорности, а также и отвѣтъ скиѳскаго царя. „Намъ нѣтъ нужды сражаться,—говорилъ онъ—потому что мы не оставляемъ за собой ни городовъ, ни обработанныхъ полей; но если ты разоришь могилы нашихъ предковъ, то узнаешь, какъ мы сражаемся". Вмѣсто земли и воды онъ послалъ Дарію подарокъ, состоящій изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Извѣстно, какъ истолкованъ былъ смыслъ этого подарка. Персы начали обратное движеніе; тогда Скопасисъ съ своею ордой и Савроматами посланъ былъ къ Истру, чтобы побудить Грековъ къ разрушенію моста и тѣмъ отрѣзать Дарію отступленіе. Главное скиѳское войско между тѣмъ перешло къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и постоянно нападало на Персовъ, какъ скоро тѣ останавливались для отдыха. Персидская конница не выдерживала скиѳскихъ нападеній; но пѣхота оставалась непобѣжденною. Персамъ помогали въ этомъ случаѣ ихъ ослы и мулы, которые своими криками пугали скиѳскихъ коней. Дѣло въ томъ, что эти животныя не водились въ Скиѳіи по причинѣ ея холодовъ. Заслышавъ пронзительный крикъ, скиѳскіе кони навострями уши и бросались назадъ, потому что они не привыкли ни къ голосу, ни къ виду подобныхъ животныхъ.

Скиѳы старались задержать Персовъ какъ можно долѣе въ своей землѣ, чтобы погубить ихъ голодомъ. Извѣстно, что, благодаря вѣрности малоазійскихъ греческихъ тиранновъ, сохранившихъ мостъ на Дунаѣ, Дарій наконецъ выбрался изъ Скиѳіи и воротился въ Азію.

Этотъ разсказъ Геродота о походѣ Дарія, достовѣрный въ общихъ чертахъ, не можетъ быть принятъ въ своихъ подробностяхъ. Безъ сомнѣнія Дарій не проникалъ такъ далеко, какъ разсказываетъ Геродотъ. Онъ конечно углубился только въ степи, сосѣднія съ Дунаемъ и едвали доходилъ до береговъ Днѣпра. Слова Идантура о могилахъ его предковъ, которыя лежали въ странѣ Герросъ, показываютъ, что Дарій не достигъ той страны. А Ктезій и Страбонъ говорятъ, что онъ не далеко ушелъ отъ устьевъ Дуная и скоро воротился, избѣгая гибели въ пустынѣ Гетовъ, лежавшей между Дунаемъ и Днѣстромъ.

Вообще въ картинѣ Скиѳіи, набросанной рукою великаго писателя древности, мы должны отличать черты несомнѣнно историческія отъ тѣхъ украшеній, въ которыхъ участвовала богатая греческая фантазія. Не забудемъ, что Геродотъ собственными глазами видѣлъ только небольшую прибрежную часть Скиѳіи, и описывалъ Скиѳскій міръ болѣе по слухамъ. При такихъ условіяхъ надобно еще удивляться многимъ довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщаетъ о нашихъ предкахъ. Напримѣръ описаніе царскаго погребенія у Скиѳовъ подтверждается, если не въ подробностяхъ, то въ главныхъ чертахъ раскопкою кургановъ южной Россіи, особенно сосѣднихъ съ Днѣпровскими порогами, гдѣ по всѣмъ признакамъ лежала священная страна Герросъ, въ которой находились царскія кладбища.

Изъ описанія Геродота мы видимъ, что Скиѳы по большей части вели еще кочевый образъ жизни, и слѣдовательно главное богатство ихъ заключалось въ стадахъ, а семейства ихъ жили въ войлочныхъ кибиткахъ, которыя въ случаѣ передвиженія запрягались парою быковъ. Они отличные наѣздники и стрѣлки, любятъ независимость и умѣютъ охранять ее отъ иноземныхъ завоевателей съ помощію своихъ неизмѣримыхъ степей. Они любятъ паровыя бани какъ истые предки восточныхъ Славянъ; любятъ праздники и пиршества, на которыхъ охотно и много пьютъ. Религія

ихъ, какъ и другихъ арійцевъ, кромѣ почитанія предковъ, есть обожаніе главныхъ силъ природы, преимущественно земли, неба, солнца и пр.; но какъ народъ воинственный они болѣе всего чествуютъ бога войны, которому приносятъ человѣческія жертвы. Можетъ быть этотъ богъ былъ вмѣстѣ и богомъ громовникомъ. Къ сожалѣнію Геродотъ не приводитъ его туземнаго имени (Яровитъ? Туръ? Воданъ? Перунъ? Радегастъ?). Религія Скиѳовъ, при всей ихъ набожности, не достигла такого развитія, чтобы имѣла для себя особый, вліятельный классъ жрецовъ; мы находимъ только гадателей или волхвовъ. Въ характерѣ Скиѳовъ мало задатковъ для развитія ѳеократіи. Напротивъ мы встрѣчаемъ у нихъ довольно сильную царскую власть, и даже съ чертами деспотизма; власть эта была наслѣдственною въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Въ эпоху Геротода Царскіе Скиѳы раздѣлялись на три главныя орды, и каждая имѣла своихъ особыхъ князей, во главѣ которыхъ стояли старшіе въ родѣ; а въ общихъ дѣлахъ, напримѣръ въ войнѣ съ сильнымъ непріятелемъ, скиѳскіе князья имѣли обычай собираться на сеймъ и принимать рѣшенія съ общаго совѣта. Князь главной или самой сильной орды есть въ тоже время и старшій надъ другими, т. е. великій князь. Но всѣ эти отношенія, основанныя на старшинствѣ, конечно не устраняли внутреннихъ распрей и междоусобій. Въ числѣ скиѳскихъ обычаевъ мы видимъ судебный поединокъ въ присутствіи царя; побѣдитель, конечно съ его соизволенія, отрубалъ побѣжденному голову и дѣлалъ изъ нея чашу. Этотъ обычай вѣроятно представлялъ въ первобытномъ, т. е. буквальномъ, значеніи то, что впослѣдствіи называлась у насъ „выдача головою".

Гдѣ кончались собственно скиѳскія племена и начинались тѣ, которыя хотя и обитали въ Скиѳіи, но принадлежали къ другимъ семействамъ, о томъ судить трудно. Геродотъ впрочемъ прямо отличаетъ нѣкоторые народы, называя ихъ нескиѳскими или замѣчая, что такой то народъ одѣвается по-скиѳски, но имѣетъ особый языкъ, каковы напримѣръ Андрофаги и Меланхлены, по всей вѣроятности племена Чудскія. Агриппеи, обитавшіе гдѣ то у подошвы Уральскихъ горъ, судя по ихъ наружности, должны быть отнесены къ Монгольскому семейству. Самые Скиѳы не составляли одной

народности: слова Геродота о скиѳскихъ путешественникахъ, которые должны были имѣть съ собою до семи переводчиковъ, указываютъ, что скиѳскіе народы говорили на разныхъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи развились конечно языки Готскій, Славянскій и Литовскій. Къ Восточно-германской или такъ наз. Готской вѣтви по всей вѣроятности принадлежали и Агатирсы; но главную массу остальныхъ Скиѳовъ—Царскіе, Сарматы, Будины, Невры—составляла семья народовъ славяно-литовскихъ. По своему числу и значенію въ Скиѳіи преобладало конечно Славянское племя.

Итакъ самый полный обзоръ Скиѳскаго міра оставилъ намъ Геродотъ. Послѣ него многіе писатели классическихъ народовъ упоминаютъ о Скиѳахъ; но по большей части они повторяютъ и видоизмѣняютъ извѣстія отца исторіи, мало прибавляя къ нимъ новыхъ важныхъ свѣдѣній. Для Грековъ Скиѳскій міръ долго еще служилъ источникомъ фантастическихъ заманчивыхъ разсказовъ. Такъ Аристотель упрекалъ Аѳинянъ въ томъ, что они цѣлые дни проводятъ на площадяхъ, чтобы слушать чудесныя повѣствованія людей, воротившихся съ береговъ Фазиса и Бористена.

Античные писатели, касавшіеся Скиѳіи, сообщаютъ намъ такое множество народныхъ именъ, въ которомъ можно совершенно потеряться, если упустить изъ виду, что одинъ и тотъ же народъ не только въ разныя времена, но въ одну и ту же эпоху былъ извѣстенъ подъ различными именами. Слово „Скиѳы" все болѣе и болѣе пріобрѣтало географическій смыслъ; иногда оно обнимало весь сѣверъ Европы и Азіи, а рѣка Танаисъ, по понятію древнихъ географовъ, дѣлила Скиѳію на Европейскую и Азіатскую. Другое названіе, употреблявшееся для означенія скиѳскихъ народовъ, было „Геты", такъ что кромѣ собственныхъ Гетовъ, жившихъ на нижнемъ Дунаѣ, мы встрѣчаемъ Туригетовъ (т. е. Гетовъ рѣки Турасъ или Днѣстръ), потомъ Тиссагетовъ, Танаигетовъ, Массагетовъ и пр. Названіе Геты или Готы первоначально, также какъ и названіе Скиѳы, обнимало равно народы германскіе и славяно-литовскіе; но впослѣдствіи оно сосредоточилось преимущественно надъ племенами восточно-германскими или собственно готскими. А народы Славянолитовской семьи обозначались въ особенности

словомъ „Савроматы“ или просто „Сарматы“, такъ что во времена Римлянъ названіе Сарматъ стало противополагаться названію Германцевъ. Впрочемъ имя Скиѳовъ на долго еще осталось за обитателями Восточной Европы, и пережило имя Сарматовъ.

Въ своемъ описаніи Скиѳовъ Геродотъ прибавляетъ, что они имѣютъ замѣчательное нерасположеніе къ иноземнымъ обычаямъ; даже жители какой либо области не хотятъ слѣдовать обычаямъ другой съ ними сосѣдней; особенно они удаляются отъ обычаевъ греческихъ. Но не даромъ соприкасаются они съ Эллинскимъ міромъ, который выслалъ въ ихъ сторону многочисленныя колоніи. Этотъ міръ оказываетъ на нихъ неотразимое вліяніе. Одаренные воспріимчивостью и значительною способностію къ умственному развитію, Скиѳы мало по малу подчиняются чужеземному вліянію. Часть ихъ уже обратилась къ земледѣлію и снабжаетъ хлѣбомъ эллинскіе рынки. Нѣкоторые роды даже смѣшались съ греческими выходцами и произвели племя Эллино-Скиѳовъ. Только такъ наз. Царскіе Скиѳы еще ревниво сохраняютъ свой бытъ; но и они не могутъ защитить себя отъ вторженія эллинскихъ понятій и обычаевъ. Послѣдніе проникаютъ въ среду скиѳской знати вмѣстѣ съ предметами роскоши, которые доставляла ей эллинская промышленность, а также вмѣстѣ съ царскими женами, которыя иногда происходили изъ народовъ, находившихся подъ болѣе непосредственнымъ эллинскимъ вліяніемъ.

III.

Эллинскія колоніи.—Ольвія.—Жертвы эллинскаго вліянія.—Возобновленный городъ.

Предпріимчивые Эллины со временъ далекой древности посѣщали берега Понта. Это море, какъ извѣстно, представляетъ глубокій бассейнъ, почти безъ острововъ и мелей, мало соленый по причинѣ большаго количества впадающей въ него прѣсной воды. Морскія бури и хищные обитатели береговъ побудили Грековъ сначала дать этому морю названіе Аксинскаго, т. е. „Негостепріимнаго“. Но

впослѣдствіи, когда они ближе съ нимъ ознакомились, завели торговыя сношенія съ туземцами и основали здѣсь колоніи, то перемѣнили прежнее названіе въ противуположное, т. е. именовали Понтъ Эвксинскимъ или „Гостепріимнымъ“.

Понтійскія колоніи Эллиновъ размножались постепенно, и мало по малу покрыли сначала южные берега Понта, а потомъ и сѣверные. На южномъ берегу важнѣйшими были: Иракдея, Синопъ, Трапезундъ. Но мы обратимъ вниманіе собственно на колоніи сѣвернаго берега, простирающагося между устьями Истра и Фазиса (Дуная и Ріона). Не будемъ перечислять всѣхъ встрѣчающихся на этомъ берегу городовъ, изъ которыхъ многіе были только небольшими поселеніями или факторіями колоній болѣе значительныхъ. Назовемъ самые извѣстные: Тирасъ при устьѣ рѣки Тираса или Днѣстра, Ордисосъ, приблизительно на Тилигульскомъ лиманѣ, Ольвія на сліяніи Буга съ Днѣпромъ, Каркинитъ около Перекопскаго залива, Херсонесъ въ югозападномъ углу Таврическаго полуострова, съ сосѣднею ему Гаванью Символовъ или Палакіонъ (нынѣ Балаклава), Ѳеодосія, Нимфеонъ и Пантикапея, оба послѣдніе на европейской сторонѣ Воспора Киммерійскаго; на его азіатской сторонѣ, т. е. на Таманскомъ полуостровѣ, лежали Ѳанагорія, Гермонасса и Горгиппія, Гавань Синдовъ — на ближнемъ кавказскомъ берегу и наконецъ Діоскуры—около устьевъ Ріона. Самая сѣверная греческая колонія въ скиѳской землѣ была Танаисъ, на устьяхъ рѣки того же имени.

Остановимъ свое вниманіе только на самыхъ важнѣйшихъ колоніяхъ сѣвернаго берега, каковы: Ольвія, Херсонесъ и Пантикапея; онѣ имѣютъ богатую исторію, а послѣдняя, т. е. Пантикапея, была долгое время центромъ довольно сильнаго и обширнаго государства Воспорскаго.

Ольвія принадлежала къ самымъ древнимъ греческимъ поселеніямъ на берегахъ Чернаго моря. Она основана приблизительно за шесть вѣковъ до Р. Х. выходцами изъ іонійскаго города Милета, который, какъ извѣстно, велъ обширную торговлю на Черномъ морѣ и вывелъ туда множество колоній. Жители Ольвіи назывались у древнихъ писателей по большей части Бористенитами; хотя этотъ

городъ расположенъ былъ на правомъ берегу Гупаниса (Буга) и отдѣлялся отъ Бористена полуостровомъ, который заключается между устьями этихъ двухъ рѣкъ. Акрополь Ольвіи возвышался на небольшомъ прибрежномъ холмѣ, а у подошвы этого холма на ровной площади лежалъ самый городъ. Въ Акрополѣ находились храмы въ честь Аполлона, божества наиболѣе чтимаго Ольвіополитами; кромѣ того у нихъ были храмы Зевеса, Діониса и др. Изъ миѳическихъ героевъ особымъ почитаніемъ пользовался Ахиллъ. Не одинъ миѳъ связывалъ память объ этомъ героѣ съ сосѣдними берегами Чернаго моря. Такъ длинный полуостровъ, ограждающій съ юга Днѣпровскій лиманъ, назывался у Грековъ „Бѣгъ Ахилла“, и преданіе разсказывало, что на этомъ полуостровѣ Ахиллъ совершилъ свои первые гимнастическіе подвиги. У самаго входа въ Днѣпровскій или Березанскій лиманъ лежитъ островъ Березань, называвшійся у Грековъ Борисгенисъ, а въ средніе вѣка св. Ееерія; этотъ островъ принадлежалъ Ольвіополитамъ и былъ посвященъ также Ахиллу, въ честь котораго здѣсь построенъ храмъ. Еще болѣе замѣчателенъ храмъ Ахилла, находившійся на островѣ Левке (теперь Ѳидониси или Змѣиный), который одиноко возвышается посреди черноморскихъ волнъ противъ устьевъ Дуная. Преданіе говорило, что на этомъ островѣ мать Ахилла Ѳетида схоронила его тѣло. Левке служилъ убѣжищемъ во время бури и мѣстомъ отдохновенія для мореплавателей, которые приносили здѣсь жертвы Ахиллу и клали деньги въ его храмѣ. Въ нашемъ столѣтіи, вмѣстѣ съ остатками Ахиллова храма, на этомъ островѣ найдено большое количество монетъ, принадлежавшихъ разнымъ греческимъ государствамъ.

Устройствомъ своимъ Ольвійская республика напоминала Аѳины, отъ которыхъ получила начало самая метрополія Ольвійцевъ, т. е. Милетъ. Законодательная власть принадлежала народному собранію, а текущими дѣлами завѣдывали „совѣтъ“ и архонты; за ними слѣдовали стратиги, агораномы, астиномы и другіе выборные чиновники. Ольвіополиты прежде всего конечно должны были заботиться о крѣпости своихъ стѣнъ и башенъ для защиты отъ сосѣднихъ Скиѳовъ. Тамъ, гдѣ не доставало силы, они употребляли ловкую политику: богатыми дарами, или просто

условленною данью, они покупали покровительство чего либо изъ наиболѣе сильныхъ скиѳскихъ князей, и съ его помощью обезпечивали себѣ мирное занятіе торговлею. Нѣкоторыя скиѳскія племена, жившія на сосѣднихъ равнинахъ Гупаниса и Борисѳена, мало по малу вошли въ торговыя связи съ греческими поселенцами и начали снабжать ихъ произведеніями своей страны. Главными предметами ольвійской торговли служили рыба, хлѣбъ, соль, кожи и другія сырыя произведенія, вывозимыя изъ Скиѳіи вмѣстѣ съ большимъ количествомъ рабовъ.

Выше мы сказали, что Скиѳы, по замѣчанію Геродота, имѣли нерасположеніе къ иноземнымъ обычаямъ; но сосѣдство греческихъ колоній незамедлило произвести на нихъ неотразимое вліяніе. Тогда въ Скиѳскомъ мірѣ возникла борьба старыхъ обычаевъ съ новыми понятіями, вторгавшимися со стороны міра Эллинскаго. Притягательная сила послѣдняго обнаружилась между прочимъ въ сферѣ религіозныхъ понятій и обрядовъ, противъ чего въ особенности поднялось негодованіе истыхъ Скиѳовъ. Борьба эта имѣла свои жертвы, доказательствомъ чему служитъ судьба Анахарсиса и Скилеса, разсказанная тѣмъ же отцомъ исторіи.

Анахарсисъ принадлежалъ къ царскому роду; онъ былъ сынъ царя Гнура, внукъ Лыка и правнукъ царя Спаргапита. Онъ много путешествовалъ по греческимъ городамъ и вездѣ обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ. На возвратномъ пути въ отечество, онъ, плывя по Геллеспонту, присталъ въ Кизикѣ въ то время, когда жители этого города съ большимъ торжествомъ отправляли празднество Матери боговъ. Анахарсисъ далъ обѣтъ: если онъ возвратится благополучно, то принесетъ этой богинѣ такую же жертву и съ тѣми же обрядами, которые видѣлъ въ Кизикѣ. Когда онъ прибылъ въ Гилею, т. е. ту скиѳскую страну, которая лежала около Ахиллова Бѣга (Кинбурнской косы), то съ тимпаномъ въ рукѣ началъ совершать служеніе богинѣ, украсивъ себя ея изображеніями. Одинъ скиѳъ, усмотрѣвъ его въ такомъ видѣ, донесъ о томъ брату его царю Савлію. Послѣдній тотчасъ отправился къ Анахарсису, и, убѣдясь въ справедливости доноса, убилъ брата стрѣлою. Даже до сихъ поръ — прибавляетъ Геродотъ, —

когда говорятъ объ Анахарсисѣ, то Скиѳы дѣлаютъ видъ, что не знаютъ его, такъ какъ онъ былъ въ Греціи и наблюдалъ иноземные обычаи; впрочемъ другіе Греки, именно Пелопонезцы, разсказываютъ о немъ нѣсколько иначе. (Это разногласіе греческихъ разсказщиковъ и невѣденіе о немъ Скиѳовъ заставляютъ подозрѣвать, что Анахарсисъ едва ли былъ лицо историческое).

Довольно времени спустя послѣ Анахарсиса, потомокъ того же Савлія, сынъ царя Аріапита, Скилъ, имѣлъ ту же участь. У Аріапита было много дѣтей; одинъ изъ нихъ, Скилъ, родился отъ жены истріанки (т. е. изъ Подунайской страны), которая научила его греческому языку и греческой грамотѣ. Когда Спаргапитъ, царь Агатирсовъ, измѣннически убилъ Аріапита, Скилъ наслѣдовалъ отцу. Онъ питалъ большое расположеніе къ греческимъ обычаямъ, и, когда приходилъ къ Ольвіи съ своимъ войскомъ, то послѣднее оставлялъ обыкновенно въ полѣ, а самъ входилъ въ городъ и приказывалъ запирать за собою ворота. Тутъ, снявъ скиѳскую одежду и надѣвъ греческую, Скилъ показывался въ публичныхъ мѣстахъ безъ стражи и безъ всякой свиты. Въ это время надежные люди стерегли у воротъ, чтобы не прокрался какой нибудь скиѳъ и не увидалъ царя въ греческой одеждѣ. Побывъ такимъ образомъ въ городѣ съ мѣсяцъ или болѣе, Скилъ опять надѣвалъ скиѳское платье и возвращался къ своему войску. Онъ даже взялъ жену изъ гречанокъ и построилъ себѣ въ Ольвіи прекрасный, просторный дворецъ, украшенный снаружи сфинксами и грифонами. Во время жертвоприношеній Скилъ соблюдалъ греческіе обряды, и наконецъ пожелалъ принять участіе въ мистеріяхъ Діониса или Вакха. Когда начали посвящать его въ эти таинства, совершилось великое знаменіе: молнія ударила въ его дворецъ и превратила его въ пепелъ. Скилъ тѣмъ не менѣе продолжалъ начатую церемонію. Скиѳы упрекали Грековъ преимущественно за ихъ вакханаліи и считали безуміемъ представлять себѣ, будто само божество побуждаетъ людей къ такому бѣснованію. Однажды какой-то борисфенитъ, т. е. ольвіецъ, пришелъ въ лагерь Скиѳовъ и сказалъ имъ: „вы смѣетесь надъ тѣмъ, что во время вакхическаго празднества нами овладѣваетъ богъ; но онъ завладѣлъ и вашимъ царемъ, приводитъ его

въ изступленіе и мутитъ его разумъ. Если не вѣрите, то послѣдуйте за мною". Скиѳскіе старѣйшины отправились за нимъ, и бористенитъ провелъ ихъ на башню, откуда они увидали Скила, проходящаго мимо съ праздничною толпою, въ бѣшеной вакханаліи. Старѣйшины были очень опечалены этимъ зрѣлищемъ и донесли о томъ всему войску. Возвращаясь къ своимъ, Скилъ узналъ, что его подданные возмутились и провозгласили царемъ его брата Октамазада. Тогда онъ убѣжалъ къ дядѣ своему по матери ѳракійскому царю Ситалку. Октамазадъ преслѣдовалъ его съ скиѳскимъ войскомъ, и на берегахъ Истра встрѣтился съ войскомъ Ситалка. Но дѣло не дошло до битвы. Октамазадъ согласился выдать ѳракійскому царю другаго своего дядю по матери, бѣжавшаго къ Скиѳамъ отъ преслѣдованій брата своего Ситалка; а послѣдній племяннику своему Октамазаду выдалъ другаго своего племянника, т. е. Скила. Какъ только Октамазадъ получилъ въ свою власть Скила, то приказалъ тотчасъ отрубить ему голову.

Скиѳскія племена, обитавшія въ сосѣднихъ съ Ольвіей степяхъ, очевидно вели между собою частыя войны; нерѣдко слабѣйшія должны были отодвигаться и уступать свое мѣсто ордамъ болѣе сильнымъ, болѣе дикимъ. Такъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., около времени Александра Македонскаго, мы находимъ Ольвіополитовъ платящими довольно тяжелую дань Сайтафарну, царю скиѳосарматскаго племени Сайевъ. Ольвіополиты даже начали чеканить монеты съ именемъ тѣхъ скиѳскихъ царей, которымъ они платили дань; такъ мы имѣемъ ольвійскія монеты съ именами Канита, Саріа, Иліоса, Фарзоя, Скилура и др. Около половины перваго вѣка до Р. Х. Ольвію постигло великое бѣдствіе. Въ это время усилились Геты, обитавшіе близъ нижняго Дуная; подъ начальствомъ своего воинственнаго царя Беребиста они побѣдили окрестные народы и завоевали сѣверозападные берега Чернаго моря. Они разорили находившіяся въ этомъ краю эллинскія колоніи. Той же участи подверглась и богатая Ольвія; тѣ изъ ея жителей, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, были избиты, а прекрасный городъ сожженъ и разрушенъ.

Впрочемъ Ольвія не долго находилась въ запустѣніи. Могущество Гетовъ окончилось со смертію Беребиста; у

нихъ наступили обычныя междоусобія. Часть Ольвійцевъ, спасшаяся бѣгствомъ, воротилась на пепелище роднаго города, и начала возстановлять его съ помощію сосѣднихъ Скиѳовъ, которые нуждались въ немъ для своихъ торговыхъ потребностей. Городъ былъ возстановленъ, но въ другомъ, меньшемъ объемѣ, и онъ уже никогда не могъ достигнуть богатства и блеска прежней Ольвіи. Это обстоятельство отразилось и на памятникахъ возобновленнаго города, которые представляютъ болѣе грубую и менѣе роскошную отдѣлку. Самое населеніе его было смѣсью Эллиновъ съ варварами; о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся надписи, лишенныя правильности и чистоты классическаго языка и испещренныя именами сановниковъ очевидно варварскаго, т. е. скиѳскаго, происхожденія (каковы: Тумбагъ, Дадъ, Абабъ и пр.).

Любопытную картину Ольвіи въ концѣ перваго вѣка по Р. Х. изображаетъ намъ Діонъ Хризостомъ. Это былъ богатый грекъ изъ малоазіятской области Виѳиніи, отчасти философъ, но болѣе извѣстный какъ риторъ, т. е. славившійся своимъ краснорѣчіемъ. Онъ проживалъ въ Римѣ, когда тамъ наступило тираническое правленіе Домиціана. Діонъ бѣжалъ изъ Рима, и, принимая на себя роль то бродяги нищаго, то садовника или водовоза, преодолѣвъ большія трудности, онъ пробрался въ Мизію; здѣсь сѣлъ на корабль и прибылъ въ Ольвію съ намѣреніемъ отправиться отсюда черезъ Скиѳію къ Гетамъ, что потомъ и исполнилъ. По смерти Домиціана онъ опять воротился въ Римъ. Въ одномъ своемъ сочиненіи (подъ заглавіемъ „Бористенская рѣчь“) Діонъ описываетъ между прочимъ возобновленный городъ Ольвію. По его словамъ, онъ имѣлъ небольшія зданія, тѣсныя улицы, и занималъ только часть прежняго города; нѣкоторыя старыя башни были такъ удалены отъ обитаемой части города, что можно было усумниться, ему ли онѣ принадлежатъ; повсюду виднѣлись слѣды разрушенія; ни въ храмахъ, ни на памятникахъ надгробныхъ не осталось ни одного цѣльнаго изваянія.

Краснорѣчіе, философія и историческія познанія Діона скоро снискали ему уваженіе Бористенитовъ. Однажды онъ прогуливался на берегу Гипаниса; нѣкоторые граждане присоединились къ нему; тутъ они встрѣтили Каллистра-

та, который верхомъ возвращался въ городъ. Этотъ Каллистратъ былъ красивый и статный юноша, отличившійся своею храбростію въ битвахъ съ сосѣдними Сарматами. Онъ былъ препоясанъ большимъ мечемъ и одѣтъ по Скиѳски, т. е. носилъ широкіе панталоны и небольшой черный плащъ. Такъ одѣвались по большей части Бористтениты, перенявшіе многіе обычаи отъ Скиѳовъ и имѣвшіе въ своемъ населеніи сильную скиѳскую примѣсь. Всѣ они носили бороду и длинные волосы; а если кто, слѣдуя римской модѣ, подстригалъ волосы, то подвергался насмѣшкамъ и обвиненію въ лести къ Римлянамъ. Каллистратъ въ послѣднее время очень пристрастился къ краснорѣчію и философіи и показывалъ особую приверженность Діону. Увидавъ его, онъ сошелъ съ коня, котораго передалъ своему проводнику, и, закутавъ руку въ плащъ, съ выраженіемъ почтенія подошелъ къ ритору. Борисгениты какъ люди воинственные были усердными поклонниками Гомера и Ахилла, и знали почти наизусть всю Илліаду, хотя по гречески они говорили не совсѣмъ чисто, и между собой объяснялись нерѣдко по варварски, т. е. по скиѳски. Діонъ завелъ разговоръ о пѣсняхъ Гомера и шутя началъ отдавать предпочтеніе передъ нимъ ничтожному стихотворцу Фокилиду. Каллистратъ слушалъ неохотно, и наконецъ сказалъ:

„Гость, мы тебя любимъ и уважаемъ, но ни одинъ борисгенитъ не потерпитъ, чтобы ты говорилъ такъ о Гомерѣ и Ахиллѣ. Послѣдній для насъ богъ, а первый почитается наравнѣ съ богами“.

Чтобы изгладить минутное неудовольствіе отъ своей шутки, Діонъ предложилъ войти въ серьезное разсужденіе объ одномъ изрѣченіи Фокилида, а именно: „маленькій городъ, лежащій на плоской скалѣ, если въ немъ господствуетъ порядокъ, лучше и счастливѣе, чѣмъ большой городъ на обширной равнинѣ, въ которомъ живутъ безумные люди, безъ порядка и закона“. Эта тема какъ нельзя лучше подходила къ обстоятельствамъ. Впрочемъ, время было тревожное. Наканунѣ Скиѳы учинили нападеніе на сторожевые посты Борисгенитовъ и убили нѣкоторыхъ стражей; но подробности дѣла пока не были извѣстны; такъ какъ стражи, успѣвшіе спастись бѣгствомъ, пробира-

лись къ городу окольными путями и еще не успѣли придти. Городскія ворота были заперты и на стѣнахъ выставлены военные значки. Однако Ольвіополиты, какъ будто истые потомки Эллиновъ, изъявили большое удовольствіе послушать краснорѣчиваго гостя, и собрались вокругъ него, не покидая изъ рукъ оружія. Такъ какъ при ходьбѣ не могли всѣ удобно пользоваться его бесѣдою, то онъ предложилъ войти въ акрополь и тамъ гдѣ нибудь присѣсть. Тогда граждане поспѣшили въ храмъ Юпитера, который служилъ у нихъ мѣстомъ совѣщаній. Старшія и должностныя лица сѣли кругомъ на ступеняхъ, а прочіе остались на ногахъ, ибо площадка передъ храмомъ была очень тѣсна. Когда водворилась тишина, Діонъ началъ свое разсужденіе.

Со временъ Августа и Тиверія, Ольвія находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Римской имперіи или вѣрнѣе состояла подъ ея покровительствомъ. Настоящая зависимость отъ Рима установлена была Септиміемъ Северомъ, который стѣснилъ ея республиканскія учрежденія, на что указываютъ ольвійскія монеты: онѣ носятъ на себѣ изображенія этого императора и его преемниковъ до Александра Севера включительно. Дальнѣйшая судьба Ольвіи пока неизвѣстна. Этотъ городъ — служившій однимъ изъ главныхъ центровъ эллинскаго вліянія въ Скиѳскомъ мірѣ — по всей вѣроятности падалъ постепенно во времена великаго движенія варварскихъ народовъ *.

IV.

Херсонесъ. — Борьба съ варварами и Боспоритами. — Подвигъ Гикіи. — Христіанство.

Херсонесъ былъ основанъ столѣтій за пять до Р. Х. колонистами изъ Ираклеи Понтійской въ томъ углу Таврическаго полуострова, который лежитъ на югъ отъ настоящей Севастопольской бухты. По имени своей метрополіи этотъ

* Въ настоящее время довольно незначительные остатки Ольвіи находятся близъ села Порутино, Херсонской губерніи.

уголъ получилъ названіе Ираклейскаго полуострова. Берегъ Чернаго моря отъ помянутой главной бухты до югозападной оконечности своей или до мыса Партеніонъ изрѣзанъ цѣлымъ рядомъ бухтъ, представлявшихъ довольно удобныя пристани для кораблей. Первоначальный Херсонесъ былъ основанъ ближе къ мысу Партеніонъ, гдѣ находилось святилище какого то женскаго божества. Дикіе обитатели той мѣстности, Тавры, занимались морскимъ разбоемъ и въ жертву этому божеству приносили иноземцевъ, попадавшихъ въ ихъ руки. Извѣстенъ греческій миѳъ о дочери Агамемнона Ифигеніи, которая была нѣкоторое время жрицею при этомъ святилищѣ, а потомъ спасла отъ смерти своего брата Ореста и бѣжала съ нимъ въ отечество. Греческіе колонисты отождествили это божество варваровъ съ Артемидою, и начали воздавать ей почитаніе какъ покровительницѣ своего поселенія. Впослѣдствіи Херсониты перенесли свой городъ немного далѣе къ сѣверовостоку, т. э. ближе къ настоящему Севастополю, и основались окончательно на той части берега, который заключенъ между бухтами Корабельной и Стрѣлецкой. Здѣсь этотъ городъ скоро разцвѣлъ, благодаря торговому, предпріимчивому характеру жителей и своему выгодному положенію.

Ираклійскій полуостровъ, съ трехъ сторонъ окруженный моремъ, съ четвертой, именно съ восточной, былъ доступенъ нападеніямъ туземныхъ варваровъ. Херсониты постарались обезопасить себя и съ этой стороны. Перешеекъ, простирающійся на восемь верстъ, между концами бухтъ Севастопольской и Балаклавской, они перекопали рвомъ, позади котораго насыпали валъ; а потомъ вдоль вала провели стѣну со многими башнями, въ которыхъ размѣстилась стража. За этою стѣною Греки могли спокойно заниматься своими постройками, торговлею и обработкою почвы. И дѣйствительно Ираклейскій полуостровъ покрылся загородными дачами, садами и виноградниками, такъ что имѣлъ очень цвѣтущій видъ.

Но когда кому либо изъ сосѣднихъ тавроскиѳскихъ князей удавалось на время прекратить ихъ взаимныя распри и соединить племена подъ своею властію, то могущество его немедленно отражалось и на эллинскихъ колоніяхъ; послѣднія въ такомъ случаѣ подпадали зависимости отъ

варваровъ и принуждены были платить имъ дань. Такъ было между прочимъ во время тавроскиѳскаго царя Скилура, который распространилъ свое верховенство на всѣхъ Скиѳовъ отъ Херсонеса до Ольвіи. Вліяніе эллинской гражданственности на этихъ Тавроскиѳовъ очевидно изъ того обстоятельства, что Скилуръ повелѣвалъ уже не одними кочевниками; онъ строилъ укрѣпленные города и съ ихъ помощью старался упрочить свое владычество въ Крыму. Такъ ему приписываютъ построеніе трехъ городовъ, называвшихся Неополисъ (по всѣмъ признакамъ столица Скилура), слѣды котораго доселѣ существуютъ подлѣ Симферополя, Хавонъ и Палакіонъ; послѣдній, какъ полагаютъ, названъ такъ по имени старшаго сына Скилурова Палака, и имя его позднѣе перешло въ Балаклаву.

Тѣснимые Скилуромъ, Херсониты обратились за помощію къ Митридату Понтійскому, который около того времени овладѣлъ царствомъ Боспорскимъ. Митридатъ дѣйствительно послалъ имъ помощь, и Тавроскиѳы потерпѣли пораженіе подъ самою стѣною Ираклейскаго перешейка; три упомянутые города были взяты войсками Митридата. Эта помощь однако не дешево стоила Херсонесу: онъ лишился своей самостоятельности, т.е. долженъ былъ подчиниться Понтійско-Боспорскому царю, содержать его гарнизонъ и платить ему подати. Когда Митридатъ палъ въ борьбѣ съ Римлянами, то республика Римская оставила Херсонесъ въ зависимости отъ ея вассальнаго царства Боспорскаго. Но при императорахъ эта зависимость была отмѣнена, и Херсонесъ вошелъ въ непосредственное подчиненіе Риму, т. е. принялъ римскій гарнизонъ и сталъ платить дани въ римскую казну. Когда же Адріанъ, желая ограничить слишкомъ далеко раскинувшіеся предѣлы имперіи, отозвалъ войска изъ нѣкоторыхъ областей, лежавшихъ на сѣверной сторонѣ Чернаго моря, то Херсонесъ отчасти возвратилъ себѣ прежнее республиканское самоуправленіе; однако онъ остался въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Риму и продолжалъ платить дань.

Пользуясь долгимъ миромъ, подъ могущественнымъ покровительствомъ имперіи, Херсонесъ въ этотъ Римскій періодъ своей исторіи достигъ значительной степени процвѣтанія и силы. Онъ даже мало по малу началъ брать верхъ

надъ царствомъ Боспорскимъ. Послѣднее постоянно стремилось расширить свои предѣлы на все восточное побережье Таврическаго полуострова; но здѣсь встрѣтило себѣ дѣятельнаго соперника въ лицѣ Херсонитовъ. Къ эпохѣ этой борьбы относятся нѣкоторыя подробности, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ въ его сочиненіи объ Управленіи имперіей. Хотя подробности эти не отличаются полною достовѣрностію, но они даютъ намъ интересныя черты, характеризующія бытъ и время.

Въ правленіе императора Деоклетіана, боспорскій царь Савроматъ (V или VI-й въ точности неизвѣстно) соединясь съ Сарматами и другими народами, сопредѣльными Меотійскому морю, напалъ на римскія области за Кавказомъ и проникъ до рѣки Галиса. Деоклетіанъ отправилъ противъ него Констанція (отецъ Константина В.). Послѣдній не могъ вытѣснить изъ Малой Азіи сильнаго непріятеля, и предложилъ Деоклетіану отвлечь его нападеніемъ на его собственное государство; для чего совѣтовалъ обратиться къ Херсонитамъ. Деоклетіанъ послушалъ этого совѣта, и послѣдствія вполнѣ оправдали дальновидность Констанція. Херсониты собрали гарнизоны изъ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, вооружили военныя колесницы, снабдивъ ихъ пращниками и стрѣлками, и вторглись въ Боспорское царство. Боспориты были побѣждены, и самая ихъ столица попала въ руки непріятеля. Тогда Савроматъ заключилъ миръ съ Римлянами и поспѣшилъ воротиться. Въ награду за эту помощь Деоклетіанъ даровалъ Херсонесу свободу отъ податей.

Въ царствованіе Константина Великаго Херсониты вели войну съ Савроматомъ VI Боспорскимъ, и отодвинули свою сѣверовосточную границу до самаго города Каѳы или Ѳеодосіи; около этого города главнымъ образомъ происходила потомъ борьба Херсонитовъ и Боспоритянъ за границы. Спустя нѣсколько лѣтъ, Савроматъ VII пытается отомстить Херсонитамъ неудачи своихъ предшественниковъ. Они выступили противъ него подъ начальствомъ своего протевона; такъ назывался ихъ главный сановникъ. Протевономъ на этотъ разъ былъ нѣкто Фарнакъ, который не отличался ни ростомъ, ни силою, но былъ ловокъ и находчивъ; видя многочисленность непріятелей, онъ предложилъ Савро-

мату рѣшить дѣло единоборствомъ. Царь Боспорскій былъ высокъ и силенъ; кромѣ того онъ надѣялся на крѣпость своихъ доспѣховъ, и охотно принялъ предложеніе. Начался поединокъ. Фарнакъ постарался принять такое положеніе, что Савроматъ долженъ былъ стать спиною къ Херсонитамъ; тогда послѣдніе, заранѣе наученные протевономъ, подняли крикъ. Савроматъ невольно повернулъ голову, чтобы узнать причину. Фарнакъ воспользовался мгновеніемъ и ударилъ копьемъ въ ту часть шеи, которая открылась при поворотѣ головы. Такимъ образомъ Савроматъ былъ убитъ, и Боспориты признали себя побѣжденными.

Одинъ изъ послѣдующихъ боспорскихъ царей, Асандръ II, задумалъ употребить коварство, чтобы отомстить Херсонитамъ. Протевономъ у нихъ былъ въ то время Ламахъ, имѣвшій единственную дочь Гикію. Асандръ предлагаетъ Херсонитамъ свою дружбу, а въ видахъ ея укрѣпленія проситъ руку Гикіи для одного изъ своихъ сыновей. Херсониты согласились, но, не довѣряя царю поставили условіемъ, чтобы его сынъ навсегда поселился въ ихъ городѣ и ни въ какомъ случаѣ не возвращался бы въ Боспоръ. Асандръ принялъ это условіе, и бракъ былъ заключенъ. Ламахъ имѣлъ большія богатства; его домъ примыкалъ къ одной изъ херсонескихъ бухтъ; онъ былъ такъ обширенъ, что имѣлъ особыя отдѣленія, въ которыхъ помѣщались цѣлые табуны лошадей, стада овецъ, быковъ коровъ и проч. Самъ Ламахъ вскорѣ умеръ, и Гикія установила ежегодное празднество въ память своего отца. Мужъ ея задумалъ воспользоваться этимъ празднествомъ, чтобы захватить городъ въ свои руки.

По предложенію сына, Асандръ время отъ времени присылалъ къ нему по десяти или по двѣнадцати храбрыхъ юношей. Подъ предлогомъ свиданія съ царскимъ сыномъ они приходили въ городъ; а черезъ нѣсколько дней выходили изъ него въ главныя ворота; но ночью возвращались, и на лодкѣ приставали къ той бухтѣ, которая примыкала къ дому Ламаха. Довѣренныя лица скрывали ихъ въ уединенныхъ отдѣленіяхъ дома. Такимъ образомъ къ третьему празднеству въ память Ламаха набралось до 200 боспорскихъ воиновъ, и въ ночь послѣ этого торжества, когда граждане отуманенные винными парами предадутся успо-

коенію, сынъ Асандра рѣшилъ напасть на городъ. Сама Гикія ничего не знала объ умыслѣ своего мужа. Но утромъ того дня одна изъ ея служанокъ, разыскивая упавшее изъ рукъ веретено, приподняла половой кирпичъ, и сквозь открывшееся отверстіе увидала въ нижнемъ жильѣ толпу вооруженныхъ людей. Она поспѣшила сообщить о томъ своей госпожѣ. Гикія поняла всю опасность и предупредила о ней городскія власти; но предварительно взяла съ нихъ клятву въ томъ, что послѣ своей смерти она будетъ погребена въ самомъ городѣ. Чтобы не возбудить подозрѣнія въ мужѣ, она посовѣтовала гражданамъ отправлять праздненство какъ и въ прошлые годы, а вечеромъ потихоньку подложить къ ея дому дрова и хворостъ, напитанный масломъ. Мужа своего она постаралась напоить допьяна и уложить его въ постель; сама же съ служанками оставила домъ, который тотчасъ и былъ подожженъ съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ сынъ Асандра погибъ со всей своей дружиной. Въ честь Гикіи благодарные граждане воздвигли нѣсколько статуй, изображавшихъ ее въ разные моменты ея подвига. А послѣ своей смерти она дѣйствительно была погребена въ самомъ городѣ.

Событія эти происходили повидимому въ первой половинѣ IV вѣка. Языческая религія еще продолжала господствовать въ Понтійскихъ колоніяхъ; но мало по малу она должна была уступить свое господство новой религіи. Начало христіанской проповѣди въ Тавридѣ относится еще къ первому вѣку. Такъ, по преданію, апостолъ Андрей приходилъ изъ Синопа въ Херсонесъ, а отсюда отправлялся проповѣдывать Евангеліе къ народамъ Скиѳіи. Во второмъ вѣкѣ, сюда былъ сосланъ императоромъ Траяномъ римскій епископъ св. Климентъ, осужденный на работы въ каменоломняхъ Инкермана. Когда же императоръ узналъ, что Климентъ многихъ жителей обратилъ въ христіанство, то приказалъ бросить его въ море. Въ царствованіе извѣстнаго гонителя христіанъ Деоклетіана патріархъ іерусалимскій Германъ отправилъ въ Тавриду миссіонерами двухъ епископовъ, Василія и Ефрема; оба они погибли тамъ мученическою смертью. Туже участь имѣли и три ихъ преемника (Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ). Вообще Херсониты отличались большою приверженностію къ своимъ языческимъ бо-

жествамъ. Къ этой то эпохѣ гоненія на христіанъ, по всей вѣроятности, относятся тѣ пещерные храмы, въ которые тайкомъ собирались вѣрующіе и остатки которыхъ мы находимъ въ окрестностяхъ Херсонеса, преимущественно въ скалахъ Инкерманскихъ.

Въ царствованіе Константина Великаго наконецъ наступило для христіанъ болѣе счастливое время. Епископъ Ееерій построилъ въ Херсонесѣ первую христіанскую церковь, куда вѣрующіе начали собираться уже открыто. Окончательно христіанство утверждено было въ Херсонесѣ преемникомъ Ееерія Капитономъ. По словамъ легенды, мятежная толпа язычниковъ требовала отъ него чуда, и онъ въ теченіе цѣлаго часа невредимо пробылъ въ пылающей печи, возсылая молитвы. Этотъ Капитонъ присутствовалъ на первомъ Никейскомъ соборѣ. Подобно пяти первымъ херсонесскимъ епископамъ, поприще свое онъ заключилъ мученическимъ вѣнцомъ: во время одного изъ своихъ путешествій въ Константинополь онъ былъ утопленъ Скиѳами, жившими около Днѣпровскаго устья. Вообще, рядомъ съ распространявшимся христіанствомъ въ Херсонской области долго еще процвѣтало язычество. Нерѣдко въ одной и той же семьѣ одни члены исповѣдывали новую религію, а другіе оставались при старой. На это ясно указываютъ дошедшіе до насъ фамильные склепы Херсонитовъ, въ которыхъ мы находимъ совмѣстные слѣды погребенія языческаго и христіанскаго. Херсонская или Корсунская церковь имѣетъ для насъ особую важность какъ непосредственный источникъ нашего русскаго христіанства.

При раздѣленіи Римской имперіи Херсонесъ былъ причисленъ къ Восточной половинѣ. Зависимость его отъ Византіи продолжалась до самаго ея паденія. Въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ Тавриду вторглись новые варвары; но Херсонесъ въ числѣ немногихъ городовъ устоялъ противъ ихъ напора и не подвергся разрушенію.

V.

Пантикапея и Боспорское царство.—Спардокиды. — Расказъ Лукьяна.

Отъ югозападной оконечности Тавриды перейдемъ къ его сѣверовосточному углу, который въ теченіе цѣлаго ряда

вѣковъ былъ средоточіемъ полуэллинскаго, полуварварскаго государства, извѣстнаго подъ именемъ царства Боспорскаго. Центромъ его была Пантикапея. Этотъ городъ, подобно Ольвіи, основанъ колонистами изъ Милета; но онъ гораздо моложе Ольвіи: начало его относятъ къ 511 году до Р. Х., т. е. ко времени, заключавшемуся между походомъ Дарія въ Скиѳію и возстаніемъ Милетянъ противъ Персовъ; послѣднее, какъ извѣстно, окончилось разореніемъ Милета.

Географическое положеніе Пантикапеи весьма замѣчательно. Она была основана въ глубинѣ пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, того пролива, который у Грековъ именовался Боспоромъ Киммерійскимъ; такъ какъ первоначальные обитатели этой страны, по греческимъ извѣстіямъ, были Киммеріяне. Окрестная область имѣетъ довольно ровный, степной характеръ; ее пересѣкаетъ небольшая цѣпь холмовъ, идущая къ проливу. Послѣдній изъ этихъ холмовъ упирается прямо въ проливъ и господствуетъ надъ сосѣднею бухтою; онъ послужилъ мѣстомъ для Пантикапейскаго акрополя, у подошвы котораго расположился самый городъ. (Теперь этотъ холмъ извѣстенъ подъ именемъ горы Митридата). Названіе Пантикапеи по всей вѣроятности мѣстнаго, т. е. скиѳскаго, происхожденія; оно напоминаетъ Пантикапесъ, одну изъ скиѳскихъ рѣкъ приводимыхъ Геродотомъ. Но Греки не замедлили сблизить это названіе съ именемъ своего бога Пана: отсюда особое почитаніе этого бога какъ покровителя Пантикапеи и его изображеніе на ея монетахъ. Она является далеко не единственнымъ поселеніемъ на берегу Киммерійскаго Боспора; напротивъ, этотъ уголъ Тавриды былъ особенно богатъ греческими колоніями, каковы: Парѳеніонъ, Киммеріонъ, Нимфеонъ, Киты, Мирмикіонъ и др. Но Пантикапея скоро заняла между ними первенствующее положеніе. Почти въ одно время съ ея началомъ положено было основаніе греческимъ колоніямъ и на другомъ берегу Боспора, т. е. на островѣ, заключенномъ между устьями рѣки Гупаниса (Кубани); изъ числа этихъ колоній самою значительною является Ѳанагорія, по имени которой названъ и весь островъ; кромѣ того извѣстны: Гермонасса, Корокондама, Горгиппія и пр.

По всѣмъ признакамъ, земля, на которой основались греческіе поселенцы, была уступлена имъ туземными Скиѳами за извѣстную плату или за ежегодную дань. Пантикапейскій акрополь, недоступный съ моря, былъ довольно доступенъ со стороны суши; такъ какъ онъ почти ничѣмъ не отдѣляется отъ примыкающей къ нему цѣпи холмовъ. По этому Пантикапейцы легко подвергались нападеніямъ сосѣднихъ Скиѳовъ и должны были напрягать всѣ усилія для защиты съ этой стороны. Кромѣ того, проливъ и отчасти самое Азовское море въ суровыя зимы покрывались льдомъ и представляли тогда удобный путь для кочевыхъ народовъ, которые конечно имъ пользовались; отсюда происходили частыя передвиженія и набѣги съ Европейской стороны на Азіатскую и на оборотъ. Эта постоянная внѣшняя опасность побуждала греческихъ поселенцевъ въ томъ краю къ ихъ взаимному сближенію и къ сосредоточенію своихъ силъ подъ гегемоніей самаго значительнаго города, т. е. Пантикапеи. Такое направленіе весьма естественно заставляло ихъ постепенно жертвовать частью своего республиканскаго быта и подчиняться началу монархическому. Это начало возобладало тѣмъ легче, что населеніе греческихъ колоній въ томъ краю получало сильную туземную примѣсь: колонисты вообще мало привозили съ собою женщинъ и по необходимости должны были вступать въ бракъ съ туземками; отсюда происходили новыя поколѣнія полуварварскія, полугреческія. Боспориты, точно также какъ и Херсониты, оградили свой уголъ со стороны Тавроскиѳскихъ племенъ большимъ валомъ, который отдѣлялъ Трахейскій (нынѣ Керченскій) полуостровъ отъ остальной Тавриды и упирался однимъ концемъ въ Азовское море, а другимъ въ Черное.

Послѣ краткаго владычества знатной фамиліи Археанактидовъ, въ Пантикапеѣ воцарился Спартокъ, родоначальникъ династіи, которая господствовала болѣе трехсотъ лѣтъ (438—115 до Р. Х.) и съ которой связанъ блестящій періодъ Боспорскаго государства. Во время этой династіи Пантикапея процвѣла, укрѣпилась и не только объединила подъ своимъ главенствомъ греческія поселенія на Европейской и Азіатской сторонѣ Боспора, отъ Ѳеодосіи до города Танаиса включительно,—но и покорила часть сосѣднихъ варварскихъ племенъ, жившихъ между Меотійскимъ моремъ и

западнымъ краемъ Кавказа, каковы: Меоты, Синды, Дандаріи и др. Дошедшія до насъ надписи, начертанныя большею частію на мраморныхъ плитахъ, свидѣтельствуютъ объ умной, умѣренной политикѣ Спартокидовъ: на этихъ надписяхъ они именуютъ себя обыкновенно архонтами Боспора, царями Синдовъ и „всѣхъ" Меотовъ. Очевидно они щадили республиканскія воспоминанія и привычки эллинскихъ колонистовъ и принимали царскій титулъ только по отношенію къ варварамъ, а для Грековъ какъ бы оставались только высшими сановниками республики. Вообще, государственныя учрежденія Боспоритовъ въ эту эпоху представляли соединеніе республиканскихъ формъ съ умѣренной монархіей.

Изъ преемниковъ Спартока наиболѣе замѣчателенъ Левконъ I (393—353 г.); онъ завелъ значительный флотъ, и завоевалъ городъ Ѳеодосію, важный по своей прекрасной бухтѣ, вмѣщавшей до ста судовъ. Но слава Левкона главнымъ образомъ основана на его качествахъ правителя; греческіе писатели (Діодоръ и Хризостомъ) изображаютъ его образцомъ мудрыхъ и кроткихъ государей. Его заботы о торговлѣ и промышленности увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Главными предметами вывоза изъ боспорскихъ городовъ служили: пшеница, произраставшая на ихъ собственныхъ поляхъ, и рыба, которая въ большомъ количествѣ ловилась въ проливѣ и Азовскомъ морѣ и вывозилась въ соленомъ видѣ; кромѣ того, отъ сосѣднихъ Скиѳовъ они въ изобиліи получали кожи, мѣха, воскъ, рабовъ и золото, добываемое въ горахъ Уральскихъ и Алтайскихъ. Около того времени Пантикапея завязала дѣятельныя торговыя сношенія съ Аѳинами, и по огромному количеству вывозимой туда пшеницы сдѣлалась главною ихъ житницею. Левконъ не только даровалъ разныя льготы аѳинскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ его гавани для покупки хлѣба, но и во время неурожаевъ въ Аттикѣ отправлялъ въ подарокъ аѳинянамъ большіе запасы пшеницы. Также дѣйствовали въ отношеніи къ нимъ сынъ его Перисадъ I (348—311), который наслѣдовалъ добрыя качества своего отца, и внукъ Перисада I Спартокъ IV (304—289); оба они освобождали отъ пошлинъ пшеницу, вывозимую въ Аѳины, или просто посылали ее въ подарокъ. Благодарные Аѳиняне подносили этимъ царямъ званіе „аѳинскихъ гражданъ", вырѣзывали въ ихъ честь

хвалебныя надписи на мраморѣ, посылали имъ золотые вѣнки и воздвигали ихъ статуи въ своемъ акрополѣ. Великіе аѳинскіе ораторы Демосѳенъ и Изократъ въ своихъ рѣчахъ расточали похвалы боспорскимъ государямъ: Но важнѣйшимъ плодомъ такихъ дружественныхъ отношеній было непосредственное вліяніе аѳинской цивилизаціи на боспорскіе города. Это вліяніе укрѣпляло и поддерживало здѣсь духъ эллинизма и сдѣлалось источникомъ просвѣщенія.

Развитіе торговли и накоплявшіяся богатства возродили въ жителяхъ Пантикапеи вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ; ихъ городъ сдѣлался центромъ не только политической жизни, но и цѣлой отрасли греческаго искусства въ отдаленномъ Эллино-скиѳскомъ мірѣ. Въ этомъ наглядно убѣждаютъ насъ раскопки Керченскихъ и Таманскихъ кургановъ, въ которыхъ найдено множество всякаго рода изящныхъ и драгоцѣнныхъ предметовъ. Тѣже предметы доказываютъ однако, что эллинское искусство въ этомъ краю значительно видоизмѣнилось и пріобрѣло мѣстный характеръ. Произведенія его нерѣдко носятъ на себѣ очевидное вліяніе другаго, не Эллинскаго міра: онѣ подчинялись отчасти вкусамъ и обычаямъ скиѳскимъ. Въ связи съ искусствомъ вліяніе скиѳское отразилось конечно и въ области религіозной. Такъ въ числѣ главныхъ божествъ, почитаемыхъ, боспорскими Греками, были Аполлонъ и Артемида, т. е. солнце и луна; но тѣже божества чтились на Боспорѣ подъ иными, негреческими именами Санерга и Астарты; на что указываетъ надпись, изсѣченная на гранитномъ подножіи памятника, воздвигнутаго царицей Комосаріей, супругой Перисада I. *.

Исторія Спартокидской династіи не чужда кровавыхъ распрей и междоусобныхъ войнъ за престолъ. Въ этихъ междоусобіяхъ большую роль играли сосѣдніе съ Боспоромъ скиѳскіе и кавказскіе народы, или, точнѣе сказать, сосѣд-

* Вотъ содержаніе надписи: Комосарія, дочь Горгиппія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту сей памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Санергу и Астартѣ, при архонтѣ Воспора и Ѳеодосіи Перисадѣ, царѣ Синдовъ, всѣхъ Меотовъ и Ѳатеевъ». Это подножіе было найдено на полуостровѣ Таманскомъ на берегу Ахтанизовскаго лимана. На немъ стояли двѣ статуи; но волны лимана подмыли берегъ, и памятникъ обрушился въ воду; статуи утрачены, сохранилась одна надпись.

ство этихъ народовъ давало пищу междоусобнымъ войнамъ: такъ какъ претенденты хорошею платою или обѣщаніемъ добычи легко могли набирать отряды варваровъ, а также привлекать ихъ на свою сторону родственнымъ союзомъ съ ихъ князьями. Примѣръ тому представляетъ намъ довольно подробный разсказъ Діодора о междоусобіи сыновей Перисада I. Этому царю наслѣдовалъ сынъ его Сатиръ II; но младшій братъ Сатира, Эвмелъ, задумалъ отнять у него престолъ и нашелъ себѣ союзника въ Аріофарнѣ, начальникѣ сосѣдняго сарматскаго или меотійскаго народа Ѳатеевъ. Послѣдній привелъ на помощь Эвмелу 20,000 всадниковъ и 22,000 пѣшихъ воиновъ. Сатиръ съ своей стороны кромѣ греческихъ войскъ противопоставилъ брату также вспомогательныя скиѳскія дружины, составлявшія 10,000 конницы и 20,000 пѣхоты. Борьба произошла на азіатской сторонѣ Боспора; мужественный Сатиръ одержалъ побѣду въ открытомъ полѣ, но потомъ былъ смертельно раненъ при осадѣ непріятельскаго замка. Второй его братъ, Пританисъ, остававшійся въ Пантикапеѣ, немедленно надѣлъ на себя царскую корону; но вслѣдъ за тѣмъ былъ побѣжденъ Эвмеломъ и убитъ. Тогда всѣмъ Боспорскимъ царствомъ завладѣлъ Эвмелъ (309—304). Чтобы обезпечить за собой корону, онъ по образцу азіатскихъ деспотовъ, истребилъ почти всѣхъ женъ, дѣтей и друзей своихъ обоихъ братьевъ. Пантикапейцы сильно вознегодовали на эти убійства. Чтобы успокоить волненіе, Эвмелъ созвалъ народное собраніе и обратился къ нему съ рѣчью, въ которой старался оправдать свои поступки; въ той же рѣчи онъ обѣщалъ гражданамъ возвращеніе нѣкоторыхъ республиканскихъ учрежденій и льготъ, нарушенныхъ его предшественниками. Эвмелъ сдержалъ свое слово, и управленіемъ своимъ снискалъ потомъ уваженіе и любовь подданныхъ. Кромѣ того, онъ мужественно сражался съ сосѣдними варварами и завоевалъ у нихъ нѣкоторыя земли; чтобы обезопасить торговлю отъ морскихъ разбоевъ, которыми занимались туземцы Таврическаго и Кавказскаго берега, онъ предпринялъ противъ нихъ дѣятельную войну и истребилъ многія ихъ суда. Но злой рокъ тяготѣлъ надъ нимъ за его преступленіе: онъ царствовалъ только пять лѣтъ съ небольшимъ и умеръ нечаянною смертію. Разъ, отправляясь на торжественное

жертвоприношеніе; Эвмелъ сѣлъ въ крытую колесницу о четырехъ колесахъ, запряженную четырьмя конями. Лошади понесли; царь выскочилъ, но мечемъ запутался въ колесѣ и погибъ. Эвмелу наслѣдовалъ упомянутый выше сынъ его Спартокъ IV. Этимъ царемъ оканчивается непрерывный рядъ боспорскихъ Спартокидовъ въ извѣстіяхъ греческихъ писателей; особенно заслуживаетъ сожалѣнія утрата нѣкоторыхъ книгъ Діодора, который даетъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о царяхъ Боспора. Слѣдующій затѣмъ промежутокъ до самаго конца Спартокидской династіи, обнимающій болѣе 170 лѣтъ, наполняется отчасти нѣкоторыми именами царей, благодаря открытымъ надписямъ и монетамъ. Но по всѣмъ признакамъ это былъ періодъ постепеннаго упадка Спартокидовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего Боспорскаго царства. На Боспорѣ отразились тѣже явленія, которыя составляютъ главныя черты греческихъ государствъ того времени: съ упадкомъ самоуправленія въ нихъ, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе упадали гражданскій духъ и военныя доблести, мѣсто которыхъ заступили олигархія и тираннія, опирающіяся на наемныя войска.

Послѣдніе Спартокиды походили на обыкновенныхъ грекоазійскихъ династовъ, поддававшихся вліянію восточной нѣги и роскоши и наклонныхъ къ самовластію. Постепенная утрата республиканскихъ учрежденій и развитіе самовластія на Боспорѣ кромѣ другихъ причинъ обусловливались также усиленіемъ варварскаго, т. е. Скиѳскаго элемента въ населеніи этого государства, его такъ сказать постепеннымъ оскиѳеніемъ. Вмѣсто прежней энергичной дѣятельности мы встрѣчаемъ у боспорскихъ царей этой эпохи черты корыстолюбія, малодушія и хитрости, свойственныя робкимъ тиранамъ. Тѣже черты мы находимъ у ихъ подданныхъ, которыхъ нравы въ это время нисколько не напоминаютъ Эллиновъ цвѣтущаго періода. Такъ объ одномъ изъ царей, именно Левконѣ III, разсказываютъ слѣдующее. Узнавъ, что многіе Пантикапейцы составили противъ него заговоръ, Левконъ созвалъ всѣхъ торговцевъ и занялъ у нихъ большія суммы денегъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ нужны ему на подкупъ непріятелей. Но когда деньги были имъ получены, тогда онъ сообщилъ купцамъ о существованіи заговора и пригласилъ ихъ быть у него тѣлохраните-

ляип и стражами царскаго дворца. Такъ какъ отъ спасенія его жизни зависѣла цѣлость ихъ капиталовъ, то купцы ревностно исполняли обязанность стражей. Съ ихъ помощью Левконъ истребилъ всѣхъ заговорщиковъ, а потомъ возвратилъ купцамъ занятыя у нихъ деньги. Въ другой разъ тотъ же Левконъ объявилъ въ своемъ государствѣ, что онъ хочетъ выпустить новую монету, чтобы не было разнообразія, и велѣлъ представить себѣ старую. Но когда собрали ему старую монету, онъ только наложилъ на ней клейма съ удвоенною цѣною и такимъ образомъ воспользовался цѣлою половиною ея стоимости.

Внутренній упадокъ государства сопровождался, конечно, и ослабленіемъ его политическаго могущества; а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой слабости было то, что сосѣдніе Тавроскиѳы взяли верхъ и наложили значительную дань на Боспоритовъ. Къ эпохѣ этой скиѳской дани обыкновенно относятъ одинъ изъ расказовъ Лукьяна, греческаго писателя II-го вѣка по Р. Х. Расказъ этотъ (подъ заглавіемъ „Токсарисъ“) по своимъ подробностямъ отзывается романтическимъ вымысломъ и нѣкоторые ученые отвергаютъ его достовѣрносгь. Однако, въ общихъ чертахъ онъ не лишенъ правдоподобія; приведемъ его тѣмъ охотнѣе, что онъ сообщаетъ любопытныя черты нѣкоторыхъ скиѳскихъ обычаевъ, хотя и съ этой стороны воображеніе греческаго писателя обнаруживаетъ себя слишкомъ яркими красками.

Лукьянъ изображаетъ разговоръ грека Мнезипа и скиѳа Токсариса. Мнезипъ спрашиваетъ: почему Скиѳы приносятъ жертвы Оресту и Пиладу, которые были врагами Скиѳовъ: убили ихъ царя и похитили у нихъ статую богини. Токсарисъ объясняетъ, что они почитаются какъ образецъ дружбы и что нигдѣ дружба не находится въ такомъ уваженіи какъ у Скиѳовъ. По этому поводу завязывается споръ о превосходствѣ дружбы греческой и скиѳской. Тотъ и другой собесѣдникъ беретъ на себя разсказать не менѣе пяти примѣровъ. Первый разсказываетъ Мнезипъ и приводитъ трогательные образцы греческой дружбы. Но Токсарисъ не находитъ въ нихъ ничего великаго и поистинѣ мужескаго: впрочемъ, по его замѣчанію, у Грековъ нѣтъ и такихъ случаевъ для проявленія дружбы какъ у Скиѳовъ. Греки наслаждаются глубокимъ миромъ, тогда какъ у Скиѳовъ по-

стоянныя войны; они или нападають или отражають нападенія: пастбище, добыча—все служитъ у нихъ поводомъ для битвы; по этому они нуждаются въ храбрыхъ, самоотверженныхъ друзьяхъ и заключаютъ дружбу только надежную и прочную. При этомъ у нихъ соблюдается извѣстный обрядъ: дѣлаютъ разрѣзъ у себя на пальцѣ, и собираютъ кровь въ одинъ сосудъ; потомъ, обмакнувъ въ немъ концы своихъ мечей, пьютъ изъ этого сосуда; послѣ того ничто уже не можетъ раздѣлить двухъ друзей. Заключившихъ дружбу на жизнь и смерть можетъ быть и трое; но болѣе трехъ недопускается, иначе чувство дружбы, будучи слишкомъ раздѣлено, потеряетъ свою силу. Въ примѣръ подобныхъ друзей Токсарисъ разсказываетъ, что одинъ скиѳъ при нечаянномъ нападеніи Савроматовъ былъ уведенъ въ плѣнъ; тогда другъ его устремился за нимъ и предложилъ самого себя въ замѣнъ плѣнника. Но савроматъ вмѣсто выкупа потребовалъ у него глаза. Скиѳъ тотчасъ далъ ихъ выколоть, и получилъ своего друга; но послѣдній не могъ вынести зрѣлище слѣпца и тоже выкололъ себѣ глаза.

За тѣмъ приведены другіе примѣры. Наиболѣе интересенъ изъ нихъ слѣдующій.

На Боспорѣ цаствовалъ Левканоръ. Однажды къ нему прибылъ посолъ отъ Скиѳовъ, по имени Арзакомъ, для полученія дани. Левканоръ уплатилъ дань, и, отпуская посла, сдѣлалъ для него прощальный пиръ. Царь былъ женатъ на аланской княжнѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей, Мазею и Варцетиду. Нѣсколько знатныхъ иноземцевъ искали руки Мазеи, въ томъ числѣ царь Лазовъ Тигропадъ и князь Махліевъ Адирмахъ. По обычаямъ Боспора, претенденты просили руки Мазеи во время пира; при чемъ каждый изъ нихъ, сдѣлавъ возліяніе богамъ, говорилъ о знатности своего рода и исчислялъ свои богатства. Послѣ другихъ Арзакомъ взялъ чашу съ виномъ, и, по скиѳскому обычаю, не дѣлая возліянія, просто осушилъ ее залпомъ; потомъ онъ просилъ царя отдать ему руку своей дочери, говоря, что онъ богаче другихъ соискателей. Левканоръ спросилъ, сколько у него стадъ и кибитокъ, такъ какъ въ нихъ обыкновенно состояли богатства Скиѳовъ. Арзакомъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ни стадъ, ни кибитокъ, но что онъ имѣетъ двухъ такихъ друзей, какими не можетъ похвалиться ни одинъ скиѳъ.

При этихъ словахъ царь и всѣ присутствующіе разсмѣялись, почитая его пьянымъ. На слѣдующій день Левканоръ отдалъ свою дочь Адирмаху. Арзакомъ воротился домой и разсказалъ двумъ своимъ друзьямъ, Макенту и Лонхату, о полученномъ оскорбленіи. Каждый изъ друзей принялъ поступокъ царя какъ свою личную обиду. Они немедленно рѣшились наказать его и добыть его дочь Арзакому. Для этого условились такимъ образомъ: Лонхатъ взялъ на себя привезти голову Левканора, а Макентъ увезти Мазею; но такъ какъ за тѣмъ неминуемо послѣдуетъ война съ Боспоритами, то Арзакомъ, по скиѳскому обычаю, долженъ былъ сѣсть на бычачью кожу. Этотъ обычай состоялъ въ слѣдующемъ. Если обиженный человѣкъ не въ силахъ отомстить за обиду, то онъ приносилъ въ жертву быка, варилъ его мясо, разрѣзанное на куски, разстилалъ его шкуру и садился на нее, имѣя руки связанныя назади. Кто изъ проходящихъ бралъ кусокъ говядины и ставилъ ногу на шкуру, тотъ этимъ самымъ уже обязывался оказать помощь, смотря по своимъ средствамъ: одинъ обѣщалъ доставить пять всадниковъ, другой десять или болѣе, третій — пѣшихъ воиновъ, а самые бѣдные самихъ себя. Арзакомъ собралъ такимъ образомъ 20,000 пѣхоты и 5,000 конницы.

Между тѣмъ Лонхатъ отправляется къ Левканору и разсказываетъ ему о военныхъ приготовленіяхъ Арзакома, прикидываясь смертельнымъ врагомъ послѣдняго. Онъ предлагаетъ царю убить Арзакома, если тотъ отдастъ ему руку своей младшей дочери Вардетиды. Царь, весьма боявшійся Скиѳовъ, согласился; но Лонхатъ требуетъ, чтобы ихъ условіе было подтверждено клятвою, произнесенною въ храмѣ Марса, однако безъ свидѣтелей, такъ какъ оно должно оставаться тайною. Заманивъ Левканора въ храмъ, Лонхатъ убиваетъ тамъ несчастнаго царя, и, отрубивъ ему голову, уноситъ ее подъ плащемъ; за тѣмъ садится на своего коня и скачетъ въ Скиѳію. Тогда Макентъ немедленно отправляется въ страну Махліевъ, объявляетъ Адирмаху о смерти его тестя и приглашаетъ поспѣшить въ Боспоръ, гдѣ народъ желаетъ видѣть его преемникомъ Левканора; поэтому совѣтуетъ непремѣнно взять съ собой и Мазею. Макентъ выдаетъ себя за алана, котораго послали братья боспорской царицы, т. е. дяди Мазеи, чтобы предупредить Адирмаха

на счетъ замысловъ Эвбіота: послѣдній былъ побочнымъ братомъ Левканора, другомъ Скиѳовъ и врагомъ Аланъ. Надобно замѣтить, Скиѳы и Алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками; но Скиѳы носятъ болѣе длинные волосы, и Макентъ, чтобы совершенно походить на алана, обрѣзалъ свои волосы по алански. Адирмахъ повѣрилъ ему и поспѣшилъ въ Боспоръ; за нимъ слѣдовала и Мазея въ повозкѣ подъ охраною Макента; но тотъ улучилъ ночную пору, посадилъ царевну на своего коня, и черезъ три дня достигъ Скиѳіи.

Между тѣмъ на Боспорскомъ престолѣ дѣйствительно воцарился Эвбіотъ. Когда обманъ обнаружился, Адирмахъ собираетъ большое войско и идетъ на Скиѳовъ; съ нимъ соединяется и Эвбіотъ, вооруживъ Грековъ, Аланъ и наемныхъ Сарматъ; соединенныя ихъ силы простираются до 90,000, изъ которыхъ 30,000 конныхъ стрѣлковъ. Въ происшедшей за тѣмъ битвѣ со Скиѳами, послѣдніе были подавлены числомъ непріятелей и раздѣлились на двѣ части: одна часть отступала, а другая была окружена Махліями и Аланами. Въ послѣдней находились Лонхатъ и Макентъ, оба раненые. Арзакомъ, бывшій въ числѣ отступавшихъ, замѣтивъ опасность своихъ друзей, бросается имъ на помощь; онъ встрѣчаетъ Адирмаха и мечемъ своимъ разрубаетъ его отъ головы до пояса. Тогда непріятели пришли въ замѣшательство, а Скиѳы ободрились, ударили съ новою энергіей и выиграли битву. Слѣдствіемъ побѣды было то, что Боспориты принуждены платить Скиѳамъ двойную противъ прежняго дань, Махліи выдали имъ заложниковъ, а Алане обязались усмирить Синдовъ, возмутившихся противъ Скиѳовъ.

VI.

Митридатъ.—Полемонъ.—Аспурги.—Могильные курганы.

Послѣднимъ царемъ Спартокидской династіи былъ Перисадъ III. Боспорское царство въ его время сильно стѣснили сосѣдніе Тавроскиѳы и принуждали платить тяжелую дань. Не имѣя силъ защититься отъ внѣшнихъ враговъ, Перисадъ отказался отъ престола и уступилъ боспорское цар-

ство знаменитому Митридату VI Понтійскому. Молодой Митридатъ, исполненный энергіи и обширныхъ замысловъ, около того времени завоевалъ Колхиду, т. е. восточный берегъ Чернаго моря, и прославилъ себя побѣдами надъ сосѣдними варварскими народами. Принявъ подъ свой скипетръ Боспорское царство, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ многочисленнымъ тавроскиѳскимъ племенемъ, которое соединилось въ то время подъ властію царя Скилура. Мы видѣли, что и Херсонеская республика, тѣснимая Тавроскиѳами, также обратилась къ могущественному царю Понтійскому съ просьбою защитить ее отъ варваровъ. О борьбѣ Митридата съ Тавроскиѳами до насъ дошли только отрывочныя и сбивчивыя извѣстія; но по всѣмъ признакамъ она была упорная и продолжительная. Во время этой борьбы умеръ старый Скилуръ. Говорятъ, будто отъ разныхъ женъ онъ имѣлъ до 80 сыновей. По поводу его разсказываютъ также извѣстную притчу о единодушіи: передъ смертью онъ созвалъ своихъ сыновей и далъ каждому пукъ стрѣлъ съ приказаніемъ переломить; разумѣется никто не могъ этого сдѣлать; тогда онъ переломилъ ихъ по одиночкѣ, и тѣмъ наглядно указалъ, что значитъ единодушіе и раздоры. Но сыновья конечно не сохранили отцовскаго завѣщанія и раздробили свои силы. Старшій изъ нихъ, по имени Палакъ, для войны съ Митридатомъ обратился за помощью къ племени Роксаланъ (тутъ наши предки впервые упоминаются подъ этимъ племеннымъ названіемъ, а не подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ).

Страбонъ говоритъ, что Роксалане были самый сѣверный Скиѳскій народъ, обитавшій гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ и по берегамъ Меотійскаго озера. Тацитъ называетъ ихъ народомъ Сарматскимъ. Слѣдовательно жилища ихъ приблизительно находились на тѣхъ же степныхъ пространствахъ, гдѣ во времена Геродота кочевало племя Царскихъ Скиѳовъ; припомнимъ, что сосѣдями послѣднихъ на востокѣ за р. Танаисомъ были тогда Сарматы. Отсюда можно заключить, что часть Сарматовъ, т. е. Роксалане, изъ странъ между Танаисомъ и Араксомъ (Дономъ и Волгою), постепенно распространилась на западъ и заняла мѣста Царскихъ Скиѳовъ, отчасти истребивши ихъ, отчасти смѣшавшись съ ними, какъ это обыкновенно бывало при подобныхъ народ-

ныхъ движеніяхъ. Но значительные остатки Царскихъ Скиѳовъ продолжали еще господствовать въ Тавридѣ и ближнихъ къ ней черноморскихъ степяхъ.

Роксалане двинулись на помощь Тавроскиѳамъ въ числѣ 50,000 всадниковъ (число конечно преувеличенное). Они носили шлемы и панцыри изъ воловьей кожи, имѣли щиты сплетенные изъ тростника и были вооружены копьемъ, лукомъ и мечемъ. Предводитель ихъ назывался Тасій. Митридатъ, занятый дѣлами въ Азіи, не принималъ личнаго участія въ этой войнѣ, а велъ ее посредствомъ своихъ полководцевъ Діаѳанта и Неаптолема. Они дѣйствовали очень удачно: Діаѳантъ, начальствуя 6000 хорошо устроеннаго войска, разбилъ Роксаланъ (въ 94 г. до Р. Х.); а Неаптолемъ побѣдилъ Скиѳовъ въ самомъ Боспорскомъ проливѣ; битва случилась зимою на льду этого пролива. Послѣ того Тавроскиѳы нѣкоторое время продолжали еще борьбу, но они постепенно потеряли свои укрѣпленныя мѣста на Таврическомъ полуостровѣ; полководцы Митридата съ помощью таврическихъ Грековъ нанесли имъ сильное пораженіе около той длинной стѣны, которая была проведена Херсонитами для защиты Ираклейскаго полуострова, и тѣмъ положили конецъ войнѣ.

Митридатъ поставилъ на Боспорѣ своихъ намѣстниковъ и обложилъ его данью во 180,000 медимновъ хлѣба и 200 серебряныхъ талантовъ. Нельзя сказать, чтобъ эта дань была тяжкою; однако, Боспориты вскорѣ оказались недовольны своею зависимостію отъ Понтійскаго царя. По всей вѣроятности, поборы не ограничивались опредѣленными суммами, а деспотическія наклонности Митридата и поведеніе его намѣстниковъ стѣснили остатокъ республиканскихъ учрежденій и привычки боспорскаго населенія. Возможно и то, что Боспориты не ожидали благополучнаго исхода начатой Митридатомъ борьбы съ могущественнымъ Римомъ и желали отъ нея устраниться. Какъ бы то ни было, во время войны Митридата съ Суллою, греческіе города Боспора и Колхиды возмутились. Послѣ ея окончанія, Митридатъ усмирилъ возстаніе, и взамѣнъ намѣстниковъ поставилъ на Боспорѣ царемъ сына своего Махареса; причемъ послѣдній конечно оставался въ безусловномъ повиновеніи у своего отца. Но когда Понтійскій царь возобно-

вилъ борьбу съ Римлянами и началъ терпѣть пораженія отъ Лукулла, потомъ отъ Помпея, Махаресъ, жаждавшій самостоятельности, отказалъ отцу въ помощи и вошелъ въ сношенія съ Римлянами. Вытѣсненный Помпеемъ изъ Понта, Митридатъ бросился въ Кавказскія страны и успѣлъ собрать тамъ новыя силы, съ которыми двинулся на Боспоръ. Испуганный Махаресъ попыталъ смягчить отца просьбами о прощеніи; не получивъ его, онъ удалился въ Херсонесъ; но когда и тамъ не могъ укрыться отъ мести неумолимаго Митридата, съ отчаянія лишилъ себя жизни.

Между тѣмъ какъ неукротимый старикъ, оставшійся почти при однѣхъ Боспорскихъ владѣніяхъ, собиралъ опять большія силы съ помощію наемныхъ варваровъ и обдумывалъ свой фантастическій планъ: съ береговъ Боспора идти на Дунай и оттуда прямо въ Италію (по примѣру Аннибала). Кругомъ его господствовали ропотъ и измѣна. Боспорскіе города окончательно потеряли терпѣніе, будучи угнетены деспотическимъ правленіемъ Митридата и не видя конца его разорительнымъ войнамъ, такъ какъ они волею неволею должны были участвовать въ ихъ тягостяхъ. Возмущеніе началось съ города Ѳанагоріи; примѣру ея послѣдовали Херсонесъ и нѣкоторые другіе. Но въ то время, когда Митридатъ съ наемными Скиѳами и Сарматами жестоко свирѣпствовалъ противъ возмутившихся городовъ, собственное его войско, стоявшее въ окрестностяхъ Пантикапеи, отказало ему въ повиновеніи: оно было недовольно его намѣреніемъ идти въ самую Италію. Во главѣ мятежниковъ сталъ одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Митридата и наиболѣе имъ любимый, по имени Фарнакъ; солдаты провозгласили его царемъ. Митридатъ заперся въ Пантикапейскомъ акрополѣ и съ его стѣны обратился къ своему сыну съ увѣщаніемъ. Но когда никакое краснорѣчіе не могло усмирить возстанія, престарѣлый царь, предвидя, что онъ будетъ выданъ Римлянамъ и послужитъ украшеніемъ для Помпеева тріумфа, рѣшилъ покончить съ жизнію. Извѣстно, что принятый имъ ядъ не подѣйствовалъ на его закаленный организмъ; тогда по просьбѣ Митридата одинъ изъ наемныхъ воиновъ мечемъ прекратилъ его жизнь (въ 64 г. до Р. Х.) *.

* Крутой холмъ, на которомъ стоялъ Пантикапейскій акрополь, гдѣ провелъ свои послѣдніе дни знаменитый понтійскій царь, въ воспоми-

По смерти Митридата, царство Боспорское съ согласія Помпея получилъ Фарнакъ въ награду за свою измѣну. Съ того времени оно утратило свою независимость и стало въ вассальныя отношенія къ Риму. Фарнакъ хотѣлъ было воспользоваться междоусобіемъ Помпея и Юлія Цезаря, чтобы возвратить эту независимость и присоединить къ Боспору царство своихъ предковъ, т. е. Понтъ. Но одно появленіе Цезаря разрушило всѣ его планы, и заставило его изъ Понта спасаться на Боспоръ. Здѣсь онъ былъ убитъ своимъ полководцемъ Асандромъ (въ 47 г. до Р. Х.). Чтобы упрочить за собой права на этотъ престолъ, Асандръ женился на дочери Фарнака Динамисѣ. Впослѣдствіи, Октавій Августъ утвердилъ за нимъ корону и дозволилъ ему именоваться царемъ; а до того времени онъ именовался архонтомъ, по примѣру Спартокидовъ. Послѣ него имя архонта уже не встрѣчается на монетахъ и надписяхъ, что можетъ свидѣтельствовать объ окончательномъ паденіи древнихъ республиканскихъ учрежденій въ Пантикапеѣ. Асандръ царствовалъ долгое время и достигъ глубокой старости; онъ былъ дѣятельный государь, постоянно боровшійся съ сосѣдними варварскими народами, которые послѣ Митридата снова начали тѣснить Боспорское государство. Для защиты отъ Скиѳовъ онъ возобновилъ древній валъ, ограждавшій Пантикапейскій полуостровъ съ запада, и валъ этотъ укрѣпилъ еще стѣною съ башнями. Боспорское царство имѣло при немъ самые обширные предѣлы: оно простиралось отъ Ѳеодосіи до Танаиса. Но престарѣлый Асандръ погибъ довольно безславно. Одинъ римлянинъ, по имени Скрибоній, выдалъ себя за внука Митридатова и за человѣка, которому покровительствуетъ римскій императоръ; войско приняло сторону самозванца, и Асандръ съ

наніе о немъ носитъ названіе Митридатовой горы. По своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, упорной энергіи, неутомимой дѣятельности и по своимъ широкимъ замысламъ это была въ высшей степени замѣчательная историческая личность. Но мы не думаемъ, чтобы титулъ «великаго» былъ ему приписанъ по справедливости. Онъ представлялъ типъ восточнаго деспота, выросшаго на почвѣ полуэллинской, полуварварской, слишкомъ неразборчивый въ средствахъ, слишкомъ поддававшійся своимъ бѣшенымъ страстямъ. Какъ политикъ и полководецъ онъ далеко уступаетъ другому знаменитому врагу Римлянъ, Аннибалу.

горя уморилъ себя голодомъ (въ 14 г. до Р. Х.). Скрибоній женился на его вдовѣ царицѣ Динамисѣ. Но обманъ продолжался не долго.

Нѣкто Полемонъ, сынъ ритора изъ города Лаодикеи, покровительствомъ тріумвира Антонія достигъ престола Понтійскаго; а послѣ гибели Антонія умѣлъ пріобрѣсти такое же покровительство Октавія Августа и его полководца Марка Агриппы. Послѣдній начальствовалъ войсками въ Сиріи, когда услыхалъ о дѣйствіяхъ Скрибонія. Онъ поручилъ Полемону наказать самозванца. Узнавъ о томъ, Воспориты еще прежде прибытія Полемона убили Скрибонія; они оказали сопротивленіе и Полемону, но были имъ разбиты. Агриппа окончательно усмирилъ возстаніе, и поручилъ управленіе Боспоромъ тому же Полемону. Августъ утвердилъ его распоряженія. Чтобы упрочить свои права на короны Понта и Боспора, Полемонъ женился на внучкѣ Митридата пожилой царицѣ Динамисѣ, вдовѣ Асандра и Скрибонія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ династовъ своего времени; такъ какъ соединялъ въ своихъ рукахъ значительную часть древняго Понтійскаго государства, Колхиду и владѣнія Боспорскія. Царствованіе этого государя (14 — 1 до Р. Х.) протекло въ побѣдоносной борьбѣ съ скиѳскими народами, все болѣе и болѣе тѣснившими Боспорскія владѣнія. Между прочимъ, городъ Танаисъ повидимому сдѣлалъ попытку къ отложенію. Онъ лежалъ на большой торговой дорогѣ изъ греческихъ колоній въ сѣверовосточныя страны и служилъ складочнымъ пунктомъ для торговли рабами, кожами и другими произведеніями, которыя доставлялись сосѣдними варварами. Полемонъ взялъ его и совершенно разрушилъ. Однако впослѣдствіи этотъ городъ былъ возобновленъ, впрочемъ не на прежнемъ пепелищѣ, а нѣсколько верстъ далѣе, на берегу другаго болѣе сѣвернаго рукава Дона. И такова была выгодность его положенія, что онъ достигъ опять процвѣтанія, хотя уже не могъ сравниться по богатству и блеску съ прежнимъ Танаисомъ; о чемъ свидѣтельствуютъ произведенныя на томъ мѣстѣ раскопки.

Полемонъ погибъ въ войнѣ съ сарматскимъ племенемъ Аспурговъ, которые еще прежде вторглись на Таманскій полуостровъ и поселились въ южной его части. Это не-

шое племя очевидно играло нѣкоторую роль въ преды-
ихъ войнахъ боспорскихъ царей въ качествѣ то вра-
, то союзниковъ. А когда Полемонъ попытался поко-
его, то попалъ въ плѣнъ и былъ убитъ. Послѣ того
ь Аспурговъ овладѣлъ Ѳанагоріей и сдѣлалъ ее своей
ицей. Отсюда онъ распространилъ свои завоеванія на
Таманскій полуостровъ, а потомъ перенесъ ихъ и на
дный берегъ Боспора. Несовсѣмъ понятно, какимъ
зомъ Октавій Августъ равнодушно смотрѣлъ на убій-
находившагося у него въ милости Полемона, и допус-
варваровъ завоевать Боспорское царство. Очевидно
урги уже подчинились вліянію греко-римской цивилиза-
и хорошо понимали отношенія тѣхъ странъ къ Рим-
имперіи. Князь Аспурговъ, носившій какъ предпола-
гъ имя Савромата, поспѣшилъ войти въ непосредствен-
сношенія съ Римомъ; онъ отправилъ посольство къ
ратору съ просьбою утвердить за нимъ его завоеванія
нечно съ обѣщаніемъ быть вѣрнымъ, благодарнымъ
аломъ, и повидимому добился своей цѣли. Онъ началъ
ю новую династію Аспургіанскую или Савроматскую.
емникомъ его былъ Рескупорисъ, и послѣдующіе цари
орскіе носили тѣже варварскія имена Савроматовъ и
упоридовъ. Повидимому особое покровительство этой
стіи оказалъ преемникъ Августа Тиверій, и благодар-
ему владѣтели обыкновенно присоединяли его имя къ
му; такимъ образомъ идетъ рядъ боспорскихъ царей
менами Тиверія Юлія Савромата и Тиверія Юлія Рес-
рида. Боспорская исторія, на основаніи монетъ и над-
й, насчитываетъ отъ Августа до Константина Велика-
евять Савроматовъ и семь или восемь Рескупоридовъ;
ѣ того встрѣчаются три Котиса, Реметалкъ, Радамса-
, Асандръ и нѣк. др.

емя этой династіи, за которою исторія можетъ слѣдить
еченіи трехъ съ половиною вѣковъ, представляетъ по-
енный упадокъ Боспорскаго царства. Торговля его из-
чала; населеніе подвергалось все большему оскиѳенію;
то указываютъ дошедшіе до насъ надписи на памят-
хъ, въ которыхъ личныя имена на половину варвар-
Цари боспорскіе были униженными вассалами рим-
ъ императоровъ, заискивающими ихъ покровительства.

Только одинъ изъ нихъ выдается своею попыткою къ самостоятельности: это былъ Митридатъ, потомокъ знаменитаго Митридата Понтійскаго, слѣдовательно отрасль династіи Ахеменидовъ. Императоръ Клавдій отдалъ ему Боспорское царство; а Митридатъ, подражая своему прадѣду въ ненависти къ Римлянамъ, вздумалъ свергнуть съ себя римское иго съ помощію союзныхъ варваровъ. Но его попыткою воспользовались Аспурги: они съ помощью Римлянъ побѣдили Митридата и были возстановлены на боспорскомъ престолѣ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ признакамъ, династія Аспурговъ вслѣдствіе родственныхъ связей такъ перемѣшалась съ Ахеменидами, что послѣдующіе цари могутъ быть относимы и къ той, и къ другой династіи. Послѣ неудачной попытки Митридата, народы Таврическаго полуострова и восточныхъ береговъ Чернаго моря находились въ такомъ страхѣ передъ Римомъ, что римскій гарнизонъ въ 3000 человѣкъ, по словамъ Іосифа Флавія, былъ достаточенъ для поддержанія ихъ покорности.

Однако во второй половинѣ III вѣка по Р. Х. цари Савроматской династіи, пользуясь смутнымъ временемъ Римской имперіи, начали дѣйствовать какъ самостоятельные государи и даже нападать на римскія области въ Малой Азіи. Впрочемъ, можетъ быть въ этомъ случаѣ они сами уступали движенію варварскихъ народовъ, которому противустоять были не въ силахъ. Въ исторіи Херсонеса мы видѣли, что Римляне воспользовались старинною враждою Херсонцевъ къ Боспоритамъ, и съ помощью первыхъ смирили мятежнаго Савромата. Мы видѣли также, что въ слѣдующихъ затѣмъ войнахъ между Херсонитами и Боспоритами первые постоянно брали верхъ. Существованіе Боспорскаго царства продолжалось до появленія Гунновъ и борьбы ихъ съ Готами. Тогда это царство повидимому было разрушено варварами. Впослѣдствіи Боспоръ вмѣстѣ съ Херсонесомъ является подъ властію византійскихъ императоровъ. Такъ Юстиніанъ Великій, по словамъ Прокопія, узнавъ, что стѣны Боспора и Херсона обветшали, велѣлъ возобновить ихъ и „особенно укрѣпилъ Боспоръ“.

Памятниками Боспорскаго царства служатъ многочисленные могильные курганы, которыми усѣяны окрестности Пантикапея и почти весь Таманскій полуостровъ. Наибо-

лѣе крупные изъ пантикапейскихъ или керченскихъ кургановъ скрывали въ себѣ царскія гробницы. Открытіе этихъ гробницъ доставило наукѣ множество замѣчательныхъ, драгоцѣнныхъ предметовъ античнаго искусства и эллино-скиѳскаго быта. Въ тѣ времена обычай требовалъ, чтобы покойника окружали въ могилѣ образцы почти всѣхъ предметовъ служившихъ ему при жизни. По этому въ огромномъ количествѣ сохранились до нашего времени изящныя глиняныя вазы, стеклянные кувшинчики, металлическіе браслеты, серьги, ожерелья, сбруя, оружіе, разныя другія принадлежности нарядовъ и домашней утвари, кромѣ того множество монетъ, мраморныя, алебастровыя и глиняныя статуйки, рельефы, маски и пр. Особенно поражаетъ изобиліе золотыхъ вещей, которыя свидѣтельствуютъ о приливѣ этого металла изъ отдаленныхъ уральскихъ и алтайскихъ рудниковъ на берега Боспора, посредствомъ скиѳской торговли. Даже въ бѣдныхъ, простыхъ могилахъ обыкновенно находятъ вѣнокъ изъ тонкихъ золотыхъ листьевъ, который клали на голову покойника. Самыя богатыя царскія могилы принадлежатъ династіи Спартокидовъ, т. е. эпохѣ наибольшаго процвѣтанія эллинскихъ колоній, а также живыхъ связей Боспора съ Аѳинами и вообще Іонійскими городами, откуда приходили греческіе художники. Послѣдніе, очевидно, въ своихъ работахъ примѣнялись ко вкусу колонистовъ, который получилъ особое развитіе подъ вліяніемъ окружавшаго ихъ Скиѳскаго міра.

Наиболѣе замѣчательныя по характеру гробницъ или по своимъ находкамъ керченскіе курганы суть Куль-Оба, Золотой, Царскій и Юзъ-Оба. Самая типичная изъ нихъ это гробница Царскаго кургана, образецъ весьма оригинальной архитектуры. Она представляетъ круглую комнату или ротонду, сложенную изъ тесаныхъ каменныхъ плитъ; верхъ ея имѣетъ форму пирамиды, съуживающейся постепенными уступами и заканчивающейся каменною круглою плитою. Въ ротонду ведетъ длинная галлерея, которой кровля представляетъ такой же уступчатый сводъ. Посреди ротонды стоялъ саркофагъ съ останками царя *.

* Кромѣ могильныхъ кургановъ окрестности Керчи обилуютъ еще могильными катакомбами. Недавно открыта была катакомба, которой потолокъ и стѣны украшены весьма любопытными фресковыми изобра-

Что касается до религіи, то мы уже замѣчали, что на Боспорѣ, соотвѣтственно разнообразному населенію, происходило смѣшеніе греческаго язычества со скиѳскимъ, изящныхъ античныхъ миѳовъ съ суевѣріями и грубымъ идолопоклонствомъ варваровъ. Но уже въ первые вѣка нашей эры христіанство проникло въ эти отдаленныя страны. Сначала какъ и въ Херсонской области христіане совершали свое богослуженіе тайно, укрываясь въ пещерахъ и катакомбахъ; но потомъ съ размноженіемъ ихъ числа они вышли на свѣтъ Божій, и составили особую церковную общину; такъ что на первомъ Никейскомъ соборѣ въ числѣ подписавшихся [illegible] встрѣчаемъ *Боспорскаго епископа*.

женіями. Онѣ представляют [illegible] сцены изъ жизни какого то знатнаго человѣка, [illegible] снаго. Онъ является на конѣ съ копьемъ въ рук[illegible] шлемѣ и чешуйчатой бронѣ, съ коротко подстри[illegible] бритою бородою. По всѣмъ признакамъ, это долж[illegible] пантикапейскій вождь изъ эпохи Савроматской д[illegible] е. изъ послѣдней эпохи Боспорскаго царства—вождь бывшій са[illegible] Сарматскаго происхожденія и отличившійся своими подвигами въ войнахъ съ сосѣдними варварами. (См. въ Отчетѣ Император. Археолог. Коммиссіи за 1872 г. рисунки фресокъ и объясненія къ нимъ В. Стасова).

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

I.

Гунны-Болгаре въ Тавридѣ и на Тамани. — Сосѣдство съ Херсономъ, Боспоромъ и Готіей.—Первый христіанскій князь у таврическихъ Болгаръ.—Дѣйствіе византійской политики.

Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. почти прекращаются извѣстія о самостоятельномъ Боспорскомъ царствѣ, существовавшемъ на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива; а въ концѣ X вѣка на тѣхъ же мѣстахъ, по нашимъ лѣтописямъ, является *русское* Тмутраканское княжество. Откуда взялось это княжество, и какія были судьбы Боспорскаго края въ теченіе періода, обнимающаго пять или шесть вѣковъ? На эти вопросы доселѣ не было почти никакого отвѣта. Въ другомъ мѣстѣ мы объясняемъ, что послѣ изгнанія Остъ-Готовъ изъ южной Россіи часть Болгаръ, именно Кутургуры, двинулась за ними и заняла страну между Днѣпромъ и Дунаемъ, а другая часть, то-есть Утургуры, осталась на обѣихъ сторонахъ Азовскаго моря и въ восточной части Крыма (см. ниже: О славян. происхожд. Дунайск. Болгаръ). Эти Утургуры на сѣверѣ, по замѣчанію Прокопія, граничили съ безчисленными племенами славянскихъ Антовъ; но не одни Славяне были ихъ сосѣдями на сѣверѣ: нѣтъ сомнѣнія, что въ степяхъ Азовско-Черноморскихъ кочевали въ то время остатки настоящихъ Гунновъ или племена Угорскія. На югѣ, кромѣ Херсонскихъ Грековъ, сосѣдилъ съ ними небольшой остатокъ Готовъ Тетракситовъ, которые заняли горную область южнаго Крыма, извѣстную подъ именемъ Дори. Благодаря горамъ, эти Готы отстояли себя отъ окон-

чательнаго истребленія со стороны Болгаръ Утургуровъ. По словамъ Прокопія, они послѣ отчаянной войны заключили союзъ съ своими врагами, но очевидно, союзъ не совсѣмъ искренній: Готы отстаивали себя не одніимъ оружіемъ, но и хитрою политикой. Они отдались подъ покровительство Византіи; отправляя къ Юстиніану I посольство съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа, они совѣтовали императору поддерживать распри между сосѣдними варварами, то-есть, между Кутургурами и Утургурами. Но поддержаніе подобныхъ распрей и безъ того было обычною политикою Византіи. Во время нашествія Кутургуровъ на имперію въ 551 году, по просьбѣ Юстиніана, Сандилъ, князь Утургуровъ, пошелъ на своихъ родичей; онъ присоединилъ къ своему войску 2,000 Тетракситовъ. Отсюда можно заключить, что послѣдніе, признавая надъ собою покровительство Византіи, въ то же время играли иногда роль подручниковъ и по отношенію къ своимъ сильнымъ сосѣдямъ Болгарамъ Утургурамъ.

Итакъ, въ первой половинѣ VI вѣка, мы встрѣчаемъ утургурскія поселенія примыкающими къ Азовскому морю съ его восточной, южной и отчасти западной стороны. Средоточіемъ ихъ являются преимущественно берега пролива, то-есть, главная часть древняго Боспорскаго царства, которому они очевидно нанесли окончательный ударъ. На восточной сторонѣ пролива они завладѣли Ѳанагорійскимъ или Таманскимъ островомъ и его городами, которые, какъ извѣстно, вели свое происхожденіе отъ древнихъ греческихъ поселенцевъ. Завоеванія эти, по обычаю варваровъ, сопровождались разрушеніемъ и опустошеніемъ. Прокопій называетъ два города, именно Кипы и Фанагорію, которые были разрушены варварами; но и другіе, менѣе значительные города конечно подверглись той же участи. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи мы видимъ, что здѣсь только одинъ пунктъ получилъ нѣкоторое значеніе въ исторіи; это Таматарха или Тмутракань нашихъ лѣтописей, очевидно возникшая на мѣстѣ разоренной Фанагоріи. На другой сторонѣ пролива находилась бывшая столица Боспорскаго царства, Пантикапея, у византійскихъ писателей извѣстная болѣе подъ именемъ Боспора. Этотъ знаменитый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, нѣкоторое время оборонялъ

себя отъ напора Гунновъ Утургуровъ; наконецъ, чтобы не попасть въ руки варваровъ, онъ поддался Византіи. Подчиненіе это, по словамъ Прокопія, относится ко времени императора Юстина I; „а до того времени Боспориты управлялись собственными законами“ (De Bell. Pers. L. I, cap. 12). Нѣтъ сомнѣнія, что варвары пытались завладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ; однако Византія успѣла отстоять отъ нихъ не только Херсонесъ и Пантикапею, но и нѣкоторые укрѣпленные пункты на восточномъ берегу, каковы Гурзуфъ и Алустонъ (ихъ называетъ Прокопій; но были вѣроятно, и другіе, которыхъ онъ не называетъ, напримѣръ, Сугдея). За исключеніемъ такихъ пунктовъ, восточное побережье Таврики, по словамъ Прокопія, было занято варварами, и *преимущественно* Гуннами, то есть Болгарами Утургурами (De B. Goth. L. IV, c. 18).

Главная причина, почему остановились успѣхи Болгаръ, и они не могли овладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ, заключалась конечно въ томъ, что они не имѣли единства. Борьба съ Остъ-Готами очевидно соединила ихъ; но по окончаніи этой борьбы они снова раздѣлились и распались на отдѣльные роды, находившіеся подъ управленіемъ своихъ мелкихъ князей. Тогда не замедлила возымѣть свое дѣйствіе обычная политика Византіи — сдерживать сосѣднихъ варваровъ, посѣвая между ними раздоры (наслѣдованное отъ древняго Рима: divide et impera). Императоры заключали отдѣльные союзы съ князьями варваровъ противъ ихъ же соплеменниковъ; осыпали ихъ подарками; а относительно наиболѣе сильныхъ князей эти подарки нерѣдко обращались въ постоянные или ежегодные, такъ что имѣли видъ дани. Иногда византійской политикѣ удавалось поставить этихъ варваровъ въ вассальныя къ себѣ отношенія. Византія пользовалась ихъ силами въ своихъ внѣшнихъ войнахъ, то есть нанимала ихъ дружины въ свою службу. Первое упоминаніе о наймѣ болгарскихъ дружинъ на Таврическомъ полуостровѣ относится также ко времени императора Юстина I. Прокопій въ своей *Персидской войнѣ* (L. I, c. 12) разказываетъ слѣдующее: Гургенъ, князь кавказской Иверіи, угрожаемый персидскимъ царемъ Кабадомъ, обратился съ просьбой о помощи къ императору Юстину. Тогда послѣдній отправилъ въ Боспоръ Киммерійскій съ

большою суммою денегъ патриція Проба, который долженъ былъ нанять войско изъ Гунновъ, *обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ*. Пробъ исполнилъ свое порученіе, и Юстинъ часть этого войска отправилъ съ другимъ военачальникомъ въ Лазику на помощь Гургеню. Особенно видную роль играли болгарскія наемныя дружины въ войнахъ Византіи во время Юстиніана I. Велизарій не мало былъ обязанъ имъ своими успѣхами въ Азіи, Африкѣ и Италіи. Эти дружины вербовались въ странахъ приазовскихъ и придунайскихъ, слѣдовательно между обѣими вѣтвями Болгарскаго народа, Кутургурами и Утургурами.

Для укрощенія варваровъ на помощь Византіи вскорѣ является могущественный союзникъ, греческая религія. Византія ревностно исполняла свое высокое призваніе на востокѣ—распространять христіанство. Отчасти по духу Греко-восточной церкви, отчасти по недостатку матеріальныхъ средствъ, она въ этомъ отношеніи составляла совершенную противоположность съ западною или Латинскою имперіей, которая со времени Карла Великаго вводила христіанскую религію между языческими племенами преимущественно силою меча. Византія же более дѣйствовала проповѣдью и притомъ проповѣдывала на языкѣ туземцевъ; кромѣ того, она старалась привлекать къ христіанству варварскія племена блескомъ своей цивилизаціи, особенно великолѣпіемъ своего церковнаго обряда, красотою храмовъ, дорогими подарками, привѣтливымъ обхожденіемъ и т. п. Извѣстны наши лѣтописныя преданія о томъ, какъ Греки, при заключеніи договора съ Олегомъ, показывали русскимъ посламъ свои храмы и царскія палаты, и какъ потомъ послы Владиміра были поражены великолѣпіемъ Софійскаго собора и патріаршаго служенія. Но подобное гостепріимство не было оказано только Русскимъ; это была обычная политика Византіи по отношенію къ сосѣднимъ языческимъ народамъ. Различіе въ латинскомъ и греческомъ способахъ распространять христіанство имѣло своимъ главнымъ послѣдствіемъ и то обстоятельство, что народы, принявшіе вѣру отъ Византіи, получили Священное Писаніе на родномъ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ начала развиваться и своя собственная письменность; тогда какъ народы, обращенные западными миссіонерами и признавшіе свою духовную за-

висимость отъ Рима, получали латинское богослуженіе и латинскую письменность. Извѣстно также, что и начало національной нѣмецкой письменности, то есть, переводъ священнаго писанія на готскій языкъ, который приписываютъ Ульфилѣ, епископу IV вѣка, принадлежитъ именно восточной половинѣ Римской имперіи, а не западной.

Первое упоминаніе о христіанствѣ между таврическими Болгарами относится къ тому же знаменитому царствованію Юстиніана I. Начало же христіанской проповѣди на Таврическомъ полуостровѣ восходитъ къ I вѣку по Р. Хр. Преданіе говоритъ, что апостолъ Андрей изъ Синопа пріѣзжалъ въ Херсонъ и здѣсь проповѣдывалъ христіанство. Затѣмъ во времена Траяна прославился своею апостольской дѣятельностію сосланный сюда римскій епископъ св. Климентъ, который и былъ здѣсь утопленъ по приказанію императора, за свою проповѣдь. Христіанство медленно возрастало и укрѣплялось на полуостровѣ и должно было выдерживать упорную борьбу съ эллино-скиѳскою религіей. Послѣдователи его принуждены были скрывать свое богослуженіе въ пещерахъ и катакомбахъ. Но со времени Константина Великаго появились здѣсь открытые христіанскіе храмы, и успѣхи проповѣди пошли быстрѣе. Впрочемъ, христіанство и эллино-скиѳское язычество и послѣ того долго еще жили рядомъ въ этихъ главныхъ пунктахъ. Въ Херсонесѣ христіанство восторжествовало ранѣе; а на Боспорѣ оно, по всей вѣроятности, окончательно утвердилось только съ присоединеніемъ къ Византійской имперіи, то-есть въ первой половинѣ VI вѣка. Въ это же время христіанская проповѣдь начинаетъ проникать и въ среду сосѣднихъ Гунновъ-Болгаръ. Кромѣ вліянія Херсона и Боспора, на нихъ могъ конечно дѣйствовать и примѣръ сосѣднихъ Готовъ-Тетракситовъ. Извѣстно, что христіанская религія распространилась между Готами первоначально въ формѣ аріанской ереси; къ этой эпохѣ принадлежитъ дѣятельность ихъ епископа Ульфилы и переводъ Священнаго Писанія на готскій языкъ. Получили ли христіанство таврическіе Готы отъ своихъ аріанскихъ соплеменниковъ, или непосредственно изъ сосѣдняго Херсона—въ точности неизвѣстно; но послѣднее имѣетъ болѣе вѣроятности. Въ первой половинѣ VI вѣка у нихъ встрѣчаемъ уже собственнаго епископа. По по-

воду его смерти и готскаго посольства въ Константинополь, Прокопій замѣтилъ слѣдующее: „Были ли эти Готы когда-либо аріанской секты, подобно прочимъ аріанскимъ народамъ, или какой другой—я не могу утверждать". Отсюда прямое заключеніе, что въ его время они были православными; да иначе они не обращались бы къ Юстиніану съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа. Слѣдовательно, таврическіе Болгаре съ разныхъ сторонъ соприкасались православному населенію, и византійское вліяніе не замедлило отразиться на нихъ въ дѣлѣ религіи.

Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, именно въ 528 году, князь Гунновъ, сосѣднихъ съ Боспоромъ, по имени *Гордасъ*, лично отправился къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія святаго крещенія. Императоръ былъ его воспріемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами. Въ свою очередь князь обѣщался охранять отъ варваровъ римскія владѣнія, особенно городъ Боспоръ, и кромѣ того доставлять извѣстное количество рогатаго скота; слѣдовательно въ сущности онъ призналъ себя вассаломъ и данникомъ Византіи. Императоръ послалъ еще нѣкоторое количество войска подъ начальствомъ военныхъ трибуновъ для защиты Боспора отъ Гунновъ и для собиранія съ нихъ означенной дани рогатымъ скотомъ. „Въ этомъ городѣ"—прибавляютъ византійскіе историки—„происходила значительная торговля Римлянъ съ Гуннами" *. Приведенное свидѣтельство представляетъ для насъ несомнѣнную важность. Вопервыхъ, самое прозвище гуннскаго князя, Гордъ или Гордай, обнаруживаетъ, что дѣло идетъ о Болгарахъ славянскихъ или такъ-называемыхъ Гуннахъ-Утургурахъ. Вовторыхъ, путешествіе Горда въ Византію, и конечно, съ значительною свитою, указываетъ на морскія плаванія таврическихъ Гунновъ, слѣдовательно, подтверждаетъ ихъ славянскій, а не угро-тюркскій характеръ. Въ исторіи нашего христіанства князь Гордъ является предшественникомъ русской

---

* Θеофанъ, Анастасій и Кедренъ. Замѣчательно, что, по извѣстію тѣхъ же историковъ, около того же времени принялъ крещеніе отъ императора Юстиніана князь придунайскихъ Геруловъ Гретисъ съ своими приближенными и обязался почти тѣми же условіями (Mem. Pop. I. 430). Очевидно, ко всѣмъ сосѣднимъ варварамъ Византія прилагала одинакіе политическіе пріёмы.

княгини Ольги, которая почти по тому же поводу предпринимала плаванiе въ Византiю. Слѣдовательно, ко временамъ Ольги подобныя путешествiя вошли уже въ нѣкоторый обычай у восточныхъ Славянъ.

Но этотъ первый христiанскiй князь таврическихъ Болгаръ имѣлъ печальную судьбу, по извѣстiю тѣхъ же византiйскихъ лѣтописей. Когда Гордъ воротился въ свою страну, то онъ началъ не только открыто исповѣдывать новую религiю, но и принялся истреблять языческiе идолы, которымъ поклонялись Болгары; а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и электрона, онъ приказывалъ расплавлять. Но язычество было еще очень крѣпко въ народѣ, и уничтоженiе идоловъ возбудило его къ мятежу. По всей вѣроятности, къ религiозной ревности присоединилось еще и неудовольствiе на князя за вассальное подчиненiе Византiи и за обязательство платить ей дань. Мятежники убили князя и преемникомъ ему поставили его брата Моагера. Вслѣдъ затѣмъ, опасаясь мщенiя со стороны Римлянъ, занимавшихъ Боспоръ, они внезапно напали на этотъ городъ и избили византiйскiй гарнизонъ съ трибуномъ Далматiемъ. Но Болгаре на этотъ разъ не долго владѣли Боспоромъ. Императоръ отправилъ противъ нихъ и моремъ, и сухимъ путемъ многочисленныя войска, набранныя „изъ Скиѳовъ" (слѣдовательно, главнымъ образомъ, изъ Славянъ). Очевидно, онъ рѣшился употребить большiя усилiя, чтобы смирить таврическихъ Болгаръ и упрочить свою власть въ такомъ торговомъ и стратегическомъ пунктѣ, каковъ былъ Киммерiйскiй Боспоръ. Усилiя его увѣнчались успѣхомъ. Варвары, устрашенные вѣстью о приближенiи сильнаго войска, покинули городъ, и Византiйцы окончательно въ немъ утвердились. По видимому, Боспориты или Пантикапейцы, признавшiе надъ собою верховную власть императора Юстинiана I, чтобъ имѣть защиту отъ варваровъ, до этого времени еще сохраняли тѣнь своего самоуправленiя; а теперь они должны были подчиниться византiйскимъ начальникамъ. Тогда же вѣроятно и были возстановлены Юстинiаномъ обветшавшiя стѣны Боспора; императоръ, по словамъ Прокопiя, укрѣпилъ его преимущественно передъ другими своими городами въ Тавридѣ *.

* Что дѣйствительно Византiйцамъ только въ это время удалось окончательно подчинить себѣ Боспоръ, видно изъ слѣдующаго извѣстiя Про-

Упомянутыя событія относятся къ первой, то есть, блестящей эпохѣ Юстиніанова царствованія, которая отличалась энергическою, многостороннею дѣятельностію государя и громкими подвигами его легіоновъ. Не то видимъ во вторую половину этого царствованія (явленіе довольно обычное въ исторіи; для сравненія достаточно напомнить Людовика XIV). Когда Юстиніанъ устарѣлъ, упала его энергія; вмѣстѣ съ тѣмъ возросли конечно подозрительность и ревность къ людямъ, выдвигавшимся своими талантами и заслугами; на мѣсто ихъ получили вліяніе люди неспособные въ государственномъ отношеніи, но умѣвшіе тонко льстить. Историкъ Агаѳій говоритъ, что упадокъ дѣятельности особенно былъ замѣтенъ въ военномъ дѣлѣ, которое не замедлило придти въ разстройство: вмѣсто 645.000, которые должны были находиться подъ знаменами по положенію, армія византійская въ это время едва насчитывала 150.000 человѣкъ для защиты своихъ предѣловъ, и эти войска были разбросаны на весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, именно, на Дунаѣ, въ Италіи, Испаніи, Нумидіи, Египтѣ, на Персидской границѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Это обстоятельство, конечно, не замедлило отразиться на отношеніяхъ имперіи къ сѣвернымъ варварамъ, и преимущественно на отношеніяхъ къ обѣимъ вѣтвямъ Болгарскаго народа, то есть, Кутургурамъ и Утургурамъ. Первые усилили свои набѣги на имперію; тщетны были тѣ многочисленныя укрѣпленія, которыми Юстиніанъ покрылъ берега Дуная. Болгаре массами врывались въ Мизію и Ѳракію, и особенно пользовались для своихъ нашествій тѣмъ временемъ, когда Дунай замерзалъ.

копія въ его «Персидской войнѣ» (L. II. Cap. 3). Въ 540 году Армяне, отпавшіе отъ союза съ Византіей и перешедшіе на сторону Персовъ, жалуясь Персидскому царю на Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ, «пославши войско на Боспоритовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ихъ городъ, на который не имѣлъ никакого права». Судя по этимъ словамъ и по той легкости, съ какою Болгаре захватили городъ и истребили византійскій гарнизонъ, можно предложить вопросъ: не сами ли Боспориты или Пантикапейцы помогали имъ въ этомъ случаѣ? Можетъ быть, у нихъ была антивизантійская партія, недовольная образомъ дѣйствія Византіи. Не надобно также забывать, что въ данную эпоху населеніе этого города было болѣе варварское, нежели эллинское.

Въ эту-то вторую эпоху своего царствованія Юстиніанъ усилилъ обычные пріемы византійской политики по отношенію къ варварамъ; онъ откупался золотомъ отъ враговъ, а также золотомъ пріобрѣталъ себѣ между ними союзниковъ и вооружалъ однихъ варваровъ на другихъ. Самыя значительныя вторженія Кутургуровъ, какъ извѣстно, произошли въ 551 и 559 годахъ. Хотя оба раза эти варвары подверглись нападенію своихъ единоплеменниковъ Утургуровъ; однако ихъ междоусобія не могли вознаградить императора за тѣ бѣдствія и опустошенія, отъ которыхъ страдала имперія, и никакія крѣпости, накакіе союзы не могли замѣнить сильныхъ и хорошо устроенныхъ легіоновъ, которые должны были бы охранять ея сѣверные предѣлы. Въ союзѣ съ Византіей въ эту эпоху снова усиливается восточно-болгарское племя, то есть, Утургуры. Таврическіе и таманскіе Болгаре составляли только часть этого племени; жилища другихъ его вѣтвей, по видимому, простирались тогда на западъ приблизительно до Днѣпра, гдѣ онѣ соприкасались съ землями Кутургуровъ. Между тѣмъ какъ у послѣднихъ изъ числа вождей выдвигался особенно Заберганъ, во главѣ утургурскихъ князей является въ то время Сандилъ (по нашему мнѣнію то же, что Судило или Судиславъ). Прокопій замѣчаетъ, что это былъ мужъ, одаренный замѣчательнымъ разумомъ, большою твердостію духа и весьма опытный въ военномъ дѣлѣ (De B. G. L. IV, c. 18). Подъ его начальствомъ Утургуры взяли верхъ надъ своими соплеменниками и заняли отчасти ихъ земли; такимъ образомъ нѣкоторыя ихъ вѣтви отодвинулись далѣе на западъ. Враждуя между собою, Болгарскія племена въ то же время по нѣкоторымъ признакамъ приходили въ столкновенія и съ другими Славянскими народами, особенно съ многочисленными племенами Антовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Болгаръ. Кромѣ того, они, безъ сомнѣнія, сталкивались и вели частыя войны съ Угорскими ордами, кочевавшими въ степяхъ Приазовскихъ. Растяженіемъ болгарскихъ вѣтвей и ихъ взаимными распрями вскорѣ воспользовались другіе варвары, надвинувшіе съ востока. Мы говоримъ о Хазарахъ и Аварахъ.

Но что это были за варвары, и къ какой семьѣ народовъ они принадлежали?

II.

Сбивчивыя мнѣнія о Хазарахъ.—Пришлый турецкій элементъ и туземный хазаро-черкесскій.—Двойственный составъ Аварскаго народа изъ Угровъ и Черкесъ.—Отношенія къ Антамъ и Болгарамъ.

Если обратимся къ начальнымъ судьбамъ Хазаръ, то относительно ихъ найдемъ въ историческихъ сочиненіяхъ такую же путаницу понятій, какую находимъ по отношенію къ Болгарамъ. Исторію Болгаръ обыкновенно начинаютъ съ половины VII вѣка, то есть, со времени Кубрата и мнимаго ихъ раздѣленія между его сыновьями, подъ предводительствомъ которыхъ они будто бы разошлись въ разныя стороны. При этомъ упускаютъ изъ виду весьма простое обстоятельство, а именно, что Болгаре за долгое время выступили на историческое поприще, уже давно развѣтвились на разныя части (Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры и пр.) и заняли большое протяженіе земель (См. ниже). То же недоразумѣніе по недостатку исторической критики повторилось и относительно Хазаръ. Исторію послѣднихъ обыкновенно начинаютъ со времени императора Ираклія, когда они являются его союзниками въ войнѣ съ персидскимъ царемъ Хозроемъ, то есть, съ 626 года, и къ этому именно времени пріурочиваютъ извѣстіе византійскихъ писателей Ѳеофана и Никифора о томъ, что Хазары пришли изъ „внутренней Береліи" или „Берзеліи". Безъ всякой провѣрки повторялось свидѣтельство тѣхъ же писателей, что Хазары только во второй половинѣ VII вѣка наложили дань на часть Болгаръ, которая осталась за Азовскимъ моремъ, или на удѣлъ Батбая, старшаго Кубратова сына. А между тѣмъ почти за 60 лѣтъ до упомянутаго союза съ Ираклiемъ болѣе ранніе византійскіе писатели повѣствуютъ о вторженіи въ Европу новыхъ завоевателей, именно Турокъ, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря и покорившихъ нѣкоторые народы юго-восточной Европы, въ томъ числѣ и Болгаръ Утургуровъ. Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ вводили въ заблужденіе тѣ же писатели, которые баснословятъ о Болгарахъ, то есть, Ѳеофанъ и Никифоръ; у нихъ впервые встрѣчается и самое названіе *Хазаръ*. Впрочемъ

вмѣстѣ съ тѣмъ они называютъ ихъ и „восточными Турками“.

Извѣстно, что народность Хазаръ до сихъ поръ составляетъ вопросъ въ европейской исторіографіи. Нѣкоторые писатели считаютъ ихъ народомъ турецкимъ или татарскимъ; большинство относитъ къ финнскому семейству и считаетъ соплеменниками Угровъ; третьи называли ихъ предками Черкесовъ (Сумъ, датскій ученый прошлаго столѣтія); четвертые, наконецъ, считали ихъ Славянами (Венелинъ). Сличивъ по возможности разныя извѣстія объ этомъ народѣ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Около половины VI вѣка произошло второе великое движеніе Урало-Алтайскихъ народовъ на восточную Европу. (Первое было произведено въ IV вѣкѣ Гуннами, народомъ Угорскаго поколѣнія). Начало этого втораго движенія восходитъ впрочемъ къ половинѣ V вѣка; судя по извѣстію Приска, византійскаго писателя того же вѣка, какой-то закаспійскій народъ потѣснилъ Аваръ и другія приволжскія и прикавказскія племена. (Excerpta de Legationibus). Затѣмъ въ теченіе почти ста лѣтъ византійскіе историки молчатъ объ этомъ народѣ, пока въ VI вѣкѣ онъ не выступилъ, подъ именемъ Турокъ, въ качествѣ новаго завоевателя юго-восточной Европы. Около этого времени въ средѣ кочевниковъ алтайскихъ и сѣвернаго Туркестана, по всей вѣроятности, произошли тѣ же перевороты, которые въ XII вѣкѣ совершились въ средѣ родственныхъ имъ и еще далѣе къ востоку обитавшихъ татаро-монгольскихъ ордъ, то есть, возвышеніе какого-либо ханскаго рода и объединеніе подъ его верховенствомъ значительной части турецкихъ племенъ. А слѣдствіемъ этихъ переворотовъ были такія же движенія на югъ и на западъ. Въ южныхъ областяхъ Аму и Сыръ-Дарьи нѣкогда процвѣтала греко-бактрійская цивилизація, и существовали еще богатые промышленные города. На югъ распространеніе турецкаго владычества, по видимому, не пошло далѣе Туркестана, потому что встрѣтило отпоръ со стороны сильнаго въ то время Персидскаго государства. Но на западъ отъ Каспійскаго моря Турки не нашли ни одного организованнаго противника, а только разноплеменные народы, раздѣленные на мелкія владѣнія и враждебные другъ другу; а потому ихъ завоеванія вскорѣ

распространились отъ Каспійскаго моря до Кавказа и береговъ Азовско-Черноморскихъ. Завоеванія эти перешли за Кавказъ и проникли до Арменіи; но и въ той сторонѣ они столкнулись съ тѣми же Персами. Хотя Турки дѣлились на разныя орды, подъ управленіемъ особыхъ хановъ, однако первое время всѣ они подчинялись великому хану, жившему въ Туркестанѣ. Это единство продолжалось не долго. Тутъ мы встрѣчаемъ то же самое явленіе, которое видимъ впослѣдствіи въ исторіи татаро-монгольскаго ига. Турки, поселившіеся между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, въ VII вѣкѣ составили особый хаганатъ, средоточіемъ котораго сдѣлался потомъ городъ Итиль, лежавшій на нижнемъ теченіи рѣки Итиля, то есть Волги. Этотъ хаганатъ съ городомъ Итилемъ былъ прямымъ предшественникомъ Золотой орды съ ея столицею Сараемъ. Съ VII же вѣка онъ сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ царства Хазарскаго. Турки хазарскіе, подчинивъ себѣ многіе города и осѣдлыя населенія, и сами сдѣлались народомъ полуосѣдлымъ. А тѣ орды, которыя въ своемъ движеніи съ востока остановились въ степяхъ Яицкихъ и Волжскихъ, продолжали вести свой прежній кочевой образъ жизни: онѣ встрѣчаются потомъ въ исторіи подъ разными именами, преимущественно Печенѣговъ, Узовъ и Кумановъ (Половцевъ). Печенѣги сдѣлались извѣстны своими набѣгами на Хазарское царство, основанное ихъ соплеменниками.

Итакъ, Хазарское царство основано собственно турецкимъ племенемъ; въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но почему же оно стало называться Хазарскимъ? Было ли принесено это имя изъ Средней Азіи турецкими завоевателями, или оно было туземное?

Оно принадлежало не пришлымъ Туркамъ, а туземному прикавказскому народу.

Не восходя ко временамъ болѣе отдаленнымъ, въ которыхъ можно найдти это имя, укажемъ на двухъ писателей V вѣка: армянскаго историка Моисея Хоренскаго и греческаго ритора Приска. Моисей Хоренскій упоминаетъ о нашествіи на армянскія владѣнія Хазаровъ, народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, и это нашествіе относитъ къ концу II или началу III вѣка по Р. Х. (см. въ переводѣ *Эмина*, стр. 134). Государя Хазаровъ Мои-

сей Хоренскій называетъ *хаканомъ*, словомъ, которое вообще означаетъ у него владыку (ibid. 309) *. Греческій современникъ армянскаго историка Прискъ говоритъ о скиѳскомъ народѣ Акацирахъ или Кацирахъ, обитавшемъ за Азовскимъ моремъ около Кавказскихъ горъ. По его словамъ, этотъ народъ управлялся многими князьями; старшій изъ нихъ, по имени Куридахъ, находясь въ распрѣ съ другими, призналъ Аттилу судьею этихъ распрей и помогъ Гуннамъ подчинить себѣ народъ Акацирскій. Хотя зависимость эта окончилась при сыновьяхъ Аттилы, но подобно сосѣднимъ Болгарамъ, Акациры съ того времени причислялись византійскими писателями къ народамъ гуннскимъ. Вѣроятно, это былъ тотъ же храбрый и сильный народъ, который у Прокопія, то-есть, въ VI вѣкѣ, является подъ именемъ Ефталитовъ или *Бѣлыхъ Гунновъ*. Они играли важную роль въ войнахъ Византійцевъ съ Персами, большею частію какъ союзники первыхъ. Бѣлыми эти Гунны, по объясненію Прокопія, назывались потому, что отличались отъ другихъ Гунновъ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и красивою наружностію. Слѣдовательно — ясно, что это не были настоящіе Гунны или Угры, а принадлежали къ туземнымъ народамъ, то-есть, къ семьѣ Индоевропейской, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, къ группѣ Мидо-Сарматской, къ которой должно причислить почти всѣ народы кавказскіе до появленія между ними гуннскихъ и турецкихъ завоевателей. Рядомъ съ именемъ Ефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ у писателей VI вѣка встрѣчается и ихъ собственное, народное имя, какъ то показываетъ Іорнандъ. Въ своемъ описаніи Скиѳіи онъ упоминаетъ храброе племя Акацировъ, которыхъ помѣщаетъ сосѣдями Болгаръ, хотя, очевидно, не имѣетъ точнаго представленія объ ихъ географическомъ положеніи. Итакъ, Кациры или Казиры было одно изъ черкесскихъ племенъ. Какъ въ V столѣтіи они, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, подпали подъ иго Аттилы, такъ въ VI вѣкѣ, по той же самой причинѣ, они сдѣлались добычею турецкихъ завоевателей. По словамъ Менандра, какой-то знатный Ефталитъ, по имени

* Г. Эминъ при томъ совершенно справедливо выражаетъ сомнѣніе въ турецкомъ происхожденіи этого слова. Очевидно, титулъ «хаканъ» или «хаганъ» существовалъ у народовъ прикавказскихъ прежде пришествія туда турецкихъ завоевателей.

Катульфъ (имя, очевидно, не гуннское), мстя своему государю за безчестіе жены, предалъ своихъ соплеменниковъ Туркамъ. Это произошло въ 560-хъ годахъ.

Вслѣдъ затѣмъ Турки покорили и другіе прикавказскіе народы; между прочими принуждены были платить имъ дань и азовско-черноморскіе Болгаре или Утургуры, ослабленные внутренними раздорами и удаленіемъ на западъ значительной части своего племени. У византійскихъ писателей VIII и IX вѣка завоеватели этихъ народовъ являются иногда подъ своимъ названіемъ Турокъ; но преимущественно они именуются Хазарами, то-есть. на нихъ перешло имя покореннаго ими черкесскаго народа Хазаровъ. Слѣдовательно, то, что́ мы привыкли разумѣть подъ словомъ Хазиры или „Хазары", въ періодъ приблизительно отъ VII до XI вѣка, не представляло собственно одного опредѣленнаго племени. Это было государство, составленное изъ разныхъ народностей. Тутъ находились, вопервыхъ, истые Турки, пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря, потомъ племена мидосарматскія или черкесскія, нѣкоторая часть восточно-славянскихъ народовъ и нѣкоторыя орды гуннскія или угорскія, кочевавшія въ степяхъ Нижней Волги и Дона. Кромѣ того, въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населенія. Довольно продолжительное существованіе Турецко-Хазарскаго государства способствовало, конечно, нѣкоторому смѣшенію этихъ народовъ и ихъ языковъ; по всей вѣроятности, здѣсь зарождались новые, переходные типы. Но прочной и однородной національности здѣсь не выработалось; это отчасти и объясняетъ намъ, почему впослѣдствіи Хазарское государство сошло со сцены, не оставивъ никакого опредѣленнаго этнографическаго типа въ исторіи. Существованіе различныхъ племенъ, не слившихся въ одинъ народъ, объясняетъ намъ и то замѣчательное разнообразіе религій, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ эпоху процвѣтанія Хазарскаго государства. По нѣкоторому родству языковъ, по образу жизни и близкому сосѣдству турецкіе завоеватели, поселившіеся главнымъ образомъ около Нижней Волги, по всей вѣроятности, наиболѣе тяготѣли къ народамъ Угорскаго или собственно Гуннскаго племени. Но они неизбѣжно подверглись вліянію болѣе одаренныхъ и болѣе развитыхъ народностей славянскихъ и особенно кав-

казскихъ. Послѣдній элементъ, очевидно, взялъ верхъ надъ всѣми другими съ тѣхъ поръ, какъ пришлые Турки отдѣлились отъ своихъ среднеазіатскихъ соплеменниковъ и составили особое государство. Посредствомъ своихъ женщинъ хазарскій или черкесскій элементъ повліялъ смягчающимъ образомъ конечно и на самый внѣшній типъ турецкихъ завоевателей.

Одновременно съ Тюрко-Хазарскимъ государствомъ, выступаетъ на историческое поприще другой народъ завоевателей, Авары. Хотя народность и исторія Хазаръ до сихъ поръ остаются не выясненными, и извѣстія о нихъ очень мало разработанными критически, однако на ихъ счетъ европейская исторіографія имѣетъ уже довольно богатую литературу. Назовемъ труды Стриттера, Сума, Лерберга, Френа, Доссона, Языкова, Григорьева, Дорна, Вивьенъ-де-сенъ-Мартена, Бруна, Хвольсона и др. Но что́ достойнаго вниманія, кромѣ извлеченій Стриттера изъ византійскихъ историковъ, имѣемъ мы для исторіи и этнографіи Аваръ? Венелинъ въ своей не оконченной (исходившей отъ предвзятой идеи) монографіи объ Обрахъ справедливо замѣтилъ: „Если перелистуемъ каталогъ всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что *Обры* или Авары почти совершенно забыты, вмѣстѣ съ ихъ имперіей, не смотря на то, что почти всякій изыскатель, или компиляторъ историческихъ сочиненій, больше или меньше спотыкается объ Аварскую имперію или объ Обрскій народъ“ (*Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ* 1847 г. № 3). А между тѣмъ этотъ народъ свирѣпствовалъ въ средней и восточной Европѣ въ продолженіе 250 лѣтъ!

Не вдаваясь въ особое изслѣдованіе объ Аварахъ, мы предложимъ относительно ихъ нѣсколько своихъ замѣчаній и соображеній, предоставляя будущему окончательное рѣшеніе этого темнаго вопроса.

Объ Аварахъ существуютъ такія же разнообразныя мнѣнія, какъ о Хазарахъ. Господствующимъ изъ этихъ мнѣній можно назвать то, которое отожествляетъ ихъ съ Гуннами, слѣдовательно, относитъ къ племенамъ угро-финскимъ. Мнѣніе это основано на томъ, что часть византійскихъ писателей иногда какъ-бы смѣшиваетъ Аваръ съ Гуннами; особенно же подобное смѣшеніе замѣтно у важнѣйшихъ латинскихъ

или западно-европейскихъ лѣтописцевъ VI — VIII вѣковъ, каковы Іорнандъ, Григорій Турскій, Фредегарій и Павелъ Діаконъ. Но такъ какъ средневѣковые историки этого періода вообще очень щедры на имя Гунновъ и сообщаютъ его иногда самымъ разнообразнымъ народамъ, то подобное доказательство требуетъ еще подтвержденія.

Первый изъ Византійцевъ, упоминающій объ Аварахъ, былъ Прискъ, писатель V столѣтія. По поводу упомянутаго нами выше движенія закаспійскихъ народовъ (Турокъ) онъ говоритъ, что потѣсненные ими Авары обрушились на Савировъ, а послѣдніе—на другіе гуннскіе народы. Затѣмъ византійскія извѣстія молчатъ объ Аварахъ до второй половины VI вѣка, то-есть, до завоеванія Турками странъ, лежащихъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Тогда Авары, не желая сносить турецкое иго, вступили въ переговоры съ императоромъ Юстиніаномъ I и просили у него земель для поселенія, обѣщая охранять его имперію отъ внѣшнихъ враговъ. Императоръ, по видимому, былъ доволенъ ихъ предложеніемъ, надѣясь посредствомъ этихъ новыхъ варваровъ сдерживать Болгаръ, угнетавшихъ сѣверныя провинціи имперіи. Какъ бы то ни было, значительная часть Аварскаго народа изъ-за Дона и Азовскаго моря перешла на сѣверную сторону Дуная въ Паннонію. Но тутъ скоро оказалось, что Византійская имперія пріобрѣла себѣ сосѣда еще болѣе свирѣпаго и опаснаго, чѣмъ Болгаре. О переговорахъ съ византійскимъ правительствомъ и переходѣ Аваръ въ Паннонію повѣствуетъ въ особенности Менандръ, писатель конца VI и начала VII вѣка. Изъ того же писателя мы видимъ, что Турки смотрѣли на Аваръ, ушедшихъ на Дунай, какъ на своихъ бѣглыхъ рабовъ и требовали отъ преемника Юстиніанова, Юстина II, чтобъ онъ не давалъ убѣжища въ своихъ земляхъ ихъ непокорнымъ подданнымъ. Но обстоятельства въ то время не мало покровительствовали этимъ новымъ завоевателямъ средней Европы, а именно: съ одной стороны — слабость имперіи и ея отношенія къ Болгарамъ, а съ другой—взаимныя отношенія германскихъ народовъ, побудившія Лангобардовъ искать союза Аваръ противъ Гепидовъ.

Затѣмъ, обращу вниманіе изслѣдователей на извѣстіе младшаго современника Менандрова, Θеофилакта Симокаты. По

его словамъ, новые завоеватели, поселившіеся на Дунаѣ въ Панноніи, были не настоящіе Авары. Онъ говоритъ, что эти *Псевдоавары* принадлежали собственно къ племени Огоръ, которое обитало около рѣки Тиль (Атель или Волга), и что часть этого племени по именамъ двухъ своихъ древнихъ князей называлась *Варъ* и *Хунни*. Когда, убѣгая отъ Турокъ, они приблизились къ Сабирамъ, послѣдніе приняли ихъ за Аваръ и почтили дарами. Тогда Варъ и Хунни, замѣтивъ эту счастливую для себя ошибку, начали уже сами выдавать себя за Аваръ. „Ибо"—прибавляетъ Ѳеофилактъ—„изъ всѣхъ скиѳскихъ народовъ Авары отличаются наибольшею даровитостію" (Theophilacti Historiarum lib. VII). Въ этомъ извѣстіи скрывается, конечно, какое-либо недоразумѣніе, но должна быть и нѣкоторая доля правды. Несомнѣнно то, что во времена Ѳеофилакта паннонскіе Авары назывались отчасти *Варъ*, отчасти *Хунни* (или сложнымъ, искусственнымъ словомъ *Вархониты*, какъ иногда находимъ у Менандра). Но что́ такое имя „Варъ" какъ не то же „Аваръ" (какъ Тиль вмѣсто Атель)? Слѣдовательно, этотъ народъ состоялъ собственно изъ Аваръ и Гунновъ. Ѳеофилактъ называетъ ихъ Псевдоаварами, и говоритъ, что они принадлежали къ племени Огоръ; въ послѣднемъ мы можемъ узнать Угровъ. Позволимъ себѣ предложить догадку, что къ Уграмъ принадлежала именно та часть народа, которая называлась „Хунни", и этихъ Гунновъ дѣйствительно можно было назвать Псевдоаварами, но что другая часть, то-есть, „Варъ", была настоящими Аварами. Однимъ словомъ, мы усматриваемъ два различные элемента въ томъ народѣ, который подъ именемъ Аваръ долгое время господствовалъ на Дунаѣ.

На эту догадку, главнымъ образомъ, навелъ насъ разсказъ Константина Багрянороднаго о хазарскомъ племени Кабарахъ или Каварахъ. Въ своемъ сочиненіи „объ управленіи имперіей" (гл. 39 и 40) Константинъ разсказываетъ, что Кабары составляли нѣкогда одно изъ племенъ хазарскихъ, потомъ возмутились и произвели междоусобную войну, но были побѣждены. Тогда часть Кабаръ ушла къ Уграмъ, соединилась съ ними и поселилась сначала въ той странѣ, которую (во время Константина) занимали Печенѣги. Эта часть Кабаръ, соединясь съ семью угорскими ко-

лѣнами, составила восьмое колѣно, которое въ войнахъ первенствовало надъ другими своею храбростію. Оно доселѣ (т. е. до временъ Константина) сохранило между паннонскими Уграми свое особое нарѣчіе.

Константинъ не говоритъ, когда именно происходило приведенное сейчасъ событіе, то-есть, переселеніе Кабаръ съ Кавказа въ южно-русскія степи. Исторіографія обыкновенно пріурочивала его къ IX вѣку, такъ же какъ и начало угорской династіи Арпада, о которомъ тутъ же баснословитъ Константинъ. Вообще этотъ писатель представляетъ драгоцѣнный источникъ во многихъ отношеніяхъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ эпохѣ ему современной. Но его извѣстія о временахъ прошедшихъ иногда сбивчивы и легендарны. Менѣе всего онъ заботился о хронологіи. Между прочимъ у него говорится, что Угры находились въ вассальной зависимости отъ Хазаръ *три года*, пока хазарскій каганъ рѣшилъ поставить имъ собственнаго царя. Тутъ очевидная ошибка. Если считать со времени основанія Турками Хазарскаго государства до появленія Арпада, то выйдетъ не три, а триста лѣтъ. Далѣе, въ тѣхъ же извѣстіяхъ заключается и слѣдующее противорѣчіе. Если Угры были зависимы отъ хазарскаго хагана, то какъ могли уйдти къ нимъ Кабары, убѣжавшіе отъ той же зависимости? Соображая всѣ обстоятельства, мы выводимъ такое заключеніе: Константинъ, повѣствующій о возмущеніи Кабаръ, переселеніи ихъ изъ Прикавказья на западъ и соединеніи съ Уграми, въ сущности вспоминаетъ о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ говорятъ Менандръ и Ѳеофилактъ по отношенію къ Аварамъ, то-есть, что часть ихъ ушла изъ Хазаріи, спасаясь отъ ига пришлыхъ Турокъ. Эти писатели взаимно одинъ другаго пополняютъ и поясняютъ. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что Авары и Кавары или Кабары суть одинъ и тотъ же народъ, принадлежавшій къ Хазарскому или Черкесскому семейству. (Имена ихъ и доселѣ живутъ на Кавказѣ, гдѣ встрѣчаемъ и Аваръ и Кабаръ или Кабардинцевъ). Въ степяхъ азовско-днѣпровскихъ Авары соединились съ нѣкоторыми угорскими ордами, которыхъ соплеменники, оставшіеся между Волгой и Дономъ, также какъ и кавказскіе Хазары, подпали зависимости Турокъ. Теперь намъ понятно, почему Аваръ,

завоевавшихъ Паннонію, Ѳеофилактъ называетъ Псевдо-аварами, иначе племенами Варъ и Хунни. Онъ только ошибся по отношенію къ племени Варъ, которое было то же, чтó Аваръ; но Хунни были дѣйствительно не аварское, а угорское племя. Константинъ, который ясно свидѣтельствуетъ о присутствіи черкесскаго элемента посреди паннонскихъ Угровъ, сохранявшаго свои отличія еще въ его время, говоритъ, что эти Угры (которыхъ онъ именуетъ Турками) нѣкогда назывались *Савартіасфалы* (Σαβαρτοιασφαλοι); чѣмъ еще болѣе подтверждаетъ нашу догадку о присутствіи хазарскаго элемента у паннонскихъ Аваръ. Приведенное названіе справедливо считаютъ искаженіемъ сложнаго слова, составленнаго изъ двухъ именъ: Савиры и Эфталиты. Послѣднее имя, по всей вѣроятности, какъ мы уже говорили, обозначало у нѣкоторыхъ писателей Хазаръ; а Савиры или Савары у Византійцевъ иногда называются и Авары. (У Іорнанда вмѣсто Авиры въ нѣкоторыхъ спискахъ также стоитъ Савиры). Слѣдовательно, Угры, завоевавшіе Паннонію во второй половинѣ IX вѣка, повторили то же самое, чтó сдѣлали ихъ предшественники Авары съ помощью ихъ соплеменниковъ во второй половинѣ VI вѣка. Конечно, далеко не всѣ Аваро-Угры были истреблены Франками и Болгарами, разрушившими ихъ государство въ началѣ IX вѣка. Остатки ихъ, безъ сомнѣнія, облегчили потомъ новое завоеваніе ПанноніиУграми (какъ остатки Гунновъ Аттилы, по всей вѣроятности, облегчили завоеваніе ея Аварами). Притомъ, движеніе изъ-за Азовскаго моря и Дона Угровъ и хазарскихъ Аваръ не ограничилось VI вѣкомъ; по нѣкоторымъ признакамъ оно продолжалось и послѣ того *.

Не даромъ черкесское или хазарское племя отличалось своею наружностію, характеромъ и языкомъ посреди Угровъ еще въ X вѣкѣ, то-есть, въ эпоху Константина. (Не даромъ и лучшее, самое почитаемое, войско у нихъ стало называться *хусары*, то-есть, хасары или хазары). По этому

* Ѳеофилактъ Симоката сообщаетъ, что во времена императора Маврикія турецкій каганъ окончательно покорилъ племя Огоръ (или Угровъ), при чемъ число избитыхъ Угровъ простиралось будто бы до 300.000, такъ что трупы ихъ были разсѣяны на разстояніи четырехъ дней пути. Послѣ того часть Угровъ удалилась къ дунайскимъ Аварамъ и присоединилась къ нимъ въ числѣ 10.000 человѣкъ.

поводу обратимъ вниманіе на извѣстіе русской лѣтописи, которая дѣлитъ Угровъ на *Бѣлыхъ* и *Черныхъ*. Подъ Бѣлыми Уграми обыкновенно исторіографія разумѣла только Хазаръ; но по смыслу лѣтописи это названіе съ такою же вѣроятностію можно отнести и къ Аварамъ *. Теперь, когда мы предполагаемъ, что настоящіе Хазары и Авары принадлежали къ одному и тому же черкесскому племени, и что это племя въ соединеніи съ истыми Уграми дѣйствовало и въ южной Россіи, и на Дунаѣ, теперь намъ понятно, откуда произошло названіе Бѣлыхъ Угровъ, и въ какомъ отношеніи они находились къ Чернымъ, то-есть, настоящимъ Уграмъ

Итакъ, Аварскій народъ, пришедшій на Дунай во второй половинѣ VI вѣка, состоялъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ элементовъ: хазарскаго или черкесскаго и угорскаго или собственно гуннскаго. Во главѣ этого союза, очевидно, находился черкесскій элементъ, болѣе даровитый и храбрый. По извѣстію Менандра, часть Аваръ, ушедшая на западъ отъ турецкаго ига, будто бы заключала въ себѣ до 200.000 человѣкъ. Замѣчательно, что та же двойственность типа, какую мы находимъ въ государствѣ, основанномъ Аварами на Дунаѣ, встрѣчается и въ государствѣ собственно Хазарскомъ, то-есть, около Кавказа. Пришлые Турки, заимствовавъ имя отъ туземцевъ Хазаръ, впослѣдствіи хотя и смѣшались съ ними отчасти, но очевидно, не успѣли совершенно слиться

* «Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску (то-есть, Дунайскихъ Славянъ); си бо Угри начаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя царя Персидскаго». (Въ войнѣ Ираклія съ Хозроемъ равно участвовали и Авары, и Хазары). Бѣлые Угры или Хазаро-Аварскій народъ у Русскихъ позднѣе встрѣчается подъ общимъ именемъ кавказскихъ горцевъ или *Черкессовъ*; это послѣднее имя восходитъ ко временамъ глубокой древности (кавказскіе Керкеты или Черкеты у Страбона). Извѣстіе Константина Багрянороднаго о переселеніи Кабаръ въ западное Черноморье объясняетъ намъ, откуда явилось впослѣдствіи именованіе южно-русскихъ казаковъ *Черкесами*. (См. по этому поводу любопытныя соображенія профессора Бруна въ *Записк. Од. Общ. Ист и Др.*, т. VII). И самое названіе *казаки*, вопреки всѣмъ попыткамъ объяснить его изъ татарскихъ языковъ, есть, конечно, то же, что Казары съ его варіантами: Касахи у Константина Багрянороднаго и Касоги въ нашей лѣтописи.

въ одинъ народъ и выработать новый этнографическій типъ. Объ этой двойственности ихъ типа свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія X вѣка. Такъ, у Истахри говорится, что одни Хазары назывались Кара-Джуръ и были цвѣта столь смуглаго, что казались черными, другіе же были бѣлы, прекрасны и стройны (См. *Мордтмана* Das Buch der Länder von Istachri. 105). Ибнъ-Даста замѣчаетъ, что воины хазарскаго вице-царя (иша) „красивы собою", и что они „одѣты въ прочныя брони" (*Хвольсона* Извѣстія о Хазарахъ и пр. 18). О чистомъ турецко-татарскомъ племени никакъ нельзя было сказать, что оно красиво. бѣло и стройно; это извѣстіе относилось, конечно, къ туземнымъ Хазарамъ, то-есть, къ Черкесамъ, между тѣмъ какъ весьма смуглая, некрасивая часть Хазаръ принадлежала къ настоящему Татарскому племени. О присутствіи этого некрасиваго татарскаго элемента между Хазарами свидѣтельствуетъ и слѣдующее извѣстіе Симеона Логоѳета: Однажды государственный секретарь сообщилъ императору Михаилу III, что патріархъ Фотій проповѣдуетъ о двухъ душахъ въ человѣкѣ, и что служители поэтому требуютъ двойнаго содержанія. Императоръ, разсмѣявшись, сказалъ: „Такъ вотъ чему учитъ эта хазарская рожа!"

Наконецъ принадлежность Аваръ къ Хазарскому или Черкесскому племени подтверждается и общимъ у нихъ титуломъ кагана или хагана,—титуломъ, который, какъ мы замѣчали, не встрѣчается ни на сѣверѣ у Финновъ, ни на востокѣ у Татаръ, а первоначально упоминается у народовъ прикавказскихъ.

При своемъ движеніи изъ-за Азовскаго моря на западъ, Авары и Угры должны были неизбѣжно столкнуться съ южно-русскими Славянами, извѣстными въ тѣ времена подъ общимъ именемъ Антовъ. Хотя послѣдніе были многочисленны и храбры, но они еще не успѣли объединиться усиліями Днѣпровской Руси и управлялись своими мелкими князьями или своими шумными вѣчами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осѣдлое населеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ (по свидѣтельству Прокопія) и не имѣющее для своей защиты многихъ крѣпкихъ городовъ, съ трудомъ можетъ устоять противъ пришлыхъ ордъ, дѣйствующихъ подвижными и плотными массами; однако Славяне по всѣмъ призна-

камъ оказали мужественное сопротивленіе. Өеофилактъ не даромъ назвалъ Аваръ самымъ изворотливымъ изъ скиөскихъ народовъ. Дѣйствительно въ своей дальнѣйшей исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи, они являются довольно ловкими политиками и даже своего рода дипломатами,—чѣмъ помимо храбрости и объясняются ихъ первые успѣхи и завоеванія. Источники только мимоходомъ упоминаютъ о ихъ столкновеніяхъ съ Антами. А именно, Менандръ разказываетъ, что, когда Авары начали своими набѣгами опустошать земли Антовъ, послѣдніе отправили къ нимъ одного изъ своихъ старшинъ, Мезаміра, для выкупа плѣнныхъ. Мезамiръ, человѣкъ тщеславный и рѣчистый, началъ вести переговоры высокомѣрнымъ тономъ. Тогда нѣкто Котрагегъ, находившійся въ союзѣ и дружбѣ съ Аварами, далъ аварскому кагану такой совѣтъ: „Этотъ человѣкъ пользуется у своего племени большимъ значеніемъ и можетъ вывести въ поле столько людей, сколько захочетъ; надобно его убить, и тогда смѣло нападай на ихъ земли". Авары послушались этого совѣта, и презрѣвъ обычаи, охраняющіе особу посла, убили Мезаміра. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ они еще свободнѣе опустошали земли своихъ сосѣдей, брали большую добычу и уводили толпы плѣнныхъ. Это извѣстіе Менандра бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Аваръ къ южнорусскимъ Славянамъ въ VI вѣкѣ. Упомянутый Котрагегъ есть, конечно, то же, что Котрагъ; а это слово, какъ извѣстно, было одно изъ видовыхъ названій болгарскаго племени: Котраги или Котригуры въ то время обитали въ Черноморьѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Подъ именемъ Котрага тутъ разумѣется вѣроятно одинъ изъ князей или знатныхъ людей этого племени. Упомянутый совѣтъ намекаетъ на обычное явленіе, то есть, на раздоры и усобицы славянскихъ народовъ. Между Болгарами и Антами шла, очевидно, мелкая вражда изъ-за земель или изъ-за добычи и плѣнныхъ (то есть, рабовъ). Авары конечно ловко пользовались этою враждою для своихъ цѣлей.

Относительно Антовъ изъ византійскихъ источниковъ не видно, чтобъ они находились собственно подъ аварскимъ игомъ; вѣроятно, имъ удалось отстоять или вскорѣ возвратить свою независимость *. Но западную вѣтвь Болгаръ,

* Къ этому-то столкновенію Антовъ съ Аварами, можетъ быть, относится то смутное преданіе, которое наша лѣтопись разказываетъ по по-

то есть Кутургуровъ, мы видимъ потомъ въ теченіе 70 или 80 лѣтъ (то есть, до временъ Кубрата) подъ игомъ Аваръ, которымъ они платятъ дань и даютъ вспомогательныя войска. Авары пользуются преимущественно болгарскими силами въ своихъ войнахъ съ Византіей и дунайскими Славянами. Напримѣръ, уже въ 574 году аварскій каганъ Баянъ посылаетъ 10,000 Котригуровъ раззорять Далмацію (Менандръ). Около того же времени онъ отправляетъ въ Византію посольство, которое между прочимъ требуетъ отъ императора Юстина II, чтобы та дань, которую его предшественникъ, Юстиніанъ I, платилъ Котригурамъ и Утригурамъ, была теперь вносима Аварамъ, такъ какъ они покорили оба эти народа. На такое требованіе императоръ отвѣчалъ отказомъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, въ числѣ покоренныхъ упоминаются обѣ вѣтви Болгаръ—и западная, и восточная. Но Утургуры тутъ должны быть понимаемы только отчасти; ибо большую ихъ часть, обитавшую къ югу и востоку отъ Азовскаго моря, въ то же время мы встрѣчаемъ подъ игомъ Турко-Хазаръ.

III.

Союзъ Турко-Византійскій. Посолъ Земархъ у Дизавула. Валентинъ и Турксантъ. Покореніе азовскихъ Болгаръ и Тавриды.

Въ царствованіе Юстина II, именно въ 568 году, въ Константинополь прибыло посольство изъ-за Каспійскаго моря отъ Турокъ, и вотъ по какому поводу (Менандръ in Excerptis de Legationibus). Турки покорили Согдаитовъ, обитавшихъ въ странѣ, занятой теперь ханствомъ Бухарскимъ (древняя Согдіана). Согдаиты были народъ промышленный и торговый, который между прочимъ велъ торговлю шелкомъ. По ихъ просьбѣ турецкій ханъ Дизавулъ отправилъ посольство къ знаменитому персидскому царю Хозрою съ предложеніемъ своего сою-

---

воду хазарскаго нашествія на днѣпровскихъ Славянъ: такъ какъ владѣнія Турокъ, основавшихъ собственно Хазарское государство, никогда не простирались до Днѣпра, и они никогда не господствовали въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

за и съ просьбою дозволить Согдаитамъ свободно торговать шелкомъ въ предѣлахъ персидскихъ. Но, по совѣту Катульфа (того самаго, который предалъ Туркамъ своихъ соплеменниковъ Ефталитовъ, а потомъ бѣжалъ къ Персамъ), Хозрой отвергъ эту просьбу и не пожелалъ быть въ союзѣ съ Турками. Тогда князь согдаитскій Маньякъ предложилъ Дизавулу отправить посольство къ императору Византійскому, говоря, что союзъ съ нимъ будетъ выгоднѣе для Турокъ, а шелкъ у Грековъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ у другихъ народовъ. Маньякъ вызвался самъ руководить этимъ посольствомъ. Дизавулъ послушалъ, и отправилъ его, снабдивъ дружескимъ письмомъ, а также богатыми подарками изъ шелковыхъ тканей. Посольство это должно было проходить многія страны, болотистыя пространства, лѣсистыя земли и высокія Кавказскія горы, покрытыя туманами и снѣгами. Наконецъ, послѣ долгаго странствія они достигли Константинополя. Подарки и письмо были ласково приняты Юстиномъ. Императоръ много распрашивалъ о турецкомъ государствѣ. Послы отвѣчали, что оно дѣлится на четыре владѣнія или ханства, но что верховная власть надъ всѣми принадлежитъ Дизавулу; разказывали о покореніи имъ сильнаго народа Ефталитовъ и о завоеваніи ихъ городовъ. Затѣмъ перевели рѣчь на Аваръ, вопросъ о которыхъ составлялъ одну изъ задачъ посольства. Турки считали Аваръ своими бѣглецами и просили императора не принимать ихъ въ союзъ и не давать имъ земель; при этомъ они сообщили, будто число бѣжавшихъ отъ нихъ Аваръ простиралось до 200.000. Маньяку дѣйствительно удалось заключить союзный договоръ съ византійскимъ правительствомъ. Союзъ этотъ имѣлъ будущность, потому что у Турокъ и Византійцевъ оказался одинъ общій непріятель, могущественный царь Персидскій.

Вслѣдъ за первымъ турецкимъ посольствомъ въ Византію, послѣдовало и первое византійское посольство къ Туркамъ. Чтобы скрѣпить новый союзъ, императоръ, при возвращеніи турецкихъ пословъ въ Азію, отправилъ съ ними киликійца Земарха, который тогда начальствовалъ въ восточныхъ городахъ. Послѣдуемъ за Менандромъ въ его любопытномъ описаніи этого посольства.

Земархъ и Маньякъ покинули Византію въ августѣ слѣдующаго 569 года. Много дней провели они въ дорогѣ; наконецъ прибыли въ страну Согдаитовъ. Здѣсь встрѣтили ихъ заклина-

тели, которые почитались охранителями отъ всякихъ золъ и бѣдствій. Приблизясь къ Земарху и его спутникамъ, они начали шептать какія-то слова, ударяя въ бубны и потрясая колокольчиками, а также производя окуриваніе ладаномъ. Они съ неистовымъ шумомъ дѣлали движенія, которыми какъ бы прогоняли все, что̀ иноземцы могли принести съ собою зловреднаго. Затѣмъ самаго Земарха обвели вокругъ священнаго пламени, который имѣлъ очистительное значеніе. По совершеніи этихъ обрядовъ, посольство въ сопровожденіи особо назначенныхъ для того людей продолжало путь къ той мѣстности, которая называлась *Эктагъ*, что̀ означало: „Золотая гора“ *. Она служила тогда мѣстопребываніемъ главнаго турецкаго кагана, и здѣсь въ одной долинѣ расположено было его жилище. Послы были введены въ ханскій шатеръ и предстали предъ лицо Дизавула. Палатка его была обита яркопестрыми коврами, а каганъ сидѣлъ на блиставшей золотомъ колесницѣ, которая служила ему трономъ. Совершивъ обычные поклоны и представивъ императорскіе дары, Земархъ отъ имени своего государя произнесъ высокопарное привѣтствіе, а также пожеланія постоянной побѣды надъ врагами и неизмѣнной дружбы между Римлянами и Турками. Дизавулъ отвѣчалъ такими же пожеланіями всякаго благополучія для Римлянъ. Пословъ пригласили послѣ того къ ханскому пиршеству, за которымъ прошелъ весь остатокъ дня. Но ихъ угощали не виноградньмъ виномъ, къ которому они привыкли, а какимъ-то особымъ варварскимъ напиткомъ, впрочемъ на вкусъ очень сладкимъ (медомъ?). На другой день угощеніе происходило въ иной ханской ставкѣ, которая также была изукрашена шелковыми тканями съ разными на нихъ изображеніями. По срединѣ разставлены были дорогіе сосуды, вазы и золотые кувшины съ напитками. Дизавулъ возсѣдалъ на золотомъ ложѣ. Слѣдующее угощеніе происходило опять въ иномъ шатрѣ, который былъ утвержденъ на деревянныхъ столбахъ, покрытыхъ золотыми листами, а золотое ложе кагана

* Другой византійскій писатель, Θеофилактъ Симоката, поясняетъ, что мѣсто это получило у туземцевъ такое названіе вслѣдствіе своего плодородія и обильныхъ пастбищъ, на которыхъ паслись многочисленныя стада и конскіе табуны. Этотъ Эктагъ, можетъ быть, есть та горная гряда, которая называется теперь Актау, въ бывшей сѣверной части Бухарскаго ханства, нынѣ въ русскихъ владѣніяхъ

покоилось на четырехъ павлинахъ изъ того же металла. У входа стояли многія колесницы, наполненныя серебряною посудой и серебряными изваяніями животныхъ, которыя красотой и изяществомъ не уступали византійскимъ издѣліямъ этого рода, и которыя каганъ очень любилъ. Вся эта масса золотыхъ и серебряныхъ вещей свидѣтельствовала о промышленности и богатствѣ городовъ Средней Азіи, разграбленныхъ турецкими завоевателями, или присылавшихъ имъ большіе дары, чтобъ избавиться отъ ихъ грабежа.

Дизавулъ щедро одарилъ византійское посольство, а самого Земарха почтилъ молодою плѣнницей изъ племени Керхисъ (Киргизъ?). Отправляясь въ походъ противъ Персовъ, каганъ взялъ съ собою посла съ частью его свиты; эта часть состояла изъ 20 человѣкъ. Во время похода на встрѣчу Дизавулу прибыло персидское посольство. Когда оно вмѣстѣ съ римскимъ было приглашено къ столу кагана, то послу римскому воздавалось болѣе почестей, чѣмъ персидскому, и первый былъ посаженъ на болѣе почетное мѣсто. Во время пира зашла рѣчь о причинахъ ссоры Турокъ съ Персами. Дизавулъ возвысилъ голосъ и началъ осыпать упреками поведеніе Персовъ. Но и персидскій посолъ, забывъ соблюдаемый за столомъ обычай молчанія, началъ рѣзко возражать, чѣмъ привелъ кагана въ сильный гнѣвъ; впрочемъ онъ ограничился только бранью. Послѣ того персидское посольство было отослано назадъ, а каганъ продолжалъ свой походъ. Но Земарха онъ отпустилъ въ отечество и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Византію новое турецкое посольство, главою котораго назначенъ былъ нѣкто Тагма, имѣвшій санъ *тархана*, такъ какъ Маньякъ въ это время умеръ. По своей благосклонности къ умершему, каганъ назначилъ его сына, по имени также Маньяка, товарищемъ посла; молодой человѣкъ имѣлъ также достоинство тархана. Прямою цѣлью вторичнаго турецкаго посольства было упрочить союзъ съ Римлянами и побудить ихъ къ немедленной войнѣ противъ Персіи. Когда въ Туркестанѣ распространилось извѣстіе о новомъ посольствѣ въ Византію, то князь какого-то племени Холіатовъ (Хвалитовъ, Хвалисовъ?) просилъ у Дизавула позволенія отправить и съ своей стороны нѣсколько человѣкъ ради знакомства съ Римскимъ государствомъ; остальные начальники племенъ обратились съ тою же просьбою. Очевидно, на востокѣ въ то время еще сильно было обаяніе римскаго имени и греко-римской цивилизаціи. Ди-

завулъ далъ позволеніе одному только начальнику Холіатовъ. Въ городѣ этого племени Земархъ промедлилъ нѣсколько дней и послалъ отсюда впередъ себя гонца, чтобъ увѣдомить императора объ успѣхѣ своего посольства. Гонецъ взялъ съ собой, кромѣ собственныхъ людей, еще 12 Турокъ и поѣхалъ тою же дорогою, хотя пустынною и безводною, но болѣе короткою, то-есть, мимо южныхъ береговъ Каспійскаго моря. А самъ Земархъ, вѣроятно изъ опасенія попасть въ руки Персовъ, съ остальной свитой направился окольнымъ путемъ вокругъ сѣверной части того же моря.

Въ 12 дней, по песчанымъ, холмистымъ и мѣстами топкимъ краямъ, караванъ достигъ рѣки Гихъ (Аму или Сыръ-Дарья?); затѣмъ миновалъ рѣку Даихъ (Яикъ?), и по топкому Каспійскому прибрежью достигъ рѣки Аттила (Волга), откуда прибылъ въ степи Угуровъ (Угровъ?). Князь этого племени, находившійся подъ рукою Дизавула, наполнилъ водою мѣхи путниковъ, такъ какъ имъ предстоялъ еще путь по тѣмъ безводнымъ степямъ, гдѣ въ наше время кочуютъ Ногайцы и Калмыки. Тотъ же угурскій князь предупредилъ Земарха, что гдѣ-то за рѣкой Кофенъ (Кубань?) въ лѣсистыхъ мѣстахъ скрывается 4.000 Персовъ, которые устроили засаду, чтобы захватить въ плѣнъ посольство. Вслѣдствіе того, когда Римляне приблизились къ болотамъ, съ которыми сливается рѣка Кофенъ, они остановились и выслали лазутчиковъ, чтобы провѣрить слухъ о персидской засадѣ. Лазутчики воротились и донесли, что никого не видали. Тѣмъ не менѣе посольство двинулось въ страну Аланъ съ большимъ опасеніемъ, потому что боялось племени Горомосховъ (иначе Мосховъ или Месхіевъ, гдѣ-то въ западной части Кавказа. См. Memor. Pop. IV).

Князь Аланъ, Сародій, принялъ благосклонно Земарха и его римскую свиту, но отказался допустить къ себѣ вооруженными его турецкихъ спутниковъ. Три дня продолжались споры объ этомъ предметѣ при посредствѣ Земарха; наконецъ Турки уступили и явились къ князю безъ оружія. Сародій, также какъ и угурскій князь, увѣщевалъ Земарха не направлять пути черезъ страну Миндимьянъ, ибо Персы приготовили засаду около Сваніи, но лучше воротиться домой такъ называемымъ Даріевымъ путемъ (Δαρειντῆς ἀτραποῦ. Дарьялъ?) *. Земархъ послѣ-

* Дѣйствительно, въ это время владѣнія Персовъ въ Закавказьѣ простирались почти на всю Лазику (Мингрелію) съ примыкающими къ ней съ

довалъ совѣту Сародія. Чтобъ обмануть Персовъ, онъ отправилъ черезъ страну Миндимьянъ десять коней, нагруженныхъ пурпуровыми тканями, какъ-бы свой передовой отрядъ; а самъ пересѣкъ Кавказскій хребетъ и направился въ Апсилію, потомъ повернулъ къ устью Фазиса или Ріона, откуда моремъ поплылъ въ Трапезундъ, а изъ Трапезунда большою конною дорогой воротился въ Константинополь.

Описаніе Земархова путешествія къ турецкому кагану как нельзя болѣе походитъ на путешествія Европейцевъ въ прикаспійскія и среднеазіатскія степи къ позднѣйшимъ кочевымъ завоевателямъ, то-есть, къ Татарамъ. Особенно сходныя черты можно найдти у Плано Карпини. Турецкіе каганы съ окружающими ихъ обычаями и ихъ дворомъ являются прямыми предшественниками татарскихъ хановъ. То же поклоненіе огню и тѣ же обряды очищенія, исполняемые шаманами надъ чужезенцами, которые должны предстать предъ ханское лице. Тѣ же шатры, наполненные огромною добычей и особенно награбленнымъ золотомъ; то же золотое ханское сѣдалище, и самое названіе резиденціи Золотою Горою напоминаетъ Золотую Орду. Тѣ же отношенія покоренныхъ народовъ и одноплеменныхъ хановъ къ главному или великому хану. Относительно турецкихъ завоеваній мы видимъ, что до конца 60-хъ годовъ VI столѣтія эти завоеванія распространились пока на страны Туркестана; а на западной сторонѣ Каспійскаго моря имъ повинуются собственно Угорскія племена, обитавшія въ степяхъ Нижней Волги, и отчасти племена Хазарскія или Аварскія, другая часть которыхъ удалилась на западъ. Но Алане и народы внутренняго Кавказа пока сохраняли свою независимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще не упоминается о покореніи Утургуровъ или азовско-черноморскихъ Болгаръ.

За этимъ первымъ греко-римскимъ посольствомъ къ Туркамъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Византійское правительство, очевидно, дорожило своими новыми союзниками противъ могущественной монархіи персидскихъ Сассанидовъ. Наиболѣе замѣчательное послѣ Земарха посольство было предпринято Валентиномъ, спустя ровно десять лѣтъ. Описаніе его составле-

сѣвера областями. По извѣстію Іоанна Епифанійскаго, Персы старались подкупить Аланъ, чтобы послѣдніе истребили оба посольства, и римское, и турецкое, но, очевидно, безъ успѣха (См. въ той же книгѣ, гдѣ исторія Льва Діакона, стр. 168 рус. изд.).

но тѣмъ же Менандромъ; уже самый фактъ описанія свидѣтельствуетъ, что это посольство было болѣе торжественное, чѣмъ другія предшествовавшія ему, и вообще имѣло болѣе значенія. Офиціальною задачей его было возвѣстить турецкому кагану о восшествіи на престолъ императора Тиверія, Юстинова преемника, и подтвердить союзъ, заключенный съ Дизавуломъ противъ Персовъ. Кромѣ того, изъ хода событій выясняется, что Византія чувствовала теперь особую потребность дружескихъ отношеній съ Турками, ибо завоеванія ихъ все болѣе и болѣе расширялись на западъ отъ Каспійскаго моря, такъ что грозили захватить и самыя греческія владѣнія въ Тавридѣ и на берегахъ Боспора Киммерійскаго.

Въ число своихъ спутниковъ Валентинъ выбралъ и 106 Турокъ. Надобно замѣтить, что въ Константинополѣ тогда проживало ихъ довольно большое количество; они прибыли сюда въ разное время, по разнымъ порученіямъ, и преимущественно въ свитѣ возвращавшихся греческихъ пословъ, то-есть, Земарха, потомъ Ананкаста, Евтихія, Геродіана, Павла Киликійца и того же Валентина, который въ 579 году ѣхалъ посломъ уже во второй разъ. Валентинъ, бывшій однимъ изъ приближенныхъ императора Тиверія, сѣлъ съ своимъ посольствомъ въ Константинополѣ на скороходныя „олькады" (olcades, ладьи?), и вдоль азіатскаго берега направился къ Синопу, а отсюда повернулъ на сѣверъ къ Херсонесу, и такимъ образомъ, пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Изъ Херсонеса онъ, вдоль юговосточныхъ береговъ Тавриды, достигъ страны Апатуровъ и другихъ племенъ, жившихъ на песчаныхъ берегахъ Киммерійскаго Боспора и Тамани *. Здѣсь посольство съ судовъ пересѣло на коней и продолжало свой путь посреди болотистыхъ низменностей рѣки Кубани, поросшихъ

* На Таманскомъ полуостровѣ въ древности упоминаются городъ Апатуросъ и храмъ Венеры Апатурійской. Въ данную эпоху на этомъ полуостровѣ жили уже другіе народы, и главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, Болгаре-Утургуры; но византійскіе писатели, имѣвшіе притязаніе на ученость, любили иногда употреблять географическія названія изъ временъ Птоломея и Страбона. Такіе народцы, какъ Апатуры, Аспурги, Синды, Цихи и другіе, обитавшіе на Тамани и ближнемъ Кавказскомъ берегу, принадлежали, вѣроятно, къ сармато-черкесскимъ племенамъ, а можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ были родственны сармато-славянскому племени Утургуровъ.

камышемъ и отчасти лѣсомъ. Тутъ оно миновало страну Акагасъ, названную такъ по имени своей царицы, которая управляла туземными Савирами подъ рукой Анагая, начальника племени Утургуровъ. Послѣ долгаго и труднаго пути, посолъ прибылъ наконецъ въ тѣ мѣста, гдѣ непосредственно властвовалъ Турксантъ; такъ именовался каганъ одной турецкой орды, и именно той самой, которая расположилась въ степяхъ между Волгой и Кавказомъ.

Представъ передъ лицо Турксанта, Валентинъ съ обычнымъ византійскимъ витійствомъ привѣтствовалъ кагана и изложилъ цѣль своего посольства. Но пріемъ, ему оказанный, совсѣмъ не походилъ на тотъ, съ которымъ былъ встрѣченъ Земархъ. Обстоятельства уже нѣсколько измѣнились. Посольство имѣло въ виду все того же Дизавула; но послѣдній только что умеръ передъ прибытіемъ пословъ, а сынъ его Турксантъ нравомъ своимъ не походилъ на отца. По всѣмъ признакамъ это былъ жестокій, высокомѣрный деспотъ. Притомъ Турки, по видимому, уже нѣсколько разочаровались въ дружбѣ Византійцевъ, имѣя случаи ознакомиться съ ихъ льстивою дипломатіей и съ ихъ коварною, по отношенію къ другимъ народамъ, политикой. Очевидно, въ борьбѣ съ Персіей Византійцы старались загребать жаръ преимущественно руками Турокъ; кромѣ того, поводъ къ неудовольствіямъ подавали двусмысленныя отношенія Византіи къ Аварамъ, которыхъ Турки продолжали считать своими бѣглыми рабами.

На рѣчь Валентина Турксантъ отвѣчалъ упреками и угрозами. Онъ показалъ ему свои десять пальцевъ, и сказалъ: „Вы, Римляне, съ разными народами употребляете десять разныхъ языковъ; но всѣ они суть одна и та же ложь". Въ язвительныхъ выраженіяхъ онъ распространился о томъ, какъ Римляне, обольстивъ какой-нибудь народъ сладкими рѣчами и заставивъ его очертя голову броситься въ опасности, потомъ пренебрегаютъ имъ и стараются только воспользоваться плодами его трудовъ. „И государь вашъ—прибавилъ онъ—заплатитъ мнѣ за то, что, ведя со мною дружескіе переговоры, онъ въ то же время принялъ въ свой союзъ нашихъ рабовъ Вархонитовъ (Аваръ). А вы, Римляне, зачѣмъ пословъ своихъ отправляете ко мнѣ чрезъ Кавказъ и говорите, что нѣтъ другой дороги? Вы дѣлаете это для того, чтобы трудностью пути от-

вратить меня отъ нападенія на васъ самихъ. Но я очень хорошо знаю, гдѣ текутъ Днѣпръ, Истръ и Гебръ, черезъ которые перешли наши рабы Вархониты, чтобы вступить въ вашу страну. Я знаю также и ваши силы. Мнѣ же повинуется вся земля, которая начинается отъ первыхъ солнечныхъ лучей и кончается съ послѣдними (то-есть, отъ востока до запада). Посмотрите, несчастные, на Аланскій народъ и даже на самыя племена Утригуровъ. Одаренные крѣпостью тѣла и дерзостью духа, гордые своими многочисленными дружинами, они вступили въ борьбу съ непобѣдимымъ Турецкимъ народомъ, однако обманулись въ своихъ надеждахъ и теперь находятся въ числѣ нашихъ рабовъ."

На эти грозныя слова Валентинъ отвѣчалъ смиренною рѣчью. Онъ указалъ на обычаи всѣхъ народовъ, охраняющіе особу пословъ; просилъ кагана смягчить свой гнѣвъ, не упрекать во лжи императора и напоминалъ о дружбѣ Римлянъ съ его отцомъ Дизавуломъ, который первый, по собственному желанію, отправилъ къ нимъ посольство, предпочитая римскій союзъ персидскому. Въ заключеніе аудіенціи Турксантъ замѣтилъ посламъ, что такъ какъ они прибыли въ печальное время, то-есть, вслѣдъ за смертью его отца, то и имъ надлежитъ почтить память умершаго по обычаю турецкому, то-есть, изрѣзать себѣ лица. Валентинъ поспѣшилъ исполнить желаніе варвара: онъ и его свита исцарапали свои физіономіи остріями мечей. Въ одинъ изъ этихъ дней печали Турксантъ, между прочимъ, принесъ въ жертву покойному отцу четырехъ плѣнныхъ Гунновъ (вѣроятно, Болгаръ). Онъ велѣлъ умертвить ихъ вмѣстѣ съ отцовскими конями, при чемъ громкимъ голосомъ поручилъ имъ отправиться къ отцу вѣстниками отъ его народа. Когда всѣ погребальные обряды были исполнены, Турксантъ допустилъ пословъ къ себѣ для переговоровъ и затѣмъ отправилъ ихъ во внутреннія турецкія владѣнія къ своему родственнику Тарду. Послѣдній имѣлъ пребываніе на Золотой Горѣ, слѣдовательно, послѣ Дизавула остался старшимъ въ княжескомъ родѣ, то-есть, верховнымъ каганомъ.

Между тѣмъ какъ римское посольство пребывало у Турокъ, Турксантъ находился въ открытой войнѣ съ Римлянами. Войска его предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Боспорѣ. На берегахъ пролива уже стоялъ лагеремъ подручный Туркамъ князь утургурскій, Анагай, съ вой-

скомъ собственнымъ и турецкимъ; кромѣ того, Турксантъ въ бытность у него Валентина послалъ съ новыми силами своего военачальника, Бохана, для скорѣйшаго завоеванія города Боспора или Пантикапеи. Римское посольство, послѣ многихъ скитаній и униженій, наконецъ было отпущено Турксантомъ въ отечество.

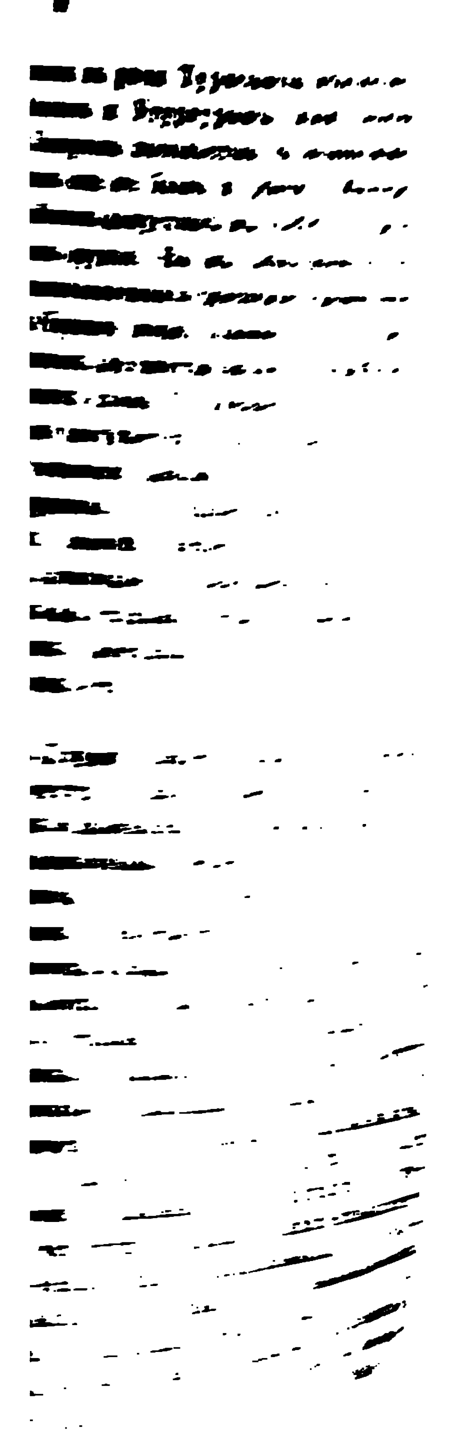
Описаніе Валентинова посольства замѣчательно для насъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, самое направленіе его пути къ Боспору Киммерійскому показываетъ, что морское плаваніе между Константинополемъ и сѣвернымъ прибрежьемъ Чернаго моря совершалось не исключительно вдоль береговъ, какъ мы привыкли думать на основаніи извѣстнаго описанія судовыхъ русскихъ каравановъ у Константина Багрянороднаго. Очевидно для сообщенія съ Тавридой Греки пользовались самымъ узкимъ мѣстомъ Чернаго моря и переплывали его именно между Синопомъ и Кореунемъ. Это указаніе объясняетъ намъ извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь, послѣ своего пораженія у береговъ Анатоліи, отплылъ не къ устью Днѣпра, а именно въ Боспоръ Киммерійскій, то есть, къ восточнымъ берегамъ Тавриды. Далѣе, часть турецкихъ ордъ, какъ видно, ужъ основалась на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Менандръ не говоритъ гдѣ именно находилось мѣстопребываніе Турксанта, но по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о степяхъ собственно Астраханскихъ или нижней Волги. Въ этомъ отношеніи орда Турксанта является прямою предшественницей орды Батыевой. Какъ потомъ Батый, Турксантъ отправляетъ европейскихъ пословъ (а также, вѣроятно, и подчиненныхъ князей) въ Среднюю Азію на поклонъ верховному хану. Какъ волжскіе Татары отдѣлились и составили особое ханство, такъ и волжскіе Турки составили вскорѣ особое, самостоятельное государство подъ именемъ Хазарскаго, средоточіемъ котораго сдѣлался впослѣдствіи городъ Итиль, предшественникъ Сарая. Турецкія завоеванія VI вѣка впрочемъ не имѣли, по видимому, такого опустошительнаго характера, какъ монголо-татарскія XII и XIII столѣтій; слѣдовательно, при всей своей свирѣпости, Турки не были такими безпощадными дикарями какъ Монголы. Да и вся исторія показываетъ, что при столкновеніи съ образованными странами первые обнаружили болѣе воспріимчивости къ началамъ гражданственности, нежели вторые.

Затѣмъ, для насъ очень важны въ рѣчи Турксанта нѣсколько словъ, относящихся къ Аланамъ и Утургурамъ или азовскимъ Болгарамъ. Во время Земархова посольства, о зависимости этихъ народовъ отъ Турокъ еще не было и рѣчи. Напротивъ, мы видѣли, что Аланскій князь допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе какъ безъ оружія. Но въ слѣдующій затѣмъ десятилѣтній періодъ турецкія завоеванія распространились до сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря. Алане и Утургуры были приведены въ зависимость, не смотря на ихъ храбрую оборону, на что̀ прямо указываютъ слова Турксанта. Онъ называетъ ихъ своими рабами; но разумѣется, подчиненіе ихъ выражалось по обычаямъ того времени данью и обязанностію выставлять вспомогательныя дружины. И дѣйствительно, мы видимъ, что князь утургурскій Анагай вмѣстѣ съ Турками покоряетъ тѣ боспорскіе города, которые принадлежали Византійской имперіи. Но этотъ князь на столько еще силенъ, что въ свою очередь имѣетъ и своихъ вассальныхъ или подручныхъ владѣтелей; напримѣръ, подъ его рукою находится княгиня племени Аккагасъ.

Итакъ, покоривъ Утургуровъ, Турки приступили къ завоеванію боспорскихъ городовъ; но тутъ рѣчь идетъ конечно о Пантикапеѣ и другихъ греческихъ колоніяхъ на западномъ берегу Боспорскаго пролива; ибо восточный берегъ, то есть, Тамань, былъ уже во власти Болгаръ Утургуровъ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ ихъ покореніемъ перешелъ подъ турецкое владычество. Изъ описанія посольства видно, что наиболѣе упорною защитой отличился городъ Боспоръ или Пантикапея, благодаря конечно своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, построеннымъ при Юстиніанѣ I. Объ окончаніи осады Менандръ не упоминаетъ; но несомнѣнно, что Турки и Болгаре овладѣли этимъ все еще значительнымъ торговымъ городомъ. По всѣмъ признакамъ, они нанесли ему окончательное разореніе, и Боспоръ послѣ того уже не поднимался до степени важнаго и богатаго города. О его древнемъ величіи и богатствѣ доселѣ свидѣтельствуетъ множество драгоцѣнныхъ предметовъ, находимыхъ въ безчисленныхъ Керченскихъ курганахъ, а также въ развалинахъ его акрополя на такъ-называемой Митридатовой горѣ. За берегами Боспора послѣдовало покореніе всей сѣверной и восточной части Таврическаго полуострова; вмѣстѣ съ тѣмъ подчинились Туркамъ и обитавшія здѣсь племена тѣхъ же Гунновъ

скомъ собственнымъ и турецкимъ; кро
бытность у него Валентина послалъ съ
военачальника, Бохана, для скорѣйша
Боспора или Пантикапеи. Римское посол
скитаній и униженій, наконецъ было о
въ отечество.

Описаніе Валентинова посольства зам
слѣдующихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, с
пути къ Боспору Киммерійскому показ
плаваніе между Константинополемъ и сѣ
Чернаго моря совершалось не исключите
какъ мы привыкли думать на основаніи
судовыхъ русскихъ карававовъ у Конста
го. Очевидно для сообщенія съ Тавридой
самымъ узкимъ мѣстомъ Чернаго моря и
но между Синопомъ и Корсунемъ. Это указ
извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь,
нія у береговъ Анатоліи, отплылъ не къ ус
но въ Боспоръ Киммерійскій, то есть, къ в
Тавриды. Далѣе, часть турецкихъ ордъ, в
валась на западной сторонѣ Каспійскаго
говоритъ гдѣ именно находилось мѣстопре
но по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о
Астраханскихъ или нижней Волги. Въ эт
Турксанта является прямою предшественни
Какъ потомъ Батый, Турксантъ отправляет
словъ (а также, вѣроятно, и подчиненныхъ
нюю Азію на поклонъ верховному хану.[1]
отдѣлились и составили особое ханство,
ки составили вскорѣ особое, самостоятел
именемъ Хазарскаго, средоточіемъ котора
ствіи городъ Итиль, предшественникъ Са
ванія VI вѣка впрочемъ не имѣли, по
стошительнаго характера, какъ монголо-т
столѣтій; слѣдовательно, при всей своей св
были такими безпощадными дикарями какъ
исторія показываетъ, что при столкновені
странами первые обнаружили болѣе воспрі
чаламъ гражданственности, нежели вторые.

Менандра, писавшаго
Менандръ называетъ
ебляетъ имени Хазаръ;
л .Болгаръ, а называ-

Феофана подъ 626 го-
ромъ Ираклiемъ и дру-
лемъ подъ стѣнами Ти-
что Хазары только въ
азскихъ, и совершенно
Менандръ о турецкихъ
, употребляя впервые
зались „восточные Тур-
асказывая объ упомя-
его именуетъ просто
Никифоръ, не разъ еще
ервые приводитъ имя
ѣ и Батбаѣ. По этому
ы пришли изъ внутрен-
форъ), страны сосѣдней
ю Понта. На основа-
iографiя выводила за-
я страны какого-то но-
а какъ здѣсь надобно
рыхъ перешло туземное
овъ. Вообще въ средне-
аъ постоянную смѣну
ебленiе въ источникахъ;
ь исторiи Руссовъ, Бол-
ольшей части упускала
ныя имена, обыкновенно
*.

филологiя, ложно примѣняе-
имѣръ, мы знаемъ филологовъ,
одолжаютъ разсуждать о фин-
iи одного только названiя ихъ
финскихъ нарѣчiй и преиму-
ъ, эти филологи не подозрѣ-
чiе прикавказскаго народа
Каспiйскаго моря Турокъ

Утургуровъ, то есть, Болгаръ. Но всей Тавриды имъ не удалось завоевать. Спустя года полтора или два, именно подъ 582 годомъ, Менандръ сообщаетъ извѣстіе объ осадѣ города Херсонеса; онъ опять не говоритъ объ исходѣ осады; очевидно, однако, что она кончилась неудачно. Херсонесъ и его окрестная область, укрѣпленная многими зàмками и длинными валами, отстояли себя отъ ига варваровъ. Не покоренною осталась пока и Готія или южное горное прибрежье Тавриды, можетъ быть, до Сугдеи (Судака) включительно.

IV.

Древняя Болгарія и Турко-Хазарское государство. — Второй христіанскій князь у Болгаръ.—Корсунцы и Юстиніанъ Ринотметъ.—Іудейство въ Хазаріи.

Послѣ извѣстія Менандра о подчиненіи Гунновъ Утургуровъ Туркамъ, византійскіе историки уже не упоминаютъ объ Утургурахъ. Но это молчаніе нисколько не означаетъ, чтобы послѣдніе исчезли изъ исторіи. У болѣе позднихъ историковъ они являются подъ другимъ племеннымъ названіемъ, но совершенно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ оставилъ Менандръ. А именно, Ѳеофанъ и Никифоръ, писавшіе два вѣка спустя послѣ Агаѳія и Менандра и около двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Прокопія, уже не знаютъ Гунновъ Утургуровъ, а вмѣсто нихъ говорятъ о Гуннахъ Болгарахъ и Котрагахъ, которыхъ родина, *Древняя* или *Великая Болгарія*, по ихъ словамъ, лежала между Меотійскимъ озеромъ и Кавказомъ, то есть, тамъ же, откуда Прокопій выводитъ своихъ Кутургуровъ и Утургуровъ. Въ извѣстной легендѣ о раздѣленіи Болгаръ по смерти Куврата, Ѳеофанъ и Никифоръ говорятъ, что часть старшаго Кувратова сына Батбая осталась на родинѣ, гдѣ и была вскорѣ покорена Хазарами, которымъ платитъ дань „до сего дня" (то есть до времени Ѳеофана и Никифора, писавшихъ въ первой четверти IX вѣка). Несостоятельность этой легенды очевидна: таврическіе и кубанскіе Болгаре подпали игу восточныхъ завоевателей не послѣ смерти Куврата, то есть не во второй половинѣ VII вѣка, а гораздо ранѣе, во второй половинѣ VI вѣка, какъ

это мы сейчасъ видѣли изъ расказовъ Менандра, писавшаго о событіяхъ ему современныхъ; только Менандръ называетъ этихъ завоевателей Турками и не употребляетъ имени Хазаръ; точно также не употребляетъ онъ имени Болгаръ, а называетъ ихъ Утургурами.

Названіе *Хазары* впервые является у Ѳеофана подъ 626 годомъ, по поводу союза ихъ съ императоромъ Иракліемъ и дружескаго свиданія его съ ихъ предводителемъ подъ стѣнами Тифлиса. Отсюда заключали обыкновенно, что Хазары только въ это время явились въ странахъ прикавказскихъ, и совершенно упускали изъ виду то, что̀ повѣствуетъ Менандръ о турецкихъ завоеваніяхъ въ VI вѣкѣ; хотя Ѳеофанъ, употребляя впервые имя Хазаръ, поясняетъ, что такъ назывались „восточные Турки"; а его современникъ Никифоръ, расказывая объ упомянутомъ свиданіи Ираклія, союзниковъ его именуетъ просто Турками, и потомъ оба они, Ѳеофанъ и Никифоръ, не разъ еще называютъ ихъ Турками. Никифоръ впервые приводитъ имя Хазаръ въ упомянутой легендѣ о Кувратѣ и Батбаѣ. По этому поводу оба писатели замѣчаютъ, что Хазары пришли изъ внутренней Верзеліи (Ѳеофанъ) или Веряліи (Никифоръ), страны сосѣдней съ Сарматами, и покорили всѣ народы до Понта. На основаніи этихъ-то неточныхъ указаній, исторіографія выводила заключеніе о пришествіи въ прикавказскія страны какого-то новаго народа Хазаръ въ VII вѣкѣ; тогда какъ здѣсь надобно разумѣть все тѣхъ же Турокъ, на которыхъ перешло туземное названіе древнихъ Къзировъ или Акацировъ. Вообще въ средневѣковой исторіи народовъ мы видимъ постоянную смѣну именъ и довольно сбивчивое ихъ употребленіе въ источникахъ; это явленіе сильно отразилось также въ исторіи Руссовъ, Болгаръ и Хазаръ; но исторіографія по бо̀льшей части упускала его изъ виду, и встрѣчая новыя народныя имена, обыкновенно разумѣла подъ ними и новые народы *.

---

* Не могу при этомъ не замѣтить, какъ филологія, ложно примѣняемая, поддерживаетъ эту сбивчивость. Напримѣръ, мы знаемъ филологовъ, пользующихся извѣстностью, которые продолжаютъ разсуждать о финскомъ происхожденіи Хазаръ на основаніи одного только названія ихъ города «Саркелъ», толкуя его корни изъ финскихъ нарѣчій и преимущественно изъ Вогульскаго. Но вопервыхъ, эти филологи не подозрѣваютъ того, что въ данномъ случаѣ названіе прикавказскаго народа Казировъ перешло на пришлыхъ изъ-за Каспійскаго моря Турокъ

Уже въ концѣ VI вѣка мы находимъ у Турокъ междоусобную войну изъ-за каганскаго престола. На этотъ разъ верховному кагану съ помощью трехъ остальныхъ удалось подавить мятежъ (См. у Θеофилакта Симокаты подъ 597 г.). Но междоусобія, конечно, потомъ возобновились, и Волжско-каспійская орда Турокъ (какъ впослѣдствіи орда Батыева или Золотая), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей, и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ Хазарскаго. Здѣсь господствующее турецкое племя подчинилось вліянію покоренныхъ народовъ, отчасти смѣшалось съ ними и мало по малу утратило свою первоначальную дикость и свирѣпость.

Послѣ того какъ азовско-черноморскіе Болгаре вошли въ составъ Хазарскаго государства, исторія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій скрывается иногда подъ именами Хазаръ и Хазаріи, а отчасти подъ прежнимъ именемъ Гунновъ. Но все-таки есть возможность слѣдить за нею и въ этотъ періодъ. Такъ во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ Персами, союзниками Хозроя противъ Византіи, какъ извѣстно, были Авары. Въ 626 году они подступили къ Константинополю съ европейской стороны, а на азіатскомъ берегу Θракійскаго Боспора расположилось персидское войско. Въ числѣ вспомогательныхъ дружинъ Аварскаго кагана находились и подчиненные ему дунайскіе Болгаре (въ хроникѣ Манассіи названные Тавроскиθами). Между тѣмъ союзниками Ираклія противъ

(впрочемъ, вина такого недоразумѣнія падаетъ на недостатокъ собственно исторической критики источниковъ); а вовторыхъ, отъ Хазаръ, кромѣ Саркела, осталось еще нѣсколько названій географическихъ и личныхъ. Наконецъ, и самое слово Саркелъ можно еще съ бóльшимъ успѣхомъ толковать изъ языковъ турецко-татарскихъ (къ чему склоняется и Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи о Саркелѣ); напомнимъ только объ участіи татарскаго слова *кала*, означающаго крѣпость, въ названіи нѣкоторыхъ черноморскихъ городовъ позднѣйшаго турецко-татарскаго періода (Чуфутъ-кале, Ени-кале, Сухумъ-кале и проч.). При рѣшеніи подобныхъ вопросовъ не надобно упускать изъ виду и родство многихъ корней въ нарѣчіяхъ финскаго и тюркскаго семейства, а также переходъ названій, особенно географическихъ, отъ одного народа къ другому; Хазары же являются именно смѣсью пришлыхъ Турокъ съ разными туземными элементами, каковы угорскій, славянскій и особенно черкесскій.

Хозроя были Турко-Хазары, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и тѣ племена, которыя состояли къ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, въ числѣ хазарскихъ войскъ находились и азовско-черноморскіе Болгаре. Здѣсь мы видимъ нѣкоторое продолженіе тѣхъ же отношеній, какъ и въ VI вѣкѣ при Юстиніанѣ I, когда Болгаре Кутургуры были врагами имперіи, а Болгаре Утургуры явились ея союзниками и даже сражались за нее противъ своихъ родичей. Это соображеніе подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, которое свидѣтельствуетъ о союзныхъ отношеніяхъ азовскихъ Болгаръ къ Ираклію. По словамъ патріарха Никифора, въ 618 году какой-то гуннскій князь, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, приближенныхъ и даже ихъ женъ, отправился въ Константинополь и просилъ о дарованіи ему святаго крещенія. Желаніе его было охотно исполнено; его воспринималъ самъ императоръ, а воспріемниками знатныхъ Гунновъ и ихъ женъ были римскіе вельможи съ своими женами. Новокрещеннымъ сдѣлали приличныя наставленія, чтобъ укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ; одѣлили богатыми царскими подарками и римскими титулами; при чемъ самому князю дали титулъ патриція; затѣмъ ихъ отпустили на родину. Это извѣстіе для насъ очень драгоцѣнно. Рѣчь идетъ, конечно, о томъ же Гуннскомъ племени, къ которому принадлежалъ князь Гордасъ; а послѣдній, какъ мы узнаемъ изъ Өеофана, 90 лѣтъ назадъ ѣздилъ въ Константинополь принять крещеніе изъ рукъ Юстиніана I (Өеофанъ и Никифоръ, какъ извѣстно, Болгаръ называли и Гуннами). Гордасъ погибъ жертвою своей ревности къ вѣрѣ, и послѣ того распространеніе христіанства между таврическими Болгарами, конечно, замедлилось на нѣкоторое время. Но потомъ оно дѣлаетъ успѣхи: мы видимъ, что другой князь принимаетъ крещеніе съ своими боярами и даже съ ихъ женами; при чемъ источникъ не говоритъ, чтобы судьба его была похожа на судьбу Гордаса. Слѣдовательно, христіанство съ этого времени болѣе прочно утвердилось между азовско-черноморскими Болгарами; хотя большая ихъ часть оставалась въ язычествѣ; чему способствовало и ихъ раздробленіе на разныя племена, подчиненныя различнымъ князьямъ.

Для исторіи этихъ Болгаръ важны также нѣсколько дальнѣйшихъ извѣстій о Херсонѣ, Боспорѣ и Өанагоріи, сообщаемыхъ по поводу Юстиніана Ринотмета или Безносаго. Это

былъ послѣдній императоръ изъ династіи Ираклія, отличившійся чрезвычайною жестокостію. Однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обычны въ Византійской исторіи, Юстиніанъ былъ сверженъ съ престола и съ обрѣзаннымъ носомъ сосланъ на заточеніе въ Херсонесъ Таврическій, въ 703 году. Въ ссылкѣ онъ, по видимому, пользовался нѣкоторою свободою, при чемъ не скрывалъ своей надежды снова овладѣть престоломъ. Херсониты не только не показывали охоты помочь ему, но, опасаясь преслѣдованія со стороны новаго императора Тиверія Апсимара, хотѣли или убить изгнанника, или схватить его и отослать къ Тиверію. Провѣдавъ о томъ, Юстиніанъ бѣжалъ сначала въ городъ Доросъ, то-есть, въ сосѣднюю Готію, а отсюда къ Хазарскому кагану. Послѣдній принялъ его съ честію и выдалъ за него свою сестру. Послѣ того Юстиніанъ съ молодою супругою, названною въ крещеніи Ѳеодорою, поселился въ Ѳанагоріи и здѣсь питалъ планы о возвращеніи престола съ помощью своего новаго родственника, то-есть, Хазарскаго кагана. Тогда Апсимаръ отправилъ посольство, которое обѣщаніемъ великихъ даровъ склоняло кагана или выдать Юстиніана живымъ, или прислать его голову въ Константинополь. Каганъ не устоялъ противъ золота и поручилъ своимъ намѣстникамъ Папацу Ѳанагорійскому и Бальгицу Боспорскому убить его зятя, когда поданъ будетъ къ тому знакъ. Объ этомъ провѣдала Ѳеодора и сообщила своему мужу. Юстиніанъ поступилъ съ обычною ему рѣшительностію и свирѣпостью: онъ пригласилъ намѣстниковъ къ себѣ на свиданіе по одиночкѣ и обоихъ задушилъ веревкою; затѣмъ, отославъ жену въ Хазарію, самъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ къ Тервелю, царю дунайскихъ Болгаръ. Съ помощью послѣдняго ему удалось дѣйствительно воротить престолъ, послѣ чего онъ призвалъ къ себѣ и свою хазарскую супругу.

Злопамятный Ринотметъ не могъ простить Херсонитамъ ихъ непріязни къ нему во время ссылки и готовилъ имъ жестокое мщеніе. Въ 708 году онъ снарядилъ флотъ и войско и послалъ ихъ въ Тавриду, съ тѣмъ чтобъ опустошить Херсонскую область мечемъ и огнемъ; а правителемъ Херсона назначилъ спаѳарія Илью. Отправленное войско исполнило свое порученіе и побило многихъ жителей Херсонской области. Между прочимъ оно схватило здѣсь хазарскаго намѣстника или тудуна и знатнѣйшаго изъ гражданъ Зоила съ сорока патриціями города и

подвергло ихъ пыткѣ, а двадцать другихъ патриціевъ потопило въ лодкѣ, наполненной камнями. Молодымъ людямъ была оставлена жизнь съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ рабство. Юстиніанъ велѣлъ привести ихъ въ Константинополь; но дорогою буря потопила корабли, при чемъ погибло нѣсколько тысячъ Корсунской молодежи. Но месть Юстиніана все еще не насытилась. Онъ снарядилъ новый флотъ, и отправилъ его съ приказаніемъ произвести въ Корсунской области всеобщее безпощадное избіеніе. Извѣстіе о томъ привело Херсонитовъ въ отчаяніе; они единодушно возстали и отправили къ кагану просьбу прислать имъ хазарскій гарнизонъ. Къ этому возстанію присоединились и сами предводители императорскаго войска, именно спаѳарій Илья и начальникъ флота Варданъ. Тогда Юстиніанъ назначилъ въ Херсонъ новыхъ начальниковъ и послалъ ихъ съ дружиною въ 300 человѣкъ. Онъ приказалъ отослать къ кагану тудуна и Зоила съ извиненіями. Корсунцы схватили новыхъ начальниковъ и умертвили, а ихъ трехсотенную дружину вмѣстѣ съ тудуномъ и Зоиломъ выдали Хазарамъ. Дорогою къ кагану тудунъ умеръ; сопровождавшіе его Хазары (Турки) при его погребеніи принесли въ жертву своимъ богамъ всѣхъ триста Византійцевъ. Между тѣмъ Херсониты отложились отъ Юстиніана и провозгласили императоромъ помянутаго Вардана, давъ ему прозваніе Филиппика. Юстиніанъ опять вооружилъ новый флотъ и снабдилъ его осадными машинами для совершеннаго разрушенія херсонскихъ стѣнъ и башенъ. Машины эти начали дѣйствовать успѣшно и уже разрушили двѣ башни (по имени Кентенарезій и Синагръ), когда прибытіе хазарскаго войска остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Варданъ убѣжалъ къ Хазарскому кагану. Флотъ и войско, потерпѣвъ неудачу и опасаясь мстительнаго императора, предпочли пристать къ мятежникамъ, признали государемъ Вардана Филиппика и послали за нимъ къ кагану. Послѣдній взялъ съ мятежниковъ большой окупъ, и кромѣ того, клятву, что они не измѣнятъ новому императору, и прислалъ имъ Филиппика. Этому претенденту вскорѣ удалось дѣйствительно свергнуть, убить Юстиніана и занять его мѣсто.

Такъ повѣствуютъ Ѳеофанъ, Анастасій, Никифоръ и другіе болѣе поздніе компиляторы. Для насъ въ этихъ событіяхъ важны, между прочимъ, отношенія къ Хазарамъ. Откуда явился въ Херсонѣ хазарскій тудунъ, у Никифора назван-

ный *архонтомъ*, то-есть, намѣстникомъ Херсона? Поведеніе Херсонитовъ относительно Юстиніана во время ссылки не вполнѣ объясняетъ намъ его ненасытное мщеніе. Притомъ онъ начинаетъ эту месть только пять лѣтъ спустя послѣ возвращенія себѣ престола. Очевидно, источники передаютъ намъ событія не полно и не точно. Соображая всѣ обстоятельства, позволяемъ себѣ предположить слѣдующее. Херсонская область была собственно вассальнымъ владѣніемъ Византійской имперіи; она все еще сохраняла свою автономію, а также свои торговыя привиллегіи, которыми конечно дорожила. Мстительный, деспотичный Юстиніанъ вѣроятно началъ стѣснять эту автономію. Тогда Корсунцы воспользовались сосѣдствомъ Хазарскаго государства, можетъ быть, задумали отдаться подъ покровительство кагана и приняли къ себѣ хазарскаго сановника съ его свитою. Отсюда-то, вѣроятно, и возникла такая ожесточенная война со стороны Юстиніана. Странно однако, что Хазары, въ концѣ VI вѣка тщетно осаждавшіе Херсонъ, не воспользовались обстоятельствами, чтобы завладѣть имъ во время этой войны. Но Корсунцы, вѣроятно, совсѣмъ и не желали наложить на себя хазарское иго и не пускали въ свой городъ сильнаго хазарскаго гарнизона; они хотѣли только воспользоваться помощью кагана для спасенія своей автономіи и для сверженія Юстиніана, чтó имъ и удалось. За хазарскую помощь они заплатили деньгами и остались въ соединеніи съ Византійскою имперіей. Свою автономію и своихъ выборныхъ правителей Корсунцы сохраняли до временъ императора Ѳеофила, то-есть, еще болѣе столѣтія.

По отношенію къ таврическимъ и таманскимъ Болгарамъ приведенныя событія подтверждаютъ только ихъ полную зависимость въ то время отъ Хазаръ. Мы находимъ хазарскихъ намѣстниковъ на обѣихъ сторонахъ пролива, то-есть, и въ Боспорѣ, и въ Ѳанагоріи. Въ теченіе VIII вѣка уже весь почти Таврическій полуостровъ подпалъ власти Хазаръ, за исключеніемъ Корсунской области; между прочимъ около этого времени они завоевали и сосѣднюю съ Корсунью область Готію.

Во второй половинѣ VII вѣка Персидское государство, какъ извѣстно, смѣнилось Арабскимъ халифатомъ. Новые завоеватели вошли въ столкновеніе съ Хазарами въ странахъ закавказскихъ, которыя всегда служили спорными владѣніями для сильныхъ сосѣднихъ государствъ. Отношенія Хазаръ къ Византіи почти

не измѣнились съ появленіемъ мусульманскаго халифата. Пунктами столкновенія съ византійскимъ правительствомъ по прежнему оставались владѣнія въ Тавридѣ и отчасти на восточномъ Черноморскомъ берегу; но столкновенія эти, какъ и прежде, уступали мѣсто общимъ интересамъ по отношенію къ сильному азіатскому сосѣду. Союзы противъ Арабовъ сдѣлались продолженіемъ прежнихъ союзовъ противъ Персіи. Византійскіе императоры иногда вступали даже въ родственныя связи съ хазарскими каганами. Такъ, послѣ Юстиніана Ринотмета императоръ Левъ Исавріанинъ женилъ своего сына (Константина Копронима) на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, нареченная въ крещеніи Ириной, впослѣдствіи прославилась во время иконоборства: она была почитательницею иконъ, между тѣмъ какъ ея мужъ Константинъ и сынъ Левъ, прозванный по матери Хазаромъ, были извѣстные гонители иконъ.

Около этого времени Хазарія сдѣлалась поприщемъ борьбы между разными религіями, изъ которыхъ ни одна не получила окончательнаго преобладанія; что̀ имѣло важное вліяніе на судьбу Хазарскаго государства.

Мы видѣли, что Турки, въ VI вѣкѣ пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря, были дикіе огнепоклонники. Кромѣ поклоненія огню, они, по свидѣтельству Θеофилакта, поклонялись вѣтрамъ и водѣ и слагали молитвы землѣ; однако чтили и верховное божество, творца вселенной, которому приносили въ жертву коней, быковъ и овецъ. Они имѣли родъ жрецовъ-шамановъ, которымъ приписывали даръ прорицанія. Христіанская проповѣдь рано проникла въ страну Турокъ, но по видимому падала на безплодную почву. Тотъ же Θеофилактъ разказываетъ, что къ императору Маврикію (въ концѣ VI вѣка) разъ привели плѣнныхъ Турокъ. На лбу у нихъ оказалось изображеніе креста, отмѣченное черными точками. На вопросъ, что̀ это значитъ, Турки расказали слѣдующее. Однажды въ ихъ странѣ свирѣпствовала моровая язва; нѣкоторые жившіе между ними христіане убѣдили ихъ матерей отмѣтить на лбу мальчиковъ крестное знаменіе, обѣщая имъ спасеніе отъ смерти. Эти спасенные однако остались такими же язычниками, какими были ихъ отцы.—Мы говорили, что Турки, поселившіеся на западной сторонѣ Каспійскаго моря, подверглись вліянію покоренныхъ ими народовъ. Вліяніе это отразилось конечно и на религіи. Въ концѣ VII вѣка появился между ними исламъ, внесен-

ный силою меча. По извѣстію Эльмакина, во время халифа Абдул-мелека сынъ его Мослимъ послѣ одного сильнаго пораженія, нанесеннаго Хазарамъ, многія ихъ тысячи принудилъ принять магометанскую вѣру. Эта фанатическая религія конечно болѣе подходила къ дикому турецкому племени, нежели христіанство, и дѣйствительно потомъ распространилась между ними, однако не получила преобладанія. Она встрѣтила здѣсь счастливаго соперника въ лицѣ іудейства.

Евреи распространились на Кавказѣ и въ Крыму изъ Палестины, Вавилоніи и другихъ мѣстъ Передней Азіи еще до Р. Хр. Какъ народъ промышленный, они рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, и между прочимъ, на Боспорѣ Киммерійскомъ. Одна пантикапейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говоритъ объ отпущеніи еврейскаго раба съ согласія синагоги (*Boeck* Corp. Inscript. № 214), а синагога предполагаетъ уже цѣлую общину. Давнее пребываніе Евреевъ въ Крыму подтверждается также замѣтками на старыхъ свиткахъ Пятикнижія и надгробными надписями, особенно такъ называемой Іосафатовой долины въ Чуфутъ-Кале *. Эти памятники заключаютъ въ себѣ указанія на притокъ еврейской колонизаціи на Кавказъ и въ Крымъ изъ Передней Азіи и Византійской имперіи, колонизаціи, продолжавшейся въ теченіе всей первой половины Среднихъ вѣковъ. Особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ то время на восточномъ берегу Киммерійскаго Боспора въ Ѳанагоріи или въ Матархѣ, какъ она называется въ еврейскихъ памятникахъ. Эта община въ свою очередь высылала колоніи въ ближніе таврическіе города, напримѣръ: въ Керчь, Кафу, Солкатъ, Сугдею, Мангупъ и другіе. Въ этомъ отношеніи съ еврейскими памятниками вполнѣ согласуется свидѣтельство византійскаго историка Ѳеофана. Говоря о Кубанской странѣ какъ о родинѣ Болгаръ, онъ замѣчаетъ, что Ѳанагурія (означающая тутъ вообще Таманскій полуостровъ) населена разными племенами, причемъ поименовываетъ только Евреевъ; слѣдовательно, въ этой области они были особенно многочисленны.

---

* Большое количество подобныхъ свитковъ и надписей собрано было трудами извѣстнаго еврейскаго ученаго Фирковича. Любопытные выводы изъ этого собранія см. въ сочиненіи г. *Хвольсона*: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim (*Mémoires de l'Acad.* VII-e série. T. IX).

Этимъ обиліемъ въ томъ краю еврейскаго элемента, весьма подвижнаго и промышленнаго, притомъ имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ мужей, и объясняется успѣхъ іудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успѣхъ былъ столь значителенъ, что является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религію Моисея—событіе, единственное въ своемъ родѣ. О томъ, какимъ образомъ произошло это обращеніе, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; ибо расказы о принятіи іудейства царемъ хазарскимъ Булой или Буланомъ, около половины VIII вѣка, должны быть отнесены къ легендамъ; они черпаются только изъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ еврейскихъ источниковъ и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомнѣвающійся въ истинѣ язычества и испытывающій проповѣдниковъ трехъ религій: іудейской, христіанской и магометанской,—это весьма общій мотивъ для расказовъ подобнаго рода *. Трудно сказать, въ какой именно формѣ утвердилось іудейство между Хазарами, въ видѣ раввинскаго талмудизма или въ видѣ караизма, издавна существовавшаго въ Крыму и на Кавказѣ. Вопросъ этотъ спорный въ ученомъ мірѣ; но болѣе вѣроятности, по нашему мнѣнію, находится на сторонѣ караизма. Во всякомъ случаѣ существованіе еврейской религіи у Хазаръ не подлежитъ сомнѣнію, ибо о немъ свидѣтельствуютъ разные независимые другъ отъ друга источники. Извѣстенъ расказъ нашей лѣтописи о прибытіи іудейскихъ миссіонеровъ отъ Хазаръ. То же подтверждаютъ и арабскіе писатели, особенно Ибнъ-Даста и Ибнъ-Фадланъ. Послѣдній впрочемъ поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а что остальной народъ состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и язычниковъ **.

* Хотя г. Хвольсонъ въ своемъ сейчасъ названномъ трудѣ и настаиваетъ на томъ, будто отвѣтъ хазарскаго царя Іосифа испанскому еврею Хасдаю, заключающій упомянутую легенду, представляетъ подлинный памятникъ; но мы пока остаемся при господствующемъ мнѣніи, что этотъ отвѣтъ есть не болѣе какъ мистификація, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ Евреемъ (русскій переводъ его см. въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1847. № 6).

** Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: «Хазаре и царь ихъ всѣ Евреи». Но тутъ подъ словомъ Хазаре должно разумѣть также дворъ или хазарскую аристократію, какъ это съ вѣроятностію толкуетъ г. Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и

ный силою меча. По извѣстію Эльмакина, во время халифа Абдул-мелека сынъ его Мослимъ послѣ одного сильнаго пораженія, нанесеннаго Хазарамъ, многія ихъ тысячи принудилъ принять магометанскую вѣру. Эта фанатическая религія конечно болѣе подходила къ дикому турецкому племени, нежели христіанство, и дѣйствительно потомъ распространилась между ними, однако не получила преобладанія. Она встрѣтила здѣсь счастливаго соперника въ лицѣ іудейства.

Евреи распространились на Кавказѣ и въ Крыму изъ Палестины, Вавилоніи и другихъ мѣстъ Передней Азіи еще до Р. Хр. Какъ народъ промышленный, они рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, и между прочимъ, на Боспорѣ Киммерійскомъ. Одна пантикапейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говоритъ объ отпущеніи еврейскаго раба съ согласія синагоги (*Boeck* Corp. Inscript. № 214), а синагога предполагаетъ уже цѣлую общину. Давнее пребываніе Евреевъ въ Крыму подтверждается также замѣтками на старыхъ свиткахъ Пятикнижія и надгробными надписями, особенно такъ называемой Іосафатовой долины въ Чуфутъ-Кале *. Эти памятники заключаютъ въ себѣ указанія на притокъ еврейской колонизаціи на Кавказъ и въ Крымъ изъ Передней Азіи и Византійской имперіи, колонизаціи, продолжавшейся въ теченіе всей первой половины Среднихъ вѣковъ. Особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ то время на восточномъ берегу Киммерійскаго Боспора въ Ѳанагоріи или въ Матархѣ, какъ она называется въ еврейскихъ памятникахъ. Эта община въ свою очередь высылала колоніи въ ближніе таврическіе города, напримѣръ: въ Керчь, Кафу, Солкатъ, Сугдею, Мангупъ и другіе. Въ этомъ отношеніи съ еврейскими памятниками вполнѣ согласуется свидѣтельство византійскаго историка Ѳеофана. Говоря о Кубанской странѣ какъ о родинѣ Болгаръ, онъ замѣчаетъ, что Ѳанагурія (означающая тутъ вообще Таманскій полуостровъ) населена разными племенами, при чемъ поименовываетъ только Евреевъ; слѣдовательно, въ этой области они были особенно многочисленны.

* Большое количество подобныхъ свитковъ и надписей собрано было трудами извѣстнаго еврейскаго ученаго Фирковича. Любопытные выводы изъ этого собранія см. въ сочиненіи г. *Хвольсона*: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim (*Mémoires de l'Acad.* VII-e série. T. IX).

Этимъ обиліемъ въ томъ краю еврейскаго элемента, весьма подвижнаго и промышленнаго, притомъ имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ мужей, и объясняется успѣхъ іудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успѣхъ былъ столь значителенъ, что является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религію Моисея—событіе, единственное въ своемъ родѣ. О томъ, какимъ образомъ произошло это обращеніе, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; ибо расказы о принятіи іудейства царемъ хазарскимъ Булой или Буланомъ, около половины VIII вѣка, должны быть отнесены къ легендамъ; они черпаются только изъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ еврейскихъ источниковъ и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомнѣвающійся въ истинѣ язычества и испытывающій проповѣдниковъ трехъ религій: іудейской, христіанской и магометанской,—это весьма общій мотивъ для расказовъ подобнаго рода *. Трудно сказать, въ какой именно формѣ утвердилось іудейство между Хазарами, въ видѣ раввинскаго талмудизма или въ видѣ караизма, издавна существовавшаго въ Крыму и на Кавказѣ. Вопросъ этотъ спорный въ ученомъ мірѣ; но болѣе вѣроятности, по нашему мнѣнію, находится на сторонѣ караизма. Во всякомъ случаѣ существованіе еврейской религіи у Хазаръ не подлежитъ сомнѣнію, ибо о немъ свидѣтельствуютъ разные независимые другъ отъ друга источники. Извѣстенъ расказъ нашей лѣтописи о прибытіи іудейскихъ миссіонеровъ отъ Хазаръ. То же подтверждаютъ и арабскіе писатели, особенно Ибнъ-Даста и Ибнъ-Фадланъ. Послѣдній впрочемъ поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а что остальной народъ состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и язычниковъ **.

---

* Хотя г. Хвольсонъ въ своемъ сейчасъ названномъ трудѣ и настаиваетъ на томъ, будто отвѣтъ хазарскаго царя Іосифа испанскому еврею Хасдаю, заключающій упомянутую легенду, представляетъ подлинный памятникъ; но мы пока остаемся при господствующемъ мнѣніи, что этотъ отвѣтъ есть не болѣе какъ мистификація, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ Евреемъ (русскій переводъ его см. въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1847. № 6).

** Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: «Хазаре и царь ихъ всѣ Евреи». Но тутъ подъ словомъ Хазаре должно разумѣть также дворъ или хазарскую аристократію, какъ это съ вѣроятностію толкуетъ г. Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и

Обращеніе хазарской династіи въ іудейство, по нѣкоторымъ признакамъ, неблагопріятно повліяло на дальнѣйшее развитіе государства. Между тѣмъ какъ царь былъ іудеемъ, войска его состояли препмущественно изъ магометанъ и язычниковъ; собственно же еврейское населеніе, разсѣянное въ хазарскихъ городахъ и занятое своими меркантильными интересами, представляло конечно весьма слабую опору для поддержанія государственнаго единства и могущества. Соперничество разныхъ религій не могло содѣйствовать образованію одной плотной націи, и Хазарское государство до конца осталось собраніемъ разныхъ народностей. Постепенному упадку хазарскаго могущества способствовало и самое раздвоеніе власти. Въ рукахъ верховнаго кагана (*хазаръ-хакана*, по Ибнъ-Даста) съ теченіемъ времени осталась власть почти номинальная, хотя особа его и была окружена чрезвычайнымъ почитаніемъ; а дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ его намѣстника, начальствовавшаго надъ войскомъ. Послѣдній назывался по Константину Багрянородному просто *пехъ* (то-есть, бегъ), по Ибнъ-Фадлану *хаканъ-бегъ*, а по Ибнъ-Даста *иша* (то-есть, почти то же что *шахъ*, какъ объясняетъ г. Хвольсонъ въ своей книгѣ объ этомъ писателѣ, стр. 56). Подобное раздвоеніе власти, конечно, имѣло свою долю участія во внутреннихъ смутахъ и разложеніи государства.

Мы думаемъ, что нѣкоторый упадокъ хазарскаго могущества обнаружился уже въ первой половинѣ IX вѣка по поводу построенія крѣпости Саркела.

V.

Хазарскій Саркелъ, построенный для защиты отъ Печенѣговъ и Руси.— Посольство Русскаго кагана въ 839 году.— Рядъ извѣстій о Роксаланскомъ или Русскомъ народѣ отъ I до IX вѣка включительно.

Около 835 года Хазарскій каганъ и Хазарскій бегъ (πεχ), по разказу Константина Багрянороднаго, прислали къ императору Θеоѳану пословъ съ просьбою построить имъ на Дону

Руссахъ, 108). Вообще всѣ арабскія извѣстія согласны въ томъ, что іудейскую религію исповѣдывала наименьшая часть Хазаръ (см. *Лерберга*, 349).

крѣпость. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ на своихъ хеландіяхъ спаѳарокандидата Петрону съ мастерами и рабочими. Въ Херсонѣ Петрона пересѣлъ на плоскодонныя суда, которыя могли ходить по Азовскому морю и по рѣкѣ Танаису. Онъ доплылъ до назначеннаго мѣста этой рѣки и здѣсь остановился. Такъ какъ въ томъ краю не оказалось камня, годнаго для зданій, то Греки устроили печи, приготовили кирпичи, и затѣмъ воздвигли крѣпость, названную *Саркелъ*, что̀ значитъ „Бѣлая Гостинница", по объясненію Константина (а въ русской лѣтописи „Бѣла Вежа"). Современникъ Константина Леонтій (одинъ изъ продолжателей Ѳеофана), сообщающій то же извѣстіе о построеніи этой крѣпости только въ болѣе короткихъ словахъ, прибавляетъ, что въ Саркелѣ находился хазарскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ, которые время отъ времени смѣнялись. Съ построеніемъ Саркела связана важная перемѣна въ жизни Херсонеса Таврическаго. Дотолѣ, какъ извѣстно, этотъ городъ съ своею областью пользовался автономіей: внутренними дѣлами его завѣдывали городскіе патриціи подъ предсѣдательствомъ выбраннаго изъ ихъ среды протевона. По совѣту Петроны, воротившагося изъ своей экспедиціи, Ѳеофанъ, чтобъ имѣть Херсонъ въ полной своей власти, назначилъ туда императорскаго намѣстника или стратига, которому подчинилъ протевона и патриціевъ. Первымъ херсонскимъ стратигомъ былъ назначенъ тотъ же Петрона, какъ хорошо знавшій мѣстныя дѣла; при чемъ изъ спаѳарокандидатовъ онъ былъ повышенъ въ слѣдующее достоинство, то-есть, протоспаѳарія.

Для защиты отъ какого народа построена была крѣпость Саркелъ?

Главный источникъ, то-есть, Константинъ Багрянородный, ничего не говоритъ на этотъ счетъ; но онъ указываетъ на Саркелъ какъ на пограничную крѣпость съ Печенѣгами, обитавшими къ западу отъ Дона; а Кедренъ, писатель XI вѣка, уже прямо говоритъ, что Саркелъ былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ. На это Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи „О положеніи Саркела" замѣтилъ, что въ эпоху его построенія Печенѣги кочевали въ степяхъ поволжскихъ, то-есть, къ сѣверу отъ Хазарскаго государства; а на западную сторону Дона они перешли нѣсколько позднѣе; слѣдовательно, эта крѣпость не

имѣла цѣлью защиту отъ Печенѣговъ. По его мнѣнію, еще менѣе могла она имѣть въ виду защиту отъ Руссовъ. Но при болѣе точномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, то и другое его положеніе должно оказаться несостоятельнымъ.

Не даромъ Саркелъ стоялъ на судовомъ ходу изъ Азовскаго моря въ Каспійское: онъ конечно стерегъ этотъ важный путь. По всѣмъ признакамъ онъ находился тамъ, гдѣ караваны должны были оставлять Донъ и волокомъ перетаскиваться въ Волгу, то-есть, около того мѣста, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходятъ другъ къ другу. Этотъ волокъ служилъ конечно главнымъ средствомъ защиты противъ судовой рати, такъ какъ Турко-Хазары сами не были искусны въ судоходствѣ и не имѣли флота. Саркелъ преграждалъ дорогу Руссамъ, которые изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою переходили въ Каспійское море съ цѣлью грабежа; слѣдовательно, онъ долженъ былъ охранять отъ ихъ нападеній столицу Хазарскаго царства Итиль. Лербергъ отрицалъ такое предположеніе, какъ послѣдователь норманской школы. (Вѣдь Руссы, если вѣрить извѣстной баснѣ, еще не существовали на Руси въ первой половинѣ IX вѣка; они только во второй его половинѣ были *призваны изъ-за моря*!). Но для насъ немыслимы народы и государства, внезапно упавшіе съ неба. Подтвержденіемъ нашего мнѣнія о назначеніи Саркела защищать Хазарію отъ Руси служатъ послѣдующія событія.

Арабскій географъ Масуди, писавшій въ первой половинѣ X вѣка, въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ повѣствуетъ о походѣ Руси на Каспійское море въ числѣ 500 судовъ, въ 913 году. Онъ говоритъ, что Руссы вошли въ рукавъ Нейтаса, соединяющійся съ Хазарскою рѣкою. Подъ именемъ послѣдней разумѣется Волга; а подъ рукавомъ Нейтаса (то-есть, Азовскаго моря) надобно разумѣть нижнее теченіе Дона отъ его устья до крутаго изгиба на сѣверъ. Масуди поясняетъ, что здѣсь стояла многочисленная хазарская стража, чтобъ удерживать какъ приходящихъ Азовскимъ моремъ, такъ и наступающихъ сухимъ путемъ. Онъ именно указываетъ на турецкихъ кочевниковъ Гузовъ, которые обыкновенно приходятъ къ этому мѣсту зимовать. Когда же рѣки замерзаютъ, то Гузы переправляются по льду и вторгаются въ страну Хазаръ; но лѣтомъ они не имѣ-

ютъ переправы (слѣдовательно, не могутъ обойдти Саркела). Когда русскіе корабли — продолжаетъ Масуди — подошли къ устью рукава (то-есть, къ волоку между Дономъ и Волгой), то они послали къ Хазарскому царю просить, чтобъ онъ дозволилъ имъ войдти въ его рѣку (то-есть, Волгу) и вступить въ Хазарское море. Они обѣщали отдать ему половину изъ всего, что награбятъ у народовъ, живущихъ по этому морю. Царь согласился. Исходъ предпріятія извѣстенъ. Руссы пограбили и опустошили прибрежныя Каспійскому морю магометанскія страны, и отдали по уговору часть добычи Хазарскому царю. Но мусульманскій отрядъ, находившійся у него на службѣ, и другіе мусульманскіе жители Хазаріи выпросили у него позволеніе отомстить Руссамъ за избіеніе своихъ единовѣрцевъ. Далѣе въ извѣстіи Масуди, очевидно, есть нѣкоторая неточность: по его разсказу, битва произошла будто бы около Итиля. Руссы, увидавъ мусульманъ, вышли на берегъ, сразились и послѣ трехдневнаго боя были разбиты. Остатокъ ихъ отправился на судахъ въ страну, примыкающую къ Буртасамъ; тамъ они были окончательно истреблены Буртасами и мусульманскими Болгарами. Но зачѣмъ же Руссамъ послѣ ихъ пораженія надобно было отправляться въ страну Буртасъ и Камскихъ Болгаръ? Не естественнѣе ли было спѣшить домой тѣмъ же обычнымъ путемъ, то-есть, Дономъ и Азовскимъ моремъ? А также, къ чему имъ было выходить на берегъ и три дня сражаться съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, когда они могли спокойно уйдти на судахъ, такъ какъ Хазары не имѣли флота, и путь на рѣкѣ былъ болѣе или менѣе свободенъ? Эти несообразности даютъ понять, что битва происходила именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Руссы, обремененные добычею, должны были покинуть Волгу и идти волокомъ въ Донъ. Здѣсь-то, около крѣпкаго Саркела, враги, конечно, и загородили имъ дорогу. Тогда, не могши пробиться послѣ трехдневной отчаянной битвы, остатокъ Руси естественно долженъ былъ сѣсть на суда и плыть вверхъ по рѣкѣ на сѣверъ—единственный оставшійся у нихъ путь отступленія. Но тутъ встрѣтили ихъ новые враги и доканали.

Описаніе этого похода, между прочимъ, ясно показываетъ, какъ невѣрны были представленія норманской школы о походахъ Скандинавовъ, которые будто бы свободно разгуливали по рѣчнымъ путямъ Восточной Европы, куда имъ вздумается,—и въ

Черное море, и въ Азовское, и въ Каспійское. Нѣтъ, походы эти были очень и очень трудны, а волоки дѣлали ихъ иногда невозможными. Далѣе изъ словъ Масуди мы можемъ вывести заключеніе, что упомянутая имъ многочисленная хазарская стража на томъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ Азовскаго моря, то-есть, Донъ, подходитъ къ Волгѣ, и есть въ сущности не что иное, какъ гарнизонъ Саркела, хотя Масуди не приводитъ имени крѣпости. Этотъ гарнизонъ препятствовалъ Руссамъ перейдти изъ Дона въ Волгу, и они могли совершить переходъ только съ дозволенія Хазаръ.

На основаніи того же извѣстія мы думаемъ, что построеніемъ Саркела въ одно время достигались двѣ цѣли, ибо онъ занималъ очень выгодное оборонительное положеніе. Съ одной стороны, онъ препятствовалъ кочевымъ турецкимъ народамъ вторгаться въ Хазарское царство перешейкомъ, лежащимъ между Дономъ и Волгой, за исключеніемъ того времени, когда эти рѣки покрывались такимъ толстымъ льдомъ, который могъ выдержать цѣлую конную орду; что́ въ тѣхъ мѣстахъ случалось не каждую зиму. Разумѣется, перешеекъ этотъ былъ не настолько узокъ, чтобы гарнизонъ Саркела могъ загородить дорогу конницѣ, и по всей вѣроятности въ связи съ главною крѣпостью устроенъ былъ рядъ другихъ укрѣпленій, защищенный большимъ валомъ; длинные валы служили въ то время обычнымъ средствомъ для защиты своей земли отъ непріятельскихъ вторженій. Во время Масуди около этого перешейка кочевали Узы; но вѣкомъ ранѣе на мѣстѣ Узовъ жили Печенѣги (изгнанные потомъ на западную сторону Дона Узами или Половцами); а слѣдовательно, извѣстіе Кедрена, что Саркелъ построенъ противъ Печенѣговъ, имѣло основаніе. Съ другой стороны, эта крѣпость своимъ положеніемъ около волока, очевидно, служила оплотомъ противъ судовыхъ походовъ Руси. Отсюда понятно, почему она такъ непріятна была для Руси, и почему Святославъ взялъ Саркелъ и разорилъ его.

Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи Русскаго княжества въ южной Россіи замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по времени съ извѣстіемъ о построеніи Саркела. Послѣднее происходило повидимому въ 835 году, при Византійскомъ императорѣ Ѳеофилѣ. А спустя около четырехъ лѣтъ, то-есть, въ 839 году, по извѣстію Бертинскихъ лѣтописей, тотъ же императоръ, отправляя къ Людовику Бла-

гочестивому посольство, препровождаетъ вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколько человѣкъ, которые называли себя *Рось*. Послѣдніе были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хаканомъ*; но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли, то Ѳеофилъ просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. Подъ именемъ этого хакана или кагана, конечно, разумѣется Кіевскій князь, а не какой-нибудь изъ скандинавскихъ владѣтелей, которые никогда каганами не назывались; равнымъ образомъ никакой Руси въ Скандинавіи того времени источники не упоминаютъ. (Всѣ натяжки норманистовъ, на основаніи неясной фразы „изъ рода Свеоновъ", перетолковывать это мѣсто въ свою пользу остаются безплодны). Очень возможно, что упомянутое хронологическое совпаденіе не было простою случайностію. Возможно, что помощь, оказанная Греками въ построеніи Саркела, то-есть, въ защитѣ Хазарскихъ владѣній со стороны Печенѣговъ и Руси, побудила также и Русскаго князя войдти въ непосредственныя сношенія съ Византійскимъ дворомъ, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Хазарами. При этомъ возможно, конечно, и даже очень вѣроятно, что подобныя сношенія начались еще ранѣе, особенно по дѣламъ торговымъ, и что посольство это было совсѣмъ не первое; но хазарскія дѣла могли оживить и усилить стремленія Русскихъ князей къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Византійскимъ дворомъ *.

Прежде нежели пойдемъ далѣе, спросимъ себя: откуда же взялось это Русское княжество или каганство, о существованіи котораго съ первой половины IX вѣка свидѣтельствуетъ современное извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою, если припомнимъ извѣстія греко-латинскихъ источниковъ о скиѳо-сарматскомъ народѣ Роксаланахъ или Росъ-Аланахъ, и если отнесемся къ источникамъ просто, безъ всякихъ умствованій.

---

* Нѣкоторую аналогію съ извѣстіемъ о русскихъ послахъ при дворѣ Людовика Благочестиваго въ 839 году представляетъ свидѣтельство хроники Регинона о послахъ княгини Ольги при дворѣ Оттона I въ 959 году. То и другое свидѣтельство темно и подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ; но оба онѣ несомнѣнно относятся къ Кіевской Руси.

Для рѣшенія даннаго вопроса достаточно только привести въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія изъ этихъ извѣстій.

Наиболѣе раннія и вмѣстѣ наиболѣе обстоятельныя свидѣтельства принадлежатъ двумъ знаменитымъ писателямъ перваго вѣка по Р. Хр., Страбону и Тациту. Страбонъ говоритъ, что Роксалане жили между Дономъ и Днѣпромъ; онъ считаетъ ихъ самыми сѣверными изъ извѣстныхъ (ему) Скиѳовъ. Онъ расказываетъ, что они принимали участіе въ войнѣ знаменитаго Митридата, царя Понтійскаго и Боспорскаго, съ царемъ скиѳскимъ Скилуромъ, какъ союзники послѣдняго, въ 94 г. до Р. Хр.; они явились на войну подъ предводительствомъ Тасія, въ числѣ будто бы 50.000, въ шлемахъ и панцырахъ изъ воловьей кожи, вооруженные копьемъ, лукомъ, мечомъ и щитомъ, плетенымъ изъ тростника. Они потерпѣли пораженіе отъ полководца Митридатова Діофанта, имѣвшаго 6000 отлично устроеннаго войска. Этотъ народъ живетъ въ войлочныхъ кибиткахъ, окруженный своими стадами, питаясь ихъ молокомъ, сыромъ и мясомъ и передвигаясь постоянно на мѣста, богатыя пастбищами. Лѣтомъ онъ кочуетъ на равнинахъ, а зимою приближается къ болотистымъ берегамъ Меотиды. (Strabo. Lib. II и VII.)

По извѣстію Тацита, сарматское племя Роксалане, числомъ 9000 конницы, вторглось въ римскую Мизію въ 69 году по Р. Х. Сначала они имѣли успѣхъ и истребили двѣ римскія когорты. Но когда варвары разсыпались для грабежа и предались безпечности, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ совершенное пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель; кони Роксаланъ спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своемъ довольно тяжеломъ вооруженіи; они имѣли длинные мечи и копья, а у знатныхъ панцыри сдѣланы были изъ желѣзныхъ бляхъ или изъ твердой кожи; но щиты будто бы не были у нихъ въ обыкновеніи. Въ пѣшемъ бою они были неискусны. (Taciti Hist. L. I).

Кромѣ того въ первомъ вѣкѣ имя Роксаланъ встрѣчается у Плинія въ его „Естественной исторіи“ и въ одной надгробной надписи изъ временъ императора Веспасіана. Въ послѣдней говорится именно о возвращеніи Римлянами князьямъ Бастарновъ и Роксаланъ ихъ сыновей (бывшихъ, конечно, заложниками).

Во II вѣкѣ о Роксаланахъ упоминаютъ римскіе писатели Спартіанъ и Капитолинъ и греческіе Птоломей и Діонъ Кассій. Первый говоритъ о договорѣ императора Адріана съ княземъ Роксаланъ, который жаловался на уменьшеніе суммы, платимой ему Римлянами. Ко времени того же императора относятъ одну латинскую надпись, въ которой упоминается Роксаланскій князь Элій Распарасанъ (принявшій имя Элія, конечно, въ честь Элія Адріана). Капитолинъ въ числѣ понтійскихъ народовъ, угнетавшихъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ, называетъ Роксаланъ. Географъ Птоломей помѣщаетъ ихъ около Меотиды. Но ясно, что въ это время жилища ихъ простирались и на западную сторону Днѣпра, откуда они могли нападать на римскія области Дакію и Мизію. Діонъ Кассій раскавываетъ, что императоръ Маркъ Антонинъ позволилъ Языгамъ изъ ихъ новыхъ жилищъ пройдти черезъ Дакію къ Роксаланамъ.

Въ III вѣкѣ Роксалане, по словамъ Требеллія Поліона, убили Региліана, одного изъ такъ называемыхъ тридцати тиранновъ. По словамъ Вописка, въ тріумфѣ императора Авреліана въ числѣ другихъ участвовали и плѣнники роксаланскіе со связанными руками. Относимые къ этому вѣку Певтингеровы таблицы помѣщаютъ „Роксуланъ Сарматъ" вблизи Меотиды.

Въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцеллинъ приводитъ Роксаланъ въ числѣ народовъ, обитавшихъ все около того же Меотійскаго озера, къ сѣверу отъ Понта.

Іорнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одного знатнаго Роксаланина (по видимому передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. (Cap. 24). Изъ этого извѣстія съ полною вѣроятностію можно заключить, что движеніе Гунновъ произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ противъ Готскаго владычества *. Послѣ удаленія Готовъ и Гунновъ на западъ, Рок-

* Іорнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преем-

салане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Іорнанда, въ его время Дакія (называвшаяся тогда и Гепидія) опять на востокѣ граничила съ Роксаланами (Cap. 12).

Совокупность этихъ греко-латинскихъ извѣстій отъ I до VI вѣка включительно, кажется ясно указываетъ намъ на сильный, многочисленный народъ, котораго средоточіемъ былъ Днѣпръ, а отдѣльныя вѣтви простирались съ одной стороны до Азовскаго моря, съ другой до Днѣстра или до предѣловъ древней Дакіи. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта; въ тѣ времена не только часть Славянъ, но и часть Германскихъ племенъ еще не вышла изъ этого быта, что̀ и объясняетъ намъ послѣдующую эпоху, извѣстную подъ именемъ Великаго переселенія народовъ, и особенно передвиженіе Готскихъ народовъ отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря до предѣловъ крайняго запада. Но въ теченіе дальнѣйшихъ столѣтій Роксаланское или Русское племя, конечно, все болѣе и болѣе пріобрѣтало привычки быта осѣдлаго, сохраняя однако свой подвижной, предпріимчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ, на что̀ указываютъ его столкновенія съ Римскимъ міромъ. Тѣ же извѣстія ясно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и знатнаго сословія, отличавшагося на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ.

никъ Германриха Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидесятью вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на висѣлицѣ, чтобы навести страхъ на Антовъ. Очевидно, онъ метилъ Антамъ-Роксаланамъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Только благодаря этой племенной враждѣ двухъ главныхъ туземныхъ народовъ, царю Гунновъ Валаміру удалось потомъ побѣдить Винитара, и такимъ образомъ подчинить себѣ всѣхъ Остроготовъ. Обратимъ также вниманіе на роксаланскія имена у Іорнанда. Санелга, очевидно, заключаетъ въ себѣ коренное древнерусское имя Ольга или *Елга* (въ этой формѣ см. у Константина Багрянороднаго), встрѣчающееся также въ названіяхъ рѣкъ Олегъ, Волга, ольга (болото) и пр. А ея братъ Амміусъ слышится въ названіи Міусъ и Кальміусъ, двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море и протекающихъ въ странѣ древнихъ Роксаланъ.

Извѣстна сбивчивость и путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ писателей. Особенно велика эта путаница по отношенію къ народамъ Скиѳіи или Восточной Европы. Одинъ и тотъ же народъ не только въ разныя времена, но иногда въ одну и ту же эпоху является у нихъ подъ различными именами. Такъ Роксалане въ VI вѣкѣ скрываются у византійскихъ писателей (Прокопія и Маврикія) преимущественно подъ именемъ Антовъ, не говоря о болѣе общихъ именахъ Скиѳовъ и Сарматовъ, которыя долго еще не выходили изъ употребленія. Относительно византійскихъ писателей естественно забвеніе имени Роксаланъ, ибо они никогда его и не употребляли въ этой сложной формѣ; она встрѣчается болѣе у латинскихъ писателей; но и тотъ же Іорнандъ, перечисляя народы Скиѳіи, забываетъ о Роксаланахъ, и на мѣстѣ ихъ ставитъ Антовъ. Однако названіе Роксалане (вопреки мнѣнію норманистовъ) не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Онъ два раза упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксаланъ, за которою далеко къ океану лежитъ великій островъ Скиѳія или Скандза, то есть, Скандинавія. (L. I. c. 12 и L. IV. c. 4.).

Точно также, вопреки норманской школѣ, народное имя *Русь* или *Рось*, вмѣсто своей сложной формы Росъ-Алане, упоминается нѣкоторыми источниками по отношенію къ южной Россіи ранѣе второй половины IX вѣка, то есть, эпохи мнимаго призванія Варяговъ-Руси изъ-за моря. Уже Іорнандъ употребляетъ эту простую форму (ибо его Rocas есть ничто иное какъ Rox или Ross); далѣе, мы видѣли ее, по поводу народа Рось и Русскаго каганата, въ Бертинскихъ лѣтописяхъ. Ту же простую, несложную форму употребляетъ географъ Баварскій, который на ряду съ Угличами (Unlizi) и Казарами (Caziri) помѣщаетъ и Русь (Ruzzi). Упоминаніе о туземномъ народѣ Русь подъ этимъ ея именемъ встрѣчается также у арабскихъ писателей второй половины IX вѣка, напримѣръ у Хордадбега.

Въ теченіе восьми вѣковъ, протекшихъ отъ Страбона до извѣстія Бертинскихъ лѣтописей, Роксаланскій или Русскій народъ пережилъ, конечно, много испытаній и много перемѣнъ. Онъ выдержалъ напоры разныхъ народовъ и отстоялъ свою землю и свою самобытность, хотя и не разъ подвергался временной

зависимости, напримѣръ, отъ Готовъ, Гунновъ и отчасти отъ Аваръ. Не одни чужія племена вступали съ нимъ въ борьбу и иногда угнетали его; сосѣднія славянскія племена также воевали съ нимъ за земли, за добычу, за дань. Особенно сильныя столкновенія онъ долженъ былъ выдерживать съ племенами Болгарскими, которыя въ V вѣкѣ, то-есть, послѣ изгнанія Остроготовъ изъ южной Россіи, широко распространились по Черноморскимъ краямъ отъ Тавриды до Дуная. Но рано или поздно, мужественный, упругій Роксаланскій народъ бралъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдями. Главная его масса мало по малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Кіевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической огранизаціи. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то-есть, въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечомъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Но возвратимся къ русскому посольству 839 года, и спросимъ: кто были тѣ жестокіе варварскіе народы, которые въ эту эпоху препятствовали сношеніямъ Кіевской Руси съ Византіей?

Безъ всякаго сомнѣнія, это были, вопервыхъ, Хазары, а вовторыхъ, соплеменники настоящихъ Гунновъ, по ихъ слѣдамъ подвигавшіеся къ Черноморью изъ степей задонскихъ, то-есть, Угры или Мадьяры. Мы видѣли, что часть угорскихъ кочевыхъ ордъ была покорена Турками въ VI вѣкѣ, а другая часть ушла на западъ и потомъ явилась на Дунаѣ въ соедине-

нія съ Аварами. За хазарскими Турками явились, по сю сторону Урала, другія турецкія орды, именно Печенѣги; эти послѣдніе и потѣснили Угровъ волжскихъ. Случилось то же, что́ и всегда происходило при подобныхъ движеніяхъ въ степяхъ юговосточной Европы: часть волжскихъ Угровъ смѣнила хазарскую зависимость на печенѣжскую; а другая, и вѣроятно еще большая, часть передвинулась далѣе на западъ по пути, давно проложенному ея соплеменниками, то-есть, въ степи черноморскія. Судя по извѣстію о построеніи Саркела, Печенѣги въ первой половинѣ IX вѣка уже находились въ степяхъ придонскихъ; стало быть, послѣднее передвиженіе Угровъ въ западное Черноморье совершилось не позднѣе конца VIII вѣка. И дѣйствительно, въ той же первой половинѣ IX вѣка мы встрѣчаемъ ихъ тамъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей (именно Льва Граматика и Георгія Мниха). Македонскіе плѣнники, поселенные болгарскимъ царемъ Крумомъ на сѣверной сторонѣ Дуная, вздумали бѣжать оттуда съ помощью греческихъ кораблей. Такъ какъ главныя силы Болгаръ въ то время воевали Солунскую область, то Болгарскій царь Владиміръ пригласилъ на помощь Угровъ (которыхъ Византійцы при этомъ называютъ и Гуннами, и Турками). Угры явились въ большомъ числѣ на берега Дуная, однако не помѣшали бѣгству Македонянъ. А это событіе происходило въ эпоху императора Ѳеофила (829—842 гг.), то-есть, именно въ эпоху упомянутаго выше посольства Днѣпровской или Кіевской Руси къ этому императору *.

Извѣстіе о русскомъ посольствѣ къ Ѳеофилу, сохраненное намъ Бертинскими лѣтописями, есть драгоцѣнный лучъ свѣта, прорѣзывающій тотъ мракъ, который покрываетъ судьбы Руси передъ ея грознымъ появленіемъ подъ стѣнами Константи-

---

* Вотъ явное доказательство произвольной хронологіи въ нашей начальной лѣтописи. Она помѣщаетъ пришествіе Черныхъ Угровъ въ южную Россію подъ 898 годомъ и ошибается при этомъ по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе. (Ранѣе означеннаго года Угры явились уже въ Панноніи). По всей вѣроятности, наши книжники извѣстіе Византійцевъ о войнѣ съ Уграми Симеона Болгарскаго истолковали въ смыслѣ перваго пришествія Черныхъ Угровъ. А между тѣмъ исторіографія наша принимала на вѣру эту хронологію и пыталась согласить ее съ событіями!

нополя въ 865 году. Это извѣстіе, несомнѣнно указывающее на существованіе Днѣпровско-Русскаго княжества и на его мирныя сношенія съ Византіей уже въ первой половинѣ IX вѣка, находится въ полномъ согласіи съ послѣдующимъ свидѣтельствомъ патріарха Фотія о Руси 865 года. Онъ говоритъ, что „варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ; они благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію". И въ другомъ мѣстѣ: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ, но, какъ мы видѣли, Божья милость отвратила ихъ набѣгъ". (Четыре бесѣды Фотія—архим. *Порфирія Успенскаго*). Изъ этихъ словъ можно понять, что нападенію Руси предшествовали ея посольскія и торговыя сношенія съ Византіей, и не только сношенія, но и договоры (ибо извѣстные договоры Олега и Игоря являются только продолженіемъ прежнихъ). Ясно, что какое-то умерщвленіе Русскихъ людей въ Греціи вызвало набѣгъ Руси на Константинополь.

Подобно латинскому извѣстію о русскомъ посольствѣ 839 года, византійское свидѣтельство о построеніи Саркела также бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на русскую исторію того времени. Это свидѣтельство устраняетъ нашу лѣтописную басню объ Аскольдѣ и Дирѣ, освободившихъ Кіевъ отъ хазарской дани; ибо оно показываетъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка границею Хазарскаго государства на сѣверѣ было нижнее теченіе Дона и Волги, и что Хазары стараются съ этой стороны защитить себя отъ нападеній другихъ народовъ, именно Печенѣговъ и Руси. Очевидно, лѣтописное преданіе или, какъ мы замѣтили, смѣшивало Турко-Хазаръ съ Аварами, или спутывало Днѣпровскую Русь съ Русью Тмутраканскою, собственно Болгарскою, которая дѣйствительно находилась въ зависимости отъ Хазаръ. Точно также невѣроятны извѣстія лѣтописи о хазарской дани у Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей, если принять въ расчетъ географическое ихъ положеніе. Но вопросъ нѣсколько измѣняется, если названія двухъ послѣднихъ племенъ примемъ въ болѣе обширномъ значеніи, нежели какое онѣ имѣютъ у нашихъ лѣтописцевъ. Извѣстно, что наша Сѣвера есть то же, что̀ Сервы или Сербы, имя, когда-то бывшее не видовымъ, а родовымъ названіемъ для значительной части Славянскихъ племенъ. Точно также и названіе Вятичи есть только видоизмѣненіе другаго родоваго имени, то-есть, Антовъ или Вантовъ, Вятовъ (Венетовъ). А „безчисленныя" племена

Антовъ, какъ замѣчаетъ Прокопій, соприкасались своими жилищами на югѣ съ таврическими и кубанскими Гуннами, то-есть, Болгарами *.

* Что касается до Сѣверянъ, то довольно трудно провести границу между этою славянскою вѣтвію и тѣми Гуннами Савирами, о которыхъ повѣствуютъ византійскіе писатели. Выше мы замѣтили, что этихъ Савировъ или Авировъ можно отождествлять съ Аварами. Но можно также ихъ и раздѣлять, какъ раздѣляютъ Прискъ и Ѳеофилактъ, которые упоминаютъ о нападеніи Аваровъ на Савировъ. Византійскіе писатели, причисляющіе Савировъ къ Гуннамъ, суть преимущественно тѣ же самые, которые Гуннами называютъ и славянскихъ Болгаръ, то-есть Прокопій, Агаѳій и Менандръ. Іорнандъ также относитъ къ Гуннамъ Савировъ или Авировъ на ряду съ азовскими Болгарами. Прокопій говоритъ, что «Савиры, народъ гуннскій, обитаютъ около Кавказа», что они «очень многочисленны, чрезвычайно воинственны и раздѣлены на многія княжества». Агаѳій также отзывается о нихъ, какъ о народѣ весьма многочисленномъ и очень опытномъ въ войнѣ и грабежахъ. По его извѣстію, въ 556 г. въ римскомъ войкѣ, защищавшемъ закавказскія владѣнія отъ Персовъ, участвовало около 2.000 тяжело-вооруженныхъ Савировъ подъ начальствомъ трехъ знаменитѣйшихъ вождей, Балмаха, Кутильгиза и Илигера. А эти имена едва ли могутъ быть признаны за чисто гуннскія, то-есть, угро-финскія, особенно послѣднее: оно весьма близко отзывается древне-русскимъ Елгъ (Олегъ), литовскимъ—Ольгердъ и болгарскимъ—Вульгеръ (который встрѣчается въ томъ же VI вѣкѣ какъ предводитель Болгаръ, вторгшихся въ Мизію. См. у Ѳеофана и Анастасія). По извѣстію Ѳеофана, у Савировъ кавказскихъ была княгиня Боарисъ или Боариксъ, которая наслѣдуетъ своему мужу Балаху, является также союзницей императора Юстиніана I въ его войнахъ съ Персами и сама предводительствуетъ войскомъ. Имя ея, по всей вѣроятности, одного корня съ славяно-русскимъ Борисъ или Богорисъ. Не забудемъ при этомъ, что Кавказскіе края въ древности почитались родиной Амазанокъ. Названіе Савиры или Савары слышится также въ древнемъ названіи Савароматы или Савроматы; а этотъ народъ былъ извѣстенъ своими воинственными женщинами, и по мнѣнію древнихъ, велъ происхожденіе отъ Скиѳовъ, сочетавшихся съ Амазонками.

Вообще, трудно найдти гдѣ-либо болѣе сбивчивую и запутанную массу народныхъ именъ сравнительно съ именами тѣхъ народовъ, которые вышли изъ странъ Прикавказскихъ. Какъ подъ именемъ Савировъ могутъ скрываться равно и наши Сѣверяне, и Черкесы Авары, такъ, напримѣръ, и имя Аланъ когда-то распространялось на разные народы, о чемъ прямо говоритъ Амміанъ Марцелинъ въ IV вѣкѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ его время подъ этимъ именемъ скрывались, между прочимъ, и волжско-кубанскіе Болгаре. Въ послѣдствіи оно сосредоточилось преимущественно на одномъ кавказскомъ племени, остатки котораго мы узнаемъ въ современныхъ Осетинахъ (Ясы нашихъ

Вообще, Славянскія племена въ тѣ времена далеко распространялись на юго-востокъ, до самаго Кавказа и нижней Волги. Только въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ многократнымъ наплывомъ кочевыхъ ордъ, начиная съ Гунновъ и кончая Татарами, юговосточныя вѣтви Славянъ были отторгнуты отъ своихъ соплеменниковъ и впослѣдствіи утратили свою народность. Но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, часть этихъ Славянъ входила въ предѣлы Хазарскаго государства. О томъ въ особенности свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія. Въ этихъ извѣстіяхъ Донъ и Волга нерѣдко встрѣчаются подъ именемъ „Славянской рѣки“. Баладури, писатель IX вѣка, говоритъ, что арабскій полководецъ Мерванъ, во время набѣга на Хазарію взялъ въ плѣнъ 20.000 Славянъ, которыхъ поселилъ за Кавказомъ; а такая цифра ясно указываетъ на присутствіе многочисленнаго славянскаго населенія въ предѣлахъ Хазарскаго государства. Масуди прямо говоритъ, что нѣкоторыя племена язычниковъ, обитающихъ въ землѣ хазарскаго царя, суть Славяне и Руссы, что изъ нихъ набираются отряды въ его войско, и что они населяютъ цѣлую часть его столичнаго города Итиля.

VI.

Судовой путь изъ Кіева въ Азовское море и связи Днѣпровской Руси съ Боспорскимъ краемъ. — Угличи и Тиверцы суть племена Болгарскія.—Черная Болгарія и ея тожество съ третьею группой Руссовъ у арабскихъ писателей.

Сблизивъ, при помощи хронологіи и другихъ обстоятельствъ, построеніе Саркела съ извѣстіемъ о Руси Бертинскихъ лѣтописей, мы подходимъ къ уясненію исторической связи между Русью Днѣпровскою и тѣмъ краемъ, который является потомъ подъ именемъ Тмутраканскго княжества. До прихода Печенѣжскихъ ордъ въ Черноморскія степи племена Антовъ, по всѣмъ

лѣтописей). Изслѣдованія филологовъ (особенно Шёгрена) показали, что это послѣднее племя принадлежитъ къ арійской семьѣ, именно къ группѣ сармато-мидійскихъ народовъ, которая, повидимому, была родственна съ одной стороны съ группою германо-славяно-литовскою, а съ другой съ языками иранскими.

признакамъ, еще жили почти сплошь отъ Днѣпра до Азовскаго моря. Послѣднее еще долго потомъ, до Половцевъ или даже до Татаръ, не было обнажено отъ славянорусскихъ поселеній на сѣверозападныхъ его берегахъ и славяноболгарскихъ — на юговосточныхъ. Если обратимъ вниманіе на положительное извѣстіе Масуди о томъ, что Руссы живутъ на одномъ изъ береговъ Русскаго моря, на которомъ никто кромѣ ихъ не плаваетъ, и если подъ этимъ моремъ признаемъ преимущественно Азовское (ибо о Черномъ никакъ нельзя было сказать того же), то убѣдимся, что еще въ X вѣкѣ Русь сохраняла свои поселенія на Азовскомъ побережьѣ и свою связь съ этимъ побережьемъ. Эта связь объяснитъ намъ многое въ начальной исторіи нашего государства. Обыкновенно думали, что Кіевская Русь сообщалась съ Тмутраканью и ходила въ Азовское море Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, то-есть, вокругъ Таврическаго полуострова. Такое мнѣніе не выдерживаетъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ. Наша исторіографія, очевидно, увлекалась картиннымъ описаніемъ плаванія Руси въ Византію у Константина Багрянороднаго. Исторіографія доселѣ не задала себѣ простаго вопроса: Константинъ описываетъ только путешествіе въ Грецію, а какимъ способомъ Русь возвращалась назадъ въ Кіевъ? Если плаваніе сквозь пороги внизъ по Днѣпру было сопряжено съ такими трудностями, то какъ же оно могло совершаться вверхъ, противъ теченія? Чтобы Руссы переволакивали свои ладьи по-суху мимо всѣхъ пороговъ, то-есть, на разстояніи 70-ти или 80-ти верстъ, это совершенно невѣроятно. Изъ описанія Константина видно, что когда они плыли внизъ, то большею частію и не вытаскивали своихъ лодокъ на берегъ, а проводили ихъ у самаго берега по мелкому каменистому дну или спускали по быстринѣ. Притомъ Константинъ описываетъ собственный торговый караванъ; а какъ совершалось плаваніе военнаго флота въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ ладей, отправлявшагося грабить берега Чернаго или Каспійскаго морей, и какъ онъ возвращался домой, этого не объясняетъ намъ прямо ни одинъ источникъ.

Не было ли еще какого пути изъ Кіева въ Азовское море?

Такой путь дѣйствительно былъ. На него указываетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны. Расказывая о возвращеніи Запорожцевъ изъ своихъ походовъ по Черному морю, онъ поясняетъ, что кромѣ Днѣпра у нихъ была и другая дорога

изъ Чернаго моря въ Запорожье, а именно: Керченскимъ проливомъ, Азовскимъ моремъ и рѣкою Міусомъ; отъ послѣдняго они около мили идутъ волокомъ въ Тачаводу (Волчью Воду?), изъ нея въ Самару, а изъ Самары въ Днѣпръ. Въ настоящее время такія степныя рѣки, какъ Міусъ или Волчья Вода, не судоходны. Но онѣ, какъ видимъ, были судоходны еще въ XVII вѣкѣ. Судя по Боплану, пространство между Днѣпромъ, Самарой и Міусомъ въ его время еще было обильно остатками большихъ лѣсовъ. Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ, описывая свое путешествіе къ Татарамъ, также говоритъ о большомъ лѣсѣ на западъ отъ рѣки Дона. Отсюда можно заключить, какіе густые лѣса росли здѣсь въ болѣе глубокой древности; а они-то и обусловливали значительную массу воды въ рѣкахъ этого края. Особенно въ полую воду судоходство могло совершаться безпрепятственно, и самый волокъ между Волчьею Водой и какимъ-либо ближнимъ притокомъ Міуса или Калміуса, по всей вѣроятности, покрывался водою.

Нѣтъ ли указаній на этотъ путь въ древнѣйшихъ источникахъ Русской исторіи?

Есть. Тотъ же Константинъ Багрянородный, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей", говоритъ: „Къ сѣверу Печенѣги имѣютъ рѣку Днѣпръ, изъ котораго Руссы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію". Очевидно, авторъ имѣлъ только общее свѣдѣніе объ этомъ пути и не зналъ его такъ отчетливо, какъ путь Днѣпровскій или Греческій; однако указаніе это для насъ очень важно. Прежде затруднялись, куда отнести эту Черную Болгарію. Но для насъ ясно, что тутъ рѣчь идетъ о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ, сосѣднихъ съ Хазарами. Сирія также запутываетъ это свидѣтельство, если подъ нею разумѣть извѣстную страну, лежащую къ югу отъ Малой Азіи. Но чтобы достигнуть ея на судахъ, надобно было плыть мимо Константинополя въ Мраморное море и т. д., о чемъ нѣтъ никакого помину. Поэтому толкованіе Савельева („Мухамеданская нумизматика"), что тутъ подъ Сиріей разумѣется Ширванъ, довольно вѣроятно. Это толкованіе согласуется съ походами Руссовъ изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою въ Каспійское, о которомъ разказываютъ арабскіе писатели *. Далѣе, въ томъ же X-мъ вѣкѣ, кромѣ Константина

* Можетъ быть, это та страна, которая въ арабскихъ извѣстіяхъ встрѣчается подъ именемъ Сериръ, въ сосѣдствѣ съ Хазаріей (Альбал-

Багрянороднаго, мы имѣемъ и другое византійское указаніе на азовско-днѣпровскій путь. У Льва Діакона сказано, что Игорь послѣ своего пораженія у береговъ Малой Азіи съ оставшимися десятью судами отплылъ въ Боспоръ Киммерійскій. Если бы не существовало означеннаго пути, то зачѣмъ было ему плыть къ Таврическому проливу, а не къ Днѣпровскому устью?

Наконецъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть намекъ на то же сообщеніе, именно тамъ, гдѣ говорится о путяхъ *Солякомъ* и *Залозномъ* (Ипат. лѣт. подъ 1170 г.). Профессоръ Брунъ въ прекрасной своей статьѣ „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море" (*Записки Одесск. Общ.* т. V) весьма удовлетворительно разъясняетъ, что пути эти шли изъ Днѣпра къ солянымъ озерамъ Перекопскимъ, Геничскимъ и Бердянскимъ по рѣкамъ Калміусу и Міусу. По его мнѣнію, одну изъ нихъ (вѣроятно послѣднюю) должно подразумѣвать подъ именемъ „Русской рѣки" у Эдриси, арабскаго писателя XII вѣка, и на генуэзскихъ картахъ XIV и XV столѣтій. То же судоходное сообщеніе, по словамъ г. Бруна, объясняетъ и заблужденіе нѣкоторыхъ средневѣковыхъ географовъ, которые думали, будто Днѣпръ однимъ рукавомъ изливается въ Черное море, а другимъ въ Азовское.

Такимъ образомъ для насъ становятся понятны связи Кіевской Руси съ Тмутраканью. Кромѣ судоваго сообщенія, было, конечно и сухопутное, существовавшее особенно въ зимнее время и необходимое для конныхъ дружинъ. (Для примѣра напомнимъ вспомогательную хазарскую или черкесскую конницу, приведенную Мстиславомъ Чермнымъ противъ своего брата Ярослава). Оно совершалось также при помощи Арабатской стрѣлки, какъ правдоподобно толкуетъ г. Брунъ, указывая на путешествіе раввина Петахія въ XII вѣкѣ. О сухопутномъ сообщеніи между Днѣпромъ и побережьемъ Азовскаго моря свидѣтельствуетъ и знаменитый походъ нашихъ князей въ 1224 году: переправившись за Днѣпръ около Хортицы, они восемь или девять дней шли потомъ до береговъ Калки (Калміуса), гдѣ произошла несчастная битва съ Татарами. Если въ XIII

хи, Истахри и Ибнъ-Хаукаръ). Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что здѣсь вмѣсто *Сирія* надобно читать *Зихія* (такъ читаетъ г. Куникъ); а эта область сосѣдила съ Таманью.

вѣкѣ Русскія дружины хорошо знали пути къ Азовскому морю, то тѣмъ болѣе послѣдніе были имъ извѣстны въ древнѣйшую эпоху, когда кочевыя орды еще не успѣли оттѣснить ихъ отъ этого моря; судя по извѣстіямъ Арабовъ, значительныя русскія поселенія находились здѣсь несомнѣнно еще въ X вѣкѣ. Если бы не свидѣтельство Масуди о томъ, что Русь живетъ на берегахъ Русскаго моря и на немъ господствуетъ, то намъ трудно было бы и объяснить ея морскія предпріятія, торговыя и военныя, за которыми можно слѣдить отъ IX до XII вѣка включительно, то есть до этой эпохи, когда она была совершенно оттерта отъ морскаго побережья. Иначе нельзя было бы понять, почему Кіевская Русь въ IX и X вѣкахъ является сильнымъ мореходнымъ племенемъ, и какимъ образомъ она могла объединить подъ своимъ господствомъ такія славянскія племена, какъ Кубанскихъ и Таврическихъ Болгаръ, обитавшихъ за моремъ. Жительство на берегахъ Азовскаго моря и исконныя связи Кіевскаго края съ этими берегами устраняютъ и самый вопросъ о томъ, когда начались сношенія Днѣпровской Руси съ Азовско-Черноморскими Болгарами. Напомнимъ извѣстіе Прокопія, что къ сѣверу отъ Гунновъ-Утургуровъ живутъ племена Антовъ; слѣдовательно, уже въ VI вѣкѣ мы видимъ Болгаръ сосѣдями Руси. Отъ VI до IX вѣка въ ея положеніи еще не произошло большихъ перемѣнъ; движеніе Аваръ и Угровъ хотя и внесло новые этнографическіе элементы въ край, заключенный между Днѣпромъ, Азовскимъ и Чернымъ моремъ, но главная масса этихъ народовъ передвинулась далѣе на западъ, въ Придунайскую равнину.

Многочисленный Болгарскій народъ во время движенія къ Дунаю оставилъ значительную часть своихъ племенъ въ южной Россіи, на пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Дунаемъ. У писателей VI вѣка (Прокопія и Агаѳія) мы встрѣчаемъ здѣсь поселенія Утургуровъ и Кутургуровъ; а болѣе поздніе писатели (Ѳеофанъ и Никифоръ), въ извѣстной легендѣ о раздѣлѣ сыновей Куврата, отнесли это пространство къ удѣламъ его втораго сына Котрага и третьяго Аспаруха. Котрагъ занялъ мѣсто на западъ отъ рѣки Дона и Азовскаго моря, противъ части старшаго брата Батбая, оставшагося на родинѣ, то есть, за Азовскимъ моремъ. Ниже мы указываемъ, что эта легенда произошла изъ попытки объяснить широкое разселеніе болгарскаго семейства. Сближая разныя извѣстія, приходимъ

къ тому выводу, что приводимыя нашею начальною лѣтописью самыя южныя славянскія племена, сидѣвшія по Днѣстру къ Дунаю до самаго моря, Улучи и Тиверци, были именно племена болгарскія. Лѣтопись замѣчаетъ, что племена эти (собственно мѣсто ихъ жительства) у Грековъ назывались *Великая Скуѳь*. Только предѣлы имъ она назначаетъ слишкомъ тѣсные, такъ какъ онѣ, по всѣмъ признакамъ, отъ Днѣстра сидѣли не только къ западу до Дуная, но и къ востоку до Днѣпра или до Азовскаго моря. *Улучи*, съ ихъ варіантами *Уличи*, *Улутичи* и *Лутичи*, обыкновенно отожествляются, и совершенно справедливо, съ народомъ *Углячи*, у баварскаго географа Unlizi, у Константина Багрянороднаго Οὐλτῖνοι. Константинъ причисляетъ Ультиновъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя платили дань Руси. Восходя къ болѣе раннимъ источникамъ мы встрѣчаемъ тѣхъ же Ультиновъ въ VI вѣкѣ у Агаѳія, только съ обычнымъ въ то время окончаніемъ на *гуры* или *зуры*, а именно *Ультинзуры* (Οὐλτινζουροι). Агаѳій приводитъ ихъ какъ подраздѣленіе Гуннскаго племени вмѣстѣ съ Котригурами, Утригурами и Буругундами; а подъ Гуннами у него являются никто другой какъ Болгаре. У старшаго Агаѳіева современника Іорнанда встрѣчаемъ тѣхъ же Ультинзуровъ, но подъ варіантомъ *Ульцинзуровъ* (Ulzingures); онъ приводитъ ихъ въ числѣ народовъ подвластныхъ Гуннамъ (cap. LIII). Что наши южные Углячи были племена Болгарскія, подтверждаетъ также упомянутая выше легенда. Она повѣствуетъ, что Аспарухова часть пришла на Дунай отъ рѣки или отъ мѣстности, которая „на ихъ языкѣ“ (то есть, на болгарскомъ) называется *Онглонъ* или *Оглонъ* (Унгулъ или Ингулъ, а безъ носоваго звука—*Уголъ*).

Что касается до Тиверцевъ, то мы отожествляемъ это названіе съ византійскими *Тавроскиѳами*. Названіе Тавроскиѳы встрѣчается очень рано, именно у греко-латинскихъ писателей II вѣка по Р. Х. Птоломея и Юлія Капитолина. По ихъ свидѣтельству, они жили въ сосѣдствѣ съ Ольвіей около полуострова, который назывался „Бѣгъ Ахилла“, то есть, около Днѣпровскаго лимана и Кинбурнской косы. Какому народу первоначально дано было это имя, положительно сказать нельзя; оно намекаетъ только на смѣсь древнихъ обитателей Крымскаго полуострова или Тавровъ съ сосѣдними Скиѳами; а подъ этими послѣдними мы разумѣемъ въ тѣхъ мѣстахъ племена готскія и славянскія. У писателей византійскихъ опять встрѣчаемъ то

же имя, начиная съ VI вѣка. Именно, Прокопій въ своемъ сочиненіи „О постройкахъ" говоритъ, что города Херсонъ и Боспоръ лежали за Таврами и Тавроскиѳами. А въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы доказываемъ, жили тогда племена Болгарскія. Манассія, писатель XII вѣка, расказывая о нападеніи Аварскаго кагана на Константинополь, въ числѣ его вспомогательныхъ войскъ упоминаетъ и Тавроскиѳовъ, вмѣсто которыхъ въ данномъ случаѣ у писателей болѣе раннихъ (напримѣръ, у Ѳеофана) поставлены Болгаре. Эти свидѣтельства заставляютъ насъ предполагать, что Византійцы называли Тавроскиѳами сначала (приблизительно съ VI вѣка) часть Болгарскаго племени. И позднѣе это имя перешло на тотъ родственный ему народъ, который завладѣлъ этою частью, то есть, на Руссовъ. Извѣстно, что подъ именемъ Тавроскиѳовъ являются они въ X вѣкѣ у Льва Діакона, который замѣчаетъ при этомъ, что на своемъ родномъ языкѣ они называютъ себя *Рось* (а не Тавроскиѳами). Но въ то же время родиной ихъ онъ считаетъ страну, прилежащую къ Боспору Киммерійскому, — слѣдовательно, или смѣшиваетъ азовскихъ Болгаръ съ господствующимъ тогда у нихъ народомъ, то есть, съ Русью, или разумѣетъ тутъ вообще Приазовскія края. Между прочимъ, къ Скиѳамъ или Тавроскиѳамъ онъ относитъ Ахиллеса (который, по словамъ Арріана, былъ родомъ изъ меотійскаго города Мирмикіона). Какъ на признаки его скиѳскаго происхожденія, онъ указываетъ на слѣдующія его черты, общія съ Русью: покрой плаща съ пряжкою, привычка сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, свѣтлые глаза, безумная отвага и жестокій нравъ.

Съ миѳомъ объ Ахиллѣ, не забудемъ, былъ связанъ въ особенности полуостровъ, образуемый Днѣпровскимъ лиманомъ и Перекопскимъ заливомъ; полуостровъ этотъ носилъ названіе „Тавроскиѳіи", а примыкающая къ нему Кинбурнская коса называлась „Ахилловымъ Бѣгомъ" (Geogr. min ed *Huds*. T. 11, p. 87. См. Skythien von *Ukert*. 164) *. Но замѣчательно, что русскіе книжники, сколько извѣстно, не выводили свой народъ отъ Ахилла и его сподвижниковъ, между тѣмъ какъ мнѣніе о подобномъ происхожденіи встрѣчается именно у книжниковъ

* Отъ этого Ахиллова Бѣга или *Дромоси* византійскіе писатели называли иногда Русь *Дромитами*, какъ то справедливо доказываетъ г. Куникъ. (О запискѣ гот. топарха. 115).

болгарскихъ. Такъ, въ одномъ болгарскомъ памятникѣ, передающемъ легенды о Троянской войнѣ, читаемъ: „Сій Ахилеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре и Унну“. (*Калайдовича* „Іоаннъ экзархъ Болгарскій“, 181). Послѣднее слово показываетъ, что нѣкоторые болгарскіе книжники причисляли свой народъ къ Уннамъ или Гуннамъ, конечно, въ подражаніе Византійцамъ, отъ которыхъ они заимствовали и мнѣніе о скиѳскомъ происхожденіи Ахилла. Вообще, сказанія о Троянской войнѣ были любимымъ чтеніемъ у Дунайскихъ Болгаръ *. Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ, Тавроскиѳами Византійцы назвали собственно Черноморскихъ Болгаръ, а потомъ уже перенесли это названіе на родственное имъ и покорившее ихъ племя Руссовъ. Послѣдніе не называли себя Тавроскиѳами, а именемъ подобнымъ, или отъ того же корня происходящимъ называли часть Черноморскихъ Болгаръ, то есть, Тиверцевъ (собственно Тырячи или Тавричи). Между тѣмъ какъ племя Угличей жило преимущественно между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Тиверцы безъ сомнѣнія обитали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и здѣсь ихъ поселенія сходились съ поселеніями Руси или древнихъ Роксаланъ.

Итакъ, связи между Русью, съ одной стороны, и Болгарами Таврическими и Таманскими, съ другой, существовали искони. Но начало русскаго вліянія у этихъ Болгаръ можно приблизительно опредѣлить первою половиною IX вѣка. Построеніе Саркела, имѣвшаго назначеніемъ защищать хазарскіе предѣлы отъ Руси и Печенѣговъ, и посольство русскаго кагана въ Константинополь въ 838 — 839 гг. могутъ свидѣтельствовать о томъ, что Днѣпровская или Полянская Русь около этого времени значительно подвинула впередъ свое дѣло объединенія восточныхъ Славянъ и выступила на болѣе широкое историческое поприще, такъ что ея имя вскорѣ сдѣлалось знаменитымъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Слѣдующее за посольствомъ 839 года византійское извѣстіе о Руси относится уже прямо къ ея на-

* Болгарскіе переводы и передѣлки этихъ сказаній переходили потомъ и на Русь, и здѣсь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что «вѣци Трояни» Слова о полку Игоревѣ, пожалуй, относятся не къ императору Траяну, а собственно къ Троянской войнѣ. Впрочемъ, могло быть, что воспоминанія о томъ и другомъ перепутывались.

паденію на Царьградъ въ 864 — 865 гг., нападенію, которое такъ ярко рисуютъ намъ бесѣды Фотія. Въ свою очередь, это нападеніе подтверждаетъ существованіе предварительныхъ связей Руси съ Болгарскими поселеніями на берегахъ Боспора Киммерійскаго; ибо только при такомъ условіи возможно было возвращеніе русскаго флота на родину, что впослѣдствіи повторилось и съ флотомъ Игоря. Начало русскаго вліянія на Боспорѣ въ первой половинѣ IX вѣка совпадаетъ и съ ослабленіемъ хазарскаго могущества, которое замѣтно обнаруживается около того же времени. Хазаръ начинаютъ тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные имъ народы: съ юга—Арабы и Закавказскія племена, съ сѣвера — Печенѣги, съ запада — Руссы; а нѣкоторыя покоренныя племена свергаютъ съ себя ихъ иго. Такъ, въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, Кавказскіе Алане не только являются независимыми отъ Хазаръ, но и своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ Черноморскими областями и съ Таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей" Константинъ говоритъ: „Узы могутъ воевать Хазаръ какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ), равно и князь Аланіи, къ которой прилежатъ девять хазарскихъ округовъ; Аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять Хазарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду; поелику изъ этихъ девяти округовъ Хазары получаютъ все свое довольство". И далѣе: „Если государь Аланіи предпочитаетъ римскую дружбу хазарской, то въ случаѣ разрыва Хазаръ съ Римлянами можетъ причинить Хазарамъ большой вредъ, устраивая засады и нечаянно нападая на нихъ въ то время, когда они отправляются въ Саркелъ, въ округи и въ Херсонъ. Если этотъ государь постарается преградить имъ путь, то въ Херсонѣ и въ округахъ (климатахъ) будетъ полное спокойствіе. Хазары, опасаясь аланскихъ вторженій и будучи не въ состояніи напасть съ войскомъ на Херсонъ и климаты, принуждены оставаться въ мирѣ, такъ какъ не могутъ въ одно и тоже время вести войну съ обоими непріятелями".

Азовско-Черноморскимъ Болгарамъ, раздѣленнымъ на разныя княженія и общины и притомъ жившимъ въ равнинныхъ и низменныхъ мѣстахъ, было труднѣе освободиться отъ хазарской зависимости, нежели Аланскимъ горцамъ, которые, по яс-

му смыслу Константинова извѣстія, сосредоточены были подъ астью одного государя. Но на помощь Болгарамъ явились племенные Руссы. Цѣлый рядъ войнъ Руси съ Хазарами, о коромъ вспоминаетъ и наша лѣтопись, очевидно, произошелъ е изъ — за Радимичей и Вятичей, а именно изъ за Боспорскихъ или Черныхъ Болгаръ. Окончательное освобожденіе послѣднихъ отъ Хазаръ и подчиненіе ихъ Руси совершились, по сѣмъ признакамъ, въ періодъ между 911 и 945 годами, то-есть, ь періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-сть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно Черныхъ Болгаръ и Корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы Русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать страну Корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора Черные Болгаре находились же въ вассальной зависимости не къ Хазарамъ, а къ князю іевскому. Къ этимъ Боспорскимъ Болгарамъ, какъ извѣстно, пасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 г. Да и самый походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда е, изъ Киммерійскаго Боспора. Онъ напалъ на виѳинскіе берега Малой Азіи; слѣдовательно, путь его былъ тотъ же, о оторомъ мы говорили при описаніи византійскаго посольства ъ Туркамъ, въ VI вѣкѣ; то-есть: онъ туда и обратно перешелъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, между Корсуемъ и Синопомъ.

Откуда взялось названіе Таврическихъ Болгаръ „Черными" ъ Игоревомъ договорѣ?

Очевидно, что оно буквально переведено съ греческаго, таке какъ и весь договоръ. Замѣчательно, что и въ византійскихъ сточникахъ оно встрѣчается только въ ту же самую эпоху, и прежде, ни послѣ. А именно, Черные Болгаре упоминаются олько у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи: „Объ правленіи имперіей", и не болѣе двухъ разъ. Въ одномъ мѣстѣ (которое приведено нами выше) онъ говоритъ, что изъ нѣпра Руссы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и ирію. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ, по видимому, хотѣлъ освятить Чернымъ Болгарамъ цѣлую главу, которую и обозначилъ такъ: „О Черной Булгаріи и Хазаріи". Но, къ великому жалѣнію, почему-то подъ этимъ заглавіемъ онъ ограничился олько слѣдующими словами: „Булгарія. которая называется ерною, можетъ воевать Хазаръ". То-есть, Черныхъ Болгаръ,

также какъ и Аланъ, византійское правительство въ случаѣ нужды могло вооружить противъ Хазаръ. Слѣдовательно, въ это время, повторяемъ, и Черные Болгаре, и Алане были уже независимы отъ Хазаръ.

Два одновременныя свидѣтельства, Игорева договора и Константина Багрянороднаго, относительно Черныхъ Болгаръ, сосѣдившихъ съ Хазаріей и Корсунскою областью, окончательно уничтожаютъ всякое сомнѣніе, съ одной стороны въ томъ, что Гунны Прокопія (Утургуры), пришедшіе съ Кубани и поселившіеся между Херсономъ и Боспоромъ, были никто иное какъ Болгаре, а съ другой, что эти Болгаре существовали тамъ еще въ X вѣкѣ. Свидѣтельства эти подтверждаютъ, что Русь Тмутраканская явилась на основѣ болгарской, то-есть, родственной славянской. Отсюда понятно, почему Константинъ Багрянородный, сообщившій такія драгоцѣнныя свѣдѣнія о Руссахъ, ничего не упоминаетъ о Руси Черноморской или Тмутраканской. Дѣло въ томъ, что эта область въ его время у Византійцевъ была извѣстна подъ именемъ Черной Болгаріи. А нѣсколько ранѣе, писатели VIII и IX вѣковъ, какъ мы знаемъ, называли ее Великою или Древнею Болгаріей. Названіе „Черная", по всей вѣроятности, находится въ связи съ сѣвернымъ рукавомъ Кубани, который и въ настоящее время именуется Черною Протокой. Г. Брунъ, въ упомянутой выше статьѣ, весьма правдоподобно отождествляетъ этотъ рукавъ съ Константиновою рѣкой Харакуль, которая изливалась въ Меотійское море съ востока и славилась ловлею рыбы *берзетиконъ*. Это извѣстіе Константина совпадаетъ съ извѣстіемъ Өеофана о томъ, что около (полуострова) Өанагоріи въ рѣкѣ Куфисъ (то-есть, Кубани) ловилась булгарская рыба *ксистосъ*. Г. Брунъ эту рыбу считаетъ за одну и ту же съ Константиновою — берзетиконъ; а слово Харакуль, по его мнѣнію, слѣдуетъ читать *Карагулъ*; что и будетъ буквально соотвѣтствовать названію Черная Протока. Впрочемъ и самая Кубань въ нижнемъ своемъ теченіи отчасти называется Кара-кубань; также называется одинъ изъ ея притоковъ съ лѣвой стороны. А что касается до того, будто Харакуль или Карагулъ есть турецкое названіе, то это еще вопросъ (ибо у восточныхъ Славянъ встрѣчаются названія рѣкъ, оканчивающихся на *гулъ*; есть у нихъ и слово *Карій*, въ смыслѣ темный).

Высказанное нами положеніе, что Черная Болгарія окончательно подчинилась Руси въ эпоху Игоря, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ арабскихъ извѣстіяхъ X-го вѣка, а именно у тѣхъ писателей (Истахри и Хаукала), которые рядомъ съ Кіевомъ и Новгородомъ упоминаютъ третье племя Руси (*Артанію*); послѣднее иначе и объяснить нельзя, какъ Черною Болгаріей или Тмутраканью. Сюда же надобно отнести извѣстія (Ибнъ-Даста и Мукадеси) о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ, подъ которымъ, очевидно разумѣется Ѳанагорія или Тамань *.

Не встрѣчается ли у Арабовъ этотъ край также и подъ своимъ собственнымъ именемъ Болгаръ?

Думаемъ, что встрѣчается, хотя и сбивчиво. До сихъ поръ все, что у арабскихъ писателей говорится о Болгарахъ, толкователи обыкновенно относили или къ Дунайскимъ, или къ Камскимъ. Но они упускали изъ виду существованіе третьей Болгаріи, Кубанской, благодаря которой извѣстія арабскія иногда получаютъ болѣе смысла, чѣмъ имѣли его доселѣ. Напримѣръ, Масуди въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ говоритъ, что городъ Бургаръ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Это мѣсто сильно затрудняло толкователей, и они прибѣгали къ разнымъ натяжкамъ для его объясненія (для примѣра см. *Хвольсона* „Ибнъ-Даста“ стр. 81). Но если возьмемъ въ расчетъ Черныхъ Болгаръ, то увидимъ, что подъ этимъ городомъ, вѣроятно, разумѣется Таматарха. Тотъ же Масуди говоритъ, что Болгаре воюютъ Грековъ, Славянъ, Хазаръ и Турокъ. Толкователи думали, что онъ смѣшиваетъ здѣсь Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими; но Камскіе не могли воевать Грековъ, а Дунайскіе Хазаръ; поэтому, съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить смѣшеніе

---

* Этой характеристикѣ особенно соотвѣтствуетъ та низменная, сѣверо-восточная часть Кубанской дельты, которая лежитъ между сѣвернымъ рукавомъ Кубани или Черною Протокой и Курчанскимъ или Верхнетемрюцкимъ лиманомъ. Эта низменность наполнена плавнями, то-есть, тростникомъ и болотами. Вслѣдствіе своей непроходимой почвы и нездороваго климата, она обыкновенно не посѣщается ни естествоиспытателями, ни археологами; а между тѣмъ, въ древности она была обитаема, и конечно такому судоходному народу, какъ Руссы, доступъ къ ней не представлялъ затрудненій—тѣмъ болѣе, что Черная Протока шире и глубже, чѣмъ самая Кубань. (См. Археологич. Топограф. Таманск. полуострова—*К. Гёрца*. Москва. 1870).

Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными или Кубанскими. Это предположеніе будетъ совершенно согласно съ приведеннымъ выше и современнымъ извѣстіемъ Константина Багрянороднаго, что Черные Болгаре могутъ воевать Хазаръ; а судя по Игореву договору, они воевали и Грековъ, то-есть, Корсунцевъ. Далѣе, нѣкоторыя черты болгарскихъ нравовъ, приводимыя у Масуди, также заставляютъ предполагать смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными. Бурджане, говоритъ онъ, суть язычники и не имѣютъ священной книги; напротивъ того, у Дунайскихъ въ это время уже процвѣтала богословская литература, а Камскіе были магометанами; между тѣмъ какъ Черные только отчасти были христіанами, а большинство, по всѣмъ признакамъ, коснѣло въ язычествѣ. Къ послѣднимъ, вѣроятно, относится извѣстіе, что, когда умретъ Булгаринъ (конечно, знатный), то слугъ его сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ, или что у нихъ есть большой храмъ, и покойника заключаютъ въ этомъ храмѣ вмѣстѣ съ женой и слугами, которые и остаются тамъ, пока умрутъ. Въ извѣстіи этомъ, конечно, есть неточности; но въ общихъ чертахъ оно достовѣрно. Два способа погребенія указываютъ, что у языческихъ Болгаръ, съ одной стороны, существовало сожженіе какъ у Русскихъ Славянъ, а съ другой — заключали жену и нѣкоторыхъ слугъ въ могилу покойника (которую надобно разумѣть подъ словомъ храмъ или покой); въ томъ и другомъ случаяхъ надъ ними, конечно, насыпали курганъ *. Второй способъ погребенія также существовалъ у языческихъ Руссовъ по ясному свидѣтельству Ибнъ-Даста (*Хвольсонъ*, 40). Послѣднее еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Болгары Масуди въ этомъ случаѣ суть Черные Болгары, которые не только имѣли съ Руссами много общаго въ обычаяхъ, но и находились въ то время съ ними въ политическомъ единеніи. Далѣе, Масуди замѣчаетъ, что Бурджане не имѣютъ ни золотой, ни серебряной монеты, а всѣ ихъ покупки и свадьбы оплачиваются коровами и овцами. Это извѣстіе подходитъ и къ Дунайскимъ Болгарамъ и къ Чернымъ, но особенно къ послѣднимъ, а равно и къ языческой Руси. (Отсюда понятно, почему въ древне-русскомъ языкѣ слово *скотъ* имѣло значеніе денегъ). Наконецъ, въ большомъ Словарѣ Яку-

* Болѣе тщательныя изысканія въ курганахъ Тамани и катакомбахъ восточнаго Крыма, можетъ быть, подтвердятъ эти извѣстія Масуди.

та сказано, что Булгарія составляетъ область Хазаріи, и что мусульмане нападали на нее при халифѣ Османѣ. Это извѣстіе вошло въ Словарь, конечно, изъ болѣе древняго источника. Толкователи видятъ здѣсь необъяснимую путаницу (см. о томъ у *Гаркави*, стр. 20). Но вопросъ рѣшается очень просто существованіемъ Черной или Кубанской Булгаріи, когда-то дѣйствительно входившей въ составъ Хазарскаго государства.

По поводу арабскихъ извѣстій о Болгарахъ, обратимъ вниманіе людей компетентныхъ на то мѣсто „Золотыхъ Луговъ“ Масуди, гдѣ онъ описываетъ племена Славянъ. „Изъ этихъ племенъ“, говоритъ онъ,—„одно господствовало въ древности надъ остальными; царь его именовался Маджакъ (Махакъ, Бабакъ?), а само племя называлось Валинана. Этому племени прежде подчинялись всѣ прочія Славянскія племена, ибо верховная власть была у него, и прочіе цари ему повиновались“. И нѣсколько ниже: „Славяне составляютъ многія племена и многочисленные роды. Мы уже выше расказали про царя, коему повиновались въ прежнее время остальные цари ихъ; это былъ Маджакъ, царь Валинаны, каковое племя есть одно изъ коренныхъ поколѣній славянскихъ и обще почитаемое между ними. Но впослѣдствіи пошли раздоры между ихъ племенами; порядокъ былъ нарушенъ; онѣ раздѣлились, и каждое племя избрало себѣ царя“. (Relation de Masoudy, etc., par *Charmoy*, *Bulletin de l'Academie*. VI-me serie). Это любопытное мѣсто подвергалось различнымъ толкованіямъ; но ни одно изъ нихъ, очевидно, не попало на истину, за исключеніемъ самаго имени Валинана, въ которомъ съ достовѣрностью узнаютъ Волынянъ. Все сказанное у Масуди объ этомъ племени, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ исторіей Болгарскаго народа, если припомнимъ его первоначальныя судьбы. Онъ былъ могуществен̆ъ и страшенъ своимъ сосѣдямъ, пока жилъ въ юговосточной Европѣ и не раздѣлился, не разсѣялся по разнымъ странамъ. Раздѣлившись, онъ потерялъ прежнюю силу и подпалъ отчасти подъ власть другихъ народовъ. Имя его царя читается разнымъ образомъ (о варіантахъ см. у *Гаркави*, 163); одинъ изъ варіантовъ его, Бабакъ, не напоминаетъ ли Батбая (иначе Баяна), который, по извѣстію Византійцевъ, властвовалъ когда-то надъ Болгарами Приазовскими? А имя Валынянъ развѣ не въ связи съ Каспійскимъ моремъ, которое въ древней Россіи извѣстно было

подъ названіемъ Хвалынскаго или собственно Валинскаго? Звукъ *х* есть не болѣе какъ придыханіе. Въ свою очередь и буква *в* могла явиться приставочною (подобно тому какъ Анты и Ванты, или Вяты), и тогда получимъ корень этого названія, то-есть, *Алин* или *Алан*. А что Болгаре также какъ Русь (то-есть, Роксалане) были когда-то извѣстны и подъ родовымъ названіемъ Аланъ, о томъ свидѣтельствуетъ Аммiанъ Марцеллинъ, который въ IV-мъ вѣкѣ описываетъ многочисленность и храбрость Аланскихъ племенъ, жившихъ въ его время тамъ, откуда вскорѣ потомъ двинулся на западъ Болгарскій народъ. Слова Масуди о Валинана въ особенности напоминаютъ это описаніе Аланъ у Марцеллина. Впослѣдствіи коренное названіе, то-есть, Алане, въ своемъ видовомъ, тѣсномъ смыслѣ осталось, какъ извѣстно, за однимъ изъ Кавказскихъ племенъ, которое въ нашихъ лѣтописяхъ называется Ясы (теперь Осетины). А видоизмѣненія того же названія встрѣчаются въ русскихъ *Палянахъ* и *Валынянахъ*. (Впрочемъ это только наша догадка).

Имѣли ли какое отношеніе къ Болгарамъ наши Волыняне-Древляне, сказать трудно: нѣкоторыя племенныя названія у Славянъ повторялись, и встрѣчаются въ совершенно различныхъ мѣстахъ (напримѣръ, Сербы или Сѣвера, Друговичи, тѣ же Поляне и Древляне). Но принимая въ расчетъ невозможность опредѣлить, гдѣ кончались Угличи и начинались Древляне, а также извѣстный антагонизмъ между Полянами-Русью и Древлянами-Волынью, которые оказали Кіевскимъ князьямъ наиболѣе упорное сопротивленіе, можно допустить, что Древлянское племя, подобное Угличамъ и Тиверцамъ, было вѣтвію собственно не Русскаго, а Болгарскаго семейства, или по крайней мѣрѣ, имѣло значительную болгарскую примѣсь. Тогда, пожалуй, мы придемъ къ возможности уяснить нѣсколько вопросъ, откуда пошли два главныя нарѣчія Русскаго языка, то-есть, откуда взялось нарѣчіе Малорусское. Языкъ Кіевской Руси, судя по письменнымъ памятникамъ, мы можемъ отнести именно къ нарѣчію Великорусскому, а не Малорусскому. Предлагая свои догадки по этому вопросу, мы конечно еще не думаемъ о его рѣшеніи, а указываемъ только на тотъ путь, который можетъ впослѣдствіи привести къ нѣкоторымъ болѣе положительнымъ выводамъ.

Итакъ, Черные Болгаре являются въ арабскихъ извѣстіяхъ отчасти подъ собственнымъ своимъ именемъ, но преимуществен-

но подъ именемъ Руси. Арабскія извѣстія о дѣленіи Руси на три части, Куяву, Славію и Артанію (или Артсанію) невозможно объяснить помимо Руси Азовско-Черноморской или Болгарской. Относительно первыхъ двухъ всѣ согласны, что тутъ разумѣются Кіевъ и Новгородъ; но толкованія Артаніи Мордвой Эрдзянами (Френъ) или Біарміей, то-есть Пермью (Рено), не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Да и незачѣмъ отыскивать ее гдѣ-нибудь на сѣверѣ, когда сама лѣтопись наша съ конца X вѣка указываетъ на существованіе Руси Тмутраканской. А послѣдняя, какъ мы доказываемъ, возникла на почвѣ родственнаго намъ племени, то-есть, Черныхъ Болгаръ. Арабскія извѣстія объ этой части относятся къ тому времени, когда имя Руси уже сдѣлалось славнымъ и громкимъ на востокѣ, послѣ ихъ извѣстныхъ походовъ въ Каспійское море и послѣ ударовъ, нанесенныхъ ими Хазарскому царству, и когда Черная Болгарія была уже объединена съ Русью подъ властью того могучаго княжескаго рода, который сидѣлъ въ Кіевѣ. *Впрочемъ* и вообще имя *Русь* гораздо болѣе было распространено въ тѣ времена на востокѣ, нежели на западѣ: между тѣмъ какъ Арабы указываютъ на поселенія Руссовъ въ Итилѣ, на ихъ торговцевъ въ Камской Болгаріи и въ Хазаріи, прямо называя ихъ Руссами, Византійцы отчасти продолжаютъ именовать ихъ Скиѳами и особенно усвоиваютъ имъ названіе Тавроскиѳовъ.

Нѣкоторыя этнографическія черты, сообщенныя тѣми же арабскими извѣстіями о Руси-Артаніи, подтверждаютъ наше предположеніе, что это край Азовско-Черноморскій. А именно: Руссы, тамъ живущіе, будто бы убиваютъ всякаго попавшаго къ нимъ иностранца; они ведутъ торговлю водянымъ путемъ и ничего не расказываютъ про свои дѣла и товары. Судоходство, конечно, можетъ указывать на приморское положеніе этой Руси; а слухи о жестокомъ обращеніи ея съ иноземцами сильно напоминаютъ древнія басни о Таврахъ, которые приносили въ жертву своей богинѣ всякаго иноземца, занесеннаго на ихъ берегъ. Баснословная примѣсь въ этихъ арабскихъ извѣстіяхъ несомнѣнна, ибо по другимъ арабскимъ свидѣтельствамъ (напримѣръ, Ибнъ-Дасты) Руссы именно отличались гостепріимствомъ. „Изъ Арты“, говоритъ Истахри,—„вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинецъ“. Пушные мѣха были однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли у древнихъ Руссовъ;

водились ли соболи и лисицы въ самой странѣ Черныхъ Бол-
гаръ, трудно сказать; во всякомъ случаѣ Русь Черноморская
получала ихъ отъ своихъ болѣе сѣверныхъ единоплеменниковъ.
То же можно сказать и о нѣкоторыхъ металлахъ, если послѣд-
ніе не добывались въ горахъ Крыма и сосѣдняго Кавказа; кро-
мѣ того, они могли вымѣниваться у Грековъ, собственно у
Корсунцевъ, и потомъ продаваться Русью въ Хазаріи и дру-
гихъ восточныхъ странахъ.

VII.

Русская церковь по уставу Льва Философа.—Сказаніе о хазарской миссіи Кирилла и Меѳодія и его историческія данныя.—Достовѣрность извѣстія о славянскихъ книгахъ, найденныхъ въ Корсуни.

Мы сказали, что названіе Черныхъ Болгаръ Русью встрѣ-
чается по преимуществу у арабскихъ писателей X вѣка. Но
его можно встрѣтить и у Византійцевъ. А именно въ уставѣ
императора Льва Философа (886—911 гг.) „О чинѣ митропо-
личьихъ церквей, подлежащихъ патріарху Константинополь-
скому“, въ спискѣ этихъ церквей находимъ на 61 мѣстѣ цер-
ковь Русскую (Ῥωσία), рядомъ съ слѣдующею за нею церковью
Аланскою; а далѣе, въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ
Константинопольскому патріарху, находимъ на 29-мъ мѣстѣ
Боспоръ и на 39-мъ—Метраху (τα Μετραχα), то есть, Таматар-
ху или Тмутракань, рядомъ съ Готіей, Сугдіей и Фулой (Co-
dini de officiis. Париж. изд. Т. I, стр. 379 и слѣд.). О какой
Русской митрополіи тутъ упоминается? Едва ли подъ нею мож-
но разумѣть церковь, собственно Кіевскую; скорѣе можно ви-
дѣть здѣсь именно Черную Болгарію или Русь Азовско-Черно-
морскую. Къ этой-то Руси, вѣроятно, и относится извѣстіе Фо-
тія о ея обращеніи въ окружномъ посланіи 866 года. Трудно
предположить здѣсь Кіевъ, въ которомъ во времена Льва Фи-
лософа княжилъ язычникъ Олегъ; не только Кіевскій князь, но
и вся дружина его была языческою, ибо въ Олеговомъ договорѣ
о крещеной Руси не упоминается; послѣдняя, а равно и христіан-
скій храмъ въ Кіевѣ, встрѣчаются только со времени Игоря.

(Оставляемъ въ сторонѣ легендарныя лица Аскольда и Дира; а отдѣльные случаи обращенія въ Кіевѣ до того времени, конечно, не могли составить особой митрополичьей церкви). Поэтому мы въ правѣ предложить вопросъ: подъ именемъ Росіи въ уставѣ Льва Философа не слѣдуетъ ли разумѣть соединенные Боспоръ и Таматарху? Не только у арабскихъ писателей, но и въ западныхъ источникахъ, встрѣчаемъ иногда Боспоръ или Керчь подъ именемъ города „Рὸсія" (напримѣръ, въ договорѣ Генуэзцевъ съ Греками въ 1170 г. См. въ упомянутой статьѣ г. *Бруна*, стр. 132). Собственно Боспорская церковь существовала, по крайней мѣрѣ, съ IV вѣка, и упоминаніе Боспорской архіепископіи рядомъ съ Русскою митрополіей можетъ быть объяснено тѣмъ, что Кодинъ приводилъ списки церквей, не различая строго времени, къ которому относились эти списки. Титулъ архіепископіи Боспорская церковь имѣла во времена болѣе раннія; а въ эпоху Льва Философа она могла быть повышена на степень митрополіи съ расширеніемъ своихъ предѣловъ, то есть съ соединеніемъ архіепископіи Боспора и Таматархи въ одну митрополію; подобный примѣръ мы видимъ въ сосѣднихъ съ нею архіепископіяхъ Сугдейской и Фульской, которыя были соединены въ одну митрополію (см. о томъ у преосв. Макарія: „Исторія христіанства до Владиміра", стр. 86). Херсонъ, Сугдея, Боспоръ и Таматарха были именно тѣми пунктами, откуда христіанство постепенно распространялось между Болгарскими племенами, жившими по обѣимъ сторонамъ Боспорскаго пролива. А примѣры ихъ обращенія мы уже видѣли въ VI и VII вѣкахъ.

Тѣ Черные Болгаре, которые исповѣдывали христіанскую религію, по всей вѣроятности, получили богослуженіе на родномъ языкѣ, а слѣдовательно, уже имѣли переводъ Священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе необходимыхъ богослужебныхъ книгъ. Это предположеніе, совершенно согласное съ духомъ греческой проповѣди и съ примѣрами другихъ восточныхъ народовъ, приводитъ насъ къ извѣстному спорному мѣсту изъ житія Константина Философа. Славянскій апостолъ на пути своемъ къ Хазарамъ нашелъ въ Корсуни Евангеліе и Псалтирь, написанные *русскими письменами*. Теперь, когда мы знаемъ о существованіи въ тѣ времена Таврическихъ и Таманскихъ Болгаръ и не сомнѣваемся въ ихъ исконныхъ связяхъ съ Руссами, теперь мы не найдемъ ничего страннаго

въ этомъ извѣстіи, которое предыдущимъ изслѣдователямъ казалось какимъ-то недоразумѣніемъ. Очевидно, тутъ разумѣется переводъ Священнаго Писанія на древне-болгарскій языкъ, иначе называемый у насъ церковно-славянскимъ. Почему же письмена въ житіи названы „русскими"? На этотъ вопросъ можно отвѣчать двояко: или составитель житія употребилъ названіе Русь, подъ которымъ Черные Болгаре болѣе были извѣстны собственно въ его время, приблизительно во второй половинѣ X-го вѣка; или это названіе употреблялось для обозначенія тѣхъ же Болгаръ уже во второй половинѣ IX вѣка, то есть въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Первое намъ кажется вѣроятнѣе; но и второе было бы соотвѣтственно упомянутой выше „Русской митрополіи" временъ Льва Философа, которую мы также относимъ въ страну Черныхъ Болгаръ.

Но обратимся къ самому сказанію о миссіи Константина въ Хазарію. Напомнимъ содержаніе этого любопытнаго сказанія по наиболѣе полному его житію, такъ-называемому Паннонскому.

Къ императору Византійскому пришли послы отъ Хазаръ и сказали: „Съ одной стороны Сарацины, съ другой Евреи стараются насъ обратить въ свою вѣру; просимъ у васъ мужа, свѣдущаго въ книжномъ ученіи: если онъ переспоритъ Евреевъ и Сарацинъ, то мы примемъ вашу вѣру. Царь послалъ къ нимъ Константина Философа. Послѣдній отправился въ путь и прибылъ въ Корсунь. Здѣсь онъ научился жидовскому языку и письму и перевелъ восемь частей граматики. Тутъ жилъ нѣкій Самарянинъ, который далъ ему свою книгу; философъ съ Божіею помощью научился читать и самарянскія книги; вслѣдствіе сего удивленный Самарянинъ принялъ крещеніе. Константинъ нашелъ тутъ Евангеліе и Псалтирь, *написанные русскими письменами*, и человѣка нашелъ, который говорилъ русскимъ языкомъ; бесѣдуя съ нимъ, онъ научился читать и говорить на этомъ языкѣ. Потомъ, услыхавъ, что мощи св. Климента. папы Римскаго (сосланнаго въ Херсонесъ во время гоненія на христіанъ при Траянѣ и утопленнаго здѣсь по его приказанію), все еще находятся въ морѣ, Константинъ, съ помощью Херсонскаго архіепископа и клира, предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ.

Между тѣмъ хазарскій воевода осадилъ какой-то христіанскій городъ. Узнавъ о томъ, философъ отправился къ этому

воеводѣ и такъ подѣйствовалъ на него своею проповѣдью, что тотъ обѣщалъ креститься и отступилъ отъ города. Вслѣдъ затѣмъ на философа во время пути напали Угры въ тотъ часъ, когда онъ молился, и хотѣли его убить, но онъ не устрашился и продолжалъ свою молитву. Угры укротились, послушали его назидательныхъ словъ и отпустили невредимымъ со всѣми спутниками. Послѣ того Константинъ сѣлъ на корабль и отправился въ Хазарію по Меотійскому озеру, къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ. Слѣдуютъ пренія о вѣрѣ съ хитрыми и лукавыми еврейскими учителями въ присутствіи Хазарскаго кагана о Св. Троицѣ, о воплощеніи сына Божія, о Моисеевомъ законѣ обрѣзанія, объ иконопочитаніи и проч. Разумѣется, Константинъ „перепрѣлъ", то-есть, побѣдилъ своихъ противниковъ. Каганъ далъ своимъ людямъ позволеніе креститься; изъ нихъ было окрещено двѣсти человѣкъ. Самъ каганъ однако ограничился похвалою Константину и благодарственнымъ письмомъ царю Византійскому. Вмѣсто предложенныхъ ему даровъ, Константинъ испросилъ у кагана освобожденія двадцати плѣннымъ Грекамъ. Послѣ того онъ воротился въ Корсунскую страну.

По сосѣдству съ этою страною лежала область Фульская, населенная какимъ-то племенемъ, хотя и принявшимъ уже христіанскую вѣру, но все еще не покидавшимъ своихъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Здѣсь стоялъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею; жители называли его Александромъ и совершали подъ его тѣнію свои языческіе обряды; только женщинамъ было запрещено приближаться къ заповѣдному дубу. Константинъ отправился въ эту область и началъ уговаривать жителей оставить идолопоклонство и предать дубъ огню. Жители отвѣчали, что почитаніе дуба они наслѣдовали отъ своихъ отцовъ и привыкли обращаться къ нему въ своихъ нуждахъ, особенно съ моленіемъ о дождѣ; что, если кто дерзнетъ коснуться его, то будетъ пораженъ смертію, и не будетъ имъ болѣе дождя. Философъ, взявъ Евангеліе; своимъ поученіемъ наконецъ такъ подѣйствовалъ на нихъ, что старѣйшина сдѣлалъ поклонъ и облобызалъ Евангеліе, за нимъ послѣдовали и другіе. Константинъ роздалъ имъ зажженныя свѣчи и съ пѣніемъ молитвъ повелъ ихъ къ дубу. Взявъ топоръ, онъ ударилъ тридцать-три раза по дубу; затѣмъ велѣлъ

срубить его и сжечь. Въ ту же ночь Богъ послалъ обильный дождь.

Мы указываемъ преимущественно на эти подробности, потому что онѣ имѣютъ важность для вопросовъ, насъ занимающихъ; а между тѣмъ главное вниманіе сказанія о путешествіи Константина къ Хазарамъ посвящено преніямъ его съ Евреями. Тутъ прямо указано, что расказъ объ этихъ преніяхъ взятъ изъ книги Меѳодія, который написалъ о нихъ особое сочиненіе и раздѣлилъ его на восемь главъ. Тому же сочиненію, конечно, принадлежатъ и указанныя нами подробности о путешествіи Кирилла въ Корсунь и Хазарію, путешествіи, въ которомъ Меѳодій сопутствовалъ своему брату. Въ то время, когда составлены были Паннонскія житія обоихъ братьевъ, очевидно дѣянія ихъ сдѣлались уже предметомъ легенды; такъ что не легко выдѣлить историческій элементъ. Первое составленіе этихъ житій совершилось не ранѣе X вѣка; а редакція, въ которой онѣ дошли до насъ, относится ко времени болѣе позднему. Постараемся теперь опредѣлить тѣ историческія данныя, которыя можно извлечь изъ сказанія о Хазарской миссіи Кирилла.

Вопервыхъ, самое посольство Хазарскаго кагана къ Византійскому императору съ просьбою прислать учителя по вопросу о религіи есть общій мотивъ для подобныхъ сказаній. Но обыкновенно просьба о присылкѣ учителей слѣдуетъ уже послѣ принятія вѣры, собственно для утвержденія въ ней, и подобная просьба встрѣчается не только въ христіанскомъ мірѣ, но и въ мусульманскомъ (напримѣръ, у Камскихъ Болгаръ по Ибнъ- Фодлану). А такъ какъ хазарскіе каганы уже съ VIII вѣка исповѣдывали іудейскую религію, то въ дѣйствительности едва ли они могли обращаться къ императору съ просьбою о присылкѣ христіанскихъ миссіонеровъ. Правда, между ихъ подданными, по извѣстію арабскихъ писателей (впрочемъ X вѣка), было много христіанъ; но и это обстоятельство едва ли могло побудить кагана къ особой заботливости объ успѣхахъ христіанской религіи. Результатъ миссіи при Хазарскомъ дворѣ, очевидно, не былъ особенно блистательный; такъ какъ онъ ограничился крещеніемъ двухъ сотъ человѣкъ, при чемъ самъ каганъ не принялъ христіанской вѣры. Поэтому въ просьбѣ верховнаго Хазарскаго кагана о присылкѣ христіанскихъ проповѣдниковъ мы сомнѣваемся. Но мы знаемъ, что христі-

ская проповѣдь въ странахъ Прикавказскихъ была предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій со стороны византійскаго правительства. Примѣромъ этихъ попеченій служитъ распространеніе христіанства въ Лазіи (Мингреліи), Иверіи (Грузіи), Авазгіи (Абхазіи) и Зихіи или сосѣдней съ Таманью части Кавказа. Мы знаемъ также примѣры крещенія у тѣхъ Гунновъ, которые позднѣе являются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійское правительство неоднократно дѣлало попытки обратить въ христіанство и народъ Хазарскій. Но очевидно, оно встрѣтило здѣсь сильное препятствіе въ лицѣ іудейства, которое успѣло укрѣпиться при Хазарскомъ дворѣ въ VIII вѣкѣ, то-есть, въ томъ вѣкѣ, когда греческая церковь была волнуема иконоборствомъ, и слѣдовательно, не могла сосредоточить свою энергію на борьбѣ съ этимъ препятствіемъ. Подобныя соображенія приводятъ насъ къ вопросамъ: куда собственно путешествовалъ Кириллъ? Былъ ли онъ дѣйствительно у Хазарскаго кагана, гдѣ-то подлѣ Каспійскихъ воротъ, то-есть, около Дербента? Эти „Каспійскія ворота Кавказскихъ горъ“ не представляютъ ли здѣсь какого-либо позднѣйшаго искаженія, когда миссія Кирилла облеклась уже въ легендарную форму? Можетъ быть, Кириллъ плавалъ Меотійскимъ моремъ (и рѣкою Кубанью) просто къ подошвѣ Кавказскихъ горъ (около Дарьяльскаго пути), туда, гдѣ жило настоящее Хазарское племя? Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ вопросу о двойственномъ составѣ Хазарской народности и рѣшаемся предположить, что Кириллъ путешествовалъ не къ тѣмъ Турко-Хазарамъ, которые жили около Каспійскаго моря и нижней Волги, а собственно къ Хазарамъ-Черкесамъ. Онъ могъ частью Меотійскаго моря приплыть въ правый рукавъ Кубани, то-есть, въ Черную Протоку, и потомъ пробраться въ Кабарду, при чемъ собственно Кавказскія ворота (Дарьяльскія) въ преданіи могли быть смѣшаны съ воротами Каспійскими, то-есть, съ Дербентомъ.

Въ языческой Черкесіи въ то время сталкивались проповѣдники трехъ сосѣднихъ религій: іудейской, магометанской и христіанской. Христіанская религія проникла сюда, вѣроятно, еще въ предыдущіе вѣка, и очень можетъ быть, что нѣкоторые черкесскіе князья обратились къ Константинопольскому двору съ просьбою прислать имъ учителей, которые могли бы утвердить ихъ въ вѣрѣ и вступить въ пренія съ проповѣдниками

другихъ религій, особенно съ еврейскими раввинами; послѣдніе дѣйствовали тѣмъ настойчивѣе, что ихъ поддерживалъ и самъ верховный каганъ. Миссія Кирилла у Черкесовъ могла быть гораздо успѣшнѣе чѣмъ у Каспійскихъ Турокъ: извѣстно, что христіанство потомъ дѣйствительно процвѣтало въ Черкесскихъ горахъ, чему явнымъ свидѣтельствомъ служатъ остатки христіанскихъ храмовъ.

Кромѣ Черкесовъ Кавказскихъ миссія эта могла быть связана съ отношеніями къ Черкесамъ Таврическимъ. Извѣстно, что въ VII и VIII вѣкахъ Хазары были господствующимъ народомъ въ Крыму, который они завоевали, за исключеніемъ только южной его части. Владычество Хазаръ-Черкесовъ оставило здѣсь глубокіе слѣды, особенно въ географическихъ названіяхъ. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Крымъ назывался у Генуэзцевъ *Газаріей*, хотя владычество Хазаръ давно уже перешло въ область преданій. Нѣкоторыя топографическія имена показываютъ, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизація, но не Турецкая, а собственно Аваро-Черкесская, явленіе совершенно естественное при близкихъ, сосѣдственныхъ отношеніяхъ Крыма и Кабарды. Таковы: замокъ *Черкесъ-Керменъ*, развалины котораго существуютъ недалеко отъ Бахчисарая, *Черкесъ-Эли*, деревня на рѣкѣ Альмѣ, *Черкесъ*, селеніе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, и другія названія разныхъ урочищъ, соединенныя съ именемъ Черкесовъ *. Что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то Черкесы изъ племени Хазаръ-Кабаровъ, на это указываютъ и верховья рѣки Бельбека, именуемыя *Кабардою*.

Въ житіи Константина, какъ мы видѣли, упоминается какой-то хазарскій вождь: онъ осадилъ христіанскій городъ, но уступилъ увѣщаніямъ проповѣдника и снялъ осаду. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о какомъ либо хазарскомъ или черкесскомъ князѣ, находившемся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ верховному кагану. Мы имѣемъ здѣсь намекъ на борьбу, которая шла въ то время между мѣстными племенами и пришлыми хазарскими дружинами. Не забудемъ, что вскорѣ потомъ, то-есть, въ 864 г., мы встрѣчаемъ уже Руссовъ, предпринимавшихъ походъ на Византію, и конечно, не безъ связи

---

* О нихъ см. въ Крымскомъ Сборникѣ *Кеппена*, стр. 251.

съ Боспоромъ Киммерійскимъ, на берегахъ котораго обитали ихъ соплеменники Болгаре. Окончаніе этой борьбы и совершенное уничтоженіе хазарскихъ владѣній въ Крыму мы встрѣчаемъ въ началѣ XI вѣка, когда, по извѣстію Кедрена, соединенныя греко-русскія силы покорили страну Хазаръ и взяли въ плѣнъ ихъ князя Георгія Чула. Послѣднее имя указываетъ на то, что эти Хазары или часть ихъ была въ то время христіанами.

Въ сказаніи о миссіи Кирилла видна также историческая связь Хазаръ-Черкесовъ съ Уграми. Вслѣдъ за пребываніемъ его въ станѣ Хазарскаго вождя онъ попалъ было въ руки Угровъ. Эти кочевники, по всей вѣроятности, встрѣчались тогда и въ сѣверной, степной части Крыма, или являлись сюда въ качествѣ хазарскихъ союзниковъ и подручниковъ именно для войны съ Греками, Болгарами и Руссами. Такія отношенія совпадаютъ съ тѣмъ, что Константинъ Багрянородный сообщаетъ о хазарскомъ вліяніи на Угровъ и объ ихъ связяхъ съ Хазаро-Кабарами.

Далѣе, въ житіи упоминается какой-то *языкъ* или народъ Фульскій, который уже принялъ христіанскую вѣру, но еще такъ мало укрѣпился въ ней, что продолжалъ совершать свои языческіе обряды и жертвоприношенія. Что̀ это за Фульскій языкъ? Городъ Фулла встрѣчается въ жизнеописаніи епископа Іоанна Готскаго, который жилъ въ VIII вѣкѣ. Потомъ въ уставѣ Льва Философа о порядкѣ церквей Фульская епархія приводится въ числѣ архіепископій на 36-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за епархіями Готскою и Сугдейскою. Впослѣдствіи въ уставѣ императора Андроника встрѣчается епархія Сугдейско-Фульская, то-есть, Сугдія и Фулла были соединены въ одну митрополію. Все это ясно говоритъ, что Фулла находилась въ сосѣдствѣ Готіи и Сугдіи (Судака); но положеніе ея мы можемъ опредѣлять только приблизительно *. Итакъ, подъ Фульскимъ языкомъ въ житіи Константина должно разумѣть какое-то племя, обитавшее между Готіей и Судакомъ. Это не могли быть сами Готы, потому что они вели свое христіанство по крайней мѣрѣ съ IV вѣка; у нихъ упоминается особый епископъ уже въ пер-

---

* Названіе Фуллы не скрывается ли въ названіи Русскофулей или Ускрофиль на Никитскомъ мысу около Ялты? (См. Крымск. Сборн. *Кеппена*, 132).

вой половинѣ VI вѣка. Прокопій еще въ то время засвидѣтель-ствовалъ о ихъ благочестіи и преданности православію; слѣдовательно, трудно предположить, чтобы въ IX вѣкѣ они еще совершали языческіе обряды и приносили жертвы подъ дубомъ. Это не могли быть Хазары, ибо житіе называетъ ихъ своимъ именемъ и ясно отличаетъ отъ другихъ народовъ; притомъ Хазары-Черкесы если и жили въ Крыму, то преимущественно въ качествѣ дружинъ, разсѣянныхъ по городамъ и замкамъ, откуда они собирали дани съ подчиненныхъ туземцевъ. Остается предположить, что это была какая-либо часть изъ тѣхъ же Черныхъ Болгаръ или Гунновъ, по извѣстію Прокопія занимавшихъ всю восточную полосу Крыма отъ Корсуня до Боспора. Мы уже приводили извѣстія объ ихъ обращеніи въ христіанство въ VI и VII вѣкахъ. Разумѣется, оно продолжало распространяться и въ послѣдующіе вѣка, и преимущественно по сосѣдству съ такими греческими центрами, какъ Корсунь и Сугдея. Эти языческіе обряды у народа, еще не твердаго въ вѣрѣ, и это поклоненіе дубу совершенно согласны какъ съ общимъ ходомъ христіанства у Черныхъ Болгаръ въ Крыму, такъ и вообще съ языческою религіей Славянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Кириллъ и Меѳодій, обращаясь къ туземцамъ, могли показать свое знаніе славянскаго языка. Послѣднее обстоятельство приводитъ насъ къ вопросу объ упомянутыхъ въ житіи *русскихъ письменахъ*, а также вообще къ вопросу о письменахъ Славянъ и переводѣ Священнаго Писанія на церковно-славянскій языкъ.

По смыслу житія Константинъ (и Меѳодій), прибывъ въ Корсунь, остановился здѣсь на нѣкоторое время и началъ изучать языки сосѣднихъ народовъ. Это извѣстіе весьма правдоподобно. Херсонесъ Таврическій былъ въ то время дѣятельнымъ торговымъ посредникомъ между византійскими областями, лежавшими по западному и южному берегу Чернаго моря съ одной стороны, и варварскими народами, обитавшими на сѣверъ и востокъ съ этого моря, съ другой. На Херсонскомъ торжищѣ сходились весьма разнообразные языки. Здѣсь, между прочимъ, можно было встрѣтить Евреевъ, Хазаръ, Болгаръ и Руссовъ. Слѣдовательно, этотъ городъ представлялъ большое удобство для знакомства съ языками упомянутыхъ народовъ. Такъ Константинъ здѣсь научился „жидовской бесѣдѣ“ и еврейскимъ книгамъ. Въ данномъ случаѣ я думаю, что жидовская бесѣда и

еврейскія книги суть не одинъ и тотъ же языкъ. Извѣстно, что Евреи давно уже перестали говорить на своемъ древнемъ языкѣ, а принимали обыкновенно рѣчь тѣхъ народовъ, посреди которыхъ они жили. Слѣдовательно, Константинъ съ помощью книгъ дѣйствительно могъ изучать древне-еврейскій языкъ. Въ житіи говорится именно о Самарянинѣ, и можетъ быть, Константинъ выучился понимать книжное самаританское нарѣчіе *. А что касается до живой разговорной рѣчи, которой онъ научился отъ Евреевъ въ Херсонѣ, то вѣроятно, это была рѣчь Хазаръ или Черкесовъ, посреди которыхъ жили Евреи, и часть которыхъ они обратили въ свою религію. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Константинъ отправился именно къ Хазарамъ и, слѣдовательно, имѣлъ нужду ознакомиться съ ихъ языкомъ. Далѣе въ Херсонѣ Константинъ нашелъ русскія книги, Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; у этого Русина онъ выучился читать и говорить по русски, „къ удивленію многихъ".

На послѣднемъ извѣстіи мы остановимся и спросимъ: на какомъ языкѣ были написаны означенныя книги?

По всѣмъ соображеніямъ эти книги были ничто иное какъ церковно-славянскій, то-есть, болгарскій переводъ Священнаго Писанія. Если бы подобный переводъ существовалъ въ IX вѣкѣ собственно на русскомъ языкѣ, то естественно представляется вопросъ: зачѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X вѣкѣ, не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ нарѣчіи, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ, то куда же онъ пропалъ? Затѣмъ: есть ли вѣроятность, чтобъ около половины IX вѣка былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство Русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ Болгарамъ, то увидимъ всѣ данныя на ихъ сторонѣ. Мы говорили о начаткахъ христіанской религіи у Таврическихъ Болгаръ въ VI и VII вѣкахъ. Съ то-

---

* Упоминаніе о Самарянинѣ принадлежитъ къ тѣмъ чертамъ, которыя свидѣтельствуютъ о достовѣрности этой части житія. Крымскіе Евреи Среднихъ вѣковъ считали себя именно выходцами Самарянскими и имѣли Самаританскую эру. См. о томъ въ упомянутомъ выше любопытномъ изслѣдованіи г. Хвольсона: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim. 1865 г.

го времени она, разумѣется, утверждалась все болѣе и болѣе, и около половины IX вѣка значительная часть Черныхъ Болгаръ исповѣдывала греческую вѣру, между тѣмъ какъ другая часть оставалась въ язычествѣ. Если христіанство не получило [illegible] между ними окончательнаго господства, то конечно, вслѣдствіе ихъ раздробленія на мелкія общины и владѣнія, то-есть, вслѣдствіе недостатка централизаціи. Значеніе послѣдней въ этомъ отношеніи мы видимъ у Дунайскихъ Болгаръ при Борисѣ и въ Кіевской Руси при Владимірѣ: когда принимали крещеніе верховный князь и его дружина, то съ помощью ихъ могущественной поддержки крещеніе подчиненныхъ племенъ пошло быстрѣе.

Если часть Болгаръ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Греческая проповѣдь, какъ извѣстемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти всѣмъ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и Священное Писаніе. Еслибъ у Болгаръ VII, VIII и первой половины IX вѣка было богослуженіе на греческомъ языкѣ и греческія богослужебныя книги, то они успѣли бы на столько укорениться, что едва ли уступили бы потомъ безъ борьбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перехода мы не видимъ. Но если существовали болгарскіе переводы; то были и болгарскія, то-есть, славянскія письмена до Кирилла. Мы съ достаточною вѣроятностію можемъ утверждать, что сказанія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ имѣютъ легендарную примѣсь.

Повторяемъ, изъ всѣхъ сказаній, вошедшихъ въ такъ называемые Паннонскія житія Константина и Меѳодія, сказаніе о путешествіи къ Хазарамъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе историческихъ данныхъ, хотя и въ немъ есть легендарная, то-есть, позднѣйшая примѣсь. Этотъ болѣе историческій характеръ подтверждаетъ, что въ основу его дѣйствительно легло сочиненіе Меѳодія о хазарской миссіи; тогда какъ для другихъ частей житія основаніемъ послужили сочиненія и расказы его учениковъ, и слѣдовательно, эти части успѣли болѣе проникнуться духомъ легенды. А потому данныя изъ перваго сказанія послужатъ для насъ исходными пунктами, и именно данныя, относящіяся къ пребыванію братьевъ въ Тавридѣ или собственно въ Корсуни; такъ какъ здѣсь мы находимъ наи-

олѣе точныя и обстоятельныя указанія. Напрасно ученые славясты относились съ пренебреженіемъ къ этимъ указаніямъ, и такъ сказать, обходили ихъ, предпочтительно давая вѣру другимъ даннымъ, несогласнымъ съ ними и менѣе ихъ достовѣрнымъ. Они слишкомъ легко рѣшали вопросъ о русскихъ, то-есть, славянскихъ Псалтирѣ и Евангеліи, найденныхъ въ Корсуни, предполагая въ нихъ то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это мѣсто о русскихъ письменахъ позднѣйшею вставкою. Впрочемъ, невозможно винить однихъ филологовъ въ этомъ случаѣ: главная вина должна пасть на историковъ, которые и не подозрѣвали исконнаго существованія Славяно-Болгарскаго племени на Таврическомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ Корсунскою областью, а Русь IX вѣка считали народомъ норманскимъ. *.

* Исключеніе изъ ученыхъ славистовъ въ данномъ случаѣ представляетъ И. И. Срезневскій, который на первомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ 1869 г., предложилъ нѣкоторыя новыя соображенія о началѣ славянской азбуки, связавъ ихъ съ извѣстіемъ житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Вотъ сущность его соображеній. Онъ указалъ, вопервыхъ, на то, что начертаніе буквъ или уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX — X вѣка, то-есть, эпохѣ, къ которой относятъ изобрѣтеніе Кирилла; въ эту эпоху въ греческихъ рукописяхъ преобладаетъ уже скоропись. Слѣдовательно, буквы, вошедшія въ славянскую азбуку, взяты изъ того греческаго письма, которое господствовало въ болѣе раннее время, приблизительно въ VI—VII вѣкахъ. Далѣе онъ указалъ на господство надстрочныхъ знаковъ и правильное употребленіе знаковъ препинанія въ греческомъ письмѣ IX вѣка, чего нѣтъ въ славянскихъ рукописяхъ. Наконецъ, онъ напомнилъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, извѣстіе, которое, «не смотря на многочисленность рукописей, вездѣ читается одинаковымъ образомъ». Противъ готскаго языка, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ само житіе, которое говоритъ, что Константинъ, услыхавъ Русскаго, долженъ былъ только прислушиваться къ видоизмѣненіямъ гласныхъ и согласныхъ и вскорѣ началъ «чести и сказати» то-есть, читать и объяснять. Это указаніе, по замѣчанію г. Срезневскаго, очень важно, и его «не слѣдуетъ упускать изъ виду». (См. Труды съѣзда. т. I, стр. CXV).

VIII.

Вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ.—Недостовѣрное сказаніе Храбра.—Одновременное существованіе кириллицы и глаголицы.—Принесеніе первой изъ Корсуня Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Домыслы позднѣйшихъ книжниковъ.—Труды ученыхъ славистовъ.

Константинъ и Меѳодій были родомъ, очевидно, Греки, и первоначально знакомились съ славянскимъ языкомъ, конечно, благодаря сосѣдству болгарскихъ поселеній съ Солунью, или вѣроятному присутствію болгарскаго элемента въ самомъ городѣ. Но едва ли они владѣли этимъ языкомъ вполнѣ. Особенно послѣднее можно сказать о Константинѣ, который еще во время отрочества былъ взятъ въ Константинополь, гдѣ и получилъ свое образованіе. Меѳодій, вѣроятно, долѣе оставался на родинѣ и ближе ознакомился съ языкомъ болгарскимъ. Не даромъ же въ одномъ древнемъ прологѣ сказано, что Кириллъ упросилъ брата Меѳодія сопутствовать ему въ Хазарію, *зане умяше языкъ словѣньскъ* (О времени происх. слав. письменъ—*Бодянскаго*, 73). Братья, по видимому, очень хорошо знали, что въ Хазаріи они прежде всего встрѣтятъ Болгарское племя. Въ Корсуни они нашли нѣкоторыя книги Священнаго Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ и принялись изучать эти славянскія письмена. Въ то же время они воспользовались проживавшими въ Корсуни Славянами, чтобъ усовершенствовать себя и въ разговорной славянской рѣчи.

Затѣмъ, славянскій языкъ и найденный переводъ Псалтири и Евангелія проходятъ уже чрезъ все житіе Солунскихъ братьевъ *. Такъ, еще не выѣзжая изъ Тавриды, Константинъ укрѣпляетъ въ вѣрѣ обитателей Фуллы и обращается къ нимъ съ рѣчью, конечно, на ихъ родномъ языкѣ, а иначе они его не поняли бы; при этомъ онъ даетъ имъ цѣловать святое Евангеліе. А мы уже замѣтили, что эти обитатели Фуллы, по всѣмъ соображеніямъ, были никто иное, какъ часть тѣхъ же Черныхъ Болгаръ. Послѣ его возращенія изъ Тавриды является къ императору посольство отъ Моравскихъ князей съ просьбою прислать имъ учителей, и императоръ отправляетъ къ нимъ Со-

* См. Паннонскія житія Константина и Меѳодія въ *Чтен. Общ. истор. и древн.* 1863 г, № 2 и 1865 г., № 1.

гунскихъ братьевъ, какъ хорошо знающихъ славянскій языкъ. Снаряжаясь въ Моравію, братья, какъ повѣствуетъ ихъ житіе, приготовляютъ прежде всего Евангеліе и Псалтирь, какъ книги наиболѣе необходимыя для богослуженія. Конечно, это были тѣ самыя книги, которыя они нашли въ Корсуня и, по всей вѣроятности, взяли съ собою или списали. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ о переписываніи готовыхъ славянскихъ книгъ и о продолженіи переводовъ, и едва ли имѣетъ какую-либо вѣроятность извѣстіе житія о томъ, чтобы братья принялись изобрѣтать славянскія письмена только тогда, когда императоръ рѣшилъ отправить ихъ въ Моравію. Не возможно было бы въ такой короткій срокъ составить алфавитъ и перевести хотя одно Евангеліе. Да притомъ и не было нужды изобрѣтать славянское письмо и переводить Евангеліе, такъ какъ братья то и другое уже нашли въ Корсуни. Впрочемъ, въ житіи и не говорится объ изобрѣтеніи письменъ; а употребляются неопредѣленныя и весьма краткія выраженія: „и тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую". Это говорится въ Паннонскомъ житіи Константина; а въ житіи его брата Меѳодія по поводу отправленія въ Моравію сказано: „Да ту яви Богъ философу словенскы книги, и абіе устроивъ писмена и бесѣду ставль"; а далѣе упоминается, что „псалтырь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложилъ первѣе"; то-есть, это сдѣлалъ Меѳодій еще вмѣстѣ съ братомъ, отчасти въ Моравіи, а отчасти (какъ свидѣтельствуетъ житіе Константина) до прихода въ Моравію. По смерти брата, когда Меѳодій одинъ подвизался въ Моравіи въ санѣ архіепископа, то онъ „отъ ученикъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, преложи въбързѣ вся книгы испълнь, развѣ Макавѣи, отъ греческа языка въ словѣньскъ шестію мѣсяцъ". Уже самое указаніе на время, то-есть, на шесть мѣсяцевъ, и на скоропись исключаютъ всякое вѣроятіе, чтобы тутъ шла рѣчь собственно о переводѣ почти всего Священнаго Писанія; оно отчасти было переведено прежде Константина и Меѳодія, а отчасти сдѣлано ихъ трудами, или подъ ихъ руководствомъ.

Чтò въ житіяхъ Константина и Меѳодія обозначается еще общими неопредѣленными выраженіями, допускающими разнообразныя толкованія, тò въ болѣе позднемъ произведеніи, именно въ Сказаніи черноризца Храбра о письменахъ Славянскихъ, обле-

кается въ болѣе опредѣленныя формы. Послѣднее уже прямо приписываетъ Константину и Меѳодію изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Но въ хронологическомъ отношеніи между житіями и Храбромъ существуетъ непримиримое разногласіе. По смыслу житій, изобрѣтеніе письменъ предпринято было только вслѣдствіе посольства Моравскихъ князей, то-есть, въ 862 году; этотъ годъ принимаютъ и наиболѣе извѣстные слависты, напримѣръ, Шафарикъ и Бодянскій (См. доказательства, собранныя въ книгѣ послѣдняго: О времени происхожденія Славянскихъ письменъ). Но Храбръ приводитъ самый годъ изобрѣтенія, именно 855, и этого года держались нѣкоторые другіе слависты (напримѣръ, Добровскій и Гильфердингъ). Но если принять послѣднюю хронологію, то уничтожится самый поводъ изобрѣтенія, приводимый житіемъ, то-есть, предстоявшая миссія въ землю Моравскихъ Славянъ, такъ какъ въ 855 году еще не было о ней рѣчи. Притомъ, по замѣчанію г. Бодянскаго, Храбръ говоритъ, что письмена были изобрѣтены во время Михаила царя Болгарскаго, Растица князя Моравскаго и Коцела Блатенскаго,—между тѣмъ какъ Коцелъ наслѣдовалъ своему отцу въ княжествѣ Блатенскомъ только въ 861 году. Г. Бодянскій указываетъ и другія обстоятельства, противорѣчащія 855 году, какъ времени изобрѣтенія письменъ. Кто былъ черноризецъ Храбръ, когда и гдѣ писалъ свое сказаніе, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Его относятъ обыкновенно къ X вѣку и даже считаютъ современникомъ царя Симеона, преимущественно на основаніи слѣдующаго выраженія: „суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ", то-есть, живы тѣ, которые видѣли Константина и Меѳодія. Но это выраженіе встрѣчается только въ одномъ спискѣ сказанія (въ библіотекѣ Московской Духовной академіи), и потому даетъ поводъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ, то-есть, не есть ли это позднѣйшая вставка? А также: дѣйствительно ли подъ словомъ *ихъ* надобно подразумѣвать Кирилла и Меѳодія? Далѣе, мы не имѣемъ списковъ этого сказанія ранѣе второй половины XIV вѣка; по смыслу же сказанія совсѣмъ не видно, чтобы сочинитель по времени жилъ очень близко къ Солунскимъ братьямъ.

По нашему мнѣнію, изслѣдователи недостаточно обращали вниманія на полемическій характеръ Храброва сказанія. Оно, очевидно, было написано съ цѣлью защитить уже сложившееся представленіе о Солунскихъ братьяхъ, какъ изобрѣтателяхъ

письменъ, отъ тѣхъ скептиковъ, которые не согласны были съ этимъ представленіемъ. Напримѣръ, онъ указываетъ на людей, утверждавшихъ, что Константинъ и Меѳодій не хорошо устроили письмена, такъ какъ онѣ все еще продолжаютъ устроиваться. А въ концѣ сказанія, обозначая время изобрѣтенія письменъ, сочинитель прибавляетъ: „суть же и ини отвѣти, яже и индѣ речемъ", то-есть, существуютъ и другіе отвѣты или мнѣнія объ этомъ предметѣ; но о нихъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, во времена Храбра были разныя мнѣнія о времени изобрѣтенія. Все это указываетъ, что онъ совсѣмъ не жилъ такъ близко къ эпохѣ Кирилла и Меѳодія, какъ это казалось. Мы полагаемъ, что сказаніе Храбра едва ли было написано ранѣе XI вѣка, а слѣдовательно, едва ли ранѣе того времени, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ и происхожденіе славянскихъ письменъ уже сдѣлались достояніемъ легенды.

Храбръ не даромъ намекаетъ въ своемъ сочиненіи, что были и другія мнѣнія, и дѣйствительно, если сравнить между собою всѣ извѣстные намъ источники, относящіеся къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то мы найдемъ значительныя разнорѣчія. Наибольшую цѣну для насъ имѣютъ, конечно, источники, современные Солунскимъ братьямъ, именно, латинскія свидѣтельства папы Іоанна VIII и Зальцбургскаго анонима. Іоаннъ VIII въ письмѣ своемъ 880 года къ Моравскому князю Святополку говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „По справедливости хвалимъ письмена славянскія, открытыя нѣкимъ философомъ Константиномъ, по которымъ воздается должное славословіе Господу" (Litteras denique sclavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debitæ resonent, jure laudamus). А Зальцбургскій анонимъ въ своей запискѣ объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанъ, составленной около 873 года, между прочимъ, выражается такъ: „Пока не появился какой-то Грекъ, именемъ Меѳодій, со вновь изобрѣтенными славянскими письменами" (noviter inventis sclavinicis litteris; см. соч. Бодянскаго). Чтò же можно извлечь изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ? Главнымъ образомъ то, что латинское духовенство того времени считало славянскія письмена недавно открытыми или изобрѣтенными. Это открытіе, судя по словамъ Іоанна VIII, приписывалось Константину; Зальцбургскій анонимъ не называлъ изобрѣтателя, а замѣтилъ только, что Меѳодій принесъ въ Моравію эти вновь изобрѣтенныя письмена. Мы не нахо-

димъ здѣсь яснаго отчетливаго представленія о самомъ открытіи или изобрѣтеніи; несомнѣнно только одно, что письменность эта была новостью, принесенною въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Отсюда вытекаетъ вопросъ: въ какой степени Кириллъ и Меѳодій могутъ быть названы изобрѣтателями этихъ письменъ? Чтобы разъяснить сколько-нибудь подобный вопросъ, мы все-таки возвращаемся къ ихъ Паннонскимъ житіямъ, въ основаніе которыхъ легли достовѣрные факты, но впослѣдствіи затемненные или запутанные нѣкоторыми легендарными примѣсями.

Упоминаніе о русскихъ Евангеліи и Псалтыри, найденныхъ въ Корсуни, мы считаемъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ, которое бросаетъ лучъ свѣта на вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. Ужъ и прежде слышались возраженія противъ непосредственнаго изобрѣтенія; основательно указывали на то, что письмена обыкновенно не изобрѣтались вдругъ, однимъ человѣкомъ; что они создавались постепенно, съ помощью заимствованій, передѣлокъ и приспособленій. Слѣдовательно, говоря о Кириллѣ и Меѳодіи, невозможно понимать слово изобрѣтеніе въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Храбръ говоритъ, что Славяне уже употребляли греческія и латинскія письмена, но только съ затрудненіями, которыя, конечно, происходили главнымъ образомъ отъ недостатка знаковъ, способныхъ выразить звуки шипящіе и свистящіе, почти чуждые классическимъ языкамъ. Основаніе нашего алфавита или большинство буквъ чисто греческое, и древній славянскій уставъ въ этомъ отношеніи немного отличается отъ устава греческаго VI—VII вѣковъ. Слѣдовательно, тутъ не было никакого изобрѣтенія, а прямое заимствованіе. Это заимствованіе, мы думаемъ, возникло преимущественно тамъ, гдѣ Восточно-Славянскій міръ соприкасался съ Греческимъ и находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, то-есть, на берегахъ Чернаго моря, въ греко-скиѳскихъ епархіяхъ Херсона и Боспора. Впрочемъ, относительно прямаго перехода 24 греческихъ буквъ въ славянскій алфавитъ теперь почти никто не сомнѣвается; вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ для передачи звуковъ носовыхъ, шипящихъ, свистящихъ и такъ-называемыхъ полугласныхъ. Откуда они взялись, и можно ли изобрѣтеніе ихъ приписывать Солунскимъ братьямъ? Мы думаемъ, что и эти буквы уже существовали, и что онѣ не были сочинены или взяты Констан-

тиномъ изъ другихъ восточныхъ алфавитовъ. Что подобныя буквы существовали, доказательствомъ тому служитъ другой славянскій алфавитъ, извѣстный подъ именемъ *глаголицы*. Тамъ есть также шипящія и свистящія буквы, но при этомъ почти весь алфавитъ своимъ начертаніемъ не похожъ на греческій. Можно ли предположить, что и глаголица есть также изобрѣтеніе какого-либо лица?

Извѣстно, что Шафарикъ въ послѣднее время своей жизни отказался отъ прежняго мнѣнія и считалъ глаголицу изобрѣтеніемъ Константина и Меѳодія, а кирилицу—дѣломъ ученика ихъ Климента, который будто бы отступилъ отъ изобрѣтенія своихъ учителей и приблизилъ славянскій алфавитъ къ греческому. Такое оригинальное мнѣніе не нашло послѣдователей и встрѣтило сильныя опроверженія. И дѣйствительно, оно не подтверждается никакими данными. Извѣстенъ также споръ между учеными славистами о томъ, какая азбука древнѣе: кирилица или глаголица? Главный источникъ подобнаго спора, также какъ причина недоумѣнія великаго славянскаго ученаго и вообще противорѣчивыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, заключается въ томъ, что исходный пунктъ былъ не вѣренъ. Доселѣ ученые въ своихъ мнѣніяхъ исходили отъ *изобрѣтенія* письменъ, совершеннаго извѣстнымъ лицомъ въ извѣстное время, —тогда какъ въ дѣйствительности подобнаго изобрѣтенія не было. Уже самое существованіе двухъ славянскихъ азбукъ, существованіе параллельное и стародавнее, показываетъ, что намѣреннаго изобрѣтенія не было: если одна какая-либо азбука издавна существовала у Славянъ, то Константину и Меѳодію не было надобности изобрѣтать другую. Толкованіе, что глаголица изобрѣтена спеціально для отдѣленія Славянъ католическихъ отъ православныхъ, не подтверждается никакими данными; католическое духовенство могло только воспользоваться для этой цѣли уже существовавшимъ алфавитомъ. Мы думаемъ, что два означенные алфавита и при самомъ началѣ своемъ также относились другъ къ другу, какъ они относятся и теперь, то-есть: это — алфавиты западно-славянскій и восточно-славянскій.

Нѣкоторые (напримѣръ, г. Григоровичъ) полагали, что русскія книги, найденныя Константиномъ въ Корсуни, по всей вѣроятности, принадлежали собственно глагольской письменности. Но доселѣ ни одинъ памятникъ не позволяетъ думать,

чтобъ эта письменность получила начало въ южной Россіи. Почти всѣ значительные глагольскіе памятники принадлежатъ Славянамъ Иллирійскимъ и Дунайскимъ. (Нѣкоторые отрывки, найденные въ Россіи, еще не могутъ свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи глаголицы). Когда возникъ этотъ алфавитъ, мы не знаемъ; по всей вѣроятности, онъ издавна существовалъ у этихъ Славянъ. Замѣчательно, что на западѣ, то есть, въ латинскомъ мірѣ, онъ имѣлъ, между прочимъ, названіе алфавита „Булгарскаго" (Abecenarium Bulgaricum). Но и это названіе еще не указываетъ на его происхожденіе. Мы можемъ предположить, что Дунайскіе Болгаре нашли его у Иллирійскихъ и Мизійскихъ Славянъ, которыхъ они отчасти покорили въ VI—VII вѣкахъ. Между этими послѣдними уже распространилось христіанство, и очень вѣроятно, что у нихъ уже существовали начатки переводовъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, написанныхъ именно глагольскими знаками. Но впослѣдствіи глаголица у Болгаръ была вытѣснена такъ называемою кириллицей. Откуда же взялась послѣдняя? Полагаемъ, что это былъ восточно-славянскій алфавитъ, именно тотъ, которымъ были написаны русскія книги, найденныя въ Корсуни. Мы говорили, что между Черными Болгарами уже давно существовало христіанство, а слѣдовательно, можемъ предположить у нихъ существованіе славянскаго богослуженія и славянскихъ переводовъ Священнаго Писанія. Извѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ совершенно соотвѣтствуетъ этому предположенію. Оно согласуется и съ тѣмъ выводомъ, что въ распространеніи христіанства здѣсь главную роль игралъ Корсунь. Мы видѣли, что та Фульская область, въ которой находилось полуязыческое, полухристіанское населеніе, лежала по сосѣдству съ Корсунскою землею. Здѣсь-то въ Корсуни, вѣроятно, и были положены начатки восточнославянскихъ переводовъ неизвѣстными міру миссіонерами полугреческаго, полуславянскаго происхожденія, хорошо владѣвшими и тѣмъ, и другимъ языкомъ.

Переводы эти въ житіи названы письменами *русскими*. Но такое названіе нисколько не должно насъ затруднять. Оно могло быть уже въ первоначальной запискѣ о путешествіи Константина въ Хазарію. Въ эпоху Солунскихъ братьевъ Русь уже проникла въ Крымъ; что подтверждается нападеніемъ ея на Царьградъ, нападеніемъ, которое, какъ мы говорили, обу-

словливалось присутствіемъ русскаго вліянія или русскаго владычества на берегахъ Боспора Киммерійскаго (это присутствіе Руси въ томъ краю подтверждается и арабскими извѣстіями). Но возможно также, что это названіе принадлежитъ собственно редакціи житія, то-есть, тому времени, когда Русь, господствуя въ странѣ Черныхъ Болгаръ, уже получила болгарославянскую письменность, которую, поэтому, могли иногда вмѣсто „славянской“ называть „русскою“. Что корсунскіе Евангеліе и Псалтирь были написаны собственно не на русскомъ, а на болгарскомъ языкѣ, это ясно. Повторяемъ, никакихъ слѣдовъ русскаго перевода мы не имѣемъ; а еслибъ онъ существовалъ въ Корсуни, то крещеной Руси потомъ не было бы нужды усвоивать себѣ богослуженіе и переводы на языкѣ древне-болгарскомъ. Между тѣмъ, всѣ данныя подтверждаютъ, что и начало русскаго христіанства было также въ Крыму; что оно возникло между Руссами послѣ ихъ соединенія съ Черными Болгарами, и что въ нашемъ христіанствѣ первенствующая роль принадлежитъ все тому же Корсуню. Не даромъ и самый главный актъ въ исторіи нашего христіанства, то-есть, крещеніе Владиміра, совершилось именно въ Корсуни. Археологическія изысканія доказываютъ, что и первые Кіевскіе храмы, напримѣръ Десятинная церковь, были созданы по плану и образцу именно храмовъ Корсунскихъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что Солунскіе братья дѣйствительно нашли въ Корсуни восточно-славянскую азбуку и начатки собственно болгарскихъ переводовъ. Они благоразумно и искусно воспользовались этою письменностію для своей миссіи къ Славянамъ Моравскимъ. Мы собственно отрицаемъ изобрѣтеніе ими письменъ; но затѣмъ остаются за ними огромныя заслуги по устроенію и распространенію этой письменности. По всей вѣроятности, они привели въ болѣе стройный порядокъ славянскую азбуку, продолжали дѣло перевода, исправляли переводы прежніе и особенно много заботились о списываніи богослужебныхъ книгъ. Эти восточно-славянскія книги, принесенныя ими въ Моравію, дѣйствительно могли показаться тамъ вновь изобрѣтенными письменами. Что же касается Дунайскихъ Болгаръ, то здѣсь эта письменность, по всей вѣроятности, была распространена собственно учениками Солунскихъ братьевъ, которые по смерти Меѳодія принуждены были, вслѣдствіе гоненій, покинуть Моравію и удалиться въ Болгарію. Та-

ковы знаменитые седмичисленники: Горраздъ, Наумъ, Климентъ, Сава и Ангеларій. Кирилловское письмо тѣмъ легче могло восторжествовать здѣсь надъ другимъ письмомъ (глагольскимъ), что само оно (то-есть, кирилица) было собственно болгарскаго происхожденія.

Краткое извѣстіе житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, и о человѣкѣ, научившемъ Константина русской грамотѣ, не осталось безъ кривыхъ толковъ и у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Оно служитъ нагляднымъ примѣромъ тому, какъ неудобопонятныя мѣста древнѣйшихъ памятниковъ подвергаются произвольнымъ толкованіямъ со стороны позднѣйшихъ списателей. Упомянутое извѣстіе породило у русскихъ книжниковъ домыслъ о томъ, что русская грамота никѣмъ не изобрѣтена, но самимъ Богомъ явлена въ Корсуни нѣкоему благочестивому Русину во дни царя Михаила и матери его Ирины, и что отъ этого Русина Константинъ Философъ научился русской грамотѣ, которую ввелъ между Моравами, Чехами и Ляхами, откуда она потомъ была вытѣснена ревнителемъ католическаго обряда Войтехомъ. Это сказаніе встрѣчается въ рукописи XV вѣка, принадлежащей Московской духовной академіи, въ той же рукописи, гдѣ находится Паннонское житіе Константина Философа (См. *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1863 г., № 2). Достоуважаемый авторъ изслѣдованія „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ справедливо называетъ это сказаніе позднѣйшимъ домысломъ (стр. 101). Но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, что этотъ домыселъ породилъ вставку о русскихъ письменахъ въ самомъ житіи Константина. Очевидно, дѣло произошло наоборотъ, то-есть, какъ мы выше замѣтили, плохо понятое извѣстіе Константинова житія породило сказаніе о русскихъ письменахъ, явленныхъ самимъ Богомъ нѣкоему Русину. Читая извѣстіе, что Константинъ нашелъ въ Корсуни русскія письмена, пытливый книжникъ не могъ не задать себѣ вопроса: а откуда же взялись эти письмена,—и рѣшилъ его совершенно въ духѣ своего патріотизма и своего благочестія.

Рядомъ съ этимъ толкованіемъ возникло другое сказаніе о происхожденіи русскихъ письменъ. Это сказаніе приписываетъ изобрѣтеніе ихъ епископу, крестившему Русь во времена императора Василія Македонянина. Оно дошло до насъ въ греческомъ сочиненіи, принадлежащемъ неизвѣстному автору, и напечатано у Бандури въ его Imperium Orientale съ латинскимъ

переводомъ (т. II, стр. 112). Сказаніе это повѣствуетъ объ отправленіи Русскимъ княземъ пословъ сначала въ Римъ, потомъ въ Константинополь для испытанія обряда. Послы отдаютъ предпочтеніе обряду греческому. Тогда великій князь Русскій обращается къ императору Василію Македонянину съ просьбой о присылкѣ епископа, который крестилъ бы его и народъ его. Императоръ отправилъ епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аѳанасіемъ. Эти мужи дѣйствительно крестили народъ; но увидавъ его грубость и невѣжество, они составили для него азбуку изъ 35 буквъ, въ число которыхъ помѣстили 24 греческія буквы. (Слѣдуютъ славянскія ихъ названія, то-есть, азъ, буки, вѣди и пр.). Потомъ расказывается встрѣчающееся и въ другихъ греческихъ источникахъ чудо съ Евангеліемъ, которое епископъ по требованію князя и народа бросилъ въ зажженный костеръ, и оно осталось невредимымъ. Все это сказаніе есть, очевидно, довольно позднее сочиненіе и представляетъ смѣсь разныхъ легендъ, по всей вѣроятности, болѣе русскаго происхожденія, чѣмъ греческаго. О томъ свидѣтельствуютъ славянскія названія буквъ, заключающія слѣды южнорусскаго произношенія (какъ доказываетъ г. Бодянскій въ помянутомъ выше изслѣдованіи). Тутъ съ извѣстными расказами о посольствѣ русскихъ мужей для испытанія церковныхъ обрядовъ связалась и легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ изобрѣтателяхъ славянскихъ письменъ; но изобрѣтеніе это назначается собственно для Русскаго народа. Подобное назначеніе также указываетъ на русское происхожденіе самого сказанія. Можетъ быть, приведенное выше толкованіе о русскихъ письменахъ, явленныхъ нѣкоему Русину самимъ Богомъ, отчасти имѣло въ виду отпоръ другому мнѣнію, которое считало ихъ изобрѣтеніемъ Грековъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какія разнообразныя мнѣнія существовали въ старину о дѣятельности Кирилла и Меѳодія и о происхожденіи славянскихъ письменъ.

Для даннаго вопроса весьма важно то обстоятельство, что во всей обширной литературѣ византійской мы не имѣемъ ни одного греческаго источника, современнаго или близкаго по времени къ эпохѣ Константина и Меѳодія, источника, который хотя бы однимъ словомъ упомянулъ о дѣятельности Солунскихъ братьевъ на пользу Славянъ. Это полное молчаніе бросаетъ сильную тѣнь на достовѣрность сказаній объ *изобрѣтеніи* славянскихъ письменъ въ IX вѣкѣ. Трудно предположить, чтобы

византійскіе историки умолчали о такомъ важномъ дѣлѣ двухъ своихъ соотечественниковъ, еслибъ это дѣло совершилось въ дѣйствительности. Всѣ попытки объяснить подобное молчаніе представляютъ крайнія натяжки. Помянутое сочиненіе анонима у Бандури хотя и написано по гречески, но какъ мы замѣтили, есть довольно позднее произведеніе, основанное не на греческихъ источникахъ. То же самое можно сказать о другомъ памятникѣ, именно о *Житіи святаго Климента, епископа Булгарскаго*, существующемъ на греческомъ языкѣ. Это сочиненіе приписывается болгарскому архіепископу Ѳеофилакту (умершему въ 1107 году), родомъ Греку *. Но очевидно, что оно составлено въ Болгаріи и на основаніи болгарскихъ, а не греческихъ источниковъ. Житіе это приписываетъ изобрѣтеніе письменъ обоимъ братьямъ Кириллу и Меѳодію. Существуетъ еще другое, краткое житіе Климента, также на греческомъ языкѣ (изданное г. Григоровичемъ въ *Жур. Мин. Народ. Просв.* 1847 г. № 1). Послѣднее составляетъ, по видимому, сокращеніе, перваго житія, но имѣетъ сравнительно съ нимъ разныя прибавки и передѣлки. Такъ, въ этомъ краткомъ житіи встрѣчается извѣстіе, котораго нѣтъ въ полномъ, именно о томъ, будто бы Климентъ изобрѣлъ „другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ". Извѣстіе это сдѣлалось источникомъ сильныхъ споровъ между нѣкоторыми представителями славянской науки. Шафарикъ, на основаніи его и нѣкоторыхъ открытыхъ памятниковъ глагольской письменности, восходящихъ къ X вѣку, измѣнилъ свой прежній взглядъ на кирилицу и началъ доказывать, что письмо, изобрѣтенное Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть глаголица, а что такъ называемая кирилица произошла изъ глаголицы и введена трудами Климента (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J. *Schafarik*. Prag. 1858). Это мнѣніе не было приня-

* Нѣкоторые слависты, впрочемъ, не признаютъ его сочиненіемъ Ѳеофилакта, а считаютъ произведеніемъ собственно болгарской литературы, переведеннымъ впослѣдствіи на греческій языкъ (см. у Бодянскаго, стр. 9). Доказательства послѣдняго мнѣнія мы не находимъ убѣдительными; онѣ направлены къ тому, чтобы житіе это перенести во время болѣе близкое къ Клименту (умершему въ 916 г.) и приписать его кому-либо изъ учениковъ Климента; слѣдовательно, эти доказательства отзываются предвзятою мыслію.

то наукою, не смотря на великій авторитетъ Шафарика; оно вызвало горячія опроверженія и вообще замѣтно оживило вопросъ о взаимномъ отношеніи кирилловскаго и глагольскаго письма *. Упоминаніе краткаго житія Климента объ изобрѣтеніи имъ другихъ письменъ можно толковать только въ смыслѣ упрощенія, улучшенія и вообще дальнѣйшаго развитія кирилловскаго письма, что̀ совершенно согласно съ свидѣтельствомъ Храбра о продолжавшемся устроеніи этого письма и послѣ Кирилла. То и другое свидѣтельство подтверждаетъ нашу мысль, что кирилловское письмо утверждено въ Болгаріи трудами не самихъ Солунскихъ братьевъ, но преимущественно ихъ учениковъ, удалившихся изъ Моравіи въ Болгарію, а процвѣло оно здѣсь постепенно уже трудами ихъ преемниковъ.

Извѣстно, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія и происхожденіе славянскаго письма представляютъ поприще, на которомъ пробовали свои силы многіе славянскіе и нѣкоторые нѣмецкіе ученые. Вопросъ этотъ имѣетъ весьма богатую литературу; напомнимъ только труды: Шлёцера, Добровскаго, Калайдовича, Венелина, Шафарика, архимандрита Макарія, епископа Филарета, отца Горскаго, Копитара, Миклошича, Шлейхера, Ваттенбаха, Палаузова, В. И. Григоровича и И. И. Срезневскаго. Почти всѣ эти предшествовавшіе труды нашли себѣ тщательную оцѣнку въ упомянутомъ выше сочиненіи О. М. Бодянскаго: О времени происхожденія Славянскихъ письменъ (Москва. 1855 г.). Но и послѣ этой книги разработка вопроса не прекратилась; напротивъ, онъ оживился и обогатился новыми трудами. Кромѣ сочиненія Дюммлера, появившагося почти одновременно съ книгою Бодянскаго (Die pannonische Legende vom heiligen Mthodius въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Vien. 1854), укажу на: Гануша (Zur slavischen Runen Frage. Ibid. 1857), Гинцеля (Geschichte der Slaven Apostel. Leitmeritz. 1857), Рачкаго (Viek i djèlovanje sv. Cyrilla i Methoda. U Zagrebu 1859), Викторова („Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ“ 1859—1861 годовъ и „Кириллъ и Меѳодій“ 1865 г.), П. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій. Харь-

* Въ русской литературѣ укажу на возраженія Гильфердинга; но самое обстоятельное опроверженіе доводовъ Шафарика и сводъ мнѣній по этому вопросу см. въ статьѣ г. Викторова: «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (*Лѣтописи Русской литературы*: Изд. Тихонравова. Т. II и III).

ковъ. 1863 г.), Лежера (Cyrille et Methode. Paris. 1868) и Бильбасова (Кириллъ и Мееодій. 1868—1871 гг.).

Казалось бы, что̀ можно прибавить къ столь подробной и многосторонней обработкѣ предмета? Но въ томъ-то и дѣло, что, не смотря на эту обработку, уже самое разнообразіе мнѣній говоритъ, что вопросъ все еще далекъ отъ положительнаго рѣшенія. Слѣдовательно, въ немъ самомъ, то-есть, въ его постановкѣ или въ его исходныхъ пунктахъ заключались условія не благопріятствующія его разрѣшенію. Мы думаемъ, что эти условія прежде всего суть легендарный элементъ, отъ котораго наука все еще не могла вполнѣ освободиться. Изслѣдователи по большей части шли отъ *изобрѣтенія* письменъ Кирилломъ и Мееодіемъ и пытались опредѣлить: какое письмо изобрѣтено прежде, глагольское или кирилловское? Мы думаемъ, исходные пункты будутъ ближе къ истинѣ, если примемъ положеніе, что обѣ азбуки существовали до временъ Солунскихъ братьевъ и возникли независимо другъ отъ друга, хотя и могли оказывать потомъ взаимное вліяніе *. Повторяе̇мъ, наука доселѣ слишкомъ мало обращала вниманія на извѣстіе Константинова житія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Очень вѣроятно, что это восточно-славянское письмо заключало въ себѣ ту азбуку, которая впослѣдствіи была названа кирилицей; она, вмѣстѣ съ начатками переводовъ, была принесена Кирилломъ и Мееодіемъ въ Моравію, трудами ихъ учениковъ и преемниковъ утверждена въ Болгаріи, откуда вытѣснила западнославянское письмо или глаголицу, существовавшую у дунайскихъ Славянъ. Надѣемся, что нашимъ мнѣніемъ не умаляются заслуги Солунскихъ братьевъ. Безспорно имъ принадлежитъ честь лучшаго устроенія и приспособленія восточно-славянской азбуки къ потребностямъ крещенаго Славянскаго міра, а также ея утвержденіе и распространеніе посредствомъ дальнѣйшихъ переводовъ Священнаго Писанія и дѣятельнаго размноженія его списковъ. Уже самое появленіе легендъ, относящихъ къ ихъ

---

* Говоримъ только о совмѣстномъ существованіи двухъ славянскихъ азбукъ въ эпоху предкирилловскую; но не входимъ въ разсмотрѣніе вопроса объ ихъ происхожденіи и объ ихъ связи съ древними рунами (которую старается доказать, напримѣръ, Ганушъ) или съ тѣми чертами и рѣзами, на которыя указываетъ Храбръ. Этотъ предметъ еще слишкомъ мало обслѣдованъ, чтобы дѣлать какіе-либо вѣроятные выводы.

дѣятельности все начало славянской письменности, показываетъ, что они дѣйствительно совершили великіе подвиги на этомъ поприщѣ и произвели значительный переворотъ въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе, филологи, занимавшіеся вопросомъ о славянскихъ письменахъ, повторяемъ, и не могли прійдти къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса уже вслѣдствіе невѣрнаго представленія о народностяхъ Болгарской и Русской. Большинство ихъ считало эти народности чуждыми Славянскому міру, и еще менѣе подозрѣвало присутствіе чистаго Славяно-Болгарскаго элемента, притомъ элемента христіанскаго, въ Крыму по сосѣдству съ Корсуномъ, въ эпоху пребыванія тамъ Константина и Меѳодія. Вотъ новое доказательство тому, въ какой тѣсной связи находятся филологія и исторія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Какъ бы ни была тщательна филологическая разработка предмета, но если къ ней присоединились невѣрныя историческія положенія, то и выводы ея никогда не достигнутъ надлежащей ясности и точности. Мы далеки отъ притязанія рѣшить положительно вопросъ о происхожденіи славянскихъ письменъ и о взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ; но смѣемъ надѣяться, что добытые нами выводы, относительно народности и разныхъ вѣтвей великаго Болгарскаго племени, могутъ принести свою долю участія въ рѣшеніи помянутаго вопроса.

IX.

Выводъ о времени русскаго владычества въ Черной Болгаріи. — Извѣстія о Руси въ житіяхъ св. Георгія и св. Стефана. — Свидѣтельство Таврическаго анонима и его предполагаемое отношеніе къ Игорю.—Таматарха.

Изъ всего предыдущаго выводимъ, что тѣсныя связи Черныхъ Болгаръ съ Руссами или Азовско-Днѣпровскими Роксаланами начались приблизительно въ первой половинѣ IX вѣка.

Представимъ въ сжатомъ видѣ сущность доказательствъ, на которыхъ мы основываемъ это положеніе. По извѣстію визан-

тійскихъ историковъ Ѳеофана и Никифора, Кубанская или Черная—а по ихъ словамъ *Великая* или *Древняя*—Болгарія въ тѣ времена платила дань Хазарамъ: историки эти писали въ первой четверти IX вѣка. Въ 864—865 гг. Русь совершаетъ морской набѣгъ на Царьградъ; а мы доказывали, что подобные набѣги сдѣлались возможны только съ ея появленіемъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго. Бесѣды патріарха Фотія даютъ понимать, что это нападеніе Руссовъ на столицу Византіи произведено было въ первый разъ, но что самый народъ Русскій не былъ тамъ неизвѣстенъ, то-есть, что русскіе послы и торговцы уже посѣщали Византію. Слѣдовательно, утвержденіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго совершилось въ періодъ времени между Ѳеофаномъ и Никифоромъ, съ одной стороны, и Фотіемъ—съ другой. И дѣйствительно, на этотъ періодъ падаютъ два свидѣтельства, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ въ темную эпоху, насъ занимающую: это извѣстіе Константина Багрянороднаго о построеніи Саркела около 835 года и упоминаніе Бертинскихъ лѣтописей о послахъ Русскаго кагана къ императору византійскому Ѳеофилу около 839 года. Мы говорили, что эти два извѣстія по всей вѣроятности имѣютъ связь между собою, то-есть, намекаютъ на борьбу Руси съ Хазарами, при чемъ тотъ и другой народъ искалъ союза съ Византійскою имперіей. Русское посольство не воротилось тѣмъ же путемъ въ Кіевъ по причинѣ варварскихъ народовъ. По всѣмъ признакамъ, на югѣ Россіи и на Таврическомъ полуостровѣ въ то время кипѣли жестокія войны Болгаръ, съ которыми соединились Руссы, противъ Хазаръ и Угровъ. Эти войны окончились освобожденіемъ Черныхъ Болгаръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Хазарское иго они должны были промѣнять на нѣкоторую зависимость отъ Русскихъ князей. Руссы, по всей вѣроятности, прежде всего утвердили свое господство на берегахъ Боспора Киммерійскаго, то-есть, изгнали хазарскіе гарнизоны изъ городовъ Боспора (Керчи), Ѳанагуріи (Тмутракани) и нѣкоторыхъ другихъ и замѣнили ихъ своими дружинами; а разнымъ племенамъ Черныхъ Болгаръ, вѣроятно, предоставили управляться по прежнему своими вѣчами и мелкими князьями. Вообще, первая половина IX вѣка по всѣмъ признакамъ была эпохой упадка Хазарской державы. Съ сѣвера ее тѣснили Печенѣги, съ запада — Русь, съ юга — мусульманскіе халифы. Въ то же время покоренные народы

восставали и завоевывали себѣ независимость. Такъ, около этой эпохи возвратили свою независимость Прикавказскіе Аланы, ибо въ первой половинѣ X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, они уже не только свободны, но и тѣснятъ самихъ Хазаръ. Черкесскія племена, то-есть, собственные Хазары или Кабардинцы, иначе Касоги, неохотно сносили иго каспійско-волжскихъ хакановъ, на что ясно указываетъ извѣстіе Константина о кабарскомъ возстаніи. Хотя время этого возстанія и выселенія части Кабаръ онъ не опредѣляетъ (мы относимъ его къ концу VI вѣка), но по всей вѣроятности оно повторялось не одинъ разъ и подрывало крѣпость Хазарской державы. Въ первой половинѣ X вѣка находимъ Черкесскія племена только въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Итильскому верховному хакану, и подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей или кагановъ.

Мы уже говорили, что хазарское владычество въ Крыму держалось собственно черкесскими дружинами, и что съ этими-то дружинами должны были бороться Черные Болгаре, Русь и Греки. Борьба была продолжительна, такъ какъ Черкесы-Хазары, очевидно, засѣли во многихъ укрѣпленныхъ пунктахъ восточной и нагорной части Крыма; опираясь на эти пункты, они долго еще держались въ Крыму, и, конечно, не разъ пытались вновь завоевать утраченныя области. Ихъ союзниками въ этихъ войнахъ или просто наемниками служили Угры, кочевавшіе на западной и южной сторонѣ Азовскаго моря. Одну изъ такихъ попытокъ мы усматриваемъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ житія Константинова объ осадѣ Хазарами какого-то христіанскаго города. Городъ этотъ могъ быть самимъ Боспоромъ или Корчевомъ, который уже давно служилъ резиденціей особаго епископа.

Союзъ Руси съ Греками противъ Хазаръ въ началѣ XI вѣка заставляетъ предполагать, что и прежде того хитрая, властолюбивая Русь, смотря по обстоятельствамъ, то дружила съ Греками противъ Хазаръ, то наоборотъ воевала противъ Грековъ и нанимала въ свою службу черкесскія дружины (подобно Мстиславу Тмутраканскому, который имѣлъ у себя черкесскія дружины въ войнѣ съ братомъ Ярославомъ). До появленія Руси владычество въ Крыму раздѣлялось между Хазарами и Греками. Русь втѣснилась между ними, и, справившись съ Хазарами, не остановилась передъ Греками. Фотій намекаетъ на убі-

тійскихъ истори
ная—а по ихъ
времена плати:
вой четверти I
ской набѣгъ н
набѣги сдѣлал
регахъ Боспо
понимать, чт
изведено был
не былъ та
говцы уже
Руси на бе
ріодъ врем
роны, и Ф
ріодъ пад
который
вѣстіе Ко
835 года
скаго ка
года. М
имѣютъ
си съ
за съ
лось т
родов
скомъ
гаръ.
ровъ
гар
про
Рус
спо
ли
гу
им
ро
и
вс
Ст
и

...ованіи послѣду
...дѣло идетъ о ру
...начала является наро
...торговымъ. Гдѣ произо
...русскихъ торговцевъ, не извѣстно:
...въ Царьградѣ или гдѣ-либо по бе
...происходити и въ Корсуни, это
...живштемъ на пограничьѣ Ви
...варварами. Мы замѣтили, что
...указывать на присутствіе Русски
...половины IX вѣка.
...—865 гг. считала себя дост
...напасть на самый Царьградъ, то по вс
...и прежде столкновенія съ Гр
...соприкасались съ Русскими зем
...берегахъ Чернаго моря, и прен
...котораго юговосточный горный бере
...покрытъ греческими городами и зам
...между Херсонесомъ и Сугдіей. Извѣ
...Владиміромъ была, конечно, только послѣд
...стремленія Русскихъ князей присоединит
...и этотъ берегъ. Точно также, если Ру
...рѣшилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьгр
...она уже хорошо была знакома съ Черн
...его берегами: что, слѣдовательно, этотъ пер
...на столицу Византійской имперіи не былъ вообщ
...морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ о
...становятся болѣе понятными извѣстія о Руси, вст
...въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастрійскаго, и
...епископа Сурожскаго. Въ этихъ извѣстіяхъ, не с
...сильную легендарную примѣсь, мы можемъ призн
...тельную, то-есть историческую, основу.
...первомъ житіи говорится, что русскіе пираты, разор
...всю Мраморскую страну, начиная отъ Пропонти
...между прочимъ, на городъ Амастриду (на южномъ
...Чернаго моря, въ Пафлагоніи). Они вторглись въ храм
...св. Георгія, и начали раскапывать
...гдѣ покоились... тамъ сокровища, но были схвачены
...гробъ... и остались какъ бы связаны невидимыми уз
...запискѣ... поражённый чудомъ, раскаялся въ сво
...мп. Кр...

...ости и алчности и отпустилъ христіанскихъ плѣнниковъ; ...ными молитвами послѣднихъ варвары получили исцѣленіе, ...алились, заключивъ миръ съ христіанами (Acta Sanct. ...ъ XXI февраля, III, 278).

Другое житіе даетъ еще болѣе любопытныя подробности, хо...и, впрочемъ, еще болѣе заключаетъ въ себѣ легендарной при...еси. Какой-то Русскій князь, поплѣнивъ всю страну отъ Кор...уни до Корчева, съ великою силою приступилъ къ Сурожу. ...ослѣ десятидневной битвы онъ вломился въ городъ и устре...ился въ храмъ Софія, гдѣ находился гробъ св. Стефана. За...равъ всѣ золотые сосуды и драгоцѣнныя вещи, онъ захотѣлъ ...грабить и самыя мощи святаго, прикрытыя многоцѣнными па...олоками. Но едва прикоснулся къ нему, какъ упалъ на землю ...ъ искривленнымъ лицомъ и пѣной, исходившею изо рта: ка...ая-то сила давила его и едва позволяла ему дышать. Князь ...елѣлъ тотчасъ возвратить въ храмъ все похищенное. Но тутъ ...нъ услыхалъ гласъ святаго: „Если ты не крестишься въ семъ ...рамѣ, то и не изыдешь изъ него“. Князь изъявилъ готовность ...креститься, что̀ и было немедленно исполнено; послѣ того онъ ...олучилъ исцѣленіе. Вмѣстѣ съ нимъ крестились и всѣ его ...бояре. По возвращеніи, князь далъ свободу всѣмъ своимъ плѣн...никамъ и съ миромъ отошелъ отъ города*.

Тотъ и другой святой жили въ VIII вѣкѣ, и событія, на которыя намекаютъ ихъ жизнеописанія, могли совершиться еще въ IX вѣкѣ, чему не противорѣчитъ общій историческій ходъ водворенія Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ, ихъ морскихъ предпріятій и ихъ постепеннаго обращенія въ христіанскую вѣру. Относительно послѣдняго обстоятельства укажемъ на окружное посланіе патріарха Фотія въ 866 году. Въ этомъ посланіи говорится о крещеніи Руссовъ, которое послѣдовало за ихъ нашествіемъ на Константинополь. По всей вѣроятности, они въ то время не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить и греческіе города въ Тавридѣ, и слѣдовательно, могли

---

* См. *Зап. Одесск. Общ.*, т. I. и Описан. Румянц. Музея—*Востокова*, 689. Житіе Стефана Сурожскаго дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI вѣковъ, и очевидно, искажено разными прибавками. Такъ, князь Русскій, нападавшій на Сурожъ, будто прибылъ изъ Новгорода и назывался Бравлинъ; имя это, какъ объясняютъ, передѣлано позднѣйшими писателями изъ прилагательнаго «бранливъ».

еніе какихъ-то Русскихъ людей. На основаніи послѣдующихъ отношеній можемъ заключать, что тутъ дѣло идетъ о русскихъ торговцахъ; ибо Русь съ самаго начала является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ. Гдѣ произошло это убійство или обида русскихъ торговцевъ, не извѣстно; событіе могло совершиться въ Царьградѣ или гдѣ-либо по близости его; но оно могло также произойдти и въ Корсуни, этомъ важномъ торговомъ пунктѣ, лежавшемъ на пограничьѣ Византійскаго міра съ сѣверными варварами. Мы замѣтили, что житіе Константина можетъ указывать на присутствіе Русскихъ людей въ этомъ городѣ около половины IX вѣка.

Далѣе, если Русь въ 864—865 гг. считала себя достаточно сильною, чтобы напасть на самый Царьградъ, то по всей вѣроятности, она ужь имѣла и прежде столкновенія съ Греками тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались съ Русскими землями, то-есть, на сѣверныхъ берегахъ Черняго моря, и преимущественно въ Крыму, котораго юговосточный горный берегъ въ тѣ времена былъ покрытъ греческими городами и замками, именно пространство между Херсонесомъ и Сугдіей. Извѣстная осада Корсуня Владиміромъ была, конечно, только послѣднимъ эпизодомъ въ стремленіи Русскихъ князей присоединить къ своимъ владѣніямъ и этотъ берегъ. Точно также, если Русь въ 864 году отважилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьградъ, то понятно, что она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и съ его берегами; что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ вообще ея первымъ морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ образомъ намъ становятся болѣе понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастрійскаго, и св. Стефана, епископа Сурожскаго. Въ этихъ извѣстіяхъ, не смотря на сильную легендарную примѣсь, мы можемъ признать дѣйствительную, то-есть историческую, основу.

Въ первомъ житіи говорится, что русскіе пираты, разоривъ и плѣнивъ всю приморскую страну, начиная отъ Пропонтиды, напали, между прочимъ, на городъ Амастриду (на южномъ берегу Чернаго моря, въ Пафлагоніи). Они вторглись въ храмъ, гдѣ покоились мощи св. Георгія, и начали раскапывать его гробъ, думая найдти тамъ сокровища, но были схвачены внезапною немощью и остались какъ бы связаны невидимыми узами. Князь варваровъ, пораженный чудомъ, раскаялся въ своей

жестокости и алчности и отпустилъ христіанскихъ плѣнниковъ; усердными молитвами послѣднихъ варвары получили исцѣленіе, и удалились, заключивъ миръ съ христіанами (Acta Sanct. подъ XXI февраля, III, 278).

Другое житіе даетъ еще болѣе любопытныя подробности, хотя, впрочемъ, еще болѣе заключаетъ въ себѣ легендарной примѣси. Какой-то Русскій князь, поплѣнивъ всю страну отъ Корсуня до Корчева, съ великою силою приступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной битвы онъ вломился въ городъ и устремился въ храмъ Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана. Забравъ всѣ золотые сосуды и драгоцѣнныя вещи, онъ захотѣлъ ограбить и самыя мощи святаго, прикрытыя многоцѣнными паволоками. Но едва прикоснулся къ нему, какъ упалъ на землю съ искривленнымъ лицомъ и пѣной, исходившею изо рта: какая-то сила давила его и едва позволяла ему дышать. Князь велѣлъ тотчасъ возвратить въ храмъ все похищенное. Но тутъ онъ услыхалъ гласъ святаго: „Если ты не крестишься въ семъ храмѣ, то и не изыдешь изъ него". Князь изъявилъ готовность креститься, что̀ и было немедленно исполнено; послѣ того онъ получилъ исцѣленіе. Вмѣстѣ съ нимъ крестились и всѣ его бояре. По возвращеніи, князь далъ свободу всѣмъ своимъ плѣнникамъ и съ миромъ отошелъ отъ города*.

Тотъ и другой святой жилъ въ VIII вѣкѣ, и событія, на которыя намекаютъ ихъ жизнеописанія, могли совершиться еще въ IX вѣкѣ, чему не противорѣчитъ общій историческій ходъ водворенія Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ, ихъ морскихъ предпріятій и ихъ постепеннаго обращенія въ христіанскую вѣру. Относительно послѣдняго обстоятельства укажемъ на окружное посланіе патріарха Фотія въ 866 году. Въ этомъ посланіи говорится о крещеніи Руссовъ, которое послѣдовало за ихъ нашествіемъ на Константинополь. По всей вѣроятности, они въ то время не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить и греческіе города въ Тавридѣ, и слѣдовательно, могли

---

* См. *Зап. Одесск. Общ.*, т. I. и Описан. Румянц. Музея—*Востокова*, 689. Житіе Стефана Сурожскаго дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI вѣковъ, и очевидно, искажено разными прибавками. Такъ, князь Русскій, нападавшій на Сурожъ, будто прибылъ изъ Новгорода и назывался Бравлинъ; имя это, какъ объясняютъ, передѣлано позднѣйшими писателями изъ прилагательнаго «бранливъ».

между прочимъ, взять Сугдею или Сурожъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, мы можемъ пріурочивать обѣ легенды и къ болѣе позднимъ историческимъ событіямъ и лицамъ. Такъ, описаніе русскаго нашествія на Амастриду своими чертами напоминаетъ византійскія описанія Игорева нашествія на Вифинскіе берега, то есть, на мѣста сосѣднія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если во время этого нашествія Русь успѣла заглянуть и въ Амастриду. А чудо, совершившееся съ Русскимъ княземъ въ Сурожѣ, и крещеніе его сильно отзываются извѣстною легендой о крещеніи Владиміра, только не въ Сурожѣ, а въ Корсунѣ. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ исцѣленіемъ царицы Анны, о которомъ упоминаетъ то же житіе св. Стефана.

Дѣятельность отважнаго и предпріимчиваго Игоря, по видимому, составила важную эпоху въ отношеніяхъ Черныхъ Болгаръ къ Русскимъ князьямъ. Мы имѣемъ поводы догадываться, что именно ему принадлежитъ окончательное утвержденіе русскаго господства на берегахъ Воспора Киммерійскаго и болѣе рѣшительное подчиненіе Черныхъ Болгаръ. Главнымъ поводомъ для этой догадки служитъ сравненіе двухъ извѣстныхъ намъ договоровъ съ Греками, Олега и Игоря. Въ Олеговомъ договорѣ 911 года нѣтъ помину ни о Черныхъ Болгарахъ, ни о Корсунской землѣ; тогда какъ въ Игоревомъ договорѣ 945 года прямо говорится о томъ, чтобы Русскій князь не имѣлъ никакихъ притязаній на города Корсунской области, не воевалъ бы этой страны и не позволялъ воевать ее Чернымъ Болгарамъ. Слѣдовательно, окончательное утвержденіе русскаго владычества въ Тавридѣ и подчиненіе Черныхъ Болгаръ русскому княжескому роду, сидѣвшему въ Кіевѣ, совершилось въ періодъ между 911 и 945 годами; а этотъ періодъ приходится въ княженіе Игорево. Что въ Олеговомъ договорѣ не случайно пропущено условіе о Корсунскомъ пограничьи, подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующій за Игоревымъ договоръ Святослава: въ послѣднемъ опять повторяется условіе не воевать страны Корсунской. Слѣдовательно, со временъ Игоря Византійская имперія на этомъ своемъ пограничьи пришла въ непосредственное столкновеніе съ Руссами. Въ Святославовомъ договорѣ мы не встрѣчаемъ Черныхъ Болгаръ. Это могло произойдти или оттого, что до насъ не дошелъ договоръ вполнѣ, и мы имѣемъ изъ него только небольшую часть, или потому, что Черные

Болгаре къ тому времени уже находились на такой степени слiянiя съ господствующею у нихъ Русью, что особое о нихъ упоминанiе дѣлалось излишнимъ. Приписывая Игорю подчиненiе Таврическихъ Болгаръ, мы однако не должны упускать изъ виду, что это было только дальнѣйшимъ шагомъ русскаго владычества въ восточной части Таврическаго полуострова. Самое естественное для Азовско-Днѣпровской Руси стремленiе было прежде всего завладѣть берегами пролива: черезъ него проходилъ главный ихъ судовой путь въ Черное море и области Византiйской имперiи. Во времена Олега между русскими владѣнiями на Боспорѣ и Корсунскою областью еще лежала земля Черныхъ Болгаръ, хотя и освобожденная съ помощью Руси отъ хазарскаго ига и находящаяся къ ней въ полузависимыхъ отношенiяхъ; русскiя владѣнiя еще не пришли въ тѣсное соприкосновенiе съ греческими владѣнiями, и потому въ Олеговомъ договорѣ нѣтъ условiя объ этихъ пограничныхъ отношенiяхъ. Игорь распространилъ свои владѣнiя далѣе на юго-восточномъ берегу, и прежнiя союзническiя, полузависимыя отношенiя Черныхъ Болгаръ къ русскимъ князьямъ обратилъ силою меча въ отношенiя подчиненныя. Такой поворотъ находился, конечно въ связи съ хазарскими дѣлами: русское владычествво усиливалось по мѣрѣ того, какъ вытѣснялись Хазары. Пока борьба съ Хазарами еще была трудна, смѣтливые Русскiе князья ограничивались союзническими или полусвободными отношенiями Черныхъ Болгаръ; а когда удалось сломить хазарское могущество, они стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Но борьба съ Хазарами за обладанiе восточнымъ Крымомъ и Таманью еще далеко не кончилась, и Русскiе князья иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Греками. Это предположенiе мы выводимъ изъ того мѣста Игорева договора, гдѣ Византiя, въ замѣнъ обязательства Руси не воевать Корсунской области, обѣщаетъ давать Русскому князю военную помощь, сколько ему потребуется. Противъ кого могла быть направлена эта помощь? Естественнѣе всего предположить, что противъ сосѣднихъ крымскихъ и кавказскихъ Черкесовъ-Хазаръ.

Мы позволяемъ себѣ привести въ тѣсную связь съ дѣятельностiю Игоря на Таврическомъ полуостровѣ одинъ изъ греческихъ отрывковъ, изданныхъ Газомъ (Leo Diaconus. Ed. Bon. 496—505. Nota ad p. 175). Въ этомъ отрывкѣ какой-то греческiй военачальникъ доноситъ о войнѣ съ варварами. Судя по

тому, что онъ упоминаетъ о Климатахъ, дѣйствіе превосходи въ Тавридѣ, ибо Климатами называлась Греческая область и южной части Крыма по сосѣдству съ Корсунемъ. Начальн варваровъ онъ называетъ „княземъ страны, лежащей къ с веру отъ Дуная“. Эти варвары отличались прежде справед востію, такъ что къ нимъ „добровольно“ присоединились м гіе города и цѣлые народы; но теперь они принялись безж лости грабить и опустошать землю даже своихъ близкихъ с юзниковъ и подчиненныхъ, чтобы поработить ихъ совершен Они разорили болѣе десяти городовъ и не менѣе 500 сел Это опустошеніе приближалось наконецъ къ предѣламъ гре скимъ. Тщетно греческій начальникъ посылалъ съ предлож ніемъ о мирѣ; непріятели ворвались въ его область, то вош въ Климаты, съ великою конницей и пѣхотой, и осадили нап то крѣпость, но послѣ неудачныхъ приступовъ отступил нако война продолжалась. Авторъ донесенія послалъ зна совѣщаніе тѣхъ сосѣднихъ жителей, которые были его согр нами (eos autem, qui ditionis nostrae erant). Когда они собр лись, то онъ устроилъ совѣтъ изъ ихъ старшинъ и дер къ нимъ рѣчь о мѣрахъ, какія надобно было принять въ по добныхъ обстоятельствахъ. Но тѣ, „не имѣя понятія о дѣйстві императорскаго благоволенія, или чуждаясь греческихъ обыча евъ и любя независимость, или по сосѣдству и сходству сво ихъ нравовъ съ княземъ варваровъ, обладающимъ большою во енною силою, рѣшили заключить съ нимъ союзъ“,—къ чему склоняли и греческаго начальника. Тогда послѣдній отправил ся въ станъ непріятельскій. Князь варваровъ принялъ его очень ласково, возвратилъ ему Климаты, даже присоединилъ къ тому еще цѣлую область и опредѣлилъ въ его пользу какіе-то доходы съ собственной земли.

Подъ именемъ князя варваровъ, владѣвшаго землею къ сѣве ру отъ Дуная, конечно, скрывается князь Кіевской Руси, ибо никакой другой владѣтель подобной земли не могъ въ то же время имѣть области въ Крыму и вести тамъ войну съ Грека ми. Но изслѣдователи терялись въ догадкахъ о томъ, кого изъ извѣстныхъ Кіевскихъ князей здѣсь можно разумѣть. Одни предполагали Владиміра и его походъ на Корсунь. Но это пред положеніе не вѣроятно. Таврическій анонимъ говоритъ о напа деніи только на Климаты и неудачной осадѣ какой-то изъ второстепенныхъ греческихъ крѣпостей въ Крыму, послѣ чего

былъ заключенъ миръ; тогда какъ походъ Владиміра окончился взятіемъ Корсуня и крещеніемъ князя, а на эти событія тутъ нѣтъ никакого намека. Другіе думали видѣть здѣсь Святослава, и это предположеніе имѣетъ за себя уже болѣе вѣроятности. Русскіе и византійскіе источники довольно тѣсно связываютъ дѣятельность Святослава съ берегами Киммерійскаго Боспора, то есть съ Крымомъ и Таманью. По нашей лѣтописи, онъ воевалъ съ Ясами и Касогами, слѣдовательно, въ той же сторонѣ; а договоръ съ Цимисхіемъ обязываетъ его не нападать на Корсунскую область. Левъ Діаконъ расказываетъ, что императоръ Никифоръ Фока, приглашая Святослава напасть на Дунайскихъ Болгаръ, отправилъ къ нему патриція Калокира, котораго Кедренъ называетъ сыномъ херсонскаго начальника, и мы можемъ догадываться, что самые эти переговоры происходили вѣроятно, въ Крыму, то есть, въ русскихъ владѣніяхъ, сосѣднихъ съ Корсунью. Левъ Діаконъ называетъ Киммерійскій Боспоръ отечествомъ Тавроскиѳовъ или Святославовыхъ Руссовъ, говоря, что греческія суда на Дунаѣ отрѣзали имъ бѣгство въ ту сторону.

Оставляя за Святославомъ нѣкоторую вѣроятность по отношенію къ помянутому отрывку, мы однако думаемъ, что еще съ большею вѣроятностію можно отнести расказанное въ немъ событіе къ дѣятельности Святославова отца Игоря. Вопервыхъ, отрывокъ повѣствуетъ о порабощеніи княземъ варваровъ союзнаго и родственнаго племени; это племя было, конечно, никто иное какъ Черные Болгаре, занимавшіе восточныя прибрежья Крыма; о подчиненіи же ихъ Кіевскому князю впервые упоминается въ Игоревомъ договорѣ. Вовторыхъ, тотъ же договоръ упоминаетъ и о Корсунской области; слѣдовательно, владѣнія Кіевскаго князя при Игорѣ вошли въ непосредственное съ нею соприкосновеніе, вмѣстѣ съ окончательнымъ подчиненіемъ Черныхъ Болгаръ. Втретьихъ, въ договорѣ Греки обѣщаютъ военную помощь Русскому князю, и мы уже говорили, что это, безъ сомнѣнія, была помощь противъ общаго врага, то-есть, сосѣднихъ Хазаръ. Подтвержденіе нашему предположенію можно найдти и въ извѣстіи Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что въ случаѣ нужды, противъ Хазаръ можно вооружить или Аланъ, или Черныхъ Болгаръ. Недаромъ же варварскій князь, если вѣрить отрывку, легко помирился съ греческимъ начальникомъ и даже щедро награ-

дилъ его; можетъ быть, хазарскія отношенія имѣли тутъ нѣкоторую долю вліянія. Вчетвертыхъ, Левъ Діаконъ подтверждаетъ связь Игоревой дѣятельности съ восточною частью Тавриды: онъ сообщаетъ, что послѣ пораженія у береговъ Малой Азіи, Игорь съ остатками своего флота бѣжалъ къ Киммерійскій Боспоръ. Наконецъ, впятыхъ, Игорь является первый Кіевскимъ княземъ, котораго по имени знаютъ византійскіе западные писатели, и конечно, потому, что это былъ князь предпріимчивый, властолюбивый и жадный къ добычѣ; онъ предпринималъ дальніе походы и заставлялъ много говорить о себѣ и своихъ Руссахъ. Жестокость и жадность, выказанныя имъ особенно по отношенію къ Древлянамъ и причинившія ему погибель, весьма походятъ на черты, которыми анонимный отрывокъ, не безъ примѣси реторики, описываетъ его образъ дѣйствія по отношенію и къ его Таврическимъ данникамъ, то-есть, къ Чернымъ Болгарамъ. Но главное историческое значеніе его дѣятельности, конечно, было болѣе важно, нежели разоренія и вымогательства; судя по всѣмъ даннымъ, этотъ энергичный князь сильно подвинулъ впередъ объединеніе Восточно-Славянскихъ племенъ подъ властью великаго князя Кіевскаго. Онъ-то и совершилъ, вѣроятно, полное подчиненіе Черныхъ Болгаръ, такъ что слѣдующій за нимъ договоръ Святослава съ Греками (или дошедшій до насъ отрывокъ этого договора) уже не упоминаетъ о Черныхъ Болгарахъ, а говоритъ прямо о сопредѣльности русскихъ владѣній съ Корсунскою областью.

Но кто были туземцы даннаго отрывка, нѣсколько зависимые отъ Грековъ, а въ тоже время сосѣдніе съ княземъ варваровъ и подобные ему нравами? Очевидно, это была та часть Черныхъ Болгаръ, которая обитала около греческихъ Климатовъ и находилась подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Грековъ, хотя и не успѣла еще проникнуться большимъ сочувствіемъ къ ихъ обычаямъ, а сохраняла обычаи сходные съ другою частью того же племени, то-есть, съ Руссо-Болгарскимъ элементомъ въ Тавридѣ. Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ въ этихъ туземцахъ тотъ Фульскій языкъ, который во время Константина и Меѳодія хотя исповѣдывалъ уже христіанскую религію, однако еще поклонялся своему священному дубу и соблюдалъ прежніе языческіе обряды. По всей вѣроятности, и лѣтъ 70 спустя, то-есть, во время Игоря, этотъ на-

родъ еще не далеко ушелъ въ усвоенія христіанскихъ нравовъ и все еще по своимъ понятіямъ и образу жизни былъ ближе къ своимъ соплеменникамъ (также отчасти принявшимъ крещеніе), нежели къ Грекамъ или къ сосѣднимъ Готамъ; послѣдніе уже во время Юстиніана I отличались преданностію христіанству и были союзниками Грековъ противъ Утургуровъ-Болгаръ. Малая симпатія къ греческому господству и особенно племенное родство съ Русью, конечно, увлекли Фульскихъ туземцевъ на сторону Русскаго князя въ войнѣ съ Греками *. Послѣдніе, какъ извѣстно, старались привлекать на свою сторону сосѣднихъ варваровъ, обращая ихъ въ христіанство или склоняя ихъ подарками. Очень можетъ быть, что греческія интриги между Таврическими Болгарами не остались безъ вліянія на какія либо ихъ попытки къ отпаденію отъ Русскихъ князей, что, въ свою очередь, могло послужить поводомъ къ жестокому наказанію и окончательному подчиненію этихъ Болгаръ, а также и къ войнѣ съ самими Греками. Во всякомъ случаѣ склонная къ интригамъ византійская политика, умѣвшая сѣять раздоры между сосѣдями, очень хорошо всѣмъ извѣстна. То, что авторъ отрывка говоритъ о награжденіи его областью и о доходахъ, назначенныхъ въ его пользу изъ собственныхъ земель непріятельскаго князя, отзывается неточностью донесенія, то-есть, нѣкоторымъ хвастовствомъ. Конечно, тутъ надобно разумѣть возвращеніе какого-либо клочка земли, занятаго варварами во время войны, и обѣщаніе помогать хлѣбомъ и скотомъ, въ которыхъ Греки нуждались, и которые у варваровъ были въ изобиліи. Указаніе отрывка на доходы непріятельскаго вождя съ собственныхъ земель, конечно лежавшихъ по сосѣдству, свидѣтельствуетъ, что Русскій князь не впервые только пришелъ и покорилъ сосѣднюю страну, но что дѣло идетъ именно объ усмиреніи и окончательномъ подчиненіи Черныхъ Болгаръ. А иначе было бы непонятно, о какихъ доходахъ идетъ рѣчь. Конечно, эти доходы, то-есть,

---

* Съ христіанскимъ элементомъ у Таврическихъ Болгаръ можно привести въ связь и христіанскій элементъ Игоревой дружины, о которомъ упоминается въ договорѣ. Этотъ энергичный и даже жестокій князь, очевидно, отличался терпимостью въ отношеніи къ христіанамъ; слѣдовательно, религія не мѣшала Фульскому народцу вступить съ нимъ въ союзъ.

дани съ туземнаго населенія Кіевскому князю, уже существовали; впрочемъ, теперь они могли быть увеличены *.

Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, появленіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго восходитъ собственно къ первой половинѣ IX вѣка; но окончательное утвержденіе здѣсь Кіевскихъ князей и распространеніе ихъ господства на всю восточную часть Таврическаго полуострова совершилось не ранѣе эпохи Игоря, то есть, приблизительно во второй четверти X вѣка. Въ это-то время, какъ надобно полагать, образовалось здѣсь то русское владѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось из-

---

* Недавно появилось разсужденіе А. А. Куника «О запискѣ Готскаго топарха» (въ XXIV томѣ *Зап. Акад. Наукъ*); такъ онъ называетъ анонимный отрывокъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь. Въ этомъ разсужденіи достоуважаемый ученый представляетъ нѣсколько очень дѣльныхъ соображеній, но еще болѣе такихъ, съ которыми нѣтъ никакой возможности согласиться. При всей ученой обстановкѣ, то-есть, при богатствѣ ссылокъ на источники, разсужденіе страдаетъ выводами, лишенными основаній. Такъ, г. Куникъ, два разные отрывка, изданные Газомъ, приписываетъ одному лицу и считаетъ ихъ автографами самого Готскаго топарха, хотя на это нѣтъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ. А главное, чтобы рѣшить вопросъ о народностяхъ, подразумѣваемыхъ въ отрывкѣ, надо было прежде произвести точное изслѣдованіе о томъ, какіе народы въ то время обитали въ Крыму, и каковы были ихъ взаимныя отношенія. Такъ, г. Куникъ варваровъ, напавшихъ на Климаты, считаетъ Хазарами, въ особенности потому, что они являются тутъ могущественнымъ народомъ, хотя въ X вѣкѣ Хазары были уже стѣснены въ Крыму Печенѣгами и Русью. Между прочимъ онъ считаетъ Аланъ въ числѣ *народцевъ, сопредѣльныхъ съ Корсунемъ*, а Черныхъ или Кубанскихъ Болгаръ помѣщаетъ только на Кубани, хотя о положеніи Аланъ на сѣверъ отъ Кавказа, а не въ Крыму, ясно говоритъ Константинъ Багрянородный, а на сосѣдство Черныхъ Болгаръ съ Корсунскою областью, то-есть, на жительство ихъ въ восточной части Крыма, указываетъ договоръ Игоря. Климаты, о которыхъ говорится въ отрывкѣ, дѣйствительно могутъ быть Готскими; но отсюда еще не слѣдуетъ считать Готами и тѣхъ союзныхъ Грекамъ жителей, которые передались на сторону князя варваровъ, властвующаго къ сѣверу отъ Дуная. Г. Куникъ идетъ далѣе, и, связывая два разные отрывка, вмѣсто поѣздки въ станъ непріятельскаго князя заставляетъ греческаго военачальника путешествовать въ Кіевъ, единственно на томъ основаніи, что этотъ князь властвовалъ къ сѣверу отъ Дуная. Но владѣя Кіевскою землей, Русскіе князья въ X вѣкѣ господствовали и въ восточной части Крыма, на что̀ ясно указываютъ договоры Игоря и Святослава.

вѣстно подъ именемъ Тмутраканскаго княжества. Русское названіе Тмутракань (позднѣе сокращенное въ Тамань), конечно, есть только видоизмѣненіе греческаго имени *Таматарха*. А послѣднее, въ свою очередь, произошло отъ слитнаго названія *Таматарха* или *Метраха* съ членомъ τα. Въ церковномъ уставѣ Льва Философа—слѣдовательно, IX вѣка—въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, на 39-мъ мѣстѣ упоминается τα Μέτραχα. Константинъ Багрянородный, у котораго впервые встрѣчается слитное названіе Ταματάρχα, рядомъ съ нимъ употребляетъ и названіе простое, то есть, Ματάρχα. Затѣмъ въ источникахъ находимъ слѣдующіе варіанты этого названія: въ средневѣковыхъ еврейскихъ надписяхъ—*Матерка*, у Нубійскаго географа—*Метреха*, у Арабовъ и у Генуэзцевъ XII вѣка—*Матерха*, у Рубруквиса—*Матрига* и *Матерха*, на италіанскихъ картахъ XIV и XV вѣковъ—*Матрека* и *Матрага*, и пр.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ Ѳанагоріи древнихъ писателей и Ѳанагуріи Прокопія и Ѳеофана встрѣчается у Константина Багрянороднаго Таматахра или Матарха. Но въ періодъ времени между Ѳеофаномъ и Константиномъ въ странахъ Азовско-Черноморскихъ совершились довольно важныя перемѣны. Хазарское могущество было сломлено возстаніями нѣкоторыхъ покоренныхъ племенъ, а также усиліями двухъ сосѣднихъ народовъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ. Послѣдніе своими судовыми походами въ Азовское и Каспійское моря нанесли сильные удары Хазарскому государству и уничтожили его господство на берегахъ Киммерійскаго Боспора, гдѣ и основали свою собственную колонію. Печенѣги долгое время тѣснили Хазаръ съ сѣвера и опустошали ихъ области; наконецъ, стѣсненные, въ свою очередь, союзомъ Хазаръ и Узовъ, они устремились на западную сторону Дона, и нахлынули на черноморскія степи, занятыя дотолѣ племенами Угровъ и отчасти Кабаровъ. Угро-Кабары не выдержали этого нашествія и двинулись далѣе на западъ въ Дунайскія равнины. Нѣкоторая часть Печенѣговъ осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ за Дономъ и Волгой, въ сосѣдствѣ съ Команами; но большая часть ихъ ордъ заняла огромное пространство отъ нижняго Дуная до нижняго Дона. Византійское правительство съ помощью золота и ловкой политики не замедлило воспользоваться этими варварами, чтобы сдерживать своихъ сосѣдей какъ на Балканскомъ

полуостровѣ, такъ и въ Черноморскихъ владѣніяхъ, то есть, Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Впрочемъ Печенѣги служили орудіемъ обоюду-острымъ, то есть, за плату и добычу давали вспомогательныя дружины и тѣмъ, которые воевали съ Греками, напримѣръ, Русскимъ князьямъ. Этотъ варварскій народъ, въ свою очередь, внесъ еще большее разорение и запустѣніе въ Черноморскія области и расширилъ тамъ господство степной природы. Онъ также началъ затруднять Днѣпровской Руси ея связи съ берегами Азовскаго и Чернаго морей. Но онъ далеко не отрѣзалъ Русь отъ этихъ береговъ, какъ отрѣзали впослѣдствіи болѣе многочисленные и еще болѣе дикіе варвары, то есть, Половцы и Татары.

Печенѣги, между прочимъ, выгнали Угровъ и Хазаръ также изъ сѣверной, степной части Крыма, и такимъ образомъ очутились на этомъ полуостровѣ сосѣдями греческихъ областей, то есть, Херсона и Климатовъ. По словамъ Константина Багрянороднаго, они даже оказывали услуги Херсонитамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью, Хазаріей и Зихіей, а именно, за условную плату перевозили въ Херсонесъ и обратно разные товары, какъ-то: рыбу, воскъ, хлѣбные запасы, сукна, разныя украшенія одежды, пряности, дорогіе мѣха и пр. Сами они доставляли Грекамъ быковъ, овецъ, кожи и прочія сырыя произведенія своего скотоводства.

X.

Географическія извѣстія Константина Багрянороднаго о Болгаро-Тмутараканскомъ краѣ.—Девять Хазарскихъ округовъ.—Русское Тмутараканское княжество и его судьбы.

Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ нѣкоторыя любопытныя географическія подробности о Болгаро-Тмутараканской области, а также и вообще о сѣверномъ Черноморьѣ.

Вотъ что̀ говоритъ онъ въ 42-й главѣ своего сочиненія „Объ управленіи Имперіей“.

„Пацинакія ограничиваетъ всю Русь и Боспоръ до самаго Херсона, а также до Серета и Прута. Морской берегъ отъ Ду-

лая до Днѣпра (Днѣстра?) заключаетъ 120 миль (μίλιον—тысяча шаговъ, слѣдовательно, около нашей версты). Днѣстръ отъ Днѣпра отстоитъ на 80 миль, и этотъ берегъ называется Золотымъ". „Отъ Днѣпра до Херсона 300 миль; по серединѣ встрѣчаются гавань и озера, въ которыхъ Херсониты добываютъ соль. Между Херсономъ и Боспоромъ разстояніе въ 300 миль; тутъ лежатъ города Климатовъ. За Боспоромъ находится устье Меотійскаго озера, которое по его величинѣ всѣ называютъ моремъ; въ него впадаютъ многія и великія рѣки. Такъ, на сѣверѣ онъ имѣетъ Днѣпръ рѣку, изъ которой Руссы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Заливъ Меотиды достигаетъ до Некропилъ, отстоящихъ отъ Днѣпра на четыре мили, и соединяется съ ними тамъ, гдѣ древніе переплывали море каналомъ поперекъ Херсона, Климатовъ и Боспора на разстояніи тысячи или болѣе миль. Но съ теченіемъ времени путь этотъ засыпался и обратился въ густой лѣсъ, и теперь существуютъ двѣ дороги, по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты. Съ восточной стороны Меотійское озеро принимаетъ въ себя многія рѣки, каковы Танаисъ, который идетъ отъ Саркела, и Харакуль, въ которомъ ловится рыба *берзетикъ* (βερζήτικον), кромѣ того—рѣки Балъ, Бурликъ, Хадырь и многія другія. Устье Меотиды, изливающееся въ Понтъ, также называется Бурликъ; здѣсь есть городъ Боспоръ, а напротивъ его лежитъ городъ, называющійся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой, низменный островъ, называемый Атехъ. Отъ Таматархи на разстояніи 15 или 20 миль есть рѣка, именуемая Укрухъ, которая отдѣляетъ Зихію отъ (области) Таматархи. Зихія простирается на разстояніи 300 миль отъ Укруха до рѣки Никописъ, на которой находится городъ того же имени. Выше Зихіи лежитъ страна Папагія, выше Папагіи Казахія, надъ Казахіей Кавказскія горы, позади Кавказа Аланія. Морской берегъ Зихіи имѣетъ острова, одинъ большой и три малыхъ, между которыми есть и другіе острова, населенные и воздѣланные Зихами, то есть, Турганерхъ и Чарбагани; кромѣ того, еще островъ при устьѣ рѣки, и еще около Птелеевъ; на послѣдній спасаются Зихи во время нападенія Аланъ. Отъ Зихіи, то есть отъ рѣки Никописа, до города Сотеріополя по морскому прибрежью лежитъ Авазгія на протяженіи 300 миль".

Излишне было бы ожидать отъ подобныхъ извѣстій полной ясности и точности. Очевидно, сѣверные берега Чернаго моря и особенно страны, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря, были извѣстны любознательному императору въ общихъ чертахъ, и только мѣстами онъ могъ сообщить нѣкоторыя вѣрныя подробности. Наиболѣе темныя и запутанныя свѣдѣнія относятся къ какому-то древнему каналу, который шелъ поперекъ Херсона, областей и Боспора и потомъ обратился въ густой лѣсъ съ двумя сухопутными дорогами. Мы предложимъ слѣдующій вопросъ: въ этомъ мѣстѣ у Константина не скрывается ли отголосокъ древнѣйшихъ преданій, вспоминающихъ о томъ времени, когда Крымъ былъ островомъ, и когда суда, напримѣръ, изъ Ольвіи, те есть, Днѣпровско-Бугскаго лимана, могли проходить въ Азовское море и слѣдовать до Боспора вдоль сѣверныхъ, а не южныхъ береговъ Крыма? А что касается до двухъ сухопутныхъ дорогъ, ведущихъ въ Крымъ изъ Печенѣжскихъ степей, то здѣсь, можетъ быть, подразумѣваются Перекопскій перешеекъ и Арабатская стрѣлка, которая только узкимъ Геническимъ проливомъ отдѣляется отъ сѣвернаго берега Азовскаго моря. Послѣднимъ путемъ, какъ мы замѣчали, по всей вѣроятности, происходили сухопутныя сообщенія Днѣпровской Руси съ Тмутраканскою областью, и конечно, имъ пользовались въ особенности при движеніи конницы. Далѣе изъ словъ Константина можно понять, что самый Днѣпръ какъ бы соединялся (какимъ-то протокомъ) съ Азовскимъ моремъ, и Русь ходила этою дорогою на судахъ въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Въ этомъ представленіи, повторяемъ, заключается подтвержденіе того, что дѣйствительно между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ существовало водное сообщеніе посредствомъ Самары, Міуса и ихъ притоковъ, при небольшомъ волокѣ. Что касается до рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море съ восточной стороны, то опять повторяемъ, подъ Харакулемъ можно разумѣть сѣверный рукавъ Кубани или такъ-называемую Черную Протоку, а Балъ, Бурликъ и Хадиръ или Хадырь, по всей вѣроятности, суть ничто иное какъ другіе рукава той же рѣки или протоки, наполнявшіе Кубанскую дельту. Не забудемъ, что въ X вѣкѣ Тамань имѣла нѣсколько иной видъ, нежели въ настоящее время: нѣкоторые протоки заволокло пескомъ и землею, другіе вслѣдствіе засыпавшагося устья, обратились во внутренніе лиманы; такимъ образомъ Кубанская дельта полу-

а характеръ полуострова. Но въ X вѣкѣ, по всей вѣроят-
ти, она представляла еще группу островов. Боспорскій или
рченскій проливъ у Константина называется устьемъ Мео-
ды, и дѣйствительно его можно такъ назвать вслѣдствіе те-
ія изъ Азовскаго моря въ Черное. Упомянутый посреди это-
пролива низменный островъ Атахъ, конечно, есть ничто
ю какъ часть южной Таманской косы, въ тѣ времена еще
дставлявшая совершенно отдѣльный островъ. Области, лежав-
по восточному берегу Черваго моря, то есть, Зихія и Аваз-
, обозначены вѣрно; но тѣ, которыя находились далѣе
трь страны, очевидно, въ своемъ взаимномъ отношеніи о-
дѣлены только приблизительно, то есть, Папагія, Казахія и
нія. Аланія будто бы находилась надъ Кавказомъ, а Казахія
ъ Кавказомъ; выходитъ, что между ними лежалъ Кавказъ. Но
ъ заключается явная неточность, и можно понять такъ,
онѣ были раздѣлены какими-либо отрогами Кавказа. Судя
тому, что Алане могли заграждать сообщеніе Каспійско-
жскимъ Хазарамъ съ Кавказскими, то есть, съ Кабардою
Папагіей и Казахіей, а также затруднять сообщеніе съ
ясомъ, надо полагать, что Аланія въ тѣ времена прости-
ась довольно далеко къ сѣверу отъ хребта; а въ послѣд-
ія Команами и Татарами Алане были ограничены тою гор-
о областью, въ которой обитаютъ предполагаемые ихъ по-
ки, то есть нынѣшніе Осетины.

Нельзя также не обратить вниманія на нѣкоторыя названія
къ съ ихъ филологической стороны. Одинъ изъ рукавовъ Ку-
ш, именно самый южный, назывался Укругъ, а другой ру-
ъ и вмѣстѣ самый проливъ именовались Бурликъ—эти сло-
очевидно, славянскія и принадлежали къ названіямъ болга-
русскимъ. Въ Харакулѣ мы узнаемъ Кара-Ингулъ или Чер-
й (Карій) Ингулъ (можетъ быть, то же, что впослѣдствіи
рная Протока): названіе Хадырь (Χαδηρ) представляетъ также
вянскую форму. А слово Балъ и до сихъ поръ въ польскомъ
ыкѣ означаетъ бревно (у насъ въ уменьшительной формѣ
ка); если же греческое β произносить какъ *в*, то получимъ
гое славянское слово, „валъ“, которое могло означать пер-
начально водяной валъ или волну, а потомъ уже и земляную
ыпь *.

Какъ въ X вѣкѣ Киммерійскій Боспоръ по имени рукава Кубани,
мѣстѣ и по характеру своему, назывался у славянскихъ туземцевъ

Въ 53-й главѣ того же сочиненія, въ главѣ, посвященной расказамъ изъ исторіи города Херсона и его борьбы съ Боспорскими царями, Константинъ даетъ еще слѣдующія подробности о Тмутракани и сосѣднихъ съ нею областяхъ:

„За городомъ Таматархою находятся многіе источники, которые послѣ питья производятъ сыпь во рту. Также и въ Зихіи, подлѣ мѣста, называемаго Пагисъ, около Папагіи, существуетъ девять источниковъ, производящихъ сыпь во рту. Но они имѣютъ неодинаковые цвѣта: одинъ красный, другой желтый, третій темный. Въ Зихіи, въ мѣстѣ, называемомъ Папага, по сосѣдству съ округомъ, именуемымъ Сапакси (Σαπαξυ), что значитъ „грязь“, есть источникъ, который также возбуждаетъ сыпь; существуетъ и другой подобный источникъ въ округѣ, называемомъ Хамухъ, по имени своего основателя Хамуха. Это мѣсто отстоитъ отъ моря на одинъ день коннаго переѣзда. Въ области Дерзинесъ, подлѣ двухъ округовъ, изъ которыхъ одинъ называется Сапикій (Σαπικίου), а другой Епископій (Ἐπισκοπίου), есть тоже производящій сыпь источникъ, а также и въ области Чиляпертъ (Τζιλιαπερτ) въ округѣ Срехябараксъ (Σρεχιαβαραξ)“.

Очевидно, Константинъ описываетъ здѣсь вулканическія грязи и источники Таманскаго полуострова и сосѣдняго Кавказа. Не замѣтно однако, чтобъ эти источники были извѣстны въ то время своими лечебными свойствами, такъ какъ Константинъ знаетъ о нихъ только то, что они для питья не годятся, ибо производятъ во рту сыпь. Интересны нѣкоторыя мѣстныя названія, здѣсь приведенныя. Предоставляемъ объясненіе ихъ знатокамъ кавказскихъ языковъ и обратимъ вниманіе только на

Бурликъ (то-есть Бурливый), такъ въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ названіе Балванъ, напоминающее другой рукавъ Кубани, то-есть Балъ. Мы разумѣемъ тутъ извѣстное мѣсто въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутраканскій балванъ». Много было сдѣлано разныхъ догадокъ для объясненія послѣдняго выраженія; но всѣ онѣ принимали слово *балванъ* въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь у насъ употребляется. Мы думаемъ, что ключемъ къ разъясненію этого выраженія можетъ служить польское bałwan, доселѣ употребляемое въ смыслѣ волны. Отсюда приходимъ къ тому заключенію, что Тмутраканскій балванъ Слова о Полку Игоревѣ просто означаетъ «Тмутраканскій проливъ», а въ переносномъ значеніи «Тмутраканскій край». (См. наши соображенія о томъ въ изданіи Москов. Археол. Общества *Древности* 1874 г.).

ово *Сапакси*. (Слѣдующее затѣмъ названіе *Сапикіу*, можетъ быть, происходитъ отъ одного съ нимъ корня). Предложимъ вопросъ: не есть ли это слово въ нѣсколько искаженной передачѣ славянское *сопки*, то-есть, именно вулканы, извергающіе изъ себя грязные потоки? Далѣе: девять разноцвѣтныхъ источниковъ гдѣ-то за Таманскимъ полуостровомъ на западномъ концѣ Кавказа—это число не находится ли въ какой либо-связи съ названіемъ „Девяти Хазарскихъ климатовъ" (τα εννέα κλήματα τῆς Χαζαρίας), о которыхъ Константинъ упоминаетъ въ 10-й главѣ того же сочиненія?

Хазарскіе климаты или округи надобно различать отъ климатовъ Греческихъ, которые лежали въ юго-восточномъ углу Таврическаго полуострова, по сосѣдству съ Херсонскою областью. Мы говоримъ: надобно ихъ различать, потому что у Константина иногда упоминаніе о нихъ довольно сбивчиво. Напримѣръ, въ 11-й главѣ онъ говоритъ, что Алане могутъ преграждать Хазарамъ путь „въ Саркелъ, Климаты и Херсонъ". Здѣсь подъ климатами въ географическомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы и тѣ, и другіе, если взять въ расчетъ, что тѣ и другіе лежали между Саркеломъ и Херсономъ; но соображаясь съ внутреннимъ смысломъ, надобно здѣсь разумѣть климаты Хазарскіе, о которыхъ Константинъ говоритъ въ предыдущей главѣ. Въ этой послѣдней онъ объясняетъ, что девять Хазарскихъ округовъ лежатъ по сосѣдству съ Аланіей, и, если Алане подвергали ихъ опустошеніямъ, то наносили тѣмъ большой вредъ Хазарамъ, такъ какъ изъ этихъ девяти округовъ Хазары получали все нужное для жизни. Очевидно, область этихъ округовъ лежала въ западной части Кавказа около Кубанской дельты, то-есть, тамъ, гдѣ находились упомянутые выше девять источниковъ; по видимому, то была часть Зихіи и Папагіи, подвластная собственнымъ Хазарамъ, то есть, Касогамъ или Черкесамъ—Кабардинцамъ. Эта въ сущности небольшая область была дорога для нихъ, ибо, по словамъ Константина, отсюда они получали все нужное для жизни. Это все нужное, конечно, доставляла имъ торговля съ Греками и Руссо-Болгарами при помощи гаваней Азовскихъ и Черноморскихъ, изъ которыхъ товары шли въ Хазарію при посредствѣ области, прилегавшей къ Кубанской дельтѣ. Кромѣ греческихъ тканей и металлическихъ издѣлій, они получали отсюда хлѣбъ и рыбу. Послѣдняя особенно въ изобиліи ловилась въ Кубанскихъ лиманахъ. Такъ, Θеофанъ

преимущественно указываетъ на *булгарскую* рыбу кспетъ, а Константинъ на берзетикъ (по весьма вѣроятному мнѣнію г. Бруна, это одна и та же рыба; но онъ не могъ узнать, какая порода тутъ подразумѣвается. См. *Зап. Од. Общ.* V. 147).

Берзетикъ ловился именно въ Карагулѣ, то-есть, въ сѣверномъ рукавѣ Кубани. А страна, прилегавшая къ этому рукаву въ тѣ времена, можетъ быть, еще не была отвоевана Руссами отъ Хазаръ, и слѣдовательно, обитавшая здѣсь часть Черныхъ Болгаръ еще платила дань Хазарамъ, и конечно, платила естественными произведеніями. Вотъ почему, въ случаѣ опустошенія Аланами девяти округовъ, Хазарамъ грозилъ голодъ. Это извѣстіе подтверждаетъ нашу мысль, что тутъ надобно разумѣть Хазаръ Кавказскихъ, а не Волжскихъ. У послѣднихъ, по извѣстію Ибнъ-Фодлана, главною пищею служили рисъ и рыба; но рыбою снабжала ихъ Каспійско-Волжская ловля; а рисъ они получали или отъ ближайшихъ покоренныхъ племенъ, или отъ торговцевъ, особенно восточныхъ. Однимъ словомъ, нѣтъ вѣроятности, чтобы Волжскіе Хазары питались хлѣбомъ и рыбою, доставлявшимися съ устьевъ Кубани или съ западнаго Кавказа. По всѣмъ признакамъ, Константинъ не имѣлъ яснаго представленія о положеніи и разныхъ частяхъ Хазарскаго государства: онъ смѣшивалъ Хазаръ Волжскихъ съ Черкесскими или Кавказско-Крымскими. Его извѣстія могутъ быть отнесены по преимуществу къ послѣднимъ, тогда какъ арабскія извѣстія того же вѣка относятся преимущественно къ первымъ.

Итакъ, мы можемъ положительно сказать, что около первой половины X вѣка Алане уже возвратили себѣ независимость отъ хазарскихъ государей и тѣмъ нарушили связь Каспійско-Волжской Хазаріи съ западнымъ Кавказомъ или Кабардою. Но источники не даютъ опредѣленныхъ указаній на то, въ какихъ отношеніяхъ послѣдняя находилась къ Итилю. Мы можемъ только догадываться, что Черкесія или собственная Хазарія во времена Константина еще сохраняла вассальныя отношенія къ Итильскимъ каганамъ. Но безъ сомнѣнія, она также стремилась къ независимости, и возстаніе воинственныхъ Кабаровъ, о которомъ вспоминаетъ Константинъ, вѣроятно, повторилось не одинъ разъ. Во второй половинѣ X вѣка, когда Хазарское государство ослабѣло подъ ударами Аланъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ, которые раззорили Саркелъ, тогда и собственные Хазары, то-есть, Крымскіе и Кавказскіе Черкесы, по видимо-

у, возвратили себѣ самостоятельность и отдѣлились отъ Тур-
о-Хазаръ Каспійскихъ. Указаніемъ на это обстоятельство мо-
тъ служить войны Руси и Грековъ въ первой половинѣ XI
ка съ Черкесскими князьями Георгіемъ Чуломъ и Редедею *.
Теперь въ короткихъ словахъ доскажемъ дальнѣйшую судьбу
утраканской Руси.

Кіево-русскіе князья, чтобъ упрочить за собою обладаніе
утраканскимъ краемъ, не разъ должны были возобновлять
рьбу съ Хазарами-Кабардинцами, а иногда и съ ихъ сосѣдя-
 Аланами. Такъ, Святославъ, по словамъ нашей лѣтописи,
евалъ съ Касогами и съ Ясами. Затѣмъ мы имѣемъ извѣстіе
зантійскаго писателя Кедрена о предпріятіи Грековъ противъ
азаръ при императорѣ Василіѣ II. Въ 1016 году онъ послалъ
 Хазарію флотъ подъ начальствомъ Монга; послѣдній, „вспо-
ществуемый Сфенгомъ, братомъ Владиміра, того самаго, ко-
рый женился на сестрѣ императора Василія, покорилъ эту
рану, взявъ въ плѣнъ въ первой же битвѣ князя ея Георгія
ула". Извѣстіе это, по всѣмъ признакамъ, не совсѣмъ точно;
 крайней мѣрѣ оно не совсѣмъ согласно съ русскою лѣто-
сью, которая незнаетъ у Владиміра никакого брата съ име-
немъ Сфенга. Далѣе, не ясно о какой Хазаріи здѣсь гово-
рится, во всякомъ случаѣ не о Волжской, куда греческія
войска не проникали; притомъ имя князя Георгія показы-
ваетъ, что онъ былъ христіаниномъ, а Итильскіе каганы ис-
повѣдуютъ іудейскую вѣру. Здѣсь, по всей вѣроятности,
рѣчь идетъ о какомъ-либо Хазарско-кабардинскомъ владѣ-
ніи, которое уцѣлѣло до начала XI вѣка въ Тавридѣ, по со-
сѣдству съ Корсунскою областью (можетъ быть, тамъ, гдѣ ле-
жатъ развалины Мангуна у Черкесъ-Кермена). Русскіе помога-

---

* Мы уже упоминали, что часть Кабаровъ или Аваровъ ушла къ Уграмъ и соединилась съ ними, и что хусарская конница, по всей вѣроятности, получила свое начало отъ этихъ Черкесовъ-Хазаръ. Точно также и уланская конница ведетъ свое происхожденіе отъ кавказскихъ Алановъ. У Татаръ подъ названіемъ уланъ разумѣлось сословіе благородныхъ, что свидѣтельствуетъ объ ихъ уваженіи къ воинственнымъ Аланамъ. Отличительнымъ оружіемъ гусаръ, какъ извѣстно, служитъ кривая сабля, а уланъ—копье; вѣроятно, это вооруженіе отличало и самыя племена Касоговъ и Ясовъ. О кривой хазарской или гусарской саблѣ упоминаетъ и наша лѣтопись, противополагая ее русскому обоюдуострому мечу.

ли тогда Грекамъ и въ этой сторонѣ конечно, также, какъ помогали имъ въ борьбѣ съ Болгарами Дунайскими (вслѣдствіе родственнаго союза съ Греческими императорами).

Вскорѣ потомъ, именно подъ 1022 годомъ, наша лѣтопись помѣщаетъ извѣстіе о войнѣ съ Касогами Владимірова сына Мстислава, которому отецъ назначилъ въ удѣлъ Тмутракань. Эти Хазары-Касоги были сосѣдями Тмутраканской Руси съ восточной стороны, и конечно, между ними происходили споры за границы. Но не видно, чтобы въ эти споры вмѣшивались каганы Итильскіе; слѣдовательно, Касоги-Кабардинцы въ то время были уже самостоятельны и не имѣли политической связи съ Хазарами Каспійско-Волжскими. Мстиславъ, какъ извѣстно, одолѣлъ въ единоборствѣ Касожскаго князя Редедю и закололъ его; послѣ чего, по условію, взялъ его семейство и наложилъ дань на Касоговъ, а по возвращеніи въ городъ Тмутракань, исполняя обѣтъ, построилъ церковь Богородицы. Эта церковь стояла еще во время лѣтописца, то-есть, въ XII вѣкѣ. Какъ сильно было въ ту эпоху Тмутраканское княжество показываетъ успѣхъ Мстислава въ борьбѣ съ старшимъ братомъ Ярославомъ. Съ своею руссо-болгарскою дружиною и хазаро-черкесскою конницей онъ побѣдилъ Ярослава и заставилъ уступить себѣ всю восточную сторону Днѣпра. Мстиславъ перенесъ свою резиденцію въ Черниговъ, гдѣ и умеръ (въ 1036 году); не оставляя послѣ себя дѣтей, онъ всѣ свои земли передалъ брату Ярославу. Послѣдній при раздѣлѣ Руси между своими сыновьями отдалъ Тмутракань второму сыну, Святославу, то-есть, причислилъ ее къ удѣлу Черниговскому. Съ тѣхъ поръ она, за небольшими исключеніями, и оставалась въ родѣ Черниговскихъ Святославичей.

Святославъ отдалъ Тмутракань въ удѣлъ своему сыну Глѣбу. Дѣятельность Глѣба Святославича въ этомъ отдаленномъ концѣ древней Руси засвидѣтельствована дошедшимъ до насъ камнемъ съ слѣдующею надписью: „Въ лѣто 6576 индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева..... сажени“ *. На этой надписи мы впервые встрѣчаемъ болгаро-рус-

* Камень этотъ найденъ былъ въ 1792 г. на островѣ Тамани. Онъ имѣетъ видъ плиты, и надпись высѣчена на боковой ея сторонѣ; хранится въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Число саженъ (ЛИД) подвергается разночтеніямъ: по однимъ это 8054, по другимъ—14000.

ное названіе *Корчево* или *Корчевъ*, откуда явилось сокращенное Керчь. Это названіе замѣнило греческіе „Пантикапея“ и „Боспоръ“, также какъ имя „Тмутракань“ смѣнило древнее „Фанагорія“. По видимому эти два города, лежавшіе другъ противъ друга на берегахъ пролива, ужъ успѣли нѣсколько оправиться отъ раззореній, причиненныхъ имъ во времена гунно-болгарскаго и потомъ турко-хазарскаго завоеванія. Керчь-Пантикапея не достигала уже никогда своего прежняго блеска; однако сохраняла свой торговый характеръ, благодаря выгодному положенію на торномъ пути между Русью и Хазаріей, съ одной стороны, и Византійскою имперіей, съ другой. О торговомъ характерѣ Тмутраканской Руси, какъ мы говорили, особенно свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія. Тмутракань въ это время имѣлъ верхъ надъ Корчевомъ, ибо былъ стольнымъ городомъ княжества.

Отдаленное отъ Кіевской Руси положеніе, смѣшанный, разноплеменный составъ населенія и сосѣдство варварскихъ народовъ, готовыхъ доставлять наемныя дружины всякому предпріимчивому вождю, дѣлали безпокойнымъ и довольно шаткимъ положеніе Тмутраканскихъ князей, когда начались междоусобія въ потомствѣ Ярослава I. Положеніе это сдѣлалось особенно шаткимъ съ того времени, какъ изъ-за Дона, около половины XI вѣка, надвинулись въ южно-русскія степи новыя орды кочевниковъ, дикіе Половцы, которые мало по малу стали отрѣзывать Тмутраканскую землю отъ остальной Руси и затруднять между ними сообщеніе.

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Ростиславъ Владиміровичъ, послѣ смерти отца своего Владиміра Новогородскаго, проживалъ въ Новгородѣ безъ удѣла. Этотъ смѣлый, воинственный князь, вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ посадника Остроміра, ушелъ на югъ, набралъ дружину и изгналъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата Глѣба Святославича. Отецъ послѣдняго, Святославъ, явился было на помощь сыну и возвратилъ ему Тмутраканскій столъ (въ 1064 г.). Но едва отецъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова выгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань, гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Храбрый Ростиславъ сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, то-есть, для Корсунскихъ Грековъ и Кавказскихъ Касоговъ; послѣдніе платили ему дань. Греки тяготи-

лись сосѣдствомъ такого воинственнаго князя и рѣшились извести его. Лѣтопись наша разсказываетъ, что какой-то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его въ то время, когда онъ по обыкновенію пировалъ съ своею дружиною (1066 г.). Преданіе, записанное русскимъ лѣтописцемъ, прибавляетъ, будто катапанъ, успѣвшій бѣжать въ Корсунь, былъ побитъ камнями отъ самихъ Корсунцевъ, когда Ростиславъ умеръ; но послѣднее извѣстіе едва ли вѣроятно, такъ какъ, по словамъ той же лѣтописи, сами Греки подослали его къ Ростиславу. Этотъ князь погребенъ въ томъ же каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Послѣ Ростислава Тмутраканскій удѣлъ снова перешелъ во владѣніе Черниговскихъ Святославичей. Тамъ мы встрѣчаемъ опять Глѣба, потомъ его брата, Романа Святославича. Когда умеръ ихъ отецъ Святославъ Ярославичъ, наступили извѣстныя междоусобія братьевъ его Изяслава и Всеволода съ племянниками Святославичами, которые хотѣли воротить себѣ отцовскую часть, то-есть, Черниговскую землю. Въ 1078 году знаменитый Олегъ Святославичъ убѣжалъ къ брату Роману въ Тмутракань, куда еще прежде явился и двоюродный братъ его Борисъ Вячеславичъ, тоже обдѣленный своими дядьями. Здѣсь эти безпокойные князья вошли въ связи съ варварами, особенно съ Половцами, и съ ихъ помощью начали рядъ своихъ попытокъ противъ дядей. Олегу и Борису не посчастливилось, и послѣдній палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Тогда Романъ, съ новыми толпами Половцевъ пошелъ на помощь Олегу, чтобы добывать Черниговъ. Но варвары измѣнили братьямъ и заключили союзъ съ ихъ дядею Всеволодомъ, конечно, склоненные къ тому золотомъ. Мало того, на обратномъ походѣ варвары убили Романа. Олегъ, по смерти братьевъ сдѣлавшійся наслѣдникомъ Тмутраканскаго стола, былъ схваченъ и отправленъ за море въ Царьградъ (1079 г.). По поводу этихъ событій въ нашей лѣтописи упоминаются Тмутраканскіе Хазары: они подговорили Половцевъ убить Романа, они же схватили Олега и выдали Грекамъ (см. Ипатскую лѣтопись новое изданіе, 143—144). Итакъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что часть населенія въ Тмутраканскомъ княжествѣ, и конечно, часть вліятельная, состояла изъ Хазаръ или Черкесовъ-Кабар-

[illegible]цевъ, которые прежде владѣли этимъ краемъ. Въ данномъ [illegible]учаѣ туземные Хазары, очевидно, дѣйствовали въ согласіи [illegible] великимъ княземъ Всеволодомъ, то-есть, по всей вѣроятно-[illegible], были подкуплены деньгами или обѣщаніемъ какихъ-либо [illegible]готъ. По крайней мѣрѣ послѣ удаленія Олега въ Грецію мы [illegible]димъ въ Тмутракани Всеволодова посадника Ратибора, но не [illegible]долго. Въ слѣдующемъ году здѣсь явились два новые искате-[illegible] удѣловъ, Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ; они [illegible]хватили Ратибора и завладѣли Тмутраканью. Всѣ эти быстрыя [illegible]ремѣны, конечно, дѣлались не безъ участія все того же влі-[illegible]тельнаго элемента въ Тмутракани, то-есть, Хазаръ.

Между тѣмъ наслѣдственный Тмутраканскій князь Олегъ Свя-[illegible]славичъ изъ Константинополя былъ отправленъ далѣе на островъ [illegible]одосъ, гдѣ провелъ два года. Объ этомъ пребываніи его на [illegible]одосѣ упоминаетъ извѣстный паломникъ игуменъ Даніилъ при [illegible]писаніи своего хожденія въ Іерусалимъ. Въ то время на ви-[illegible]зантійскомъ престолѣ царствовалъ Никифоръ Вотаніатъ, кото-[illegible]рый, конечно, былъ въ союзѣ съ врагами Олега; кромѣ того, Греки, вѣроятно, опасались найдти въ немъ такого же безпо-[illegible]койнаго сосѣда, какимъ былъ Ростиславъ Владиміровичъ. Но когда Вотаніатъ былъ низверженъ, и на престолъ вступилъ зна-менитый Алексѣй Комненъ, обстоятельства, очевидно, измѣни-лись въ пользу Олега. Въ 1093 году онъ снова появляется въ Тмутракани, которую, по всей вѣроятности, воротилъ себѣ съ помощью прежнихъ непріятелей, а теперь новыхъ союзниковъ— Грековъ. Володаря и Давида онъ отпустилъ на свободу, но строго наказалъ крамольныхъ Тмутраканскихъ Хазаръ, предавъ смертной казни своихъ главныхъ враговъ *.

Послѣ того, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего не слышно объ Олегѣ. По видимому, онъ въ это время спокойно княжилъ въ Тмутракани. Но въ 1003 году умеръ Всеволодъ. Тогда Олегъ снова выступилъ на сцену: онъ опять явился съ наемными Половцами добывать Черниговъ у Владиміра Мономаха, и на этотъ разъ достигъ своей цѣли. Можетъ быть, къ тому же десятилѣтнему періоду относится одинъ вещественный па-

* Очень можетъ быть, что именно къ этимъ Тмутраканскимъ Хазарамъ и сосѣднимъ Касогамъ, платившимъ дань, относятся извѣстныя слова нашей лѣтописи о томъ, «что володѣютъ Русскіе князья Хазарами и до сего дня».

мятникъ Олегова княженія въ Тмутракани. Мы говоримъ с[illegible] ребряной монетѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ [illegible] на Тамани. На одной сторонѣ ея видно довольно неясное [illegible]вое изображеніе, а на другой надпись: „Господи, помози [illegible] хаилу“. Олегъ Святославичъ въ крещеніи названъ Михаи[illegible] и нѣкоторые изслѣдователи съ большою вѣроятностію при[illegible]сываютъ ему эту монету (см. *Древности*, изданіе Моск. Архе[illegible] Общества, т. III, вып. II.)

Съ переселеніемъ Олега Святославича въ Черниговъ, въ [illegible]тописи нашей прекращаются всѣ упоминанія о Тмутраканс[illegible] краѣ. Можемъ только догадываться, что этотъ край въ XII [illegible]кѣ былъ наконецъ оторванъ отъ Руси Половецкою ордою. [illegible] Чернигово-Сѣверскіе князья не забывали о немъ и дѣлали [illegible]да попытки воротить его въ свое владѣніе. На эти попы[illegible] указываетъ знаменитое Слово о Полку Игоревѣ. Оно прямо [illegible]воритъ, что Игорь Сѣверскій и его братъ Всеволодъ Тру[illegible]скій предприняли походъ на Половцевъ съ цѣлью „поис[illegible] града Тмуторокана“. Вообще это Слово не одинъ разъ [illegible] замѣтнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Тмутракани. Извѣ[illegible] обращеніе поэта къ „Тмутраканскому балвану“. Мы уже и[illegible] случай представить свои соображенія о томъ, что подъ словомъ *балванъ* тутъ не скрывается какой-то воображаемый идолъ, но что это значитъ проливъ, а въ переносномъ смыслѣ здѣсь надобно разумѣть весь Тмутраканскій край. Какого либо половецкаго идола нельзя здѣсь разумѣть и потому, что этотъ край, оторванный отъ Руси, во второй половинѣ XII вѣка снова подпалъ господству Византіи.

Византійская исторіографія XIII, XIV и XV вѣковъ мимоходомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшія судьбы Тмутраканской Руси. Въ первой половинѣ XIII вѣка вмѣстѣ съ сосѣдними Зихами, Абасгами и Готами она была покорена Татарами Чингисхана, по извѣстію Никифора Грегоры (онъ называетъ здѣсь Черноморскихъ и Азовскихъ Руссо-Болгаръ Тавроскиѳами и Бористенитами). Писатель второй половины XIII вѣка Георгій Пахимеръ говоритъ, что Алане, Зихи, Готы и Россы, покоренные Татарами, мало по малу стали усвоивать себѣ ихъ нравы, а вмѣстѣ съ одеждою стали употреблять и ихъ языкъ, будучи принуждены поставлять Татарамъ вспомогательныя войска. Одежда, а отчасти и нравы завоевателей довольно легко переходятъ къ покореннымъ народамъ. Подъ этою перемѣною нравовъ, ко-

…но, надобно разумѣть постепенное огрубѣніе и одичаніе, ко…ому подвергались Тмутраканскіе Болгаро-Руссы подъ игомъ …хъ монголо-татарскихъ ордъ, наводнившихъ юго-востокъ …опы, Кавказъ и Закавказье. Но что касается до языка, то … не такъ скоро утратился изъ народнаго употребленія …мѣнился языкомъ господствующаго народа. О Готахъ мы …емъ, что они долго еще сохраняли свой языкъ. То же …емъ предположить и относительно Азовско-Черноморскихъ …сo-Болгаръ, пока христіанство не было у нихъ вытѣсне… мусульманствомъ. По крайней мѣрѣ во второй половинѣ …II вѣка христіанская церковь еще вполнѣ соблюдалась, су…по извѣстію Кодина о томъ, что архіепископъ Зихіи и *Ме…ахове* былъ возвышенъ въ санъ митрополита.

Въ началѣ XV вѣка Болгаро-Руссы еще разъ упоминаются …поводу войнъ Тамерлана. По извѣстію Дуки, въ его полчи…хъ находились дружины Тавроскиѳовъ, Зиховъ и Авазговъ. Открытіе новыхъ историческихъ источниковъ и особенно …стныя изысканія, можетъ быть, дадутъ впослѣдствіи болѣе …дробныя свѣдѣнія о судьбахъ этой Азовско-Черноморской Руси.

ПОЛЕМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ О РУСИ И БОЛГАРАХЪ.

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВЪ.

Вотъ вопросъ, о которомъ такъ много было писано и гово-
ио что, казалось, онъ вполнѣ исчерпанъ, и трудно сказать
е что-нибудь, чего не было сказано. И тѣмъ не менѣе этотъ
рый вопросъ все-таки остается новымъ. Напрасно Скандинав-
я школа считаетъ его вполнѣ рѣшеннымъ. Чтобы помирить-
съ ея рѣшеніемъ, надобно постоянно заглушать въ себѣ сом-
ія и противорѣчія, возникающія при всякомъ сколько-нибудь
мательномъ отношеніи къ дѣлу. Не вдругъ, не подъ вліяні-
какого-либо увлеченія мы пришли къ отрицанію ея систе-
. Только убѣдившись въ ея полной несостоятельности, рѣ-
лися предложить нѣкоторые результаты изъ своего знаком-
а съ литературой этого вопроса, а также изъ собственныхъ
люденій и размышленій. Выступая противъ Скандинавской
олы, какъ господствующей до сихъ поръ въ нашей исторі-
афіи, мы принуждены иногда прибѣгать къ пріемамъ поле-
ескимъ. Но въ настоящемъ отрывкѣ ограничиваемся собствен-
борьбой съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, а не съ лицами,
есть не съ тою или другою книгой. Представители норман-
й школы оказали столько заслугъ наукѣ Русской исторіи, что,
помимо вопроса о призваніи Варяговъ, они сохранятъ свои
ва на глубокое уваженіе. Точно такъ же отрицать нѣкото-
я сказанія изъ начальныхъ страницъ русскихъ лѣтописей
не значитъ отрицать значеніе самихъ лѣтописей: безъ нихъ
было бы съ нашею исторіей? Въ самомъ данномъ вопросѣ
манская школа чрезвычайно много способствовала его разъ-
ненію, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Не она при-
ала сказаніе о призваніи Варяговъ; она взяла его уже го-
вымъ и употребила всѣ научныя средства для того, чтобы
вести это сказаніе въ историческій фактъ. Если и послѣ того
аются непримиримыя противорѣчія, исходящія отъ фактовъ

несомнѣнныхъ, стало-быть призваніе Варяговъ никоимъ об-
зомъ не можетъ получить догматическаго характера, и надо
обратиться въ другую сторону, чтобы выяснить начало Русс
государства и Русской національности.

I.

Норманисты и ихъ противники.—Невѣроятность призванія.

Приведемъ столь извѣстныя слова русской начальной лѣ-
писи подъ 862 годомъ:

„Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя иже бы во
„нами и судилъ по праву“. Идоша за море къ Варяга
Руси; сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи
ся Свое, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и
Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: „вся земля наша
„и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и
„лодѣти нами“. И изъбрашася три братья съ роды своими,
яша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ в
Новѣградѣ; а другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборь-
стѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новугород
тьи суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, преже бо б
Словѣни.“

Въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной леген-
дѣ не посчастливилось какъ той, которую мы сейчасъ выписали.
Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на
тысячу ладовъ. Цѣлый рядъ почтенныхъ тружениковъ науки
потратилъ много учености и таланту на то, чтобъ объяснить,
обставить эту легенду и утвердить ее на историческихъ осно-
ваніяхъ; напомнимъ уважаемыя имена Байера, Струбе, Милле-
ра, Тунмана, Стриттера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа,
Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись имъ нѣкоторые
противники и съ бо́льшимъ или меньшимъ остроуміемъ возра-
жали на ихъ положеніе; каковы: Ломоносовъ, Татищевъ, Эверсъ,
Нейманъ, Венелинъ, Каченовскій, Морошкинъ, Савельевъ, На-
деждинъ, Максимовичъ и др. Въ области русской исторіо-
графіи поле оставалось доселѣ за системой скандинавома-

новъ; назовемъ труды Карамзина, Полеваго, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говоримъ о трудахъ болѣе дробныхъ, трактующихъ о Норманскомъ періодѣ и о скандинавскомъ вліяніи на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, тамъ скандинавская система царитъ безъ всякой оппозиціи; такъ что, если рѣчь заходитъ о Русскомъ государствѣ, о началѣ Русской національности, то они неизбѣжно связываются съ призваніемъ Варяговъ.

Уже одно то обстоятельство, что въ нашей средѣ никогда не прекращались сомнѣнія въ истинѣ скандинавской теоріи и возраженія противъ нея, указываетъ на ея недостаточную убѣдительность, на присутствіе въ ней натяжекъ и противорѣчій, на ея искусственное построеніе. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ наружу натяжки и противорѣчія норманской системы. Если она удерживала до сихъ поръ господствующее положеніе, то главнымъ образомъ благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своихъ защитниковъ; между тѣмъ какъ противники наносили ей удары въ разсыпную, поражали нѣкоторыя отдѣльныя доказательства; но мало трогали самую существенную ея основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призваніи князей. Противники норманистовъ по большей части вѣрили въ призваніе или вообще въ пришествіе князей; сводили вопросъ къ тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менѣе вѣроятныя чѣмъ Скандинавская.

Въ послѣдніе годы Варяжскій вопросъ снова оживился въ нашей литературѣ, то-есть снова поднялись голоса противъ норманистовъ. Наиболѣе замѣчательный трудъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гедеонову: *Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ*. Эти отрывки представляютъ прекрасный сводъ возраженій на доказательства норманистовъ, возраженій отчасти уже высказанныхъ прежде, отчасти добытыхъ собственными изысканіями г. Гедеонова. Изъ этихъ „отрывковъ“ мы пока не можемъ вполнѣ судить о его конечныхъ выводахъ. Мы видимъ, что онъ считаетъ Русь славянскимъ племенемъ, и пытается, подобно Эверсу, дать видное мѣсто въ нашей исторіи угрохазарскому вліянію. Въ то же время г. Гедеоновъ примыкаетъ къ тѣмъ ученымъ, которые указывали на Славяно-Балтійское поморье; слѣдовательно онъ не отрицаетъ такъ-называемаго

призванія или пришествія варяжскихъ князей. * Еще нѣсколько прежде Гедеонова выступилъ г. Костомаровъ съ теоріей о литовскомъ происхожденіи Руси; но его соображенія, исполненныя впрочемъ большаго остроумія, не нашли послѣдователей. Далѣе, многія дѣльныя возраженія противъ норманистовъ находимъ въ трудахъ, которыя касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанскаго (*О Славянахъ въ Испаніи, Азіи и Африкѣ*), архимандрита Порфирія Успенскаго (*Четыре бесѣды Фотія*), Котляревскаго (*О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ*) и Хвольсона (*Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр.* Ибнъ-Даста).

Обратимся теперь къ самому вопросу о Варягахъ и Руси. Повторимъ вкратцѣ главныя основанія, на которыхъ держалась Скандинавская система:

1. Извѣстіе русской лѣтописи (то-есть вышеприведенное мѣсто).

2. Путь изъ Варягъ въ Греки, описанный въ той же лѣтописи, и связанныя съ нимъ имена Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Константиномъ Багрянороднымъ.

3. Имена князей и дружины, въ особенности по договорамъ Олега и Игоря.

4. Извѣстія византійскихъ писателей о Варягахъ и Руси.

5. Финское названіе Шведовъ Руотсы и названіе шведской Упландіи Рослагеномъ.

6. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о трехъ русскихъ послахъ и извѣстіе Ліутпранда о Руссахъ-Норманахъ.

7. Извѣстія арабскихъ писателей.

8. Скандинавскія саги.

9. Позднѣйшія связи русскихъ князей съ Скандинавами.

Первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ теоріи норманистовъ служитъ извѣстіе русской лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря. Мы сказали выше, что противники ихъ почти не трогали этого основанія. Большею частью они, точно такъ же

* Насколько сильна отрицательная (то-есть антискандинавская) сторона изслѣдованій г. Гедеонова, можно заключить изъ того, что главные представители Скандинавской школы (гг. Погодинъ и Куникъ) отдали ему полную справедливость и отступились отъ нѣкоторыхъ своихъ доказательствъ. Но положительная сторона (именно Хазарскій хаганатъ въ Кіевѣ и пришествіе князей съ Балтійского поморья) конечно не найдутъ себѣ подтвержденія.

какъ и скандинавоманы, принимали призваніе или вообще пришествіе князей за исходный пунктъ Русской исторіи и расходились только въ рѣшеніи вопроса: откуда они пришли и къ какому народу принадлежали? Такъ, Татищевъ и Болтинъ выводили ихъ изъ Финляндіи, Ломоносовъ—изъ славянской Пруссіи, Эверсъ изъ—Хазаріи, Гольманъ—изъ Фрисландіи, Фатеръ—отъ Черноморскихъ Готовъ, Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ, Максимовичъ (и въ послѣднее время Гедеоновъ) — отъ балтійскихъ и полабскихъ Славянъ, Костомаровъ—изъ Литвы. (Есть еще мнѣніе, примыкающее къ Эверсу, о происхожденіи русскихъ князей отъ Угро-Хазаръ; см. Юргевича „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи“. *Зап. Одес. Об.* т. VI). Мы не видимъ чтобы кто-либо между изслѣдователями, занимавшимися Варяжскимъ вопросомъ, обратилъ исключительное вниманіе на фактическую достовѣрность самаго извѣстія о призваніи Варяговъ и вообще объ иноземномъ происхожденіи княжеской династіи. Напротивъ, почти всѣ изслѣдователи идутъ отъ упомянутой лѣтописной легенды, и только различнымъ образомъ толкуютъ ея текстъ; напримѣръ: что́ она разумѣетъ подъ Варягами Русью? На какое море она указываетъ? Въ какомъ смыслѣ понимать слова: „Пояша по себѣ *всю* Русь“ и т. п.? Спорили иногда о правописаніи, о разстановкѣ знаковъ въ лѣтописномъ текстѣ, чтобы заставить его говорить въ пользу своего мнѣнія. А между тѣмъ весь этотъ текстъ, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не въ состояніи выдержать исторической критики, незатемненной предвзятыми идеями и толкованіями. Чѣмъ ближе мы держимся его буквальнаго смысла, тѣмъ болѣе и болѣе путаемся въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись, что мы имѣемъ дѣло съ легендой, а не съ историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу *.

* Только скептическая школа Каченовскаго заподозрила несостоятельность всего этого сказанія, но говорила о томъ мимоходомъ, безъ связи съ другими данными, не развивая ничего до конечныхъ выводовъ и подчасъ просто увлекаясь своими отрицаніями. Тѣмъ не менѣе, школа эта далеко не заслуживаетъ того суроваго приговора, который надъ ней произносили. Нѣкоторыя мысли, высказанныя ею о русской лѣтописи, нашли себѣ оправданіе въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Начнемъ съ того: есть ли малѣйшая вѣроятность, чтобы народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, сговорились разомъ, и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, то-есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и не мыслимы. А что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о князьяхъ только и ихъ дружинѣ, но о цѣломъ народѣ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Сама русская лѣтопись представляетъ тому убѣдительныя доказательства. По ея словамъ, въ 862 году Рюрикъ съ братьями призванъ въ Новгородскую землю. Въ томъ же году Оскольдъ и Диръ уходятъ отъ него на югъ и захватываютъ Кіевъ, а черезъ годъ или черезъ два они уже нападаютъ на Константинополь въ количествѣ 200 лодокъ, на которыхъ помѣщалось приблизительно до 10.000 войска, состоящаго изъ Руси. (Да и это количество еще слишкомъ незначительно въ сравненіи съ такимъ предпріятіемъ, какъ нападеніе на Константинополь). А между тѣмъ Оскольдъ и Диръ могли отвлечь только часть Руси отъ Рюрика, у котораго оставалась главная ея масса. Напомнимъ, что, судя по лѣтописи, онъ господствуетъ отъ Чудскаго озера и Западной Двины до низовьевъ Оки и занимаетъ своими дружинами главные пункты въ этихъ земляхъ (Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Муромъ и конечно нѣкоторые другіе). Далѣе, что сказать о непосредственно слѣдующихъ затѣмъ обширныхъ завоеваніяхъ и походахъ Олега, предпринятыхъ со многими десятками тысячъ? Судя по лѣтописи, онъ совокупилъ войска изо всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Но вѣдь это были народы большею частью только-что покоренные; слѣдовательно, чтобы держать ихъ въ покорности и двигать съ собою ихъ вспомогательныя войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ, такое движеніе возможно только на сушѣ, а не на морѣ. Походъ Олега на Царьградъ, предпринятый въ столь широкихъ размѣрахъ и исполненный съ такою удачей, если бы былъ достовѣренъ, указывалъ бы на опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ, слѣдовательно опять на массу болѣе или менѣе однородную. Едва ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе приведенныхъ въ лѣтописи элементовъ, въ родѣ Мери, Радимичей и т. п. народовъ, жившихъ внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ. Если даже оставить въ сто-

ронѣ походъ Олега, о которомъ Византійцы не упоминаютъ, но остается еще походъ Игоря; о немъ византійскіе историки говорятъ такъ же положительно какъ и о нападеніи Оскольда (не называя впрочемъ послѣдняго по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византійскихъ извѣстій о походѣ Игоря, мы можемъ однако догадываться, что это не былъ простой набѣгъ только изъ-за добычи, какъ обыкновенно у насъ его изображаютъ, нѣтъ, это была цѣлая и довольно продолжительная война. Руссы высадились въ Малой Азіи и воевали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (а въ Малой Азіи были тогда многочисленныя славянскія поселенія не всегда покорныя Византіи); между тѣмъ флотъ ихъ опустошалъ берега Босспора. Византійская имперія только съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ заставила наконецъ Руссовъ удалиться. (Нельзя не отдать нѣкоторой справедливости мнѣнію Венелина, который связываетъ эти предпріятія съ событіями въ Болгаріи и съ отношеніями Болгаріи къ Византіи. Походы Святослава вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе).

А походы Руссовъ на Каспійское море въ 913 и 944 годахъ, упоминаемые Арабами и предпринятые также десятками тысячъ воиновъ? Обратите вниманіе на тѣ мѣста договоровъ Олега и Игоря, гдѣ говорится о свѣтлыхъ русскихъ князьяхъ, состоявшихъ подъ рукой Кіевскаго князя; въ договорѣ Игоря приводятся и многія имена этихъ (удѣльныхъ) князей; каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свою дружину. Обратите вниманіе также на главныя статьи этихъ договоровъ. Развѣ онѣ не указываютъ на существованіе уже значительныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и не однихъ торговыхъ, но и посольскихъ? Договоры ведутся исключительно отъ имени Руси, какъ народа сильнаго, давно осѣдлаго на своихъ мѣстахъ и довольно ясно опредѣлявшаго свои отношенія къ сосѣдямъ. Эта Русь выдѣляетъ изъ себя значительное количество торговыхъ людей, которые предпринимаютъ далекія плаванія и подолгу проживаютъ въ чужихъ странахъ. (О большихъ русскихъ караванахъ, ходившихъ ежегодно въ Черное Море говоритъ и Константинъ Багрянородный). Эти русскіе купцы-воины, торговавшіе въ Константинополѣ, были настолько многочисленны, что, въ видахъ безопасности, ставится условіемъ, чтобъ они не входили въ городъ за разъ болѣе 50 человѣкъ, и притомъ безъ оружія. Въ тѣхъ же договорахъ говорится не объ однихъ торгов-

цахъ и послахъ, но упоминаются и Руссы, состоявшіе наемниками въ войскахъ византійскихъ императоровъ (о русскихъ наемныхъ отрядахъ говорятъ и византійскіе историки). Параллельно съ этими договорами мы можемъ поставить относящіяся къ той же эпохѣ арабскія извѣстія о русскихъ торговыхъ караванахъ на Волгѣ, то-есть въ Хазаріи; въ городѣ Итилѣ, столицѣ Хазарской, встрѣчаемъ цѣлую колонію русскихъ купцовъ; у Хазарскаго царя также есть наемное войско изъ Руссовъ.

Все доказываетъ, что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдѣльною дружиной или какимъ-то родомъ, который пришелъ съ своими князьями, призванными въ Новгородскую землю для водворенія порядка. Нѣтъ, это былъ цѣлый, сильный народъ, отличавшійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ. На его свирѣпость сильно жалуются византійскія извѣстія. Не одиимъ сосѣдямъ доставалось отъ этого народа; господство его не было легкимъ и для подчиненныхъ племенъ; изъ ихъ среды онъ конечно бралъ то огромное количество рабовъ, которыхъ отсылалъ на продажу въ сосѣднія страны. Припомнимъ слова вложенныя въ уста Святослава, о томъ что изъ Руси идутъ въ Грецію шкуры, воскъ, медъ и *челядь*. По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго и Ибнъ Фадлана, у русскихъ купцовъ главнымъ товаромъ также являются невольники и невольницы. Звѣриными шкурами и медомъ платили дань Руси подчиненныя ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующаго народа и не были равнодушны къ своему положенію, показываетъ смерть Игоря и послѣдующая затѣмъ истребительная война съ Древлянами. Человѣческія жертвы, приносимыя кіевскому Перуну, также не свидѣтельствуютъ въ пользу тихихъ, кроткихъ нравовъ, которыми нашъ лѣтописецъ надѣляетъ племя Полянъ (иначе называвшееся Русью). По лѣтописи выходитъ что, какъ сѣверные Славяне добровольно призвали къ себѣ господъ, такъ и южныя племена большею частію покорились имъ легко. „Кому дань даете?“ спрашиваетъ русскій князь. „Хазарамъ!“ отвѣчаютъ Сѣверяне или Радимичи. „Не давайте Хазарамъ, а мнѣ давайте“. И племена будто бы покорно повиновались.

Нѣкоторые писатели, поддерживающіе скандинавское происхожденіе Руси, не настаиваютъ собственно на добровольномъ призваніи, а склоняются къ тому, чтобы предположить завое-

...ie или какую другую комбинацію. Но вопросъ все-таки сводится къ тому же выводу. Такъ какъ изъ самой же лѣтописи вытекаетъ, что это былъ сильный народъ, въ короткое время покорившій столько племенъ и основавшій огромное государство; слѣдовательно онъ долженъ былъ совершить свое движеніе изъ Скандинавіи въ значительныхъ массахъ и произвести нашествіе въ родѣ, напримѣръ, Остготовъ или Лангобардовъ, покорившихъ Италію. Но могло ли подобное движеніе остаться незамѣченнымъ современниками и не найти никакого отголоска ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ, ни въ византійскихъ источникахъ? Слѣдовательно, такого движенія не было. Да оно и не могло быть въ подобныхъ размѣрахъ. Ближайшая къ Россіи скандинавская страна, Швеція, была въ тѣ времена сама еще очень бѣдно населена; германскій элементъ ея былъ еще очень малолюденъ. Наиболѣе сильный норманскій народъ, Датчане, около того времени только-что заявили себя морскими набѣгами; но ихъ стремленіе было обращено на берега Западной Европы; главныя усилія ихъ, какъ извѣстно, обратились на Англію. О Норвежцахъ можно сказать то же что о Шведахъ и Датчанахъ вмѣстѣ, то-есть они были такъ же малочисленны какъ Шведы и такъ же стремились на западъ какъ Датчане. Мы видимъ какъ создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападеніями Норманновъ, какъ постепенно подготовилось окончательное завоеваніе Англіи, и при какихъ обстоятельствахъ положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о томъ, что всѣмъ тремъ упомянутымъ событіямъ уже предшествовало быстрое завоеваніе тѣми же народами всего пространства отъ Финскаго залива до Чернаго Моря, пространства, населеннаго отнюдь не робкими, безсильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнѣніе, пущенное въ ходъ хотя и знаменитымъ писателемъ (Шафарикомъ), но тѣмъ не менѣе ошибочное, мнѣніе о какой-то миролюбивой, пассивной натурѣ Славянъ, одаренной разными благими качествами, за исключеніемъ главныхъ, каковы любовь къ независимости и способность организаціи.

Скандинавскимъ народамъ было не подъ силу въ IX вѣкѣ основаніе такого огромнаго государства, каково Русское. На востокѣ имъ было достаточно дѣла и съ Балтійскими Славянами.

II.

Договоры съ Греками.—Извѣстія Византійцевъ.

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтвержденія своей системы, и нѣкоторые изъ нихъ горячо отстаивали подлинность договоровъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ серіозныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ подлинности; это почти единственные документальные источники, внесенные на первыя страницы нашей лѣтописи. Потому что ихъ содержаніе во многомъ и противорѣчитъ тѣмъ легендарнымъ разсказамъ, которыми они обставлены. При внимательномъ разсмотрѣніи, они могутъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ не истинности, а напротивъ ложности скандинавизма. Если Олегъ былъ Норманнъ, пришедшій въ Россію съ Рюрикомъ, и дружина его состояла изъ Норманновъ, то какъ же, по свидѣтельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Одиномъ и Торомъ? Та же клятва повторяется въ договорѣ Игоря и Святослава. Мы видѣли, что Русь по всѣмъ несомнѣннымъ признакамъ была сильный многочисленный народъ и народъ господствующій. Если-бы это былъ народъ пришедшій изъ Скандинавіи, то какъ могъ онъ такъ быстро измѣнить своей религіи и кто его могъ къ тому принудить? Даже, если принять положеніе, что это былъ не народъ (что́ совершенно невѣроятно), а скандинавская династія съ своею дружиною, которая составила только высшее сословіе, такъ-называемую аристократію въ странѣ Славянъ, и тогда нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы господствующій классъ такъ скоро отказался отъ своей религіи въ пользу религіи подчиненныхъ. Удивительно, какъ эта несообразность не бросилась въ глаза норманистамъ. Впрочемъ и ихъ противники слишкомъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ, что Русь существовала на Днѣпрѣ и на Черномъ морѣ задолго до второй половины IX вѣка, то-есть до эпохи такъ-называемаго призванія князей. Мы уже говорили, что эти договоры указываютъ на довольно развитыя и слѣдовательно давнія торговыя сношенія. Подобныя сношенія, и притомъ сопровождаемыя формальными договорами, не могли завязаться вдругъ, безъ

цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, тѣ же договоры заключаютъ въ себѣ прямые намеки на то, что они были повтореніемъ прежнихъ, такихъ же мирныхъ трактатовъ. Напримѣръ выраженія: „на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшюю любовь"; или: „любовь бывшюю межю Христіаны и Русью", и т. п. (см. договоръ Олеговъ). Въ этомъ отношеніи они имѣютъ непосредственную внутреннюю связь съ извѣстными двумя рѣчами византійскаго митрополита Фотія, произнесенными по поводу нападенія Руси на Константинополь, въ 865 г. Вотъ что̀ говорится во второй бесѣдѣ: „Эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ и благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію". И ниже: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ; но, какъ мы видѣли, Божія милость отвратила ихъ набѣгъ". (См. *Четыре бесѣды Фотія* — архим. Порфир. Успенскаго). Отсюда ясно, что первое нашествіе Руссовъ на Константинополь также не было простымъ разбойничьимъ набѣгомъ: по всей вѣроятности ему предшествовало убіеніе русскихъ торговцевъ въ Греціи и отказъ Грековъ въ удовлетвореніи. Произошло событіе подобное тому, которое мы встрѣчаемъ гораздо позднѣе, при Ярославѣ I, когда за убійство русскихъ купцовъ въ Византіи онъ посылалъ флотъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ. Арабскій писатель Хордадбегъ говоритъ, что Византійскій императоръ и царь Хазаріи взимали десятину съ русскихъ купцовъ. Это свидѣтельство подтверждаетъ существованіе давнихъ торговыхъ сношеній Руси съ при-Понтійскими и при-Каспійскими странами; такъ какъ Хордадбегъ писалъ въ эпоху Рюрика и Оскольда. А по Скандинавской системѣ Русь въ это время только появляется въ Россіи; когда же она успѣла организовать свои торговыя сношенія съ Греками и Хазарами, неужели еще въ то время когда жила въ Скандинавіи?

Упомянутыя двѣ бесѣды Фотія, современныя такъ называемому призванію къ намъ Варяговъ, представляютъ и еще кое-какія черты для уясненія вопроса о Руссахъ. Хотя онъ тутъ иногда впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія съ самимъ собою, но эти противорѣчія легко объясняются реторическими оборотами и не мѣшаютъ понимать ихъ настоящій смыслъ. То онъ выражается о Руссахъ высокопарно, иногда словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ,

чтобы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья. Онъ грозенъ и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. или: „Я веду народъ жестокій и борзый, сильно окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстья его". То онъ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ и старается умалить ихъ значеніе: „О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и набранное изъ рабовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу?.... Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя". И въ другомъ мѣстѣ: „Тѣ, которыхъ усмиряла самая молва о Ромеяхъ, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ". И далѣе: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи, безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши" и пр. Подобныя реторическія черты находились въ связи съ различными оборотами рѣчи. Когда ораторъ рисуетъ вообще яркую картину нашествія „тучи варваровъ", то изображаетъ ихъ грозными и неодолимыми; когда же онъ мечетъ громы противъ грѣховъ, въ которыхъ погрязло столичное населеніе, то для большаго оттѣнка изображаетъ ничтожество непріятелей, которые посланы какъ кара небесная на изнѣженныхъ и праздныхъ жителей. „Чѣмъ неименитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать, тѣмъ большій стыдъ намъ приписывается", поясняетъ самъ Фотій.

Истина конечно заключается въ срединѣ. Нахлынувшіе варвары не были врагами неодолимыми; но въ то же время они были настолько сильны, что отважились напасть на такой огромный и хорошо защищенный городъ, какимъ былъ Константинополь. „Походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить насъ, и мы услышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя

моря". Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что нападеніе столь быстро и ловко сдѣланное произошло именно въ то время, когда императоръ Михаилъ III находился съ главными силами въ походѣ противъ Сарацинъ—обстоятельство, вѣроятно, не безызвѣстное Руссамъ. Быстрота похода доказываетъ только, что Черное море и его берега были имъ хорошо знакомы. Слѣдовательно выраженія: „народъ кочевой", „безъ военнаго искуства", „войско набранное изъ рабовъ" и т. д., это отчасти реторика, а отчасти и греческая точка зрѣнія на подвижныхъ, предпріимчивыхъ Руссовъ, на ихъ изобиліе рабами (челядью) и ихъ ополченіе, не похожее на стройные (сравнительно) греческіе легіоны. Эти бесѣды Фотія ровно ничего не даютъ въ пользу норманской теоріи, и однако норманисты находятъ возможнымъ на нихъ ссылаться. Напримѣръ, будто вышеприведенныя фразы объ отдаленности Руси, о странахъ и моряхъ отдѣляющихъ ее отъ Византіи и т. п. — будто это намекаетъ на Скандинавію. Но, вопервыхъ, не забудемъ реторическій характеръ бесѣдъ; а, вовторыхъ, для обитателя Константинополя въ тѣ времена, не только Кіевъ (не говорю о Новгородѣ), но и сѣверныя прибрежья Чернаго моря должны были представляться мѣстами лежащими гдѣ-то далеко на сѣверѣ, чуть не на краю свѣта. Вспомнимъ, какое продолжительное и трудное плаваніе совершали русскія суда, направлявшіяся въ Константинополь; они огибали вдоль береговъ съ ихъ заливами, устьями рѣкъ, мысами, и т. д.; слѣдовательно они дѣйствительно должны были касаться различныхъ странъ и разныхъ народовъ, находившихся между Днѣпромъ и Константинополемъ. Что Византійцы называли иногда гиперборейскими, то-есть сѣверными, народы обитавшіе въ южной Россіи, тому можно найти и другіе примѣры. (Такъ названы у Льва Діакона Хазары).

Бесѣды Фотія даютъ понять, что Русь не была для Грековъ какимъ-то неизвѣстнымъ дотолѣ народомъ, что столкновенія съ нею были и прежде. Но въ то же время изъ нихъ ясно вытекаетъ, что это было первое грозное нашествіе Руси, нападеніе на самый Константинополь,—нападеніе заставившее Грековъ обратить на Русь болѣе вниманія чѣмъ прежде. Фотій уясняетъ намъ, почему съ этого событія начинаются болѣе прямыя извѣстія у византійскихъ историковъ о Руси подъ ея собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ Скиѳовъ, Сарматовъ и т. п.

Отсюда мы выводимъ непосредственное отношеніе къ нашей лѣтописи. Руководствуясь своими образцами, то-есть византійскими хронографами, она начинаетъ исторію Руси тѣмъ же самымъ событіемъ, то-есть первымъ нашествіемъ ихъ на Константинополь. Но такъ какъ это событіе нисколько не объясняетъ начала Русскаго государства, то ему и предпосылается легенда о призваніи князей. Фотій, современникъ этого мнимаго призванія, не дѣлаетъ о немъ ни малѣйшаго намека; а между тѣмъ, характеризуя непріятельскій народъ, по всей вѣроятности онъ упомянулъ бы и о его предводителяхъ. Но извѣстіе о призваніи является въ русской лѣтописи такою же легендою, какъ и расказъ о погруженіи ризы отъ иконы Влахернской Богородицы и возставшей послѣ того бури, которая разметала суда Руссовъ. Этотъ расказъ является у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Византійцевъ и отъ нихъ буквально перешелъ въ нашу лѣтопись. Бесѣды Фотія возстановляютъ для насъ событіе въ настоящемъ видѣ; причемъ буря дѣйствительно играетъ роль, но только наоборотъ, въ началѣ событія а не въ концѣ. Онъ говоритъ, что варвары приблизились въ бурную, мрачную ночь, но что море потомъ утихло, и они спокойно обступили городъ; а удалились они въ то время, когда риза Богородицы торжественно носилась вокругъ стѣнъ (вѣроятно заслышавъ о приближеніи императорскаго флота и войска).

Патріархъ Фотій кромѣ своихъ бесѣдъ оставилъ намъ и еще свидѣтельство о Руссахъ, именно въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, гдѣ онъ говоритъ объ обращеніи въ христіанство Болгаръ и Руссовъ. Здѣсь нѣсколько менѣе реторики, чѣмъ въ бесѣдахъ, и болѣе прямыхъ, ясныхъ указаній. Приведемъ его слова: „Не только оный народъ (Болгаре) перемѣнилъ древнее нечестіе на вѣру во Христа, но и народъ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію и кровожадностію,—я говорю о Руссахъ,—которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, возымѣвъ о себѣ высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу. Теперь они сами перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя (въ отношеніи насъ) почтительно и дружески, тогда какъ незадолго предъ тѣмъ безпокоили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе“. Изъ приведенныхъ словъ выте-

[...]аетъ, что Фотій достаточно зналъ Руссовъ, что въ то время [...]ни уже господствовали надъ сосѣдними народами, и сочли се[...]бя настолько сильными, чтобы напасть на самый Константино[...]поль, чѣмъ заставили много говорить о себѣ. И ни слова объ [...]ихъ князьяхъ пришедшихъ изъ Скандинавіи! Все это, разу[...]мѣется, нисколько не согласуется съ нашими лѣтописными Оскольдомъ и Диромъ; тамъ это странствующіе рыцари, кото[...]рые только-что завладѣли Кіевомъ и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Оскольдова Русь (то-есть пришлая дружина въ нѣсколько сотъ человѣкъ) успѣла покорить сосѣд[...]ніе народы между прибытіемъ въ Кіевъ и походомъ на Визан[...]тію? (Принявъ хронологію норманистовъ, это выходитъ при[...]близительно въ годъ). И если они уже покорили сосѣдніе на[...]роды, то что̀ же осталось бы на долю Олега? Всѣ эти несооб[...]разности замѣтилъ Шлёцеръ и выпутался изъ нихъ очень про[...]сто: Руссы нападавшіе на Константинополь, по его мнѣнію, *не настоящіе* Руссы, а какой-то неизвѣстный варварскій на[...]родъ, и Византійцы тутъ явно напутали. Но другіе норманис[...]ты не рѣшились отвергать современное свидѣтельство Фотія. Мало того, слова Фотія являются у нихъ подкрѣпленіемъ ихъ же системы. Въ бесѣдахъ онъ выражается, что варвары при[...]шли съ далекаго сѣвера: ясно что это Скандинавія, что̀ же можетъ быть сѣвернѣе Скандинавіи? Въ посланіи онъ гово[...]ритъ что Руссы поработили *окрестные* народы, опять ясно что тутъ дѣло идетъ о Норманнахъ; извѣстно что они въ тѣ времена если еще не покоряли, то уже нападали на Гер[...]манію, Англію, Францію, Испанію и т. д. (это все окрестные народы!)

От патріарха Фотія, современника мнимому прибытію Ру[...]си изъ Скандинавіи, перейдемъ къ Константину Багрянородно[...]му, современнику Игоря *. Онъ былъ свидѣтелемъ Игорева нападенія на Византію, заключалъ съ нимъ договоръ, прини[...]малъ у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описываетъ этотъ пріемъ (въ сочиненіи *О обрядахъ Византійскаго двора*) и не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о варяжскихъ

* Кромѣ Фотія имѣемъ и другое современное свидѣтельство о первомъ появленіи Руси подъ Царьградомъ. Никита Пафлагонянинъ въ своемъ жизнеописаніи патріарха Игнатія упоминаетъ о свирѣпствѣ *скиѳскаго народа Рось* въ окрестностяхъ Царьграда, также безъ всякаго намека на скандинавское происхожденіе.

князьяхъ, основателяхъ Русскаго государства. Рюрикъ, по [illegible] нашей лѣтописи, приходился свекоръ Ольгѣ, и если не [illegible] кто-либо изъ ея свиты могъ сообщить любознательному [illegible] ратору подробности о Рюрикѣ и Олегѣ. Да и безъ нихъ [illegible] стантинъ всегда имѣлъ возможность получить подобныя [illegible] нія отъ русскихъ пословъ и купцовъ въ Константинопо[illegible] Если принять за истину то, что лѣтопись расказываетъ (а [illegible] манисты подтверждаютъ) о походахъ Олега, тогдашній [illegible] долженъ былъ наполниться его славой, и тѣмъ не менѣе [illegible] стантинъ сохраняетъ о немъ упорное молчаніе. Въ друг[illegible] своемъ сочиненіи (*Объ управленіи имперіей*) онъ сообщ[illegible] многія свѣдѣнія о сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народ[illegible] (Ломбардахъ, Арабахъ, Печенѣгахъ, Сербахъ, Хазарахъ, [illegible] рахъ и пр.). Тутъ между прочимъ онъ говоритъ о Руссах[illegible] уже одно столь извѣстное описаніе ихъ плаванія по Днѣпр[illegible] скимъ порогамъ показываетъ, что онъ интересовался [illegible] зналъ ихъ довольно хорошо, и опять никакого намека на [illegible] реселеніе Руссовъ въ Россію или на завоеваніе ея какими-[illegible] иноземными князьями. Константинъ, напримѣръ, расказывает[illegible] о началѣ династіи Арпада у Венгровъ и объ ихъ отношен[illegible] къ Хазарамъ; а между тѣмъ Арпадъ приходится повидимо[illegible] современникомъ Рюрика. Въ третьемъ своемъ сочиненіи, „Жизне-описаніи" своего дѣда Василія Македонянина, Константинъ говоритъ о первомъ крещеніи Руси и опять не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на ея норманство. Изъ всѣхъ извѣстій Константина ясно вытекаетъ, что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ, а не пришлымъ; притомъ онъ весьма просто и естественно передаетъ намъ данническія отношенія разныхъ славянскихъ племенъ къ господствующему народу Русь. Слѣдовательно, еслибы на Руси около той эпохи случились такіе перевороты, о которыхъ расказываютъ легенды занесенныя въ нашу начальную лѣтопись, то есть ли какая вѣроятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константинъ Багрянородный ничего о нихъ не зналъ, а зная — умолчалъ?

Извѣстія о Руссахъ у Фотія, Никиты и Константина Багрянороднаго находятся въ полномъ согласіи между собою и ни въ чемъ другъ другу не противорѣчатъ. То же самое можно сказать объ одномъ изъ ближайшихъ послѣ Константина историковъ, о Львѣ Діаконѣ: описывая войну Святослава съ Гре-

ıи и сообщая многія подробности о Руссахъ, онъ не дѣ-
тъ никакого намека на то, что считаетъ Русь приш-
мъ народомъ въ Россіи. Святославъ былъ внукомъ Рю-
ка, и память о пришествіи Руссовъ изъ Скандинавіи или
ь другой какой страны могла еще живо сохраняться; самъ
ятославъ, по мнѣнію норманистовъ, былъ типъ Норман-
ь а дружина его состояла преимущественно изъ Норман-
въ. Между тѣмъ Левъ Діаконъ пріурочиваетъ Тавроскиѳовъ
уссовъ) преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго
рей.

Если мы обратимся вообще къ византійскимъ извѣстіямъ о
рягахъ и Руссахъ, то разсмотрѣніе и сличеніе ихъ между
бою приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Вопер-
хъ, византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ Варя-
ми, а говорятъ о нихъ отдѣльно. Вовторыхъ, о Руси они
минаютъ гораздо прежде, нежели о Варягахъ. Втретьихъ,
касается до наемныхъ иноземцевъ на византійской служ-
то Варяги составляли отряды сухопутные, а Руссы пре-
ущественно служили во флотѣ. Норманисты нашли, что на-
ніе Варяговъ (Варанги) слишкомъ запаздываетъ въ визан-
скихъ источникахъ: такъ какъ прямо и положительно подъ
мъ именемъ послѣдніе выступаютъ только въ XI вѣкѣ. А
ъ какъ въ X вѣкѣ (у Константина Багрянороднаго) встрѣ-
ются Фарганы, то Норманисты отождествили ихъ съ Варя-
ми; но послѣ доказательствъ г. Гедеонова отступились отъ
ргановъ. Съ другой стороны у одного византійскаго писате-
(Ѳеофана) подъ 774 годомъ говорится что императоръ Кон-
нтинъ Копронимъ „отправляясь противъ русыхъ судовъ, дви-
ся въ рѣку Дунай“ (ἀπελθὼν αὐτὸς εἰς τὰ ῥούσια χελάνδια ἀπεκίνησε
ς τὸ εἰσελθεῖν εἰς τὸν Δανούβιον ποταμόν). Норманисты въ этомъ
учаѣ переводятъ: „вступивъ въ *красныя* хеландіи“. Анти-
рманисты (между прочимъ Эверсъ) настаивали на *русскихъ*
ландіяхъ. Но послѣ доказательствъ г. Куника мы оставляемъ
сторонѣ эти спорныя хеландіи.

Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варанги
зантійскіе были Норманны и означали то же чтó у насъ Ва-
ги. Съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ
учаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію.
носительно отечества Варанговъ, византійскія извѣстія ука-
ваютъ иногда на Германію, иногда на дальній островъ, на-

ходящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, или причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что смотря по обстоятельствамъ подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что же изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тождества Варанговъ съ Русью, и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ. Русь для нихъ народъ сѣверный или даже надсѣверный (гиперборейскій); но нигдѣ они не выводятъ ее съ крайняго острова, лежащаго на Океанѣ, какъ выражаются иногда о Варангахъ. Правда, Византійцы не смѣшиваютъ Русь съ Варангами: но какъ-то у нихъ мимоходомъ замѣчено, что „Русь, такъ-называемые Дромиты (обитатели Дромоса), отъ рода Франковъ“. (Продолжатели Ѳеофана и Амартола). Этого весьма неопредѣленнаго выраженія достаточно было норманистамъ, чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о родствѣ Руси и Варанговъ, или собственно объ ихъ общемъ германскомъ происхожденіи. Но здѣсь слово Франки должно быть понимаемо въ весьма обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ народовъ сѣверно и западно-европейскихъ: примѣры тому не рѣдки у византійскихъ писателей (какъ справедливо показалъ еще Эверсъ), отъ которыхъ странно было бы и требовать точныхъ этнографическихъ терминовъ. Притомъ самихъ Варанговъ они нигдѣ не называютъ Франками. Обыкновенно Византійцы причисляютъ Русь къ „скиѳскимъ“ народамъ; но и этимъ названіемъ не выражается какой-либо опредѣленный этнографическій типъ. Для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, близко, во очію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и Варанговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ. Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство. Для нея довольно и того, что ихъ смѣшиваетъ наша басня о призваніи Варяговъ-Руси. А между тѣмъ въ этомъ-то весь корень вопроса. Мало ли что можетъ смѣшиваться въ темномъ народномъ преданіи, въ сказкѣ, въ пѣснѣ, въ собственномъ домыслѣ книгописца и т. п.? Но можетъ ли наука опираться на подобныя основанія? Варяги-Норманны несомнѣнно были въ Россіи: но они были здѣсь почти тѣмъ же, чѣмъ и въ Византіи, то-есть наемною дружиною. Я говорю *почти*, потому что у насъ размѣры нѣсколько другіе: у насъ

... были въ началѣ и многочисленнѣе чѣмъ тамъ, и принимали ...льшее участіе въ нашихъ событіяхъ.

Извѣстно, какъ сильно норманисты упираютъ на Днѣпровскіе ...роги у Константина Багрянороднаго, который приводитъ ихъ ...званія въ двухъ видахъ: въ русскомъ и славянскомъ. Вотъ ... Русскія: *Ульворси, Геландри, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти Струвунъ*; славянскія: *Островунипрагъ, Неясыть, Вулнипрагъ, ...руци, Напрези*. Кромѣ того одинъ порогъ имѣлъ общее названіе, по русски и по славянски *Есупи*. Не мало эрудиція было ...трачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* (то есть предполагаемыя скандинавскія) названія объяснить при помощи ...очти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій. Досталось впрочемъ ... не однимъ германскимъ нарѣчіямъ; тутъ пошли въ дѣло и ...ельтскія и финскія (Струбе, Тунманъ, Лербергъ); не обращались развѣ только къ нарѣчіямъ славянскимъ. Для образца ...тихъ объясненій, приведемъ толкованія перваго русскаго на...ванія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσι). Вопервыхъ, ...оворятъ норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси, и даже не Ульмворси а Хольмворси; такъ какъ въ греческой передачѣ *м* передъ в (β) могло быть выброшено, а ...*ю* обратилось въ *у*. Затѣмъ это слово уже не представляетъ затрудненій. *Хольмъ* (Holm) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, нижне-саксонскомъ и датскомъ, означаетъ или островъ или островокъ. А вторая половина названія *ворси* напоминаетъ нижне-нѣмецкія Worth, Wurth, Wörde, Wuhrde и англосаксонскія Worth, Warth и Warothe, означающіе или возвышеніе или берегъ; можно также производить ее отъ fors порогъ. Прекрасно; но если толковать Ульворси какъ переводъ соотвѣтствующаго ему у Константина славянскаго Островунипрагъ, то мы не думаемъ что надобно исключительно обращаться къ германскимъ нарѣчіямъ, когда имѣемъ и въ славянскихъ то же слово *холмъ* съ различными его варіантами: *хельмъ, хлумъ, шеломъ* и т. д., а для *борси* и для *форосъ* (въ словѣВаруфоросъ, которое тоже объясняется норманистами при помощи fors) *боръ* или *брегъ*, часто встрѣчающіеся въ сложныхъ именахъ (напримѣръ Браниборъ, Колобрегъ, Раковоръ, и пр.), имѣемъ тотъ же *прагъ* или *порогъ*; имѣемъ наконецъ слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется тамъ же, на Днѣпрѣ, для обозначенія малыхъ пороговъ. Такимъ образомъ съ неменьшею вѣроятностію можно предложить для Ульборси, вмѣсто Holm-

fors или Holmvorth, напримѣръ: Холмоборы (Холмогоры) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ та же что въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул* существуетъ наконецъ въ названія рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ быть Ульборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое что Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ быть сокращеніе изъ *Улборть*.)

Не беру на себя задачи немедленно объяснить такъ называемыя русскія имена пороговъ у Константина; предполагаю и значительную порчу этихъ именъ въ его передачѣ, и вообще его недоразумѣніе при ихъ параллели съ именами славянскими. Можетъ быть со временемъ, когда на объясненіе ихъ при помощи славянскихъ нарѣчій употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Что Константинъ по большей части передалъ имена въ искаженномъ видѣ, для этого достаточно бросить взглядъ на такъ называемыя славянскія названія. Что такое, напримѣръ, *Веруцы* (Βερούτζη)? Не поясни онъ, что это славянское слово и что оно означаетъ вареніе или кипѣніе воды (Βράσμα νεροῦ), мы пожалуй не вдругъ догадались бы о томъ, и норманисты по всей вѣроятности обратились бы къ германскимъ нарѣчіямъ для отысканія корня. Или возьмемъ общее русско-славянское названіе одного порога *Есупи* (Ἐσσουπῆ). Не прибавь Константинъ, что это значитъ *не спи* или *не спать* (μὴ κοιμᾶσθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойдти до такого смысла. Замѣчательно, что норманисты и это названіе не уступаютъ исключительно славянскому языку; они доискались, что на германскихъ нарѣчіяхъ „ne sueſe" будетъ значить тоже „не спи" (и даже сильнѣе, такъ какъ тутъ приходится два отрицанія, одно въ началѣ, другое въ концѣ, то есть: нѣтъ! не спи!). Далѣе, что такое славянское названіе *Напрези*? Опять не скажи Константинъ, что это значитъ малый порогъ, то есть порожекъ, никакъ бы не догадаться. Да и послѣ его объясненія слово остается сомнительнымъ. Его пытались видоизмѣнить въ *Набрезъ* и *Напрежье*; но все это очень натянуто. А между тѣмъ обратимъ вниманіе на соотвѣтствующее ему русское названіе *Струвунъ*.

я разъясненія его будто бы необходимо также обратиться къ андинавскимъ: strid, strond, ström и buna, büne и т. п. Но яко бы не славянское слово развѣ не тотъ же *Островунъ-рогъ*, приводимый Константиномъ между славянскими названіями? Струвунъ и Островунъ представляютъ такое же отношеніе какъ названія нашего древняго города Вручій и Овручъ. *

Варуфоросъ не означаетъ ли Варъ-порогъ? Въ такомъ случаѣ промъ славянскаго Веруци, слѣдовало бы поставить русское Варуфоросъ же Леанти), какъ происходящій отъ того же корня *врети*, *варути*. Геландри, по объясненію Константина, значитъ «шумъ порога»; отсюда дѣлаемъ предположеніе: не скрывается ли тутъ слово *гулъ*? Форма *ландарь* или *Гуландря* весьма возможна въ русскомъ языкѣ. Не настаиваемъ на своихъ словопроизводствахъ въ этомъ случаѣ, и дѣлаемъ ихъ только для того, чтобы показать возможность объяснить нѣкоторыя непонятныя имена изъ славянскихъ корней. Можетъ быть кто будь со временемъ доберется до ихъ смысла. А возможно и то, что ихъ смыслъ для насъ навсегда потерянъ вслѣдствіе большаго искаженія. Напримѣръ, еслибы не другія соображенія, то филологически невозможно въ Телюца узнать Любечъ. Точно такъ же филологически льзя доказать, что Напрези означаетъ малый порогъ. Напомнимъ еще дъ собственныхъ именъ доселѣ неразъясненныхъ: Могуты, Татраны ельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберы (*Слово о Пол. Иг.*). Чтобъ отлаться отъ нихъ, ихъ объявили не русскими; но вполнѣ ли это вѣрно? Наше предположеніе о возможности видоизмѣненія тѣхъ же словъ и о замѣнѣ ихъ другими (не выходя изъ предѣловъ того же языка) дтверждается позднѣйшими названіями Днѣпровскихъ пороговъ. Многія ли изъ нихъ сохранились отъ временъ Константина хоть до XVI вѣка, то есть до *Книги Большаго Чертежа*? Мы находимъ въ ней собственно одно тождественное съ прежнимъ названіе: *Ненасытецъ* (*Неясыть* вѣка). Потомъ слѣдуетъ *Звонецъ*, соотвѣтствующій Константинову реводу противъ слова Геландри: «шумъ порога». Далѣе *Вулнигъ*, которій можетъ напоминать Вулнипрагъ. Вотъ и все. Остальныя (*Кодакъ*, *рской*, *Лоханной*, *Стрѣльчей*, *Княгининъ*, *Воронова*, *Будило*, *Вольный*, *Лыя*, *Таволжаной*) не похожи на имена приведенныя Константиномъ. Только Будило напоминаетъ «Не спи», но напоминаетъ своимъ смысломъ, а не буквой. Онъ же наводитъ на мысль о томъ, какъ иногда своеобразно могутъ видоизмѣняться названія. (Такъ вмѣсто Гуландри могъ ниться Звонецъ). Конечно, крупныя географическія имена сохраняются гораздо тверже, но такія мелкія, какъ имена длиннаго ряда пороговъ, неизбѣжно должны были варіироваться. Сравнимъ названія пороговъ XVI вѣка съ ихъ настоящими названіями. Большею частію они сохранились, но съ другими окончаніями, и притомъ иногда совсѣмъ не въ тѣхъ мѣстахъ; есть и названія совсѣмъ новыя.

Упомянемъ мимоходомъ о попыткѣ объяснить *всѣ* русскія названія пороговъ у Константина Багрянороднаго и почти всѣ личныя имена

Итакъ, не можетъ-быть сомнѣнія въ искаженіи самыхъ званій у Константина Багрянороднаго. Можно указать то другіе примѣры. Напомнимъ нѣкоторыя его названія сла скихъ городовъ: Немогарда, Милиниска, Телюца и пр., к торыхъ мы узнаемъ Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ. Подо искаженія конечно неизбѣжны въ устахъ иноземцевъ, к этомъ возьмемъ еще въ расчетъ, какъ далеко удалились i настоящее время отъ южно-русскаго произношенія X Многія слова, даже и вѣрно записанныя въ то время Гр могутъ въ настоящее время намъ показаться чуждыми и понятными. Далѣе, представляется вопросъ: вѣрно ли i Константинъ то, что̀ ему толковали о Днѣпровскихъ пор Что̀ это за двойной рядъ названій: русскія и славянскі ріанты или переводы? Норманисты усиливаются доказа русскія названія имѣютъ тотъ же смыслъ какъ и соотв ющія имъ славянскія. Но въ такомъ случаѣ опять во какія названія оригинальныя и какія переводныя; кто i ихъ придумалъ, Славяне или Русь? Такъ какъ по теор манистовъ Русь племя пришлое и не славянское, то о шедши имена Днѣпровскихъ пороговъ уже готовыми вянъ, не согласилось однако употребить ихъ, а перев свой языкъ. Гдѣ же и когда такъ бывало? Географическ на не переводятся; если и можно найти тому примѣ немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ въ такомъ систематическомъ порядкѣ; вновь поселяющіі родъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія на видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ сво ственныя.

Но что̀ такое самое выраженіе Константина Багрянор *по русски* и *по славянски*? Не въ правѣ ли мы заключ сюда, что онъ считалъ русскій языкъ особымъ, не славя языкомъ? И не только въ этомъ случаѣ, но и въ нѣко

той эпохи изъ языка Венгерскаго (*Зап. Одес. Общ. И. и Д.*, т. показываетъ какое обширное поле для догадокъ представля ченныя названія. Дѣйствительно, имена пороговъ—самое темно въ цѣломъ варяжскомъ вопросѣ. Можно предложить еще слѣ догадку: пять непонятныхъ именъ не есть ли это остатокъ изъ болѣе древней эпохи? Той эпохи когда въ южной Россіи ря Славянами еще обитали племена Литовскія, Готскія и Чудскія, эпохи Скиѳской.

ругихъ у него Русь и Славяне какъ будто два различные народа. И именно онъ какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ, которыя платили ей дань, и которыхъ онъ называетъ славянскими. Но въ этомъ то сопоставленіи и заключается разгадка. Дѣло въ томъ, что сама Русь безъ сомнѣнія отдѣляла себя отъ покоренныхъ племенъ; какъ господствующій народъ, она вѣроятно свысока смотрѣла на своихъ славянскихъ данниковъ, что конечно не мѣшало ей самой быть славянскимъ племенемъ. Необходимо взять при этомъ въ расчетъ то обстоятельство, что понятіе о родствѣ всѣхъ Славянъ между собою и о принадлежности ихъ къ одному великому племени есть достояніе собственно позднѣйшаго времени, и притомъ только образованнаго или книжнаго класса. Не только тогда, но и теперь милліоны людей живутъ на свѣтѣ, не подозрѣвая того, что они Славяне. Константинъ Багрянородный могъ лучше знать собственно южныхъ Славянъ; а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху, и потому легко впалъ въ заблужденіе, отдѣляя Русь отъ другихъ русскихъ Славянъ. Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе, то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія. Возьмемъ опять того же Константина. Описывая обычный зимній объѣздъ кіевскими князьями покоренныхъ племенъ (полюдье), онъ говоритъ, что князья для этого отправляются изъ Кіева „со всею Русью“. Можно ли понять эти слова буквально, то есть что кіевскіе князья дѣлаютъ объѣздъ въ сопровожденіи всего Русскаго народа? Куда же въ такомъ случаѣ дѣвались тѣ многіе свѣтлые русскіе князья, сидѣвшіе съ ихъ дружинами по другимъ главнымъ городамъ, — князья, о которыхъ говорятъ намъ договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тутъ надобно разумѣть собственно княжескую дружину, да и не однихъ кіевскихъ князей, а вообще русскихъ князей; каждый изъ нихъ объѣзжалъ съ дружиной свой удѣлъ, чтобы собирать дань и творить судъ. Понятно, что дружина-то и называла себя Русью попреимуществу. Понятны отсюда неточности и въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго. При всей своей добросовѣстности, онъ не могъ конечно избѣжать ихъ, когда говорилъ о другихъ народахъ. Если просмотримъ всѣ его извѣстія, то найдемъ у него многія недоразумѣнія по отношенію къ тѣмъ народамъ, которыхъ онъ описывалъ по слуху, — недоразумѣнія весьма естественныя: и въ наше время, при настоящихъ научныхъ средствахъ, какъ иногда бываетъ

трудно собрать точныя этнографическія данныя! Не отвлекаясь примѣрами сомнительныхъ извѣстій о другихъ народахъ (Хазарахъ, Печенѣгахъ, Украхъ и пр.), приведу еще одно мѣсто изъ Константина о Руссахъ. Онъ говоритъ, что Русскіе вымѣниваютъ у Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ: „понеелику никакое изъ этихъ животныхъ не водится въ Россіи.“ Статочное ли дѣло, чтобы въ Кіевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вѣроятно изъ того большаго количества скота, которое Русскіе получали отъ степныхъ народовъ, Константинъ заключилъ о неимѣніи его въ Россіи; могло быть также, что ему случайно сообщилъ кто нибудь неточное извѣстіе (напримѣръ, послѣ сильныхъ падежей скота, столь обычныхъ въ Россіи).

Сличая всѣ извѣстія о Россіи того времени, мы выводимъ заключеніе, что названіе Русь, какъ терминъ этнографическій, имѣло весьма эластичный характеръ. Въ обширномъ смыслѣ оно обнимаетъ всѣхъ восточныхъ Славянъ, подвластныхъ русскимъ князьямъ, въ менѣе обширномъ — Славянъ южно-русскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ — это племя Полянъ или собственно Кіевская Русь; наконецъ, иногда значеніе этого имени, какъ мы видимъ, съуживалось до понятія сословнаго, а не народнаго — это княжеская дружина, то-есть военный классъ по преимуществу. Что Русь была тождественна съ славянскимъ племенемъ Полянъ, это по нашему крайнему разумѣнію несомнѣнно. Константинъ Багрянородный, нѣсколько разъ упоминая о славянскихъ данникахъ Руси, приводитъ имена: Древлянъ, Угличей, Дреговитовъ, Кривичей и Сербовъ (Сѣверянъ). Гдѣ же Поляне, судя по нашей лѣтописи, главнѣйшее славянское племя? Константинъ ихъ не знаетъ, потому что Русскіе въ сношеніяхъ съ иноземцами любили называть себя исключительно Русью. А между тѣмъ дома, въ отечествѣ, имя Полянъ долго еще не забывалось и послѣ того. Замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстныя слова нашей лѣтописи: „Все это былъ одинъ славянскій языкъ: Славяне по-Дунайскіе, покоренные Уграми, и Морава, и Чехи, и Ляхи, и *Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.*“ Эти драгоцѣнныя слова никоимъ образомъ не согласуются съ басней о призваніи Варяговъ, и безъ сомнѣнія принадлежатъ не тому лицу, которое смѣшало Русь съ Варягами. Кстати приведемъ еще мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XII вѣку: „И стояша на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его

же Русь зоветъ Уголъ." (Ипат. 128, а въ Лаврент. 167: „перешедше Уголъ рѣку"). Мы видимъ тутъ рядомъ два названія: Ерелъ (Орелъ) и Уголъ; оба они славянскія. Попадись эта фраза подъ руку Константина Багрянороднаго, по всей вѣроятности онъ написалъ бы: по-славянски Ерелъ, а по-русски Уголъ; причемъ не обошлось бы безъ нѣкотораго искаженія въ передачѣ, и (судя по аналогіи) намъ пришлось бы разыскивать значеніе Угла (Унголъ или Ингулъ) въ сѣверно-германскихъ нарѣчіяхъ; тамъ мы тотчасъ бы напали на тотъ же корень въ Англахъ или Инглахъ британскихъ или въ Инглингахъ скандинавскихъ, и вотъ новое подтвержденіе скандинавской теоріи. (Впрочемъ нѣкоторые норманисты все-таки нашли возможнымъ отнести этотъ Уголъ къ скандинаво-русскимъ названіямъ!)

Русь и въ X вѣкѣ конечно не могла че сознавать своего племеннаго родства съ другими примыкавшими къ ней Славянами; сношенія съ иноплеменными народами необходимо приводили ее къ этому сознанію. Но у насъ вопросъ идетъ о названіи, которымъ себя отличалъ тотъ или другой народъ. Сознанію общаго родства всѣхъ славянскихъ племенъ и обобщенію слова *славянскій языкъ* болѣе всего помогла славянская письменность, распространившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Названіе *Славяне*, кромѣ обширнаго смысла, имѣло, также какъ Русь, и болѣе тѣсный смыслъ: оно означало по преимуществу Новогородцевъ. Объ этомъ не одинъ разъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись. Напримѣръ: „поя же множество Варягъ и Словѣнъ, и Чюди и Кривичи." Еслибы понять здѣсь слово Славяне въ смыслѣ Славянъ вообще, то Кривичи оказались бы не Славяне. Неопредѣленность и измѣнчивость этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только въ разныя эпохи, но и въ одну и ту же эпоху употреблялось часто то въ обширномъ (родовомъ), то въ тѣсномъ (видовомъ) значеніи. Эта черта произвела, какъ извѣстно, большую запутанность и породила множество недоразумѣній, которыми историческая наука страдаетъ до сихъ поръ, и отъ которыхъ она освобождается весьма постепенно.

Итакъ Константинъ Багрянородный различаетъ Русь
Славянъ потому, что она сама отличала себя отъ подчин
племенъ, и особенно этимъ названіемъ разнилась отъ Сла
сѣверныхъ или Новогородскихъ. А послѣдніе въ свою оче
отличали себя названіемъ Славянъ отъ своихъ южныхъ со
менниковъ. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять выр
ніе Русской Правды, гдѣ стоятъ рядомъ *Русинъ* и *Слове*
то-есть: Южанинъ и Сѣверянинъ или Кіевлянинъ и Новгород
Возьмемъ *Вопросы Кирика епископу Нифонту*—новогородскій
мятникъ XII вѣка. Тамъ говорится что Болгарину, Поло
ну и Чудину предъ крещеніемъ полагается 40 дней пост
Словенину 8 дней. Тутъ Новогородецъ самъ называетъ
Словениномъ, а не Русиномъ. Это различіе, повторяемъ,
разилось и въ иноземныхъ извѣстіяхъ. Константинъ Баг
родный именуетъ Новгородъ *внѣшнею Русью* (ἡ ἔξω Ῥωσία). А
скія извѣстія иногда называютъ его *Славія*. Южане разн
отъ Сѣверянъ не однимъ названіемъ; они по всей вѣро
сти отличались и нарѣчіемъ, и особенно произношені
Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадл
ли такъ-называемыя славянскія имена пороговъ, Славян
сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ чѣмъ Кіевская Русь, р
шить пока не беремся.

III.

Личныя имена.—Извѣстія Арабовъ.

Предъ нами довольно длинный рядъ русскихъ личныхъ именъ, сохраненныхъ договорами Олега и Игоря *. На эти имена въ

* Выписываемъ эти имена буквально, то-есть не измѣняя и тѣхъ, которые стоятъ въ родительномъ падежѣ мужскаго или женскаго рода. Въ договорѣ Олега: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ. Въ договорѣ Игоря: Иворъ, Вуефастъ Святославль, Искусеви Ольги, Слуды, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, Сфандръ жены Улѣблѣ, Прастѣнъ, Турдуви, Либнаръ, Фастовъ, Гримъ, Сфирьковъ, Прастѣнъ, Акунъ, Кары Тудковъ, Кар-

...единенія съ так называемыми русскими названіями поро... и вообще съ первыми именами нашей исторіи норман... система опирается какъ на каменные столбы. Но они ...всѣмъ не такъ прочны какъ кажутся. Мы не будемъ разби...ть каждое имя (норманисты только часть этихъ именъ при...дятъ въ параллель со скандинавскими). Достаточно будетъ ...сколькихъ примѣровъ, чтобъ указать натяжки норманистовъ ...ихъ явное пристрастіе въ пользу Скандинавовъ.

Возьмемъ имя *Карлы*. Съ перваго взгляда оно можетъ пока...ться нѣмецкимъ. Но напрасно вы думаете, что это имя ис...ючительно принадлежало Нѣмцамъ; оно, безъ сомнѣнія, упо...реблялось и у Славянъ. Иначе откуда же наше *карло* съ его ...меньшительнымъ *карликъ*? Притомъ оно тутъ же встрѣчается ... другой формѣ *Кары*; слѣдовательно *л* есть не коренной звукъ, ... вставной (извѣстно, что это у насъ одна изъ обычныхъ вста...чныхъ буквъ: Скуратовъ — Скурлатовъ). Слѣдовательно ко...ень здѣсь *кар*, а остальное варіировалось, какъ это случает... и съ другими именами: *Карлы*, *Каранъ* или *Карнъ* (который ...стати тутъ есть), *Карачунъ*, *Оттокаръ*, и т. д. Далѣе: *Ингельдъ*, другая его форма тутъ же присутствующая *Ингивладъ*. *Владъ*, это было одною изъ любимыхъ составныхъ частей въ славянскихъ именахъ. *Веремудъ* или *Велемудъ* звучитъ по-славянски, точно также: *Стемидъ*, *Улѣбъ* или Олѣбъ, *Прастѣнъ* (съ его варіантами: *Фрастѣнъ* и *Фурстѣнъ*), *Войко*, *Синко* (конечно уменьшительныя отъ Вой, Воинъ и Синъ, Синеусъ или Синавъ), *Сфирка* (тоже уменьшит. Другая его форма могла быть Сирко или Сѣрко. Напомнимъ имя Горясѣръ и рѣку Свирь), *Боричъ* конечно уменьшит. отъ Борко. (Еще Боричевъ взвозъ въ Кіевѣ). *Гуды*, *Слуды* и *Моны*, подобно Карлы, своимъ окончаніемъ на *ы* безъ сомнѣнія соотвѣтствуютъ духу древне-русскаго или вообще славянскаго языка гораздо болѣе чѣмъ скандинавскаго; съ тѣмъ же окончаніемъ потомъ въ лѣтописи

шевъ, Турдовъ, Егриевлисковъ, Воиковъ Истръ, Аминодовъ, Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Шибридъ, Алданъ Колъ-Клековъ, Стеггиетоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Оутинъ, купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьинксарь, Вузлѣвъ, Синко Боричъ.

встрѣчается имя Туны. (Отъ Гуды должна быть другая фор[illegible] Гудинъ или Годинъ; напоминимъ Ивана Годиновича рус[illegible] сенъ). *Турбидъ* по всей вѣроятности собственно Тур[illegible] Туровитъ; окончаніе *видъ* или *витъ* самое славянское изъ с[illegible] вянскихъ (это наше *вичъ*). Но если мы и оставимъ *бидъ*, о[illegible] чаніе это также не потеряетъ своего славянскаго харак[illegible] (*бѣда* или *бида*; кромѣ того у насъ есть фамилія Турбин[illegible] А первая половина имени *Туръ* получила въ славянском[illegible] кѣ весьма разнообразное приложеніе. Напомнимъ только Бу[illegible] тура Всеволода изъ Слова о Полку Игоревѣ. Древнѣйшая [illegible] форма была *Тыръ* или *Тырь*. Туръ встрѣчается здѣсь еще [illegible] другомъ имени, *Турбернъ*. *Бернъ* какъ имя присутствуетъ ту[illegible] же и въ простомъ видѣ, безъ соединенія съ другимъ словом[illegible] и опять въ соединеніи (*Шихбернъ*). Это имя также славянск[illegible] напомнимъ русскаго боярина Берна, упомянутаго подъ 107[illegible] также городъ Берно, въ онѣмеченной формѣ Брюнъ. Но [illegible] Брюнъ или Брунъ вѣроятно также употреблялась и у Славян[illegible] чему свидѣтель стоящее тутъ же имя *Бруны*, съ окончані[illegible] на *ы*.

Упомянутая форма Тыръ также здѣсь есть въ имени Стыр[illegible] или *Стиръ*. Припомнимъ точно такія же имена славянскихъ героевъ: Тыръ у Козьмы Пражскаго, Стиръ у Далимила и Стара нашихъ былинъ. Тутъ же въ договорѣ Игоря, есть и дальнѣйшій варіантъ этого имени: Истыръ или *Истръ* *. Присутствіе того же слова мы узнаемъ и въ имени *Гунастръ*; *а Гун* находимъ еще въ имени *Гунаревъ*, конечно родительный падежъ отъ *Гунарь*. *Гуня* это имя встрѣчаемъ на Украйнѣ еще въ XVII вѣкѣ. *Гримъ* и доселѣ въ малорус. языкѣ значитъ громъ. (Въ Сл. О П. Игор. *гримлютъ* сабли). А Гомолъ конечно живетъ въ малороссійской фамиліи Гомолеевъ. Въ имени *Вуефастъ* мы видимъ славянское Буй или Бой, измѣнявшееся въ *Вуй* или

---

* Прошу покорнѣйше обратить вниманіе на эти послѣднія слова, особенно на форму Тыръ. Она дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію названій рѣкъ Истра и Тыра или Тора. Корень у обоихъ тотъ же, и это еще очевиднѣе, если обратимъ вниманіе на то, что греческое слово Tyras въ латинской передачѣ является *Dana-ister* или *Dana-ster* нашъ *Днѣстръ*. Напомнимъ также наши рѣки *Стырь* на Волыни и *Истру* Московской губерніи и древне-славянскаго бога-Стыря или *Стрибога*. Какъ Петръ былъ имя и рѣки и лица, такъ точно и Дунай. Бояринъ Дунай встрѣчается на Волыни въ XIII вѣкѣ.

вой (Бури-вой и т. п.); а форма *фасть* нисколько намъ не чуждая; съ придыханіемъ это *хвасть*, откуда наше *хвастунъ*, откуда городъ Фастовъ или Хвастовъ. Кромѣ *Святослава* встрѣчаемъ въ договорѣ Игоря еще *Владислава* и *Предиславу*. Мы указали болѣе 20 именъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Надѣемся этихъ примѣровъ весьма достаточно чтобъ убѣдиться въ несостоятельности норманистовъ, которые хотѣли непремѣнно сдѣлать изъ Ингивладъ скандинавское *Ингіальдъ*, изъ Улебъ *Ульфъ* или *Олафъ* и т. п. Мы не говоримъ о неизбѣжныхъ искаженіяхъ, въ которыхъ дошли до насъ эти отголоски нашей далекой старины: многія имена не точно переписывались, такъ что при чтеніи ихъ можетъ быть разногласіе, — чѣмъ конечно пользовались отрицатели ихъ славянства, — а нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя понять. Возьмемъ при этомъ въ расчетъ родство языковъ славяно-литовскихъ съ германскими. Въ началѣ X вѣка это родство было гораздо ближе чѣмъ въ наше время. Особенно долго сохраняется оно въ личныхъ именахъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ томъ, стóитъ только заглянуть въ параллели личныхъ именъ у Шафарика. Даже кельтскія имена еще очень близки. Но самъ Шафарикъ не узналъ Славянъ въ нашей Руси; къ сожалѣнію, онъ былъ увлеченъ кажущеюся стройностію скандинавской системы.

Если отъ договоровъ Олега и Игоря обратимся къ лѣтописнымъ именамъ нашихъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ, то придется повторять то же самое. Почему напримѣръ Рюрикъ есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительнымъ отъ Рюаръ, которое встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ. Вообще имена на *рикъ* или *рихъ* почему-то считаются нѣмецкими; дѣйствительно они въ большемъ количествѣ встрѣчаются у Нѣмцевъ, но были и у Славянъ. Напомнимъ славянскія: *Андрихъ* (то же чтó нѣмецкое Генрихъ), *Ольдрихъ* и т. д. Оскольдъ, почему опять это скандинавскій Аскель? У насъ есть рѣка Осколъ; неужели она названа такъ Скандинавами? * Форма *ольдъ* нисколько не чужда славянскому языку: мы только-что назвали Ольд-риха. Это *ольд* могло быть

---

* Осколъ могъ имѣть ту же полную форму на *ольдъ*, то-есть Осколодъ или Оскольдъ, подобно тому какъ теперь рѣка Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять въ расчетъ бѣлорусское произношеніе, можетъ оказаться видоизмѣненіемъ Окольды или Оскольды.

сокращеніе изъ *влад*, *волод*; полная форма Ольдриха так[им] образомъ будетъ *Володарикъ*, то-есть уменьшительное отъ [Во]*лодарь*. Возьмемъ также нашего *Рогвольда*: будто онъ долже[нъ] быть скандинавскимъ Рагнвальдомъ. Но въ лѣтописяхъ встр[ѣ]чается его полная форма, то-есть *Рогволодъ*. *Рогъ* было так[же] славянскимъ именемъ; напомнимъ изъ лѣтописи Новгород[а] Гюряту Роговича (также Рогдая богатыря). *Диръ*, это, говор[ятъ] намъ, скандинавское Тиръ, женское Дирва. Къ чему сканди[нав]ское Тиръ, когда у насъ есть свой *Тыръ* или *Тырь*, о котор[омъ] мы уже говорили? Замѣчательно, что это имя, также какъ [и] Оскольда, связано съ названіями южно-русскихъ рѣкъ: Ты[ръ] (то-есть Днѣстръ), Стыръ, Торъ, Терекъ (уменьшит. отъ Ты[ръ]) и т. д. Вообще въ мірѣ языческомъ удивительнымъ обра[зомъ] переплетаются между собою имена миѳологическія, геогр[афи]ческія, народныя и личныя. Такъ имя Тыръ съ своими [ви]измѣненіями (Туръ, Турсъ, Торъ, Тавръ и пр.) получило [весь]ма обширное приложеніе въ цѣломъ индоевропейскомъ мі[рѣ]. Между тѣмъ какъ слово Карлъ у Славянъ сохранилось въ з[на]ченіи карлика и короля, Тырь удержало значеніе исполина; о[но] сохраняется въ нашемъ словѣ *богатырь* (которое есть чист[о] славянское и нисколько не татарское).

Далѣе: *Лютъ*, столь славянское имя (Людекъ, Лютоворъ, Лю[]тогасть, Лютоміръ и пр.), норманисты передѣлами въ Liótr. Блудъ въ Blótr и т. п. Олегъ и Игорь гораздо болѣе присущи русской исторіи, чѣмъ скандинавской. Они принадлежали к[ъ] наиболѣе любимымъ русскимъ именамъ. Если они не славянскія, то какъ же, вмѣстѣ съ разными *славами*, они удерживались между князьями въ XII и XIII вѣкахъ (Олега находимъ даже въ XIV)? Между тѣмъ какъ Руссы, по словамъ самихъ же норманистовъ, ославянились еще къ началу XI вѣка. Не споримъ, что между именами русскихъ дружинниковъ могутъ встрѣтиться и чисто норманскія имена, принадлежавшія Варягамъ-иноземцамъ, и не одни норманскія, а также угорскія, литовскія и другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ, что наши князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ витязей. Но отъ этого дружина все-таки не теряла свой русскій характеръ. Въ дружинѣ Игоря, напримѣръ встрѣчается Явтягъ, т. е. Ятвягъ, который своимъ именемъ указываетъ и на свое происхожденіе. А къ какому народу вы отнесете такія имена 'договора,

какъ Каршевъ, Куци, Емигъ, Тилева, Вузлѣвъ, Пубьинскарь и т. п.? Развѣ онѣ похожи сколько нибудь на Скандинавскія? Норманисты отнимаютъ у Славянъ не одни личныя имена. Они усиливались доказывать будто скандинавское вліяніе отразилось и вообще въ нашемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ изъ государственнаго быта. Такимъ образомъ: бояринъ, гридинъ, метельникъ, паломникъ, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. Въ прошломъ столѣтіи, когда построено зданіе скандинавской теоріи, понятны ошибочные филологическіе пріемы ея основателей; наука сравнительной филологіи и археологіи почти не существовала, и потому при всей своей эрудиціи и добросовѣстности, научные дѣятели, о которыхъ идетъ рѣчь, могли сдѣлать нѣсколько ошибочныхъ выводовъ. Въ наше время странно было бы настаивать на этихъ выводахъ, хотя бы и въ уваженіе къ заслугамъ такихъ дѣятелей, какъ Байеръ, Стриттеръ, Шлёцеръ и Карамзинъ.

Вернемся еще разъ къ договорамъ Олега и Игоря. По расчетамъ норманистовъ, Русь, пришедшая во второй половинѣ IX вѣка, ославянилась приблизительно къ началу XI вѣка, да ранѣе невозможно было бы и требовать. Мы уже замѣтили что Русь по договору Олега, то есть въ началѣ X вѣка, исповѣдуетъ однако ту же религію, какую исповѣдывали восточные Славяне, то есть поклонялась Перуну и Волосу. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и о языкѣ. Если славянскій текстъ договоровъ принадлежитъ ко времени самихъ договоровъ (а норманисты этого не отвергаютъ), то ясно, что Русь уже въ началѣ X вѣка употребляла славяно-русскій языкъ и славянскую письменность. А если языкъ и религія у нея были славянскіе, то вопросъ: что́ же оставалось у нея скандинавскаго и какъ успѣла она ославяниться въ нѣсколько лѣтъ? Вообще норманская школа относитъ введеніе славянской письменности ко времени Владиміра Святаго; что́ опять таки противорѣчитъ существованію письменныхъ договоровъ при Олегѣ и Игорѣ. Точно такъ же норманисты и начало христіанства въ Россіи приписываютъ пришлымъ скандинавскимъ князьямъ; тогда какъ по всѣмъ признакамъ христіанство существовало у насъ еще прежде этого мнимаго пришествія. На Руси оно утвердилось ранѣе чѣмъ въ Скандинавіи; что́ совершенно естественно при исконномъ сосѣдствѣ южно-русскихъ Славянъ съ византійскими областями на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что кре-

сокращеніе изъ *влад*,
образомъ будетъ *Вол*
лодарь. Возьмемъ так
быть скандинавским
чается его полная
славянскимъ имене
Гюряту Роговича (
намъ, скандинавск
ское Тиръ, когда
мы уже говорили
Оскольда, связа
(то-есть Днѣстр
и т. д. Вообще
переплетаются
ческія, народн
измѣненіями (
на обширное
Между тѣмъ
ченіи карлик
сохранется
славянское

Далѣе: Я
тогасть, Л
Блудъ въ
русской и
наиболѣе
скія, то
лись меж
даже въ
же норм
споримъ
встрѣти
гамъ-ин
товскія
князья
Но от
теръ.
Ятвяг
деніе.

…лѣдній актъ продо…
…вомъ, окончательная
…но была рѣшительная
…которое также по всѣмъ
…въ одной Польшѣ, но и въ
…нымъ, славянскимъ наро-
… сомнительно, чтобъ она
…ее симпатіи, чѣмъ къ за-
…него христіанства самъ по
…измененный легендами. Нор-
…дѣлала для его разъясненія
…противорѣчивыя свидѣтельства.
…легенды, такъ какъ эта ле-
…нымъ призваніемъ Варяговъ.
…и западныя.
…восточнымъ или арабскимъ извѣстіямъ
…чѣмъ византійскія представляютъ
…скандинавской системы; однако норман-
…обратить въ свою пользу. Пріемы ихъ
…весьма просты. Норманисты пре-
…скандинавамъ все то, что Арабы рас-
…(Ибнъ Фадланъ) говорятъ, что
…стройны, свѣтлорусы, носили ко-
…кіе обоюдоострые мечи съ волно-
…выпить. Но такъ какъ Скан-
…стройный и бѣлокурый народъ, но-
…сѣкиры и употреблявшій горячіе
…пришли изъ Скандинавіи, заклю-
…время уже достаточно убѣдились,
…выводы основанные на общихъ
…случаяхъ, и какъ часто сходные на-
…можно встрѣтить у разныхъ на-
…внимательно разобрать описаніе Рус-
…нѣкоторыя важныя черты нравовъ
…Славянъ, а не на Скандинавовъ. Тако-
…погребенія и особенно сожженіе
…съ покойникомъ. На послѣдній обычай
…ютъ какъ на характеристическую
…далеецъ прибавляетъ, что то же са-
…время у Вятичей. Ибнъ Фадланъ го-

...леніи имущества покойнаго на три части, изъ ...а идетъ на погребальное пиршество, и это извѣ...нно удовлетворительно объясняетъ происхожденіе ... слова *тризна*, которымъ обозначалось погре...ршество или поминки. Далѣе, высокій ростъ и ру...ы нисколько не составляли отличительные признаки ...овъ; они въ той же мѣрѣ принадлежали и Славянамъ. ... въ сѣверныхъ могилахъ показываютъ, что волнообраз...обоюдуострые мечи были весьма мало распространены ...у Скандинавами. Итакъ, перебирая всѣ извѣстія Арабовъ, ...ается, что въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которую можно бы ...ести по преимуществу къ Скандинавамъ. Но вотъ что мож...о вывести изъ нихъ какъ положительный фактъ: уже во вто...рой половинѣ IX и въ первой X вѣка Арабы знали Русь какъ многочисленный, сильный народъ, имѣвшій сосѣдями Булгаръ, Хазаръ и Печенѣговъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Нигдѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то, чтобы Русь они считали не туземнымъ, а пришлымъ народомъ. Эти извѣстія совершенно согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X вѣка, съ походами, которые были предприняты въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ.

Арабскіе писатели, говоря о восточной Европѣ, ставятъ рядомъ имена *Славяне* (Саклабъ) и *Русь*, и слѣдовательно какъ будто подтверждаютъ мнѣніе о томъ что Русь народъ отличный отъ Славянъ. Но тутъ мы должны повторить то же, что говорили о Константинѣ Багрянородномъ. Отъ Арабовъ еще менѣе можно требовать чѣмъ отъ Византійцевъ, чтобъ они вѣрно различали видовыя названія отъ родовыхъ и всегда употребляли точные этнографическіе термины. Напримѣръ, Турки въ арабскихъ извѣстіяхъ являются иногда славянскимъ племенемъ. Вообще Арабы подтверждаютъ то положеніе, что бо́льшая часть восточныхъ Славянъ отличала себя предъ иноземцами именемъ Руси, а имя Славянъ попреимуществу оставалось за Славянами Дунайскими (и Новгородскими). Но встрѣчаются нѣкоторые мѣста, изъ которыхъ видно, что Арабы знали о племенномъ родствѣ Руси и Славянъ. Такъ Ибнъ Хордадбегъ (въ IX в.), говоря о русскихъ купцахъ, прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ“. Эти купцы у него ходятъ въ хазарскую столицу по *рѣкѣ Славянъ*, то есть по Волгѣ. Вообще въ извѣстіяхъ Арабовъ Славяне и Русь являются неразлучными. Въ Итилѣ они занимаютъ одну и ту же

щеніе Владиміра Святаго есть только послѣдній актъ продолжительной борьбы съ русскимъ язычествомъ, окончательная надъ нимъ побѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была рѣшительная побѣда византизма надъ латинствомъ, которое также по всѣмъ признакамъ давно уже работало не въ одной Польшѣ, но и въ Россіи. Еслибы Русь была не туземнымъ, славянскимъ народомъ, а пришла изъ Скандинавіи, то сомнительно, чтобъ она выразила къ восточному обряду болѣе симпатіи, чѣмъ къ западному. Но вопросъ о началѣ нашего христіанства самъ по себѣ весьма сложный и также затемненный легендами. Норманская школа почти ничего не сдѣлала для его разъясненія; она обошла относящіяся сюда противорѣчивыя свидѣтельства, и предпочла держаться лѣтописной легенды, такъ какъ эта легенда болѣе согласуется съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, чѣмъ свидѣтельства византійскія и западныя.

Обратимся теперь къ восточнымъ или арабскимъ извѣстіямъ IX и X вѣка. Они еще менѣе чѣмъ византійскія представляютъ данныхъ въ пользу скандинавской системы; однако норманисты съумѣли и ихъ повернуть въ свою пользу. Пріемы употребленные для этой цѣли весьма просты. Норманисты преспокойно относятъ къ Скандинавамъ все то, что́ Арабы разсказываютъ о Руссахъ. Арабы (Ибнъ Фадланъ) говорятъ, что Руссы были высокаго роста, стройны, свѣтлорусы, носили короткую одежду, сѣкиры, широкіе обоюдуострые мечи съ волнообразнымъ лезвіемъ и любили выпить. Но такъ какъ Скандинавы тоже былъ высокій, стройный и бѣлокурый народъ, носившій короткую одежду, мечи, сѣкиры и употреблявшій горячіе напитки, то ясно, что Руссы пришли изъ Скандинавіи, заключаютъ норманисты. Въ наше время уже достаточно убѣдились, какъ шатки этнографическіе выводы основанные на общихъ фразахъ о наружности и обычаяхъ, и какъ часто сходные наружные признаки и обычаи можно встрѣтить у разныхъ народовъ. Но и тутъ, если внимательно разобрать описаніе Руссовъ у Ибнъ Фадлана, то нѣкоторыя важныя черты нравовъ указываютъ именно на Славянъ, а не на Скандинавовъ. Таковы религіозные обряды при погребеніи и особенно сожженіе одной изъ женъ вмѣстѣ съ покойникомъ. На послѣдній обычай западные источники указываютъ какъ на характеристическую черту Славянъ; русскій лѣтописецъ прибавляетъ, что то же самое дѣлалось еще и въ его время у Вятичей. Ибнъ Фадланъ го-

ворить о раздѣленіи имущества покойнаго на три части, изъ которыхъ одна идетъ на погребальное пиршество, и это извѣстіе совершенно удовлетворительно объясняетъ происхожденіе славянскаго слова *тризна*, которымъ обозначалось погребальное пиршество или поминки. Далѣе, высокій ростъ и русые волосы нисколько не составляли отличительные признаки Норманновъ; они въ той же мѣрѣ принадлежали и Славянамъ. Поиски въ сѣверныхъ могилахъ показываютъ, что волнообразные обоюдуострые мечи были весьма мало распространены между Скандинавами. Итакъ, перебирая всѣ извѣстія Арабовъ, окажется, что въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которую можно бы отнести по преимуществу къ Скандинавамъ. Но вотъ что можно вывести изъ нихъ какъ положительный фактъ: уже во второй половинѣ IX и въ первой X вѣка Арабы знали Русь какъ многочисленный, сильный народъ, имѣвшій сосѣдями Булгаръ, Хазаръ и Печенѣговъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Нигдѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то, чтобы Русь они считали не туземнымъ, а пришлымъ народомъ. Эти извѣстія совершенно согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X вѣка, съ походами, которые были предприняты въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ.

Арабскіе писатели, говоря о восточной Европѣ, ставятъ рядомъ имена *Славяне* (Саклабъ) и *Русь*, и слѣдовательно какъ будто подтверждаютъ мнѣніе о томъ что Русь народъ отличный отъ Славянъ. Но тутъ мы должны повторить то же, что говорили о Константинѣ Багрянородномъ. Отъ Арабовъ еще менѣе можно требовать чѣмъ отъ Византійцевъ, чтобъ они вѣрно различали видовыя названія отъ родовыхъ и всегда употребляли точные этнографическіе термины. Напримѣръ, Турки въ арабскихъ извѣстіяхъ являются иногда славянскимъ племенемъ. Вообще Арабы подтверждаютъ то положеніе, что бо́льшая часть восточныхъ Славянъ отличала себя предъ иноземцами именемъ Руси, а имя Славянъ попреимуществу оставалось за Славянами Дунайскими (и Новгородскими). Но встрѣчаются нѣкоторые мѣста, изъ которыхъ видно, что Арабы знали о племенномъ родствѣ Руси и Славянъ. Такъ Ибнъ Хордадбегъ (въ IX в.), говоря о русскихъ купцахъ, прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ“. Эти купцы у него ходятъ въ хазарскую столицу по *рѣкѣ Славянъ*, то есть по Волгѣ. Вообще въ извѣстіяхъ Арабовъ Славяне и Русь являются неразлучными. Въ Итилѣ они занимаютъ одну и ту же

часть города, тѣ и другіе сожигаютъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ одною изъ женъ (Масуди). Норманисты вмѣстѣ съ лѣтописною басней вѣрятъ въ пришествіе изъ Скандинавіи Оскольда и Дира, какъ нѣкихъ искателей приключеній; но Масуди (въ первой половинѣ X вѣка) знаетъ одного изъ славянскихъ царей, Дира, который владѣетъ многими странами и обширными городами.

Масуди, также какъ и прочіе арабскіе писатели, пріурочиваетъ Русь преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; онъ говоритъ, что море Нейтасъ есть русское море, и что никто кромѣ Руссовъ по немъ не плаваетъ (мы думаемъ, что тутъ разумѣется попреимуществу море Азовское), что они образуютъ великій народъ, не подчиняющійся ни царю, ни закону; что они раздѣляются на многіе народы и пр. Нельзя конечно вездѣ принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ, но въ общихъ чертахъ эти извѣстія справедливы. Напримѣръ, что Руссы не подчиняются ни царю, ни закону, съ арабской точки зрѣнія значитъ то, что Руссы тогда не имѣли политическаго единства, то-есть были раздроблены на многія независимыя племена; что̀ довольно вѣрно относительно восточныхъ Славянъ въ первой половинѣ X вѣка. Ихъ объединеніе принадлежитъ позднѣйшему времени и совершилось совсѣмъ не такъ быстро, какъ объ этомъ расказываетъ наша лѣтопись. Арабскія извѣстія о Руссахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и на Волгѣ вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о существованіи кромѣ Днѣпровской Руси еще Руси Черноморской. Существованіе Азовско-Черноморской Руси дѣйствительно объяснитъ намъ многое доселѣ непонятное, какъ-то: византійскихъ Тавроскиѳовъ (по нашему крайнему разумѣнію это собственно Тыроскиѳы, то-есть то же самое что̀ славянскіе Тиревцы или Тиверцы), происхожденіе *русскаго* Тмутраканскаго княжества, ту роль которую игралъ Корсунь въ начальной русской исторіи и особенно въ исторіи нашего христіанства, и т. д. Но какъ ко всему этому отнеслись норманисты? Все что̀ прямо противорѣчитъ ихъ теоріи въ арабскихъ извѣстіяхъ, то невѣрно и ошибочно. Что̀ сообщается темно и запутанно, истолковывается въ пользу возлюбленныхъ Скандинавовъ. Наконецъ явныя ошибки и недоразумѣнія являлись у нихъ положительными фактами. Въ послѣднемъ случаѣ я разумѣю пресловутое извѣстіе араб-

скаго географа Ахмеда-аль-Катиба, жившаго въ Египтѣ во второй половинѣ IX вѣка.

Аль-Катибъ между прочимъ говоритъ, что въ 844 году язычники *именуемые Русью* ворвались въ Севилью, разграбили ее и опустошили. При первомъ знакомствѣ съ его рукописью, извѣстный оріенталистъ Френъ, одинъ изъ столбовъ норманской теоріи, указалъ на приведенныя слова какъ на сильное подкрѣпленіе для этой теоріи, и онѣ дѣйствительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тѣмъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на подобное извѣстіе можно было усумниться въ его достовѣрности. Какимъ образомъ Руссы попали въ Севилью? Французскій оріенталистъ Рено весьма правдоподобно объясняетъ странное извѣстіе аль-Катиба превратными географическими представленіями Арабовъ о Балтійскомъ морѣ. А именно: Масуди *полагалъ* что это море есть рукавъ соединяющій Черное и Азовское моря съ Западнымъ океаномъ, и что язычники нападавшіе на Испанію вѣроятно были Руссы, то-есть Руссы припонтійскіе, а не скандинавскіе, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Аль-Катибъ жилъ ранѣе Масуди и неизвѣстно точно ли упомянутыя слова, найденныя въ его сочиненіи, принадлежатъ ему самому. Очень можетъ быть, что они вставлены позднѣйшимъ переписчикомъ, который былъ знакомъ съ сочиненіемъ Масуди и его предположеніе передалъ какъ положительный фактъ. Какое бы ни было происхожденіе этого страннаго извѣстія, во всякомъ случаѣ оно не заслуживаетъ никакой вѣры. Латинскіе лѣтописцы, перечислявшіе нападенія Скандинавовъ на западную Европу, говорятъ обыкновенно о Норманнахъ и совсѣмъ не знаютъ Скандинавской Руси. И конечно еслибъ она существовала, то была бы имъ извѣстна.

IV.

Извѣстія западныя.—Угорская Русь.—Греческій путь.

Перейдемъ теперь къ двумъ западнымъ источникамъ, которые находились въ числѣ главныхъ опоръ скандинавской теоріи. Мы говоримъ о Бертинскихъ лѣтописяхъ и епископѣ Ліут-

прандѣ. Напомнимъ сущность извѣстій о Руси Бертинскихъ лѣтописей. „Въ 839 году византійскій императоръ Ѳеофилъ отправилъ посольство къ императору Лудовику Благочестивому. При этомъ посольствѣ находилось нѣсколько человѣкъ, которые называли себя Россами: они были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, который именовался Хаканомъ. Ѳеофилъ въ письмѣ къ Людовику проситъ дать средство этимъ людямъ отправиться домой, такъ какъ возвращаться тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли въ Константинополь, было опасно, по причинѣ жестокихъ и варварскихъ народовъ. Императоръ Лудовикъ распросилъ о причинахъ пришествія этихъ людей; нашелъ, что они изъ племени Свеоновъ и, заподозривъ въ нихъ шпіонство, велѣлъ задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не объяснится, съ какимъ намѣреніемъ они пришли". Норманисты, какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе Лудовика о томъ, что пришедшіе люди были изъ племени Шведовъ приняли за положительный фактъ, а слово Хаканъ обратили въ Гакона. Противники норманистовъ совершенно справедливо указали на существованіе древне-русскаго титула хакана или кагана. Такъ, митрополитъ Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру Святому называетъ его *коганомъ*. Этотъ титулъ встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Ясно, что въ Бертинскихъ лѣтописяхъ идетъ рѣчь о нарицательномъ хаканѣ, а не о собственномъ имени Гаконѣ. Относительно словъ „изъ племени Свеоновъ" нѣкоторые антинорманисты пришли къ такому толкованію. Они допускаютъ, что пришельцы были дѣйствительно родомъ Шведы, но находившіеся на службѣ у кіевскаго князя. Мы думаемъ, что это натяжка. Вопервыхъ, еслибъ они были Шведы, то почему стали бы называть себя Руссами, а не Шведами. Вовторыхъ, самый текстъ лѣтописей не говоритъ ясно и положительно о шведскомъ происхожденіи. Такъ какъ въ то время уже начались нападенія Норманновъ на берега Франціи, то естественно Франкскій дворъ, мало знакомый съ сѣверомъ и востокомъ Европы, отнесся подозрительно къ этимъ пришельцамъ. Притомъ, какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ антинорманистовъ (Нейманъ), не видимъ главнаго въ отрывочномъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: чѣмъ кончилось дѣло, то-есть подтвердилось ли, что это были Шведы? Мы съ своей стороны предложимъ еще вопросъ: если тутъ нѣтъ ошибки, то въ какомъ смыслѣ принимать здѣсь

названіе Свеоновъ? Въ первой половинѣ IX вѣка это названіе исключительно принадлежало обитателямъ настоящей Швеціи или употреблялось еще и для обитателей южнаго Балтійскаго поморья (откуда вышли и сами Шведы)? Развѣ оно не могло обнимать не одни только германскія племена, но и нѣкоторыя славянскія? Мы знаемъ, что славянскіе и германскіе народы нерѣдко являются подъ однимъ и тѣмъ же именемъ или подъ именами происшедшими отъ того же корня. Напримѣръ: имя Англы есть то же что̀ наше Онглы или Угличи, а нѣмецкіе Туринги то же что̀ славянскіе Туричи (передѣланное въ Тиверци). Въ послѣдствіи у одного народа подобное названіе утрачивается, у другаго сохраняется. Если не взять въ расчетъ это обстоятельство, то на основаніи сходныхъ именъ, пожалуй, можно доказывать, что Англичане славянскаго происхожденія. Могла быть также просто ошибка или у автора или въ рукописи, то-есть вмѣсто *Sueonum* не читать ли *Slavorum* или *Sclavorum*? И не такія ошибки можно встрѣчать въ источникахъ. Напомнимъ Льва Діакона, который нашихъ *Древлянъ* называетъ *Германцами*. Приведу также въ примѣръ извѣстіе одной латинской лѣтописи X вѣка, которая говоритъ что *на островѣ Скандіи* (то-есть въ Скандинавіи) *живутъ Готы и Гуны и Даки*. Попробуйте принять это мѣсто буквально, придавая именамъ то значеніе, которое они имѣютъ въ наше время, то-есть подъ Даками разумѣя Валаховъ, а подъ Гуннами Угровъ; что̀ за странное извѣстіе мы тогда получимъ.

Такимъ образомъ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, служившее сильною опорой норманистамъ, по нашему мнѣнію, обращается въ одно изъ многихъ доказательствъ противъ ихъ теоріи. Что̀ можно извлечь изъ нихъ положительнаго, такъ это существованіе русскаго княжества въ Россіи въ первой половинѣ IX вѣка, то-есть до такъ-называемаго призванія Варяговъ. А русское посольство къ императору Ѳеофилу указываетъ на раннія сношенія Руси съ Византіей, и слѣдовательно подтверждаетъ упомянутые нами намеки на эти сношенія въ бесѣдахъ Фотія. А если посольство не рѣшилось возвращаться прежнею дорогой, то мало ли какія причины оно могло для того имѣть. Наконецъ, почему не допустить буквальнаго смысла лѣтописей, то-есть опасности отъ варварскихъ народовъ (Болгары, Угры, Хазары, и т. п.), съ которыми Русь въ то время могла находиться во враждебныхъ отношеніяхъ?

Мы уже замѣтили выше, какую шаткую основу для точныхъ этнографическихъ выводовъ представляютъ иногда народныя имена, если судить о нихъ по первому взгляду, не принимая въ расчетъ многоразличныхъ видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Весьма часто народное имя или прозваніе имѣетъ за собой длинную и запутанную исторію, такъ что очень трудно добраться до его происхожденія и первоначальнаго смысла. Къ такого рода случаямъ я отношу названіе Руоци или Руотсы (Ruotsi) подъ которымъ Шведы извѣстны у Финновъ. Норманисты изъ этого названія сдѣлали свое обычное заключеніе: Финны называютъ Шведовъ Руссами; слѣдовательно наша Русь пришла изъ Швеціи. Но, вопервыхъ, недоказано, что бы Руотсы означали тоже что Руссы; а вовторыхъ, названіе Руссовъ встрѣчается и помимо нашей собственной Руси. На южномъ берегу Балтійскаго моря мы также находимъ въ средніе вѣка Русь (Нѣманъ), Пруссовъ, Рузію или Русцію, Рутеновъ, Руговъ или Ругіанъ, и т. п. Всѣ эти названія имѣютъ между собою тѣсную филологическую связь, но нисколько не означаютъ колонистовъ изъ южной Руси на берега Балтійскаго моря или наоборотъ. Если же объяснять колонистами (что̀ и дѣлаетъ славянская школа, выводящая Варяговъ Русь съ Балтійскаго поморья), то полабскіе Древане окажутся колонистами изъ Волыни или наоборотъ, ѳракійскіе Друговиты колонистами полоцкихъ Дреговичей; Поляки пойдутъ отъ кіевскихъ Полянъ, или Кіевъ (Куяба у Арабовъ) отъ польскихъ Куявовъ, и т. п; объ Англахъ и Турингахъ мы уже говорили. А главное, надобно прежде объяснить самое слово Руотси. Это слово нисколько не указываетъ на тожество Шведовъ съ нашею Русью. Филологически никѣмъ не доказано, что бы слова Руотси и Рось были тожество, а не созвучіе. Мимоходомъ замѣчу при этомъ, что знаменитый Шафарикъ, употребляя подобный пріемъ какъ норманисты, впалъ въ ту же самую ошибку. Его поразило то обстоятельство, что названіе *Скиѳы* по своему этимологическому строенію у Славянъ должно было обратиться въ собирательное *Скуть,* а отсюда могло перейти въ *Чудь.* И вотъ Скиѳы оказались у него чудскими или финскими племенами. Но еслибъ онъ пошелъ далѣе и замѣтилъ тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергалось слово Скиѳы или Скиты, то увидалъ бы, что слово это получило весьма обширное примѣненіе: Скатія или Скандія (Скандинавія), Сконія (Шонія), Скотія (Шотландія), города Скутари и Шалонъ (Каталавнъ или Скиталавнъ)

оказываются въ сущности видоизмѣненіями слова Скиѳія. А если отбросить *с* и признать за корень *кыт* или *кут* (что́ дѣйствительно такъ и есть, подобно словамъ *кора* и *скора* или *шкура*), то Китава или Кутава (древнее названіе Кіева), московскій Китай-городъ, Китай имперія (названная такъ по созвучію съ татарскимъ) Каталанія, Кутаисъ и мн. др.—все это окажется варіантами того же названія Скиѳы *.

Что касается до предполагаемой связи шведской провинціи Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцовъ) съ нашею Русью, отъ нея добросовѣстно отказались уже сами представители норманистовъ (послѣ монографіи г. Гедеонова).

Епископъ кремонскій Ліутпрандъ былъ два раза посломъ въ Константинополѣ, во второй половинѣ X вѣка, и упоминаетъ о Руссахъ два раза. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ: „На сѣверъ отъ Константинополя живутъ Угры, Печенѣги, Хазары, Руссы, *которыхъ мы иначе называемъ Нордманами*, и Булгары, ближайшіе сосѣди". Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ расказъ своего вотчима о нападеніи Игоревой Руси на Константинополь, и прибавляетъ: „Это есть сѣверный народъ, который Греки по наружному качеству называютъ Руссами, а мы по положенію ихъ страны Нордманами". Тутъ весь вопросъ заключается въ томъ: разумѣлъ ли Ліутпрандъ подъ именемъ Норманновъ только скандинавскіе народы, или онъ даетъ этому имени болѣе обширный смыслъ, то-есть относитъ сюда вообще народы сѣверные? Примѣры послѣдняго встрѣчаются и у другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно въ этомъ смыслѣ слова Ліутпранда. Если же принять слово Норманны въ смыслѣ Скандинавовъ, то что́ же выходитъ? Оказывается что Руссы, поселившіеся на Днѣпрѣ, все еще продолжаютъ называться Норманнами или Скандинавами, хотя уже прошло сто лѣтъ со времени

* Названія отдѣльныхъ предметовъ могутъ иногда вводить въ такое же заблужденіе какъ и названія народовъ. Напримѣръ: чего бы проще, какъ Корсунскія врата Новгородской Софіи производить изъ города Корсуня? Къ названію присоединялись и другія обстоятельства: завоеваніе Корсуня Владиміромъ Святымъ и вывозъ оттуда Русскими нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Дѣйствительно, и въ древней, и въ новой Россіи эти врата производили изъ Корсуня, пока точныя изслѣдованія Аделунга не убѣдили въ томъ, что они не греческой, а западной или латинской работы.

ихъ предполагаемаго выхода изъ Скандинавіи (Ліутпрандъ выражается тутъ прямо о своемъ времени: nos vero vocamus). Если же Ліутпрандъ подразумѣвалъ собственно скандинавское происхожденіе Руси, то кто ему мѣшалъ прямо указать на него а не выражаться неопредѣленными терминами? Но дѣло въ томъ, что онъ говоритъ только о положеніи страны. Онъ прямо помѣщаетъ Руссовъ въ сосѣдство Угровъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Булгаръ; что̀ совершенно соотвѣтствуетъ положенію приднѣпровской Руси и было бы весьма несогласно съ понятіемъ о Скандинавіи.

Мы видѣли, что арабскія извѣстія второй половины IX вѣка говорятъ о Руссахъ какъ о сильномъ, многочисленномъ народѣ, предѣлы котораго на юго-востокѣ теряются гдѣ-то въ странахъ приволжскихъ и прикаспійскихъ. Если обратимся на юго-западъ, и здѣсь его предѣлы не только простираются до Карпатъ, но и переходятъ за нихъ. Галицкая или Червонная Русь, по лѣтописи, только при Владимірѣ Святомъ примкнула къ общему составу Руси. Вскорѣ она переходитъ въ руки Поляковъ. Въ послѣдствіи опять возвращается къ русскимъ князьямъ; а въ XIV вѣкѣ снова и надолго отходитъ къ Польшѣ, и отъ нея уже не возвращается къ Россіи, а поступаетъ во владѣніе Габсбурговъ. Невольно представляется вопросъ: когда же названіе *Русь, Русинъ* успѣло такъ глубоко вкорениться въ Галиціи, еслибы было принесено горстью выходцевъ изъ Скандинавіи? Галицкій народъ постоянно и до сихъ поръ отличаетъ себя названіемъ Русскаго отъ другихъ Славянъ. При польскомъ владычествѣ изъ всѣхъ русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носитъ названіе *Русскаго* попреимуществу. Галиція все-таки, хоть сравнительно не долго, принадлежала дому Игоревичей. Но что̀ такое Русь Закарпатская или Угорская? Когда она поселилась тамъ, положительныхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ. Венгерскіе лѣтописцы говорятъ, что она пришла въ Паннонію еще вмѣстѣ съ Венграми. А норманисты утверждаютъ, что лѣтописцы лгутъ и что это должно быть русскіе бѣглецы временъ татарскаго нашествія, то-есть относятъ начало Угорской Руси къ XIII вѣку. Дѣйствительно венгерскіе лѣтописцы не отличаются правдивостію; однако они много говорятъ и правды. А мы думаемъ, что Русское племя могло обитать въ Карпатахъ и подъ Карпатами еще прежде Угровъ, то-есть оно было тамъ старожилами. Вся Карпатская

Русь есть живой протестъ противъ норманистовъ, и потому они вооружаются на нее всѣми силами. Такъ, они возражаютъ: что по нашей лѣтописи Карпатская область была населена племенемъ Хорватовъ, и слѣдовательно лѣтописцы наши отличали ее отъ Руси; что Хорваты по большей части выселились въ Иллирію, и остатки ихъ потомъ подчинены Русскими при князьяхъ Рюрикова дома. Противъ этого мы напомнимъ то что́ говорили о разныхъ объемахъ, которые принимало названіе Русь. И Кривичей, и Волынянъ лѣтописцы отличаютъ отъ Руси-Полянъ; однако это не мѣшало имъ сознавать себя русскимъ народомъ. Но что́ скажутъ норманисты когда имя Хорватовъ мы сблизимъ съ именемъ Кривичей? Въ источникахъ встрѣчаются различные варіанты того и другаго названія, напримѣръ; Кроваты, Кровиты и Кривиты или Кривичи. Это имя существовало въ сѣверной Руси, въ Галиціи и на Балканскомъ полуостровѣ и никоимъ образомъ нельзя объяснять его переселеніями. Точно также имя Сербовъ мы находимъ на Деснѣ (Сѣверянъ), на Эльбѣ и на Дунаѣ, и отсюда въ правѣ заключить, что такія названія, какъ Кривиты и Сербы принадлежали къ наиболѣе любимымъ славянскимъ названіямъ. Сокращенная форма названія Кривичей или Хорватовъ будетъ Кровы или *Кревы*. Наоборотъ имя Сербы или Сервы въ болѣе полной формѣ было. Серваты, Сарваты, Савароматы, Савроматы или *Сарматы*. Названіе Рось или Русь было также однимъ изъ любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ славянскихъ названій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что оно въ сѣверной Венгріи древнѣе пришествія Угровъ. То же названіе, только въ другой формѣ, распространялось и на значительную часть Панноніи; мы говоримъ о *Ругіи*, у Нѣмцевъ *Rugiland*. *Ругія*—это, по всей вѣроятности, одно изъ многихъ видоизмѣненій слова *Русь* или *Русія*. Такъ въ латинскихъ лѣтописяхъ мы находимъ названіе нашей Ольги *regina Rugorum* (что́ не мѣшало носить имя Руговъ и нѣкоторой части Нѣмцевъ; опять напомнимъ Англовъ и Угличей, а также славянскихъ Руянъ или Ругіанъ на Балтійскомъ морѣ). Итакъ Угорскую и Карпатскую Русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и Хорватами, что́ не мѣшало ей быть въ то же время Русью въ обширномъ смыслѣ, подобно нашимъ Кривичамъ. И имя это, какъ оказывается, совсѣмъ не означаетъ горцевъ, то-есть не происходитъ отъ слова *гръбъ—горбъ* или *хрбъ—*

хребетъ. Подобныя объясненія суть только попытки осмыслить названія, смыслъ которыхъ давно затерялся. Примѣровъ неудачнаго осмысливанія очень много. Такъ названіе *Нѣмцы* до сихъ поръ производятъ отъ *нѣмой*. Но возможное ли дѣло, чтобы Славяне назвали своихъ исконныхъ сосѣдей и когда-то соплеменниковъ для себя непонятными, то-есть нѣмыми? Названіе Нѣмцы очень древне, и напоминаетъ германскихъ Неметовъ у Тацита (на что̀ уже указывали нѣкоторые ученые и прежде, но тщетно). Славянское „Нѣмцы" представляетъ аналогію съ французскимъ „allemands": имя одного народа перенесено на цѣлое племя. (Названіе рѣки Нѣмана м. б. того же корня).

Норманисты изощрялись доказывать, что и названіе Русинъ въ Угріи означаетъ собственно не человѣка русскаго племени, а человѣка русской вѣры. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводился разговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Кто ты такой?"—„Русинъ (или Руснакъ)."—„Какой ты вѣры?"—„Русской".—„А въ какой землѣ ты живешь?" — „Въ Угорщинѣ". Отсюда дѣлался прямой выводъ: самъ народъ считаетъ свою землю Угорскою, а не Русскою, слѣдовательно онъ пришелъ сюда послѣ Угровъ, а Русиномъ называетъ себя въ смыслѣ унита или православнаго. Но въ такомъ случаѣ, напримѣръ, прусскіе Поляки отвѣчающіе, что они живутъ въ Пруссіи или въ Нѣмечинѣ, или нѣкоторые Западноруссы, говорившіе, что они живутъ въ Польшѣ и т. п., все это будутъ не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманская школа обыкновенно представляла Варяговъ, приходившихъ изъ Скандинавіи, свободно разгуливающими на своихъ лодкахъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Россіи вдоль и поперекъ ея, то въ качествѣ торговцевъ, то въ качествѣ пиратовъ. До сихъ поръ почти никто не обращалъ серіознаго вниманія на это представленіе. Развѣ Россія была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западѣ мы видимъ, что Норманны иногда устьями рѣкъ врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать съ такимъ продолжительнымъ и многотруднымъ путемъ, каковъ былъ такъ-называемый греческій путь изъ Балтійскаго моря по Волхову, Ловати и Днѣпру въ Черное. На этомъ пути мы видимъ по тому времени довольно густое населеніе и укрѣпленные города. Если Варяги и плавали по немъ, то не иначе какъ при мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ туземны-

ми державцами или общинами. На походы Скандинавовъ въ Константинополь большими массами нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помѣхи со стороны населенія: кромѣ громаднаго протяженія пути они должны были встрѣчать препятствія естественныя. Между Днѣпромъ и Ловатью лежитъ поперечный бассейнъ Западной Двины; слѣдовательно надобно было перейти два волока. Притомъ гораздо короче былъ другой путь изъ Варягъ въ Греки, по Западной Двинѣ; а Волховъ и Нева представляли длинный крюкъ. Мы сомнѣваемся, чтобы лодки поднимавшіяся изъ Балтійскаго моря по Двинѣ или по Волхову, дѣйствительно перетаскивались потомъ волокомъ до Днѣпра. Гораздо естественнѣе предположить, что торговцы должны были везти свои товары по этимъ волокамъ на телѣгахъ или, что̀ вѣроятнѣе, зимой на саняхъ, и достигши Днѣпра, пересаживались въ лодки, которыя они нанимали или покупали у туземцевъ. Съ нашимъ предположеніемъ вполнѣ согласуется извѣстіе Константина Багрянороднаго о плаваніи русскихъ карвановъ въ Черное Море: обитатели приднѣпровскихъ областей въ теченіе зимы рубили лодки однодеревки; весной, во время разлитія водъ, сплавляли ихъ въ Днѣпръ къ Кіеву; здѣсь торговцы покупали эти лодки, оснащивали ихъ и снаряжали караваны. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, съ какими усиліями эти караваны проходили сквозь Днѣпровскіе пороги; но замѣчательно, что объ ихъ обратномъ плаваніи мы ничего не знаемъ. Раждается вопросъ: какимъ образомъ они проходили пороги противъ теченія? Сомнѣваемся, чтобы тѣ же самыя лодки возвращались въ Кіевъ. Замѣчательно, что скандинавскія саги, столь много расказывающія о походахъ Норманновъ, совершенно молчатъ объ ихъ плаваніи по Днѣпру и его порогамъ. Точно также молчатъ о томъ и западные лѣтописцы. Адамъ Бременскій замѣчаетъ, что путь изъ Швеціи въ Византію по Русской землѣ былъ мало посѣщаемъ, по причинѣ варварскихъ народовъ, и что ему предпочитали плаваніе по Средиземному морю. Мы знаемъ, что Варяги или Норманны приходили въ Кіевъ; но приходили въ качествѣ гостей или наемныхъ дружинниковъ. Есть примѣры ихъ путешествія изъ Кіева въ Константинополь, но только съ позволенія кіевскаго князя. Извѣстно, что Владиміръ Святой, утвердясь въ Кіевѣ, самъ отправилъ часть излишней варяжской дружины въ Ви-

15*

зантію, и конечно на русскихъ же лодкахъ. Замѣчательно, что это былъ первый случай отправленія Варяговъ въ Грецію изъ Руси; о болѣе раннемъ не говорятъ никакіе источники. О томъ, чтобы Варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю, не можетъ быть и рѣчи. Сами Руссы, по замѣчанію Константина Багрянороднаго, могли предпринимать плаваніе въ Черное Море только въ то время, когда были въ мирѣ съ Печенѣгами.

Оба извѣстія о великомъ водномъ пути, Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи, относятся къ той эпохѣ когда сѣверная и южная Русь объединились подъ владычествомъ одного княжескаго рода, и слѣдовательно плаваніе судовъ подъ покровительствомъ князей могло довольно свободно совершаться отъ Ладожскаго озера до нижняго теченія Днѣпра. Кратчайшій путь изъ Балтійскаго моря въ Черное по Западной Двинѣ стоялъ на второмъ планѣ вслѣдствіе того значенія, которое пріобрѣлъ Новгородъ, какъ торговый и отчасти политическій центръ.

Итакъ, повторяемъ, великій водный или Греческій путь сдѣлался довольно торною дорогой собственно со времени русскихъ князей и въ связи съ ихъ господствомъ, а не прежде ихъ водворенія вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связяхъ между Русью и *Варягами-Норманнами*. (Подъ этимъ именемъ разумѣемъ обитателей Скандинавіи, Датскихъ острововъ и южнаго Балтійскаго поморья). Многіе факты изъ X и XI вѣковъ убѣждаютъ насъ, что связи эти дѣйствительно существовали. Мы видимъ наемныя варяжскія дружины въ войскахъ русскихъ князей и даже варяжскій гарнизонъ въ Новгородѣ. Видимъ иногда брачныя и вообще родственныя отношенія Игоревичей съ норманскими конунгами. При дворѣ русскихъ князей встрѣчаются норманскіе принцы и знатные люди; варяжскіе купцы или гости были не рѣдки, особенно въ Новгородѣ; въ случаяхъ нужды русскіе князья посылаютъ нанимать Варяговъ, а иногда сами ищутъ убѣжища у ихъ конунговъ. Однимъ словомъ, мы видимъ иногда довольно дѣятельныя сношенія. Но что́ же изъ этого. Слѣдуетъ ли отсюда, будто Руссы пришли изъ Скандинавіи? Нисколько. Подобныя связи и сношенія мы находимъ и съ другими народами, какъ-то съ Греками, Поляками, Нѣмцами, Половцами и т. д. Замѣчательно, что скандинавскія саги въ общихъ чертахъ по по-

воду отношенія Норманновъ къ Руси сходятся съ нашими лѣтописями, за исключеніемъ басни о призваніи Варяговъ, которая самимъ Скандинавамъ была неизвѣстна, также какъ и другимъ средневѣковымъ источникамъ. Новые скандинавскіе историки тѣмъ не менѣе повторяютъ эту басню, но повторяютъ ее съ нашего же голоса. Скандинавскія саги не только не подтверждаютъ басни о призваніи или о завоеваніи Руси Норманнами; напротивъ онѣ еще яснѣе чѣмъ наши лѣтописи характеризуютъ ту роль, которую играли на Руси Норманны въ качествѣ наемныхъ дружинъ: хорошее вознагражденіе, вотъ что̀ болѣе всего тянуло къ намъ этихъ сѣверныхъ кондотьеровъ, и они торгуются съ нашими князьями не хуже всякихъ другихъ наемниковъ. По всему видно, что великокняжескій Кіевскій дворъ привлекалъ ихъ своимъ богатствомъ и блескомъ, какихъ имъ неприходилось видѣть у себя на родинѣ. Не изъ бѣдной, полудикой Скандинавіи проникали тогда въ Россію сѣмена цивилизаціи, а развѣ наоборотъ, изъ Руси въ Скандинавію. Южнорусскіе Славяне со временъ глубокой древности находились въ сношеніяхъ съ греческими припонтійскими колоніями, и отъ нихъ конечно получили начатки своей гражданственности. Въ этомъ отношеніи они не были менѣе счастливы чѣмъ Германцы жившіе на границахъ Римскаго міра. Цвѣтущее состояніе русской гражданственности, открывающееся предъ нами въ XI и XII вѣкахъ, не могло получить начало только со второй половины IX вѣка, то-есть со времени мнимаго призванія Варяговъ. Нѣтъ, такому цвѣтущему состоянію предшествовалъ безспорно долгій періодъ постепеннаго развитія. Только убѣдившись въ этой истинѣ, мы оцѣнимъ все значеніе варварскаго татарскаго ига въ Россіи: прошло четыре вѣка со времени нашего освобожденія, а наша гражданственность все еще позади, тогда какъ въ XII вѣкѣ она стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была, повидимому, выше польской.

Въ русскихъ лѣтописяхъ и въ скандинавскихъ сагахъ нашлось нѣсколько сходныхъ преданій. Напримѣръ, о смерти Олега отъ своего коня, о взятіи Коростена Ольгой при помощи воробьевъ и голубей, и пр. И вотъ еще доказательство скандинавскаго происхожденія! Интересно при этомъ незамѣченное норманистами обстоятельство, что русскія саги повидимому древнѣе исландскихъ! Исландскій расказъ о томъ, какъ Гаральдъ

Смѣлый взялъ въ Сициліи одинъ городъ помощію птицъ относитъ событіе къ половинѣ XI вѣка, а русская сага объ Ольгѣ и Коростенѣ говоритъ о половинѣ X вѣка. Кто же у кого заимствовалъ преданіе? Вопросъ еще болѣе усложняется, если обратимъ вниманіе на восточныя сказанія, по которымъ войско Чингизъ-хана такимъ же способомъ взяло одинъ непріятельскій городъ. Сходные миѳическіе мотивы можно встрѣчать и постоянно встрѣчаются не только у родственныхъ народовъ, но также у народовъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Между тѣмъ у насъ есть цѣлые ученые трактаты, толкующіе о заимствованіяхъ русскими пѣсенъ, сказокъ и пр. то съ востока, то съ запада. Остается только предположить что и весь Русскій народъ откуда-нибудь заимствованъ! Народъ, который своею многочисленностію и своеобразнымъ характеромъ издавна поражалъ иноземцевъ. Въ половинѣ XII вѣка Матвѣй, епископъ Краковскій, выражается такимъ образомъ: „Русь это какъ бы особый міръ; этотъ Русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ подобенъ звѣздамъ небеснымъ.“

V.

Новгородскій оттѣнокъ легенды о призваніи князей.

Откуда взялась легенда о призваніи князей и о призваніи именно изъ Скандинавіи?

Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе и притомъ льстящее народному самолюбію. Напримѣръ, Франки выводили себя отъ Энеевыхъ Троянъ, Бургунды отъ Римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ пріемомъ было выводить народы изъ Скандинавіи. Такъ Іорнандъ производилъ Готовъ изъ Скандинавіи, и назвалъ эту страну vagina gentium. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же Лангобардовъ. Видукиндъ сообщаетъ мнѣніе, которое оттуда же выводитъ и Саксовъ. Къ Готскимъ народамъ нѣкоторые лѣтописцы причисляютъ Вандаловъ, Геруловъ, Скировъ, Ругіевъ, Бургундовъ и Алановъ (см. Mem. Pop.

Стриттера. Т. I). Если принять Скандинавское происхожденіе Готовъ, то выходитъ, что и эти всѣ народы ведутъ свое начало изъ Скандинавіи. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полумиѳическаго острова Скандіи пріобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого то благородства. Если принять въ соображеніе, что сами Скандинавы выводили своихъ предковъ съ береговъ Танаиса, то получимъ слѣдующую несообразность. Готскій народъ успѣлъ изъ южной Россіи переселиться въ Скандинавію, тамъ размножиться, оттуда вернуться въ южную Россію и здѣсь уже съ III вѣка явиться господствующимъ народомъ. А между тѣмъ сама Скандинавія, эта воображаемая vagina gentium, извергавшая изъ своихъ предѣловъ цѣлые народные потоки, безъ сомнѣнія въ первые вѣка нашей эры была пустынною страною, изрѣдка обитаемою Финнами и Лопарями, по берегамъ которой еще только зараждались германскія колоніи, приходившія съ южнаго Балтійскаго поморья.

Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи по всей вѣроятности отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда Варяжской Руси. Но, какъ мы видѣли, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ; что владычество свое она распространяла не съ сѣвера на югъ, а на оборотъ съ юга на сѣверъ, и что Русь и Варяги два различные народа: первые жили на югѣ, вторые на сѣверѣ. Сама лѣтопись наша Черное море называетъ *Русскимъ*, а Балтійское *Варяжскимъ*; эти названія весьма наглядно указываютъ на географическое положеніе Варяговъ и Руси, и нѣтъ никакого моря, которое бы называлось Варяго-Русскимъ. Арабы также Черное море называютъ Русскимъ; о Балтійскомъ морѣ они хотя имѣли темное представленіе, но все-таки связывали съ нимъ названіе Варанкъ. Далѣе, русская лѣтопись смѣшиваетъ Русь съ Варягами собственно въ легендѣ о призваніи князей; но почти во всѣхъ другихъ случаяхъ она различаетъ Русь отъ Варяговъ и говоритъ о нихъ какъ о разныхъ народахъ. Русскою землею въ лѣтописи называется по преимуществу югъ, а не сѣверъ Россіи; въ XII вѣкѣ князья подъ именемъ Руси разумѣютъ обыкновенно Кіевскую землю. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Русь приводится въ наиболѣе тѣсныя отношенія съ Полянами. Напомнимъ опять выраженіе лѣтописи: „Поляне яже нынѣ зо-

вомая Русь“. Замѣчательно, что матерью русскихъ городовъ названъ Кіевъ, а не Новгородъ *.

Начало Русской исторіи пріурочиваетъ къ Новгороду одна только легенда о призваніи князей. „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“ — вотъ какими словами начинается наша лѣтопись. Тутъ говорится о Кіевѣ, а не о Новгородѣ. Положительныя хронологическія данныя также относятъ начало нашей исторіи къ Кіеву. Первый достовѣрный фактъ, внесенный въ нашу лѣтопись со словъ византійцевъ, это нападеніе Руси на Константинополь въ 864 — 5 гг., въ царствованіе императора Михаила. Вотъ слова нашей лѣтописи: „Наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля“. Норманская теорія придала имъ тотъ смыслъ, будто именно съ этого времени наша

---

* Обращаемъ вниманіе читателя на эту граматическую невѣрность: Кіевъ мать, а не отецъ-городъ (на что указалъ и г. Бессоновъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Бѣлорусскихъ пѣсенъ). Народъ не могъ выразиться такимъ образомъ: онъ говоритъ «матушка Москва», «батюшка Питеръ», а не наоборотъ. Для объясненія этой неправильности предлагаемъ двѣ догадки. Или это названіе не народное, а книжное, заимствованное отъ Грековъ: то есть буквальный переводъ слова μητρόπολις; или оно народное, но въ такомъ случаѣ первоначальная форма его имѣла женское окончаніе. Съ послѣднимъ предположеніемъ согласуются тѣ названія Кіева, которыя мы встрѣчаемъ въ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ извѣстіяхъ X и XI вѣка, именно: *Кіава*, *Китава* и *Куява*. Мы думаемъ даже, что древнѣйшая форма была Китава или Кутава, которая перешла въ Кіаву, Куяву, Кіевъ, и наконецъ послѣдняя форма возобладала въ народномъ употребленіи. Такимъ образомъ названіе Кіева мы приводимъ въ связь съ названіемъ Скитіи или Скиѳіи, о чемъ уже замѣтили выше. Первоначальная форма была забыта, и вотъ является обычная попытка осмыслить названіе; въ древней Россіи составился миѳъ объ основателѣ Кіѣ; а въ новой не лучше поступали тѣ, которые производили Кіевъ отъ *кій* (палка). А между тѣмъ и доселѣ близь Кіева существуетъ мѣстность *Китаево* (съ Китаевскою пустынью), а въ Кіевской губерніи есть два Китая-городка. Названіе московскаго Китая-города оказывается далеко не единственное. Отъ того же корня *кыт* или *кут* произошло и названіе *Покутья* (остатокъ имени Скутія или Скиѳія).

Что подъ именемъ Руси разумѣлась въ древній періодъ преимущественно Кіевская земля даже и у другихъ южнорусскихъ Славянъ, весьма наглядный примѣръ представляютъ извѣстныя слова Владиміра Галицкаго о кіевскомъ бояринѣ Петрѣ: «Поѣха мужъ Русскій объимавъ вся волости».

отечество стало называться Русью. Но внутренній, дѣйствительный смыслъ, согласный съ положительными событіями, тотъ, что въ царствованіе Михаила имя Руси впервые дѣлается извѣстнымъ, собственно впервые обращаетъ на себя вниманіе, вслѣдствіе нападенія Руссовъ на Константинополь. Можетъ быть нашъ лѣтописецъ и самъ думалъ, что съ тѣхъ поръ Русь стала называться Русью. Заблужденіе весьма естественное, и невозможно прилагать требованія нашего времени къ русскимъ грамотнымъ людямъ той эпохи, то есть ожидать отъ нихъ эрудиціи и критики своихъ источниковъ. Напримѣръ, могли ли они, читая византійцевъ, подъ именами Скиѳовъ, Сарматовъ и т. п. узнавать свою Русь?

„Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ — продолжаетъ лѣтопись“. Это *отселѣ*, по отношенію къ Русской исторіи, оказывается первый годъ Михаилова царствованія, который лѣтопись полагаетъ въ 852 г. „А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33“ и т. д. Въ этомъ хронологическомъ перечнѣ начало Руси ведется не отъ призванія Варяговъ, а отъ той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмѣчена византійскими историками. Затѣмъ хронистъ прямо переходитъ къ Олегу. Гдѣ же Рюрикъ? И почему такое повидимому замѣчательное лицо, родоначальникъ Русскихъ князей, не получилъ мѣста въ означенной хронологіи? Мы въ этомъ случаѣ допускаемъ только одно объясненіе, а именно: легенда о Рюрикѣ и вообще о призваніи князей занесена въ лѣтописный сводъ, чтобы дать какое нибудь начало русской исторіи, и занесена первоначально безъ года; а въ послѣдствіи искусственно пріурочена къ 862 году *.

Въ настоящее время, послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ трудовъ по вопросу о нашей лѣтописи (Погодина, Сухомлинова, Срезневскаго, кн. Оболенскаго, Бестужева-Рюмина и др.) нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемая Несторова лѣтопись въ томъ

---

* Начальную хронологію Нестора сами норманисты находятъ ошибочною; а именно на это указывалъ прежде Кругъ, и въ наше время г. Куникъ.

видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть собственно лѣтопис[illegible] сводъ, который наросталъ постепенно и подвергался раз[illegible] редакціямъ. Списатели, какъ оказывается, не всегда дово[illegible] вались буквальнымъ воспроизведеніемъ оригинала; но часто [illegible] лагали и свою долю авторства; одно сокращали, другое [illegible] страняли; подновляли языкъ; вставляли отъ себя разсужденія, [illegible] кованія и даже цѣлые эпизоды. Ненадобно при этомъ упус[illegible] изъ виду также и простыя ошибки, описки, недоразумѣнія ([illegible] бенно при чтеніи подтительныхъ словъ) и пр. Извѣстныя [illegible] мниха Лаврентія: „оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, [illegible] не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените"— [illegible] слова характеристичны. Мы думаемъ что и мнихъ Лаврентій, [illegible] тя называетъ себя списателемъ, однако едва ли это слово [illegible] но приложить къ нему въ буквальномъ смыслѣ. Вотъ отъ[illegible] явилось такое разнообразіе списковъ, что нельзя найти [illegible] экземпляровъ совершенно сходныхъ между собою.

Лѣтописный сводъ дошелъ до насъ въ спискахъ, которы[illegible] восходятъ ранѣе второй половины XIV в.; отъ Кіевскаго [illegible] ода не сохранилось рукописи ни одного лѣтописнаго сбор[illegible] Своды, дошедшіе до насъ и заключающіе начало нашей исто[illegible] принадлежатъ собственно Руси сѣверной, т. е. Новгородско-С[illegible] дальской, а не южной, и притомъ относятся къ тому времени, ко[illegible] лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ уже прекратилась. Возстано- вить по нимъ начальную редакцію почти также трудно, какъ по былинамъ Владимірова цикла возстановить картину Кіевской Руси и придворнокняжескаго или дружиннаго быта временъ историческаго Владиміра; ибо эти былины точно также дошли до насъ при посредствѣ сѣверной обработки и сѣверной передачи; они окрасились въ цвѣтъ, который имѣетъ мало общаго съ древнею Кіевскою Русью. Въ нихъ болѣе отражается единодержавная Московская Русь. Попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей отдѣлить разнообразные слои въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ начались сравнительно недавно, и, несмотря на нѣкоторые прекрасные результаты, остается еще обширное поле для дѣятелей; многія подробности еще ускользаютъ отъ разъясненія. Нѣкоторыя имена вкладчиковъ въ лѣтописный сводъ и списателей уцѣлѣли случайно; а остальныя потеряны навсегда.

Относительно порчи и перемѣнъ, которымъ подверглись наши начальныя лѣтописи, они представляютъ аналогію съ богослужебными книгами. Извѣстно, какія ошибки и вставки были

въ нихъ открыты, когда началось ихъ исправленіе, и къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ они повели. А между тѣмъ богослужебныя книги какъ предметъ священный конечно переписывались съ бо́льшимъ тщаніемъ и большею осторожностію, чѣмъ лѣтописи; поэтому можно себѣ представить какъ велика была порча послѣднихъ; ибо для списателей и составителей сводовъ не было такой же сдержки. А когда началась ученая разработка Русской исторіи, тѣ расказы, которые говорятъ о временахъ гораздо болѣе древнихъ чѣмъ самыя лѣтописи, относились обыкновенно къ народнымъ преданіямъ. Мы нисколько не отвергаемъ преданій какъ одного изъ источниковъ исторіи; но дѣло въ томъ, что этимъ источникомъ надобно пользоваться съ величайшею осторожностію, и пока преданіе не выдержитъ строгой провѣрки по другимъ болѣе достовѣрнымъ источникамъ, его никакъ нельзя возводить въ историческій фактъ. Это во первыхъ; а во вторыхъ еще вопросъ: то, что мы иногда считаемъ народнымъ преданіемъ, дѣйствительно ли таковымъ можетъ назваться? Можно не мало найти примѣровъ тому, какъ мнимо народныя преданія составились путемъ собственно книжнымъ. Нѣкоторые домыслы грамотѣевъ, удачно пущенные въ массу, въ послѣдствіи какъ бы принимаютъ оттѣнокъ народныхъ преданій, особенно если въ нихъ отражался какой нибудь общій мотивъ, какое либо повторявшееся явленіе, другими словами если они попадали въ соотвѣтственную среду. Для аналогіи съ этимъ явленіемъ укажемъ на отношенія многихъ апокрифическихъ сказаній къ Библіи.

Столь прославленная легенда о призваніи князей дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. По всей вѣроятности она была преобразована тѣмъ лицомъ, который приложилъ нѣкоторыя старанія къ обработкѣ Кіевскаго свода, то есть придалъ ему нѣкоторую систему. Хотя это сказаніе по возможности проводится и далѣе, то есть какъ бы согласуется съ дальнѣйшими фактами; но по наивности и простотѣ литературныхъ пріемовъ лѣтописцы не могли избѣжать противорѣчій какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ *.

---

* Для примѣра укажемъ на происхожденіе Переяславля, который будто основанъ на мѣстѣ извѣстнаго единоборства при Владимірѣ св. Это не болѣе какъ неудачная попытка осмыслить названіе города, въ родѣ миѳа о Кіѣ, основателѣ Кіева. Составитель свода не обратилъ внима-

Извѣстно, что исторія каждаго народа начинается
Не будемъ говорить о народахъ древняго міра;
лѣе близкіе къ намъ примѣры: сказанія о Пшемыслѣ у
о Крокѣ и Лешкахъ у Поляковъ и пр. Откуда глав
разомъ берутся эти сказанія? Изъ простой, естествен
требности объяснить свое начало, т. е. начало своего
и особенно своей государственной жизни.

Наша легенда о призваніи князей изъ за моря имѣетъ
признаки сказочнаго свойства. Во первыхъ, три брата.
стно, что это число служитъ любимымъ сказочнымъ
не только у Славянъ, но и у другихъ народовъ. Еще у
нихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, существовалъ
ихъ происхожденіи отъ царя Таргитая и его трехъ
Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. Въ средніе вѣка встр
у Славянъ миѳъ о происхожденіи трехъ главныхъ слав
народовъ отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса. Въ
лѣтописи, въ параллель съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Тру
на сѣверѣ, являются три брата на югѣ: Кій, Щекъ и Х
Наша легенда о призваніи трехъ Варяговъ для водворе
рядка сходна съ ирландскимъ преданіемъ о призваніи
братьевъ съ востока (Амелавъ, Ситаракъ и Иворъ) для
нія торговли. Что легенда о трехъ Варягахъ установилась
вдругъ, и подвергалась также варіантамъ и украшеніямъ,
казываютъ ея позднѣйшая редакція, съ прибавленіемъ Го
мысла, колебаніе, по разнымъ спискамъ, между Ладогою и
городомъ, и пр. Самая неопредѣленность выраженія: при
изъ „за моря“ есть также обычная черта подобныхъ
почти тоже, что наше сказочное: „изъ за тридевять
Если бы это былъ историческій фактъ, то могло бы сохра
ся въ памяти народной болѣе опредѣленное указаніе на
ность, изъ которой призвали князей. Впрочемъ, напрасно

нія на то, что городъ Переяславль уже упомянутъ имъ въ договорѣ Олега съ Греками. Это несообразность бросающаяся въ глаза; но другія несообразности менѣе яркія еще легче ускользали отъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Напримѣръ, могли ли они замѣтить слѣдующую тонкость? Въ сказаніи о призваніи князей говорится, что отъ этихъ князей Новгородцы стали называться *Русская земля*; а между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ извѣстій ясно, что именно Новгородцы то и не называли себя Русью, а называли такъ обитателей Приднѣпровья.

считается родоначальникомъ Норманской теоріи; эта теорія общихъ чертахъ уже существовала въ древней Россіи, т. подъ моремъ тутъ нѣкоторыми разумѣлось море Варяжское Балтійское. Такъ въ 1611 году изъ Новгорода отправлены послы къ шведскому королю Карлу IX просить въ государи его сына; для чего приводилось слѣдующее основаніе: „А ніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Θедора Ивановича былъ“. Впрочемъ и въ древней Россіи мнѣніе о призваніи князей изъ Скандинавіи далеко не было исключительнымъ. Напомнимъ извѣстныя слова Степенной книги о томъ, что Рюрикъ съ братьями пришли изъ Прусской земли, и что они были потомки Пруса, брата Октавія Августа. Воскресенская лѣтопись также выводитъ ихъ изъ Прусской земли.

Польскій историкъ Длугошъ, писавшій во второй половинѣ XV вѣка, но имѣвшій подъ руками болѣе древнихъ русскихъ лѣтописцевъ, въ своихъ извѣстіяхъ о Руси распространяется о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и только мимоходомъ упоминаетъ о выборѣ трехъ братьевъ Варяговъ нѣкоторыми *русскими* племенами. Онъ выражается о пришествіи князей вообще „изъ Варяговъ“; но не говоритъ, будто Русь была Варяги и пришла съ князьями; напротивъ онъ говоритъ о Руси, какъ о народѣ туземномъ и стародавнемъ въ Россіи; приводитъ мнѣніе о его происхожденіи отъ миѳическаго Руса; но прибавляетъ, что мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ очень разнообразны и что это разнообразіе „болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ истину“. Стрыйковскій также ничего не знаетъ о пришествіи Руси изъ Скандинавіи; онъ ведетъ Русь отъ Роксаланъ или Роксанъ; а о Варягахъ замѣчаетъ, что мнѣнія объ ихъ отечествѣ различны и что русскія хроники не даютъ на этотъ счетъ никакого объясненія. Все это показываетъ, какая путаница была въ нашихъ лѣтописяхъ по вопросу о началѣ Руси, прежде нежели преобладало представленіе о пришествіи небывалаго народа Варяго-Руссовъ изъ заморя.

Сказаніе о новогородскомъ посольствѣ къ варяжскимъ князьямъ находится въ непосредственной внутренней связи съ однимъ изъ послѣдующихъ эпизодовъ, именно съ посольствомъ Новгородцевъ къ Святославу, у котораго они просили себѣ князя. Къ своей просьбѣ, какъ извѣстно, они присоединили угрозу: „Если изъ васъ никто не пойдетъ къ намъ, то мы най-

демъ себѣ князя (въ другомъ мѣстѣ)“. Можно ли прини
на вѣру подобный расказъ, который противорѣчитъ завис
му отношенію Новгорода къ великому князю Кіевскому? А
Новгородъ находился тогда въ зависимости отъ Кіевскаго к
зя, въ этомъ убѣждаютъ всѣ положительные факты. Конс
тинъ Багрянородный замѣчаетъ, что самъ Святославъ при
ни отца былъ княземъ Новогородскимъ; онъ упоминаетъ Н
городъ въ числѣ другихъ городовъ зависимыхъ отъ Кіев
нисколько не указываетъ на его самостоятельное положеніе.
Новгородѣ кіевскіе князья въ теченіе всего X вѣка содер
варяжскій гарнизонъ, и это можетъ только намекать на не
всѣмъ покорныя отношенія къ нимъ со стороны Новгор
цевъ. Гораздо естественнѣе предположить, что упомянутый р
казъ о посольствѣ къ Святославу происхожденія чисто Н
городскаго и сложился въ позднѣйшую эпоху. Онъ скорѣе
ражаетъ характеръ отношеній Новгорода къ великимъ к
ямъ въ то время, когда Новогородцы уже добились нѣкото
самостоятельности, кичились своимъ вѣчевымъ бытомъ и д
ствительно *призывали* къ себѣ то того, то другаго князя.

Отсюда мы позволяемъ себѣ предположить, что и самая л
генда о посольствѣ славянскихъ (т. е. новгородскихъ) посл
за море и о призваніи варяжскихъ князей, эта легенда, в
дившая начало Русскаго государства изъ Новгорода—*происх
денія Новогородскаго*. Свой настоящій видъ она получила н
ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, то есть н
ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительна
развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ
сношеній съ Ганзою, то есть съ германскими и скандинавски-
ми побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка попреимуще-
ству сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и толь
съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европей-
ской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была разорена и
подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ
Половцевъ, то есть со второй половины XI вѣка Русскіе по-
степенно были оттѣсняемы отъ прибрежьевъ Черняго моря и
торговыя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затрудня-
лись. А когда нагрянула Татарская орда, эти сношенія пре-
кратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ
порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о
Русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали

ı о нихъ, если бы не извѣстія Арабовъ. Преданіе о трехъ атьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ есть ничто иное какъ таже поıтка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло Русское государво? Эта попытка конечно южнорусскаго кіевскаго происхоенія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно ворить только о своихъ туземныхъ, и связываетъ ихъ пать съ Византіей и съ Болгарами Дунайскими. Это преданіе тѣснили на задній планъ и не дали ему ходу списатели, корые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи важскихъ князей. А *призываніе князей* въ ихъ время было обычмъ дѣломъ въ Великомъ Новгородѣ, и этотъ мотивъ легко гъ окрасить его преданія. Замѣчательно, что и въ послѣдвіи, въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, на призваніе нязей ссылаются именно Новгородцы.

Мы упомянули о наемномъ варяжскомъ гарнизонѣ въ Новродѣ. Начало этого гарнизона можно отнести къ концу IX и къ началу X вѣка. По словамъ нашей лѣтописи, Олегъ тавилъ чтобы Новгородъ давалъ *дань* Варягамъ по 300 гриıнъ въ годъ *мира дѣля*; что дѣйствительно они и получали ı смерти Ярослава. Это извѣстіе конечно не легенда и принадлежитъ къ отдѣлу наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ лѣписнаго свода. Его можно понимать только въ томъ смыслѣ, о Новогородцы платили по 300 гривенъ на содержаніе у севаряжскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе выраженія „дань даи" и „мира дѣля" могли быть перетолкованы въ смыслѣ кой то зависимости отъ Варяговъ и повліять на составлеэ басни о когда то платимой Варягамъ дани, объ ихъ изаніи, потомъ объ ихъ призваніи и пр. Къ этому недорамѣнію могли примѣшаться воспоминанія о дѣйствительıхъ нападеніяхъ Варяговъ на Новогородскіе предѣлы и о дѣйвительныхъ посылкахъ къ Варягамъ для найма войска *.

' Новгородъ какъ извѣстно, находился въ подчиненныхъ отношеніъ къ Кіеву, но издавна стремился къ самостоятельности. Не лишено ıченія и то обстоятельство, что въ до-Татарскую эпоху Новгородъ не слѣдовалъ примѣру другихъ подчиненныхъ Руси племенъ и не ıрался усвоить себѣ имя Русина: но продолжалъ именовать себя Слониномъ. Новгородъ когда то могъ питать къ Кіевскому господству вства, если не тѣже, то подобныя тѣмъ, которыя онъ питалъ въ поѣдствіи къ Московскому.

Если мы обратимся ко всѣмъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ русской словесности до-Татарскаго періода, то насъ поразитъ слѣдующее явленіе. Нигдѣ въ этихъ памятникахъ нѣтъ почти никакого намека на призваніе варяжскихъ князей. А между тѣмъ поводы къ тому были нерѣдки. Возьмемъ хоть столь извѣстное Слово о Полку Игоревѣ. Оно не разъ вспоминаетъ о старыхъ временахъ и о старыхъ русскихъ князьяхъ, даже о вѣкахъ Траяна; но о варяжскихъ князьяхъ нѣтъ и помину. Нѣкоторыя обстоятельства автору Слова извѣстны были лучше чѣмъ лѣтописцамъ; у него есть имена князей, какихъ нѣтъ и въ лѣтописяхъ. Вообще отношенія Руси къ югу у него рисуются яснѣе и обстоятельнѣе чѣмъ у лѣтописцевъ. Такъ, Тмутракань является у послѣднихъ только мимоходомъ и исчезаетъ въ туманѣ; конечно вслѣдствіе того, что лѣтописный сводъ составленъ тогда, когда связи съ югомъ были уже порваны. Но слово о Полку Игоревѣ хотя относится къ концу XII вѣка, однако въ немъ живо еще представленіе о Тмутракани или о части Русской земли но отрѣзанной отъ нея Половецкою ордою. И не только о Тмутракани, поэтъ говоритъ и о готскихъ дѣвахъ, которыя на берегу Синяго моря поютъ пѣсни, звеня русскимъ золотомъ. Тутъ конечно идетъ рѣчь о Готскомъ или южномъ берегѣ Крыма; о чемъ нѣтъ и помину въ нашихъ лѣтописяхъ. Самый походъ Игоря и Всеволода, какъ видно изъ Слова, былъ предпринятъ съ цѣлію: „поискати града Тьмуто-роканя“. Возьмемъ еще, для примѣра, сочиненіе митрополита Иларіона: „Похвала кагану нашему Владиміру.“ Здѣсь представлялся удобный случай упомянуть о предкахъ этого князя, и дѣйствительно Иларіонъ называетъ его сыномъ Святослава и внукомъ „стараго“ Игоря; говоритъ, что ихъ побѣды и храбрость вспоминаются донынѣ; но далѣе Игоря онъ нейдетъ. Слово Даніила Заточника и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ также приводятъ имена Святослава и Игоря. Замѣчательно это какъ бы систематическое умолчаніе о призваніи Рюрика и необычайныхъ завоеваніяхъ Олега во всѣхъ тѣхъ памятникахъ, которые несомнѣнно древнѣе лѣтописнаго свода. Могло ли это все быть случайно? Замѣчательно, что и лѣтописные источники, относящіеся несомнѣнно къ эпохѣ до-Татарской въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ остальными памятниками той же эпохи. Приведенный нами выше хронологическій перечень останавливается на смерти Святополка; отсюда мы можемъ заключить,

…о онъ написанъ при Владимірѣ Мономахѣ т. е. въ первой …ловинѣ XII вѣка; извѣстно, что Рюрика здѣсь нѣтъ.

До какой степени въ лѣтописномъ сводѣ отразилось невѣ…іе южныхъ событій и южныхъ отношеній, это видно на …гарахъ. Какъ извѣстно, мы приписываемъ, и совершенно …овательно, Болгарамъ весьма видную роль въ исторіи …шей письменности и нашего христіанства. Напомнимъ до…оры Олега и Игоря, которые по мнѣнію Норманистовъ, …ли до насъ въ болгарскомъ переводѣ. Между Русью и …гарами очевидно были дѣятельныя сношенія; да и самыя …и сношенія съ Византіей почти не могли совершаться по…о Болгаръ. А между тѣмъ лѣтописи наши чрезвычайно ма… говорятъ о связяхъ съ Болгарами; они знаютъ о нихъ поч… не болѣе того, сколько могли почерпнуть въ извѣстіяхъ …антійскихъ. Иногда они какъ бы смѣшиваютъ Дунайскихъ …лгаръ съ Камскими. Только походы Святослава на Дунай …сываются съ подробностями, но и то потому, что о нихъ …ого говорятъ византійскія хроники. Точно также лѣтопись … даетъ отвѣта на вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Кор…уню, который при Владимірѣ Св. какъ бы вдругъ получаетъ … насъ такое великое значеніе. Въ непосредственную связь … этими отношеніями къ Корсуню мы должны поставить ис…нное существованіе Руси Приазовской, той Руси, которая въ нашей лѣтописи потомъ внезапно, почти безъ всякихъ предварительныхъ указаній, является въ видѣ особаго Тмутараканскаго княжества.

VI.

Русь азовско-черноморская. Параллельныя легенды о призваніи у другихъ народовъ.

Тмутараканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей изъ дома Рюриковичей, то-есть вошло въ составъ общей, объединенной Руси. Но ничто не доказываетъ, что бы это была собственно колонія Днѣпровскихъ Руссовъ, и тѣмъ менѣе Руссовъ Скандинавскихъ. Иначе мы не уяснимъ

себѣ многаго въ нашей начальной исторіи, и въ особенности не поймемъ арабскихъ извѣстій.

Существованіе Азовской или Таманской Руси объясняетъ намъ упоминаемые Арабами походы Руссовъ на Волгу и на Каспійское море въ 913 и 944 гг.—походы, надѣлавшіе много шуму на востокѣ, но о которыхъ русская лѣтопись ровно ничего не знаетъ. Эти походы естественнѣе всего приписать Руси Тмутараканской, а не Кіевской (а тѣмъ менѣе Скандинавской). Укажу еще на извѣстіе Истахри, повторенное у Ибнъ Хаукала, о томъ, что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: первое, царь котораго живетъ въ городѣ Куяба; второе называемое Славія, и третье Артанія, царь котораго живетъ въ городѣ Артѣ. Куяба или Кутаба это конечно Кіевъ; подъ именемъ Славіи съ достовѣрностію разумѣютъ Новогородскую землю; но Артанія ставитъ толкователей въ большое затрудненіе. Нѣкоторые оріенталисты пытались выпутаться изъ него съ помощію мордовскаго племени Эрза или Эрзяне, и городъ Арта оказывался ничто иное какъ Арзамасъ (Френъ). Другіе пытались изъ Артаніи сдѣлать Біарманію или Біармію (Рено). А между тѣмъ арабскіе географы постоянно помѣщаютъ Руссовъ между Хазаріей и Румомъ (Византіей); чему совершенно не соотвѣтствуетъ сѣверная полоса Россіи. Въ данномъ случаѣ Истахри прямо говоритъ, что Арта находится между Хазаромъ и Дунайскимъ Болгаромъ. Мы думаемъ, что нѣтъ нужды отыскивать особое русское племя въ глубинѣ мордовскихъ лѣсовъ или на далекомъ сѣверѣ, и предлагаемъ третью догадку, а именно: Арта и Артанія суть греческая Таматарха, русскій Тмутаракань. Это мѣсто арабскихъ источниковъ будетъ для насъ тѣмъ замѣчательнѣе, что тутъ ясно раздѣляется Русь Кіевская отъ Руси Черноморской и Сѣверной, тогда какъ во многихъ другихъ случаяхъ у Арабовъ Русь Днѣпровская и Черноморская очевидно смѣшиваются и тѣмъ затрудняется пониманіе текста. Точно также у нихъ смѣшиваются иногда въ одну двѣ Болгаріи, Волжская и Дунайская; отъ чего также происходитъ не малая путаница. Тмутракань объяснитъ намъ и упоминаемый Арабами какой-то островъ, обитаемый Русью, окруженный озеромъ, покрытый лѣсами и болотами, нездоровый и сырой (Ибнъ-Даста и Мукадеси). Много было догадокъ на счетъ этого непонятнаго острова: его толковали и Даніей, и Скандинавіей и какими-то Волжскими островами, и наконецъ просто

считали его выдумкою. Намъ кажется, что вопросъ будетъ ближе къ рѣшенію, если мы подъ этимъ болотистымъ, нездоровымъ островомъ признаемъ Тамань. (Можетъ быть тогда объяснится и „островъ Русія“, упоминаемый у Истахри). Тмутараканская Русь можетъ объяснить и тѣ извѣстія у Арабовъ, гдѣ ставится Русь отдѣльно отъ Куябы (напр. у Ибнъ-Фодлана говорится о привозѣ разныхъ вещей въ Хазарію изъ Руси, Булгара и Куябы). Вообще Арабы ближе были знакомы собственно съ Азовско-Черноморскою Русью, нежели съ какою либо другою.

Подъ этой Черноморской Русью я однако не разумѣю одну только Тмутракань. Предѣлы самаго Тмутраканскаго княжества намъ въ точности неизвѣстны. Знаемъ только, что средоточіемъ его былъ островъ Тамань съ сосѣднею частію Крыма и восточнаго Азовскаго прибрежья; его сѣверное и западное прибрежья по всей вѣроятности также принадлежали этому княжеству. Мы видимъ, что устья Дона въ тѣ времена были въ рукахъ Руси; отсюда они переходили съ своими лодками на Волгу и плавали въ Каспійское море; поэтому Арабы даже полагали на мѣстѣ нижняго Дона какой-то рукавъ, которымъ Азовское море соединялось съ Волгою. Къ Черноморской Руси я думаю слѣдуетъ отнести и племя Тиверцевъ или Тиревцевъ. Замѣчательно, что въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ названіе этого племени промелькнуло раза два или три и потомъ исчезло безъ слѣда. Между тѣмъ у византійцевъ Тиверцы не встрѣчаются; но у нихъ есть Тавроскиѳы, и мы позволяемъ себѣ отождествить эти два названія *. Въ начальной нашей лѣтописи при исчисленіи племенъ, населявшихъ Россію, именно говорится объ Угличахъ и Тиверцахъ, что они простирались до Дуная, но главнымъ образомъ сидѣли по Днѣстру до самаго моря, что грады ихъ (существуютъ) до сего дне, и что страна ихъ называлась Греками „Великая Скиѳія“. Названіе Тиверцевъ или Тавроскиѳовъ какъ названіе самаго южнаго русскаго племени, т. е. самаго ближайшаго къ Грекамъ, легко могло переходить у нихъ изъ видоваго въ родовое, т. е. этимъ именемъ они иногда обозна-

* Эти Тавроскиѳы суть видоизмѣненіе болѣе древняго названія греческаго Тиригеты или Тырангиты, т. е. обитатели береговъ рѣки Тыра. Тыръ, Туръ и Тауръ или Тавръ суть разныя произношенія одного и того же слова. Точно также *гиты*, *геты*, *готы*, и *гуты* суть видоизмѣ-

чали всѣхъ Руссовъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о Черноморской Руси стоитъ на гораздо болѣе твердой почвѣ, нежели вопросъ о Руси Скандинавской. Въ настоящей статьѣ мы только желаемъ обратить вниманіе на тѣ стороны, откуда можно ожидать разъясненія нашей древнѣйшей исторіи. Болѣе точные и подробные выводы должны быть впереди; для нихъ слишкомъ мало нѣсколькихъ одиночныхъ усилій. Норманская школа болѣе ста лѣтъ работала надъ вопросомъ, гдѣ собственно была родина Норманской Руси, и не могла придти ни къ какому положительному выводу, такъ что въ послѣднее время намъ предстоитъ еще теорія о приходѣ Руси съ острова Даго. (См. Зап. Акад. Н. Т. VI. кн. 1. Приложенія). Но возвратимся къ Руси Тмутраканской.

Эта Русь можетъ разъяснить намъ отношенія къ Корсуню. Еслибъ она была не болѣе какъ норманно-русская колонія, основанная во времена Святослава или Владиміра св., то какимъ образомъ Кіевскіе князья могли удерживать за собой такое далекое владѣніе, отрѣзанное отъ Кіевской Руси степями и кочевыми народами? Надобно было держать въ покорности туземное населеніе и въ то же время защищаться отъ Казаръ, Печенѣговъ и Грековъ; для этого требовались сильный гарнизонъ и постоянныя подкрѣпленія изъ Кіева. Между тѣмъ на оборотъ уже сынъ Владиміра св. Мстиславъ Тмутраканскій является такимъ могущественнымъ княземъ, который громитъ сосѣдніе народы, одолѣваетъ своего старшаго брата Ярослава Кіевскаго, и захватываетъ себѣ всѣ русскія области на востокъ отъ Днѣпра. По всей вѣроятности, до прихода Печенѣговъ и Половцевъ предѣлы Тмутраканскаго княжества на сѣверѣ почти сходились съ предѣлами Черниговo-Сѣверской земли, и тогда понятны будутъ ихъ связи, о которыхъ еще живо помнитъ авторъ Слова

неніе корня *гит*, которое мы сближаемъ съ *кит*, откуда пошли *кут*, *кит*, *кат* и *кот* (или *коше*); звукъ *г*, какъ извѣстно, легко переходитъ въ *к*. Букву *с*, мы уже говорили о томъ, считаемъ приставочною въ словѣ Скиты. Что у Грековъ *Скиты* могло быть видоизмѣненіемъ слова *Геты* или *Гиты* съ приставкою *с* по эолійскому произношенію, было высказано еще Салмазіемъ, лейденскимъ профессоромъ въ XVII вѣкѣ (См. Sulpicii Severi *Sacrae historiae* 310). А что Тиверцы есть видоизмѣненіе слова Тиревци указано Шафарикомъ. Тутъ перестановка звуковъ такая же какъ въ названіяхъ Ятвягъ и Явтягъ, Северы или Севры и Серевы или Сервы (Сербы).

Полку Игоревѣ. Въ то же время на югѣ, въ восточной части Крыма, предѣлы Тмутраканской Руси сталкивались съ Византійскими владѣніями. Напомнимъ отрывокъ (помѣщенный въ изданіи Льва Діакона) изъ донесенія неизвѣстнаго по имени греческаго начальника въ Крыму о его войнѣ съ какимъ-то варварскимъ народомъ. Предводитель этого народа, напавшій на Грековъ, владѣетъ страною къ сѣверу отъ Дуная; между тѣмъ обитатели сосѣдней крымской области, какъ свидѣтельствуетъ письмо, суть единоплеменники этого варварскаго народа. Нельзя не узнать здѣсь Руси; а подъ княземъ тутъ можно подразумѣвать Игоря, или Святослава или Владиміра. Эти сближенія проливаютъ свѣтъ на темныя доселѣ слова Игорева договора: „А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ въ той части, да не имать волости князь Русскій, да (не) воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ". Тамъ же, ниже, ставится Руси въ условіе не пускать Черныхъ Болгаръ воевать Корсунскую страну, и не грабить греческія суда выброшенныя на берегъ. Всѣ эти условія возможны были только при существованіи Руси у самаго Чернаго моря и вполнѣ согласуются съ арабскими извѣстіями о Русскомъ приморскомъ народѣ. Тогда не покажется страннымъ и извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь послѣ своего пораженія Греками воротился не въ Кіевъ, а въ Киммерійскій Боспоръ, и вообще болѣе понятными для насъ сдѣлаются морскія предпріятія Руссовъ противъ Византіи. Въ договорѣ Цимисхія съ Святославомъ опять русскій князь обязуется не нападать на область Корсунскую. Ясно, что эта область сосѣдила съ Русью, и что послѣдняя пыталась завоевать ее. И дѣйствительно опасенія Византійцевъ сбылись: при Владимірѣ Корсунь была завоевана Русью. Мы видимъ въ этомъ завоеваніи не какое то случайное, отрывочное предпріятіе Кіевскаго князя. Нѣтъ, это было слѣдствіе давнихъ и притомъ сосѣдственныхъ отношеній. Въ связи съ этими отношеніями должно находиться и извѣстное сказаніе о нападеніи Руссовъ на Сурожъ (въ житіи Стефана Сурожскаго).

Обратимъ вниманіе на интересный разсказъ Константина Багрянороднаго о продолжительной борьбѣ между Боспорянами и Херсонитами. Во главѣ Боспорянъ стояла династія Савроматовъ. Очевидно, Сарматы, завладѣвшіе древнимъ Боспорскимъ царствомъ, стремились завладѣть и послѣднимъ оплотомъ элли-

низма въ Крыму, то есть Херсонесомъ Таврическимъ. Всматриваясь ближе въ отношенія Таманской Руси къ Корсуню нельзя не придти къ тому заключенію, что ихъ враждебныя отношенія суть продолженіе той же борьбы, о которой разсказываетъ Константинъ Багрянородный. А если мы возьмемъ во вниманіе, что къ Сарматскимъ народамъ древніе писатели относили племя Роксаланъ (т. е. Руссовъ), что Роксалане еще въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х. встрѣчаются около Азовскаго моря, гдѣ они воевали съ Митридатомъ Понтійскимъ, тогда намъ не нужно будетъ выводить изъ Скандинавіи русскую колонію на берега Азовскаго и Чернаго морей.

Повторяемъ, при существованіи Черноморской и Азовской Руси намъ понятны будутъ отдаленные походы Руссовъ на востокъ, въ Каспійское море и въ Прикавказскія страны — походы совершавшіеся въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Мы думаемъ, что и та торговая колонія Руссовъ въ Итилѣ, о которой упоминаютъ Арабы, принадлежала Азовскимъ, а не Днѣпровскимъ Руссамъ. Наконецъ только существованіе Азовско-Черноморской Руси объяснитъ намъ, почему вообще Русь въ началѣ нашей исторіи является народомъ преимущественно мореходнымъ. Морскіе походы Кіевскихъ Руссовъ совершались конечно съ помощію ихъ приморскихъ родичей. Замѣчательно, что прекращеніе этихъ походовъ совпадаетъ съ появленіемъ Половцевъ, которые постепенно отрѣзали Кіевскую Русь отъ ея приморскихъ соплеменниковъ; между тѣмъ торговые караваны продолжали еще ходить изъ Днѣпра въ Византію и обратно.

Когда составился нашъ лѣтописный сводъ, Черноморская Русь пришла уже въ забвеніе; поэтому весьма могло быть, что въ расказахъ о первыхъ князьяхъ она смѣшивалась съ Кіевскою Русью. Особенно это можно сказать относительно эпизода объ Оскольдѣ и Дирѣ. Этотъ лѣтописный эпизодъ весьма сомнительнаго свойства. Во первыхъ, что означаютъ тутъ два имени столь тѣсно связанныя и всегда неразлучныя? Во вторыхъ, византійцы не называютъ предводителей Руси, напавшей на Константинополь въ 865 г.; затѣмъ они расказываютъ объ обращеніи этихъ Руссовъ, объ ихъ посольствѣ въ Римъ и Константинополь по вопросу о вѣрѣ, о чудѣ съ Евангеліемъ; причемъ говорятъ постоянно объ одномъ князѣ, а не о двухъ. Наши лѣтописи расказъ о нападеніи на Константи-

нополь въ 865 г. почти буквально взяли изъ византійскихъ хронографовъ, но присоединили къ нему имена Оскольда и Дира. Очень могло быть, что названія какихъ либо кіевскихъ урочищъ, въ родѣ Оскольдова могила и Дирова могила, могли послужить основаніемъ къ сказанію объ этихъ двухъ витязяхъ, то есть подобно тому, какъ названія Кіевъ, Хоревица и Щековица послужили основою для легенды о трехъ братьяхъ, когда то княжившихъ между Полянами. Составитель лѣтописнаго свода связалъ Оскольда и Дира съ легендой о призваніи Варяговъ и о переходѣ ихъ изъ Новгорода въ Кіевъ. Замѣчательно, что другаго дѣйствительно историческаго лица съ именемъ Оскольда Русская исторія не знаетъ, также какъ она не знаетъ ни Щека, ни Хорива. Расказы о посольствѣ нѣсколькихъ мужей для испытанія обряда наши лѣтописцы относятъ къ тому князю, который окончательно утвердилъ христіанство въ Кіевѣ, то есть къ Владиміру; между тѣмъ какъ восточный обрядъ еще прежде Кіева могъ утвердиться между Азовско-Черноморскими Руссами, въ особенности по сосѣдству съ Корсунемъ. Что касается до пришествія Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, то если бы и дѣйствительно онъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, это нисколько не доказываетъ его норманство. Онъ могъ быть сначала удѣльнымъ княземъ Новогородскимъ, и потомъ перейти на Кіевскій столъ, какъ это повторилось съ Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ. Онъ могъ оружіемъ или хитростью захватить Кіевскій столъ, чему бывали и другіе примѣры. Все это могло быть безъ всякаго призванія князей изъ Скандинавіи. Замѣчательно, что Длугошъ, имѣвшій подъ руками старыя русскія лѣтописи, ничего не знаетъ о пришествіи Оскольда и Дира изъ Скандинавіи; напротивъ онъ говоритъ о нихъ какъ о потомкахъ Кія. Тоже самое и Стрыйковскій, который Оскольда называетъ *Осколодъ*. Никоновская лѣтопись и Степенная книга также не говорятъ о пришествіи Оскольда и Дира съ сѣвера. Извѣстно ихъ выраженіе, по поводу нападенія Оскольда на Константинополь: „Съ ними же бяху роди нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ“. Конечно это своды позднѣйшіе; но вопросъ заключается въ ихъ источникахъ. (См. *Обз. Хроногр.* А. Попова).

Въ числѣ тѣхъ легендъ, которыми украшено начало нашей лѣтописи, обратимъ вниманіе на первое столкновеніе Полянъ съ Хазарами. Поляне даютъ имъ по мечу съ дыма. Эти обою-

дуострые мечи совершенно согласуются съ мечами Руссовъ по описанію Ибнъ-Фадлана. Можетъ быть и самая лѣтописная сага возникла для указанія на это различіе русскаго меча и хазарской сабли. Хазары наложили на Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей дань по бѣлѣ и веверицѣ съ дыма. По нѣкоторымъ спискамъ почти ту же дань платили Варягамъ сѣверные Славяне. Мы позволимъ себѣ сблизить эти извѣстія съ тѣмъ мѣстомъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ говорится, что во время княжескихъ междоусобій „поганіи (Половцы) сами побѣдами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора". (А можетъ быть тутъ подъ погаными разумѣется Литва, а не Половцы?). Но для насъ замѣчательно такое почти буквальное совпаденіе даней хазарской, варяжской и половецкой. Можетъ быть, что воспоминаніе о послѣдней, то есть о половецкой (или литовской) дани перенеслось въ лѣтописномъ сводѣ на Хазаръ и Варяговъ. Мы сомнѣваемся, что бы Хазары въ IX вѣкѣ владѣли Приднѣпровьемъ. Изъ словъ лѣтописи видно, что извѣстіе о Хазарской дани относится къ тому времени, когда наоборотъ Хазары находились въ подчиненіи у Руссовъ („володѣютъ Козарами Русскіе и до днешнего дне"). И что это за время? Если принять мнѣніе Норманистовъ о составленіи лѣтописи въ началѣ XII вѣка, то какими Хазарами Русскіе тогда владѣли? А противъ кого Хазарскій каганъ укрѣплялъ свои границы на западѣ и съ помощью византійцевъ построилъ на Дону Саркелъ въ первой половинѣ IX вѣка? Мы думаемъ столько же противъ Печенѣговъ, сколько и противъ Руссовъ. Но эта твердыня, повидимому, мало оказала помощи; извѣстны послѣдующіе походы Руссовъ на востокъ сквозь Хазарскую землю и разореніе Саркела Руссами. *

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и умѣренныхъ норманистовъ, г. Куникъ, по поводу монографіи г. Гедеонова, выразилъ нѣкоторыя мнѣнія, несогласныя съ своею школою,—мнѣ-

---

* Эти строки были написаны въ 1871 г. Послѣдующія мои изслѣдованія не только подтвердили тожество третьей группы Руссовъ у арабскихъ писателей съ Русью Тмутараканскою; но и обнаружили присутствіе въ томъ краю Славянскихъ Болгаръ, бывшихъ уже отчасти христіанами, а также уясняли для меня ихъ отношенія къ Хазарамъ и народность послѣднихъ. (См. ниже: «О славян. происхожд. Дунайск. Болгаръ», и выше: «Русь и Болгаре на Азовск. поморьѣ»).

ія, къ которымъ онъ отчасти пришелъ еще прежде. Онъ добросовѣстно отказывается отъ Руссовъ въ Севильѣ, отъ шведскихъ Родсовъ (которымъ посвятилъ когда то особую монографію) и отъ 862 года; находитъ легендарный оттѣнокъ въ извѣстіи о трехъ братьяхъ Варягахъ и пр. Отказываясь отъ Скандинавскаго материка, какъ отечества нашей Руси, г. Куникъ однако не теряетъ еще надежды найти это отечество по крайней мѣрѣ на островахъ Готландѣ и Даго. Въ замѣчаніяхъ на монографію г. Гедеонова онъ приводитъ интересную параллель между нашею лѣтописною легендою о призваніи трехъ Варяговъ и Видукиндовымъ сказаніемъ о призваніи въ Британію двухъ воеводъ, Генгиста и Горзы, основателей Англосаксонскаго государства. Послы Бриттовъ держали почти такую же рѣчь предводителямъ Саксовъ, какую славянскіе послы говорили варяжскимъ князьямъ. Даже повторяется тоже выраженіе: *наша земля велика и обильна* (terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta). Дѣйствительно въ обоихъ сказаніяхъ есть нѣкоторая аналогія. Но что же изъ этого? Подобная аналогія указываетъ только на повтореніе сходныхъ легендарныхъ мотивовъ у разныхъ народовъ: чему примѣръ мы уже видѣли въ сагѣ о взятіи Коростена Ольгою. Параллели собственно исторической мы не видимъ. Во первыхъ, Бритты призывали Англосаксовъ на помощь противъ сосѣдей, а не для господства надъ собою (если дѣйствительно призывали, а не просто нанимали ихъ дружины въ свою службу, что вѣроятнѣе). Во вторыхъ, водвореніе англосаксонскаго владычества въ Британіи, какъ мы видимъ, совершилось весьма постепенно, цѣлымъ рядомъ переселеній съ материка и при отчаянной борьбѣ со стороны туземцевъ. Всѣ эти событія подтверждаются не только положительными историческими свидѣтельствами, но и очевидными послѣдствіями, то есть созданіемъ новой, смѣшанной, національности, при сильномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента. Ничего нѣтъ подобнаго въ нашей исторіи. Новогородцевъ едва ли угнетали какіе иноплеменники въ первой половинѣ IX в. Нѣтъ никакихъ данныхъ которыя подтверждали бы слова лѣтописи о варяжской дани, предшествовавшей якобы призванію князей; да и легенда говоритъ, что Новогородцы сами прогнали Варяговъ. Призваніе чуждаго народа для порядка, то есть собственно для господства надъ собою, немыслимо (въ англосаксонской сагѣ совсѣмъ и нѣтъ этого мотива). Далѣе, самаже

лѣтопись расказываетъ, что, едва Новогородцы призвали і
зей для водворенія у себя порядка, какъ послѣдніе зани
покореніемъ другихъ племенъ, промѣняли Новгородъ на Кі
и начали громить Византію. Есть ли что нибудь историче
въ такой невѣроятной комбинаціи? Неясно ли, что она воз
преимущественно для того, что бы объяснить начало Руса
государства? Возникла въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ; прич
обстоятельства, взгляды и обычаи современные автору ск
нія перенесены имъ на время, отдѣленное отъ него двум
болѣе вѣками (явленіе весьма обычное въ лѣтописяхъ и
всѣхъ народовъ). А главное: гдѣ мы видимъ хотя какіе ні
серьёзные слѣды иноземнаго, т. е. скандинавскаго, элемен
составѣ Русской національности? Если это были князья т
ко съ своимъ родомъ, съ своею дружиною, въ нѣсколько сс
даже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, то какъ могли они
нѣсколько десятковъ лѣтъ совершить объединеніе почти вс
восточныхъ Славянъ, какъ могли они въ нѣсколько лѣтъ
пространить имя Руси отъ Финскаго залива до Чернаго
и до нижней Волги? Если же эти иноземцы были многс
леннымъ, сильнымъ народомъ (а все указываетъ, что Ру
были именно таковы), то гдѣ указанія на ихъ пересел
изъ за моря въ большихъ массахъ? Норманисты даже не
гутъ найти ихъ отечество, изъ котораго они будто бы у
всѣ до единаго. Какъ могли они такъ быстро и такъ осн
тельно обратиться въ Славянъ, не оставивъ слѣдовъ ни
языкѣ, ни въ какихъ либо памятникахъ? Неужели пять
темныхъ для насъ названій пороговъ — вотъ все что оста
отъ скандинавской народности этого многочисленнаго, эне
ческаго и господствовавшаго племени?

Если проводить параллели съ нашею легендою о приз
Варяговъ, то мы предложимъ другое сказаніе, по нашему
нію ближе къ ней подходящее. Прокопій въ своемъ с
неніи *о Готской войнѣ* расказываетъ слѣдующее событіе у
мени Геруловъ. Часть этого племени поселилась на Дунаѣ
предѣлахъ Византійской имперіи. Однажды, во времена и
ратора Юстиніана, Герулы убили своего царя Охона для т
чтобы не имѣть никакого царя, то есть никакой власти. Но
томъ они раскаялись (конечно вслѣдствіе наступившей не
дицы) и послѣ многихъ сходокъ рѣшили отправить посольс
на островъ Ѳулу, чтобы тамъ поискать себѣ князя изъ

древняго царскаго рода: такъ какъ другая часть Геруловъ удалилась на этотъ островъ. Послы дѣйствительно нашли то что искали; но приглашенный ими князь на дорогѣ умеръ. Тогда они воротились опять на островъ и выбрали другаго князя, по имени Тодасія. Онъ вмѣстѣ съ братомъ Аордомъ и съ 200 избранныхъ Геруловъ отправился на Дунай. Такъ какъ прошло много времени, пока послы успѣли воротиться, то Дунайскіе Герулы соскучились ихъ ожиданіемъ и приняли другое рѣшеніе. Они послали къ императору Юстиніану съ просьбою дать имъ царя. Тотъ немедленно отправилъ къ нимъ Суарта, знатнаго Герула, проживавшаго въ Константинополѣ. Но едва Суартъ началъ царствовать, какъ прибылъ. Тодасій изъ Ѳулы. Непостоянные Герулы покинули Суарта и перешли на сторону Тодасія.

Прокопій повѣствуетъ въ этомъ случаѣ почти какъ современникъ, и, если ему переданы были неточно подробности, все таки въ основѣ этого факта могло заключаться историческое событіе. Но что здѣсь подразумѣвается подъ островомъ Ѳулой или Тулой? У писателей начала Среднихъ вѣковъ подъ Тулой разумѣлся какой-то сѣверный островъ, который можно толковать Исландіей, Британіей и Скандинавіей. Но по всей вѣроятности это названіе перешло на сѣверъ изъ болѣе южныхъ странъ, точно также какъ и названіе Скиѳія. Мы уже говорили, какъ имя древней Скиѳіи видоизмѣнялось и получило весьма широкое примѣненіе. Въ тѣсномъ смыслѣ это была нынѣшняя южная Россія, въ обширномъ предѣлы ея на сѣверѣ простирались до береговъ океана, на востокѣ терялись въ степяхъ средней Азіи. Впослѣдствіи это имя, если не въ чистомъ, то въ измѣненномъ видѣ сохранилось за нѣкоторыми странами, и преимущественно за Скандинавіей или Скандіей? Мы позволяемъ себѣ слѣдующую догадку: не отсюда ли происходитъ и то недоразумѣніе, на которомъ основанъ столь распространенный въ Средніе вѣка обычай производить народы изъ туманной и едва извѣстной Скандинавіи? Если и можно назвать какую страну истинной, а не мнимой vagina gentium, такъ это древнюю Скиѳію въ ея тѣсномъ смыслѣ, то есть южную половину Россіи, съ прилегающими къ ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью. Здѣсь еще по извѣстію Геродота обитали столь многіе народы. Отсюда они постепенно разселялись на сѣверъ и на западъ. Впослѣдствіи, когда имя Скиѳіи перенесено было на отдаленные

берега Сѣвернаго моря, съ этими берегами смѣшивались вос-
минанія о Скиѳіи, какъ о древнемъ отечествѣ, и лѣтописцы на-
чали эти воспоминанія пріурочивать преимущественно къ Скан-
динавіи *. Тоже могло случиться съ именемъ Ѳулы. Если при-
мемъ въ расчетъ обычный въ арійскихъ языкахъ переходъ р
въ *л*, то вмѣсто *Ѳула* или *Тула* получимъ *Тура*, т. е. назва-
которое будетъ въ связи съ рѣкою Тиръ (Днѣстръ) и съ
островомъ Тавръ (Крымъ); послѣдній представлялся древни-
также и островомъ. И дѣйствительно, есть указанія, по ко-
рымъ можно предполагать, что часть Крыма въ Средніе вѣ-
носила названіе Ѳулы (см. Кеппена Крым. сбор. 131 стр.)
Поэтому легко могло иногда происходить смѣшеніе въ извѣс-
яхъ лѣтописцевъ: что принадлежало собственно Черноморью, то
относилось къ берегамъ Сѣвернаго океана. (Названія горо-
Тулы и Тульчина конечно нескандинавскаго происхожденія.)
Хотя Прокопій въ упомянутомъ расказѣ не поясняетъ, гдѣ на-
ходился островъ Ѳула; но изъ другихъ его извѣстій объ этомъ
островѣ можно догадываться, что онъ смѣшивалъ ее съ Скан-
динавіей, вслѣдствіе уже укоренившагося въ то время тяготѣнія
лѣтописцевъ къ этой полумиѳической странѣ. Гораздо вѣроятнѣе
предположить, что Герулы, если посылали пословъ, то посы-
лали не въ Скандинавію, а на берега Чернаго моря, гдѣ была
ихъ прежняя родина и гдѣ оставалась еще часть ихъ племени
съ своимъ древнимъ княжескимъ родомъ.

Приведенный нами расказъ о Герулахъ съ перваго взгляда
весьма похожъ на нашу легенду о призваніи князей; но сущ-
ность его оказывается иная. Герулы посылаютъ за княземъ не
къ чуждому племени, а къ своему собственному, и приглаша-
ютъ правителя не иначе какъ изъ своего древняго княжескаго
рода. Отъ императора они получаютъ въ цари также человѣка
своего племени. Но самый мотивъ призванія (внутренняя неу-
рядица) замѣчательнымъ образомъ сходится съ нашею леген-
дою. Отсюда мы дѣлаемъ слѣдующее предположеніе: Можетъ
быть, подобный мотивъ и не одинъ разъ повторялся въ преда-

* Что названіе Скандія или Скандинавія (у Фредегара Schatanavia) есть видоизмѣненіе слово Скитія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ источникахъ иногда рядомъ встрѣчаются для нея оба именованія; напр. у географа Равеннскаго: «великій древній островъ Скитія, который называется Сканца (Scanza)».

іяхъ германскихъ и славянскихъ народовъ съ различными варіантами. Можетъ быть, тотъ же мотивъ проникъ и къ намъ, и возродился въ пресловутой легендѣ о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія внутренняго порядка. На этотъ счетъ мы конечно можемъ дѣлать только предположенія. Несомнѣнно то, что подобнымъ мотивомъ сѣверорусская легенда пытается объяснить начало русской гражданственности, то есть начало Русскаго государства. Этотъ мотивъ въ общемъ своемъ видѣ, т. е. какъ представленіе о трехъ братьяхъ основателяхъ государства, существовалъ и на югѣ, въ Кіевѣ; но въ формѣ призванія онъ особенно привился на сѣверѣ, въ Новгородѣ, потому что здѣсь упалъ на благодарную почву: въ XII вѣкѣ призваніе князей уже было обычнымъ дѣломъ для Новгородцевъ. Повторяемъ, во времена Константина Багрянороднаго этой легенды еще не существовало у Кіевской Руси; иначе онъ по всей вѣроятности зналъ бы о ней и передалъ бы ее потомству, точно также какъ Прокопій передалъ то, что ему расказывали о Герулахъ. Изъ одного мѣста Симеона Лотоѳеты (византійскій писатель первой половины XI вѣка) видно, что въ его время существовало преданіе о происхожденіи имени Русь отъ Роса, когда то надъ нею царствовавшаго. Это темное преданіе примыкаетъ къ такимъ же вымысламъ Среднихъ вѣковъ о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, о Словенѣ и Русѣ и т. п. Замѣчательно, что норманисты и этого миѳическаго Роса пытались отождествить съ варяжскими князьями *.

VII.

Система осмысленія народныхъ именъ. Происхожденіе имени Русь.

Откуда же взялось названіе Рось или Русь и что оно означаетъ? Ліутпрандъ говоритъ, что „по наружному качеству Греки на-

---

* Вообще Варягамъ-Норманнамъ посчастливилось не только у средневѣковыхъ лѣтописцевъ, но и у писателей новаго времени. Даже и въ наше время продолжается какъ бы соревнованіе выводить основателей государствъ изъ Скандинавіи. Такъ талантливый польскій историкъ Шайноха, соревнуя нашимъ норманистамъ, написалъ цѣлое изслѣдованіе (Lechicki początek Polski) и потратилъ не мало труда на то, что бы доказывать основаніе Польскаго государства Норманнами.

зываютъ этотъ народъ *Русили* (Rusios).[2] Обратимъ вниманіе на его толкованіе. Норманисты, какъ извѣстно, опираются на Ліутпранда въ пользу Скандинавскаго происхожденія; слѣдовательно они должны принять и тотъ выводъ, который въ такомъ случаѣ вытекаетъ изъ приведенныхъ его словъ. Выходитъ, что Руссы получили свое имя отъ Грековъ еще живя въ дальней Скандинавіи; не будучи нисколько сосѣдями Византійцевъ, можетъ быть не будучи даже съ ними знакомы, они тѣмъ не менѣе усвоили себѣ изобрѣтенное для нихъ Греками названіе; это названіе дома у себя въ отечествѣ они не употребляли и слѣдовъ его тамъ неоставили; а приняли его единственно для того, что бы, перейдя въ среду восточныхъ Славянъ, немедленно сообщить имъ свое имя отъ Финскаго залива до Тамани и закрѣпить его въ особенности за обитателями Приднѣпровья. Вотъ въ какимъ несообразностямъ можно иногда придти, если положить въ основу извѣстіе неочищенное отъ разныхъ примѣсей и недоразумѣній.

Въ своихъ поискахъ за началомъ Русской націи намъ удалось напасть на цѣлую систему *осмысленія* народныхъ именъ, систему, которая имѣла широкое приложеніе во всѣ времена и доселѣ еще сохраняется во всей силѣ. Названіе, сдѣлавшееся давно непонятнымъ, народный говоръ старается пріурочить къ какому нибудь созвучію и такимъ образомъ сообщить ему смыслъ. Черта вполнѣ естественная—непонятное, какъ бы безсмысленное, сдѣлать осмысленнымъ. Эта общечеловѣческая черта отразилась у лѣтописцевъ и перешла въ научные труды нашего времени. Мы уже упоминали о названіи Нѣмцы и Хорваты. Приведемъ и другіе примѣры, имѣя при этомъ въ виду преимущественно міръ Славянскій.

Угличи. Уже Стриттеръ производилъ это названіе отъ р. Угла, которая потомъ называлась Орель (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Днѣпръ, на границѣ Полтав. губ.). Но Шафарикъ отвергъ такое мнѣніе, потому что Угличи по всей вѣроятности жили гораздо югозападнѣе этой рѣки. Названіе Угличей потомъ стали производить отъ какого то угла, т. е. якобы они первоначально жили въ углѣ между Чернымъ моремъ и Дунаемъ (Буджакъ). Но это объясненіе одно изъ самыхъ неудачныхъ. Дѣло въ томъ, что рѣкъ носившихъ названіе Угла, было нѣсколько въ южной Россіи. А что такое Ингулы какъ не тѣ же Углы? Послѣднее должно было писаться черезъ юсъ, и

имѣло конечно носовое произношеніе. (Древнѣйшее извѣстіе объ Угличахъ находится у Баварскаго землеписца IX вѣка, гдѣ они названы *Unlizi*).

Бодричи. Это названіе такъ ясно отзывается *бодрыми*, что сблизить ихъ между собой казалось весьма естественно. Дѣйствительно ихъ и производили отъ *бодръ* (Шафарикъ), какъ Лютичей отъ *лютый*. Но гораздо естественнѣе предположить, что и этотъ народъ получилъ свое имя отъ рѣки Одры, то есть настоящее его имя есть *Поодряне* или *Поодричи* (Венелинъ и Чертковъ). Тогда получитъ смыслъ и другая форма этого имени у средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописцевъ: *Оботриты*.

Древане Полабскіе и *Древляне* Русскіе производились отъ деревъ, то есть означали какъ бы лѣсной народъ. Но мы позволяемъ себѣ сблизить это названіе съ тою же р. Одрою, подъ которой не должно разумѣть одинъ только извѣстный Одеръ. Видоизмѣненія этого имени были: Одрава и просто *Драва*. Вообще имена славянскихъ народовъ весьма часто связывались съ именами рѣкъ. Моравы, Полабы, Полочане и т. п. ясно указываютъ своимъ именемъ на рѣки. Но другія имена видоизмѣнялись, дѣлались непонятными, и потомъ осмысливались съ помощью разныхъ созвучій. Сюда мы относимъ и Лютичей, которые по созвучію объяснялись лютыми, откуда даже перешли въ волковъ (*Вильцы*). Не вѣроятнѣе ли предположить, что въ ихъ имени скрывается названіе рѣки *Льты*, съ ея видоизмѣненіями *Альта* и *Олюта*?

А что такое наши *Поляне*? Уже лѣтопись производитъ ихъ отъ полей, также какъ Древлянъ отъ деревъ. Но вѣрно ли это? Таже лѣтопись потомъ проговаривается, что Поляне жили въ лѣсахъ и даже на горахъ. У насъ есть рѣки Пола, Полистъ, Полота и т. п.; имѣютъ ли они связь съ именемъ Полянъ, мы не знаемъ. Но уже у классическихъ писателей (Діодора и Плинія) упоминается о народѣ Палеяхъ или Спалеяхъ, обитавшихъ въ восточной Европѣ. Іорнандъ говоритъ, что Готы, когда пришли на берега Чернаго моря, то должны были выдержать борьбу за свои новыя жилища съ сильнымъ народомъ Спалами. Имя этого народа, какъ справедливо замѣтилъ Шафарикъ, сохранилось въ словѣ *исполинъ*, которое въ нѣкоторыхъ древнеболгарскихъ и сербскихъ рукописяхъ встрѣчается и безъ *и*,

т. е. просто *сполины*. Мы позволяемъ себѣ сблизить имя Полянъ съ этими Палеями или Спалами.

Что касается до осмысленія именъ, то еще у древнихъ Грековъ примѣръ тому мы видимъ въ словѣ Сарматы или Савроматы. Изъ всѣхъ варіантовъ этого названія Греки наиболѣе употребляли форму Савроматы, и толковали ихъ *ящероглазыми*, пользуясь конечно созвучіемъ съ словами *σαύρα* — ящерица и ὄμμα—глазъ. Мы уже говорили, что позволяемъ себѣ отождествлять это названіе съ именемъ *Сербы* или *Сервы*, наше Сѣ*веряне*, при-Эльбскіе *Сорабы* и пр *. Весьма наглядный примѣръ такого произношенія народнаго имени, которое, благодаря созвучію, выражаетъ нѣкоторый смыслъ (хотя совершенно случайный), представляетъ русское названіе племени *Самоѣды*. Что такое за Самоѣды? Неужели это народъ, который ѣлъ самъ себя? По нашему мнѣнію это просто небольшое переиначеніе слова Самогеты. Корень *Сам* и *Суом* не рѣдко встрѣчается въ именахъ народовъ Финскихъ и Литовскихъ.

Возмемъ даже названіе *Славяне* или *Словене*; мы производимъ его отъ *слова*, которое переходитъ и въ *слава*; такимъ образомъ это выходитъ народъ говорящій (въ противуположность Нѣмцамъ), а пожалуй и славный. Но вѣрно ли это производство? Не скрывается ли здѣсь таже попытка осмыслить названіе, сдѣлавшееся непонятнымъ? Обращу вниманіе на слѣдующіе факты. Для насъ кажется нелишеннымъ значенія упорное именованіе Славянъ у Римлянъ и Византійцевъ Склавами и Склавинами; т. е. это имя является у нихъ всегда съ буквою *к*. Откуда это *к*? Есть ли оно необходимое условіе и латинскаго и греческаго произношенія передъ буквою *л*, или оно коренное? У Арабовъ Славяне называются *Саклабы* или *Сакалибы*, и опять *к*. Нѣкоторые объясняютъ арабское названіе передѣлкою византійскаго. Но почему же Арабы должны были заимствовать названіе Славянъ непремѣнно отъ Византійцевъ, а не отъ Мидо-Персидскихъ народовъ? На послѣдній вопросъ навело меня слово *Саки*, подъ которымъ часть Скиѳовъ была извѣстна у Пер-

---

* Окончаніе *маты* встрѣчалось и въ именахъ другихъ народовъ, напр: *Яксаматы* и *Тиссаматы*, нынѣ въ имени *Далматы*. Что касается до отождествленія имени Сарматовъ и Сербовъ, то оно предложено еще Чехомъ Вацерадомъ (въ началѣ XII в.), списателемъ извѣстнаго словаря Mater verborum.

ковъ, какъ сообщаетъ Геродотъ. Итакъ вотъ въ какой древности, можетъ быть, должны мы отыскивать начало имени, которое потомъ по созвучію осмыслилось формою Славяне съ его видоизмѣненіями Словинци, Словаки, Словене. И опять вопросъ: какое осмысленіе старше, Славяне или Словене? Во первыхъ, древнія извѣстія передаютъ форму Sclavi, а не Sclovi. Во вторыхъ, личныя имена оканчиваются тоже не на *словъ*, а на *славъ*: Ярославы, Святославы, Болеславы и пр. Но и самыя эти *Славы* въ личныхъ именахъ, повидимому, не очень древни. Сколько мнѣ сдается, эпоху, когда они вошли въ силу или въ моду, можно опредѣлить приблизительно около IX вѣка. Въ болѣе раннюю эпоху преобладалъ въ сложныхъ личныхъ именахъ слой другихъ окончаній, каковы *витъ*, *міръ*, *мутъ* и *гастъ*, которыя болѣе близки къ литовскимъ, германскимъ и кельтскимъ. Названіе Славы, какъ осмысленіе, можетъ быть сближалось не съ отвлеченнымъ понятіемъ о славѣ, а собственно съ славіями (соловьями). Корень *сак* мы встрѣчаемъ въ Средніе вѣка въ названіи одного южнославянскаго племени, именно ѳракійскихъ Сакулатовъ. Это имя напоминаетъ извѣстіе Геродота о томъ, что Скиѳы (конечно часть ихъ) сами называли себя Сколотами. (Напомнимъ еще Скаловитовъ Дюисбурга). *

---

* Склавы и Сервы, какъ извѣстно, получили у Римлянъ значеніе рабовъ. Первоначально это значеніе произошло вѣроятно отъ того, что ближайшія части Славянскаго племени (Словинцы и Сербы) были покорены Римлянами. Возможно и то, что названіе Склавы въ смыслѣ рабовъ перешло къ Римлянамъ отъ Германцевъ, обложившихъ данью какое либо Славянское племя. У варваровъ обыкновенно племя господствующее называлось свободнымъ, а подчиненное рабами; извѣстны преданія о рабахъ, возмутившихся противъ своихъ господъ во время ихъ отсутствія и завладѣвшихъ ихъ женами. Эти преданія въ древности встрѣчаемъ въ Скиѳскомъ мірѣ, а въ Средніе вѣка въ мірѣ Славянскомъ. Въ основѣ такого преданія заключался конечно фактъ возстанія покореннаго племени, которое свергло свою зависимость отъ другаго народа. Въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ примѣры, какъ народное имя обращается въ сословное или наоборотъ сословное въ народное. Такъ мы думаемъ, что сословіе *бояре* совсѣмъ не означаетъ бόльшихъ; это опять таже попытка осмысленія. Слово бояре находится въ несомнѣнной связи съ народными именами *Бои*, *Боиски*, *Боіовары* и т. п. Точно также народное имя *Ляхи* или *Лехи* встрѣчается у Славянъ и въ сословномъ значеніи; въ этомъ значеніи оно сохранилось потомъ въ словѣ *шляхта*. Славянское народное имя *Кривиты* у родственнаго

Изъ объясненія Ліутпранда, что Руссы получили у Грековъ свое названіе отъ внѣшняго качества (то есть, отъ русыхъ волосъ), можно заключить, что Греки дѣйствительно такъ осмысливали непонятное имя Рось или Русь. Это повтореніе того же, что случилось съ Сарматами, которые обратились въ ящероглазыхъ. Очень могло быть при этомъ, что толкованіе Руссовъ въ смыслѣ русыхъ перешло къ Грекамъ отъ самой Руси, которая такимъ образомъ осмысливала свое собственное названіе. Древнѣйшая форма этого названія по всей вѣроятности была не Русь, а *Рась* или *Рось*. Это *Рось*, какъ слово чуждое греческому языку, потому и сохранялось въ немъ безъ измѣненія, въ неподвижной, несклоняемой формѣ (Ῥῶς). Вообще можно замѣтить, что живой народный говоръ не любитъ долго останавливаться на одной и той же формѣ своихъ собственныхъ словъ; съ теченіемъ времени онъ охотно ихъ измѣняетъ, видоизмѣняетъ. Вотъ почему иногда форма сохраненная иноземцами оказывается древнѣе формы собственной. Примѣры тому мы видимъ въ названіяхъ Славяне, Русь, Кіевъ и т. д. Соотвѣтственно византійскому Рось, у Венгровъ Русскіе и доселѣ называются *Орошь*.

Народное имя Рось или Русь, какъ и многія другія имена, находится въ непосредственной связи съ названіями рѣкъ. Въ

Литовскаго племени получило значеніе жреческаго сословія. Подобнымъ образомъ можно объяснить и наше старинное слово *Сябръ*. *Себръ* и доселѣ у Иллирскихъ Славянъ означаетъ крестьянина. Шафарикъ видѣлъ въ этомъ словѣ названіе финскаго народа *Сабиры*; но вѣроятнѣе, что это названіе есть видоизмѣненіе того же имени Сербы, у Римлянъ Сервы, наше Северà или Северяне. Мы позволяемъ себѣ также наше старинное слово *смердъ*, т. е. простолюдинъ, сблизить съ именами финскихъ народовъ Мери и Мордвы (*Меренсы* и *Мордensы* Іорнанда). Оба эти названія, и Меря и Мордва, пошли конечно отъ одного корня *мерд*, и названіе *Мерды* могло когда то означать часть Финскаго племени, подчиненнаго Славянамъ или вообще Арійцамъ. Подобные примѣры представляютъ аналогію и съ именемъ Русь, которое очевидно получало иногда оттѣнокъ сословный; какъ господствующее племя она отличала себя этимъ именемъ отъ прочихъ Славянъ, и какъ бы придавала себѣ значеніе высшаго, благороднаго сословія. По крайней мѣрѣ этотъ оттѣнокъ особенно замѣтенъ въ X и XI вв. Есть еще мнѣніе, что Русь, основавшая Русское государство, была какою-то сбродною дружиною изъ разныхъ народностей. Это мнѣніе самое неудачное и самое неисторическое.

сточная Европа изобилуетъ рѣками, которыя носятъ или когда то носили именно это названіе. Такъ Нѣманъ въ старину назывался Рось; одинъ изъ его рукавовъ сохранилъ названіе Русь; а заливъ, въ который онъ впадаетъ, имѣлъ названіе Русна. Далѣе слѣдуютъ: Рось или Руса, рѣка въ Новогородской губерніи; Русь, притокъ Нарева; Рось, знаменитый притокъ Днѣпра на Украйнѣ; Руса, притокъ Семи; Рось-Эмбахъ; Рось-Веколъ; Порусье, притокъ Полиста, и пр. Но главное, имя Рось или Расъ принадлежало нашей Волгѣ. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельство Агаѳемера (въ III вѣкѣ) и сохраняющееся доселѣ у Мордвы для обозначенія Волги названіе Ра. Эта послѣдняя форма встрѣчается еще у Птоломея и Аммiана Марцелина. Мы думаемъ, что таже рѣка въ древнихъ извѣстіяхъ скрывается иногда подъ формою *Араксъ*. Ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что Геродотъ расказываетъ объ Араксѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ тому Араксу, который течетъ на границахъ Россіи и Персіи. Форма однихъ и тѣхъ же названій измѣнялась у разныхъ народовъ въ слѣдствіе разнообразнаго произношенія. Араксъ Персы произносятъ *Арасъ*; слѣдовательно корень здѣсь тотъ же *рас*. Яксартъ или Сыръ Дарья у древнихъ также называлась иногда *Раса*.

По обширному своему приложенію для обозначенія рѣкъ, корень *рас* или *рос* уступалъ развѣ только корню *дан* или *тан*. Послѣдній корень мы встрѣчаемъ на пространствѣ части Азіи и почти цѣлой Европы. Тотъ же Яксартъ назывался иначе Танаисъ; греческій *Танаисъ* (Танай, Данай)-наше *Донъ*; латинскій *Данубій*, нѣмецкое *Донау* наше *Дунай*; нѣмецкое *Дуна* наше *Двина*; въ сложныхъ именахъ: *Данапръ* или Днѣпръ, *Данастръ* или Днѣстръ, такъ же *Роданъ* (Рона), *Эриданъ* и пр. Все это оказывается видоизмѣненія одного и того же названія. Количество этихъ названій еще болѣе увеличится, если мы обратимъ вниманіе на имена нѣкоторыхъ городовъ, въ которыхъ скрывается тотъ же корень *дан*, *дон* и *дун*: Сингидонъ, Новіодунъ, Лугдунъ и пр. означаютъ города лежащіе на берегахъ Дона или Дана. Такъ Батавскій Лугдунъ (Лейденъ) указываетъ на то, что и Рейнъ назывался когда то или Роданъ, или Эриданъ. Лондонъ наводитъ на мысль, что и Темза или Тамиза могла

когда то называться Тана или Дана *. Данцигъ или Гд...
свидѣтельствуетъ тоже относительно Вислы, и дѣйствител...
эта рѣка носила когда то названіе Танаквисль или Ва...
(Шафарикъ); а гдѣ то на ея верховьяхъ былъ городъ К...
дунъ (можетъ быть это имя измѣнилось въ послѣдствіи въ К...
кодунъ или Краковъ). По всей вѣроятности эта рѣка и ...
тотъ сѣверный Эриданъ, берега котораго, по извѣстіямъ д...
нихъ, изобиловали янтаремъ. Нѣманъ, кромѣ названія Рось, ...
болѣе древнюю эпоху назывался Рудонъ. Замѣчательна та р...
которую играютъ рѣки Дунай и Донъ въ преданіяхъ С...
навовъ и Русскихъ. На основаніи саги о скандинавскихъ ...
кахъ, пришедшихъ съ береговъ Дона пріурочиваютъ ихъ ...
дину къ Азовскому морю; а по частому упоминанію Дуна...
нашихъ пѣсняхъ думаютъ, что наши предки пришли съ ...
стнаго Дуная. Мы видѣли, какъ многочисленны Доны и Ду...
когда то по всей вѣроятности это было не собственное ...
ніе, а нарицательное, означающее вообще рѣку; слѣдовате...
никакъ нельзя ручаться, чтобы означенныя преданія относи...
именно къ той или другой извѣстной рѣкѣ. Тотъ же корень ...

---

* Названіе Таматархи, Тмутракани или Тамани мы также при...димъ въ связь съ рѣкою Тана или Дана. И дѣйствительно Кубань н...зывался у древнихъ и Гипанисъ и Танаисъ. А настоящее его названі... (т. е. Кубань) конечно происходитъ отъ Гипанисъ или Гупанисъ. И...вѣстно, что также назывался у Скиѳовъ нынѣшній Бугъ. Гупанисъ мы позволяемъ себѣ сближать съ славянскимъ словомъ *жупанъ*; слѣдовательно и это названіе одной изъ главныхъ скиѳскихъ рѣкъ ближе всего можно объяснить изъ славянскаго языка, какъ Бористенъ (или Берестенъ), Истръ и др. Бугъ или Богъ и Жупанъ конечно имѣли одно и тоже значеніе владыки или господа; они подтверждаютъ, какую тѣсную связь имѣли имена боговъ и героевъ съ именами рѣкъ, то есть указываютъ на обожаніе или поклоненіе рѣкамъ. (Напомнимъ рѣку Тырь или Стырь и Стрибога). По этому поводу укажемъ на древнее названіе Аму-Дарьи *Оксосъ*. Мы позволяемъ себѣ сблизить это названіе съ именемъ Аксай. Напомнимъ скиѳскій миѳъ о трехъ Аксаяхъ, сыновьяхъ бога или царя Таргитая. Рѣки съ именемъ Аксай и теперь еще встрѣчаются на югѣ Россіи и на Кавказѣ. Тотъ же корень *акс* мы видимъ и въ названіи Яксарта. Слово Аксай у Скиѳовъ повидимому означало владыку или героя; слѣдовательно названіе Оксосъ представляетъ аналогію съ Гупаномъ, Бугомъ, Даномъ и т. п. (Можетъ быть и *Ока* есть такое же сокращеніе по отношенію къ Оксосъ или Аксай, какъ Ра къ Араксъ или Арасъ. Во Ѳракіи р. Аксіосъ).

или *так* у Германцевъ сохранился въ названіи ихъ главнаго бога Вотана, Годана или Одина. Послѣднее указываетъ на то, что Германцы были когда то такіе же водопоклонники какъ и Славяне. Какъ корень *дан* имѣетъ связь съ понятіемъ рѣки и наша форма *дно* (то есть дно рѣки) есть видоизмѣненіе того же корня; точно также *русло* и *роса* находятся въ связи съ именами рѣкъ Рось и Русь. Въ связи съ ними находится и названіе миѳическихъ водяныхъ существъ или *русалокъ*.

Отъ рѣкъ слово *данъ* или *донъ* перешло и въ имена многихъ Арійскихъ народовъ и странъ: Македонія, Дарданія, Каледонія и т. п. Въ простой формѣ это названіе сохранилось за однимъ сѣверно-германскихъ народомъ, именно Данами, которые и происхожденіе свое вели отъ миѳическаго героя Дана. Что ихъ названіе находится въ непосредственной связи съ именемъ рѣкъ Дона или Дуная, подтверждаетъ именованіе Датчанъ у польскихъ Славянъ *Дуньчики*. Имя Шведы или Шведены есть конечно сокращеніе изъ Свеи-Даны. (Даны или *Таны* являются у германскихъ народовъ и съ сословнымъ значеніемъ, подобнымъ лехамъ и боярамъ, именно у Англосаксовъ). Названіе древнихъ Даковъ также находится въ связи съ именемъ Дана или Дуная, на берегахъ котораго они жили *. Итакъ мы видимъ, что

* Даки, также какъ и Датчане, вели свое происхожденіе отъ миѳическаго героя Дана: однако они не были племенемъ Германскимъ; они не были также и Славянскимъ племенемъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что въ основѣ Дакійской или настоящей Валахо-Румынской народности былъ элементъ Кельтическій. (Не потому ли Даки оказались такъ воспріимчивы къ Латинскому вліянію и сохранили такъ упорно свое Романское нарѣчіе посреди Славянскаго моря? Притомъ, Влахами Славяне и Германцы называли по преимуществу Кельтовъ). Другая форма имени Даковъ была *Давы* и *Даи*. Эта послѣдняя форма соотвѣтствуетъ видоизмѣненію или собственно удлинненію *дан въ дау дава*, *тава*, которыя встрѣчаются въ сложныхъ именахъ рѣкъ Молдава (нѣмец. *Moldau*), Вельтава и пр. Часть Дако-Влаховъ называется у насъ *Молдавы*, у Поляковъ *Мультаны*. Въ виду всѣхъ этихъ видоизмѣненій мы позволимъ себѣ смѣлую догадку: Данъ-рѣка въ смыслѣ главнаго божества является у Германцевъ (Годанъ или Оданъ); но это имя было весьма распространено у цѣлаго Арійскаго племени; оно можетъ быть скрывается въ названіи славянскаго Дажбога. (Посредствующія формы тутъ могли быть *Дагъ*, *Дакъ* или *Дый*, *Дай* и пр.). Кстати приведемъ и еще нѣкоторыя сближенія, которыя мы позволяемъ себѣ относительно древнихъ Славянскихъ божествъ. Именно, *Мокошь* нашей лѣ-

это имя распространялось на весьма разнообразные и отдаленные народы, и сходство въ названіяхъ далеко не всегда можно объяснять непосредственной колонизаціей. Иначе Даки пойдутъ изъ Даніи и т. п. Точно также народное названіе Рось или Русь было одно изъ распространенныхъ въ Арійскомъ мірѣ, особенно въ его Славяно-Литовской вѣтви. Оно распространялось преимущественно въ связи съ названіями рѣкъ. Мы встрѣчаемъ въ Средніе вѣка слово Русь или Русія съ его видоизмѣненіями, каковы: Русція, Ругія, Прусія (т. е. Порусье) и пр. и въ южной Россіи, и на Балтійскомъ поморьѣ, и въ Карпатахъ, и въ Панноніи, и даже на берегахъ Нѣмецкаго моря (Рустрингія). Не приводимъ другихъ болѣе дробныхъ географическихъ названій, связанныхъ съ тѣмъ же корнемъ (напр. у Иллирскихъ Славянъ). Слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя нашихъ Руссовъ считать колонистами изъ какой либо другой страны. Напротивъ, скорѣе наша Русь могла послужить колыбелью для другихъ Европейскихъ народовъ, носившихъ тоже имя; такъ какъ это имя всегда принадлежало ей по преимуществу, и на ней сосредоточилось окончательно.

тописи, можетъ быть, находится въ связи съ гетскимъ или скиѳскимъ божествомъ загробнаго міра *Залмоксисъ;* а *Симаргла* напоминаетъ военный кликъ паннонскихъ Сарматовъ, по Аммiану Марцеллину: *Marha!* Эта Мара или Марга (съ переставленнымъ придыханіемъ *Хмара*) вѣроятно была богинею смерти, (отъ нея, можетъ быть, и рѣка *Марава* и божество *Марана*). Воспоминаніе о Данбогѣ или Даждьбогѣ, какъ богѣ воды или влаги, можетъ быть сохраняется и доселѣ въ нашемъ словѣ *дождь*. Точно также мы почти ежедневно поминаемъ и бога Хорса; отъ его имени произошло слово *хорошій*, какъ отъ Лада *ладный*, отъ Дива *дивный*, и т. д. Данъ, какъ мы видимъ, присутствуетъ въ названіи главныхъ рѣкъ на югѣ Россіи: кромѣ Дона и Дуная онъ есть въ Днѣстрѣ. Днѣпръ м. б. сокращено изъ Данапрагъ, и значитъ «рѣка-порогъ» или «порожистая рѣка»; а м. б. въ названіи Днѣпръ (латин. *Данаперъ*) заключаетъ имя божества Перуна. Днѣстръ или Данастырь или Данъ-Тырь также значитъ или «рѣка Тырь» или «богъ Тырь». Названіе Данъ-Тырь или Данъ-Туръ напоминаетъ Идантура или Идантурса, главнаго скиѳскаго царя и героя во время нашествія Дарія Гистаспа. Слово *Данъ*, означавшее рѣку, очевидно переходило и въ понятіе *богъ* во времена водопоклоненія. Отсюда у германскихъ народовъ этимъ словомъ стало обозначаться верховное божество, т. е. *Оданъ* или *Воданъ*.

VIII.

Роксалане.—Скиѳы.—Готы.—Славянская народность Руси.

Гдѣ же искать древнѣйшихъ указаній на нашу Русь, то есть на Русскій народъ?

Мы не будемъ говорить о библейскомъ народѣ *Росъ;* а перейдемъ прямо къ извѣстіямъ греко-римскихъ писателей о Роксаланахъ. По нашему мнѣнію не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Рось или Русь и Роксаланы это одно и тоже названіе, одинъ и тотъ же народъ. Роксаланы иначе выговаривалось Россаланы (какъ Поляки вмѣсто Саксы говорятъ Сасы; подобнымъ образомъ Полѣсье въ латинской передачѣ обратилось въ Polexia, напр. въ буллѣ папы Александра IV). Это названіе сложное, въ родѣ Тавроскиѳы, Кельтиберы и т. п. Оно означаетъ Аланъ жившихъ по рѣкѣ Роксъ (Араксъ) или Росъ. Впервые подъ этимъ именемъ они выступаютъ въ началѣ 1-го вѣка до Р. Х., именно въ ихъ войнѣ съ Митридатомъ Понтійскимъ (по Страбону и Плинію). Тацитъ называетъ ихъ народомъ Сарматскимъ. Жилища ихъ греко-римскіе писатели помѣщаютъ около Чернаго и Азовскаго морей между Дономъ и Днѣпромъ. Впослѣдствіи они (то есть нѣкоторыя ихъ вѣтви) встрѣчаются западнѣе, и своими набѣгами безпокоятъ римскія области на Дунаѣ. Во время войнъ Траяна съ Даками Сарматы Роксалане принимаютъ участіе въ этихъ войнахъ и нѣкоторое время являются союзниками Даковъ. Покоривъ Дакію, Римляне повидимому отбросили Роксаланъ снова къ берегамъ Днѣстра и Днѣпра. По поводу войнъ съ Трояномъ мы позволимъ себѣ слѣдующее сближеніе. Амміанъ Марцеллинъ, сообщая нѣкоторыя черты о Сарматахъ, говоритъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, покрытыя роговой чешуей, которая была сдѣлана на подобіе птичьихъ перьевъ. На извѣстномъ памятникѣ Дакійской войны, на Трояновой колоннѣ, мы встрѣчаемъ всадниковъ, покрытыхъ именно такою чешуйчатою бронею. Эти всадники не Даки, а ихъ союзники Сарматы. (Не изображаютъ ли эти фигуры нашихъ предковъ Роксаланъ или Русь II-го вѣка по Р. Х?). По Тациту знатные Роксаланы носили чушуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Конечно недаромъ имя Траяна жило такъ

долго въ преданіяхъ Русскаго народа, что мы встрѣчаемъ ее у нашего поэта XII вѣка, т. е. въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Недаромъ были воздвигнуты такъ наз. Траяновы валы для защиты отъ воинственныхъ народовъ южной Россіи, и между прочимъ отъ тѣхъ же Роксаланъ. (По Іорнанду Дакія въ VI в. граничила на востокѣ съ Роксаланами).

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. мы находимъ нынѣшнюю юго-западную Россію подъ владычествомъ Готовъ. Въ числѣ народовъ подвластныхъ царю Германриху Іорнандъ приводитъ *Рокасовъ* (Rocas); эти Рокасы, Роксы или Росы въ другомъ мѣстѣ называются у него опять своимъ сложнымъ именемъ Роксаланъ. Припомнимъ указанія Іорнанда на вѣроломство Роксаланъ; мщеніе двухъ знатныхъ братьевъ изъ этого племени, нанесшихъ тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами. Отсюда можно заключить, что и самое появленіе Гунновъ находилось въ связи съ движеніемъ Роксаланъ противъ Готовъ. По Аммiану Марцеллину Алане также соединились съ Гуннами противъ Готовъ, а подъ Аланами у него конечно разумѣются и Роксалане. По этому поводу я ставлю вопросъ: первое нашествіе Гунновъ не было ли въ сущности движеніемъ какой либо части Славянскаго племени противъ угнетавшаго ее германскаго народа Готовъ? Замѣчательно, что въ послѣдствіи, когда разсѣялся Гуннскій туманъ, мы уже не находимъ массы готскихъ народовъ въ южной Россіи, за исключеніемъ небольшихъ остатковъ (напр. въ Крыму); отъ Дуная и до Волги мы видимъ преимущественно народы Славянскіе, и между ними господствующее положеніе заняла наша Русь. Вѣка послѣдующіе за Гунскою эпохою суть самые темные въ исторіи Русской земли. Это было время народнаго броженія, которое усиливало и безъ того великую путаницу въ народныхъ именахъ. Впрочемъ тоже время (отъ VII до IX вѣка) совпадаетъ и съ самою скудною эпохою по отношенію къ византійской исторіографіи. Русь опять скрывается у нея подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ. Но въ IX вѣкѣ она снова выступаетъ на сцену подъ своимъ именемъ и громко заявляетъ о себѣ своимъ нападеніемъ на Константинополь. Въ этомъ вѣкѣ на помощь исторіи приходятъ и арабскія извѣстія, опять по той главной причинѣ, что около того времени началось объединеніе Руси, и своими подвигами она заставила другихъ говорить о себѣ; притомъ процвѣтаніе географической

литературы у Арабовъ и ихъ болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія о Восточной Европѣ восходятъ приблизительно къ тому же времени. Понятно теперь, почему Русская исторія начинается собственно со второй половины IX вѣка. Повторяемъ, наша лѣтописная легенда о призваніи князей потому и пріурочиваетъ ихъ именно къ этому времени, чтобы связать ихъ съ появленіемъ народа Русь въ византійскихъ хроникахъ, и вмѣстѣ объяснить происхожденіе Русскаго государства. * О дѣйствительномъ происхожденіи память народная конечно не могла сохранить никакихъ воспоминаній; такъ какъ оно теряется въ глубинѣ Сарматскихъ и Скиѳскихъ вѣковъ. Данная легенда есть ничто иное какъ въ обширныхъ размѣрахъ таже попытка осмыслить непонятное явленіе. Сказаніе о Кіѣ пытается объяснить начало Кіева, а басня о Варягахъ распространяетъ этотъ мотивъ на цѣлое государство—черта, присущая легендарной исторіи всѣхъ народовъ.

Не вдругъ пришли мы къ своему мнѣнію о томъ, что Русь IX вѣка была народомъ Славянскимъ. Убѣдившись, что это не были Скандинавы, призванные въ Новогородскую землю для порядка или просто завоевавшіе восточную Европу, и что Русь была народомъ южнорусскимъ, а не сѣверноевропейскимъ, мы сдѣлали такое предположеніе: можетъ быть остатки готскихъ

* Вотъ нашъ отвѣтъ на вопросъ норманистовъ: почему же ни византійскіе, ни арабскіе источники не говорятъ ясно о Руси ранѣе 862 года, т. е. ранѣе т. наз. призванія Варяговъ? Когда бы византійцы ни заговорили о Руси, призваніе князей всегда оказалось бы ранѣе. Составитель лѣтописнаго свода имѣлъ настолько соображенія, что онъ не могъ поставить призваніе князей позднѣе нападенія Руси на Константинополь, когда онъ и самое появленіе ея объясняетъ призваніемъ князей. Это нападеніе на Византію и есть наше историческое тысячелѣтіе. Если бы оно случилось столѣтіемъ ранѣе, то и призваніе князей вѣроятно было бы внесено подъ 762 годомъ, т. е: оно, хотя бы только двумя или тремя годами, должно предшествовать нападенію на Византію. Но у составителя свода не было настолько соображенія, чтобы понять всю невѣроятность столь важныхъ переворотовъ и завоеваній совершенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. скорѣе чѣмъ при Александрѣ Македонскомъ. Какъ Византійцы заговорили о Руссахъ вслѣдствіе ихъ нападенія на Константинополь въ 865 г., такъ и Арабы заговорили о нихъ преимущественно вслѣдствіе ихъ большихъ походовъ въ Каспійское море.

народовъ, когда то господствовавшихъ въ южной Россіи, [illegible] паденія Гунновъ снова взяли силу, и положили основаніе Русскому государству? Другими словами: можетъ быть Роксаланы были Готское племя? Это предположеніе мы основывали отчасти на тѣхъ же данныхъ, на которыхъ построена теорія Скандинавская, т. е: русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, имена князей и дружины, названіе Гудасъ, которое Литовцы даютъ южноруссамъ, и т. п. Нѣкоторое время мы останавливались именно надъ этимъ предположеніемъ, и у насъ составилась почти цѣлая система въ пользу Готовъ, система, которая по нашему мнѣнію имѣла за собою болѣе вѣроятія, чѣмъ теорія Скандинавомановъ. Но и эта Готская теорія не могла долго выдерживать провѣрку по фактамъ несомнѣнно историческимъ. Извѣстія Арабовъ и Византійцевъ убѣждали, что Русь была сильное, многочисленное и энергическое племя. А если такъ, то гдѣ же слѣды этого многочисленнаго и господствовавшаго племени? Могло ли оно исчезнуть, не заявивъ о своемъ существованіи особенно въ русскомъ языкѣ? Какимъ образомъ оно подчинилось вліянію покоренныхъ до такой степени, что въ началѣ X вѣка по всѣмъ признакамъ является народомъ Славянскимъ, т. е. имѣющимъ славянскую религію и славянскій языкъ?

Занятіе Русскимъ вопросомъ въ связи съ вопросами Сарматскимъ и Скиѳскимъ окончательно разсѣяли эту Готскую теорію. Нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить Роксаланъ къ народамъ Германскимъ. Нѣкоторыя извѣстія раннихъ византійскихъ историковъ, относящія къ Готамъ мимоходомъ, въ общихъ выраженіяхъ, многіе народы, въ томъ числѣ и Аланъ, объясняются простою сбивчивостью ихъ этнографическихъ терминовъ. Да и что такое Готы? Это народное имя имѣетъ за собою длинную и запутанную исторію. Мы несогласны съ тѣми, которые отвергаютъ извѣстіе Іорнанда, что Геты и Готы одно и тоже. Древнѣйшая форма этого имени, т. е. Геты, имѣла почти такое же широкое распространеніе и въ тѣхъ же странахъ какъ и названіе Скиѳы. Кромѣ собственно Гетовъ, обитавшихъ на Дунаѣ, мы встрѣчаемъ далѣе на сѣверъ и востокъ Тиссагетовъ, Тиригетовъ, Танаигетовъ, Массагетовъ и другихъ Гетовъ. Это имя по обыкновенію видоизмѣнялось; такимъ образомъ являются потомъ *Готины, Гутоны*, *Гуты* и *Готы*. Съ этими послѣдними именами встрѣчаются народы и въ странѣ между Дунаемъ и

Днѣстромъ, и на Вислѣ, и на Балтійскомъ поморьѣ, откуда пошла колонизація въ Скандинавію. Мало по малу названіе Готы сосредоточилось преимущественно на восточной вѣтви Германскаго племени, которая начала выдѣляться изъ Скиѳскаго міра. Главную массу Скиѳовъ восточной Европы составляли по нашему убѣжденію народы Славянскіе; но кромѣ нихъ сюда входили Литовцы, часть Германскаго племени, часть Чудскаго и даже былъ элементъ Кельтскій. Впослѣдствіи мало по малу происходило обособленіе этихъ народовъ; рядомъ съ тѣмъ конечно совершалось и перекрещиваніе нѣкоторыхъ частей, порождавшее новые типы, болѣе или менѣе переходные. Семья Славяно-Литовская выдѣлилась изъ огромнаго Скиѳскаго міра подъ именемъ народовъ Сарматскихъ. Но еще долгое время жила она въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ собственно Готскою, т. е. восточногерманскою группою, и вмѣстѣ съ нею носила географическое имя Скиѳовъ. Названіе Геты также употреблялось еще долго для обозначенія народовъ различныхъ группъ *.

---

* Отсюда намъ понятны будутъ такія выраженія у Византійцевъ какъ слѣдующее: «Геты или, что одно и тоже, Склавины» (Ѳеофилактъ). Что имя Гетовъ или Готовъ было нечуждо Славянамъ показываетъ названіе одного Славянскаго племени, въ Ѳессаліи и Пелопонезѣ, *Велегосты;* а также присутствіе слова *гость* или *гасть* въ именахъ Славянскихъ боговъ. Это *гость* есть тоже что *готъ*; между ними такое же отношеніе какъ, напримѣръ, между *туры* и *турсы*: *с* является иногда нетолько въ началѣ слова (Скитъ, Сполинъ, Стырь и пр.), но и въ концѣ. Названіе Геты встрѣчается и въ именахъ литовскихъ народовъ, напримѣръ Самогиты.

Очень можетъ быть, что имя Готы или Гуты пошло отъ одного корня съ словомъ Скиты или Скуты, т. е. отъ *кут* или *гут*. Напомнимъ слова одного византійскаго писателя (Синкела): «Скиѳы, которымъ на родномъ языкѣ имя Готы». Послѣ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій Уккерта (Skythien. 1846) теорія Нибура о монгольствѣ Скиѳовъ уже не могла имѣть мѣста. Уккертъ доказалъ только, что Скиѳы были племя Арійское. Далѣе него пошелъ въ томъ же направленіи Бергманъ (Les Scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves. 1858). Изъ многихъ другихъ трудовъ о томъ же предметѣ укажемъ на появившееся недавно сочинненіе Куно (Die Skythen. 1871), который въ Скиѳахъ видитъ Славяно-Литовскую (Сарматскую) семью исключительно; что по нашему мнѣнію не совсѣмъ справедливо. Мысли о связи нѣкоторыхъ Скиѳскихъ народовъ съ Славянами встрѣчались и прежде между учеными польскими, чешскими и русскими (Коллонтай, Шафарикъ, Венелинъ, Надеждинъ, Чертковъ и др.); но эти мысли не достигали достаточной ясности и достаточной степени обобщенія.

Въ Скиѳскомъ мірѣ, какъ и вездѣ, по всѣмъ признакамъ происходила борьба за господство между наиболѣе сильными племенами. Въ эпоху Геродота и послѣдующую преобладали надъ сосѣдями такъ называемые Царскіе Скиѳы, жившіе между Дономъ и Днѣпромъ; позднѣе, въ III и IV вв. по Р. Х. мы видимъ господство германскихъ Готовъ. Намъ сдается, что возстаніе противъ нихъ Славянскихъ племенъ, и главнымъ образомъ Роксаланъ или Руси, и послужило толчкомъ къ такъ наз. Великому переселенію народовъ. Когда броженіе народовъ прекратилось, въ Восточной Европѣ можно было найти только небольшіе остатки германскихъ народовъ; они оттѣснены далѣе на западъ и на сѣверъ. Восточная Европа (не говоримъ о значительной части Средней и Южной) осталась преимущественно въ рукахъ огромнаго Славянскаго племени. Изъ этого племени постепенно выдѣляется Русскій народъ. Самъ по себѣ этотъ народъ могъ заключать результаты смѣшенія или перекрещиванія Славянскаго племени съ другими элементами, напримѣръ съ готскими, литовскими и угорскими. Но это смѣшеніе происходило подъ несомнѣннымъ преобладаніемъ элемента Славянскаго; въ IX и X вв., повторяю, Русь является народомъ Славянскимъ. Тѣмъ не менѣе она могла имѣть, и конечно имѣла, нѣкоторыя свои особенности въ нарѣчіи, въ характерѣ, нѣкоторый оттѣнокъ въ своихъ личныхъ именахъ и т. п. Черты сходныя съ германскими народами, особенно родство корней въ языкѣ, могутъ быть возводимы безспорно къ ихъ общеарійскому родству и къ ихъ совмѣстному жительству еще въ Скиѳскомъ мірѣ. Къ этому сожительству или ко временамъ Готскаго владычества можетъ быть восходитъ и начало литовскаго Гудасъ для наименованія Южноруссовъ. Это Гудасъ можетъ быть первоначально имѣло смыслъ болѣе географическій, собирательный, чѣмъ этнографическій, т. е. такое же общее значеніе какъ названіе Геты. Имя *Алане* также имѣло разнообразное и сбивчивое примѣненіе въ географическомъ и этнографическомъ смыслѣ, прежде нежели оно сосредоточилось на Аланахъ собственно Кавказскихъ.

Итакъ, мы рѣшительно не видимъ какихъ либо серьёзныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно доказывать иноплеменное происхожденіе Руси. Когда мы убѣдились, что Готская теорія также несостоятельна какъ Скандинавская, то естественно пришли къ слѣдующему выводу: *Русь, основавшая Русское*

государство, была не только племя туземное, но и Славянское; а Варяги были иноземцы-Норманны. И замѣчательно, когда остановишься на этомъ предположеніи, только тогда начинаютъ постепенно распутываться Гордіевы узлы Варяжскаго вопроса, то есть узлы возникающіе изъ сопоставленія дѣйствительныхъ фактовъ съ легендою о призваніи. А именно: Необычайно быстрое географическое распространеніе имени Русь, если вести ея начало отъ призванія князей. Невѣроятное накопленіе событій и завоеваній въ столь короткій срокъ. Поклоненіе Руссовъ Славянскимъ божествамъ. Славянскіе переводы греческихъ договоровъ. Видимое отсутствіе какой либо борьбы между Русскою и Славянскою народностію прежде ихъ сліянія. Отсутствіе всякой Руси въ Скандинавіи. Отсутствіе всякихъ намековъ на призваніе нашихъ князей въ иноземныхъ источникахъ. Несомнѣнные признаки, что Русь была не дружина только, а цѣлый народъ, вѣтви котораго простирались до Чернаго моря и Дона. Несомнѣнное тяготѣніе нашей первоначальной исторіи и имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Несомнѣнное отношеніе самой Руси къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ (напр. въ юридическихъ памятникахъ). и пр. и пр.

Позволяемъ себѣ предварить своихъ противниковъ по данному вопросу, что если они продолжаютъ настаивать на легендѣ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, тогда по нашему мнѣнію нѣтъ причины отвергать и Гостомысла, а также Кія, Щека и Хорива и прочія басни, накопившіяся съ теченіемъ времени въ лѣтописныхъ сборникахъ. Подтверждать, напримѣръ, легенду о призваніи князей сказаніемъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, а это послѣднее сказаніе въ свою очередь подкрѣплять легендою, значитъ одно неизвѣстное опредѣлять другимъ неизвѣстнымъ.

Можетъ быть, нѣкоторыя наши второстепенныя соображенія окажутся не вполнѣ удачными. О томъ не споримъ. Подробности и частности ждутъ еще многихъ и многихъ работъ. Но это, надѣемся, не измѣнитъ нашего главнаго вывода, что Русь была племя туземное и славянское, а не пришлое изъ Скандинавіи.

ЕЩЕ О НОРМАНИЗМѢ.

I.

Современное значеніе норманизма.—Шлёцеръ, Карамзинъ и Погодинъ.

Объявляя войну норманизму въ своей статьѣ *О мнимом призваніи Варяговъ* (*Русск. Вѣстн.* 1871, №№ 11 и 12), мы конечно расчитывали на возраженія. Но въ то же время, рассмотрѣвъ этотъ вопросъ по возможности съ разныхъ сторонъ, мы настолько убѣдились въ несостоятельности норманской теоріи, что серіозныхъ возраженій съ ея стороны не ожидали и не ожидаемъ. Ибо все что можно было сказать въ ея пользу давно уже сказано, и все это оказалось болѣе или менѣе неудовлетворительно. Прошло довольно времени отъ появленія нашей статьи, и тѣ возраженія, которыя до сихъ поръ появились, по нашему крайнему разумѣнію, только подтверждають несостоятельность норманской теоріи. Мы объявили ей войну тѣмъ рѣшительнѣе что, по нашему убѣжденію, она до сихъ поръ продолжаетъ причинять вредъ наукѣ Русской исторіи, а слѣдовательно и нашему самопознанію. Благодаря этой теоріи, въ нашей исторіографіи установился очень легкій способъ относиться къ своей старинѣ, къ своему началу. Обыкновенно перечисливъ названія разныхъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ и помянувъ о томъ, что Славяне жили не ладно между собою, мы затѣмъ приступаемъ къ исторіи русской государственной жизни такъ-сказать ex abrupto. Этотъ приступъ напоминаетъ наши сказочные пріемы. „Гдѣ-то за моремъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили три брата. Однажды къ этимъ тремъ братьямъ приходятъ послы изъ-за тридевять земель и говорятъ имъ: земля наша велика“ и т. д. Даже сохраненъ и тотъ обычный пріемъ, что два

брата являются только для обстановки, и вся удача принадлежитъ одному.

Эта пресловутая теорія продолжаетъ оттирать изъ исторіи цѣлый могучій народъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшій въ южной Россіи, а на мѣсто его вызываетъ изъ-за моря какую-то тѣнь, которую она не знаетъ какъ назвать: не то народомъ, не то дружиною, и утверждаетъ, что эта-то тѣнь и была настоящая Русь, и что она въ нѣсколько лѣтъ покрыла собою все пространство „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“. Вмѣстѣ съ небывалымъ народомъ Варягоруссовъ созданъ въ нашей исторіи и небывалый *норманскій періодъ*, и затѣмъ чуть ли не всѣ основныя явленія нашей государственной жизни объявляются не своими, а чуждыми, принесенными изъ-за моря; дружина, бояре, судъ, способъ собирать дань, — все это будто бы Славяне получили отъ Норманновъ! Зайдетъ ли рѣчь о вооруженіи Руссовъ и ихъ боевыхъ пріемахъ, для образца приводится коверъ Англійской королевы Матильды съ изображеніемъ норманскихъ воиновъ. Оказывается, что русскіе Славяне даже и лодку не умѣли соорудить, и потому, чтобы дать понятіе о русскихъ ладьяхъ, указываютъ на изображеніе норманскихъ судовъ въ средневѣковыхъ рукописяхъ. Странно только, какъ эти призванные Варягоруссы заговорили по-славянски и не заставили насъ выучиться своему германскому нарѣчію?

Наша археологическая наука, положась на выводы историковъ-норманистовъ, шла доселѣ тѣмъ же ложнымъ путемъ при объясненіи многихъ древностей. Если нѣкоторые предметы отрытые въ русской почвѣ походятъ на предметы найденные въ Даніи или Швеціи, то для нашихъ памятниковъ объясненіе уже готово: это норманское вліяніе. При этомъ не берутся въ разчетъ два самыя простыя обстоятельства: 1) многія вещи одной и той же фабрикаціи помощію торговли распространялись на весьма обширное пространство, помимо всякихъ политическихъ вліяній, и 2) многіе сходные предметы встрѣчаются не рѣдко совершенно у разныхъ народовъ, не находившихся никогда въ сношеніяхъ между собою. Далѣе, особенно вредно отзывается эта теорія на трудахъ молодыхъ изслѣдователей по части древней Русской исторіи и этнографіи, по весьма естественной неопытности берущихъ за исходные пункты выводы норманизма. Русская филологія также не мало затруд-

нена норманскимъ предразсудкомъ, который мѣшалъ до сихъ поръ трезвому взгляду на начало русской письменности. Вообще норманская струя проникала всюду гдѣ только можно и затемняла нашъ кругозоръ. Поколѣніе за поколѣніемъ съ дѣтства привыкало повторять басню о призваніи Варяговъ какъ непреложный фактъ и отнимать у своихъ предковъ славу созданія своего государства, которое, по лѣтописцеву выраженію, они „стяжали великимъ пôтомъ и великими трудами“.

Изъ всего сказаннаго нисколько не слѣдуетъ, что съ норманизмомъ можно было легко и скоро покончить. На этотъ счетъ мы не заблуждались. На его сторонѣ, кромѣ стольких почтенныхъ дѣятелей науки, находится и сила давней привычки. Мы такъ долго твердили сказаніе о Варягахъ, что совершенно сжились съ нимъ. Мы ощущали даже нѣкоторое довольство тѣмъ, что исторія наша, не такъ какъ у другихъ народовъ, имѣвшихъ миѳическія времена, начинается извѣстнымъ годомъ, извѣстнымъ событіемъ и такимъ еще оригинальнымъ событіемъ, какъ трогательная федерація славянскихъ и чудскихъ народовъ, отправляющая посольство за море! Правда, задняя мысль на счетъ неспособности нашихъ предковъ къ организаціи нѣсколько омрачала это довольство; но за то намъ было такъ покойно за Несторомъ и за Варягами! Мы были избавлены отъ труда бороться съ сумракомъ предшествовавшихъ вѣковъ и тамъ искать своего начала. Фраза: Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“ пришлась намъ такъ по вкусу (особенно въ эпоху обличительной литературы)!

По поводу своей статьи *О мнимомъ призваніи Варяговъ* я выражалъ прискорбіе, что принужденъ разойтись съ М. П. Погодинымъ. Прискорбіе, это было совершенно искренне, какъ по личному уваженію къ почтенному ветерану, такъ и потому, что статья моя случайно совпала съ празднованіемъ его 50-ти-лѣтняго юбилея и съ появленіемъ въ свѣтъ его *Русской исторіи до Монгольскаго ига*; а въ этой книгѣ древняя русская исторія построена все на томъ же норманскомъ основаніи. Въ теченіе всей своей 50-ти-лѣтней дѣятельности г. Погодинъ оставался самымъ ревностнымъ представителемъ норманизма, и едва только кѣмъ-нибудь заявлялись сомнѣнія, онъ немедленно выступалъ бойцомъ, и по справедливости можетъ быть на-

ванъ патріархомъ современныхъ норманистовъ. Послѣ столькихъ счастливо оконченныхъ столкновеній не могъ конечно онъ обойти молчаніемъ наше мнѣніе, какъ и самъ о томъ замѣчаетъ.

М. П. Погодинъ выступилъ бойцомъ за норманскую теорію еще въ ранней молодости, и этимъ, къ сожалѣнію, предрѣшилъ дальнѣйшее направленіе своихъ трудовъ по обработкѣ нашей древней исторіи. Еслибъ онъ приступилъ къ данному вопросу съ бо̀льшимъ запасомъ опытности въ дѣлѣ исторической критики, то, по всему вѣроятію, при своей даровитости, пришелъ бы не совсѣмъ къ тѣмъ же результатамъ. Онъ началъ свое ученое поприще подъ вліяніемъ двухъ подавляющихъ авторитетовъ того времени, Шлёцера и Карамзина. Шлёцеръ — надобно отдать ему справедливость — былъ сильный критическій талантъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ и его трудъ о русской лѣтописи. Но въ этомъ трудѣ онъ отнесся некритически къ своему исходному пункту, то-есть къ лѣтописному сказанію о призваніи Варяговъ. Ему даже и въ голову не пришло усомниться въ этомъ сказаніи или войти въ научныя разсужденія о его достовѣрности. За то надобно видѣть, сколько остроумія и сколько усилій потратилъ онъ, чтобы согласить возникавшія изъ самой лѣтописи противорѣчія съ своимъ исходнымъ пунктомъ: онъ относилъ ихъ обыкновенно къ неисправности и невѣжеству переписчиковъ Нестора, то-есть того идеальнаго лѣтописца, котораго онъ себѣ представлялъ. Его саркастическій тонъ и подчасъ слишкомъ безцеремонное отношеніе къ противнымъ мнѣніямъ (которыя онъ прямо приписывалъ глупости и невѣжеству) конечно должны были подѣйствовать на современниковъ и ближайшее поколѣніе и, такъ-сказать, порядкомъ ихъ запугать. Дѣйствительно, такъ и случилось.

Подъ вліяніемъ норманской школы началъ писать свою исторію и нашъ безсмертный Карамзинъ. Онъ не остановился надъ вопросомъ о началѣ Руси, а взялъ уже готовое его рѣшеніе. Да иначе едва ли могъ и поступить, ибо антинорманизмъ въ наукѣ былъ еще очень слабъ. Отъ Карамзина впрочемъ не укрылись и нѣкоторыя слабыя стороны норманизма. Но онъ желалъ возможно скорѣе покончить съ этимъ начальнымъ сумракомъ и выступить на широкую дорогу историческаго повѣствованія, то-есть туда, гдѣ обиліе матеріала давало свобо-

ду его изящному литературному генію. Мы впрочемъ не думаемъ считать Карамзина только литераторомъ. Нѣтъ, онъ былъ и ученый, и историкъ въ истинномъ, благородномъ значеніи этихъ словъ. Многіе его историческіе взгляды совсѣмъ не такъ устарѣли, какъ объ этомъ думаютъ. Для примѣра укажу на его знаменитое дѣленіе царствованія Ивана Грознаго на двѣ части: съ Сильвестромъ и Адашевымъ и безъ нихъ. По моему мнѣнію, оно остается вѣрно исторической правдѣ. Дальнѣйшая исторіографія наша находитъ какую-то трагическую борьбу между Иваномъ съ одной стороны, оппозиціей бояръ и старыхъ вѣчниковъ съ другой, и казнямъ его придаетъ какой-то государственный смыслъ. Не видимъ мы этой трагической борьбы. Предшественники Ивана IV сдѣлали болѣе его для Русской монархіи; однако они не прибѣгали къ поголовной рѣзнѣ. Говорятъ, пѣсни народныя отнеслись съ сочувствіемъ къ Грозному. Плохой аргументъ для историка: пѣсни народныя отнеслись сочувственно и къ Стенькѣ Разину. Но мы уклонились въ сторону. Обратимся къ нашему досточтимому противнику *.

II.

Возраженія г. Погодина.

Въ началѣ своей статьи (*Новое мнѣніе г. Иловайскаго. Бесѣда*, 1872, IV) М. П. Погодинъ говоритъ, что ему „тяжело“ вновь распространяться о своихъ доказательствахъ въ опроверженіе моихъ положеній, что онъ ограничится опроверженіями нѣкоторыхъ и кромѣ того общими положеніями. Жаль, что нашъ почтенный ветеранъ не исполнилъ своего намѣренія, то есть не занялся опроверженіемъ хотя бы только двухъ, трехъ изъ моихъ наиболѣе существенныхъ положеній, но опроверженіями систематическими и сколько-нибудь обстоятельными. Вмѣсто того онъ въ короткихъ словахъ перебираетъ бóльшую часть

* Въ настоящее время, увы, уже покойному. Къ великому сожалѣнію мы лишились его въ концѣ 1875 года. Свой отвѣтъ ему я, за немногими исключеніями, оставляю почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ напечатанъ при его жизни. (Русс. Вѣст. 1872. ноябрь и декабрь).

моихъ положеній, сопровождая ихъ категорическими, голословными замѣчаніями и часто не обращая никакого вниманія на мои доказательства. А что касается до его общихъ соображеній, то вотъ примѣръ:

„Въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ Норманны, обитатели Даніи, Швеціи, Норвегіи, были хозяевами на всѣхъ европейскихъ моряхъ: Нѣмецкомъ, Атлантическомъ, Средиземномъ. Взгляните на карту ихъ морскихъ походовъ: они переплывали Океанъ; нападали на Германію, Голландію, Францію, Британію, Италію, Ирландію, Испанію, Грецію; проникали въ устья всѣхъ большихъ рѣкъ и селились по всѣмъ побережьямъ; показывались и водворялись на островахъ Ферарскихъ, Оркадскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Сѣверной Америкѣ, задолго до Колумба. А противники норманства, съ г. Иловайскимъ включительно, хотятъ, чтобы Норманны оставили въ покоѣ только одну сосѣднюю нашу страну, для нихъ самую удобную, подлежащую и подходящую, то есть устья Нѣмана, Вислы, Двины и Невы. *Съ чѣмъ это сообразно*? Да они съ этихъ мѣстъ и начать должны были свои нашествія. Они очень рано узнали дорогу къ ней и черезъ нее въ Константинополь къ Каспійскимъ Козарамъ, въ Пермь (Біармію). Всѣ лѣтописи: греческія, русскія, арабскія — полны описаніемъ ихъ повсемѣстныхъ набѣговъ и представляютъ вездѣ совершенно одинакія черты“.

Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается довольно много погрѣшностей противъ исторіи. Вопервыхъ, Норманны въ VIII и IX вѣкахъ не только не были хозяевами въ Средиземномъ морѣ, но едва начали туда проникать; а тѣмъ болѣе они не нападали на Грецію. О X и XI вѣкахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ наша Русь ясно выступила подъ своимъ именемъ уже въ IX вѣкѣ. А будто Норманны проникали въ устья *всѣхъ* большихъ рѣкъ и селились по *всѣмъ* побережьямъ—что̀ это такое какъ не гипербола? Какое намъ дѣло до того, что Норманны показывались на Ферарскихъ островахъ, въ холодной Исландіи и даже въ Сѣверной Америкѣ? (И замѣтьте, все это было уже послѣ появленія Руси въ исторіи). Г. Погодинъ спрашиваетъ, съ чѣмъ сообразно, чтобы Норманны оставили въ покоѣ нашу страну? Не только сообразно, отвѣчаемъ мы но совершенно естественно: такъ какъ наша страна не лежала ни въ Ирландіи, ни въ Исландіи. Стремленіе Норманновъ на

западъ вполнѣ согласно съ ходомъ средней исторіи, когда сѣверные и восточные варвары шли на западъ и югъ, гдѣ находили богатую и легкую добычу. Иногда этихъ варваровъ вытѣсняли съ востока другіе народы, далеко уступавшіе имъ въ знаменитости. Не буду говорить о Готахъ; укажу на племя выступавшее на поприще европейской исторіи почти одновременно съ Норманнами — на Угровъ. Они приводили въ трепетъ всю Среднюю Европу и завоевали обширныя земли; а между тѣмъ эти Угры изгнаны изъ южной Россіи ордою Печенѣговъ и потомъ отброшены отъ нижняго Дуная Болгарами. Угры и доселѣ благоденствуютъ въ чужой землѣ; а гдѣ ихъ гонители Печенѣги? Что сдѣлалось съ ихъ побѣдителями Славянскими Болгарами? По теоріи же г. Погодина выходитъ слѣдующее: такъ какъ Угры громили Германію, Италію, Францію, Византійскую имперію, западныхъ и южныхъ Славянъ, то покореніе ими сосѣдней Россіи уже подразумѣвается само собою.

Относительно норманскихъ походовъ черезъ Россію въ Константинополь и Хазарію, норманисты все имѣютъ въ виду слова нашей лѣтописи о пути изъ Варягъ въ Греки. Но въ первой статьѣ своей мы уже указывали, что слова его надобно относить къ его собственному времени; тутъ разумѣется XI вѣкъ и никакъ не ранѣе XI. Лѣтописецъ наивно описываетъ путешествіе апостола Андрея по тому же пути; по логикѣ норманистовъ выходитъ, что торный путь изъ Варягъ въ Греки существовалъ уже въ I вѣкѣ нашей эры! Мы указывали на полную невозможность для Норманновъ ходить изъ Балтійскаго моря въ Черное ранѣе объединенія земель, лежащихъ по этому пути подъ властью русскихъ князей. Если Норманны въ IX вѣкѣ не плавали по Днѣпру, то говорить объ ихъ походахъ въ Каспійское море значитъ просто давать волю своей фантазіи. Плаваніе по широкому морскому пути въ Исландію, а изъ Исландіи въ Гренландію было довольно легкимъ дѣломъ въ сравненіи съ рѣчными походами по обширному материку, гдѣ надобно бороться и съ огромными волоками, и съ порогами, и съ туземными племенами. А главное, всѣ эти походы Норманновъ по восточной Европѣ въ IX вѣкѣ и ранѣе совершенно гадательны и не подтверждаются ни единымъ историческимъ свидѣтельствомъ, хотя по словамъ г. Погодина о нихъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи, — греческія, русскія и арабскія. О черноморскихъ и каспійскихъ походахъ Руссовъ въ IX и X вѣ-

кахъ дѣйствительно мы имѣемъ современныя свидѣтельства Византійцевъ и Арабовъ; но о Норманнахъ ни слова. Вообще мы не понимаемъ голословнаго повторенія прежнихъ домысловъ, въ родѣ хожденія Норманновъ въ Черное и Каспійское море. Правила сколько-нибудь научной полемики требуютъ сначала опровергнуть доказательства противника.

Нѣсколько ниже г. Погодинъ приводитъ хотя и не новое, тѣмъ не менѣе оригинальное соображеніе въ пользу того мнѣнія что черноморскіе походы Руссовъ принадлежали Руси Норманнской, а не туземной или Приднѣпровской. Вотъ это соображеніе: Поляне были племя *тихое* и *смирное*. Не будемъ говорить объ исторіи Полянъ-Руси въ предшествующіе вѣка, хотя и туманные, однако не совсѣмъ недоступные людямъ свободнымъ отъ норманскаго предразсудка — вѣка наполненные борьбою съ одноплеменными и иноплеменными народами, каковы Готы, Гунны, Авары, Древляне, Угры и проч.; уже одно географическое положеніе ихъ было таково что тихое, смирное племя здѣсь давно было бы стерто народными волнами. Всѣ лѣтописныя извѣстія о поведеніи Полянъ во время борьбы съ Печенѣгами, Половцами и во время княжескихъ споровъ свидѣтельствуютъ что это было энергичное, безпокойное и воинственное племя. (Прослѣдите внимательно исторію Кіевлянъ, отъ человѣческихъ жертвоприношеній Перуну до убіенія Игоря Ольговича). Но г. Погодинъ въ этомъ случаѣ руководствуется извѣстнымъ разглагольствіемъ лѣтописца о томъ что Поляне „обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ“ и пр. Здѣсь собственно характеристика брачныхъ и погребальныхъ обрядовъ, и принадлежитъ она не IX вѣку, а XI и XII. Не говоря о явномъ пристрастіи лѣтописца къ Полянамъ сравнительно съ другими племенами и объ ихъ высшей гражданственности, мы думаемъ что можно имѣть стыдѣніе къ снохамъ и все-таки предпринимать дальніе походы.

На наше замѣчаніе, что о пришествіи къ намъ варяжскихъ князей не только не говорятъ, но даже и намека не дѣлаютъ никакія лѣтописи скандинавскія, нѣмецкія и греческія, г. Погодинъ возражаетъ, что о водвореніи Роллона въ Нормандіи извѣстно только по одной скандинавской сагѣ. На это мы отвѣтимъ: найдите хотя одну подобную же сагу о водвореніи Рюрика съ братьями въ Россіи. Но еслибы таковая и нашлась, и тогда не слѣдуетъ принимать ее на вѣру, безъ предвари-

тельнаго критическаго разсмотрѣнія, насколько она самостоятельна: ибо въ скандинавскихъ сагахъ мы встрѣчаемъ нѣкоторые слѣды нашихъ русскихъ преданій. Послѣднее совершенно естественно, если взять въ расчетъ родственныя связи норманскихъ конунговъ съ нашими князьями со времени Ярослава I и вообще пріѣзды Норманновъ въ Россію въ качествѣ наемныхъ дружинниковъ и гостей въ теченіе XI и XII вѣка. Хвастливыя скандинавскія саги не мало баснословятъ о подвигахъ своихъ героевъ въ Гардарикіи (то-есть на Руси), и приписываютъ имъ великое вліяніе на русскія событія; однако Русь очевидно представляется въ сагахъ великимъ и туземнымъ народомъ, а Русское государство настолько древнимъ, что о его началѣ онѣ ровно ничего не знаютъ *.

По нашему мнѣнію, странно въ особенности то, что Константинъ Багрянородный не упомянулъ о пришествіи Варяго-русовъ, еслибъ оно было въ дѣйствительности. Онъ охотно расказываетъ о подобныхъ передвиженіяхъ и любитъ объяснять начало государствъ и народовъ. Укажемъ на его расказы о началѣ угорской династіи Арпадовъ, о Хазарахъ, Печенѣгахъ, Хорватахъ и т. п. Одно молчаніе такого свидѣтеля способно уничтожить всю норманскую систему. Но г. Погодинъ не допускаетъ argumentum a silentio тамъ, гдѣ это невыгодно норманской теоріи. За то очень охотно допускаетъ его тамъ, гдѣ оно хотя немного говоритъ въ ея пользу. Такъ Константинъ

---

* Какъ примѣръ хвастливости этихъ сагъ и нѣкотораго знакомства ихъ съ русскими преданіями укажемъ на сагу Олава Тригвасона. Въ ней вся слава обращенія нашего Владиміра Св. въ христіанство приписана юношѣ Олаву; причемъ послѣдній держитъ рѣчь, напоминающую то самое, что̀ говоритъ мученикъ Варягъ по нашей лѣтописи. Въ этомъ обращеніи Олаву помогаетъ супруга Владиміра мудрая Аллогія, въ которой нельзя не узнать его бабку Ольгу. Сага хотя и путаетъ событія и лица, однако ея русскій источникъ въ данномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, почему же наша легенда о призваніи Варягорусовъ, столь лестная для Норманновъ, не отразилась въ ихъ сказаніяхъ? Мы позволяемъ себѣ объяснять такое молчаніе позднимъ появленіемъ и еще болѣе позднимъ распространеніемъ самой нашей легенды: въ томъ видѣ въ какомъ она дошла до насъ, это не было собственно народное преданіе, сохранившее потомству память о дѣйствительномъ событіи. Это было сплетеніе книжныхъ домысловъ и недоразумѣній.

не упоминаетъ о Руси Азовско-Черноморской; и этого довольно г. Погодину, чтобъ отвергать ея исконное существованіе; отсюда у него въ исторіи Русь Тмутраканская появляется такъ же ex abrupto какъ и всякая другая Русь. Но, вопервыхъ, какъ мы сказали, Константинъ охотно сообщаетъ разные случаи изъ жизни народовъ обитавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго Моря: Угровъ, Хазаръ, Печенѣговъ и т. п.; тогда какъ его географическія данныя объ этихъ народахъ совсѣмъ не отличаются точностію и ясностію. Онъ даже не упоминаетъ о разныхъ народахъ жившихъ въ Крыму рядомъ съ греческимъ Херсонесомъ, напримѣръ, о Готахъ; нельзя же на этомъ основаніи отрицать ихъ существованіе. Въ его время Русь Тмутраканская, если не вся, то отчасти, находилась въ зависимости отъ Хазаръ; ее надобно искать тамъ гдѣ у Константина говорится о Боспорѣ, Таматархѣ и девяти Хазарскихъ областяхъ, лежавшихъ между Азовскимъ и Чернымъ морями (говорится очень коротко и неясно). Хазарія, какъ этнографическій терминъ, играла важную роль не только въ X, но въ XII и XIII вѣкахъ, когда Хазарское государство уже не существовало (см. любопытную статью г. Бруна о Хазаріи въ *Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда)*. Такъ же неубѣдительна ссылка г. Погодина на молчаніе Фотія и Льва-діакона. Фотій говоритъ о Руссахъ безъ точнаго означенія ихъ мѣста жительства, и его слова могутъ быть относимы какъ къ Руси Азовско-Черноморской, такъ и къ Руси Кіевской; а Левъ-діаконъ и самую Русь Кіевскую называетъ Тавроскиѳами, чѣмъ указываетъ на ея общее происхожденіе съ послѣдними. Наконецъ мы не понимаемъ возраженія основаннаго на молчаніи того или другаго писателя. Для исторической критики имѣетъ значеніе только сумма извѣстій или сумма умолчаній. О пришествіи Руси изъ Скандинавіи *молчатъ всѣ иноземные источники*; а существованіе Руси Тмутраканской подтверждаетъ не одно свидѣтельство. Въ нашихъ лѣтописяхъ она появляется въ концѣ X вѣка какъ особое княжество, слѣдовательно существовала и ранѣе. А наши отношенія къ Корсуню въ теченіе этого вѣка? А русскія письмена найденныя въ Крыму, о которыхъ говоритъ паннонское житіе Св. Кирилла? А походы Руссовъ на Кавказъ и въ Каспійское море? А что̀ такое арабскія извѣстія о третьей группѣ Руссовъ, которую помимо Азовско-Черноморской Руси и объяснить невозможно? Что̀ такое свидѣтельство Масуди, около

половины X вѣка, о морѣ Руссовъ (Нейтасъ), по которому только они и плаваютъ и *на одномъ изъ береговъ котораго они живутъ?* Наконецъ извѣстно, что Роксалане или Россалане или около Азовскаго моря; а этихъ Россъ-Аланъ изъ исторіи никто не изгонитъ. О моемъ сближеніи первой половины этого имени съ нашею Русь или Рось г. Погодинъ и говорить не желаетъ. Жаль. Интересно было бы послушать доказательства того что Рось и Рось не одно и то же; а слѣдовательно и Англы также не тождественны съ первою половиною сложнаго имени Англо-Саксы.

М. П. Погодинъ, столь усердно придерживаясь буквы нашей начальной лѣтописи тамъ, гдѣ она имѣетъ легендарный характеръ, не затруднился отвергать ея достовѣрность въ самой достовѣрной ея части—въ договорахъ Олега и Игоря. Я обратилъ вниманіе на слѣдующую явную несообразность съ теоріей норманистовъ: Скандинавы клянутся не своими богами: Одиномъ и Торомъ, а славянскими: Перуномъ и Волосомъ. „Но почему вы знаете, спрашиваетъ г. Погодинъ, что между этими божествами не было соотвѣтствія? Перунъ развѣ не близокъ къ Тору? Не надо забывать того, что переводили договоры съ греческаго Болгары, отъ которыхъ нельзя требовать миѳологической учености. Перенесена же принадлежность языческаго Волоса на христіанскаго Власія!“ Итакъ, въ лѣтописи оказывается страшный и систематическій подлогъ! Мы говоримъ *систематическій*, ибо этотъ подлогъ проведенъ и далѣе: стало быть и тотъ Перунъ, который стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ и которому поклонялись князья и народъ, былъ не Перунъ, а Торъ. Не Перуна, а Тора оплакивали Кіевляне, когда его идола столкнули въ Днѣпръ. Кстати и новогородскій Перунъ тоже вѣроятно въ дѣйствительности былъ Торомъ? Жаль только, что между ихъ именами нѣтъ такого же соотвѣтствія какъ между Волосомъ и Власіемъ, между Святовитомъ и Св. Витомъ. Вотъ до какого *соотвѣтствія* можно договориться, защищая любимую теорію во чтò бы то ни стало! Тутъ же рядомъ у нашего противника стоятъ завѣренія въ томъ, что наши лѣтописцы и не умѣли сочинять легендъ, что заднихъ мыслей у нихъ никогда не было, ни о какихъ комбинаціяхъ они и понятія не имѣли, что первый лѣтописецъ нашъ былъ „монахъ, заживо погребенный въ кіевскихъ пещерахъ“ и т. п. Право, такого почтеннаго человѣка какъ М. П. Погодинъ мнѣ совѣстно обвинять

въ произвольномъ обращеніи съ документальными источниками (каковы договоры), и я это дѣлаю съ прискорбіемъ.

Кстати: норманизму не надо забывать того, что указаніе на переводъ нашихъ договоровъ, составленный Болгарами несвѣдущими въ Славянской миѳологіи, есть не болѣе какъ догадка. Извѣстно, что обращеніе Руси началось еще со временъ патріарха Фотія; въ эпоху договоровъ у нихъ были храмы, было богослуженіе, слѣдовательно можемъ предположить и письменность. Притомъ языкъ этихъ договоровъ тотъ же самый какой мы видимъ въ Русской Правдѣ. Мы уже сказали, что вопросъ о началѣ русской письменности до сихъ поръ затемнялся вліяніемъ норманизма: ибо какъ можно допустить чтобы Русь еще во времена Фотія имѣла славянскую письменность, когда уже рѣшено что эта Русь была норманская и пришла прямо изъ Скандинавіи!

Надобно признаться, возраженія М. П. Погодина иногда ужь слишкомъ несеріозны. Вотъ еще примѣры: по поводу указаннаго мною легендарнаго числа трехъ братьевъ, онъ отвѣчаетъ что у Адама и Ноя тоже было по три сына. Или: Русь уже потому не Славяне, говоритъ онъ, что всѣ славянскія племена назывались у насъ во множественномъ числѣ (Поляне, Сѣверяне, Кривичи и пр.), а чуждыя племена называются собирательнымъ именемъ женскаго рода (Чудь, Ливь, Корсь и пр.). Въ такомъ случаѣ, отвѣчаемъ мы, Хазары, Печенѣги и пр. суть племена славянскія, а Серебь нашей лѣтописи должна быть отнесена къ народамъ неславянскимъ. Мы указали на то что Русью называли себя обитатели Приднѣпровья, а Новгородцы Русью себя не называли. Г. Погодинъ объясняетъ это тѣмъ что „Русь съ Олегомъ отъ нихъ ушла“. Жаль только что неяснымъ остается смыслъ самаго призванія Варяговъ: Новогородцы посылали за ними такъ далеко (чуть ли не въ Мекленбургъ-Шверинскій, судя по нѣкоторымъ намекамъ нашего антагониста); а Варяги только прошли чрезъ Новгородъ, да еще велѣли давать себѣ дань по 300 гривенъ въ годъ. Какою черною неблагодарностію заплатили они довѣрчивымъ Новогородцамъ!

III.

Умѣренный норманизмъ г. Куника.—Легендарная аналогія.

М. П. Погодинъ въ своемъ спорѣ съ г. Гедеоновымъ ограничился обычнымъ повтореніемъ своей норманской программы, а на помощь себѣ пригласилъ г. Куника, на котораго и пала главная тяжесть борьбы. Пріемы г. Куника мы находимъ способными поддерживать спокойную, логичную полемику. До сихъ поръ онъ не [illegible]расывалъ общими мѣстами, не увѣрялъ голословно, что наша начальная лѣтопись безупречна или что Русь въ арабскихъ извѣстіяхъ суть Норманны и т. п.; а бралъ нѣкоторыя стороны вопроса и старался по возможности подкрѣпить норманскую систему какими-либо аналогіями или новымъ болѣе точнымъ анализомъ старыхъ данныхъ. Хотя конечные результаты этихъ работъ все-таки не въ пользу норманизма; но нельзя не отдать справедливости его добросовѣстному отношенію къ дѣлу.

Мы собственно не понимаемъ умѣреннаго норманизма. Что-нибудь одно: или Русь пришлое норманское племя, или она туземный народъ; средины тутъ не можетъ быть. Острова Готландъ и Даго не помогутъ. Норманская система построена такъ искусственно, что нельзя тронуть никакой и самой малой ея части, тотчасъ все зданіе разсыплется. Напримѣръ г. Куникъ не стоитъ за вѣрность начальной хронологіи и 862 годъ считаетъ вставкой позднѣйшихъ переписчиковъ Нестора. (Отвѣтъ Гедеонову. *Зап. Акад. Н.*, 1864 т. VI, стр. 58.) Произвольность этой хронологіи очевидна. Сказаніе о Варягахъ самъ норманнизмъ признаетъ почерпнутымъ изъ народнаго преданія; но какое же народное преданіе способно сохранять хронологическія числа въ теченіе цѣлыхъ столѣтій? Однако попробуйте отнять хронологію до 912 года, то-есть до смерти Олега (тѣмъ болѣе что эти числовыя данныя не сходятся съ росписью княженій, поставленною въ началѣ лѣтописи). Положимъ, чтобъ объяснить Русь Бертинскихъ лѣтописей (839 годъ), надобно подвинуть призваніе на 30 лѣтъ ранѣе, то-есть отнести его къ 832 году; но что же тогда произойдетъ съ главными дѣйствующими лицами? Рюрику при смерти было бы не менѣе 75 лѣтъ, и однако онъ оставилъ малолѣтняго сына. Олегъ, пришедшій съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи, скончался бы столѣтнимъ старцемъ. Когда около 1852 года возникъ вопросъ о тысячелѣтіи на основаніи мнѣнія

Круга, который хотѣлъ отодвинуть призваніе десятью годами назадъ, то г. Погодинъ въ своемъ *Москвитянинѣ* рѣшительно возсталъ противъ такой ереси. Однимъ изъ главныхъ его доводовъ было соображеніе на счетъ Игоря, котораго „въ 882 году выносили подъ Кіевомъ на рукахъ, слѣдовательно онъ родился только-что предъ смертію Рюрика". И въ настоящее время Игорю насчитываютъ при смерти около 70 лѣтъ, хотя года за три до нея онъ предпринималъ походы на Византію и въ Малую Азію, а въ самый годъ смерти съ небольшою дружиной отправился за данью къ такому свирѣпому племени какъ Древляне, и хотя онъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Святослава. Если накинуть ему еще десять лѣтъ (Никоновская лѣтопись такъ и дѣлаетъ, относя его рожденіе къ 866 году), тогда вѣроятность событій пострадаетъ окончательно. Если оставить въ сторонѣ легенду о Рюрикѣ, то на основаніи упомянутыхъ фактовъ Игорю нельзя дать болѣе 50 лѣтъ при смерти; даже дадимъ ему 60; слѣдовательно его рожденіе должно быть отнесено не ранѣе какъ къ 885 году, то-есть ко времени Олегова княженія. Очевидно, Олегъ былъ настоящимъ княземъ, то-есть старшимъ въ княжескомъ родѣ, а не какимъ-то опекуномъ Игоря, какъ его изображаютъ. Хороша опека продолжающаяся почти до сорока-лѣтняго возраста!

Чтобы сдѣлать сколько-нибудь вѣроятнымъ превращеніе Варяговъ въ Славянъ, накопленіе стольнихъ завоеваній и распространеніе имени Русь отъ горсти пришельцевъ на такое огромное пространство къ концу IX вѣка, норманистамъ надобно отодвинуть пришествіе Рюрика съ Варягами по крайней мѣрѣ на 100 лѣтъ. Но тогда Игорь будетъ уже не сынъ Рюрика; между ними придется предположить цѣлый рядъ князей. Оскольдъ и Диръ какъ товарищи Рюрика сдѣлаются невозможными, если имъ оставить предводительство Русью подъ Константинополемъ въ 865 году. Однимъ словомъ, уступкамъ и предположеніямъ не будетъ конца, и все-таки антинорманисты не удовлетворятся. Они будутъ повторять свои докучные вопросы: Укажите намъ Русь въ Скандинавіи? Куда дѣваться съ Россоланами и съ нашими рѣками носившими названіе Рось? (такъ-какъ народы получали свои имена отъ рѣкъ, а не наоборотъ). Отчего нѣтъ скандинавскаго элемента въ нашемъ языкѣ, если Руссы еще въ X вѣкѣ употребляли свои особыя имена и географическія названія? Отчего никакіе иноземные ис-

точники не упоминають о пришествіи къ намъ Руси? и т. д. Наконецъ, если годы поставлены произвольно, то нѣтъ ли произвола и въ самой передачѣ событій? Повторяю, норманистамъ неудобно отказываться отъ 862 года. Г. Погодинъ съ свойственною ему прозорливостію понялъ всю опасность подобныхъ уклоненій отъ лѣтописной легенды и не уступаетъ изъ нея ни йоты. Правда, самъ Шлёцеръ усомнился въ вѣрности лѣтописной хронологіи и позволилъ себѣ на этомъ основаніи даже совсѣмъ отвергнуть Оскольдовыхъ Руссовъ. Но это было не болѣе какъ *столбнякъ*, нашедшій на знаменитаго критика; такъ по крайней мѣрѣ объяснилъ намъ г. Погодинъ (Зап. *Акад. Н.* т. XVIII). Напомнимъ, что Карамзинъ также сомнѣвался въ данной хронологіи.

Но возвратимся къ г. Кунику. По поводу изслѣдованій Гедеонова онъ представилъ между прочимъ два любопытныя соображенія. Одно изъ нихъ относится къ слѣдующему извѣстію Бертинскихъ лѣтописей: въ 839 году вмѣстѣ съ византійскимъ посольствомъ прибыли къ императору Людовику Благочестивому люди, которые называли свой народъ Рось, а своего царя Хаканомъ. Людовикъ нашелъ, что эти люди изъ племени Свеоновъ. Норманисты ухватились за послѣднее слово для подкрѣпленія своей теоріи; но на бѣду тутъ замѣшался хаканъ. Антинорманисты говорили, что хаканами или каганами назывались цари хазарскіе, аварскіе, болгарскіе и князья русскіе (послѣднее вполнѣ подтвердилось свидѣтельствомъ Ибнъ-Дасты, у г. Хвольсона, гдѣ царь Руссовъ называется Хаканъ-Русь); но у Шведовъ никогда не существовалъ этотъ титулъ. Что же сдѣлали норманисты? Они передѣлали нарицательное хаканъ въ собственное имя Гаконъ. На опроверженія Гедеонова г. Погодинъ отвѣчалъ просто и голословно, что слова chacanus vocabulo иначе и перевести нельзя какъ *по имени Гаконъ*. Но г. Куникъ остановился надъ этимъ свидѣтельствомъ: оно слишкомъ важно. Если допустить что въ 839 году въ южной Россіи существовалъ народъ Русь, управляемый хаканами, то норманская теорія должна быть упразднена. Въ виду такого оборота, г. Куникъ представилъ цѣлое изслѣдованіе о томъ, въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено слово vocabulum. Посредствомъ разныхъ соображеній и сравненій, онъ пытается доказать, что въ данномъ случаѣ это слово означаетъ имя, а не званіе. Уже самыя сравненія не убѣдительны; но предположимъ,

что авторъ дѣйствительно разумѣлъ имя лица, а не титулъ. Чтó же изъ этого? Развѣ тутъ не могло быть самаго простаго и обыкновеннаго недоразумѣнія, то-есть, что западный лѣтописецъ непонятный ему титулъ принялъ за собственное имя? Это обстоятельство не укрылось отъ г. Куника, и онъ тутъ же приводитъ примѣры подобныхъ недоразумѣній. А изслѣдованіе свое заканчиваетъ словами: „Покуда надобно сознаться, что выраженіе chacanus vocabulo ждетъ еще своего изслѣдователя.“ Указываемъ на это заключеніе какъ на образецъ его добросовѣстности. По нашему мнѣнію, если есть темный пунктъ въ свидѣтельствѣ Бертинскихъ лѣтописей, такъ это слова: „изъ племени Свеоновъ“ (gentis Sueonum). На нихъ-то и слѣдовало обратить вниманіе норманистамъ, то-есть доказать, что въ первой половинѣ IX вѣка это уже былъ совершенно опредѣленный этнографическій терминъ и что въ данномъ случаѣ разумѣлись *исключительно* Шведы. Въ первой своей статьѣ я уже заявилъ сомнѣніе относительно этого термина. Да и самъ г. Куникъ замѣчаетъ что тутъ слово Sueonum можетъ и не означать Шведскій материкъ. Но предположимъ, норманистамъ удалось бы доказать, что относительно этого слова нѣтъ ни ошибки въ рукописи, ни какого-либо недоразумѣнія у автора или вообще у франкскаго двора и что подъ Свеонами тутъ разумѣется германское племя Шведовъ; все-таки останется несносный Хаканъ *.

---

* Имя Свевовъ, какъ извѣстно, распространялось когда-то на народы жившіе и на берегу Балтійскаго моря, и на Дунаѣ, и на Рейнѣ; отъ него произошли названія Швеціи, Швабіи и кантона Швица (откуда и названіе всей Швейцаріи). Кстати приведемъ замѣчаніе Венелина о томъ что «Славяне жившіе на островахъ (Волинъ и Узедомъ) у древнихъ писателей назывались Свенянами, Suenones, отъ рѣки Свена». (*Чтен. Об. И. и Др.* 1847, № 5.) Мы конечно не будемъ выводить Русь съ Балтійскаго поморья; у Балтійскихъ Славянъ также не было хакановъ. (Да и съ какой стати князькамъ этихъ Славянъ или Норманновъ того времени отправлять посольства въ Византію?) Но Русь по языку своему могла быть признана соплеменною Балтійскимъ Славянамъ. Наконецъ южная Россія въ средніе вѣка называлась не только Великая Скиѳія, но также и Великая Швеція (См. *Antiquités Russes* Heimskringla), и конечно не потому чтобъ она была населена колонистами изъ Швеціи; наоборотъ сами Скандинавы считали своихъ предковъ колонистами изъ Великой Скиѳіи. Во всякомъ случаѣ выраженіе gentis Sueonum еще ждетъ разъясненія.

Второе соображеніе г. Куника относится къ параллели, которую онъ проводитъ между нашею лѣтописною легендой о призваніи Варяговъ и расказомъ Видукинда о призваніи Англо-Саксовъ въ Британію. Мы уже замѣтили въ первой статьѣ своей, что тутъ есть только аналогія легендарная, то-есть литературная. Расказъ Видукинда о посольствѣ Бриттовъ и рѣчь которую они держали есть также легенда. Самыя причины призванія выставлены разныя: тамъ зовутъ чужое племя на помощь; у насъ для господства. Исторической аналогіи никакой нѣтъ: постепенное завоеваніе Англосаксами Британіи происходило на глазахъ исторіи; пришельцы сообщили завоеванной странѣ не одно названіе Англія, которое утвердилось за нею только по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій; они распространили въ ней и свой языкъ. У насъ не было ничего подобнаго. Самое существенное въ параллели г. Куника есть повтореніе и тамъ, и у насъ знаменитаго выраженія: „земля наша велика и обильна“. Но именно эти-то слова и указываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ легендами. Чтó значитъ это выраженіе по отношенію къ нашему огромному Сѣверу, когда и маленькая сравнительно съ нимъ половина Британскаго острова тоже именуетъ себя „великою и обильною землею?“ Это показываетъ только, какъ въ лѣтописяхъ разныхъ народовъ повторяются одинакіе легендарные мотивы, въ родѣ указанной нами саги о взятіи города посредствомъ голубей, которая встрѣчается у насъ, у Норманновъ и у Монголовъ, но ранѣе другихъ у насъ.

Вообще норманизмъ до сихъ поръ тщательно устранялъ или отвергалъ всѣ извѣстія, гдѣ говорятъ о туземной Руси до призванія князей. Напримѣръ арабскій писатель Табари (писалъ въ концѣ IX или началѣ X вѣка) говоритъ о Руси воевавшей на Кавказѣ съ Арабами еще въ VII вѣкѣ. Г. Куникъ въ своемъ трактатѣ о *Призваніи шведскихъ Родсовъ* (Die Berufung der schwedischen Rodsen. 1844) всѣми возможными способами старается доказать, что это извѣстіе ошибочное. Можетъ быть онъ и правъ; но любопытно, что въ числѣ доказательствъ видное мѣсто занимаетъ пресловутое миролюбіе Славянскаго племени и его якобы не предпріимчивый характеръ. Тутъ же рядомъ находимъ у него цѣлую ученую диссертацію, которая пытается подтвердить извѣстіе Аль-Катиба (современника Табари) о нападеніи Руссовъ на Севилью въ 844 году. Извѣстіе это очевидно ошибочное; съ чѣмъ согласился послѣ и самъ г. Куникъ по поводу изслѣдованія г. Гедеонова.

По поводу сходныхъ легендъ у разныхъ народовъ укажемъ на Вильгельма Теля. Вотъ еще новая, непріятная для норманистовъ аналогія! Давно ли весь образованный міръ вѣрилъ въ Вильгельма Теля какъ въ героя положившаго начало швейцарской свободы? Подвиги его расказывались такъ обстоятельно и съ такими подробностями, что казалось и сомнѣніе невозможно. И увы! Въ настоящее время Вильгельмъ Тель уже лицо не историческое, а сказочное. Клятва въ долинѣ Рютли и другія романтическія обстоятельства швейцарскаго возстанія тоже оказываются баснею. А возникновеніе Швейцарскаго Союза объясняется обстоятельствами болѣе естественными и болѣе достовѣрными. И прежде нѣкоторые ученые сомнѣвались въ достовѣрности упомянутыхъ расказовъ; а теперь, послѣ изслѣдованій Рилье, они должны быть окончательно отнесены къ области поэзіи *. Начало этихъ легендъ восходитъ ко второй половинѣ XV вѣка. Извѣстный эпизодъ о яблокѣ, которое Вильгельмъ Тель долженъ былъ сбить съ головы сына, есть почти буквальное повтореніе такого же случая, который Саксонъ Граматикъ въ своей Исторіи Даніи расказываетъ о датскомъ стрѣлкѣ Токко. Рилье полагаетъ, что расказъ этотъ заимствованъ швейцарскими хронистами не прямо изъ Саксона, а изъ позднѣйшихъ компиляторовъ. Мы на это замѣтимъ, что вообще трудно прослѣдить пути, которыми разносятся легендарные мотивы. (Почти такая же исторія съ яблокомъ есть и у насъ въ былинѣ о богатырѣ Дунаѣ). Конечно Швейцарцы слишкомъ привыкли къ своему герою, и имъ тяжело съ нимъ разстаться. На Рилье посыпались возраженія. Нашлись люди, которые говорили: „помилуйте, какъ же Вильгельмъ Тель не существовалъ, если преданія о немъ до сихъ поръ сохраняются между крестьянами, и они указываютъ самыя мѣста его подвиговъ?“ Вотъ въ томъ-то и дѣло что крестьяне узнали о немъ не изъ преданій, а изъ печатныхъ книгъ.

Кстати въ подтвержденіе моего мнѣнія о томъ что въ средніе вѣка была особая наклонность выводить народы изъ Скандинавіи, могу прибавить еще примѣръ Швейцарцевъ. У нихъ также существовало преданіе по которому населеніе лѣсныхъ

---

* См. *Les origines de la Confédération Suisse* par Albert Rillet. Seconde edition. Geneve et Bale. 1869. А также его полемическую брошюру: *Lettre à M. Henri Bordier*. 1869.

кантоновъ произошло отъ норманскихъ выходцевъ: они пришли изъ Швеціи и Осторисландія еще въ первые вѣка нашей эры, подъ начальствомъ трехъ вождей (и опять число три). Преданіе это не имѣетъ никакихъ историческихъ основъ и есть домыселъ досужихъ книжниковъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе мы сличаемъ сказанія, поставленныя въ началѣ исторіи каждаго народа, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что это факты не историческіе, а литературные, и что у насъ было то же самое, несмотря на увѣренія г. Погодина, будто наша исторія шла какимъ-то инымъ путемъ (не историческимъ) и будто наши лѣтописцы передавали только сущую правду. Онъ спрашиваетъ: что́ легендарнаго нашелъ я въ извѣстіи о призваніи Варягоруссовъ? „Оно написано такъ просто, кратко, ясно". Правда, написано коротко и ясно. Но потому-то и не имѣетъ никакого вѣроятія. Въ басняхъ все совершается очень просто, и всѣ препятствія обращаются ни во что̀. Путешествіе апостола Андрея въ Новгородскую землю, Кій съ его путешествіемъ въ Царьградъ и другіе подобные расказы тоже ясны и просты; но кто же рѣшится утверждать, что это историческіе факты?

IV.

Наши соображенія о лѣтописномъ сводѣ и сближеніе двухъ Рюриковъ.

Г. Погодинъ приписываетъ мнѣ положеніе: „Лѣтопись наша недостовѣрна", и затѣмъ побѣдоносно опровергаетъ это положеніе слѣдующими доводами: „Походъ Оскольда и Дира засвидѣтельствованъ Фотіемъ (въ дѣйствительности Фотій свидѣтельствуетъ только о походѣ Руссовъ; а Оскольда и Дира онъ не знаетъ); Олеговъ договоръ переведенъ съ греческаго (какъ будто я отрицаю Олеговъ договоръ!); Игоревыхъ плѣнниковъ видѣлъ Ліутпрандъ (то-есть ихъ видѣлъ его вотчимъ, а Ліутпрандъ только слышалъ о нихъ); Ольгу принималъ Константинъ, Святослава видѣлъ Левъ-діаконъ (какъ будто я отрицаю существованіе Ольги и Святослава)" и т. д. Но изъ первой моей статьи кажется ясно, что вопросъ идетъ не о достовѣрности лѣтописи вообще, а только о нѣкоторыхъ начальныхъ ея

извѣстіяхъ, каковы: мнимая федерація Славянъ и Чуди, баснословное призваніе Рюрика съ братьями изъ-за моря, баснословный переходъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ и тому подобные расказы, не засвидѣтельствованные ни Фотіемъ, ни кѣмъ-либо другимъ. Наша лѣтопись, какъ и всѣ другія, начинается легендами и становится болѣе и болѣе достовѣрною по мѣрѣ приближенія событій къ эпохѣ самого лѣтописца.

Далѣе г. Погодинъ приписываетъ мнѣ положеніе: „Лѣтопись наша сочинена въ XIII или даже въ XIV вѣкѣ", и снова побѣдоносно его опровергаетъ. „Развѣ вы не знаете,—говоритъ онъ,—что въ числѣ ея переписчиковъ или продолжателей есть историческое лицо, жившее въ XI столѣтіи, архимандритъ, а послѣ епископъ Сильвестръ, подписавшій свое имя подъ 1110 годомъ и скончавшійся въ 1124 году? Развѣ вы не знаете (слѣдуетъ перечень списковъ гдѣ находится такъ-называемая Несторова лѣтопись)". Но позвольте, у меня совсѣмъ не сказано будто лѣтопись сочинена въ XIII или въ XIV вѣкѣ. У меня говорится о лѣтописныхъ сводахъ и рукописяхъ. Я говорилъ, что мы не имѣемъ ни одного лѣтописнаго сборника въ рукописи, которая была бы ранѣе второй половины XIV вѣка, и это всѣми признано. О сводахъ говорится, что начальная или такъ-называемая Несторова лѣтопись въ первобытномъ своемъ видѣ до насъ не дошла, и это признано большинствомъ ученыхъ. Я прибавилъ только, что легенда о призваніи князей, по всей вѣроятности, происхожденія новогородскаго и настоящій свой видъ получила въ томъ лѣтописномъ сводѣ, который былъ составленъ „не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка". И это положеніе голословно отвергнуть нельзя. Постараемся представить вкратцѣ наши соображенія по данному вопросу.

Разность моего мнѣнія отъ мнѣнія большинства ученыхъ, работавшихъ надъ лѣтописями, заключается въ томъ, что я не отдѣляю Несторовой или Сильвестровой лѣтописи (*Повѣсти временныхъ лѣтъ*) вообще отъ южно-русскаго свода; то-есть признаю ее неотъемлемою частію того Кіевскаго свода, который кончается XII вѣкомъ и дошелъ до насъ преимущественно въ такъ называемомъ Ипатьевскомъ спискѣ. Однимъ словомъ, редакцію *Повѣсти временныхъ лѣтъ* я передвигаю отъ начала XII на конецъ XII или начало XIII вѣка.

Предварительно сдѣлаемъ слѣдующую оговорку. Мы перенесимъ дошедшую до насъ редакцію начальной лѣтописи приблизительно лѣтъ на 100 впередъ; но этому разногласію съ существующимъ мнѣніемъ не придаемъ главнаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Предположимъ, что до насъ дошла редакція начала XII вѣка или конца XI, и тогда извѣстіе о Варягахъ-Руси остается такою же легендою, какъ и теперь; ибо лѣтописецъ все таки говоритъ о событіи которое совершилось до него почти за 250 лѣтъ. (Легенда о Вильгельмѣ Телѣ появилась около полутораста лѣтъ послѣ битвы при Моргартенѣ). На такомъ разстояніи никакое преданіе не можетъ получить вѣры, если оно не подтверждается другими, независимыми отъ него, свидѣтельствами или такими историческими явленіями, которыя находятся съ нимъ въ непосредственной связи. Напримѣръ, о пришествіи Руси изъ Скандинавіи не говорятъ никакія европейскія и азіятскія лѣтописи; но еслибы, при недостаткѣ свидѣтельствъ, мы въ своей дальнѣйшей исторіи все-таки видѣли несомнѣнную борьбу въ населеніи двухъ элементовъ, иноземнаго и туземнаго, и находили несомнѣнно чуждую примѣсь въ русскомъ языкѣ и т. п., тогда легенда могла бы получить какую-нибудь достовѣрность. Ничего подобнаго нѣтъ. Никакой борьбы разнородныхъ началъ въ населеніи Кіевской Руси мы не видимъ, никакой иноземной струи въ народномъ языкѣ или въ письменныхъ памятникахъ нѣтъ. Въ самыхъ первыхъ памятникахъ нашей письменности, въ договорахъ съ Греками, Русь является туземнымъ народомъ и не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на варяжское происхожденіе; напротивъ въ первомъ своемъ юридическомъ сводѣ, то-есть въ Русской Правдѣ, Русь относится къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ (Русская Правда конечно существовала уже до Ярослава I; это существованіе подтверждается ссылками упомянутыхъ договоровъ на „Русскій законъ"). Такимъ образомъ и при существующемъ мнѣніи о редакціи начальной лѣтописи, призваніе Варягоруссовъ остается легендою. Но мы кромѣ того въ самой лѣтописи считаемъ редакцію этой легенды искаженною въ болѣе позднее время.

Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ ученыхъ работахъ, которыя, вопреки мнѣнію г. Погодина, постепенно и неоспоримо доказали, что приписывать Нестору нашу начальную лѣтопись есть плодъ недоразумѣній (такой же ста-

рый предразсудокъ какимъ мы считаемъ призваніе Варяговъ). Несторъ былъ авторомъ *Житія Бориса и Глѣба* и *Житія Θеодосія Печерскаго.* Но кто были наши древнѣйшіе лѣтописцы, судить о томъ трудно; ибо никакой цѣльный лѣтописецъ до насъ не дошелъ, а дошелъ лѣтописный сводъ *. Мы предпочитаемъ мнѣніе гг. Срезневскаго и Костомарова, что первая часть этого лѣтописнаго свода, оканчивающаяся 1110 годомъ, принадлежитъ Сильвестру, игумену Выдубецкаго Михайлова монастыря; о чемъ онъ самъ заявилъ извѣстною припискою („Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимерѣ, княжащу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта"). На Сильвестра указываетъ и хронологическій перечень кіевскихъ княженій, поставленный въ началѣ свода и доведенный до начала княженія Владиміра Мономаха. Но и этотъ Сильвестровъ сводъ не дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; о чемъ свидѣтельствуютъ разныя вставки, которыя не могли принадлежать Сильвестру, а принадлежали его списателямъ и продолжателямъ, мѣстами дополнявшимъ его, мѣстами сокращавшимъ **.

---

* Имя Нестора прибавлено только въ Хлѣбниковскомъ спискѣ, который относится ко второй половинѣ XVI вѣка; ни въ Ипатьевскомъ, ни въ Лаврентьевскомъ его нѣтъ. Надъ вопросомъ о лѣтописяхъ кромѣ г. Погодина въ послѣднія десятилѣтія работали гг. Казанскій, Бѣляевъ, Сухомлиновъ, Срезневскій, Соловьевъ, кн. Оболенскій, Костомаровъ. Прекрасный сводъ всѣхъ предыдущихъ работъ, дополненный собственными соображеніями и выводами, представилъ г. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ трудѣ *О составѣ Русскихъ Лѣтописей* (1868).

** Укажемъ нѣкоторые элементы въ Сильвестровомъ отдѣлѣ, которые по всѣмъ признакамъ принадлежали болѣе поздней редакціи. Напримѣръ: 1) Значительно подновленный языкъ (по языку весь Кіевскій сводъ представляетъ цѣлое). 2) Несогласіе начальной хронологической росписи съ дальнѣйшею разстановкою лѣтъ по княженіямъ. 3) Расказъ о крещеніи Владиміра уже такъ далеко отстоялъ отъ самаго событія, что въ его время существовали различныя мнѣнія о томъ, въ какомъ, городѣ крестился Владиміръ. 4) Въ расказѣ о посольствѣ разныхъ народовъ къ Владиміру съ предложеніемъ вѣры, Жиды казарскіе говорятъ, что Богъ разгнѣвался на ихъ отцовъ, расточилъ ихъ, а Іерусалимъ и землю ихъ отдалъ христіанамъ. Это могло быть написано только во время Іерусалимскаго королевства, и, судя по тону расказа, не въ началѣ его существованія; а оно только-что сложилось въ началѣ XII вѣка. 5) Употребленіе такихъ этнографическихъ терминовъ въ началѣ

Итакъ, повторяю, разногласіе наше съ мнѣніемъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что мы *Сильвестровъ сводъ* или *Повѣсть временныхъ лѣтъ* считаемъ неотъемлемою частію того лѣтописнаго свода, который оканчивается XII вѣкомъ. Характеръ нѣкоторой цѣльности (опять-таки за исключеніемъ позднѣйшихъ искаженій и сокращеній) мы признаемъ только за всѣмъ Кіевскимъ сводомъ вмѣстѣ взятымъ, и не дѣлимъ его на двѣ неравныя части: до и послѣ 1110 года.

Гдѣ, когда и кѣмъ составленъ этотъ сводъ?

На вопросы: „откуда взялось имя Русь и гдѣ жила первоначально Русь?“ Г. Погодинъ лаконически отвѣчаетъ: „Открытое поле для догадокъ“. (*Зап. Акад. Н.* т. VI). Мы также можемъ отвѣтить на свой вопросъ о лѣтописи. Тѣмъ не менѣе предложимъ и свои догадки, которыя могутъ быть приняты къ свѣдѣнію при дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса.

Кіевскій сводъ конечно составленъ въ то время, на которомъ онъ останавливается, т.-е. въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка; а потому спрашиваемъ: не былъ ли онъ составленъ въ томъ же Михайловомъ Выдубецкомъ монастырѣ, гдѣ писалъ игуменъ Сильвестръ, и также игумномъ этого монастыря Моисеемъ? Въ пользу такой догадки говоритъ слѣдующее обстоятельство. Сводъ заканчивается извѣстіемъ о построеніи стѣны Выдубецкаго монастыря и похвальнымъ словомъ ея строителю великому князю кіевскому Рюрику Ростиславичу. Кому же было писать эту похвалу и благодарность какъ не игумну Выдубецкаго монастыря? А игумномъ въ то время былъ Моисей, о которомъ упоминается подъ 1197 годомъ и потомъ въ самомъ похвальномъ словѣ. Похвала прямо обращается къ Рюрику и говоритъ: „Мы, смиренные, чѣмъ можемъ воздать тебѣ за твои благодѣянія, которыя ты намъ творишь и творилъ? Только молитвами о здравіи твоемъ и о спасеніи. Пріими писаніе нашей грубости какъ словесный даръ, на похваленіе добродѣтелей. — Мы твои должники и молитвенники. Нашъ присный Господине,

---

свода, которые распространились на востокѣ Европы во время крестовыхъ походовъ; кромѣ *Нѣмцевъ*, укажемъ особенно на слова *Венедичь и Фрягове*. Нѣмцы и Венедицы (Венеціане) *Слова о Полку Игоревомъ* намекаютъ на ту же эпоху. Нѣкоторые изслѣдователи впрочемъ, относятъ къ числу вставокъ и то, что едва ли можно къ нимъ отнести, напримѣръ, раскáзъ объ ослѣпленіи Василька.

единомысленно суще ко избранному *сему мѣсту*“ и пр. Ясно, что обращеніе къ Рюрику здѣсь дѣлается отъ лица Выдубецкаго монастыря. Въ этой похвалѣ замѣтна притомъ особая наклонность вспоминать о Моисеѣ Израильскомъ; о немъ говорится три раза; что̀ также намекаетъ на имя или самого автора или того, кто руководилъ писавшимъ.

До сихъ поръ это похвальное слово Рюрику Ростиславичу считали какою-то вставкою въ Ипатьевскомъ спискѣ, взятою изъ монастырскаго лѣтописца. Но вопервыхъ, заключеніе свода какъ-то не вяжется съ понятіемъ о вставкѣ. Вовторыхъ, съ какой стати автору или списателю заканчивать свой трудъ именно похвалою князю Рюрику, еслибы не было для того особыхъ побужденій? Втретьихъ наконецъ, это похвальное слово не стоитъ въ лѣтописи чѣмъ-то особымъ; оно имѣетъ нѣкоторую связь и съ предыдущимъ повѣствованіемъ. Выдубецкій монастырь очевидно пользовался особымъ покровительствомъ и щедротами князя Рюрика; а построеніе стѣны, исполненное художникомъ Милонѣгомъ, сопряженное съ большими трудностями и издержками, было только наиболѣе крупнымъ изъ его благодѣяній. По окончаніи этого дѣла князь устроилъ большой пиръ и трапезу для всей монастырской братіи и всѣхъ одѣлилъ подарками. Если воротимся назадъ и прослѣдимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ всѣ извѣстія о Рюрикѣ, то увидимъ, съ какимъ почтеніемъ и любовью относится лѣтопись къ этому князю. Начиная съ 1173 года, со времени его возвращенія изъ Новгорода, онъ тщательно отмѣчаетъ нетолько его дѣла, но и его семейныя событія; надѣляетъ его эпитетами „благовѣрнаго“, „боголюбиваго“ и „христолюбиваго“. А между тѣмъ въ дѣйствительности Рюрикъ далеко не былъ такимъ добрымъ княземъ, какимъ онъ здѣсь изображается. Самъ женатый на Половчанкѣ, онъ иногда дружился съ Половцами, и въ войнахъ съ соперниками наводилъ этихъ дикарей на Русскую землю; позволялъ имъ грабить и разорять самый Кіевъ, какъ это случилось въ 1203 году. Хотя лѣтопись оканчивается 1200 годомъ, но составленіе ея вѣроятно завершено не въ этомъ году, а нѣсколько позднѣе, впрочемъ ранѣе смерти Рюрика (1215); ибо лѣтопись говоритъ о немъ какъ о живомъ лицѣ. На дальнѣйшее время указываетъ нѣкоторое забѣганіе впередъ. Напримѣръ, подъ 1198 годомъ говорится, что въ ту зиму родилась въ Вышегородѣ внучка Рюрика Евфросинья, прозваніемъ Изнарагдъ, изъ

Вышгорода ее отвезли къ дѣду, и она *была воспитана* въ Кіевѣ на Горахъ.

Обращаю вниманіе на слѣдующее мѣсто въ Похвальномъ Словѣ: „Сей же христолюбецъ Рюрикъ лѣты не многы сы, чада прижи себѣ по плоти; отъ нихъ же нѣсть время сказанія положити; по духу же паче прозябеніе въ наслѣдье ему бысть". Эти довольно темныя слова можно толковать въ такомъ смыслѣ: Рюриковы дѣти по духу своему достойные наслѣдники отца; но о нихъ еще не наступило время начать сказаніе. Тутъ можетъ-быть заключается намекъ на окончаніе лѣтописи.

Итакъ весь этотъ лѣтописный сводъ не получитъ ли въ нашихъ глазахъ характеръ нѣкоторой цѣльности и нѣкоторато литературнаго построенія? такъ какъ повѣствованіе о русскихъ князьяхъ начинается Рюрикомъ и кончается также Рюрикомъ. Другими словами: насколько такое совпаденіе есть дѣло простаго случая? Или: имѣемъ ли право предположить, что Выдубецкій монастырь поусердствовалъ своему благодѣтелю, выдвигая въ лѣтописи на передній планъ домыселъ о призваніи Варяговъ, украшенный именемъ его благодѣтеля?

Это сопоставленіе начала и конца лѣтописи, а также сопоставленіе двухъ игумновъ Выдубецкаго монастыря есть наша догадка. Насколько она основательна, можетъ показать болѣе точный анализъ русскихъ лѣтописей. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ только о редакціяхъ. Когда бы ни было оттѣнено въ лѣтописномъ сводѣ сказаніе о первомъ Рюрикѣ, въ началѣ XII вѣка или въ концѣ этого вѣка, оно одинаково останется фактомъ литературнымъ, а не историческимъ.

Что въ промежутокъ между двумя названными игумнами лѣтопись Кіевская велась также не въ Печерскомъ монастырѣ, и на это есть въ ней прямой намекъ. Подъ 1128 г. сказано: „Въ се же лѣто переяша *Печеряне* церковь св. Димитрія, и нарекоша ю Петра со *грѣхомъ великимъ и неправо*". Такъ не могъ выразиться печерскій лѣтописатель, съ чѣмъ согласенъ и г. Погодинъ (Изслѣд. и лекціи IV. стр. 44). Мы можемъ полагать, что продолжатель Сильвестра жилъ тамъ же, т. е. въ Выдубецкой обители.

V.

Характеръ лѣтописнаго дѣла. Разногласіе лѣтописцевъ по вопросу о Варягахъ и Руси.

Повторять слова о безстрастіи нашихъ лѣтописцевъ значитъ повторять положеніе давно отвергнутое. Представленіе о лѣтописцѣ какъ о монахѣ заживо погребенномъ въ Кіевскихъ пещерахъ, это представленіе годится только для поэзіи (какъ Пименъ Пушкина). Человѣкъ, вполнѣ отрекшійся отъ міра и углубившійся въ себя, не могъ знать того, что̀ совершалось на пространствѣ Русской земли и слѣдить за ея разнообразными событіями. Откуда, напримѣръ, могъ онъ имѣть подъ руками такіе документальные источники какъ договоры съ Греками или договоры междукняжескіе? Эти документы хранились при княжихъ дворахъ. Кто могъ сообщать ему поученія, посланія и вообще грамоты княжескія, подробности битвъ, дипломатическихъ сношеній, совѣтовъ князя съ дружиною, даже помыслы и побужденія того или другаго князя? Какимъ образомъ онъ могъ слѣдить за всѣми передвиженіями князей старшихъ и младшихъ съ одного стола на другой? и т. д. Ясно, что все это не могло быть писано безъ вѣдома и соизволенія самихъ князей. Самъ г. Погодинъ (Изслѣд. и лекц. IV стр. 7) указалъ на офиціальное значеніе лѣтописей. Но вообще эта сторона вопроса до сихъ поръ не была достаточно обслѣдована. Слово офиціальность конечно тутъ не должно быть понимаемо въ настоящемъ его смыслѣ. Въ наше время офиціальная литература почти не оставляетъ самостоятельности и свободы для редакціи. Но въ тѣ времена еще наивныхъ литературныхъ пріемовъ такой строгой дисциплины не могло быть.

Уже по самому характеру своему, имѣвшему государственное значеніе, лѣтопись не могла быть предпринята и исполнена простымъ, смиреннымъ монахомъ (какимъ изображаютъ намъ Нестора), безъ благословенія игумена и вообще безъ участія монастырскихъ или церковныхъ властей. Напротивъ, по всѣмъ признакамъ, лѣтопись велъ или самъ игуменъ, или возлагалъ этотъ трудъ на кого-либо изъ братіи, наиболѣе способнаго къ такому дѣлу; причемъ конечно не оставлялъ его своимъ руководствомъ и сообщеніемъ матеріаловъ. А игумены

ближнихъ монастырей, на ряду съ другими церковными властями, какъ извѣстно, были вхожи въ княжескій дворецъ, призывались иногда въ княжую думу, участвовали въ торжествахъ, посольствахъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что гражданскія лѣтописи не рѣдко велись по порученію и подъ надзоромъ самихъ князей. Что князья наши были знакомы съ лѣтописями, и это встрѣчаемъ указанія въ ихъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, они хорошо знали свою родословную, старые счеты съ другими княжескими родами, тѣ княжіе столы которые занимали ихъ предки и пр.; что́ безъ записей трудно себѣ представить. Лѣтописное дѣло въ древней Руси, какъ и всякое книжное дѣло, конечно принадлежало духовенству, и началось оно по всей вѣроятности записями при архіерейскихъ каѳедрахъ, а также записями монастырскими. А потомъ, по образцу византійскому, начались и лѣтописные своды съ гражданскимъ характеромъ. Князья необходимо должны были воспользоваться ими для своихъ и государственныхъ потребностей.

Оттого что наши лѣтописи не были дѣломъ личнымъ, а велись такъ-сказать преемственно и составлялись подъ наблюденіемъ властей, оттого-то онѣ и получили такой безличный характеръ и не сохранили именъ своихъ авторовъ. До насъ дошли нѣкоторыя имена; но и тутъ мы въ затрудненіи опредѣлить долю ихъ личнаго вклада.

Итакъ мы не находимъ ничего необыкновеннаго, если лѣтописный сводъ, составленный въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка въ Выдубецкомъ монастырѣ, былъ совершенъ игумномъ этого монастыря или подъ его руководствомъ кѣмъ-либо изъ братіи, не безъ вѣдома ихъ милостивца великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича. Конечно лѣтопись велась не въ одномъ Выдубецкомъ монастырѣ. Она могла быть ведена и въ другихъ, особенно въ Печерскомъ. Но случилось такъ, что сводъ Выдубецкій получилъ болѣе оффиціальное и государственное значеніе чѣмъ прочіе. Сводъ этотъ, можетъ быть, пользовался отчасти и Печерскимъ лѣтописцемъ, почему и сохранилъ такъ много подробностей о монастырѣ Печерскомъ; впрочемъ послѣдній по своему первенствующему значенію и по своимъ связямъ съ другими монастырями неизбѣжно долженъ былъ имѣть значительную долю вліянія и въ дѣлѣ лѣтописномъ. Своды и сборники лѣтописные постоянно переписывались, переходили изъ монастыря въ монастырь, изъ города въ городъ; причемъ пополнялись или со-

вращались, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ. Дѣло это велось конечно съ тѣми литературными пріемами, которые вполнѣ соотвѣтствовали времени. Строгой системы, точности въ изложеніи и списываніи, выдержанности тона и т. п. качествъ странно было бы и требовать отъ нашихъ лѣтописцевъ и списателей.

Мы нисколько не отрицаемъ, что въ старѣйшей, то-есть Сильвестровой редакціи *Повѣсти временныхъ лѣтъ* уже было извѣстіе о Варягахъ; при другихъ обстоятельствахъ это извѣстіе пожалуй и не получило бы такого виднаго значенія; а при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ составился сводъ конца XII вѣка, оно выдвинулось еще болѣе и получило видъ историческаго факта. Таково наше предположеніе.

Есть и другіе поводы думать, что легенда о Варягахъ настоящій свой видъ получила въ сводѣ не ранѣе конца XII вѣка. Вопервыхъ, какъ мы уже указывали въ первой статьѣ, ни одинъ изъ другихъ литературныхъ памятниковъ несомнѣнно принадлежащихъ эпохѣ до-Татарской не упоминаетъ о призваніи Варяговъ и не знаетъ Норманна Рюрика какъ родоначальника русскихъ князей. Слѣдовательно эта легенда въ тѣ времена еще не была общеизвѣстною или общепринятою. Вовторыхъ, дошедшіе до насъ лѣтописные сборники представляютъ значительное разногласіе по вопросу о Варягахъ-Руси. Разногласіе это еще болѣе увеличится, если сличимъ ихъ съ показаніями польскихъ и западно-русскихъ историковъ, которые пользовались русскими лѣтописями; такъ какъ послѣ упадка Кіева лѣтописное дѣло, кромѣ сѣверной Россіи, нѣкоторое время процвѣтало и въ западной, особенно на Волыни. Мы уже указывали на Длугоша и Стрыйковскаго, которые сообщаютъ извѣстія взятыя изъ русскихъ лѣтописей. Они не знаютъ Руси пришедшей откуда-нибудь изъ-за моря: Русь представляется имъ народомъ туземнымъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшимъ въ южной Россіи. Они хотя упоминаютъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, но какъ о туземныхъ кіевскихъ князьяхъ, потомкахъ Кія. Въ то время какъ Оскольдъ и Диръ, говорятъ они, владѣли южно-русскими племенами, сѣверно-русскія племена (по Длугошу, переселявшіеся съ юга, потому что тяготились господствомъ южныхъ князей) приняли къ себѣ на княженіе трехъ Варяговъ. Стрыйковскій уже знаетъ басню о Гостомыслѣ; о призваніи же Варяговъ замѣчаетъ: „Лѣтописцы русскіе не объ-

яснаютъ, кто были Варяги; но просто начинаютъ свою хронику такимъ образомъ: послаша *Русь къ Варягамъ* (замѣтьте: посылаетъ Русь къ Варягамъ, а не къ Варягамъ-Руси), говоря: приходите княжить и владѣть нами". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что русскія хроники ведутъ родъ своихъ князей отъ колѣна римскихъ цезарей, именно отъ выходца римскаго Палемона, который съ 500 товарищей удалился на берега Балтійскаго моря въ Жмудь и Литву; „такъ ведутъ свой родъ великіе князья московскіе и настоящій Иванъ Васильевичъ". Здѣсь опять встрѣчается повѣрье о пришествіи княжескаго рода, а не цѣлаго народа Русь; мнѣніе о выходѣ изъ Литвы, какъ видимъ, началось не съ Ивана Грознаго, а существовало уже при его предшественникахъ. Свидѣтельство Стрыйковскаго подтверждается Герберштейномъ, который писалъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Онъ также пользовался русскими лѣтописями, приблизительно въ сводахъ XIV и XV вѣковъ; также знаетъ басню о Гостомыслѣ и также не смѣшиваетъ Русь съ Варягами. Онъ говоритъ что Руссы прежде платили дань Казарамъ и Варягамъ; что изъ русскихъ лѣтописей онъ не могъ узнать ничего, кромѣ имени, кто были Варяги и изъ какой земли они пришли, и что по мнѣнію самихъ Русскихъ призванные ими три брата вели свое происхожденіе отъ Римлянъ.

Длугошъ относительно происхожденія Руси замѣтилъ, что мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ разнообразны, и что это разнообразіе „болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ истину". Герберштейнъ, Стрыйковскій и Гваньинъ поясняютъ намъ, въ чемъ именно состояли различные толки о происхожденіи имени Русь. Они приводятъ слѣдующія мнѣнія: 1) отъ Руса, то библейскаго, то брата Чеху и Леху; 2) отъ сарматскаго народа Роксаланъ; 3) отъ города Русы; 4) отъ русыхъ волосъ; 5) отъ слова разсѣяніе, почему Греки прежде называли Русскихъ *Спорами* (6-е мнѣніе приводятъ Воскресенская и Густынская лѣтописи: отъ рѣки Русы или Рось.) Замѣчательно, что въ числѣ этихъ разнообразныхъ мнѣній, сообщаемыхъ западными писателями, совсѣмъ нѣтъ происхожденія имени Русь отъ пришлой Варяжской Руси. Повторяю, для насъ весьма важно, что западные писатели, имѣвшіе подъ руками русскія лѣтописи не смѣшиваютъ Русь съ Варягами; Русь у нихъ остеется народомъ туземнымъ, а Варяги иноземцами, какъ но

всей вѣроятности и было въ древнѣйшихъ лѣтописахъ. *Варяговъ призываетъ сама Русь.* Басни о Палемонѣ въ пересказѣ Гваньина представляетъ яркую аналогію для нашей басни о трехъ братьяхъ Варягахъ съ прибавленіемъ ихъ дѣда по матери Гостомысла. Палемонъ оставилъ по себѣ трехъ внуковъ, которые и наслѣдовали Литовскую землю. Они назывались Боркусъ, Куношъ и Спера. Боркусъ на берегахъ рѣки Юрги построилъ замокъ Юрборкъ, Куношъ заложилъ замокъ Куношовъ, а Спера Вилькоміръ. Боркушъ и Спера скоро умерли; Куношъ началъ одинъ владѣть всею землею, и т. д. Развѣ все это не указываетъ на повтореніе однихъ и тѣхъ же легендарныхъ мотивовъ въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ народовъ? Очевидно наша легенда и литовское сказаніе суть варіанты на одну и ту же тему: происхожденіе князей отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ.

Переходя къ тѣмъ лѣтописнымъ сборникамъ, которые дошли до насъ, мы видимъ, что легенда о Варягахъ-Руси совсѣмъ и не встрѣчается во всѣхъ лѣтописныхъ редакціяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы обыкновенно ее представляемъ, и тутъ мы находимъ тоже значительное разнообразіе. Степенная Книга, какъ извѣстно, выводитъ Рюрика съ братьями изъ Прусской земли и считаетъ ихъ потомками Прусса, брата Октавія Августа; она ничего не знаетъ о пришествіи Оскольда и Дира съ сѣвера. Воскресенская лѣтопись и Новый лѣтописецъ (по списку кн. Оболенскаго) сходны съ Степенною Книгой относительно происхожденія Рюрика и его братьевъ изъ рода Августа, а Никоновскій сводъ относительно Оскольда и Дира. Густынская лѣтопись также приводитъ варіантъ о посольствѣ за князьями въ Прусскую землю, во градъ Малборкъ. По русскому хронографу (второй редакціи. *Изборникъ* А. Попова 136 стр.) Русь — одинъ родъ съ Славянами — получила названіе отъ русыхъ волосъ; а Оскольдъ и Диръ были племянники Кія. Въ Псковской лѣтописи (такъ-называемой второй) Оскольдъ и Диръ являются кіевскими князьями изъ Варягъ, но пришедшими помимо Рюрика съ братьями, и даже прежде ихъ. Все это, возразятъ намъ, суть своды позднѣйшіе. Такъ, и конечно въ нихъ являются и позднѣйшіе домыслы. Однако они пользовались болѣе древними сводами, до насъ не дошедшими, и еслибы древнѣйшіе своды были согласны между собою относительно происхожденія Русскаго народа и его имени отъ

Варяговъ, съ Оскольдомъ и Диромъ включительно, тогда и *могло бы явиться и такое разнообразіе мнѣній и домысловъ*. Длугошъ писалъ въ XV вѣкѣ, слѣдовательно пользовался западно-русскими лѣтописями XIII и XIV вѣковъ. Первая редакція Степенной Книги приписывается митрополиту Кипріану, слѣдовательно начало ея составленія возводится къ концу XIV вѣка; а матеріалами для него служили конечно лѣтописные сборники также не позднѣе XIII и XIV вѣковъ. То же должно замѣтить и о Псковской второй лѣтописи, составленіе которой можетъ-быть отнесено приблизительно къ концу XV вѣка.

Къ сожалѣнію до насъ не дошло полное начало новгородскихъ лѣтописей, которыя, безъ сомнѣнія, могли бы доставить намъ варіанты относительно легенды о призваніи Варяговъ. Отрывокъ изъ такъ-называемой Іакимовской лѣтописи хотя и есть реторическое произведеніе времени позднѣйшаго, но, по справедливому замѣчанію профессора Соловьева, „нѣтъ сомнѣнія, что составитель ея пользовался начальною Новгородскою лѣтописью" (*Ист. Рос.* III. 140). А въ какомъ видѣ находимъ мы здѣсь легенду о призваніи? Она украшена разными подробностями и преимущественно Гостомысломъ съ его тремя дочерьми и вѣщимъ сномъ (на подобіе Астіага); но замѣчательно, что въ ней не смѣшивается Русь съ Варягами, такъ же какъ у Длугоша, Герберштейна, Стрыйковскаго (Кромера, Мѣховія); въ призваніи Варяговъ участвуетъ кромѣ другихъ народовъ и *Русь*. Этотъ варіантъ получитъ еще большую важность, когда сравнимъ его съ произведеніемъ гораздо болѣе древнимъ, именно съ лѣтописцемъ патріарха царяградскаго Никифора, составленнымъ въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка. Тамъ сказано: Придоша *Русь*, Чудь, Словене, Кривичи, къ *Ворягамъ*, рѣша и пр. *. Отсюда несомнѣнно, что еще въ XIII вѣкѣ наши лѣтописи различали Русь отъ Варяговъ; а если въ нѣкоторыхъ редакціяхъ и началось уже смѣшеніе, то какъ новость, которая не успѣла еще распространиться и запутать, затемнить представленіе о Руси какъ о туземномъ народѣ.

---

* См. П. С. Р. Л. I. 251. А самая рукопись, въ которой заключается этотъ лѣтописецъ, хранится въ Москов. Синодальн. библіотекѣ; если неошибаемся, въ настоящее время подъ № 132.

Интересно что̀ скажутъ норманисты противъ этой новгородской редакціи, несомнѣнно принадлежащей XIII вѣку? Она древнѣе списковъ Ипатьевскаго и Лаврентьевскаго, изъ которыхъ первый относится къ XV вѣку, а второй съ натяжками къ концу XIV (ибо нѣтъ доказательствъ чтобы Лаврентьевскій сводъ дошелъ до насъ въ рукописи самого Лаврентія). Эта редакція какъ нельзя лучше подтверждаетъ что въ тѣхъ древнихъ лѣтописяхъ, которыми пользовались Іакимовскій отрывокъ, Длугошъ, Стрыйковскій и Герберштейнъ, Русь не смѣшивалась съ Варягами и изображалась народомъ туземнымъ, а не пришлымъ. А въ этомъ-то и весь корень вопроса? Какъ только отдѣлимъ Русь отъ Варяговъ, то вся система норманистовъ превращается въ прахъ. Одно что̀ остается имъ — это производить, если не цѣлый народъ Русь, то по крайней мѣрѣ княжескій родъ и его ближнихъ отъ пришлыхъ Варяговъ и изъ народнаго сдѣлать вопросъ династическимъ *. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ именно видѣ и существовала легенда о призваніи Варяговъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ; а смѣшеніе Руси съ Варягами произошло конечно позднѣе. Тогда легенда эта не покажется такою нелѣпою, какою она явилась въ послѣдствіи, когда списатели и сокращатели отождествили самую Русь съ Варягами и сочинили такимъ образомъ небывалое племя Варягоруссовъ, а Славянъ заставили призывать къ себѣ для господства цѣлый чуждый народъ **. Но и въ этой усѣченной, то-есть дружинно-династической формѣ норманизмъ едва ли можетъ найти себѣ спасеніе; ибо онъ тотчасъ натолкнется на слова Олегова договора: „Мы отъ рода русскаго“

---

* То-есть предположить у Кривичей, Мери и Чуди IX вѣка приблизительно такія же развитыя формы государственнаго быта и между-народной политики, какія существуютъ въ Европѣ въ наше время, предположить нѣчто въ родѣ федеративнаго парламента.

** Эта путаница отразилась и въ тѣхъ этнографическихъ умствованіяхъ, которыми начинаются наши своды; тамъ Русь то упоминается отдѣльно отъ Варягъ, то связывается съ ними. Къ довершенію запутанности укажемъ на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ сводахъ (Софійскомъ, Воскресенскомъ и Тверскомъ) первобытными насельниками или обитателями названы въ Новгородѣ Славяне, *а въ Кіевѣ Варяги.* Такимъ образомъ рядомъ съ пришествіемъ въ Новгородъ Варяговъ то изъ Прусской земли, то изъ *Нѣмецъ*, можно поставить еще пришествіе ихъ изъ Кіева.

и на другія препятствія. Если взять въ расчетъ извѣстіе объ Оскольдѣ и Дирѣ какъ о туземныхъ князьяхъ — что также, безъ сомнѣнія, существовало въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ, — то опять-таки норманская система должна разбиться; такъ какъ на Югѣ окажется Русь прежде призванія Варяговъ. Слѣдовательно и на эту уступку (начало которой было уже сдѣлано Шлёцеромъ) норманизму также нельзя согласиться. Чтобы спасти себя, повторяю, ему необходимо отстаивать легенду въ полномъ ея составѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ, при помощи недоразумѣній, выработало ее досужество нашихъ старинныхъ книжниковъ, то-есть съ небывалымъ народомъ Варягоруссовъ, съ невозможною хронологіей, Оскольдомъ и Диромъ, и пр.—отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы съ явнымъ пожертвованіемъ здраваго смысла.

VI.

Филологія норманистовъ. Имена князей.

Но что за дѣло до противорѣчія съ исторіей, до легендарности сказанія, до искаженія и разногласія русскихъ лѣтописей? У норманистовъ остается еще цѣлое поле, для своей защиты. Это филологія. Въ виду ненадежности всякой другой поддержки, нѣкоторые изъ норманистовъ уже высказали мысль: якобы вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ не историческій, а филологическій. Какъ будто исторія можетъ расходиться съ филологіей. Мы думаемъ, что тамъ, гдѣ филологическіе выводы противорѣчатъ историческимъ обстоятельствамъ, виновата не наука филологіи, а тѣ филологи, которые прибѣгаютъ къ натяжкамъ на заданную тему. Если выходитъ несогласіе съ исторіей, значитъ филологическіе пріемы были не научны, изслѣдованія произведены не точно, данныя осмотрѣны односторонне: а потому и выводы не вѣрны.

Въ прошлой статьѣ мы уже касались филологіи норманистовъ. Взглянемъ на нее еще разъ.

М. П. Погодинъ въ „Исторіи до Монгольскаго ига" и въ возраженіи на нашу статью повторяетъ свое старое мнѣніе о скан-

динавскомъ происхожденіи многихъ чисто-русскихъ словъ, каковы: бояре, гриди, гости, смерды, люди, верви, дума, вира, живот, гривна и пр. Корни этихъ словъ могутъ быть объяснены только въ связи съ индо-европейскими корнями; но исконная принадлежность ихъ русскому и вообще славянскому языку давнымъ-давно утверждена. Странно, какимъ образомъ, напримѣръ, послѣ книги г. Срезневскаго *Мысли объ исторіи русскаго языка*, гдѣ принадлежность славянству подобныхъ словъ столь ясно указана, какимъ образомъ, говоримъ мы, нашъ маститый писатель продолжаетъ повторять все то же мнѣніе о принесеніи этихъ словъ изъ Скандинавіи. Кромѣ книги г. Срезневскаго укажемъ еще на книгу г. Буслаева: О *вліяніи христіанства на славянскій языкъ*. Не обращая вниманія на успѣхи русской филологіи, крайній норманизмъ все еще остается при филологическихъ воззрѣніяхъ Сабинина, Греча, Буткова и т. п. Г. Буслаевъ, руководясь вполнѣ научными пріемами, нашелъ возможнымъ признать готскій переводъ Библіи Ульфилы „важнѣйшимъ источникомъ для языка славянскаго", и положеніе это подтвердилъ ясными примѣрами. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ языки эти были еще такъ близки, что многія слова оставались равно понятны и Готамъ, и Славянамъ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ лексиконѣ сѣверно-германскихъ нарѣчій не только въ X вѣкѣ, но и позднѣе можно найти еще много общаго съ лексикономъ славянскимъ. Не говоря даже о родствѣ корней, вообще отдѣльно взятыя названія суть довольно шаткое мѣрило для опредѣленія ихъ принадлежности тому или другому племени. Какъ нѣтъ простыхъ, несложныхъ историческихъ націй, такъ нѣтъ и простыхъ, безъ всякихъ примѣсей, языковъ (особенно въ лексическомъ отношеніи). Если судить по лексикону, то англійскій языкъ долженъ быть отнесенъ къ романской группѣ; однако его относятъ къ языкамъ германской группы, на основаніи грамматики. Итакъ не лексиконъ, а грамматика служитъ болѣе точнымъ мѣриломъ при рѣшеніи вопроса о языкахъ. Настоящій англійскій языкъ сложился сравнительно во времена позднія; между тѣмъ какъ происхожденіе русскаго языка относится ко временамъ до-историческимъ. Тѣмъ не менѣе норманисты находятъ возможнымъ продолжать свои скандинавскія производства славяно-русскихъ словъ. Въ отношеніи къ противникамъ они любятъ повторять пущенное въ ходъ Шлеце-

ромъ выраженіе о филологической дыбѣ; а между тѣмъ ничто болѣе ихъ не вымучиваетъ такъ иноземныя формы изъ русскихъ словъ.

Умѣренные норманисты не трактуютъ о мнимой норманской стихіи въ русскомъ языкѣ; но они стоятъ за собственныя имена князей и дружины и за якобы скандинавскія названія Днѣпровскихъ пороговъ. Относительно личныхъ именъ мы уже указывали на несостоятельность ихъ мнѣнія. И опять повторяемъ: что́ же изъ того слѣдуетъ, что то или другое имя (впрочемъ рѣдко въ томъ же видѣ, а большею частію въ подобіи) можно встрѣтить и въ скандинавскихъ памятникахъ? Слѣдуетъ только тотъ выводъ, что многія имена были общими у восточно славянской и восточно-германской вѣтви. Они подтверждаютъ стародавнее родство самихъ народовъ и ихъ долгое сожительство въ южной Россіи, откуда Скандинавы вынесли многія черты, долго потомъ напоминавшія объ этихъ родственныхъ связяхъ еще Готской эпохи.

Возьмемъ первыя имена нашихъ князей:

Рюрикъ. О Рюрикѣ пришедшемъ изъ Скандинавіи мы не говоримъ, ибо онъ не историческое лицо, а легендарное; слѣдовательно имя его относится къ тому времени, когда составилась легенда. Историческихъ Рюриковъ извѣстно по лѣтописямъ только два: одинъ Рюрикъ Ростиславичъ во второй половинѣ XI вѣка, а другой Рюрикъ Ростиславичъ во второй половинѣ XII вѣка (насчетъ послѣдняго мы дѣлали выше догадку о связи съ нимъ миѳическаго Рюрика). Слѣдовательно имя это встрѣчается довольно поздно между русскими князьями, когда, по мнѣнію норманистовъ, они уже сдѣлались вполнѣ Славянами. и мы не видимъ никакой надобности признавать его *исключительно* скандинавскимъ на томъ основаніи, что въ скандинавскихъ сагахъ встрѣчается Рёрекъ (Грёрекуръ). Въ первой статьѣ мы сдѣлали предположеніе о связи этого имени съ именемъ одного изъ Олеговыхъ пословъ, Рюара (съ его варіантами Рюяръ, по Воскресен. лѣтописи, и Руря, по Густын.). Притомъ русское имя Рюрика совсѣмъ не стоитъ одиноко въ славянскомъ мірѣ, на что было указано г. Гедеоновымъ. Такъ: Рерихъ и Реригъ встрѣчаются въ числѣ именъ древнихъ чешскихъ родовъ; славянское племя Бодричей называло себя иначе Ререгами (т.-е. соколами); у нихъ былъ также и городъ Рерикъ (Мекленбургъ); одинъ изъ притоковъ Одера назывался

по-славянски Рерикъ; въ числѣ поморскихъ князей въ началѣ IX вѣка былъ князь Ререкъ. Тотъ же корень *ру* встрѣчается въ названіи славянскаго народа *Руяне* и въ имени славянскаго божества *Руевитъ*.

Обратимъ собственно вниманіе на имена двухъ первыхъ князей, несомнѣнно существовавшихъ, т. е. Олега и Игоря. *Олегъ* и женское *Ольга* будто бы суть ничто иное какъ норманскіе Hölgi и Hölga; что̀ есть сокращенное миѳологическое имя Halogi, означающее *высокое пламя* (Die Berufung der Schwedischen Rodsen—Куника); по другому мнѣнію, это имя происходитъ отъ heilig, святой. Вообще норманисты не только русскія имена дѣлаютъ исключительно германскими, но и подыскиваютъ имъ значеніе изъ нѣмецкаго языка. При этомъ иногда дѣло не обходится безъ того, чтобъ ученые, на основаніи созвучій, не впадали въ ту систему осмысленія, о которой мы говорили въ прошлой статьѣ. Эта система довольно соблазнительна, и, благодаря ей, многія хотя и сомнительныя толкованія сдѣлались какъ бы общимъ мѣстомъ, въ родѣ Полянъ отъ полей, Нѣмецъ отъ нѣмой (стало-быть рѣка Нѣманъ тоже отъ нѣмой) и т. п. Многія собственныя имена народныя, географическія и личныя, хотя и дѣлаются неотъемлемою принадлежностью извѣстнаго языка, однако чтобы добраться до ихъ значенія, надобно восходить къ общимъ индо-европейскимъ корнямъ, и все-таки часто остаться только при гадательномъ предположеніи. Собственныя имена Русь или Рось, Донъ или Дунай, Туръ или. Тавръ и пр. развѣ могутъ быть объяснены только изъ русскаго языка или изъ какого-либо другаго намъ современнаго? Объ Олегѣ и Ольгѣ мы можемъ сказать, что они были въ числѣ самыхъ любимыхъ именъ у нашихъ предковъ. Олегъ встрѣчается до XIV вѣка включительно; а Ольга перешла и въ христіанскую ономантологію *. Въ лѣтописяхъ можно встрѣтить это имя и съ начальною *в*, т. е. Волга вмѣсто Ольга (Лавр. 24 и 27), Вольговичъ вмѣсто Ольговичъ (Ипат. подъ 1196). Форма Вольга употреблялась у насъ и въ мужскомъ

* Другая ея форма, болѣе древняя, судя по Константину Багрянородному, была Ельга. Переходъ начальнаго *е* въ *о* и обратно былъ у Славянъ обычнымъ; напр: озеро– езеро, ерелъ — орелъ, елень—олень, Волосъ—Велесъ и т. п.

значенія; напомнимъ извѣстнаго Вольгу, богатыря нашихъ былинъ. Чуждое имя никогда не могло получить такую популярность въ народѣ. Никогда не могло оно распространиться и на имена рѣкъ, которыя вмѣстѣ съ личными именами по большей части ведутъ свое начало отъ временъ миѳологическихъ. Названіе главной русской рѣки Волга несомнѣнно есть то же самое имя. Вообще въ языческую эпоху народныя и личныя имена мы постоянно находимъ въ тѣсной связи съ географическими именами и преимущественно съ названіями рѣкъ. Напримѣръ, Дунай является богатырскимъ именемъ въ нашихъ былинахъ; то же имя мы встрѣчаемъ и въ числѣ волынскихъ бояръ въ XIII вѣкѣ. Кромѣ извѣстной Волги есть еще рѣка Вольга во Владимірской губерніи. Рѣка Олегъ упоминается лѣтописью (Ипат.) подъ 1251 годомъ, въ походѣ Даніила Романовича на Ятвяговъ. А первая половина имени литовскихъ князей Ольгердъ и Ольгимунтъ развѣ не есть тотъ же Ольгъ или Олегъ? Литовское племя, какъ извѣстно, находилось въ болѣе близкомъ родствѣ съ Славянскимъ, чѣмъ съ Германскимъ. У другихъ Славянъ, именно у древнихъ Чеховъ, тоже встрѣчаются: Olek, Oleg и Olha. Итакъ, если это имя и было гдѣ туземнымъ, то очевидно у насъ несравненно болѣе, чѣмъ въ Скандинавіи.

Игорь (у Константина Багрянороднаго Ингорь, у Ліутпранда Ингеръ) будто бы тоже *исключительно* скандинавское, хотя у Скандинавовъ не видимъ ни единаго Игоря; тамъ встрѣчаются Ингваръ, Игваръ, династія Инглинговъ и т. п. Но еще Эверсъ остроумно замѣтилъ: бабка Василія Македонскаго, по сказанію Византійцевъ, была дочь благороднаго Ингера; неужели и этотъ Ингеръ былъ тоже Скандинавъ? Норманисты говорятъ, что корень въ этомъ имени есть *иг* или *инг*, который будто принадлежитъ только германскимъ языкамъ. Но такое положеніе очевидно невѣрно: напримѣръ названіе рѣки Ингулъ (видоизмѣненіе Унголъ или Уголъ) развѣ это нѣмецкое, а не славянское названіе? Тотъ же корень *иг* или *инг* встрѣчается въ сложномъ русскомъ имени Иггивладъ (въ договорѣ Игоря) и въ имени хорутанскаго князя Инго, начала IX вѣка. Г. Гедеоновъ справедливо замѣтилъ, что то же имя съ приставкою *славъ*, то-есть Ингославъ, перешло въ Ижославъ или Ижеславъ (на что̀ указываетъ городъ Ижеславецъ) и оттуда въ Изяславъ. Что это заключеніе вѣрно, доказательствомъ тому служитъ названіе города въ Угорской Руси Унгваръ, которое перешло въ Ужго-

родъ. А что такое Унгваръ какъ не то же русское имя Ингваръ или Ынгваръ (какъ упомянутые Унголъ и Ингулъ)? Подобно Олегу, Игорь и Ингваръ были любимыми русскими именами; притомъ первое изъ нихъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гораздо прежде втораго. *

Для насъ достаточно указать на туземство и славянство именъ Олега и Игоря, какъ первыхъ историческихъ князей нашихъ. Мнѣніе объ ихъ скандинавскомъ происхожденіи было плодомъ недоразумѣній и малаго знакомства съ славянскимъ міромъ; настаивать на этомъ происхожденіи въ настоящее время можетъ

---

* Игоремъ можно отчасти объяснить и ту популярность какую пріобрѣлъ у насъ Св. Георгій. Это послѣднее имя выговаривается Егорій или просто Егоръ. Мы думаемъ, что на такое превращеніе повліяло созвучіе его съ прежнимъ Игоремъ. Какъ извѣстно, принятыя нами христіанскія имена народъ въ живомъ говорѣ передѣлываетъ по-своему. Такъ, вмѣсто Евдокіи явилась Авдотья, вмѣсто Николая Микола (по мѣткому заключенію П. И. Мельникова напоминающій крестьянскаго героя Микулу Селяниновича), и т. п. Кромѣ фонетическихъ вліяній въ этихъ превращеніяхъ участвовали и старыя, привычныя имена, и филологія при обсужденіи упомянутыхъ переходовъ никоимъ образомъ не должна упускать изъ виду эту черту, которая, конечно встрѣчается и у другихъ народовъ. На нее указалъ и свящ. Морошкинъ въ своемъ *Славянскомъ Именословѣ* (96 стр.). Мимоходомъ замѣчу, что Игорь, герой слова о Полку Игоревѣ, въ крещеніи былъ названъ Георгій.

Какъ имя Олега находится въ связи съ названіемъ нашей главной рѣки, такъ и слова Ингоръ и Унгоръ можно поставить въ связь съ названіемъ народа Угровъ. Это названіе дано ему Русскими Славянами; оно конечно писалось прежде черезъ *юсъ* и выговаривалось Унгры; откуда съ приставкою *в* получились Вунгры или Венгры. О распространенности этого названія по сосѣдству съ славянскимъ міромъ свидѣтельствуетъ и другое финское племя, Ингры, которое у Русскихъ перешло въ Ижору (какъ Ингославъ въ Ижославъ), обозначающее названіе и рѣки и племени. Другая форма этого названія слѣдовательно будетъ Угра, и дѣйствительно въ Россіи есть нѣсколько рѣкъ съ этимъ названіемъ. Оно указываетъ на связь имени народа Угорскаго съ именами рѣкъ. Наша южная рѣка Унголъ или Ингулъ при извѣстномъ переходѣ *р* въ *л* и обратно предполагаетъ другую форму, Унгоръ или Ингоръ (какъ Сура и Сула, Тура и Тула и пр.), а извѣстно, что Дунайскіе Угры вышли изъ южной Россіи. На сѣверо-востокѣ Россіи также обиталъ финскій народъ Югра или Угра, но и тамъ также были рѣки съ названіями: Угра (притокъ Печеры), Угла, и Югъ или Угъ, что конечно сокращено изъ Углъ. Такимъ образомъ названіе Угры или Угричи одного происхожденія съ именемъ нашихъ Угличей. Итакъ ясно, что имя Игоря было туземное, и отнюдь не пришло къ намъ изъ Скандинавіи.

только крайній, ничему не внимающій норманизмъ. Что касается до Оскольда, мы можемъ не останавливаться серьозно надъ этимъ именемъ; ибо не имѣемъ достаточно причинъ считать его лицомъ историческимъ, какъ и Рюрика пришедшаго изъ Скандинавіи. Хотя г. Погодинъ и не согласенъ съ тѣмъ, потому что лѣтопись указываетъ на могилы Оскольда и Дира, но для насъ это нисколько не убѣдительно. Мы думаемъ, что эти-то могилы и подали вѣроятно поводъ сложить миѳъ о двухъ кіевскихъ князьяхъ и связать ихъ имя съ византійскимъ извѣстіемъ о походѣ Руссовъ на Константинополь въ 865 году (миѳическій Кій тоже ходилъ въ Константинополь); а въ дальнѣйшемъ домыслѣ книжниковъ легенда связала ихъ съ Рюрикомъ. Извѣстно, что легенды народныя особенно легко возникаютъ около могильныхъ и другихъ кургановъ. Напримѣръ около Галича была Галичина могила, и преданіе связывало съ ней основаніе города; около Кракова была могила его миѳическаго основателя князя Крока и т. п. Если можно съ чѣмъ сблизить имя Оскольда или Осколода, то ужь никакъ не со скандинавскими *Хескульдъ* и *Аскель*, а просто съ нашею южно-русскою рѣкой Осколъ. А что̀ такое имя Осколъ? Мы позволяемъ себѣ заподозрить въ немъ слово *соколъ*. Извѣстно, что между русскими рѣками нерѣдко встрѣчаются имена птицъ и животныхъ (Лыбедь или Лебедь, Орелъ, Ворона, Медвѣдица и пр.). Соколъ легко могъ перейти въ Осколъ или наоборотъ; примѣры подобной перестановки у насъ многочисленны *.

* По этому поводу укажу на слова Ильмень и Лиманъ; у насъ послѣднее слово производили изъ греческаго языка, а первое относили, кажется, къ финскому. Между тѣмъ здѣсь только разное произношеніе одного и того же слова. Днѣпровскій лиманъ въ Книгѣ Большаго Чертежа называется Ильмень. Въ географическомъ атласѣ амстердамскаго изданія XVII вѣка (Gergardi Mercatoris) этотъ Лиманъ названъ Ilmien lacus. Слово Осколъ можно встрѣтить и въ названіи другихъ рѣкъ. Ворскла въ лѣтописи называется *Ворсколъ* и *Вгросколъ*, а самый Осколъ встрѣчается въ формѣ *Всколъ* (Ипат., подъ 1170). Сюда же мы относимъ Яцольду, предполагая въ ней древнюю форму: Аскольда и даже просто Аскольдъ; примѣръ Ворсклы показываетъ намъ, что съ теченіемъ времени мужеское названіе способно переходить въ женское. До какой степени видоизмѣнялось иногда одно и то же названіе въ разныя времена или по разнымъ мѣстностямъ, свидѣтельствуетъ рѣка Альта. Это имя встрѣчается въ слѣдующихъ видахъ: Льто, Альта, Олюта, Лютая, Лтьва, Блтава и пр.

Въ лѣтописи намъ извѣстенъ *Асмудъ*, пѣстунъ Святослава. Но уже въ исторіи V вѣка мы встрѣчаемъ у византійскаго писателя Ѳеофилакта греческаго военачальника *Аксимута*, который былъ очевидно варварскаго происхожденія. У него же встрѣчаемъ другаго военачальника *Гудысъ*, котораго имя конечно тождественно съ *Гуды* Олегова договора. А варвары, служившіе въ Византіи въ VI вѣкѣ были по преимуществу славянской народности, подобно самимъ императорамъ Юстину I и Юстиніану I. *Акуну* Игорева договора соотвѣтствуетъ славянскій князь VIII вѣка *Ака*-міръ (Mem. Pop. II. 83). Точно также имени русскаго князя *Ута* въ этомъ доворѣ (Мутуръ, посолъ *Утинъ*) соотвѣтствуетъ одинъ изъ гуннскихъ вождей *Уто*, по Іорнанду. Древнія русскія имена Борисъ и Глѣбъ встрѣчались и у Болгаръ. *Труанъ* Олегова договора есть конечно тоже что древнеболгарское имя *Троянъ*.

Договоры Олега и Игоря, по нашему мнѣнію, сохранили намъ интересный сборникъ древнѣйшихъ русскихъ именъ—отрывокъ изъ славяно-русской ономастики того времени, когда она еще довольно близко стояла къ ономастикѣ нѣмецкой. А по мнѣнію норманистовъ, это большею частію чисто-норманскія имена, принесенныя прямо изъ Скандинавіи. Но нѣкоторыя изъ этихъ именъ встрѣчаются по лѣтописямъ между чисто-русскими людьми въ XI и XII вѣкѣ (когда, по мнѣнію самихъ норманистовъ, Русь вполнѣ ославянилась). Напримѣръ: Бернъ, Иворъ, Тудко, Борко, Улѣбъ, Акунъ или Якунъ, Алданъ или Олданъ, Тудоръ и др. Гуна или Гуня (въ словахъ Гунаревъ и Гунастръ) встрѣчается даже въ XVII вѣкѣ, въ лицѣ извѣстнаго товарища гетмана Остраницы. Кромѣ того это имя есть у Сербовъ и Болгаръ. Даже *Карлы* норманисты не въ состояніи присвоить исключительно Нѣмцамъ. Кромѣ доводовъ, приведенныхъ нами въ первой статьѣ, укажу на половецкаго хана Кобяка *Карлыевича* (Ипат. подъ 1183). Извѣстно что половецкіе ханы роднились съ Русскими и нерѣдко носили ихъ имена; слѣдовательно имя Карлы существовало у насъ еще въ XII вѣкѣ. Что это имя не было чуждо славянскому языку, доказываютъ производныя отъ него нетолько у насъ (карло, карликъ и карлица), но и у Сербовъ, у которыхъ *карлица* значитъ корыто и есть глаголъ *карлисати*—часто входить и выходить. Значительная часть изъ именъ приведенныхъ въ договорахъ встрѣчается въ славянскихъ и русскихъ названіяхъ рѣкъ и урочищъ; напримѣръ: города Берно,

Утинъ; рѣки Свирь, Стырь, Слуда, Кара и пр. *Слуды* еще имѣетъ значеніе утесовъ (см. Буслаева въ Рус. Вѣст. 1873 № I). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ встрѣчаются у Литовцевъ или могутъ быть объясняемы изъ литовскаго языка, на что уже указывалъ г. Костомаровъ, и что весьма естественно, по близости литовскаго языка къ славянскому, особенно въ тѣ отдаленныя времена. Норманисты однако продолжаютъ свои скандинавскія словопроизводства; причемъ пользуются конечно родствомъ корней въ славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и дѣйствительно существовавшею общностію нѣкоторыхъ именъ. А гдѣ недостаетъ этихъ средствъ, тамъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ натяжкамъ. Благодаря такимъ пріемамъ, почти всѣ имена, взятыя изъ первыхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи, оказываются скандинавскими, даже и такія чисто-славянскія какъ: Лютъ, Блудъ, Глѣбъ и пр.: на томъ основаніи что у Норманновъ встрѣчаются Gliph и Glibr, Liótr и Blótr. Но почему же норманисты оставляютъ туземными имена оканчивающіяся на *славъ?* Эти имена присутствуютъ уже въ Игоревомъ договорѣ и у самихъ Норманновъ встрѣчаются имена на *славъ.* Почему оставляютъ они намъ Владиміра? Вѣдь у Скандинавовъ былъ Вальдемаръ (хотя имя перваго Вальдемара въ Даніи и объясняютъ происхожденіемъ его по матери отъ нашего Владиміра Мономаха). Всеволодъ тоже могъ бы обратиться въ Норманна, какъ Рогволодъ обратился въ Рагенвальда. *

---

* Уже около 60 лѣтъ тому назадъ Эверсъ замѣтилъ о русскихъ именахъ въ договорахъ Олега и Игоря: «По причинѣ великихъ разнорѣчій (въ рукописяхъ) не рѣшено еще какъ они назывались собственно: ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: Каларъ или Карла, Фарлафа или Вархова, Велмудръ или Велмидъ, Вуефастъ или Ибуехатъ? Еслибы скандинавское происхожденіе Руссовъ было доказано другими доказательствами, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ наияснѣе по-скандинавски».

Надобно замѣтить, что розыски русскихъ именъ въ норманской исторіи и миѳологіи начались болѣе 100 лѣтъ назадъ, прямо съ предвзятою мыслію. Норманисты шли отъ того положенія, что Русь пришла изъ Скандинавіи и слѣдовательно имена ея должны быть скандинавскія. Примѣры сближеній въ началѣ были довольно отдаленные; Байеръ и Шлецеръ, напримѣръ, въ параллель Оскольду ставили Аскеля, Олегу—Алека и пр. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія эти сближенія подвинулись нѣсколько впередъ, благодаря въ особенности трудамъ г. Куника (Die Berufung). Но и тутъ въ большинствѣ случаевъ все-таки отыскали только

На возраженіе норманистовъ, почему многія древнерусскія имена не встрѣчаются у другихъ Славянъ, г. Гедеоновъ справедливо замѣтилъ, что у каждаго славянскаго народа въ его миѳологіи и исторіи есть имена, которыхъ также почти нѣтъ у другихъ Славянъ. Напримѣръ у Чеховъ: Чехъ, Клевъ, Бехъ, Гериманъ, Тетва, Мунъ (а Мовы Игорева договора?) и мн. др.; у Сербовъ: Жунь, Балье, Гатальдъ, Бунъ, Микъ и пр.; у Ляховъ: Попелъ, Пястъ, Крокъ, Лешко, Ванда; у Хорутанъ: Валухъ, Борутъ, Каратъ; у Хорватовъ: Клюкасъ, Мухно, Борна и пр. Замѣчательно что и у этихъ народовъ исторія начинается также не сложными именами и не такими, которыя бы оканчивались на *славъ*, *міръ* и т. п. Бóльшая часть упомянутыхъ именъ даже и не можетъ быть объясняема изъ славянскаго языка; отсюда, по логикѣ норманистовъ, слѣдуетъ отнести ихъ къ норманскимъ, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ или имъ подобныя дѣйствительно встрѣчаются у Нѣмцевъ и у Норманновъ (Попель, Крокъ, Бьёрнъ и др.). Съ другой стороны, въ нѣмецкой и норманской исторіи немало можно найти прозваній дѣйствительно славянскаго происхожденія. Но все это указываетъ только на родство европейскихъ народовъ, на живое между ними общеніе. Мы не отрицаемъ, что въ числѣ русскихъ именъ могли быть и нѣкоторыя норманскія, принесенныя къ намъ вслѣдствіе родственныхъ и другихъ свя-

---

близкія имена, а не тождественныя: для Олега — Hölgi, Оскольда — Хёскульдръ и пр. Между тѣмъ серіозныя изысканія о русскихъ именахъ съ точки зрѣнія славянской ономастики начались недавно, по нашему мнѣнію, не ранѣе г. Гедеонова.

Не надобно упускать изъ виду и того обстоятельства, что главная и все-таки скудная жатва для норманскихъ параллелей собрана въ легендарныхъ источникахъ, каковы скандинавскія саги въ передачѣ Саксона Грамматика и Снорро Стурлезона, то-есть въ произведеніяхъ значительно позднѣйшихъ, чѣмъ эпоха договоровъ Олега и Игоря. И замѣчательно, что между извѣстными *историческими* именами Скандинавіи мы не находимъ соименниковъ Олегу и Игорю, и наоборотъ, наиболѣе употребляемыя историческія имена у Скандинавовъ, каковы Гаральдъ, Эрихъ, Олафъ, Эдмундъ и др., совсѣмъ не встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ. На существованіе нѣкоторыхъ общихъ именъ у Норманновъ и Славянъ до поздняго времени указываютъ и сами скандинавскія саги. Напримѣръ въ сагѣ Олава Тригвесона упоминаются дочери поморскаго князя Бурислава *Гунгильда и Астрида*. Тѣ же имена и въ той же сагѣ встрѣчаемъ въ Норвегіи.

...же связи вліяли и на Норманновъ, къ ... и нѣкоторыя русскія имена, что поддержива... въ ихъ ономантологіи. Это сходство ...льно части русскихъ именъ; другая ихъ ...ыхъ міромъ; что совершенно есте... вниманіе на географическое положеніе ...рого Русь съ незапамятныхъ временъ ... разнообразные элементы. Эти ... оттѣнкомъ не означаютъ непре... часто принадлежатъ русскимъ или славян...ѣръ: Олбырь, Мончукъ, Уланъ, Колча, ... Шелвъ, Рахъ (Михайловичъ), Кучебичъ ... Воидрисъ, Бяндюкъ (вторая половина ... Дюка Степановича) и мн. др. Съ перва... что это Угры, Половцы, Литовцы и дру... въ службу русскихъ князей. Нѣтъ, ... слишкомъ преувеличенное представле...ковъ въ числѣ русскихъ бояръ и ... они были; но масса дружины все-таки ... Укажу еще на имя Ольбегъ; съ перваго ...азаться чуждымъ Славянской народно... былъ сынъ Ратибора, извѣстнаго бояри... А другой сынъ этого Ратибора названъ ... какое разнообразіе именъ въ одной ...историческій взглядъ могъ придумать ... Русскаго государства какими-то сброд...зательно не имѣвшими опредѣленной ... и когда создавались такъ великія го-

... слѣдующія слова Гельмольда: «Маркоман... люди отовсюду собранные, которые на... земле много марокъ, изъ которыхъ не ... провинція, имѣющая мужей сильныхъ и ... *изъ Датчанъ такъ и изъ Славянъ*». И затѣмъ ... въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, сказалъ я еще ... въ этомъ углу Варяжскаго моря заключает...хожденія Варяговъ и Руси. Здѣсь соединяют... Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и ... Слибы, кажется, одно слово сорвалось еще съ ... все бы намъ стало ясно: но, вѣроятно, этого

Заговоривъ о восточномъ элементѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ попытку дать видное мѣсто въ происхожденія Русскаго государства Угро-Хазарамъ. Попытка эта начата соб-

---

Какое слово тутъ подразумѣваетъ г. Погодинъ, мы не догадываемся; да едва ли догадывается и самъ почтенный авторъ. Мы видимъ здѣсь простой, нехитрый дипломатическій пріемъ со стороны норманизма: указать на отдаленную миѳическую возможность примиренія, какъ выражается далѣе г. Погодинъ, «живыхъ и мертвыхъ, покойныхъ и *непокойныхъ* изслѣдователей происхожденія Руси, норманистовъ и славистовъ.» То, что сказано въ 1846 году, остается такимъ же парадоксомъ и въ 1872. Да и какое примиреніе разныхъ взглядовъ можно найти въ Голштиніи или Мекленбургѣ, когда вопросъ поставленъ такимъ образомъ: Русь — пришлое или туземное племя? По нашему мнѣнію, нечего и искать таинственный ключъ къ происхожденію Руси въ какомъ-либо углу Варяжскаго моря, такъ какъ Русь никогда и не приходила изъ-за этого моря, а съ незапамятныхъ временъ жила между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. Народъ, который до IX вѣка включительно извѣстенъ у греко-латинскихъ писателей подъ именемъ Россъ-Алановъ, въ томъ же IX вѣкѣ у Византійцевъ и въ западныхъ хроникахъ (Бертинскихъ) является просто подъ именемъ Рось. Что тутъ таинственнаго? Но если всякую легенду или всякій наивный домыселъ лѣтописца принимать за историческій фактъ, тогда дѣйствительно происхожденіе народовъ и начало государствъ останется навсегда подъ покровомъ непроницаемаго тумана таинственности.

А объяснять происхожденіе Русскаго государства нѣмецкою маркой или украйной развѣ это согласно сколько-нибудь съ исторіей? Что же изъ того что Датчане или Нѣмцы пользовались славянскою рознью и многихъ Славянъ употребляли противъ ихъ соплеменниковъ? И мы на своихъ украйнахъ заставляли служить намъ инородцевъ, и противъ татарскихъ ордъ употребляли служивыхъ Татаръ. Пограничная нѣмецкая марка была военная колонія, которая закрѣпляла инородную землю за Нѣмецкою націей. Свою жизнь и силу эта украйна получала изъ центра, который постоянно и неуклонно сообщалъ ей свой цвѣтъ и свой характеръ. Только по прошествіи столѣтій какая-либо марка, достаточно укрѣпившаяся, начинала нѣсколько самостоятельное существованіе (какъ Бранденбургъ), не разрывая однако живыхъ связей съ прочими частями Германіи и пользуясь ихъ поддержкой въ борьбѣ съ инородцами. Такъ было во времена средневѣковой Германской имперіи. Итакъ, есть ли историческая возможность объяснять основаніе Русскаго государства какими-то сбродными дружинами и сравнивать его съ нѣмецкою маркой? Гдѣ же былъ центръ, откуда исходило это таинственное движеніе сбродныхъ дружинъ, покрывшихъ всю Россію? Неужели въ Голштиніи? Стало-быть Русь была не какимъ-либо извѣстнымъ народомъ а чѣмъ-то межеумочнымъ? Вотъ это-то нѣчто межеумочное и было призвано нашими предками для водворенія порядка!

зей, и наоборотъ, тѣ же связи вліяли и на Норманновъ, къ которымъ перешли и нѣкоторыя русскія имена, что поддерживало старинное сходство въ ихъ ономантологіи. Это сходство касается впрочемъ только части русскихъ именъ; другая ихъ часть отзывается восточнымъ міромъ; что совершенно естественно, если обратить вниманіе на географическое положеніе Россіи, вслѣдствіе котораго Русь съ незапамятныхъ временъ вбирала въ себя и славянила разнообразные элементы. Эти прозванія съ восточнымъ оттѣнкомъ не означаютъ непремѣнно инородцевъ, и часто принадлежатъ русскимъ или славянскимъ людямъ, напримѣръ: Олбырь, Мончукъ, Уланъ, Колча, Олуй, Сънгуръ, Блусъ, Шелвъ, Рахъ (Михайловичъ), Кучебичъ (Судиміръ), Ляхъ Яртакъ, Волдрисъ, Бяндюкъ (вторая половина напоминаетъ богатыря Дюка Степановича) и мн. др. Съ перваго взгляда вы скажете что это Угры, Половцы, Литовцы и другіе инородцы, вступившіе въ службу русскихъ князей. Нѣтъ, мы имѣли до сихъ поръ слишкомъ преувеличенное представленіе о количествѣ иноплеменниковъ въ числѣ русскихъ бояръ и дружинниковъ. Конечно они были; но масса дружины все-таки оставалась чисто русскою. Укажу еще на имя Ольбегъ; съ перваго взгляда оно можетъ показаться чуждымъ Славянской народности; но этотъ Ольбегъ былъ сынъ Ратибора, извѣстнаго боярина Владиміра Мономаха. А другой сынъ этого Ратибора названъ въ лѣтописи Ѳомой. Вотъ какое разнообразіе именъ въ одной и той же семьѣ! Только антиисторическій взглядъ могъ придумать еще теорію объ основаніи Русскаго государства какими-то сбродными дружинами, слѣдовательно не имѣвшими опредѣленной національности. Гдѣ же и когда создавались такъ великія государства? *

---

* Г. Погодинъ приводитъ слѣдующія слова Гельмольда: «Маркоманнами называются обыкновенно люди отовсюду собранные, которые населяютъ марку. Въ Славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, *какъ изъ Датчанъ такъ и изъ Славянъ*». И затѣмъ продолжаетъ: «Чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, сказалъ я еще въ 1846 году, и чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія Варяговъ и Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне, и Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Ріустри, и Россенгау. Еслибы, кажется, одно слово сорвалось еще съ языка у Гельмольда, то все бы намъ стало ясно: но, вѣроятно, этого слова онъ не зналъ.»

ственно Эверсомъ, а въ наше время поддержана гг. Гедеоновымъ и Юргевичемъ. Послѣдній, какъ извѣстно, многія имена нашихъ князей и дружинниковъ объясняетъ изъ венгерскаго языка. Подобныя попытки показываютъ между прочимъ, как много общихъ словъ можно найти даже въ такихъ разнородныхъ языкахъ какъ славянскій и венгерскій. Это явленіе объясняется давнимъ жительствомъ Угровъ посреди Славянъ. Что въ современномъ угорскомъ языкѣ присутствуетъ сильная примѣсь славянскаго элемента, это вполнѣ доказано Миклошичемъ. Та же примѣсь конечно отразилась и въ именахъ. Угры прежде перехода въ Паннонію долго жили въ Черноморскихъ степяхъ, въ сосѣдствѣ съ русскими Славянами, и послѣ основанія Угорскаго королевства южно-русскіе князья поддерживали съ нимъ дѣятельныя сношенія и роднились съ угорскими владѣтелями. Однако любимою поговоркой нашихъ князей въ XII вѣкѣ было: „Я не Угринъ и не Ляхъ (чтобы не имѣть доли въ Русской землѣ)". До сихъ поръ мы были весьма склонны всѣ явленія своей жизни объяснять вліяніемъ то восточныхъ, то западныхъ сосѣдей, такъ что въ результатѣ Русскій народъ оказывался какою-то механическою смѣсью разныхъ элементовъ, и не видишь того ядра или того начала, которое переработало эту смѣсь въ живой организмъ. Но чѣмъ болѣе всматриваешься въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе приходишь къ тому убѣжденію, что напротивъ, русскій и вообще славянскій міръ имѣлъ огромное вліяніе на другіе народы. Многое, напримѣръ, что казалось доселѣ заимствованнымъ отъ финскихъ и татарскихъ племенъ, наоборотъ, было заимствовано ими отъ Русскихъ. Мы искони имѣли несомнѣнное вліяніе на ихъ языкъ и на ихъ бытъ, хотя въ свою очередь несомнѣнно вбирали въ себя разнородные этнографическіе элементы. Провести въ настоящее время опредѣленную границу между всѣми этими взаимными вліяніями наука еще не въ состояніи. Итакъ Русскій народъ надобно считать продуктомъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, но подъ сильнымъ преобладаніемъ главнаго, т.-е. славянскаго. Это перекрещиваніе съ народами угорскими, литовскими, готскими и пр. совершалось еще во времена такъ-называемыя доисторическія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Русское племя является въ исторіи со многими чертами отличающими его отъ западныхъ соплеменниковъ. Въ IX и X вв., когда Русь изъ скиѳскаго и сарматскаго тумана окончательно

выступаетъ на историческое поприще подъ своимъ односложнымъ народнымъ именемъ, мы находимъ въ ней своеобразный, оригинальный славянскій типъ, а не какую-либо безличную массу.

Если принять систему норманизма и по нѣкоторымъ именамъ судить о народности племенъ, то Венелинъ будетъ правъ, называя Гунновъ и Аваръ Славянами, ибо имена ихъ вождей звучали по-славянски или походили на славянскія слова; каковы: Валаміръ (или *Велеміръ*), Аттила (*Тѣлакъ*), Мундъ (*Жигмундъ*), Онегизъ (*Нѣгошъ*), *Заберегакъ*, *Баянъ* и т. д. * Вообще, по нашему мнѣнію, ни одинъ серіозный филологъ не можетъ безъ ущерба для своей репутаціи доказывать норманство русскихъ именъ, и при этомъ упускать изъ виду, что преданія самихъ Скандинавовъ выводятъ ихъ предковъ изъ южной Россіи.

VII.

Имена Днѣпровскихъ пороговъ.

Такъ же сильно ошибаются норманисты, считая вопросъ о Днѣпровскихъ порогахъ вопросомъ чисто филологическимъ. Безъ помощи исторіи онъ неразрѣшимъ. Еслибы мы имѣли другія несомнѣнныя доказательства тому, что Русь пришла изъ Скандинавіи, тогда только можно было бы въ русскихъ названіяхъ Константина Багрянороднаго искать скандинавскихъ звуковъ. Взятыя сами по себѣ эти имена, по выраженію г. Погодина, представляютъ только открытое поле для дога-

---

* Венелинъ, подразумѣвая въ эпоху переселенія народовъ только Славянъ и Нѣмцевъ, впалъ въ такую же крайность какой доселѣ держится нѣмецкая историческая наука: изображая данную эпоху, она ничего не видитъ кромѣ Гунновъ и Германцевъ. Но гдѣ же были въ то время Славяне? Какъ будто это огромное племя потомъ внезапно выросло изъ земли или упало съ неба прямо на тѣ мѣста, которыя занимаетъ. Мы не раздѣляемъ увлеченій Венелина: но отдаемъ полную справедливость его многимъ чрезвычайно мѣткимъ замѣчаніямъ, направленнымъ противъ монголистовъ и норманистовъ.

докъ. Въ прошлой статьѣ мы уже указывали на то, что съ помощью натяжекъ эти имена объясняются изъ нарѣчій скандинавскихъ, что съ помощью такихъ же натяжекъ они были объясняемы изъ языковъ литовскаго и венгерскаго и *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Слѣдовательно перевѣсъ должна рѣшить сумма данныхъ *историческихъ*. Эта сумма рѣшительно на сторонѣ славяно-русской, а не норманской.

Чтобы сдѣлать вопросъ о порогахъ чисто филологическимъ, норманистамъ слѣдовало доказать, что имена эти легко и *исключительно* объясняются изъ скандинавскихъ языковъ. Но такой исключительности они не доказали; а за исходный пунктъ своихъ объясненій берутъ все-таки не филологію, а исторію. Но чтó же это за исторія? Такъ какъ, говорятъ они, несомнѣнно, что Норманны плавали изъ Балтійскаго моря въ Черное, то необходимо они должны были и дать свои названія Днѣпровскимъ порогамъ; а затѣмъ имена ихъ поднимаютъ на этимологическую дыбу (употреблю ихъ любимое выраженіе) и вымучиваютъ изъ нихъ нѣмецкіе звуки. Но ихъ исходный пунктъ совершенно ложный. Вопервыхъ, еслибъ и плавали, то мы не видимъ необходимости давать свои географическія названія въ чужой землѣ; это можетъ быть, можетъ и не быть. А главное, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы Норманны въ сколько-нибудь значительномъ числѣ плавали по Днѣпру въ Византію ранѣе второй половины X вѣка, слѣдовательно и ранѣе того времени, когда писалъ Константинъ Багрянородный. Въ нашихъ лѣтописяхъ (оставивъ въ сторонѣ легенду о призванныхъ Варягахъ) первое достовѣрное извѣстіе о ихъ плаваніи въ Византію относится къ княженію Владиміра Св. Послѣ завоеванія Кіевскаго стола съ помощью Варяговъ, онъ часть ихъ отпустилъ въ Грецію. И съ этимъ извѣстіемъ поразительно согласны всѣ иноземныя свидѣтельства. По исландскимъ сагамъ, Норманны начинаютъ посѣщать Кіевъ тоже не ранѣе времени Владиміра; а о плаваніи по Днѣпровскимъ порогамъ саги совсѣмъ молчатъ; у Византійцевъ первое упоминаніе о Варягахъ относится къ XI столѣтію; у Арабовъ слово Варанкъ тоже появляется только въ XI вѣкѣ. Константинъ Багрянородный при описаніи пороговъ ничего не говоритъ о Норманнахъ или о пути изъ Балтійскаго моря; онъ прямо указываетъ на Новгородъ какъ на самый сѣверный

пунктъ, откуда Руссы начинаютъ свое путешествіе въ Византію. Мы уже замѣтили, что самое путешествіе это могло совершаться только послѣ объединенія сѣверной и южной Руси подъ властію одного княжескаго рода. Значительная часть пути шла кромѣ того не водой, а сушей по огромнымъ волокамъ, черезъ которые проѣзжали на телѣгахъ (какъ свидѣтельствуетъ договоръ Смоленска съ Ригою и Готскимъ берегомъ). Изъ расказа Константина ясно видно, что русскіе суда строились зимою на притокахъ Днѣпра, а весною сплавлялись къ Кіеву. Новогородскія суда никогда и не проходили въ Днѣпръ. Вообще путешествіе это совершалось съ такими препятствіями, что по прямому свидѣтельству Адама Бременскаго, даже и въ XI вѣкѣ сѣверные Европейцы предпочитали ему морской объѣздъ въ Грецію вокругъ западной Европы. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласуются и скандинавскія саги, расказывающія о путешествіяхъ Норманновъ въ Константинополь и Святую Землю. Изъ тѣхъ же сагъ можно заключить, что на своихъ морскихъ судахъ Скандинавы доѣзжали до Ладоги (Альдейгаборгъ) и можетъ-быть до Новгорода, но не далѣе. (Плаваніе по Волхову противъ теченія было затруднительно по причинѣ пороговъ). Какихъ же нужно еще доказательствъ тому, что Норманны ранѣе Владиміра не плавали караванами по Днѣпровскимъ порогамъ? О возможныхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы не говоримъ; эти случаи не могутъ установить цѣлую систему географическихъ названій, употребленіе которыхъ вошло въ такую силу, что было извѣстно и при дворѣ Византійскомъ (гдѣ, какъ мы сказали, о Варягахъ нѣтъ и помину до XI вѣка). А чтобъ они когда-либо проходили изъ Балтики въ Днѣпръ на собственныхъ корабляхъ, о томъ не можетъ быть и рѣчи *.

---

* Пусть крайній норманизмъ, вмѣсто всѣхъ поверхностныхъ разглагольствій и голословныхъ увѣреній, попытается доказать сколько-нибудь научнымъ образомъ хотя только одно изъ своихъ положеній: что Норманны плавали по Днѣпровскимъ порогамъ ранѣе извѣстій Константина Багрянороднаго. Мы говоримъ *научнымъ образомъ*, т.-е. не одною только ссылкой на легендарныя извѣстія нашей лѣтописи о Варягахъ и Варягоруссахъ; ибо весь вопросъ заключается въ томъ: подтверждаются ли эти извѣстія какими-либо свидѣтельствами несомнѣнно историческими, а не баснословными?

Въ какомъ видѣ дошли до насъ названія пороговъ?

Въ значительно искаженномъ. Въ чемъ убѣждаетъ и сравненіе съ другими географическими названіями у Константина, также не рѣдко искаженными. И замѣчательно, что тамъ гдѣ Константину приходится упоминать о какихъ-либо географическихъ названіяхъ два или три раза, то иногда во всѣхъ этихъ случаяхъ являются варіанты. Напримѣръ, племена платившія дань Руси въ одномъ мѣстѣ названы Кривитены и Ленцанины; въ другомъ Кривичи, Сервы, Вервяны, Друнгувиты; въ третьемъ Ультины, Дервленины, Ленценины. Такъ какъ имена пороговъ онъ упоминаетъ только одинъ разъ, то мы не имѣемъ никакой возможности провѣрить ихъ и установить сколько-нибудь опредѣленное чтеніе; а съ позднѣйшими именами пороговъ слова обѣихъ параллелей расходятся такъ далеко (за исключеніемъ Ненасытецкаго), что и съ этой стороны почти также нѣтъ помощи. Что имена искажены, лучше всего свидѣтельствуютъ славянскія названія; три изъ нихъ (Неясыть, Островунипрагъ и отчасти Вульнипрагъ) еще могутъ быть понятны; три другихъ (Есупи, Геландри и Веруци) дѣлаются понятными только вслѣдствіе приложенныхъ переводовъ; а одинъ (Напрези) остается совершенно темнымъ, несмотря на греческій переводъ. Точно также одно изъ русскихъ названій (Леанти) не поддается никакому словопроизводству. Впрочемъ объ ошибкахъ Константина въ описаніи пороговъ никто не сомнѣвался даже и между норманистами. Да можно ли и требовать отъ Византійскаго императора, чтобъ онъ вѣрно описалъ пороги въ X в., когда ихъ невѣрно описалъ, напримѣръ, Бопланъ въ XVII вѣкѣ, лично ихъ видѣвшій. Итакъ данныя въ этомъ отношеніи слишкомъ неточны, чтобы дѣлать изъ нихъ точные выводы, и однако норманисты ихъ дѣлаютъ.

Вопервыхъ, они задались тѣмъ положеніемъ что такъ-называемыя русскія названія не суть варіанты славянскихъ, а ихъ переводы, хотя Константинъ нигдѣ о томъ не говоритъ и просто предлагаетъ переводъ послѣ каждаго славянскаго названія. Во вторыхъ, онъ называетъ русскими пять пороговъ, а норманисты прибавляютъ къ нимъ и остальные два (Есупи и Геландри). О первомъ изъ нихъ, Есупи, Константинъ говоритъ что онъ по-русски и по-славянски значитъ „не спи.“ Кажется ясно что это славянское слово или по крайней мѣрѣ славян-

ческое осмысленіе, и его одного достаточно для доказательства, что и русскія названія суть тоже славянскія; ибо гдѣ же въ двухъ разныхъ языкахъ можно найти двѣ тождественныя глагольныя формы, да еще такія формы какъ повелительное наклоненіе? Однако норманисты и тутъ ухитрились: съ помощью разныхъ германскихъ нарѣчій они сочинили повелительное наклоненіе съ двойнымъ отрицаніемъ, ne suef-e (что̀ будетъ значить: нѣтъ! не спи!), и пустили его въ параллель со славянскимъ глаголомъ. Не говоря уже о такой вопіющей натяжкѣ, мы думаемъ, что тутъ и самое славянское слово не вѣрно. Ибо сколько мы ни искали аналогіи въ славянорусскомъ языкѣ этому названію, однако не нашли. Укажите въ нашемъ языкѣ хотя одно географическое названіе въ повелительномъ наклоненіи и притомъ въ такомъ простомъ односложномъ видѣ. Въ лѣтописяхъ, и то не ранѣе XIII вѣка, мы находимъ нѣкоторыя прозвища, впрочемъ не топографическія, а личныя, происшедшія изъ повелительнаго наклоненія въ соединеніи съ другимъ словомъ, напримѣръ, Молибоговичи, Держикрай Володиславичъ. А для такой формы какъ Несшя рѣшительно не видимъ аналогіи и, что̀ ни говорите, такое названіе совершенно не въ духѣ русскаго языка (на эту странность уже указалъ отчасти г. Юргевичъ. Зап. Од. Об. И. и Д. VI). Отъ XVI вѣка названіе этого порога дошло до насъ въ формѣ *Будило* (Кн. Б. Чертежа). Такая форма намъ понятна и совершенно гармонируетъ съ лѣтописными Твердило, Нездило и т. п. Мы дѣлаемъ предположеніе: вѣроятно объясненіе названія или осмысленіе его Константинъ принялъ за самое названіе.

Второе имя, не имѣющее параллели, это *Геландри*. Норманисты подыскали ему близкое созвучіе въ исландскомъ языкѣ, giallandi и giallandri (звенящій). Но какъ нарочно Константинъ не говоритъ, что это названіе русское; а просто замѣчаетъ, что по-славянски оно означаетъ „шумъ порога“ (ἦχος φραγμοῦ). Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ русское названіе предваряетъ словомъ *по-русски*; переводъ же греческій вездѣ ставитъ вслѣдъ за славянскимъ названіемъ. На этомъ основаніи антинорманисты отчисляютъ его къ такъ-называемымъ славянскимъ названіямъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право считать его, какъ и Есупи, названіемъ общимъ, то-есть славянорусскимъ, и искать ему объясненія въ славянорусскомъ языкѣ. Уже г. Костома-

ровъ во время спора съ г. Погодинымъ сдѣлалъ предполо-
ніе, не скрывается ли въ этомъ названіи корень гулъ? Мы ду-
маемъ что это сближеніе довольно удачное; а потому еще въ
первой статьѣ предложили названіе Гуландарь или Гуландр.
Если русскому человѣку придется назвать предметъ издающій
гулъ, то онъ по всей вѣроятности скажетъ или Гудило, или
Гуландря *.

Относительно параллельныхъ названій норманисты, какъ ска-
зано, задались положеніемъ, что русскія названія представля-
ютъ переводъ славянскихъ, и по этому поводу прибѣгаютъ къ
всевозможнымъ натяжкамъ. Русское *Улворси* стоитъ противъ
славянскаго *Островунипрагъ*. Но что, кажется, общаго между
улъ и *островъ*? Однако они усиливаются доказать, что эти сло-
ва однозначащія; только нужно сдѣлать маленькое измѣненіе:
ул обратить въ *хольмъ*. Holm въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ
значитъ островъ, а fors водопадъ; слѣдовательно получимъ *holm-*
fors, что и будетъ соотвѣтствовать порогу Островуну. Такое
произвольное превращеніе нисколько не оправдывается тѣми
соображеніями, что *ао* въ греческомъ *можетъ* обратиться въ
у, а *м* предъ β пропасть. Мало ли что можетъ быть, однако
не всегда бываетъ, и особенно это можно сказать о собствен-
ныхъ именахъ. Если чуждыя имена переходятъ въ народное
употребленіе, то народъ болѣе или менѣе переработаетъ ихъ
сообразно съ правилами своей фонетики; но образованный че-
ловѣкъ записываетъ иноземное названіе приблизительно такъ

---

* Что такая форма нисколько не чужда русскому языку, на то ука-
зываютъ и теперь еще употребляемыя слова въ родѣ: глухандарь или
глухандря, слѣпандря и т. п. Эти формы—остатокъ старины—существу-
ютъ до сихъ поръ, и вы изъ народнаго языка ихъ никакъ не изгони-
те, а потому предложенная мною форма *возможна*. Въ такомъ темномъ
вопросѣ, какъ названіе пороговъ, мы по необходимости должны вращать-
ся только въ сферѣ возможнаго, а никакъ не положительнаго. Если же
иногда можно подыскать въ нѣмецкихъ языкахъ слово близкое по зву-
ку и даже по смыслу въ родѣ giallandi, то при родствѣ индо-европей-
скихъ корней мы не находимъ ничего удивительнаго (притомъ это не
повелительное наклоненіе). Кстати укажемъ и на другое созвучіе сло-
ву Геландри: Хиландарь, сербскій монастырь на Аѳонѣ. Для возможна-
го объясненія порога Геландри укажемъ еще на глаголъ *уландать*, ко-
торый по словарю Даля въ Олонец. губ. значитъ: выть, вопить, завы-
вать. Послѣднее очень подходитъ къ толкованію Константина Б: шумъ
или гулъ порога.

какъ его слышитъ; онъ могъ ослышаться, смѣшать иноземное слово съ своимъ, если оно близко, и наконецъ просто ошибиться; но такая искусственная передѣлка какъ *холмъ* въ *ул* невѣроятна. У Константина мы встрѣчаемъ названіе славянскаго племени Οὐλτῖνοι, и узнаемъ въ нихъ Угличей; но если, по примѣру норманистовъ, вмѣсто *ул* предположить *холмъ*, то получимъ Холмичи, небывалый у насъ народъ. Въ первой статьѣ своей, для объясненія Ульворси или Улборси между прочимъ мы предложили вмѣсто *ул* читать *вулн*; что́ намъ кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ *holm*. Тогда въ греческой передачѣ здѣсь пропало только начальное *в*; а *н* пропало уже въ самомъ русскомъ выговорѣ, то-есть вмѣсто Вулнборъ говорилось Вулборъ или Вулборсъ; что́ согласно съ духомъ русской фонетики. (Такъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ *пѣстворецъ* вмѣсто *пѣсктворецъ*). Первоначальная полная форма его вѣроятно была Вулниборъ или Вулниборсъ. Въ такомъ случаѣ это слово надобно поставить въ параллель съ славянскимъ *Вулнипрагъ*. (А въ послѣдствіи оба они обратились въ *Вулнъвъ*) *.

* Какое чтеніе надобно предпочесть, Улворси или Улборси, мы не рѣшаемъ: въ старыхъ славяно-русскихъ названіяхъ вмѣсто *боръ* встрѣчается и *воръ*, такъ: Ракоборъ или Раковоръ; слѣдовательно можно предположить и форму Вулниворсъ. Буква *с* встрѣчалась у насъ въ нѣкоторыхъ словахъ, въ которыхъ послѣ пропала. (Такъ мы говоримъ теперь *туръ*, а прежде существовала форма *турсъ*). На существованіе старинной формы *борсъ* или *борзъ*, преимущественно въ примѣненіи къ быстрому теченію, можетъ указывать и прилагательное *борзый* (р. Борзна лѣв. пр. Десны). А что форма Вулборзъ возможна въ славянскомъ языкѣ, то уже г. Юргевичъ указалъ на существованіе рѣки Волборза въ Мазовіи (притокъ Нарева) и на имя новгородскаго боярина XIII вѣка Воиборзова или Волборзова. Шафарикъ приводитъ древнеславянское имя *Волборъ* (I. 96). Въ рус. лѣтописи встрѣчается еще подъ 1169 г. имя южнорусскаго боярина *Войборъ*; кромѣ того въ Вологод. губ. есть рѣка *Волбожъ* (Шегренъ—Зыряне. 300). Норманисты говорятъ, будто русскія названія пороговъ противны славянскому языку. Вопервыхъ, нашъ настоящій выговоръ значительно удалился отъ X вѣка; вовторыхъ, эти названія искажены; а втретьихъ, если читать ихъ такъ какъ есть (не дѣлая превращеній въ родѣ *ул* въ *холм*), то они еще менѣе подходятъ къ духу нѣмецкаго языка. Напримѣръ возьмемъ чтеніе Улборси; оно ужь конечно будетъ напоминать не скандинавское holmfors, а скорѣе названіе кавказской горы Элбурсъ или Элбрусъ. Въ славяно-русскомъ языкѣ безъ сомнѣнія найдется болѣе восточныхъ звуковъ чѣмъ въ сѣверно-нѣмецкомъ. Самое слово *волна* въ древнерус. языкѣ могло

Подобную перестановку мы можемъ предложить на томъ основаніи, что у Константина Багрянороднаго параллель не вездѣ вѣрно проведена. Въ томъ особенно убѣждаетъ насъ русское *Струвунъ*, которое стоитъ противъ славянскаго *Напрези*; а послѣднее будто значитъ малый порогъ. Это Напрези, какъ мы сказали, остается для насъ совершенно непонятнымъ, хотя оно названо славянскимъ и представленъ его переводъ. Какъ ни усиливались норманисты Струвунъ превратить въ искусственно составленное слово Strondbun, однако они сами сознаются, что это толкованіе натянуто. По нашему мнѣнію, Струвунъ поставленъ не на мѣстѣ; вѣроятно, это не болѣе какъ другая форма Островунъ; слѣдовало сказать: по-русски Струвунъ, по-славянски Островунъ-порогъ. Г. Погодинъ возражаетъ что это просто созвучіе. Въ такомъ случаѣ Вручій и Овручъ будетъ тоже созвучіе? Итакъ не нужно сочинять никакого holmfors, когда для Островуна есть весьма близкій ему варіантъ Струвунъ *.

Противъ Вулниправъ у Константина стоитъ *Варуфоросъ*. Норманисты предлагаютъ сдѣлать изъ него *Барфорсъ*; такъ какъ *bar* на исландскомъ языкѣ значитъ волна (греческое β они читаютъ то *в*, то *б*, смотря по своимъ натяжкамъ, а вторую часть имени *fors* находятъ и въ Ульворси и въ Варуфоросъ. Но почему же Константинъ ихъ различилъ, еслибъ это были *holmfors* и *barfors*? Тогда какъ онъ одинаково пишетъ второе слово въ Островуни-*правъ* и Вулни-*правъ*). Почему же греческое

произноситься безъ *в*, т. е. *олна* или *улна*; корень здѣсь конечно *ул*, также какъ въ древнескандинавскомъ *ula* (готское vula). Кромѣ рѣки *Улы* мы имѣемъ тотъ же корень съ словомъ: *улица*, *переулокъ*, *улей* и т. п. Въ іотированной формѣ отсюда слово *юла*, *юлить*, означающее метаться, суетиться; что очень подходитъ къ порогу. *Борсъ* вѣроятно находится въ связи съ корнемъ *бор*, откуда *борьба*; а *ворсъ* м. б. сродни слову *воротъ*. Укажу еще на слово *вёрозь*, которое по словарю Даля въ арханг. нарѣчіи означаетъ мелкую снѣжную пыль, *ворса* пушекъ, *вёрехъ*, *ворошить*. Слѣдовательно Улворси можетъ значить или волноворотъ или косматую пушистую волну.

* Древнѣйшая форма слова *островъ*, по всей вѣроятности была *струвъ*. По этому поводу укажемъ на свидѣтельство Герберштейна, что островъ образуемый рукавомъ Оки у Переяславля Рязанскаго назывался *Струбъ* (кстати, норманисты читаютъ у Константина Багрянороднаго *Струбунъ* вм. *Струвунъ*). А можетъ быть Струвунъ значитъ собственно «стремнистый» порогъ. Отъ корня *стры* равно происходитъ и *струя* и *стремя*.

форос должно непремѣнно означать скандинавское *fors*? Г. Юргевичъ указалъ на существованіе въ венгерскомъ языкѣ слова *forras*, означающаго водяной валъ. А Угры и Русскіе долго жили въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ на берегахъ порожистыхъ рѣкъ южной Россіи, и нисколько неудивительно, если подобное слово употреблялось тѣми и другими. Наконецъ, не только близкую къ русскому *форосъ*, но и тождественную съ нимъ форму, мы можемъ указать въ греко-латинскомъ *phoros*, употреблявшемся въ смыслѣ протокъ, проливъ, бродъ и пр.; оно встрѣчается въ сложномъ имени *Bosphoros* (Бычій бродъ, Воловій переѣздъ и т. п). Это слово особенно въ его формѣ *poros* довольно близко къ нашему *порогъ* (множ. числа *порози*). Въ русскомъ языкѣ и теперь есть довольно словъ очень близкихъ къ греческимъ; а въ IX и X вѣкахъ несомнѣнно было еще болѣе. Форма *форосъ* могла также существовать и помимо слова *порогъ* и потомъ угаснуть въ русскомъ языкѣ, какъ угасли многія старыя формы *. Итакъ форму второй половины названія оставляемъ вопросомъ; но первую, *варъ*, мы можемъ принять въ ея буквальномъ смыслѣ, то-есть, вареніе, жаръ. Въ такомъ случаѣ Варуфоросъ означаетъ Варовой порогъ и будетъ соотвѣтствовать не Вулнипрагъ, а другому славянскому названію, также происходящему отъ врети или варити, *Веручи* или *Вручій*, который, по объясненію Константина, значитъ кипѣніе. Параллельное съ Веручи русское названіе *Леанти* Лербергъ производилъ отъ глагола landen — приставать къ берегу; а, чтобъ указать какое-нибудь соотвѣтствіе съ словомъ Вручій, дѣлаетъ догадку что, приставъ къ берегу, путники тутъ *варили* себѣ пищу! Это такое неестественное толкованіе, что сами норманисты не рѣшаются его повторять. Леанти до сихъ поръ необъяснимъ ни изъ какого языка, и по всей вѣроятности не имѣетъ никакого отношенія къ слову Веручи.

Четвертый порогъ Константинъ Багрянородный называетъ по-русски *Эйфаръ* или *Айфаръ* (Αειφαρ), по-славянски *Неясыть* и переводитъ послѣднее птицею пеликанъ. Въ славянской Библіи пеликанъ дѣйствительно переводится словомъ неясыть. Но что

---

* Мимоходомъ упомянемъ, что на южномъ берегу Крыма есть скалистый мысъ *Форосъ*. Вѣроятно это остатокъ греческихъ названій. Но на югѣ Россіи встрѣчается притокъ Дона *Ѳорасанъ*. Это уже не греческое названіе.

такое Айфаръ? Лербергъ видѣлъ въ немъ исландское прилагательное *aefr*—горячій. Но это толкованіе слишкомъ неудовлетворительно, и въ послѣдствіи отвергнуто норманистами. Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ слова айфаръ; да Скандинавы и не знали пеликановъ, потому что эта птица у нихъ не водится. Но за то въ голландскомъ языкѣ нашлось слово ôievâr, которое произносится ujefar (аистъ). На немъ норманисты остановились, и въ подкрѣпленіе своего положенія приводятъ еще то обстоятельство, что Петръ Великій далъ одному изъ кораблей построенныхъ въ Воронежѣ названіе *Айфаръ* или *Ойфаръ*. Замѣтьте, какая комбинація. Норманны пеликановъ не знали, названія для нихъ не имѣли; однако надобно же имъ было какъ-нибудь перевести славянское неясыть, и вотъ они заимствуютъ у Фризовъ слово, означающее аиста. Между тѣмъ г. Костомаровъ по поводу этого названія указалъ въ литовскомъ языкѣ слово *Ajtwaros*, означающее какую-то морскую или водяную птицу. А по указанію Нарбута, то же имя встрѣчается въ литовской миѳологіи. Литовскій языкъ близокъ къ славянскому и сохраняетъ многія слова, вышедшія изъ употребленія въ послѣднемъ. Теперь у насъ не слышно слово айфаръ; но это не доказываетъ что его никогда и не было. Одна поэма о Полку Игоревѣ сколько представляетъ славяно-русскихъ словъ вышедшихъ потомъ изъ употребленія! Тамъ есть и такія, которыя не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ памятникѣ (напр. *карна* и *шереширы*). А между тѣмъ эта поэма на два съ половиною вѣка ближе къ намъ, чѣмъ извѣстіе Константина. *

---

* Въ какомъ-либо углу Россіи или въ какомъ-нибудь письменномъ памятникѣ можетъ-быть современемъ и отыщется слово айфаръ, если не въ томъ же видѣ, то въ измѣненномъ. А пока будемъ довольствоваться литовскимъ ajtwaros; норманизмъ оставался при одномъ прилагательномъ aefr, пока въ голландскомъ языкѣ не отыскалось подходящее названіе. При извѣстномъ переходѣ *р* въ *л*, не имѣетъ ли сюда отношенія встрѣчающееся въ лѣтописяхъ имя или прозваніе новогородскаго боярина Айфала или Анфала въ XIV вѣкѣ? Вѣроятно видоизмѣненіемъ этого имени является и Афаилъ, одинъ изъ устюжскихъ князей (Труды Об. И. и Д. ч. III кн. I).

Въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1872, апрѣль, Я. К. Гротъ помѣстилъ филологическую замѣтку о словахъ Аистъ и Айфаръ (направленную въ защиту норманизма, противъ моей статьи *О мнимомъ призваніи Варяговъ)*. При всемъ нашемъ уваженіи къ издателю Державина, мы не согласны съ его

Подведемъ итогъ нашимъ соображеніямъ о русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ.

филологическими выводами. Въ основу своего мнѣнія авторъ кладетъ ту же предвзятую идею: «Что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ—говоритъ онъ,—остается неопровержимымъ фактомъ; а въ такомъ случаѣ естественно было именовать пороги посвоему, переводя туземныя названія на родной языкъ». Выше мы указали всю несостоятельность этой предвзятой идеи; но почти то же самое было уже сказано и въ первой нашей статьѣ, то-есть, что Норманны не ѣздили и не могли ѣздить по Днѣпру прежде существованія Русскаго государства; а когда получили возможность ѣздить, то *русскія* названія уже существовали. Слѣдовательно, надобно было прежде опровергнуть мои доказательства, а потомъ уже называть фактъ *неопровержимымъ*. У меня было сказано, что самый переводъ названій пороговъ съ славянскаго языка на скандинавскій невѣроятенъ и что исторія не представляетъ намъ аналогіи: «Если можно найти тому примѣры, то очень не многіе и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ». Г. Гротъ находитъ у меня противорѣчіе; то-есть что я въ одно время и допускаю переводы и не допускаю, и приводитъ примѣры въ родѣ Медвѣжья Голова (Оденпе), Новгородокъ (Нейгаузенъ) и пр. Но именно подобные отдѣльные случаи, и притомъ относящіеся болѣе къ городамъ, мы имѣли въ виду, дѣлая свою оговорку. Чтобъ опровергнуть наше положеніе, слѣдовало представить для аналогіи съ Днѣпровскими порогами не отдѣльные случаи, а цѣлую группу переводныхъ географическихъ названій, сосредоточенныхъ въ одной мѣстности (да еще по возможности съ повелительнымъ наклоненіемъ). Не можемъ согласиться и съ разсужденіемъ почтеннаго автора о словѣ *аистъ*. Изъ его же замѣтки видно, что аистъ преимущественно водится въ южной Россіи и ни на какомъ иностранномъ языкѣ аистомъ не называется. Тѣмъ не менѣе авторъ говоритъ: «Изъ всего сказаннаго можно, кажется съ полною увѣренностію заключить, что слово аистъ не русскаго происхожденія. Не кроется ли въ немъ восточное начало?» А выше онъ замѣчаетъ объ этомъ словѣ что «судя по первой его буквѣ, оно не можетъ быть русскимъ». Признаемся, мы рѣшительно не видимъ почему начальная буква *а* мѣшаетъ ему быть русскимъ? Почему оно должно быть восточнаго происхожденія? Что̀ значитъ собственно русское происхожденіе? Корни, то-есть происхожденіе русскихъ словъ, отыскиваются не въ одномъ только русскомъ языкѣ, а при сравненіи ихъ съ другими славянскими и вообще съ индоевропейскими. Напримѣръ, слово *Богъ* необъяснимо изъ одного русскаго языка; слѣдуетъ ли отсюда, что это слово не русское? Форма аистъ нисколько не противна нашему уху; а приводимые авторомъ варіанты этого названія даютъ возможность рѣшить, что оно не чужое, а свое собственное, славянское: въ югозападныхъ губерніяхъ аиста называютъ *гайстеръ*, а въ словарѣ Линде онъ названъ *hajstra*. (Польское hajstra собственно означаетъ сѣрую цаплю). Если въ словѣ гайстеръ сократить

Названія эти дошли въ искаженномъ видѣ. Мало того, параллель у Константина не вездѣ вѣрна. Мы имѣемъ право предложить свои исправленія къ тексту конечно не менѣе чѣмъ норманисты, которые также предлагаютъ свои исправленія чуть не къ каждому слову, и даже сочиняютъ названіе котораго нѣтъ у Константина. Именно, по поводу Геландри они предполагаютъ ошибку писца; въ текстѣ, по ихъ мнѣнію, стояло: по-русски Геландри, по славянски *Звонецъ*; послѣднее названіе они заимствуютъ изъ позднѣйшаго времени. (На томъ же основаніи, пожалуй можно, не прибавляя лишняго названія, замѣнить одно ихъ словомъ извѣстнымъ также изъ болѣе поздняго времени, то-есть вмѣсто страннаго *Не спи* поставить *Будило*). Мы въ правѣ предложить славянскія толкованія для русскихъ названій уже въ силу того, что нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о плаваніи Норманновъ по Днѣпру прежде появленія въ исторіи Днѣпровской Руси, а слѣдовательно и прежде появленія русскихъ названій. Мы даже думаемъ, что русскія названія древнѣе славянской параллели и представляютъ обломки очень далекой старины, и русская филологія современемъ можетъ-быть воспользуется ими, когда освободится отъ тумана, напущеннаго норманизмомъ. Поправки свои и соображенія относительно пороговъ мы предложимъ въ слѣдующемъ выводѣ:

послѣдній слогъ, то по требованію нашего уха надобно будетъ продолжить первый; получимъ гаистръ; а какъ придыханіе иногда употребляется, иногда его не слышно: получимъ *аистръ*. Слѣдовательно корень этого слова будетъ *истр* (съ перегласовкой *стры*), корень весьма распространенный въ русскомъ и вообще славянскомъ языкѣ. Буква *р* по духу нашего языка можетъ пропадать въ скоромъ выговорѣ; напримѣръ у насъ есть рѣка *Истра*, а также рѣка *Иста* или *Истья*. (По мнѣнію П. А Безсонова, *асыть* въ словѣ не-асыть есть то же что́ *аистъ* и тотъ же корень заключается въ словѣ *ястребъ)*.

Вообще существовавшая доселѣ у насъ привычка толковать иностраннымъ происхожденіемъ многія слова, какъ скоро они представляютъ какое-либо затрудненіе для своего объясненія — эта привычка должна быть оставлена или значительно умѣрена, уже по тому самому, что весь лексическій запасъ русскаго и вообще славянскаго языка далеко не приведенъ въ извѣстность.

Относительно названія одного изъ Петровыхъ кораблей Аифаромъ надобно сдѣлать оговорку, что его голландское происхожденіе есть все-таки догадка; источники о томъ ясно не говорятъ. Рядомъ съ Аифаръ мы встрѣчаемъ также и корабль Аистъ, что́ совсѣмъ не голландское слово.

Два порога имѣли общее славяно-русское названіе: 1) Есупи и 2) Гуландри. 3) Противъ славянскаго Островунъ-порогъ ставимъ русское Струвунъ. 4) Противъ славянскаго Вулнипрагъ русское Вулборзъ (или Вулниборзъ). 5) Противъ славянскаго Вручій русское Вару-форосъ (Варовой порогъ или Варовой протокъ). 6) Славянское Неясыть, русское Айфаръ. 7) Славянское Напрези и русское Леанти оставляемъ необъяснимыми. *

Послѣ первой статьи, въ виду того, что норманизмъ преимущественно ищетъ поддержки въ доказательствахъ филологическихъ, такъ какъ въ историческихъ ему нѣтъ спасенія, мы снова подвергли пересмотру вопросъ о порогахъ, и предлага-

---

* Ихъ необъяснимость однако не избавляетъ филологовъ и историковъ отъ обязанности дѣлать попытки для разъясненія. Для Леанти укажемъ на одинъ островъ, лежащій въ порогахъ Днѣпра, именно Лантуховъ (о чемъ мимоходомъ упоминаетъ и Лербергъ). Для Напрези напомнимъ названіе самой рѣки Днѣпра, которое произносилось и просто Нѣпръ. Въ греко-латинской передачѣ его старая форма была *Danaper* или *Danapris*; отбросивъ первый слогъ, получимъ Napris, и дѣйствительно у Плано-Карпини онъ названъ Neper. Рѣка Днѣпръ имѣла въ разное время у разныхъ народовъ и различныя названія. Такъ въ древнѣйшій греческій періодъ извѣстій о Скиѳіи она называлась Бористенъ; потомъ является подъ именемъ Днѣпра; но у кочевыхъ народовъ, Угровъ и Печенѣговъ, она именовалась Атель, Узу и Барухъ или Варухъ (Βαρουχ). Это послѣднее названіе можетъ-быть скрывается и въ имени порога Вару-форосъ; очевидно оно происходитъ отъ того же корня какъ Варучій или Вручій, и конечно перешло къ Печенѣгамъ отъ болѣе раннихъ туземцевъ, то-есть отъ Русскихъ. Отсюда можно заключить, что у Русскихъ варіантомъ Днѣпру (или порожистой части его) служило когда-то названіе Баручій, Варучій или Вручій. (Въ древней Россіи были города Вручій и Баручъ). Что Печенѣги заимствовали это названіе отъ болѣе раннихъ туземцевъ, показываютъ тутъ же рядомъ приведенныя у Константина Багрянороднаго названія другихъ рѣкъ: *Кубу* (Бугъ или Гупанисъ, въ другомъ мѣстѣ, именно на Кавказѣ, также перешедшее въ Кубань), *Труллосъ* (Днѣстръ или прежній Турасъ), *Брутосъ* (Прутъ), *Серетосъ* (Серетъ). Эти примѣры подтверждаютъ нашу мысль что въ вопросѣ о старыхъ географическихъ названіяхъ филологія шагу не можетъ сдѣлать безъ исторіи. Еслибы, наоборотъ, филологія употреблявшіяся Печенѣгами названія отнесла къ печенѣжскому языку, и начала на этомъ основаніи строить выводы о народности Печенѣговъ, то что бы изъ того вышло? Любопытно, что *Турлосъ или Турла* и до сихъ поръ означаетъ у Турокъ Днѣстръ.

емъ теперь свои соображенія. Если они окажутся не вполнѣ удачными, то можетъ-быть кто-либо другой современенъ предложитъ болѣе удачныя. По крайней мѣрѣ прежде насъ почти никто не дѣлалъ серіозной попытки искать этихъ объясненій въ славяно-русскомъ языкѣ (о нѣкоторыхъ попыткахъ см. у Эверса). Норманизмъ началъ свои филологическія толкованія болѣе ста лѣтъ тому назадъ; въ теченіе этого времени онъ потратилъ много усилій и нѣсколько разъ измѣнялъ свои поправки; а въ результатѣ все-таки остается при Ne-suefe, Holmfors и Strondbun! Тѣмъ не менѣе всякую попытку объяснять имена изъ другихъ (не германскихъ) языковъ онъ встрѣчаетъ возгласами, что это не научно, что это натяжки, предвзятая идея и т. п. Мимоходомъ напомнимъ, что родоначальникомъ филологическихъ доводовъ норманской школы и вмѣстѣ ея основателемъ былъ академикъ Байеръ, о которомъ остроумный Шлецеръ замѣтилъ: „Этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по-русски". Лербергъ, отличный изслѣдователь въ области древней географіи, своимъ сочиненіемъ о Днѣпровскихъ порогахъ не обнаружилъ свѣдѣній въ славяно-русской филологіи. Да она не считалась особенно нужною для Норманской школы: вѣдь Русь пришла изъ Скандинавіи!

Повторяю, въ такомъ темномъ вопросѣ какъ Днѣпровскіе пороги невозможно обойтись безъ натяжекъ, пока наука попадетъ на сколько-нибудь удовлетворительное его рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ свои натяжки болѣе сносными, чѣмъ натяжки норманистовъ. Мы имѣемъ притомъ на своей сторонѣ историческіе факты, убѣждающіе что Русь была туземное племя, а не пришлое откуда-то изъ-за тридевять земель. Что касается до различія, которое дѣлаетъ Константинъ Багрянородный между *русскими* и *славянскими* названіями, то мы уже представили на этотъ счетъ объясненія въ первой статьѣ. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Русью назывались по преимуществу обитатели кіевскаго Приднѣпровья. Кіевская Русь никогда не называла себя Славянами, и именемъ своимъ различала себя отъ другихъ покоренныхъ ею славянскихъ племенъ. Она употребляла иногда географическія названія отличныя отъ другихъ Славянъ (то-есть имѣла свои варіанты). Примѣръ тому находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ сказано что рѣка Ерелъ (Орель) у Руси зовется Уголъ.

Только крайній норманизмъ способенъ утверждать будто *уголъ* слово не славянское, а скандинавское (хотя по византійскимъ свидѣтельствамъ, это слово какъ географическое названіе встрѣчается уже въ VII вѣкѣ). Названіе Уголъ утратилось, а Орель осталось; это подтверждаетъ нашу мысль, что русскія названія пороговъ можетъ-быть древнѣе славянскихъ. Русскій говоръ имѣлъ свои отличія отъ другихъ сосѣднихъ Славянъ; такъ что для иноземнаго уха почти тождественныя слова могли иногда показаться различными. Русскія названія не суть переводы славянскихъ. Въ двухъ случаяхъ они тождественны; а въ трехъ другихъ представляютъ небольшіе варіанты (Вулнипрагъ и Вулниборзъ, Варучій и Вару-форосъ, Островунъ и Струвунъ). Аналогію съ ними можно предложить, составивъ параллель въ такомъ родѣ: по-русски *восходъ*, по славянски *востокъ*, *западъ* и *заходъ* и т. п. Въ одномъ случаѣ мы видимъ два разныя слова: Айфаръ и Неясыть (о Леанти и Напрези не говоримъ). Но еслибы кто сказалъ: по-русски *топоръ*, по-славянски *сѣкира*; развѣ изъ того слѣдуетъ что топоръ не славянское слово?

Какому именно говору принадлежатъ такъ-называемыя славянскія названія пороговъ, трудно рѣшить окончательно. (Рѣшеніе см. ниже) *.

---

* Наиболѣе достовѣрный памятникъ нашей древней письменности, Русская Правда, употребляетъ тѣ же два племенные термина: *Русинъ* и *Словенинъ*. Замѣчательно въ этомъ отношеніи извѣстное мѣсто о парусахъ въ походѣ Олега на Царьградъ. Походъ очевидно легендарный; такъ какъ подробности его сами по себѣ невѣроятны, а Византійцы о немъ совершенно молчатъ. (Крайній норманизмъ навѣрное воскликнетъ: «какъ легендарный? А куда же вы дѣнете Олеговъ договоръ съ Греками?» Какъ будто договоръ долженъ былъ заключаться неиначе какъ послѣ нападенія на самый Константинополь!). Но обратимъ вниманіе на племена участвовавшія въ этомъ походѣ. Въ началѣ перечисляется цѣлая вереница народовъ; тутъ есть и Варяги, и Чудь, Меря, Хорваты, Дулѣбы и пр., нѣтъ одной Руси. Это упоминаніе о Варягахъ и перечисленіе чуть ли не всѣхъ народовъ Россіи, внезапно обратившихся въ опытныхъ, безстрашныхъ моряковъ, сдѣлалось какъ бы обычнымъ мѣстомъ въ лѣтописи, и должно быть отнесено или къ позднѣйшимъ прибавкамъ, или просто къ фигурнымъ выраженіямъ. Между тѣмъ въ концѣ легенды говорится только о Руси и Славянахъ; первые повѣсили себѣ паруса изъ паволоки, а вторые изъ тонкаго полотна. Безъ сомнѣнія эти два термина, Русь и Славяне, были въ большомъ ходу у са-

Еще Эверсъ весьма основательно замѣтилъ сл[illegible] ли бы русскія названія пороговъ принадлежали [illegible] то какъ же, будучи удалыми пиратами, они не [illegible] какихъ слѣдовъ въ именахъ предметовъ относящихся [illegible] плаванію? Напротивъ, въ этомъ отношеніи русск[illegible] сходны съ греческими, таковы: *корабль*, *[illegible]*, [illegible]

VIII.

Заключеніе.

Исторія не математика. Еслибъ она имѣла дѣло [illegible] величинами точно опредѣленными, другими словами: всѣ лѣтописцы, всѣ извѣстія передавали только од[illegible] и всѣ были бы согласны между собою; тогда не бы[illegible] просовъ, а слѣдовательно и споровъ. Историческая была бы ненужна. Но такъ какъ этого почти никогда ваетъ, то сличеніе данныхъ и провѣрка ихъ нео[illegible]

михъ Руссовъ, которые своимъ именемъ выдѣляли себя изъ [illegible] чиненныхъ Славянъ.

Г. Погодинъ въ своихъ возраженіяхъ между прочимъ гов[illegible] дующее: «Авторъ старается доказать что и русскія названія [illegible] можно объяснять изъ славянскаго языка. Такъ что же бы вышло? Что славянскихъ языковъ было два? Но вѣдь это б[illegible] лѣпость?» Что это за вопросы?—спросимъ мы въ свою оче[illegible] же неизвѣстно что славянскій языкъ имѣетъ разныя нарѣчія Интересно, что подобные аргументы выходятъ отъ норманиз[illegible] гающаго для своихъ филологическихъ натяжекъ къ *языкамъ* скандинавскимъ, но и къ англо-саксонскому, голландскому и всѣмъ языкамъ нѣмецкой группы. Далѣе М. П. Погодинъ недоум[illegible] носительно того что названіе Русь имѣло въ разныхъ изв[illegible] разныя оттѣнки, то-есть болѣе тѣсный или болѣе широкій с[illegible] кое недоумѣніе со стороны историка намъ непонятно. Кто [illegible] етъ въ какихъ разнообразныхъ значеніяхъ (то-есть объема[illegible] чаются въ источникахъ, напримѣръ, названія: Римляне, Г[illegible] ѳы, Сарматы, Франки, Нѣмцы, Норманны и пр. Въ первой [illegible] указывали примѣры и такихъ народныхъ именъ которыя [illegible] обнимали бóльшую или меньшую массу народовъ, но им[illegible] словное значеніе (Склавы, Сервы, Бои, Лехи, Кривиты, Дан[illegible] ны и пр.).

…ы возстановить истину. (Не только такія отдаленныя и …дныя времена как IX и X вѣка, но если возьмемъ ка…либо эпоху позднѣйшую, даже современную, какъ трудно …ваетъ иногда воспроизвести событіе въ настоящемъ его ви… …вслѣдствіе разногласія и сбивчивости показаній!) Въ во…сахъ темныхъ и запутанныхъ споры и разнообразныя те… неизбѣжны. Но приведемъ одно изъ главныхъ положе… исторической науки: въ случаѣ столкновенія разныхъ …ній о какомъ-либо событіи, должно получить преимуще…во то мнѣніе, которое объясняетъ наибольшую сумму не…нѣнно историческихъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ …ному событію или къ данной эпохѣ. Въ подтвержденіе лѣ…исной легенды о призваніи Варягоруссовъ и своей теоріи о …исхожденіи Руси изъ Скандинавіи норманисты приводятъ …ныя свидѣтельства; но между этими свидѣтельствами нѣтъ … одного несомнѣннаго. Укажемъ на нихъ снова въ корот…хъ словахъ.

1. *Изъ массы византійскихъ свидѣтельствъ норманисты на…ли въ свою пользу только одно неясное выраженіе*: „Русь, такъ …зываемые Дромиты, изъ рода Франковъ". Выраженіе это … имѣетъ опредѣленнаго значенія; оно употреблено въ смы…лѣ народа европейскаго, съ чѣмъ согласны и сами нормани…сты (см. *Изслѣд. Погод.*, II, 51). И притомъ оно принадлежитъ …не Константину Багрянородному, не Фотію или Льву Діакону, … продолжателямъ Өеофана и Амартола! И что̀ можетъ значить …то выраженіе въ сравненіи со многими другими указаніями …Византійцевъ, что Русь народъ скиөскій или тавроскиөскій? Можно ли говорить о Франкахъ послѣ извѣстныхъ словъ Льва Діакона, очевидца Руси Святославовой: „Тавроскиөы, которые на своемъ языкѣ именуютъ себя Русь." Онъ же по поводу погребальныхъ обрядовъ у Руссовъ говоритъ, что эллинскимъ таинствамъ научили ихъ философы Анахарсисъ и Замолксисъ, и причисляетъ къ томуже племени самаго Ахиллеса. Ясно, что онъ считаетъ Тавроскиөовъ или Русь потомками древнихъ Скиөовъ понтійскихъ т. е. туземнымъ народомъ южной Россіи. Между тѣмъ Варанговъ византійцы никогда не называютъ Скиөскимъ народомъ; не называютъ ихъ и Франками.

2. *Изъ массы арабскихъ свидѣтельствъ о Руссахъ норманисты отыскали только одно выраженіе въ свою пользу*: „въ 844 году язычники именуемые Русью разграбили Севилью". Но

это явная ошибка, какъ уже давно доказано, и умѣренные норманисты не стоятъ за такое странное свидѣтельство (см. Замѣч. г. Куника на Изслѣд. Гедеонова). Арабскіе писатели IX и X вѣковъ имѣли до того темныя понятія о географіи и этнографіи сѣверной Европы, что причисляли ея жителей къ извѣстному имъ ближайшему народу Русь; а Балтійское море считали рукавомъ, соединяющимъ Черное Море съ Западнымъ океаномъ, и потому слухъ о нападеніи какихъ то сѣверныхъ варваровъ на Испанію, Аль-Катибъ или его позднѣйшій списатель отнесъ къ Руси, такъ какъ имя ея около того времени сдѣлалось громкимъ, вслѣдствіе набѣговъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей. (Туземцы Америки до сихъ поръ для насъ Индійцы, вслѣдствіе географической ошибки Колумба). Эта Севильская Русь теряетъ всякій смыслъ въ ряду многихъ другихъ арабскихъ извѣстій, указывающихъ на Русь туземную и славянскую.

3. Изъ всѣхъ средневѣковыхъ латинскихъ хроникъ, упоминающихъ о Руси, норманисты извлекли въ свою пользу два свидѣтельства, Ліутпранда и Пруденція. Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій, замѣчаетъ о Руссахъ что это народъ живущій къ сѣверу отъ Константинополя между Хазарами и Булгарами, что Греки по наружному качеству называютъ ихъ Руссами, а „мы, по положенію страны, Нордманнами“. Опять выраженіе не имѣющее никакого опредѣленнаго этнографическаго значенія. Ліутпрандъ (и его вотчимъ) получилъ свѣдѣнія о Руссахъ отъ Византійцевъ, а послѣдніе причисляли Русь къ народамъ гиперборейскимъ, то-есть сѣвернымъ; слѣдовательно Кремонскій епископъ передаетъ тотъ же географическій терминъ, только по-своему (по-лонгобардски). Онъ совершенно повторяетъ Византійцевъ, помѣщая Русь между Хазарами и Болгарами, въ сосѣдствѣ Печенѣговъ и Угровъ, и нисколько не указываетъ на Скандинавію. Аналогію съ его „сѣверными людьми“ представляетъ наше выраженіе *востокъ* и *восточные народы*, хотя эти народы живутъ отъ насъ къ югу; но мы въ этомъ случаѣ переводимъ терминъ западноевропейскій. (Тоже должно сказать о gentes Normannorum Венеціанской Хроники или о Руссахъ 865 года).

4. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей (Пруденцій) о Руси „изъ племени Свеоновъ“, какъ мы говорили, невозможно толковать Шведами: этого не допускаетъ хаканскій титулъ ея князя. Или

самое слово Свеоны, въ то время не означало исключительно Шведовъ. (Южная Россія называлась въ средніе вѣка и Великою Скиѳіей и Великою Швеціей, *Svithiod en mikla* исландскихъ сагъ), или это ошибка, недоразумѣніе въ самомъ источникѣ. Самое отсутствіе золотыхъ византійскихъ монетъ того времени въ кладахъ Швеціи противорѣчитъ существованію Шведской Руси.

5. Путь изъ Варягъ въ Грецію, описанный въ нашей лѣтописи, нисколько не можетъ подкрѣпить норманскую теорію, ибо это описаніе относится не къ IX, а къ XI вѣку. Константинъ Багрянородный, описывая тотъ же путь въ X вѣкѣ, начинаетъ его отъ Новгорода и о Варангахъ ничего не упоминаетъ. Приведенныя имъ русскія имена пороговъ не могутъ быть объясняемы изъ скандинавскихъ языковъ *исключительно*. Норманны могли плавать по Днѣпру только послѣ основанія Русскаго государства, находясь въ службѣ русскихъ князей или подъ ихъ покровительствомъ, слѣдовательно тогда когда русскія имена пороговъ уже существовали.

6. *Нѣкоторыя* имена первыхъ князей и дружинниковъ *похожи* на скандинавскія. Это совершенно естественно при общности многихъ именъ у славянскихъ и германскихъ народовъ, при долгомъ сожительствѣ Готовъ и Руссовъ (Роксаланъ) въ восточной Европѣ, а также при исконномъ сожительствѣ Готовъ и Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Но доказать что они не только *исключительно*, но и преимущественно скандинавскія не могутъ никакія натяжки.

Вотъ и всѣ доводы норманской школы заслуживающіе сколько-нибудь вниманія и набранные ею въ теченіе болѣе ста лѣтъ для подкрѣпленія лѣтописной басни о призваніи Варяговъ и своего мнѣнія о происхожденіи Руси изъ Скандинавіи. Если принять въ соображеніе столь часто встрѣчающіяся въ средневѣковыхъ источникахъ ошибки, недоразумѣнія и этнографическую запутанность, то надобно удивляться, что нашлось такъ мало свидѣтельствъ, которыя норманисты могли бы обратить въ свою пользу. Подобный подборъ намековъ и недоразумѣній, подкрѣпленный филологическими натяжками, можно составить для какой угодно теоріи *. А что касается до выс-

* Не говоримъ о теоріяхъ угро-хазарской, литовской, готской и славяно-балтійской по отношенію къ небывалымъ Варягоруссамъ; каждая изъ этихъ теорій можетъ выставить почти такую же сумму доводовъ какъ и норманская.

шихъ соображеній норманистовъ, о томъ будто наше древнее государственное устройство имѣетъ норманскія черты—это совершенно произвольныя толкованія. Общія черты конечно найдутся; онѣ неизбѣжны у всѣхъ европейскихъ и даже не европейскихъ народовъ; но найдутся и отличія, которыя напротивъ ясно указываютъ на наше славянство. Извѣстно, что у германскихъ народовъ развились преимущественно майоратъ и феодализмъ, а у Славянъ право каждаго сына на участіе въ отцовскомъ наслѣдіи и оттуда удѣльная система. Нашъ порядокъ родоваго старшинства существовалъ у Угровъ и до сихъ поръ существуетъ у Турокъ; а у Норманновъ мы его не видимъ.

Въ параллель съ доводами норманистовъ повторимъ вкратцѣ тѣ основанія, на которыхъ мы отвергаемъ легенду о призваніи Варяговъ, а главное, утверждаемъ туземное происхожденіе Руси.

1. Невѣроятность призванія. Исторія не представляетъ намъ примѣровъ чтобы какой-либо народъ (или союзъ народовъ) призывалъ для господства надъ собою другой народъ и добровольно подчинялся чуждому игу.

2. Если можно найти нѣкоторую аналогію для басни объ иноземномъ происхожденіи Руси, то аналогію только легендарную или *литературную*, такъ какъ исторія всѣхъ народовъ начинается миѳами. Производить своихъ князей отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ было въ обычаѣ и древнихъ, и среднихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка кромѣ того въ особенности былъ распространенъ обычай выводить народы изъ далекаго миѳическаго Сѣвера.

3. Русь была не дружина только или незначительное племя, которое могло бы незамѣтно для исторіи въ полномъ своемъ составѣ переселиться изъ Скандинавіи въ Россію. Это былъ многочисленный и сильный народъ. Иначе невозможно объяснить его господствующее положеніе среди восточныхъ Славянъ, его обширныя завоеванія и походы, предпринимаемые въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. А если бы Русь была только пришлая дружина, то неумолимая логика спрашиваетъ: куда же безслѣдно дѣвался Русскій народъ въ Скандинавіи, т. е. народъ, изъ котораго, вышла эта дружина?

4) Существованіе въ восточной Европѣ многихъ рѣкъ съ названіемъ *Рось*, и въ особенности такое же названіе Волги въ

древнія времена. А извѣстно, что народныя имена часто находятся въ непосредственной связи съ именами рѣкъ.

5. Географическое распространеніе имени Русь къ концу IX вѣка отъ Ильменя до нижней Волги дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ его появленіе въ восточной Европѣ только во второй половинѣ этого вѣка. Исторія не представляетъ тому ни малѣйшей аналогіи. (Для примѣра укажемъ на Англію и Францію, которыхъ имена распространялись и укрѣпились за ними въ теченіе столѣтій).

6. Сарматскій народъ Роксалане или Россъ-Алане издавна жилъ между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ. Извѣстія о немъ у греческихъ и латинскихъ писателей, начиная со II вѣка до Р. Х., продолжаются до VI в. по Р. Х. включительно, и подтверждаются еще знаменитыми Певтингеровыми таблицами или дорожною картою Римской имперіи. А въ IX вѣкѣ на тѣхъ же мѣстахъ снова является въ византійскихъ извѣстіяхъ народъ Росъ или Рось, то-есть является подъ своимъ односложнымъ именемъ (Россъ-Алане есть такое же сложное и болѣе книжное чѣмъ народное имя какъ Тавро-Скиѳы, Англо-Саксы и т. п.). Въ этой простой формѣ онъ является въ IX вѣкѣ и у латинскаго писателя именно у Пруденція (Рось) и землеписца Баварскаго (Ruzzi); между тѣмъ какъ у другаго латинскаго писателя того же IX вѣка, у географа Равеннскаго, опять встрѣчается сложная форма, т. е. Роксалане *.

* Замѣчательно, къ какимъ натяжкамъ и произвольнымъ выводамъ приходили иногда даже наиболѣе ученые и добросовѣстные представители норманской школы, принявъ за несомнѣнный историческій фактъ басню о призваніи изъ-за моря небывалаго народа Варягоруссовъ. Такъ, Шафарикъ, опредѣляя эпоху замѣтокъ Баварскаго географа, говоритъ, что онѣ написаны не ранѣе 866 года (Славян. Древн., т. II, кн. 3). И чѣмъ же онъ при этомъ руководствуется? Тѣмъ, что въ нихъ упоминается Русь; а она-де только въ 862 году призвана, и слѣдовательно, только въ 866 году могла сдѣлаться извѣстною *на западѣ* изъ посланія патріарха Фотія къ *восточнымъ* епископамъ! Такимъ образомъ, въ наукѣ было время, когда не басня о призваніи подвергалась исторической критикѣ, а наоборотъ, историческія свидѣтельства провѣрялись на основаніи этой басни! Точно также гадательны и нѣкоторыя другія соображенія Шафарика о времени Баварскаго географа (напримѣръ, его соображенія о Печенѣгахъ). По нѣкоторымъ признакамъ, напротивъ, эпоху Баварскаго географа едва ли можно относить позднѣе первой половины IX вѣка. (Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сосѣдство Болгаръ съ Нѣмцами въ

7. Названіе *Пруссія* есть то же что Руссія или собствен Порусье (Borussia). Оно возникло однако независимо отъ нашей Руси, ибо литовскій народъ Пруссы въ теченіе всѣхъ сре-

---

Паннонiи). Подобный прiемъ употреблялъ А. А. Куникъ по отношенію къ другому географу, Равеннскому. Шафарикъ, на его счетъ замѣтилъ, что онъ жилъ около 866 г. «а можетъ быть, и нѣсколько прежде». А г. Куникъ прямо поясняетъ, что онъ не могъ писать ранѣе второй половины IX вѣка, ибо у него упоминается о Русскомъ государствѣ. (Если онъ писалъ именно въ эту эпоху, то какой былъ бы отличный случай упомянуть о переходѣ Руси изъ Скандинавіи. Однако онъ не сдѣлалъ на то ни малѣйшаго намека). Равеннскій анонимъ употребляетъ при этомъ вмѣсто Русь ея сложное названіе «Роксалане»; по словамъ г. Куника это только пустое подражаніе древнимъ писателямъ. Роксаланскій народъ, по его мнѣнію, съ появленіемъ Гунновъ «исчезъ изъ исторіи». Доказательствомъ того, что Роксалане не Русь, и что они исчезли, А. А. Куникъ посвятилъ цѣлое особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ Pseudorussische Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik. Ein Votum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der Antiquités Russes. (*Bulletin hist. phil. de l'Acad. des Sciences*, t. VII, № 18 — 23). Да проститъ намъ авторъ, но мы находимъ, что доказательства эти состоятъ изъ ряда всякаго рода историческихъ, этнографическихъ и этимологическихъ натяжекъ и предположеній, весьма гадательныхъ и сбивчивыхъ. Между прочимъ, главнымъ признакомъ того, что Роксалане были не арійское, а какое-то монгольское племя, выставляются извѣстія о ихъ кочевомъ бытѣ и конныхъ набѣгахъ. Но какой же изъ арійскихъ народовъ не прошелъ черезъ кочевой бытъ? У какого народа, окруженнаго отчасти степною природою, не играли главную роль стада и табуны въ извѣстный періодъ его развитія? Авторъ этого изслѣдованія забываетъ разстояніе девяти вѣковъ, въ теченіе которыхъ бытъ Роксаланъ или Руси долженъ былъ значительно измѣниться. Онъ вообще держится теоріи исчезанія народовъ, которая основана на исчезаніи именъ. Такимъ образомъ, многіе народы Скиѳіи будто бы уничтожились вмѣстѣ съ пропажею ихъ именъ. Мы же утверждаемъ, что мѣняются и путаются имена въ историческихъ источникахъ, а народы остаются по большей части тѣ же. Въ противномъ случаѣ, племена Антовъ еще скорѣе Роксаланъ исчезли съ лица земли, потому что имя ихъ, столь часто упоминаемое у писателей VI вѣка, потомъ пропадаетъ; по крайней мѣрѣ, въ этой формѣ оно почти не встрѣчается у писателей позднѣйшихъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упомянутое изслѣдованіе А. А. Куника относится еще къ эпохѣ 40-хъ годовъ, къ эпохѣ его Die Berufung der Schwedischen Rodsen, то-есть, къ періоду увлеченія и полнаго господства норманской школы. А такъ какъ Россалане служили живымъ протестомъ противъ этой школы, то надобно было во что бы ни стало ихъ устранить, т. е. увѣрить, что они куда-то исчезли.

нихъ вѣковъ не были даже сосѣдями нашихъ Руссовъ. Это имя, по всей вѣроятности, также находится въ связи съ названіями рѣкъ (Нѣманъ иначе назывался Русь). Одно существованіе Пруссіи ниспровергаетъ всякую попытку выводить Русь изъ Скандинавіи; иначе Пруссовъ надобно производить оттуда же. (О народѣ Боруски, Βορουσκοι, въ восточной Европѣ, упоминаетъ уже Птоломей).

8. Совершенное отсутствіе названія Русь между скандинавскими народами. Если и встрѣчается у средневѣковыхъ нѣмецкихъ хронистовъ (напримѣръ Дитмара и Саксона) названіе Rucia, Rusia (и Prusia), Ruscia (и Pruscia) на южномъ и юго-восточномъ берегу Балтійскаго моря, то оно относится или къ славянскимъ племенамъ (напримѣръ Руянамъ), или къ литовскимъ (Пруссы и Жмудь).

9. Давнее существованіе Руси Угорской или Закарпатской, которая въ историческія времена повидимому не находилась въ политическомъ единеніи съ нашею Русью; а также закрѣпленіе этого имени за Русью Галицкою или Червонною, которая сравнительно недолгое время принадлежала русскимъ князьямъ. Такая крѣпость имени была бы невѣроятна, еслибъ оно было не туземное, а пришлое.

10. Тяготѣніе нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а Новогородцы называли себя Славянами. Русскимъ называлось Черное Море, а Варяжскимъ Балтійское, что̀ прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе Варяговъ и Руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей.

11. Наши древнѣйшіе документальные источники, договоры съ Греками, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека, изъ котораго можно было бы заподозрить иноземное происхожденіе Руси; хотя первый договоръ (Олеговъ) относится къ лицу, которое по смыслу лѣтописной легенды прямо пришло изъ-за моря. Мало того, сама Русь всегда относилась къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ; о чемъ свидѣтельствуютъ также оффиціальные документы, напримѣръ Русская Правда.

12. Торговый характеръ Руси и ея торговыя сношенія съ Византіей и Хазаріей, имѣвшія, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, постоянный и договорами опредѣленный характеръ уже во второй половинѣ IX вѣка, были бы непонятны, еслибы Русь была народомъ не туземнымъ, а пришедшимъ въ той же второй половинѣ IX вѣка. Притомъ Норманны въ этомъ вѣкѣ совсѣмъ и не были извѣстны въ Европѣ какъ торговый народъ.

14. Поклоненіе Руссовъ славянскимъ божествамъ, засвидѣтельствованное договорами съ Византіей. Только-что прибывшій народъ и притомъ господствующій не могъ тотчасъ же измѣнить своимъ богамъ и принять религію подчиненнаго племени.

14. Существованіе у нихъ славянской письменности, доказанное славянскимъ переводомъ тѣхъ же договоровъ. (У Готскихъ народовъ была уже своя письменность со временъ Ульфилы) *.

* Съ вопросомъ о письменности тѣсно связанъ и вопросъ о началѣ нашего христіанства. У насъ повторяется обыкновенно лѣтописный расказъ о введеніи христіанской религіи въ Россіи при Владимірѣ Св.; тогда какъ это было только ея окончательное торжество надъ народною религіей. Наша исторіографія все еще держится лѣтописнаго домысла, который приписываетъ Варягамъ—иноземцамъ начало русскаго христіанства, также какъ и начало русской государственной жизни. Въ лѣтописи, по поводу кіевской церкви Св. Иліи при Игорѣ, замѣчено: «мнози бо бѣша Варязи христіане». А далѣе при Владимірѣ, расказывается извѣстная легенда о двухъ мученикахъ Варягахъ. Но въ этихъ извѣстіяхъ господствуетъ все то же явное смѣшеніе Руси съ Варягами. Къ счастію, мы имѣемъ документальныя свидѣтельства, которыя возстановляютъ истину, изобличая лѣтописную редакцію въ произвольныхъ догадкахъ и въ ея стремленіи всюду подставлять Варяговъ. Вопервыхъ, посланіе патріарха Фотія 866 года говоритъ о крещеніи Руссовъ, а не Варяговъ. Вовторыхъ, Игоревъ договоръ прямо указываетъ на крещеную Русь, и совсѣмъ не упоминаетъ о Варягахъ. Втретьихъ, Константинъ Багрянородный подъ 946 годомъ упоминаетъ о «крещеной Руси», которая находилась на византійской службѣ (см. *De cerem. Aul. Byz.*). Вчетвертыхъ, Левъ Философъ, современникъ нашего Олега, въ своей росписи церковныхъ каѳедръ помѣщаетъ и *Русскую* эпархію. Впятыхъ, папская булла 967 года указываетъ на славянское богослуженіе у Руссовъ. Очевидно крещеная Русь не со временъ только Владиміра Св., а уже со временъ патріарха Фотія имѣла Священное Писаніе на славянскомъ языкѣ; чего никакъ не могло быть, еслибъ это бы-

15. Отсутствіе пришлой скандинавской стихіи въ русскомъ языкѣ; а также отсутствіе всякой борьбы между русскою и славянскою народностію прежде ихъ предполагаемаго сліянія. Еслибы Руссы были скандинавскій народъ, то они не могли такъ быстро превратиться въ Славянъ. Послѣднее окончательно невозможно, если возьмемъ еще въ расчетъ извѣстную стойкость Нѣмецкаго племени, уступавшаго, и притомъ весьма постепенно, только высшей (романской) цивилизаціи въ юго-западной Европѣ. Въ исторіи нѣтъ примѣровъ такого быстраго превращенія; оно было бы противно всѣмъ политико и естественно-историческимъ законамъ.

16. Совершенное отсутствіе извѣстій о призваніи князей или о пришествіи Руси изъ Скандинавіи (и вообще откуда бы то ни было) во всѣхъ иноземныхъ источникахъ: византійскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ и скандинавскихъ. Особенно важно умолчаніе о томъ Константина Багрянороднаго, который сообщилъ о Руссахъ наибольшее количество свѣдѣній и самъ лично входилъ въ сношенія со вторымъ поколѣніемъ (якобы пришедшихъ изъ Скандинавіи) русскихъ князей.

17. Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Рось, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. п. Левъ Діаконъ не только производитъ Русь отъ древнихъ Скиѳовъ и пріурочиваетъ ее къ странамъ Припонтійскимъ, но и отождествляетъ ее съ библейскимъ народомъ *Россъ* (стр. 93 русс. изданія).

18. Исландскія саги, которымъ было бы естественнѣе всего говорить о необыкновенномъ счастіи Норманновъ въ восточной Европѣ, ничего не знаютъ ни о норманскомъ племени Руссовъ, ни о Рюрикѣ, ни о плаваніи Норманновъ по Днѣпру. Они даже не употребляютъ имени Русь и называютъ ее страною Гардовъ.

19. Съ отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ плаваніи согласуется и физическая невозможность норман-

---

ли Норманны прямо пришедшіе изъ Скандинавіи. Потому-то и наши языческіе князья (Олегъ, Игорь и Святославъ) пользовались славянскою, а не другою какою-либо письменностью для своихъ договоровъ.

скихъ походовъ по Греческому водному пути прежде политическаго объединенія южной и сѣверной Руси. Русскія имена Днѣпровскихъ пороговъ, дошедшія до насъ въ искаженномъ видѣ, могутъ быть объясняемы изъ языка славяно-русскаго съ большею вѣроятностію, чѣмъ изъ языковъ скандинавскихъ.

20. Латино-нѣмецкіе и латино-польскіе лѣтописцы среднихъ вѣковъ (Дитмаръ, Адамъ, Галлъ, Гельмольдъ, Саксонъ и др.) также ничего не знаютъ о норманскомъ народѣ Руссовъ, а трактуютъ ихъ какъ туземцевъ восточной Европы. Въ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей спорнымъ является выраженіе „изъ рода Свеоновъ", такое же неопредѣленное какъ „изъ рода Франковъ"; но хаканскій титулъ, указывающій на сосѣдство Аваро-Хазаръ и несомнѣнно употреблявшійся южно-русскими князьями, не можетъ подлежать спору. Слѣдовательно, мы имѣемъ западное (и вмѣстѣ византійское) свидѣтельство о туземной Руси въ первой половинѣ IX вѣка *.

21. Арабскія свидѣтельства по большей части несогласимы съ теоріей норманской Руси, и наоборотъ, они становятся совершенно понятны, какъ скоро Русь признаемъ народомъ туземнымъ. Русь и Славяне у нихъ являются почти нераздѣльно. Описанные ими обычаи Руссовъ указываютъ также на Славянъ (напримѣръ у Ибнъ-Фодлана сожженіе жены съ покойникомъ, тризна или третья часть его имущества отдѣлявшаяся на погребальное пиршество, и т. д.). Между прочимъ Хордадбегъ (въ IX в.), говоря о русскихъ купцахъ въ Хазаріи, прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ".

22. Появленіе во второй половинѣ X вѣка Руси Тмутраканской необъяснимо безъ существованія исконныхъ русскихъ поселеній на берегахъ Азовскаго моря. (Да и съ какой стати

* Латино-нѣмецкимъ хроникамъ совершенно соотвѣтствуютъ и средневѣковыя эпическія пѣсни Германіи, которыя относятся къ Руссамъ какъ къ туземному народу восточной Европы. Такъ въ Нибелунгахъ, Руссы (Riuzen) встрѣчаются въ войскѣ Аттилы на ряду съ Поляками и Печенѣгами. Послѣднее имя указываетъ на редакцію приблизительно X вѣка. О языческихъ «дикихъ Руссахъ» восточной Европы говорятъ и другія нѣмецкія саги. См. *Die Dakische Königs — und Tempelburg auf der Columna Trajana. Von Ios. Haupt.* Wien, 1870. (Только его разсужденія объ арійскихъ и туранскихъ племенахъ весьма слабы въ научномъ отношеніи).

Скандинавамъ забираться на Тамань?) Безъ этой Азовско-Черноморской Руси необъяснимы: арабскія извѣстія X вѣка, напримѣръ Масуди, о Руссахъ живущихъ на берегу Русскаго моря и господствующихъ на этомъ морѣ; арабское дѣленіе Руси на три группы (Новгородъ, Кіевъ и Артанію); отношенія Руси къ Корсуню; походы на Кавказъ и въ Каспійское море, и пр. *

23. Ни одно произведеніе русской словесности, несомнѣнно принадлежащее до-Татарской эпохѣ, (собственно до XIII вѣка), кромѣ лѣтописи, не знаетъ ни Варяга Рюрика, ни вообще призванія Варягоруссовъ.

24. Разстояніе около 250 лѣтъ (даже по расчету норманистовъ) между призваніемъ Варяговъ и составленіемъ нашей начальной лѣтописи само по себѣ дѣлаетъ преданіе недостовѣрнымъ; что̀ и подтверждается его вполнѣ легендарнымъ оттѣнкомъ (*три брата*, пришедшіе откуда-то *изъ-за моря* и пр.), а также цѣлымъ рядомъ другихъ легендъ, занесенныхъ въ нашу лѣтопись (объ апостолѣ Андреѣ, о Хазарахъ, Оскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ и Ольгѣ и пр.).

25. Сопоставленіе сѣвернаго сказанія о трехъ братьяхъ: Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ съ южнымъ сказаніемъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, а также съ литовскимъ о Палемонѣ и его трехъ внукахъ и съ другими подобными сказаніями не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ легендой.

26. Утрата древнѣйшей редакціи *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, вообще неисправная передача лѣтописнаго текста списателями

---

* Чтобы объяснить арабскія извѣстія о Руси, норманисты предполагаютъ невозможное: будто Русь, въ 860-хъ годахъ пришедшая изъ Скандинавіи, въ нѣсколько лѣтъ могла распространить свое имя и свои колоніи на всю юго-восточную Европу до самой нижней Волги, гдѣ тотчасъ же онѣ сдѣлались извѣстны Арабамъ. Подобное предположеніе еще менѣе научно, чѣмъ то, по которому *западная* Европа о существованіи народа Русь въ южной Россіи узнала только въ 866 г. изъ окружнаго посланія патріарха Фотія къ *восточнымъ* епископамъ. А какъ не скоро доходили до Арабовъ извѣстія не только изъ Россіи, но и съ ближайшихъ къ нимъ береговъ Каспійскаго моря, показываетъ слѣдующій примѣръ: Масуди въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ» повѣствуетъ о русскомъ походѣ 913 года въ Каспійское море, и прибавляетъ, что послѣ того Руссы не нападали болѣе на эти страны. Онъ не зналъ еще объ ихъ походѣ 943 года, хотя книгу свою закончилъ нѣсколькими годами спустя послѣ этого вторичнаго нашествія, и слѣдовательно, имѣлъ довольно времени исправить ошибку. (См. Relations etc. par *Charmoy*, 300).

и продолжателями, разногласіе дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ относительно Варяговъ-Руси и относительно легенды объ Оскольдѣ и Дирѣ, а также разнообразныя толкованія имени Русь убѣждаютъ насъ, что *въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда о призваніи князей не смѣшивала Русь съ Варягами* (и повидимому не причисляла къ Варягамъ Оскольда и Дира).

27. Польскіе историки (особенно Длугошъ и Стрыйковскій) имѣвшіе подъ руками русскія лѣтописи также не смѣшиваютъ Русь съ Варягами; они изображаютъ ее народомъ туземнымъ и старобытнымъ, а Оскольда и Дира потомками Кія. Герберштейнъ, равно знакомый съ русскими лѣтописями, тоже различаетъ Русь отъ Варяговъ. Эти писатели еще болѣе подтверждаютъ наше мнѣніе, что первоначально лѣтописная легенда имѣла только династическій оттѣнокъ, то-есть говорила о призваніи князей изъ Варягъ, а существованіе народа Варягоруссовъ есть домыселъ болѣе поздней редакціи.

28. Совершенное отсутствіе указаній на отечество призванныхъ Варяговъ въ большинствѣ сводовъ и указаніе нѣкоторыхъ на Прусскую землю и родъ Августа также подтверждаютъ, что первоначально легенда вообще имѣла въ виду выставить происхожденіе своихъ князей отъ знаменитаго иноземнаго рода—черта общая въ подобныхъ легендахъ и другихъ народовъ.

29. Невѣроятное накопленіе весьма крупныхъ событій и завоеваній въ періодъ времени, который лѣтопись полагаетъ между 859 и 912 годами, указываетъ на то, что ея начальная хронологія составлена искусственно и произвольно. Легенда о нападеніи и призваніи Варяговъ пріурочена къ 859 и 862 годамъ очевидно для того, чтобъ объяснить нападеніе Руси на Константинополь въ 865 году, засвидѣтельствованное византійскими хрониками. Семидесятилѣтній возрастъ Игоря въ эпоху его дальнихъ походовъ и оставленный имъ малолѣтній сынъ также указываютъ на произвольность этой хронологіи.

30. Были дѣйствительно обстоятельства, которыя могли повліять на образованіе и распространіе новгородской легенды о призваніи варяжскихъ князей:

а) Присутствіе въ Новгородѣ наемной варяжской дружины, которой начало, судя по лѣтописи, можно возводить ко времени Олега.

b) Призваніе Варяговъ въ Новгородъ Владиміромъ Св. и Ярославомъ I; завоеваніе съ ихъ помощію Кіевскаго стола; слѣдовавшія затѣмъ родственныя и дружескія связи съ Норманнами; присутствіе нѣкоторыхъ принцевъ и знатныхъ Норманновъ при Кіевскомъ дворѣ.

c) Дѣятельныя торговыя связи Новгорода съ Балтійскимъ поморьемъ и особенно съ Готскимъ берегомъ (Готландъ).

d) Обычай призывать князей, развившійся въ Новгородѣ съ XI вѣка; а въ XII вѣкѣ этотъ обычай отчасти раздѣляетъ и Кіевъ.

e) Упадокъ и униженіе Кіева, начавшіеся со второй половины XII вѣка, не могли не отозваться на лѣтописномъ дѣлѣ въ самомъ Кіевѣ.

f) Окончательное разъединеніе Руси и наступившая Татарская эпоха еще болѣе замутили источники древнѣйшей исторіи и перепутали нити національныхъ преданій; тогда и возобладало смѣшеніе самой Руси съ Варягами.

Можно было бы еще продолжить этотъ перечень доводовъ и сопоставленіе историческихъ данныхъ. Напримѣръ можно еще обратиться къ тѣмъ результатамъ, которые добыты раскопками могильныхъ кургановъ въ южной Россіи и которые въ общей суммѣ подтверждаютъ наши выводы. Но мы считаемъ и приведеннаго весьма достаточнымъ для своего главнаго положенія, то есть, *что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство*. А для тѣхъ, кто почему либо не желаетъ разстаться съ Варягами, всѣ доказательства будутъ неубѣдительны.

Какъ и въ первой статьѣ, повторяемъ, что относительно нѣкоторыхъ соображеній второстепенной важности мы можемъ ошибаться; но оттого не пострадаетъ наше главное положеніе. Можно, напримѣръ, вести пренія о лѣтописной легендѣ какъ о фактѣ литературномъ, то-есть продолжать вопросъ объ источникахъ и редакціяхъ нашихъ лѣтописей — вопросъ достаточно запутанный, вслѣдствіе ихъ безличности и явной порчи. Но снова толковать объ идеальномъ лѣтописцѣ Несторѣ, послѣ всѣхъ трудовъ ему посвященныхъ; легенду о Рюрикѣ подкрѣплять легендой объ Оскольдѣ и Дирѣ и обратно; продолжать теорію Скандинавской Руси на основаніи Хескульдовъ и Хольмфорсовъ; голословно повторять, что за Норманновъ стоятъ всѣ извѣстія

иностранныя и отечественныя и т. п., — значило бы плодить пустое словопреніе.

Не находя опоры въ своихъ прежнихъ доказательствахъ, норманизмъ обратится вѣроятно къ противному мнѣнію съ разнообразными вопросами и съ требованіями объяснить немедленно всѣ темные пункты начальной русской исторіи. Повторяемъ, что мы прежде всего желали обратить вниманіе русской науки въ ту сторону, откуда она можетъ ожидать дѣйствительнаго, а не призрачнаго разъясненія этой исторіи, и предлагаемъ оставить тотъ безплодный путь, которымъ она досель слѣдовала. Вотъ уже около полутораста лѣтъ норманисты трактуютъ о Руси пришедшей изъ Скандинавіи, и однако еще не нашли тамъ этой Руси. Они могутъ искать ее еще нѣсколько столѣтій, и все-таки не найдутъ, потому что тамъ ея никогда не было. Въ наукѣ (говоримъ собственно объ исторіи) обыкновенно бываетъ такъ: Если исходная точка зрѣнія вѣрна, то всякій новый трудъ, произведенный въ томъ же направленіи, увеличиваетъ запасъ данныхъ и прибавляетъ свѣту для разъясненія минувшихъ вѣковъ. И наоборотъ, исходя изъ ложной точки зрѣнія, труды, хотя бы и талантливыхъ ученыхъ, остаются почти безплодны для положительнаго рѣшенія темныхъ вопросовъ, и приносятъ пользу, если можно такъ выразиться, отрицательную, то-есть убѣждаютъ, что не въ этомъ направленіи надобно искать истины. Это именно и случилось у насъ съ норманской школой: послѣ ея полутораста-лѣтней работы наша начальная исторія и наше происхожденіе оставались покрытыми тѣмъ же *мракомъ неизвѣстности* какъ и во время Байера, основателя этой школы. Въ результатѣ мы доселѣ должны были довольствоваться только нѣкоторыми легендами, предположеніями и натяжками. Съ своей стороны, насколько возможно, мы стараемся разъяснить естественное, постепенное (не внезапное) происхожденіе Русскаго государства и Русской національности; по крайней мѣрѣ надѣемся, что переносимъ начало нашей исторіи на основаніе болѣе прочное, болѣе согласное съ историческими законами.

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

I.

Теорія Энгеля и Тунмана. Венелинъ и Шафарикъ. Названія Гунны и Болгаре. Путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Вопросъ о происхожденіи Руси естественно наводитъ изслѣдователя на вопросъ о происхожденіи и другихъ народовъ, обитавшихъ когда-то въ нашемъ отечествѣ и находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ нашимъ предкамъ. Между такими народами едвали не первое мѣсто принадлежитъ Болгарамъ. Поэтому мы сочли необходимымъ посвятить имъ особое изслѣдованіе, т. е. по возможности тщательно провѣрить тѣ основанія, на которыхъ сложилось господствующее о нихъ мнѣніе. Въ настоящей монографіи предлагаемъ вниманію образованной публики результаты этой провѣрки.

Что̀ такое Болгаре? Гдѣ ихъ родина? Къ какой семьѣ племенъ они принадлежали?

Отвѣтъ на эти вопросы уже давно сдѣланъ: Болгаре—говорятъ намъ—была финская орда, соплеменная Гуннамъ и Уграмъ, пришедшая съ береговъ Волги на Дунай, здѣсь смѣшавшаяся съ Славянами и принявшая ихъ языкъ. Такъ рѣшила Нѣмецкая наука въ лицѣ Энгеля, Тунмана, Клапрота, Френа и нѣкоторыхъ другихъ касавшихся этого вопроса *. За ними въ томъ же

---

* Tunmann—Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen Voelker. 1774. Engel—Geschichte der Bulgaren. 1797. Klaproth—Tableaux histor. de l'Asie. 1826. Fraehn—Die aelt. arab. Nachr. über die Wolga—Bulgaren въ Mém. de l'Académie. VI, Sér. T. I.

смыслѣ высказалось большинство Славянскихъ ученыхъ, и во главѣ ихъ знаменитый Шафарикъ. Но были и другіе ученые, которые считали древнихъ Болгаръ чистыми Славянами. Не буду говорить о писателяхъ прошлаго столѣтія, каковы, напримѣръ, Сумъ и Раичь, оставившіе послѣ себя труды почтенные, но мало удовлетворительные для нашего времени. Перейду прямо къ извѣстному Венелину. Этотъ талантливый карпатороссъ въ своемъ сочиненіи Древніе и нынѣшніе Болгаре горячо возсталъ въ защиту Славянскаго происхожденія Болгаръ противъ Татаро-Финской теоріи Энгеля и Туимана, которую можно поставить въ параллель съ Скандинавской теоріей Байера и Шлёцера по отношенію къ Руси. Сочиненіе Венелина въ свое время произвело довольно сильное впечатлѣніе и нашло себѣ усердныхъ послѣдователей, особенно между Болгарскими патріотами. Но ученые авторитеты отнеслись къ его мнѣніямъ весьма неблагосклонно. Шафарикъ отвергъ его выводы, какъ порожденные „страстію къ новосказаніямъ и особенными понятіями о народной чести и славѣ" (Славян. Древн. т. II. кн. I.). Тотъ же приговоръ подтверждали до сихъ поръ и другіе писатели-слависты, касавшіеся этого предмета.

А между тѣмъ Венелинъ былъ близокъ къ истинѣ, но затемнилъ ее, отдавшись порывамъ своего пылкаго воображенія. Впрочемъ его „Древніе и нынѣшніе Болгаре" есть произведеніе еще молодаго и довольно неопытнаго ученаго (ему было только 27 лѣтъ, когда эта книга явилась въ печати). Въ послѣдствіи болѣе спокойныя изысканія вѣроятно заставили бы его отказаться отъ нѣкоторыхъ крайнихъ выводовъ; это можно предполагать изъ его дальнѣйшихъ трудовъ. Смерть похитила его слишкомъ рано (въ 1839 году, 37 лѣтъ отъ роду).

Въ чемъ же заключалась главная ошибка Венелина?

Онъ видѣлъ, что Тюрко-Финская теорія о происхожденія Болгаръ находится въ явномъ противорѣчіи съ ихъ историческою жизнію; онъ догадывался, что въ основѣ этой теоріи должны быть разныя недоразумѣнія; но отъ него ускользнуло самое существенное изъ этихъ недоразумѣній. У нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей Болгаре называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами, и это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для Тюрко-Финской теоріи. Чтобы доказать славянство Болгаръ, Венелинъ началъ доказывать невѣроятное, т. е. что сами Гунны съ Аттилой включительно были

племя Славянское, и не только Гунны, но и Хазары, Авары, а кстати Готы, Гепиды, Франки и т. д.—все это никто иные какъ Славяне. Понятно, что такое увлеченіе должно было вызвать суровое отрицаніе *.

Такъ какъ доводы, на которыхъ основана Тюрко-Финская теорія, яснѣе и логичнѣе другихъ писателей сведены и изложены въ безсмертномъ трудѣ Шафарика, то мы при ихъ разборѣ будемъ держаться преимущественно того порядка, въ которомъ они сгруппированы у автора „Славянскихъ Древностей“.

Первое и самое важное (какъ мы замѣтили) основаніе, на которомъ построена означенная теорія, есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами. Остановимся возможно долѣе на этомъ доводѣ и разсмотримъ, на сколько онъ выдерживаетъ историческую критику.

Гунны, въ тѣсномъ смыслѣ, по нѣкоторымъ признакамъ составляли одно изъ племенъ Восточнофинской или Чудской группы народовъ и принадлежали къ ея Угорской вѣтви. Они издревле обитали въ степяхъ Прикаспійскихъ между Ураломъ и Волгою, по сосѣдству съ Скиѳскими народами Арійской семьи, и совсѣмъ не были какимъ-то новымъ народомъ, пришедшимъ въ Европу прямо изъ глубины Средней Азіи отъ границъ Китая во второй половинѣ IV вѣка. У Птоломея, слѣдовательно во II вѣкѣ, они уже упоминаются какъ народъ сосѣдній съ Роксаланами (онъ говоритъ, что они жили гдѣ-то между этими послѣдними и Бастарнами. Lib. III. cap. 5). Амміанъ Марцелинъ замѣтилъ, что о нихъ слегка упоминаютъ старые писатели (Lib. XXXI. c. 2). Но послѣ побѣды надъ Готскими племенами и покоренія большей части Восточной Европы, это скромное и едва извѣстное дотолѣ имя сдѣлалось громкимъ; по обыкновенію оно распространилось на покоренные народы, какъ родственнаго такъ и совершенно чуждаго происхожденія, т. е. распространилось въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей; но сами народы обыкновенно держатся своего роднаго имени, которое мѣняютъ весь-

* Однако до сихъ поръ встрѣчаемъ труды, отправляющіеся отъ той же исходной точки зрѣнія на Гунновъ. Укажу на сочиненіе г. Крьстьовича: Исторія Блъгарска. Ч. I. Цариградъ. 1871. Ближе чѣмъ Венелинъ подошелъ къ истинѣ его послѣдователь Серг. Уваровъ въ своей диссертаціи De Bulgarorum utrorumque origine. Dorpati, 1853. Но онъ не довелъ этого вопроса до надлежащей степени ясности и критики.

ма рѣдко и весьма туго. Такъ, византійскіе историки иногда причисляютъ къ Гуннамъ готское племя Гепидовъ (Пасхальная хроника), или употребляютъ названіе Гунновъ и Славянъ безразлично („Гунны иначе Стлавины", выражается Кедринъ, разсказывая объ ихъ нашествіи на Ѳракію въ 559 г.). А Прокопій замѣчаетъ, что Славяне въ обычаяхъ и образѣ жизни имѣютъ много общаго съ Гуннами. Сходство бытовыхъ чертъ не мало способствовало смѣшенію разныхъ варварскихъ народовъ подъ однимъ общимъ именемъ, и отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ менѣе всего можно требовать точнаго этнографическаго распредѣленія на основаніи языка. Послѣ того какъ Авары въ VI вѣкѣ наложили свое иго на нѣкоторыя Славянскія племена, обитавшія по Дунаю, эти племена называются иногда Аварами и притомъ въ эпоху, когда Аварское иго обратилось уже въ преданіе. („Склавы, которые и Аварами называются", говоритъ Константинъ Б. въ своемъ соч. „Объ управленіи имперіей", гл. 29).

Если имя господствующаго народа переходило на чуждыя племена, то разумѣется еще легче утверждалось оно за племенами родственными. Такъ Угры, пришедшіе на Дунай въ IX вѣкѣ, у Византійцевъ именуются или Турки, или Гунны, тогда какъ сами себя они называютъ Мадьяры; а Славянское ихъ названіе, т. е. Угры, есть нпчто иное какъ сокращеніе сложнаго имени Гунногуры или Унгуры, откуда съ уничтоженіемъ носоваго звука произошло *Угры*. Выше мы уже имѣли случай замѣтить, что это народное имя находится въ связи съ названіями нѣкоторыхъ рѣкъ и встрѣчается въ разныхъ краяхъ Россіи; такъ мы имѣемъ Югру на сѣверовостокѣ и Ингру или Ижору на сѣверозападѣ— все племена Финскаго или Чудскаго корня. Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ съ одной стороны родство Гунновъ Аттилы съ современными Уграми, а съ другой то положеніе, что Славяне, какъ ихъ исконные и близкіе сосѣди, очень хорошо знали это родство финскихъ племенъ, не смотря на ихъ широкое разселеніе; между тѣмъ какъ византійскіе и латинскіе писатели очевидно путались въ лабиринтѣ варварскихъ народныхъ именъ. Подъ общимъ или родовымъ названіемъ Гунновъ у нихъ встрѣчаются многія видовыя имена: Акациры, Бурогунды, Кутургуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр. *. Почти каждое изъ этихъ

* См. Memoriae Populorum. I. 451.

названій имѣетъ еще свои варіанты. Со стороны исторіографіи было великою ошибкою всѣ означенные народы считать вѣтвями одного и того же Гуннскаго или Угорскаго поколѣнія. Къ Гуннамъ причисляются иногда чуть не всѣ обитатели Дунайской и юговосточной Европейской равнины; но если бы всѣ эти народы были дѣйствительно Гунны, то куда же они исчезли такъ быстро и откуда на ихъ мѣстѣ внезапно явились народы совершенно другіе, за исключеніемъ сравнительно небольшаго племени Угровъ? Ясно, что подъ этими названіями скрываются иныя племена, и преимущественно Славянскія. Однимъ словомъ, въ извѣстный періодъ времени слово Гунны употреблялось вообще для обозначенія варваровъ Южной Россіи и пріобрѣло почти географическое значеніе; оно замѣнило собою прежнее слово Скиѳы. Впрочемъ послѣднее названіе пережило Гунновъ, и сами Гунны нерѣдко въ источникахъ называются Скиѳами. На это географическое значеніе между прочимъ указываетъ Іорнандъ, который говоритъ, что страна къ сѣверовостоку отъ Дуная называлась *Гуннивара*.

Чтó касается до окончанія народныхъ именъ на *уры*, *гуры* или *гры*, то это окончаніе нисколько не означаетъ народовъ Тюркскихъ или Финскихъ; оно отбрасывалось или прибавлялось, не измѣняя кореннаго смысла въ названіи. Возмемъ, напримѣръ у Прокопія названіе *Утургуры* или *Утигуры* съ его варіантами, у Агаѳія и Менандра *Утригуры* и *Витигуры*, а въ передачѣ Іорнанда *Витугоры*. Если отбросимъ окончаніе, то получимъ коренное названіе *Уты* или *Виты*, а, взявъ въ расчетъ древнее юсовое произношеніе (Ѫты), будемъ имѣть Онты или *Анты* — столь извѣстное названіе восточныхъ Славянъ. Витичи или Вятичи нашей лѣтописи есть только варіантъ того же названія (собственноВанты или Вантичи); въ связи съ нимъ находится имя древняго города Витичева на Днѣпрѣ. Точно также *Кутургуры* Прокопія, *Котрагиры* или *Котригуры* Агаѳія и Менандра имѣютъ форму *Котраги* у Ѳеофана и Никифора слѣдовательно коренное названіе будетъ *Куты* или *Кутры* (м. б. тоже чтò Скуты или Скиѳы). У Іорнанда встрѣчаемъ *Сатагаровъ* или просто *Сатаговъ*, народъ Сарматскій или Аланскій; а извѣстно, что Сарматы-Алане не были Гуннами. Прискъ въ числѣ народовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, называетъ *Амалзуровъ;* но тутъ очевидно подразумѣваются Остроготы, у которыхъ былъ княжескій родъ Амаловъ. Напомнимъ также названіе одного Гер-

манскаго племени *Гермундуры*, и проч. Слѣдовательно на *гуры* и *гары* не принадлежало никакой опредѣленной

Итакъ кромѣ своего настоящаго имени Болгаре средневѣковыхъ писателей подъ весьма разнообразными іями, напримѣръ: Гунны, Гунногундуры, Гуннобундобр Киммеріяне, Массагеты, Скиѳы, Котраги, Мизы и даже В Важная ошибка исторіографіи заключается въ томъ, ч излагала первоначальныя судьбы Болгаръ на основаніи этого имени въ источникахъ, и упускала изъ виду многі стія, въ которыхъ Болгаре являются подъ другими и Главнымъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи Болгаръ венно принималось сказаніе о раздѣленіи ихъ на пять между сыновьями Кубрата и о поселеніи Аспаруховой ч Дунаѣ только во второй половинѣ VII вѣка. А вся дыдущая исторія являлась въ видѣ нѣсколькихъ отрыв свидѣтельствъ, т. е. такихъ только, въ которыхъ упом слово Болгаре. Подъ этимъ именемъ они встрѣчаются но у позднѣйшихъ писателей (Ѳеофана, Кедрина, Зона встрѣчаются у нихъ уже въ разсказахъ о второй пол вѣка, т. е. объ эпохѣ, наступившей послѣ паденія Гуннской державы. Болгаре начали производить въ нашествія за Дунай во Ѳракію, и вскорѣ сдѣлались так ны, что императоръ Анастасій въ началѣ VI вѣка п длинную стѣну отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чт зопасить отъ нихъ столицу. Но какъ же могло случит бы Болгаре, если вѣрить хроникѣ Ѳеофана, только в половинѣ VII вѣка передвинулись на Дунай изъ за Т Меотиды, если почти за два вѣка они, по извѣстію ме чимъ того же Ѳеофана, уже являются во Ѳракіи, и стол зантійской имперіи огораживается новою стѣною для отъ этихъ варваровъ? Надъ такою несообразностію не вился доселѣ никто изъ славянскихъ ученыхъ, касавши гарской исторіи. Повторяю, главное недоразумѣніе закл въ названіяхъ. Только довольно поздніе византійскіе лѣ стали употреблять имя Болгаръ, и начальная ихъ ис сихъ поръ основывалась преимущественно на извѣстія фана и Никифора, писателей первой половины IX вѣка болѣе позднихъ компиляторовъ, каковы Кедринъ и Зона

---

* См. Memoriae Pop. II. 442.

ютъ ихъ сбивчивые разсказы о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, подѣлившихъ между собою Болгарскій народъ, принимаютъ буквально, т. е. безъ всякой критики.

А между тѣмъ болѣе раннiе византiйскiе писатели сообщаютъ намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнiя о судьбахъ Болгаръ до второй половины VII вѣка, только подъ другими именами.

II.

Утургуры и Кутургуры Прокопія и Агаѳія.

Писатели VI вѣка, каковы Прокопiй, младшiй его современникъ Агаѳiй и продолжатель Агаѳiя Менандръ, совсѣмъ не употребляютъ имени Болгаре, а называютъ ихъ Утургурами и Кутургурами. Подобное тому явленiе представляетъ Аммiанъ Марцеллинъ, который, повѣствуя о нашествiи Гунновъ на Готскiе народы, не знаетъ Iорнандовыхъ Остроготовъ и Визиготовъ, а называетъ ихъ Грутунгами и Тервингами; Прокопiй, хотя и современникъ Iорнанда, также не знаетъ Остроготовъ и называетъ ихъ Тетракситами. Имя Болгаръ точно также не было неизвѣстно во времена Прокопiя, ибо о нихъ упоминаютъ и западные или латинскiе лѣтописцы VI вѣка, каковы Комисъ Марцеллинъ и Iорнандъ *. Въ этомъ случаѣ мы находимъ замѣчательную аналогiю съ именемъ Русь. Византiйскiе писатели употребляютъ это имя только съ IX вѣка; между тѣмъ какъ западные упоминаютъ его ранѣе, напримѣръ тотъ же Iорнандъ и потомъ географы Равенскiй и Баварскiй. Какъ Русь у старѣйшихъ византiйскихъ писателей скрывается подъ именами Антовъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ и пр.; такъ и Болгаре долгое время скрываются подъ именемъ Гунновъ и другими указанными вы-

* Нѣкоторые другiе случаи древнѣйшаго упоминанiя имени Болгаръ см. въ любопытномъ изслѣдованiи г. Дринова: *Заселенiе Балканскаго полуострова Славянами* (Москва, 1873 г., стр. 90), а также въ Romänische Studien von Roesler (Leipzig 1871 г., стр. 234 и 235). Изъ византiйскихъ историковъ первый употребляющiй имя Болгаръ, вмѣсто Гунновъ, есть Ѳеофилактъ Симоката. А онъ писалъ въ первой четверти VII вѣка, слѣдовательно былъ почти современникъ Менандра.

ше, преимущественно же подъ названіями Утургуровъ и Кутургуровъ съ ихъ варіантами. Хотя никто изъ послѣдователей Тюрко-Финской теоріи собственно не отвергаетъ родства Болгаръ съ Кутургурами и Утургурами Прокопія или Агаѳія *; однако, повторяю, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на противорѣчія между сказаніями Ѳеофана и Никифора о приходѣ Болгаръ на Дунай въ VII в. и извѣстіями Прокопія. Послѣдніе писали о событіяхъ имъ современныхъ, а потому должны служить провѣркою для писателей болѣе позднихъ. Обратимся къ этимъ извѣстіямъ.

Вотъ сущность того, чтó сообщаетъ Прокопій о началѣ Болгарской исторіи (*О Гот. войнѣ* кн. IV, и *О постройкахъ* кн. III и IV):

За Танаисомъ, между Понтомъ и Меотидой, обитаютъ „Утургуры, когда-то называемые иначе Киммеріяне"; далѣе къ сѣверу живутъ „безчисленныя племена Антовъ"; а тамъ, гдѣ открывается проливъ Киммерійскій, находятся Готы „по прозванію Тетракситы". Нѣкогда великій народъ Гунновъ или Киммеріянъ повиновался одному царю; но по смерти его два сына, Утургуръ и Кутургуръ, раздѣлили между собою народъ; по ихъ именамъ одна часть назвалась Утургурами, а другая Кутургурами. Киммеріяне или Гунны обитали по ту сторону Меотиды; а по сю сторону жили Готскіе народы, „которые нѣкогда Скиѳами назывались". Послѣ того какъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ удалились, именно Вандалы въ Африку, а Визиготы въ Испанію, однажды—„если только молва справедлива"—нѣсколько киммерійскихъ юношей, гоняясь за ланью, перебрались черезъ Меотиду, и такимъ образомъ открыли бродъ. Киммеріяне воспользовались этимъ открытіемъ; они тотчасъ вооружились, перешли на другой берегъ, напали на Готовъ, и многихъ побили; остальные спаслись бѣгствомъ**. Послѣдніе ушли за Дунай, и получили отъ Римскаго императора жилища во Ѳракіи; часть ихъ вступила въ римскую службу подъ именемъ *фѐдератовъ*; а

---

* Они даже прямо отождествляютъ Кутургуровъ и Утургуровъ съ Болгарами, напримѣръ: Шлёцеръ (Allgem. Nord. Geschichte, 358), Тунманъ (32—34), Энгель (254), Чертковъ (О переводѣ Манасіиной лѣтописи. 47) и Рёслеръ (236).

** Басню о лани, показавшей Гуннамъ путь черезъ Меотиду, Іорнандъ относитъ къ первому нашествію Гунновъ на Остготовъ, т. е. ко временамъ Германриха.

другая часть потомъ подъ начальствомъ Теодориха двинулась въ Италію. Мѣста, гдѣ прежде обитали Готы, теперь заняты были Кутургурами. Хотя они ежегодно получаютъ большіе дары отъ императора (Юстиніана), однако не перестаютъ переходить Истръ и дѣлать набѣги на римскія провинціи, въ качествѣ то союзниковъ, то непріятелей. Между тѣмъ Утургуры воротились на берега Меотиды; здѣсь они вступили въ борьбу съ оставшимися въ томъ краю Готами Тетракситами. Наконецъ по обоюдному согласію оба народа размѣстились на противоположныхъ берегахъ пролива, соединяющаго Меотиду съ Понтомъ, при чемъ Утургуры заняли свои прежнія жилища. Тамъ, за Таврами и Тавроскиѳами, на границахъ Римской имперіи лежатъ приморскіе города Херсонъ и Боспоръ, которыхъ стѣны, пришедшія въ ветхость, императоръ Юстиніанъ перестроилъ вновь. Кромѣ того онъ построилъ крѣпости Алустонъ и Горсувитъ (нынѣ Алушта и Гурзуѳъ). Особенно онъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Римлянъ. А другіе два города, Кипы и Фанагурію, съ давняго времени принадлежавшіе Римлянамъ, сосѣдніе варвары недавно взяли и совершенно разорили. „Страну же между Херсономъ и Боспоромъ держатъ въ своихъ рукахъ варвары, преимущественно Гунны“.

Мы привели изъ сочиненій Прокопія наиболѣе существенныя данныя для исторіи Болгаръ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что его географическія указанія могутъ быть принимаемы только въ общихъ чертахъ; такъ какъ въ своихъ частностяхъ онѣ не отличаются большою точностію и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія. Онъ писалъ о томъ краѣ очевидно по слуху, а самъ его не видалъ и яснаго географическаго представленія о немъ не имѣлъ. Напримѣръ, Готы Тетракситы или Остроготы по смыслу его извѣстій прежде обитали гдѣ-то на западной сторонѣ Меотиды, т. е. Азовскаго моря, откуда были изгнаны Гуннами Кутургурами и Утургурами на Балканскій полуостровъ; при чемъ Кутургуры заняли ихъ мѣста. Но Утургуры, возвращаясь изъ похода, натолкнулись опять на Готовъ Тетракситовъ; слѣдовательно не всѣ Остготы были изгнаны изъ южной Россіи Болгарами, которыхъ онъ называетъ общими именами Гунновъ и Киммеріянъ (послѣднее вѣроятно по ихъ жительству около Киммерійскаго Боспора).

Послѣ упорной борьбы противники заключили миръ и размѣстились по обоюдному согласію; при чемъ Готы поселились въ Тавридѣ, а Утургуры заняли опять свои прежнія жилища по ту сторону пролива, т. е. на устьяхъ Кубани. Такимъ образомъ на основаніи *Готской войны* Прокопія можно заключить, что Тетракситы и Утургуры въ его время отдѣлялись другъ отъ друга Боспорскимъ проливомъ. Но въ иномъ его сочиненіи, *О постройкахъ*, онъ сообщаетъ, что Тетракситы занимали приморскую страну Дори; а эта страна совсѣмъ не лежала на берегу пролива. Она находилась въ самой южной части Крыма, гдѣ, благодаря гористому положенію, Готы долго еще сохраняли свою народность. Съ другой стороны изъ словъ Прокопія о поселеніи варваровъ, преимущественно Гунновъ, между Боспоромъ и Херсономъ ясно, что не всѣ Утургуры перешли обратно на Кубань, но что значительная часть ихъ обитала въ восточныхъ краяхъ Таврики, и здѣсь-то она дѣйствительно находилась въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Готами Тетракситами. Это соображеніе подтверждается тѣмъ же Прокопіемъ. Онъ говоритъ, что Тетракситы и Утургуры, заключивъ миръ, жили потомъ въ дружбѣ и союзѣ другъ съ другомъ; но въ иномъ мѣстѣ сообщаетъ данное, не совсѣмъ подтверждающее искренность этой дружбы, по крайней мѣрѣ со стороны Готовъ. А именно: въ двадцать первомъ году Юстиніанова царствованія Тетракситы, бывшіе христіанами, прислали къ императору четырехъ пословъ съ просьбою назначить имъ епископа на мѣсто недавно умершаго. Опасаясь Гунновъ Утургуровъ, послы на торжественномъ пріемѣ объявили только одну эту причину посольства; а потомъ въ тайныхъ переговорахъ они объяснили, какую пользу можетъ получить имперія, если постарается питать раздоры между сосѣдними варварами. (О Гот. войнѣ. кн. IV гл. 4).

Точно также неясно, кого собственно Прокопій подразумѣвалъ подъ именемъ Тавроскиѳовъ, говоря, что „приморскіе города Боспоръ и Херсонъ лежатъ за Таврами и Тавроскиѳами" (О пост. кн. III гл. 7). Въ другомъ мѣстѣ (О Гот. в. кн. IV. гл. 5) Прокопій толкуетъ о томъ, что равнину около Меотійскаго озера занимаютъ Гунны Кутургуры, что часть ея принадлежитъ Скиѳамъ и Таврамъ, отчего и называется Таврикой; а за тѣмъ говоритъ объ извѣстномъ храмѣ Діаны, въ которомъ была жрицею Ифигенія. Вообще обычай византійскихъ историковъ, къ своимъ извѣстіямъ о Скиѳскихъ стра-

нахъ примѣшивать басни древнихъ писателей, поддерживаетъ запутанность и сбивчивость этихъ извѣстій. Впослѣдствіи византійцы подъ именемъ Тавроскиѳовъ разумѣютъ преимущественно Руссовъ; а въ упомянутомъ мѣстѣ Прокопія это имя можетъ быть отнесено и къ Готамъ Тетракситамъ, и къ Гуннамъ-Утургурамъ, которые жили по обѣимъ сторонамъ Боспора. Собственные же Руссы безъ сомнѣнія скрываются у него между тѣми „безчисленными племенами Антовъ", которые обитали къ сѣверу отъ страны Утургуровъ. Послѣднее названіе, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ тотъ же корень какъ Анты и Вятичи; въ данномъ случаѣ этотъ корень можетъ намекать и на общее происхожденіе этихъ народовъ. Самая борьба съ Готами и изгнаніе ихъ изъ южной Россіи были общимъ дѣломъ Гунновъ и Антовъ, т. е. Болгаръ и Руссовъ; ибо и послѣдніе также были нѣкогда сосѣдями Готовъ. На это совокупное дѣйствіе противъ нихъ со стороны Славянскихъ племенъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, прямо указываетъ современникъ Прокопія Іорнандъ.

Не смотря на указанныя нами нѣкоторыя неточности въ сочиненіяхъ Прокопія, извѣстія его для насъ въ высшей степени драгоцѣнны и должны служить исходными пунктами для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Во времена Юстиніана I, *Гунны*, *Склавины* и *Анты* почти ежегодными нашествіями опустошали Иллирію, Ѳракію, Грецію, Херсонесъ Ѳракійскій и всю страну отъ Іонійскаго моря до предмѣстья Константинополя; вслѣдствіе истребленія и плѣненія жителей, въ этихъ провинціяхъ можно было видѣть „почти скиѳскія пустыни" (Hist. Arcana c. 18). Въ своей исторіи о Готской войнѣ Прокопій изображаетъ цѣлый рядъ этихъ нашествій, предпринятыхъ то Славянами и Антами отдѣльно, то въ соединеніи съ Гуннами Кутургурами. (У Ѳеофана же и другихъ болѣе позднихъ историковъ при расказѣ объ этихъ войнахъ вмѣсто Кутургуровъ Прокопія упоминаются или просто Гунны, или Болгаре). Юстиніанъ строитъ непрерывный рядъ укрѣпленій по Дунаю, чтобы защитить имперію противъ неукротимыхъ варваровъ. Но это не мѣшало послѣднимъ переходить рѣку, пользуясь особенно тѣмъ временемъ, когда она замерзала. Однако, благодаря принятымъ мѣрамъ, варвары, обремененные добычею, нерѣдко подвергались пораженіямъ на своемъ обратномъ походѣ изъ византійскихъ провинцій. Ихъ нападе-

нія особенно усилились къ концу Юстиніанова царствованія, когда императоръ, по словамъ одного писателя (Агаѳія) устарѣлъ и когда ослабѣла его энергія въ учрежденіяхъ воинскихъ. Въ это время, по отношенію къ варварамъ, онъ усвоилъ себѣ политику, основанную преимущественно на хитрости и вѣроломствѣ, т. е. старался истреблять ихъ, возбуждая между ними раздоры и вооружая ихъ другъ противъ друга. Такая политика была конечно плодомъ его собственной опытности и изворотливости, а не явилась вслѣдствіе совѣта Готовъ Тетракситовъ, о которомъ повѣствуетъ Прокопій. Юстиніанъ платилъ ежегодную дань сосѣднимъ съ имперіей Кутургурамъ; но такъ какъ этою данью не удерживался отъ нападеній народъ, находившійся подъ властію многихъ и рѣдко согласныхъ между собою князей, то императоръ старался частыми подарками пріобрѣсти дружбу Утургуровъ. Послѣдніе по своей отдаленности были почти безопасны для византійскихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ; но они могли быть полезными союзниками противъ своихъ родичей.

Въ 551 году 12.000 Кутургуровъ, предводимые княземъ Хиніаломъ, съ помощію паннонскихъ Гепидовъ переправились за Дунай, и начали производить свои обычные грабежи и разоренія. Тогда Юстиніанъ отправилъ пословъ къ князьямъ Утургуровъ. Посольство упрекало варваровъ въ томъ, что они, предаваясь праздности, позволяютъ другимъ разорять своихъ союзниковъ Римлянъ. Оно ловко затронуло жадность варваровъ, указавъ на Кутургуровъ, которые недовольствуются ежегодною денежною данью, а еще грабятъ римскія провинціи, при чемъ по своему высокомѣрію не думаютъ дѣлиться добычею съ Утургурами; такъ что послѣднимъ нѣтъ никакой пользы отъ этой добычи. Подобныя коварныя внушенія сопровождались конечно большими дарами и обѣщаніемъ еще большихъ. Утургуры поддались на эти рѣчи, собрали дружину, и присоединили къ ней еще 2000 своихъ сосѣдей Готовъ Тетракситовъ. Подъ предводительствомъ князя Сандила они напали на жилища Кутургуровъ, разгромили ихъ и увели съ собой множество ихъ женъ и дѣтей. Этимъ погромомъ воспользовались тысячи римскихъ плѣнниковъ, находившихся въ рабствѣ у Кутургуровъ, и бѣжали въ отечество, никѣмъ непреслѣдуемые. Между тѣмъ сами же Римляне поспѣшили извѣстить Хиніала о бѣдствіи постигшемъ его страну. Это извѣстіе также подкрѣплено

было порядочною суммою золота. Тогда Кутургуры поспѣшили заключить миръ съ Римлянами и безъ всякаго полона отправились на защиту собственнаго отечества.

Въ мирный договоръ включено и такое условіе: тѣ Кутургуры, которые будутъ не въ силахъ отстоять родную землю, возвратятся въ Римскіе предѣлы, императоръ дастъ имъ землю во Ѳракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ. Въ силу этого условія дѣйствительно часть Кутургуровъ, побѣжденная Утургурами, съ своими женами и дѣтьми удалилась къ Римлянамъ и получила землю во Ѳракіи. Въ числѣ ея предводителей былъ Синніо, тотъ самый, который сражался подъ знаменами Велизарія противъ Вандаловъ какъ одинъ изъ начальниковъ наемныхъ гунно-славянскихъ отрядовъ. Слухъ о такомъ оборотѣ дѣла привелъ Сандила въ сильное негодованіе: мстя за обиду Римлянъ, онъ выгналъ собственныхъ родичей изъ ихъ страны; а они послѣ того нашли себѣ убѣжище въ Римской землѣ, гдѣ пользуются гораздо бо̀льшими удобствами чѣмъ въ прежнихъ жилищахъ, изобилуя виномъ, дорогими тканями, золотомъ, и сверхъ того имѣя возможность наслаждаться римскими *банями*; между тѣмъ какъ Утургуры, не смотря на свои труды и заслуги, продолжаютъ обитать въ безплодныхъ пустыняхъ. Въ этомъ смыслѣ утургурскіе послы изложили свою жалобу императору, впрочемъ не письменно, а по обычаю варваровъ изустно; при чемъ рѣчь свою произнесли „какъ по писанному", замѣчаетъ Прокопій. Но византійское правительство съумѣло конечно льстивыми увѣщаніями и богатыми дарами успокоить негодованіе своихъ союзниковъ.

Почти тоже самое, только еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, повторилось спустя лѣтъ семь или восемь; о чемъ подробно повѣствуетъ продолжатель Прокопія Агаѳій *. (Agathiae hist. L. V). Это было знаменитое нашествіе Кутургуровъ на Византійскую имперію подъ начальствомъ ихъ князя Забергана въ 559 году. Полчища ихъ раздѣлились: одна часть пошла на Грецію, другая на Херсонесъ Ѳракійскій, а самъ Забергань съ 7000 отборной конницы подступилъ къ Константинополю. Что-

* Также какъ Прокопій, и Агаѳій вмѣсто Болгаръ употребляетъ общее названіе Гунны и дѣлитъ ихъ на Котригуровъ и Утигуровъ; но къ этимъ двумъ прибавляетъ еще два племени: *Ультинзуровъ* и *Бурузундовъ*.

бы спасти столицу, императоръ вызвалъ изъ уединенія престарѣлаго Велизарія, и послѣдній съ горстью наскоро собраннаго войска дѣйствовалъ такъ удачно, что Заберганъ былъ принужденъ отступить. Отрядъ, посланный на Грецію, воротился, будучи не въ состояніи прорваться сквозь Ѳермопилы. Тѣ, которые осаждали Ѳракійскій Херсонесъ, также не успѣли имъ овладѣть. Изъ подробностей послѣдней осады обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Потерпѣвъ неудачу съ сухого пути, варвары довольно искусно устроили лодки изъ тростника, и на этомъ легкомъ флотѣ попытались сдѣлать нападеніе съ моря. Начальникъ греческаго гарнизона Германъ во время принялъ свои мѣры, и попытка непріятелей осталась безъ успѣха. Но она подтверждаетъ, что Кутургуры не были угорскіе Гунны, какъ извѣстно неспособные ни къ какимъ морскимъ предпріятіямъ; эта попытка указываетъ на понтійскихъ Славянъ, которые съ одинаковою отвагою дѣйствовали и на сушѣ, и на морѣ *.

Когда всѣ отряды собрались, Заберганъ повелъ ихъ назадъ; но онъ это сдѣлалъ не прежде, какъ получилъ отъ Римлянъ значительный окупъ и заставилъ ихъ выкупить также плѣнниковъ, угрожая въ противномъ случаѣ избіеніемъ послѣднихъ. Юстиніанъ на сколько можно старался удовлетворить алчность варваровъ, лишь бы побудить ихъ къ удаленію изъ своихъ предѣловъ. А между тѣмъ онъ отправилъ посланіе къ князю Утургуровъ Сандилу. Въ этомъ посланіи императоръ опять укорялъ его въ лѣности и безпечности, съ которыми тотъ допускаетъ грабить Римлянъ и брать у нихъ золото, назначавшееся для союзниковъ; онъ грозилъ на будущее время прекратить обычную плату Утургурамъ, а отдавать ее Кутургурамъ и заключить съ ними союзъ, какъ съ народомъ болѣе отважнымъ и сильнымъ. Подобныя укоризны и угрозы какъ нельзя лучше достигли своей цѣли. Сандилъ немедленно собралъ войско, разорилъ жилища Кутургуровъ, а потомъ подстерегъ послѣднихъ, возвращавшихся изъ за Дуная съ огромною добычею, разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу **.

* По поводу именно этого нашествія Кутургуровъ Кедринъ выразился «Гунны или Славяны»; а современникъ самаго событія африканскій епископъ Викторъ Туннуненскій называетъ ихъ вмѣсто Кутургуровъ просто *Болгарами*. Roncal. Vet. lat. Chron. II. 377.

** Замѣчательное сходство въ описаніяхъ обоихъ нашествій, 551 и 559 гг., заставляютъ подозрѣвать какое либо недоразумѣніе. Оба пи-

Агаѳій прибавляетъ, что эта ловкая политика Юстиніана воздвигла между варварами такія междоусобныя войны, которыя довели ихъ почти до взаимнаго истребленія. Хотя извѣстіе объ истребленіи слишкомъ преувеличено, однако жестокія междоусобія двухъ главныхъ Болгарскихъ народовъ принесли обычный плодъ: они такъ ослабѣли, что вскорѣ подпали подъ иго другихъ варваровъ, которые являются подъ именемъ Аваръ. А что Кутургуры далеко не были истреблены, видно изъ слѣдующаго. По словамъ Менандра, въ царствованіе Юстина II, въ 574 году аварскій каганъ Баянъ послалъ 10,000 Кутургуровъ разорять Далмацію; онъ потребовалъ отъ императора той же дани, которую получали отъ Юстиніана Кутургуры и Утургуры, такъ какъ оба эти народа покорились теперь Аварамъ. Впрочемъ подъ аварскимъ игомъ находилась собственно западная вѣтвь Болгаръ, т. е. Кутургуры; а восточная вѣтвь или Утургуры, спустя нѣсколько лѣтъ, по извѣстію того же Менандра, встрѣчается въ зависимости отъ новыхъ завоевателей, которые появились одновременно съ Аварами; мы говоримъ о Туркахъ, впослѣдствіи называемыхъ Хазарами.

III.

Іорнандъ. Манасія. Легенда Ѳеофана и Никифора о раздѣленіи Болгаръ и ихъ разселеніи.

Сличимъ извѣстія Прокопія съ извѣстіями его современника Іорнанда, епископа Равенскаго. Онъ былъ смѣшаннаго гото-аланскаго происхожденія, изъ Нижней Мизіи, и очевидно имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о народахъ Восточной Европы; впрочемъ у него также дѣло не обходится безъ явной сбивчивости и примѣси древняго баснословія. Хотя понятію о Гуннахъ онъ не придаетъ такого обширнаго объема какъ византійскіе историки, однако иногда относитъ къ нимъ и другіе народы, напримѣръ Болгаръ; но онъ знаетъ послѣднихъ и подъ ихъ собственнымъ именемъ.

сателя, Прокопій и Агаѳій, не повѣствуютъ ли въ сущности объ одномъ и томъ же событіи?

Перечисляя современныхъ ему обитателей Скиѳіи (гл. V), Іорнандъ говоритъ о „многочисленномъ народѣ Винидовъ, имена которыхъ измѣняются по разнымъ племенамъ и различнымъ мѣстамъ, ими обитаемымъ; главныя же ихъ названія суть Склавины и Анты“. Склавины, по его словамъ, живутъ отъ Мурсіанскаго озера (Балатона) до Днѣстра и Вислы, а на востокъ отъ нихъ до Дуная—Анты, еще болѣе храбрые чѣмъ Склавины. Днѣпръ онъ называетъ Дунаемъ, ссылаясь на то, что этимъ именемъ зовутъ его сами туземцы. Но восточную границу Антовъ Іорнандъ опредѣлилъ невѣрно: Днѣпръ былъ ихъ средоточіемъ (напомнимъ, что Прокопій полагалъ ихъ сосѣдями Утургуровъ на прибрежьяхъ Меотійскаго озера). Далѣе, гдѣ-то за Агацирами надъ Понтомъ онъ помѣщаетъ жилища Булгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за наши грѣхи. „Отсюда-то воинственные Гунны нѣкогда двойнымъ нашествіемъ обрушились на народы. Ибо одни изъ нихъ называются *Аулзягры*, а другіе Авиры; тѣ и другіе обитаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Аулзягры живутъ около Херсона, куда алчный купецъ привозитъ дорогіе азійскіе товары; лѣтомъ они скитаются по широкимъ равнинамъ, выбирая мѣста съ обильными пастбищами для своихъ стадъ; а на зиму удаляются къ берегамъ Понта. Что же касается до Гунугаровъ, то они извѣстны по куньимъ мѣхамъ, которыми снабжаютъ торговлю“. Здѣсь мы видимъ у Іорнанда очевидное смѣшеніе настоящихъ Гунновъ съ тѣми народами, которые дѣйствовали съ ними за одно противъ любезныхъ ему Готовъ. Но о какомъ двойномъ нашествіи онъ говоритъ? Мы думаемъ, что тутъ надобно разумѣть, во первыхъ, движеніе настоящихъ Гунновъ, которые, соединясь съ восточными сармато-славянскими народами (упомянутыми у Амміана Марцелина подъ общимъ именемъ Аланъ) обрушились въ IV вѣкѣ на Готовъ; что и побудило часть послѣднихъ, именно Визиготовъ, уйти на Балканскій полуостровъ. А второе движеніе конечно есть не что иное какъ изгнаніе и другой части, т. е. Остроготовъ, изъ южной Россіи тѣми же сарматославянскими народами, Антами и Болгарами, спустя около ста лѣтъ, т. е. во второй половинѣ V вѣка; это именно та война Кутургуровъ и Утургуровъ съ Готами, которую мы встрѣтили у Прокопія. Далѣе, что такое за Гунны Аулзягры, обитающіе гдѣ-то около Херсонеса Таврическаго? По всей вѣроятностя это Гунны Утургуры Прокопія; а

имя ихъ, Аулзягры (или Вулзягры?) можетъ быть представляетъ тоже, только испорченное, слово Вулгары, и Равенскій епископъ, конечно на основаніи болѣе отдаленнаго мѣста жительства, отличаетъ ихъ отъ другой вѣтви, которую онъ называетъ собственно Вулгарами, т. е. отъ Кутургуровъ Прокопія. Раздѣливъ Гунновъ на Аулзягровъ и Авировъ, Іорнандъ потомъ забываетъ сказать что нибудь объ Авирахъ; а вмѣсто нихъ говоритъ о Гунугарахъ богатыхъ куньими мѣхами. Эти послѣдніе конечно и составляли истинно Гуннское или Угорское племя, обитавшее въ странахъ Поволжскихъ и Подонскихъ, откуда вышли настоящіе Угры, и гдѣ впослѣдствіи встрѣчаемъ Буртасовъ или Мордву и другіе финскіе народцы, занимавшіеся звѣроловнымъ промысломъ.

Въ иномъ мѣстѣ своего сочиненія (гл. XXIII) Іорнандъ возвращается къ Славянскимъ народамъ, которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ Винидовъ или Венетовъ, и говоритъ: „Эти народы, происшедшіе, какъ я сказалъ, отъ одного корня, имѣютъ три имени, т. е. Венеты, Анты и Склавы; они свирѣпствуютъ теперь за грѣхи наши“. Мы видѣли, что послѣднее выраженіе выше онъ употребилъ именно о Болгарахъ. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ славянскихъ народовъ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ въ предѣлы Восточной Римской имперіи Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя видовыя названія Гунновъ (собственно Болгаръ), приводимыя византійцами, встрѣчаются также у Іорнанда, напримѣръ: Ульцингуры (Ультинзуры Агаѳія) и Витугоры (Витигуры Менандра); но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннамъ, какъ это дѣлаютъ византійцы; а относитъ къ тѣмъ немногимъ народамъ, которые оставались еще въ Гуннской зависимости во время Денгизиха, сына Аттилы (гл. LIII).

Но возвратимся къ судьбѣ Болгаръ по византійскимъ источникамъ.

Во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го мы находимъ Кутургуровъ подъ игомъ Аваръ и вспомогательныя болгаро-славянскія дружины въ войскахъ Аварскаго кагана. Прежнее названіе Гуннами и Кутургурами начинаетъ у византійцевъ мало-по-малу замѣняться другими именами. Но до какой степени еще долго не устанавливались и путались народныя имена, показываютъ извѣстія о нападеніи на Констан-

тинополь въ 626 году, во время знаменитой борьбы императора Праклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Между тѣмъ какъ на азіатскомъ берегу Боспора появилось персидское войско, съ европейской стороны Константинополь былъ окруженъ полчищами аварскаго кагана, союзника Хозроева. По извѣстіямъ Хроники Пасхальной и патріарха Никифора вспомогательныя войска кагана состояли изъ Славянъ; Θеофанъ называетъ Булгаръ, Славянъ и Гепидовъ, причемъ Гуннами онъ исключительно именуетъ Аваръ; а Манасія аварскихъ подручниковъ называетъ Тавроскиθами. Когда осаждавшіе сдѣлали попытку дѣйствовать на городъ съ моря, то замѣчательно, что въ этомъ случаѣ по обыкновенію выступили не сами Авары, а ихъ славянскіе подручники на своихъ однодеревкахъ. Манасія говоритъ: „князья неистовыхъ Тавроскиθовъ, собравъ корабли съ безсмѣтнымъ числомъ воиновъ, покрыли все море ладьями однодеревками". Народы, осаждавшіе Византію, онъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Персъ уподоблялся колючему скорпіону, свирѣпое племя Скиθовъ ядовитому змію, а народъ Тавроскиθскій саранчѣ, которая и ходитъ, и летаетъ" (т. е. двигается и на сушѣ, и на морѣ. Ed Bon. 162). Подъ именемъ Скиθовъ тутъ разумѣются по всей вѣроятности Авары, а Тавроскиθы очевидно означаютъ Болгарскія племена, жившія надъ самымъ Чернымъ моремъ и привычныя къ мореплаванію. Замѣтимъ, что Манасія писалъ въ XII вѣкѣ, когда именемъ Тавроскиθовъ византійцы обозначали вообще южнорусскихъ Славянъ. Патріархъ Никифоръ, писатель первой половины IX вѣка, слѣдовательно жившій гораздо ближе къ событію чѣмъ Манасія, говоритъ, что въ морскомъ сраженіи подъ стѣнами Константинополя славянскія лодки были разсѣяны; при чемъ побито столько Славянъ, что море кругомъ окрасилось въ пурпуровый цвѣтъ; а между ихъ трупами оказались многія женщины. Послѣдняя черта совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія, который замѣтилъ, что при вторженіяхъ въ Римскую имперію Гунновъ (т. е. Кутургуровъ или Болгаръ) обыкновенно послѣ ихъ схватокъ съ римскими войсками на полѣ сраженія, Римляне находили женскіе трупы между убитыми варварами. Эти черты подтверждаютъ, что рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же племени, являющемся въ источникахъ подъ разными именами *.

* Напомнимъ, что по извѣстію Льва Діакона и Кедрина Тавроскиθы

Нашествіе аварскаго кагана въ 626 г. на Константинополь окончилось неудачею. По всей вѣроятности этою неудачею и происшедшимъ за тѣмъ ослабленіемъ аварскаго могущества воспользовались Болгаре, чтобы возвратить себѣ независимость. По крайней мѣрѣ по извѣстію Никифора нѣсколько лѣтъ спустя, Кувратъ, вождь Гунногундуровъ, возсталъ противъ Аваръ, изгналъ ихъ изъ своей земли, и заключилъ союзъ съ императоромъ Ираклiемъ. Можно догадываться, что и самое возстаніе противъ Аваръ произошло не безъ участія византійской политики, старавшейся всегда вооружать сосѣднихъ варваровъ другъ противъ друга.

Перейдемъ теперь къ расказу Θеофана, Никифора и Анастасія о раздѣленіи Болгаръ и ихъ переселеніи за Дунай, къ тому именно расказу, на которомъ до сихъ поръ еще ученые основываютъ начальную Болгарскую исторію *.

„Гуннoбoлгары и Котраги — говоритъ Θеофанъ — первоначально обитали за Эвксинскимъ Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ. Въ послѣднее впадаютъ великая рѣка Атель, протекающая отъ океана черезъ всю землю Сарматовъ, и рѣка Танаисъ, выходящая изъ Кавказскихъ горъ; а изъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, впадающая въ Понтійское море подлѣ Некропилъ у мыса, именуемаго *Баранья морда*, тамъ гдѣ Меотійское озеро изливается въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагуріей. Отъ этого озера до рѣки Куфисъ лежитъ Древняя или Великая Булгарія, которая называется иначе страною *Котраговъ соплеменниковъ Болгаръ*." Здѣсь мы видимъ, во первыхъ, очень сбивчивыя географическія свѣдѣнія. Такъ Атель, т. е. Волга, смѣшана съ Танаисомъ или Дономъ, а Куфисъ, т. е. Кубань (у древнихъ и Гупанисъ, и Танаисъ) представленъ результатомъ ихъ сліянія. Но общее указаніе на Кубанскую страну какъ на древнюю родину Болгаръ совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія о первобытныхъ жилищахъ Кутургуровъ и Утургуровъ.

(Руссы), воевавшіе съ Цимисхіемъ въ Болгаріи также имѣли при себѣ женщинъ, и что между убитыми также нерѣдко находились женскіе трупы.

* Theophanis Chronographia. Ed. Bon. 545 — 550. Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. Bon 38—40. Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica. Ed. Bon. 179—182.

Во времена императора Константина (Погоната?) — продолжаетъ Θеофанъ—Кроватъ, вождь Булгаръ и Котраговъ, умирая завѣщалъ своимъ пяти сыновьямъ не раздѣляться между собою и общими силами бороться противъ внѣшнихъ враговъ. Но сыновья не исполнили его завѣщанія, подѣлили отцовское наслѣдіе, и разошлись въ разныя стороны. Старшій, по имени *Батбай* (у Никифора *Баянъ*), съ своею частію остался на родной землѣ. Второй, *Котрагъ*, перешелъ на эту сторону Танаиса; четвертый двинулся въ Паннонію, гдѣ потомъ поддался аварскому кагану; пятый удалился въ Пентаполисъ или Равенскій экзархатъ. А третій братъ, *Аспарухъ*, двинулся за Днѣпръ и Днѣстръ, и остановился на рѣкѣ Оӯглъ. Когда такимъ образомъ братья раздѣлились, многочисленный народъ Хазаръ покорилъ всѣ земли, лежащія за Танаисомъ около Понта, и наложилъ дань на участокъ Батбая, которую „онъ платитъ до сего дня."

Дальнѣйшія, довольно запутанныя извѣстія упомянутыхъ писателей повѣствуютъ, что Болгаре Аспаруховы, находившіеся недалеко отъ Дуная, начали переходить эту рѣку и опустошать Мизію и Θракію. Тогда императоръ Константинъ предпринялъ противъ нихъ походъ (678 г.). Но походъ былъ неудаченъ, и Болгаре быстро наводнили страну между Дунаемъ и Балканскими ущельями, въ которой и поселились, покоривъ жившія здѣсь семь славянскихъ племенъ и кромѣ того племя Северянъ (Сербовъ); при чемъ Болгаре отодвинули эти племена далѣе на югъ и западъ.

Удивляться надобно тому, какимъ образомъ такіе писатели какъ Шафарикъ не обратили вниманія на очевидныя противорѣчія между подобными расказами и несомнѣнными историческими фактами и даже съ самими собою. Напримѣръ, выходитъ, что только по смерти Куврата, свергшаго аварское иго, Болгаре раздѣлились и большею частію покинули свою Кубанскую родину. Слѣдовательно до его смерти всѣ они жили за Меотійскимъ моремъ, на Кубани? Но извѣстно, что Авары господствовали въ Панноніи, Дакіи и вообще по сю сторону Меотійскаго моря; а на восточной сторонѣ его властвовали Турко-Хазары. То, что писатели IX вѣка изображаютъ событіемъ нѣсколькихъ лѣтъ, относя его ко второй половинѣ VII вѣка, есть не болѣе какъ обычный легендарный пріемъ, повторяющійся въ начальной исторіи едва ли не всѣхъ народовъ. Уни-

рающій отецъ завѣщаетъ сыновьямъ жить въ единеніи и согласіи; а сыновья не исполняютъ завѣщанія и раздѣляются — все это очевидная легенда. Она сложилась конечно для того, чтобы объяснить широкое распространеніе Болгарскаго народа, котораго вѣтви къ началу IX вѣка уже простирались отъ Волги и Кавказа до Аппенинъ.

Мы видѣли, что Болгаре переходили за Дунай, нападали на Мизію, Ѳракію и доходили до стѣнъ Константинополя еще во второй половинѣ V вѣка; но и тогда эти походы они предпринимали конечно не прямо изъ своей древней родины, съ береговъ Кубани. Совокупность всѣхъ извѣстій показываетъ, что Болгаре, вытѣснивъ Остготовъ изъ южной Россіи, вслѣдъ за ними подвинулись на западъ, и заняли нѣкоторыми своими племенами страну между Днѣпромъ и Дунаемъ. Слѣдовательно не изъ за Дона, а просто изъ за Дуная совершали они свои вторженія въ предѣлы Византійской имперіи въ теченіе двухъ столѣтій, отъ второй половины V-го до второй половины VII вѣка. Они не ограничивались одними набѣгами; нерѣдко вступали наемниками на византійскую службу; а иногда получали отъ императора земли въ Мизіи и Ѳракіи, и селились тамъ съ условіемъ защищать эти земли отъ внѣшнихъ непріятелей *.

Естественный, историческій ходъ событій приводитъ насъ къ слѣдующему выводу относительно Болгаръ. Ловкая политика Юстиніана I, породившая взаимные раздоры и междоусобія князей, и наступившее за тѣмъ аварское иго задержали на нѣкоторое время ихъ переселеніе за Дунай. Но въ первой половинѣ VII вѣка въ средѣ Болгаръ, жившихъ около Дуная, повидимому совершился поворотъ къ объединенію подъ однимъ княжескимъ родомъ. Обыкновенно такое объединеніе возникаетъ подъ давленіемъ иноплеменниковъ, а Болгаръ въ то время, кромѣ Аваръ, тѣснили надвигавшіе изъ Азовскихъ степей новые родичи истыхъ Гунновъ, т. е. Угры. Является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ за тѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Ду-

---

* Мы видѣли, что уже Прокопій сообщаетъ о такихъ поселеніяхъ Кутургуровъ. Имя это не исчезло безслѣдно на Балканскомъ полуостровѣ: по справедливому замѣчанію Рѐслера оно доселѣ живетъ въ названіи Куцо-Влаховъ. (Romaenische Studien. 236).

най, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Θракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того, какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатическое море. Съ удаленіемъ Болгаръ на западъ по смерти Кубрата легенда связываетъ и подчиненіе Приазовскихъ ихъ родичей Хазарамъ. Но мы знаемъ, что Болгаре-Утургуры, по извѣстію Менандра, уже во второй половинѣ VI вѣка подпали зависимости отъ Турокъ, именуемыхъ потомъ Хазарами. Въ расказѣ Θеофана обратимъ особое вниманіе на то, что участокъ Батбая „до сего дня платитъ дань Хазарамъ“ (мы говоримъ участокъ Батбая, а не самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ, приписывающій Батбаю такимъ образомъ полуторастолѣтній возрастъ). Отсюда ясно, что во время этого историка, т. е. въ первой половинѣ IX вѣка, еще существовали Болгаре въ своей древней родинѣ около Азовскаго моря, и что они еще находились подъ хазарскимъ игомъ. Это свидѣтельство для насъ важно по отношенію къ Азовско-Кубанскимъ Болгарамъ, о которыхъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ (по поводу вопроса о Тмутраканской Руси).

Надѣемся, мы достаточно показали несостоятельность важнѣйшаго пункта Тюрко-Финской теоріи, т. е. названія Болгаръ Гуннами въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ источникахъ. Равнымъ образомъ мы поставили на видъ недостатокъ критики со стороны европейской ученой исторіографіи, повторявшей относительно Болгаръ сомнительныя извѣстія писателей позднѣйшихъ, безъ согласованія ихъ съ писателями болѣе ранними. Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ помянутой теоріи, т. е. къ доказательствамъ этнографическимъ и филологическимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

IV.

Невѣрное мнѣніе о характерѣ Славянъ и превращеніи Болгаръ. Сосѣдство съ угро-гуннскими элементами. Сила славянскаго движенія.

Откуда на Балканскомъ полуостровѣ явилось такое сплошное и многочисленное Славянское населеніе?

По нѣкоторымъ признакамъ нѣтъ сомнѣнія, что Сармато-Славянская стихія существовала тамъ издревле рядомъ съ Кельтической и Германской; но до такъ наз. эпохи Великаго переселенія народовъ эта стихія была довольно слаба. Всѣ почти согласны въ томъ, что сильный приливъ Славянъ изъ за Дуная совершился въ V вѣкѣ; особенно онъ увеличился послѣ паденія Гуннской державы и удаленія Остъ-Готовъ въ Италію. Но какимъ образомъ совершилось это переселеніе Славянъ за Дунай? Шафарикъ, постоянно проповѣдующій о необыкновенно мирномъ и кроткомъ характерѣ Славянскаго племени, говоритъ слѣдующее: „Славяне, ища новыхъ жилищъ, никогда не приходили въ Мизію и окрестныя земли разомъ, съ шумомъ и громомъ, напротивъ отдѣльными частями, тихо, и поселялись въ нихъ съ позволенія и вѣдома Греческаго правительства. Такое мирное и продолжительное переселеніе земледѣльческаго народа не могло обратить на себя вниманія Греческихъ историковъ, гонявшихся только за звукомъ оружія и количествомъ крови, пролитой на полѣ сраженія, а потому мы и не находимъ ничего въ ихъ твореніяхъ объ этомъ поселеніи." (Слав. Древ. т. II. кн. I.).

Замѣчательно, что подобная характеристика мирнаго переселенія нисколько не мѣшаетъ тому же писателю изображать цѣлый рядъ славянскихъ вторженій въ предѣлы Византійской имперіи. А византійскіе историки, на которыхъ онъ ссылается, нисколько не молчатъ о томъ, что эти вторженія сопровождались всякаго рода жестокостями, совершенно не соотвѣтствующими понятію о какомъ-то кроткомъ, миролюбивомъ настроеніи Славянскаго племени. Напримѣръ, Прокопій въ своей „Готской войнѣ" расказываетъ, какъ при одномъ вторженіи во Ѳракію, въ 550 г., Славяне сожгли живымъ римскаго военачаль-

ника Аввада, предварительно вырѣзавъ у него ремни изъ спины. (Это вырѣзываніе ремней, судя по нашимъ сказкамъ, было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ у Славянъ). Вообще жалобы византійскихъ писателей на жестокости, совершаемыя Славянами, вполнѣ сходны съ ихъ расказами о неистовствахъ, которыя впослѣдствіи производили Руссы при своихъ нападеніяхъ на Византію, напримѣръ въ 865 и 941 г. г. По словамъ Прокопія нападенія Славянъ производились почти ежегодно. Нападенія эти совершались, во первыхъ, Славянами уже жившими на Балканскомъ полуостровѣ, а во вторыхъ тѣми, которые приходили съ сѣверной стороны Дуная. Послѣдніе нерѣдко селились въ Мизіи, Иллиріи и Ѳракіи подлѣ своихъ одноплеменниковъ, а византійское правительство поневолѣ потомъ уступало имъ занятыя земли съ обычнымъ обязательствомъ доставлять вспомогательныя дружины. Слѣдовательно поселеніе Славянъ въ предѣлахъ Византійской имперіи происходило совсѣмъ не тихо и незамѣтно для исторіи; напротивъ оно совершалось при громѣ оружія и сопровождалось большимъ кровопролитіемъ; о чемъ, повторяю, нисколько не думаютъ умалчивать византійскіе историки. Въ этомъ заселеніи Балканскаго полуострова Славянами безспорно главная роль принадлежала Болгарамъ; движеніе ихъ за Дунай началось со второй половины V вѣка; а во второй половинѣ VII оно завершилось окончательнымъ ихъ утвержденіемъ въ Мизіи, значительной части Ѳракіи и Македоніи *.

Въ половинѣ IX вѣка Болгарскій народъ принялъ христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Священное Писаніе на Славянскомъ языкѣ. Ясно, что въ это время онъ былъ народомъ уже Славянскимъ. А такъ какъ его тѣсное сожительство съ Славянами считаютъ со времени поселенія за Дунаемъ, т. е. со второй половины VII вѣка, то выходитъ, что онъ ославянился въ теченіе полутораста лѣтъ. Венелинъ очень мѣтко указалъ на эту самую слабую сторону Тунмано-Энгелевой теоріи: такое скорое и полное превращеніе могущественнаго племени завоевателей

* Примѣры постепеннаго водворенія Славянъ за Дунаемъ см. въ *Заселеніи Балкан. полуострова Славянами* Дринова. Только жаль, что г. Дриновъ при этомъ упустилъ изъ виду главную массу Славянскаго населенія, т. е. Болгаръ, и, положась на мнѣнія Шафарика и другихъ авторитетовъ, не подвергъ анализу доказательства Тюрко-Финской теоріи.

въ народность покоренныхъ, и притомъ народность совершенно чуждую, ни съ чѣмъ несообразно, и не находитъ въ исторіи никакой аналогіи. Мы снова удивляемся, какимъ образомъ глубокомысленный Шафарикъ не остановилъ своего вниманія надъ этимъ важнымъ пунктомъ и ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, представляется намъ такое же явленіе, какое, спустя около двухъ сотъ лѣтъ, повторилось на Руси, когда къ тамошнимъ Славянамъ пришли Варяги. Предводители воинственныхъ полчищъ, правда немногочисленныхъ, но храбрыхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, вторглись въ земли миролюбивыхъ Славянъ, занимавшихся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, присвоили себѣ надъ ними верховную власть и, поселясь среди ихъ, такъ полюбили выгоды образованной гражданской жизни, что въ короткое время породнились съ новыми своими подданными, приняли ихъ языкъ, нравы, образъ жизни и даже вмѣстѣ съ ними самое христіанство, совершенно переродились и сдѣлались изъ Уральской Чуди Подгемскими Славянами" (ibid. 266). Мы видимъ, что незабвенный авторъ Славянскихъ Древностей превращенію Финскихъ Болгаръ въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же или еще болѣе быстромъ превращеніи Скандинавской Руси тоже въ Славянъ. Послѣ изслѣдованій, посвященныхъ нами вопросу о происхожденіи Руси, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что означенное сравненіе не можетъ имѣть мѣста. Никакой другой, несомнѣнно исторической, аналогіи Тюрко-Финская теорія намъ не представила. Замѣчательно, что нашъ норманизмъ въ свою очередь быстрому перерожденію Руси въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же перерожденіи Болгаръ. Такимъ образомъ обѣ эти мнимыя теоріи опираются одна на другую. *

* Тотъ же идиллическій взглядъ на совершенное подчиненіе завоевателей вліянію покоренной народности раздѣлялъ и многоуважаемый, слишкомъ рано похищенный смертію, Гильфердингъ. «Много ордъ — говоритъ онъ — въ теченіе вѣковъ бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись передъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре.» Соч. Гильферд. (I. 26).

Перекрещеніе или смѣшеніе разныхъ народностей, порождающее новые типы, новыя національности, а также переходъ одного народа въ другой совершаются по такимъ же неизмѣнно дѣйствующимъ законамъ какъ и все другое въ мірѣ; скачковъ, отступленій, *идиллическихъ исключеній* тутъ не бываетъ и не можетъ быть. Дунайскіе Болгаре являются передъ нами не какимъ либо смѣшаннымъ, переходнымъ типомъ, а цѣльнымъ Славянскимъ народомъ; если были постороннія примѣси, то онѣ давно уже переработаны сильною, господствующею стихіей, и оставили только нѣкоторые слѣды. А если принять означенную теорію, то мы, на оборотъ, имѣли бы передъ собой быстрый переходъ сильнаго, господствующаго народа въ другой болѣе слабый и притомъ подчиненный — явленіе совершенно противорѣчащее историческимъ законамъ. Исторія какъ бы нарочно помѣстила рядомъ съ Болгарами иные народы, чтобы свидѣтельствовать о невозможности подобныхъ переходовъ. Вотъ уже около 1000 лѣтъ какъ орда Угровъ поселилась посреди Славянъ; однако они не только не ославянились, а напротивъ благополучно подвигаютъ впередъ мадьяризацію нашихъ соплеменниковъ. Европейскіе Турки болѣе 400 лѣтъ живутъ посреди Славянъ и Грековъ, и доселѣ еще не ославянились и не огречились. Румыны почти со всѣхъ сторонъ были окружены Славянами; въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они жили общею политическою и религіозною жизнію съ Славянскими Болгарами, имѣли церковно-славянскую письменность, и все таки не превратились въ Славянъ. Вообще Финскія племена отнюдь не легко переходятъ въ другія народности; доказательствомъ тому служитъ сѣверная и восточная полоса Европейской Россіи. Хотя племена эти не только не господствующія (каковыми были Болгаре), а напротивъ представляются лишенными всякой политической самобытности, бѣдными и слабыми; однако обрусѣніе ихъ совершается весьма медленно и постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій, и никакихъ исключеній изъ этой постепенности мы не видимъ.

Если обратимся къ Болгарамъ и поищемъ какихъ либо особыхъ условій, которыя могли бы благопріятствовать ихъ быстрому превращенію въ Славянъ, то никакихъ подобныхъ условій мы не найдемъ. Сторонники Тюрко-Финской теоріи указывали на одно только смягчающее обстоятельство: малочисленность Болгаръ, покорившихъ Мизію, ибо они составляли одну пятую часть Кувратовой орды; при томъ они будто бы были

отдалены отъ соплеменныхъ имъ Финскихъ народовъ. * Но эта малочисленность, которую предполагалъ уже Шафарикъ, принадлежитъ къ очевиднымъ натяжкамъ, и дѣленіе Кувратовой орды на пять равныхъ частей есть не болѣе какъ гипотеза. Мы видѣли, что вообще расказъ объ этомъ дѣленіи имѣетъ чисто легендарный характеръ. Весь ходъ Болгарскаго движенія напротивъ указываетъ, что главная масса Болгаръ сосредоточилась на Дунаѣ; при чемъ значительная часть этой массы поселилась въ Мизіи, отчасти покоривъ жившихъ тамъ Славянъ, отчасти отодвинувъ ихъ далѣе на югъ и западъ. По всѣмъ признакамъ здѣсь было многочисленное и сплошное Болгарское населеніе.

Далѣе, еслибы Дунайскіе Болгаре были Финнами, то нѣтъ никакого повода говорить объ ихъ отдаленности отъ родственныхъ имъ народовъ. Ненадобно, вопервыхъ, упускать изъ виду, что они нисколько не находились въ изолированномъ положеніи по отношенію къ другимъ вѣтвямъ своего племени. Значительная ихъ часть еще оставалась на сѣверной сторонѣ Дуная, въ Дакіи; кромѣ того, по смыслу сказанія о раздѣлѣ сыновей Куврата выходитъ, что къ части Аспаруха съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны Днѣпра и Азовскаго моря, примыкалъ удѣлъ втораго брата, а съ сѣверо-западной удѣлъ четвертаго. Послѣдній удѣлъ, т. е. Болгаре Паннонскіе, поселившіеся на р. Тиссѣ, не только не теряли связи съ Нижнедунайскими Болгарами; но потомъ, когда было разрушено Аварское царство, они возсоединились съ своими соплеменниками. Еслибы Болгаре были настоящими Гуннами, то ихъ народность нашла бы могущественную поддержку и въ самомъ народѣ Аварскомъ, который таже исторіографія причисляла досёлѣ къ Тюрко-Финскимъ племенамъ. Болгаре нѣкоторое время находились подъ игомъ Аваръ; но и послѣ освобожденія отъ этого ига они долгое время жили въ сосѣдствѣ съ Аварами на Дунаѣ. Однако эти два народа не только не могли слиться, но напротивъ мы видимъ между ними ожесточенную борьбу; эта борьба прекратилась только съ конечнымъ разрушеніемъ Аварскаго царства, которое было уничтожено соединенными усиліями Франковъ и Болгаръ въ началѣ IX вѣка. Болгаре „въ конецъ истребили Аваръ“—замѣ-

* См. Черткова «О переводѣ Манасіиной лѣтописи» (стр. 64.) и Сочиненія Гильфердинга (I. 26).

[illegible] писатель (Свида). Мы не думаемъ, [illegible] можно принимать буквально. По всей [illegible] не всѣ Авары были истреблены; но они [illegible] помогли Уграмъ завоевать Паннонскую [illegible]

[illegible] далеко жили отъ Болгаръ? Нисколь[illegible] съ незапамятныхъ временъ еще въ [illegible] откуда постепенно подвигались на западъ; [illegible] IX вѣка, по византійскимъ извѣстіямъ, [illegible] Угровъ сосѣдями Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ. Если [illegible] Угорское, т. е. Финское, племя, то [illegible] была получить сильную поддержку и со [illegible] въ расчетъ Болгаръ, оставшихся [illegible] сторону Азовскаго моря и близкія къ нимъ [illegible] Финновъ, мы получили бы почти непрерыв[illegible] на огромномъ пространствѣ отъ Уральских[illegible] горъ. Какъ же при такихъ условіяхъ Ду[illegible] обратиться въ Славянъ? На оборотъ [illegible] и Дунайскимъ Славянамъ грозила [illegible] въ Финновъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ [illegible] народовъ былъ нарушенъ великимъ Болгар[illegible] По отношенію къ настоящимъ Уграмъ мы [illegible] со стороны Болгаръ какого либо ро[illegible] а напротивъ видимъ туже племенную [illegible] отношеніи Аваръ.

[illegible] первоначальныхъ Гунновъ, т. е. Гунновъ [illegible] было бы думать, что послѣ паденія его дер[illegible] были всѣ истреблены или ушли опять на вос[illegible] часть ихъ уцѣлѣла въ Дакіи и Панноніи и [illegible] завоеваніе этихъ странъ Аварами, точно [illegible] остатки Гунновъ и Аваръ облегчили [illegible] равнины Уграми. Іорнандъ гово[illegible] Гунновъ съ сыновьями Аттилы удалилась и [illegible] мѣста, гдѣ нѣкогда обитали Готы. Очень во- [illegible] эти Гунны потомъ вмѣстѣ съ своими родичами [illegible] возвратились въ Паннонію и помогли возстановить [illegible] Аттилы. Кромѣ того небольшое количество на- [illegible] вмѣстѣ съ Сарматами (т. е. Сербами) осно- [illegible] Далѣе, младшій сынъ Аттилы Эрнакъ по- [illegible] Гуннами на краю Малой Скиѳіи (въ Доб-

рудже), рядомъ съ Аланами, которыми начальствовалъ царь Кандакъ. (Эти Алане, увлеченные Гуннами изъ Задонскихъ степей, конечно были соплеменники Болгаръ, если не передовая дружины тѣхъ же самыхъ Болгаръ, проложившія имъ путь на Дунай). Двоюродныя братья Эрнака, Эмнедзаръ и Узиндуръ, заняли сосѣднюю часть Береговой Дакіи, откуда гунскіе князья Ито и Искальмъ съ своимъ народомъ перешли далѣе на югъ: потомки этихъ Гунновъ—прибавляетъ Іорнандъ—называются Сакромонтизіи и Фозатизіи" (cap. L.).

Слѣдовательно, вотъ сколько гунскихъ элементовъ имѣли Болгаре вокругъ себя, и, еслибы они сами были Гуннами, то конечно ихъ народность нашла бы обильную пищу для своего сохраненія и дальнѣйшаго развитія, какъ это мы видимъ на Уграхъ. А между тѣмъ на оборотъ Болгаре мало по малу ославянили всѣ чуждые элементы, очутившіеся въ ихъ средѣ. Съ другой стороны эти остатки Гунновъ, очутившіеся среди Болгаръ, по естественному ходу вещей не вдругъ поддались славянству и еще долгое время составляли чуждую народность, которая находилась въ нѣкоторомъ презрѣніи у Болгаръ и сохраняла свои разбойничьи привычки. На это указываетъ слѣдующее извѣстіе. Менандръ подъ 573 г. говоритъ, что на аварское посольство, возвращавшееся изъ Византіи, напали „такъ называемые Скамары" и разграбили его. Ѳеофанъ подъ 764 г. также упоминаетъ о болгарскихъ разбойникахъ, „называемыхъ Скамарами" *. Упомянутые выше Іорнандовы Сакромонтизіи по всей вѣроятности суть ничто иное какъ переиначенное названіе Скароманты или Скамары. Мы (вслѣдъ за Шафарикомъ) сближаемъ съ этимъ названіемъ славянское слово *скамрахъ* или *скоморохъ*. Это одно изъ многихъ народныхъ именъ, обратившихся въ бранное или насмѣшливое нарицательное имя. Аналогію съ нимъ можетъ представить наше слово *чудакъ*, происшедшее отъ народнаго имени Чудь.

И такъ, если допустить предположеніе, что Болгаре были соплеменниками Гунновъ и Угровъ, то быстрое и коренное превращеніе ихъ въ Славянъ являлось бы событіемъ не только чрезвычайнымъ, но и просто ни съ чѣмъ несообразнымъ. А потому мы смѣло можемъ утверждать, что Болгаре, пришедшіе на

* О тѣхъ же разбойникахъ Скамарахъ говоритъ Эвгиппій въ житіи Северина. (См. Mem. Pop. II. 526).

иным какъ Славянами. Это
...ъяснить намъ, почему въ слѣдъ
...въ Болгаръ въ Мизіи мы видимъ ус
... почти по всему Балканскому пол
...въ VIII вѣкѣ сдѣлала такіе успѣхи
...луострова, что Константинъ Багр
...славянилась (ἐσθλαβώθη) и оварварилас
...да, когда моровая язва свирѣпствова
...ръ римскій былъ въ рукахъ Констан
...natibus (occidentis). Какимъ образом
...славянизація уже въ VIII вѣкѣ, есл
...ющее надъ Славянами племя было чу
...турецкаго происхожденія? Откуда бы
...торые довольно слабые славянскіе народы
...имперіи? Да и вообще славянскій эле
...вывить о своемъ существованіи на пол
...ленія на немъ Болгаръ, т. е. съ V вѣка
...что Дунайскіе Славяне по своему хар
...не были способны ни къ какимъ заявленіямъ
...водителей, которые пришли къ нимъ в
...денно несимпатичнаго для нихъ Угорскаго
...Русскіе ждали прихода Варяговъ, чтобы
...ихъ существованіи) — эта теорія совершен
...ованная ни на какихъ историческихъ св
...но несообразная съ историческимъ смысломъ.
...Болгаръ подкрѣпило славянскій элементъ
...луостровѣ и сообщило славянскому движені
...Византійская имперія должна была напря
...высшей гражданственности, чтобы положить
...движенію. Благодаря превосходству своей орга
...лось не только остановить его, но впослѣдстві
...женіе обратное, т. е. потрясти, ослабить Болгар
...ство и снова огречить многія мѣстности, сдѣлав
...славянскими *.

...роса о народности Болгаръ можетъ способствовать ...
...ніе о той болгарской колоніи, которая по ...
...левъ перешла въ Италію прямо отъ Аларика ...
...ымъ Кубрата. А по извѣстіямъ Фредегарія (гл. 72)
... (кн. V. гл. 29) просто дружина Булгаръ, происходи...

V.

Черты нравовъ и обычаевъ у Дунайскихъ Болгаръ. Ихъ одежда и наружность. Мнимыя связи съ Камскими Болгарами.

Если обратимся къ другому ряду доказательствъ Тюрко-Финской теоріи—къ обычаямъ, то и здѣсь найдемъ, что эти доказательства набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ пріемовъ и лишены всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ онѣ изложены у Шафарика. „Равномѣрно образъ жизни и обычаи природныхъ булгарскихъ государей рѣшительно не славянскіе, напр., принесеніе людей и звѣрей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, падающихъ при видѣ князя ницъ на земь лицемъ и славящихъ его, несеніе впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю Турковъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, задомъ на пятахъ (по обычаю Персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста". (271—272).

Нынѣ доказано, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сходство и различіе обычаевъ представляютъ самую слабую основу; что общія черты быта и религіи могутъ встрѣчаться у народовъ не только не родственныхъ по происхожденію, но даже живущихъ въ совершенно разныхъ частяхъ свѣта и не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою. Поэтому доказа-

---

шихъ изъ Азіатской Сарматіи», бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человѣкъ подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ съ дозволенія короля Гримоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернію и Бояно (И эту-то дружину, въ 700 человѣкъ, размѣстившуюся въ трехъ селеніяхъ новая исторіографія считала пятою частью всего Болгарскаго народа!). Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи. (См. о томъ «Письма» де-Рубертисъ въ Чтен. Об. И. и Д. 1858. I). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть когда нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой Болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ, каковы: грамоты, преданія, топографическія имена и т. п.

тельства подобнаго рода надобно строить съ большою осмотрительностію и отличать существенныя, дѣйствительно-родственныя черты отъ общихъ, принадлежащихъ не столько извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности или вліянію одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные. Поборники Тунмано-Энгелевой теоріи, во первыхъ, не обратили вниманія на весьма ясныя свидѣтельства источниковъ. Общія черты встрѣчаемъ уже у Амміана Марцеллина при описаніи быта и характера Гунновъ и Аланъ: Алане („древніе Массагеты"—поясняетъ Амміанъ) такой же кочевой, конный и воинственный народъ, какъ и Гунны. Мало того, у Аланъ находимъ черты, прямо тождественныя съ краснокожими дикарями Новаго Свѣта, напримѣръ скальпированіе непріятельскихъ головъ. Однако Алане никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ Монгольскимъ и Татарскимъ племенамъ, съ понятіемъ о которыхъ мы привыкли связывать представленіе о кочевомъ, конномъ народѣ. Любимый напитокъ Татаро-монгольскихъ кочевниковъ составляетъ кумысъ или кобылье молоко: но, какъ извѣстно, древніе Литовцы и Сарматы также употребляли этотъ напитокъ. Тотъ же Амміанъ, восхищаясь храбростью Аланъ, объясняетъ воинственный характеръ Персовъ тѣмъ, что они родственнаго происхожденія со Скиѳами-Аланами (другіе писатели называютъ Аланъ Сарматами); этимъ свидѣтельствомъ положительно рѣшается вопросъ о принадлежности послѣднихъ къ Арійской семьѣ. А Болгаре вышли именно изъ той страны и изъ той группы народовъ, которую Амміанъ описываетъ въ IV вѣкѣ подъ общимъ именемъ Аланъ, обитавшихъ за Дономъ и Азовскимъ моремъ, и мы имѣемъ полное право заключить, что Болгаре принадлежали къ Скиѳо-Сармато-Аланской группѣ.

Далѣе, Прокопій, описывая нравы Склавинъ и Антовъ, говоритъ: „Они ведутъ образъ жизни суровый и грубый какъ Массагеты, и подобно послѣднимъ покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые люди между ними очень рѣдки; но при своемъ простосердечіи они имѣютъ гуннскіе нравы" (De Bello Goth. l. III, c. 14). Какого же болѣе яснаго свидѣтельства можно требовать отъ источниковъ, чтобы видѣть всю несостоятельность упомянутыхъ доводовъ? Склавины и Анты, т. е. Дунайскіе и Русскіе Славяне, имѣютъ гуннскіе нравы. Если подъ Гуннами подразумѣвать здѣсь настоящихъ Гунновъ, то

на основаніи тѣхъ же пріемовъ можно повторять мнѣніе Венелина о славянствѣ Аттилы и его Гунновъ. Но мы видѣли, что Прокопій подъ именемъ Гунновъ разумѣетъ преимущественно Болгарскія племена, которыя въ его время играли едва ли не главную роль въ политическихъ отношеніяхъ имперіи со стороны Дунайской границы, и для насъ совершенно понятно постоянное сопоставленіе съ ними Антовъ и Придунайскихъ Склавиновъ. Въ расказахъ его о нападеніяхъ на имперію мы обыкновенно встрѣчаемъ то раздѣльно, то въ совокупности, эти три народа: Гунны, Анты и Склавины. Въ его описаніи войнъ Вандальской и Готской въ числѣ вспомогательныхъ или наемныхъ войскъ опять встрѣчаются тѣже Гунны, Анты и Склавины; они преимущественно упоминаются въ качествѣ отличныхъ конниковъ и стрѣлковъ. Общее или родовое названіе Гунновъ, какъ мы уже говорили, замѣняется у Прокопія иногда видовыми именами Кутургуровъ и Утургуровъ, а иногда другимъ общимъ названіемъ Массагетовъ. (Припомнимъ, что Амміанъ Массагетами называетъ Аланъ). Итакъ о сходствѣ бытовыхъ чертъ у Славянъ и у Болгаръ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Прокопія, который самъ видѣлъ ихъ и могъ наблюдать ихъ нравы, сопровождая Велизарія въ его походахъ. Слѣдовательно и съ этой стороны, на которую, повторяемъ, можно опираться весьма условно и осмотрительно, источники говорятъ совсѣмъ не въ пользу Тюрко-Финской теоріи.

Если сравнимъ нѣкоторые обычаи въ частности, то опять встрѣтимъ общеславянскія или общеварварскія черты. На примѣръ, клятва на обнаженномъ мечѣ была также въ обычаѣ у Руссовъ; употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, было присуще чуть ли не всѣмъ варварскимъ народамъ; мы находимъ его у Германцевъ даже въ VI вѣкѣ, если припомнимъ исторію лангобардскаго короля Альбоина. Знамена или стяги съ конскимъ хвостомъ (столь свойственныя народу, недавно вышедшему изъ кочеваго, коннаго быта), предпочтеніе лѣвой стороны, сидѣніе поджавъ колѣна на пятахъ (притомъ „по обычаю Персовъ“, народа совсѣмъ не турецкаго), широкіе шаровары (по извѣстію Ибнъ-Фадлана бывшіе въ употребленіи также у Руссовъ) и пр. и пр.—все это такія черты, которыя никакъ нельзя признать финскими или турецкими по преимуществу.

Извѣстно, что нѣкоторыя принадлежности одѣянія, а также прическа и борода не только въ наше время, но и во всѣ времена подвергались разнымъ вліяніямъ или такъ наз. модѣ. Болгаре издавна жили въ сосѣдствѣ съ Гуннскими народами, значительное время находились въ зависимости отъ Гунновъ и Аваръ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если по одному византійскому свидѣтельству (Свида) въ костюмѣ ихъ оказалось кое-что общее съ Аварами. Но уже самое свидѣтельство, будто „Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую" (Mem. P. I. 758), показываетъ, что Болгаре и Авары не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ. Какую именно одежду заимствовали Болгаре у Аваръ Свида не объясняетъ: прическа у этихъ народовъ была различная. Θеофанъ и Анастасій говорятъ, что Авары носили длинные волосы, отброшенные назадъ и переплетенные тесемками: а остальная внѣшность ихъ была похожа на гуннскую (Mem. Pop. I. 644). Но, какъ мы видѣли, подъ Гуннами въ тѣ времена у византійцевъ разумѣлись преимущественно Болгаре. Прокопій, говоря о партіяхъ цирка, описываетъ ихъ модный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ или Гунновъ, а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означаютъ именно Болгаръ. Главныя черты этой моды составляли: оголенныя щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды, очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды „гуннской обуви" (Hist. Arcana c. VII). Изъ этихъ сопоставленій мы можемъ только заключить, что Болгаре и Авары носили прическу разную, а одежда ихъ была похожа.

Что обычай стричь бороду и голову принадлежалъ собственно Болгарамъ, подтверждаетъ одно болгарское извѣстіе, именно роспись первыхъ князей. Тамъ прямо сказано, что пока они держали княженіе объ ону (сѣверную) сторону Дуная, были „съ остриженными главами." (Обзоръ Хронографовъ. Андр. Попова. I. 25). Слѣдовательно послѣ утвержденія въ Мизіи и Θракіи болгарская аристократія начала измѣнять свою прическу, конечно подъ вліяніемъ византійскимъ. Такимъ образомъ, описанные Львомъ Діакономъ, бритый подбородокъ Святослава и его оголенная голова съ чубомъ, какъ оказывается представляли черты общія съ древними Болгарами; только русскіе князья долѣе болгарскихъ сохраняли старыя привычки. Впро-

чемъ съ одной стороны уже въ вѣкъ Святослава не всѣ Руссы брили бороду; нѣкоторые отпускали ее и завивали въ гриву (Ибнъ-Хаукалъ), а съ другой въ томъ же вѣкѣ встрѣчаются болгарскіе вельможи все еще съ подбритою кругомъ головою (Liutprandi Legatio) *.

Обратимъ вниманіе исторической этнографіи на бритые болгарскіе подбородки. Развѣ это собственно гуннская черта? Настоящіе Гунны были безбороды, о чемъ имѣемъ прямое свидѣтельство Амміана Марцеллина; только оно напрасно объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что имъ при самомъ рожденіи дѣлали на щекахъ какія-то нарѣзки. Истые чудскіе народы, еще не смѣшавшіеся съ Арійцами, и въ наше время представляютъ тотъ же почти безбородый типъ, не дѣлая никакихъ нарѣзокъ на щекахъ (Остяки, Вогулы и Самоѣды) **.

Если отъ волосъ и одежды перейдемъ къ типу лица, то и здѣсь не найдемъ никакихъ извѣстій, чтобы Болгаре имѣли общія черты съ настоящими Гуннами, которые поражали Европейцевъ своимъ безобразіемъ. Современные намъ Болгаре въ большинствѣ имѣютъ чистый южнославянскій типъ. Если же и встрѣчаются (особенно въ Подунайской равнинѣ) многія физіономія съ типомъ тюрко-финскихъ народовъ, то это объясняется историческими судьбами Болгаръ. Многія примѣси тюркскія и угорскія вошли въ Болгарскій организмъ еще до утвержденія ихъ за Дунаемъ; но и послѣ того долгое время продолжался приливъ тюркскихъ элементовъ. Припомнимъ только, что послѣ истребительныхъ войнъ Цимисхія и особенно Василія II, когда Болгарское государство ослабѣло и подчинилось Византіи, многія мѣстности Болгаріи запустѣли. Въ теченіе X вѣка мы видимъ рядъ Печенѣжскихъ вторженій; а въ XI цѣ-

---

* «Bulgarorum nuntium, ungarcio more tonsum», говоритъ Ліутпрандъ. Почему же «остриженнаго по угорскому обычаю»? Оголенная кругомъ голова составляла древнеболгарскій обычай, какъ то доказываютъ Прокопій и Роспись болгарскихъ князей. Очень можетъ быть, что и къ Уграмъ этотъ обычай перешелъ отъ Болгаръ.

** Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ, что Понтійскіе Скиѳы не были ни Чудь, ни Монголы; фигуры этихъ Скиѳовъ на разныхъ предметахъ, добытыхъ раскопками въ Южной Россіи, снабжены отличными бородами. Обычай брить бороды, былъ собственно не скиѳскій, а сарматскій.

лыя орды Печенѣговъ поселились въ равнинныхъ частяхъ Болгаріи съ позволенія Византіи. За Печенѣгами послѣдовали вторженія и колонизація Половцевъ, за Половцами Татары; наконецъ и Турки Османскіе также внесли свою долю. И замѣчательно, какъ сильна и живуча была коренная славянская народность Болгаръ: она усвоила себѣ всѣ чуждые элементы, ибо всѣ эти обрывки тюркскихъ народностей сдѣлались Болгарами по языку и быту; но онѣ оставили многіе слѣды въ наружномъ типѣ и въ характерѣ новыхъ Болгаръ. Кромѣ того неблагопріятное вліяніе чуждыхъ примѣсей отразилось впослѣдствіи въ недостаточномъ стремленіи къ національному единству и къ самобытности. Итакъ мы видимъ Болгаръ въ постоянномъ и очень тѣсномъ соприкосновеніи съ народами тюрко-финскими, съ самаго начала ихъ исторіи до послѣднихъ вѣковъ. Есть ли какая вѣроятность, чтобы при такихъ условіяхъ они могли обратиться въ чистыхъ Славянъ и противостоять всѣмъ чуждымъ примѣсямъ, еслибы они не были коренною славянскою народностію? Конечно нѣтъ. Историческіе законы непреложны.

„Болгаре—говоритъ Шафарикъ—приносили людей и звѣрей въ жертву богамъ." Да какой же народъ, находившійся на степени варварства, этого не дѣлалъ? Извѣстно, что жертвоприношенія, и даже человѣческія, были въ обычаѣ у Руссовъ еще во второй половинѣ X вѣка. Въ числѣ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ у Болгаръ было разсѣченіе собакъ на части. Но и Руссы дѣлали тоже самое, судя по извѣстію Ибнъ-Фадлана. Болгарскіе судьи пытали воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями. Но пытки, и самыя варварскія, существовали у народовъ болѣе образованныхъ. Какія же это доказательства турецкаго или финскаго племени?

Продолжимъ выписку доводовъ, приводимыхъ Шафарикомъ въ пользу не славянскаго происхожденія: „раннее укорененіе магометанства между Подунайскими Булгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обращеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги и т. п. Вѣроятно Дунайскіе Булгары, и по утвержденіи своемъ въ Мизіи, продолжали прежнія дружескія сношенія съ братьями своими, оставшимися на Волгѣ, отъ коихъ,

безъ сомнѣнія, еще въ VIII вѣкѣ приняли первыя начала магометанства, уступившаго послѣ мѣсто христіанству“ (272). Мнѣніе о магометанствѣ Дунайскихъ Болгаръ, какъ мы видимъ, построено на весьма слабыхъ основаніяхъ. Эти основанія заимствованы преимущественно изъ *Отвѣтовъ* папы Николая I въ 866 г. * Только что окрещенные Болгаре обратились къ папѣ Николаю I съ просьбою возвести Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата и при этомъ предложили рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлію разъяснить нѣкоторыя ихъ недоумѣнія относительно новой религіи. Изъ этихъ вопросовъ, на которые папа прислалъ свои отвѣты, ясно видно, что Болгарскій народъ держался еще многихъ языческихъ обычаевъ. На примѣръ, вопросъ: „можно ли имѣть двухъ женъ и, если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими“ — этотъ вопросъ нисколько не служитъ признакомъ мусульманства; многоженство есть черта языческая, и оно существовало у всѣхъ славянскихъ народовъ. Далѣе, обычай распоясываться, приступая къ какому либо священному дѣлу, ношеніе какой то полотняной повязки на головѣ (ligatura lintei), которую новообращенные не привыкли еще снимать входя въ церковь, продолжавшіяся въ народѣ идольскія жертвоприношенія—все это суть несомнѣнные остатки язычества.

Изъ всѣхъ вопросовъ болгарскихъ только одинъ имѣетъ отношеніе къ магометанству. „Чтó дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацинъ и имѣемъ у себя?“—спрашиваютъ Болгаре. „Непремѣнно сжечь“—отвѣчаетъ папа. Но что это за сарацинскія книги и отъ кого онѣ были получены, о томъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній. Неизвѣстно, были ли то чисто мусульманскія книги или принадлежали какой либо восточной сектѣ, предшественницѣ болгарскаго богумильства. Предметъ тѣмъ болѣе темный, что о мусульманской пропагандѣ тутъ совсѣмъ не упоминается. Въ заключеніе своихъ вопросовъ Болгаре умоляютъ дать имъ чистую и совершенную христіанскую вѣру: „ибо—говорятъ они — въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ то Греки, Армяне и другіе, которые учатъ насъ различно.“ Но если въ Болгарію приходили проповѣдники изъ раз-

* Responsa ad consulta Bulgarorum. Acta Conciliorum. Ed. Harduin. V. 353.

ныхъ странъ, то могла проникать и магометанская проповѣдь, особенно при помощи многочисленныхъ славяно-болгарскихъ колоній, которыя поселились въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Константина Копронима въ Болгаріи произошли сильныя междоусобія, во время которыхъ была свергнута династія Аспаруха и поставленъ князь (Телецъ) изъ другаго рода. Вслѣдствіе этихъ междоусобій множество болгарскихъ Славянъ оставили свои земли, и съ разрѣшенія византійскаго императора переселились въ Малую Азію на рѣку Артану; число этихъ переселенцевъ будто бы превышало 200,000 человѣкъ (по извѣстію Өеофана). Слѣдовательно, еслибы и встрѣтились дѣйствительно слѣды мусульманской пропаганды у Дунайскихъ Болгаръ, то посредниками въ этомъ случаѣ могли явиться болгарскіе колонисты въ Малой Азіи.

Впрочемъ сношенія съ Сарацинами въ тѣ времена были довольно обычны, особенно на почвѣ Византійской имперіи, гдѣ Болгаре встрѣчались съ ними то въ союзѣ съ Византіей противъ нихъ, то на оборотъ. Но Тюрко-Финская теорія совершенно упускаетъ изъ виду эту близость Малой Азіи и Сиріи и сношенія болгарскихъ царей даже съ египетскими халифами; а для подкрѣпленія своего дѣлаетъ предположенія о непосредственныхъ связяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими и о сильномъ магометанскомъ вліяніи съ береговъ Камы на берега Дуная. Во первыхъ, магометанство утвердилось въ Камской Болгаріи только въ X вѣкѣ; а въ VIII если и начали проникать туда начатки этого ученія, то еще весьма слабые. Во вторыхъ, источники не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Ближе къ послѣднимъ жили Болгаре Таврическіе и Таманскіе; но и тѣ остались чужды мусульманству, хотя оно проникло въ сосѣднюю съ ними Хазарію. Итакъ всѣ эти предположенія о мусульманствѣ Дунайскихъ Болгаръ очевидно вызваны желаніемъ привести ихъ въ живую связь съ Камскими. Но, повторяемъ, источники нисколько не согласуются съ такимъ желаніемъ.

VI.

Торговые договоры. Начало письменности и христіанства у Болгаръ.

Сами послѣдователи Тюрко-Финской теоріи указываютъ на черту, которая находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой теоріей. „Булгары принесли изъ Волжскихъ степей замѣчательную способность къ воспринятію цивилизаціи" — замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Византійско-Славянскаго міра,—и указываетъ за тѣмъ на ихъ торговую дѣятельность.* И дѣйствительно, едва Болгаре утвердились въ Мизіи, какъ вошли въ торговыя сношенія съ своими сосѣдями. Болгарія вскорѣ сдѣлалась торговою посредницею между Византіей, Германіей, Западно и Восточно-Славянскими землями. Это значеніе ея мѣтко опредѣлила наша лѣтопись, вложивъ въ уста Святослава извѣстныя слова, что въ Переяславль на Дунаѣ „сходятся вся благая" изъ разныхъ странъ. Торговля производилась въ тѣ времена особенно по рѣчнымъ и морскимъ путямъ; а судоходство, какъ извѣстно, не въ характерѣ чисто-степнаго Чудско-Татарскаго народа. Послѣднюю черту подтверждаютъ не только Гунны, Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары, но и современные Угры, которые, не смотря на свой внѣшній европеизмъ, не сдѣлались торговымъ народомъ, хотя они прежде жили около береговъ Чернаго моря, потомъ владѣли частію береговъ Адріатики и живутъ на такой судоходной рѣкѣ какъ Дунай. Болгаре, на оборотъ, какъ только утвердились за Дунаемъ, то первымъ ихъ стремленіемъ было захватить морскія гавани, каковы: Одиссосъ (Варна), Истрополисъ, потомъ Анхіалъ, Мессемврія, Бургасъ, Созополисъ.

На постоянную, значительную торговлю Болгаръ съ Византіей указываютъ торговые договоры Болгарскихъ князей съ Греками, совершенно подобные такимъ же договорамъ князей Русскихъ. Первый извѣстный намъ договоръ былъ заключенъ княземъ Кормезіемъ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ Тервелемъ) при императорѣ Ѳеодосіѣ Адрамитинѣ въ 714 или 715 году. Статьи этого договора опредѣляли цѣны наиболѣе дорогихъ товаровъ, постановляли взаимную выдачу бѣглыхъ преступниковъ и вмѣняли въ обязанность купцамъ имѣть печати или правитель-

* L'Empire Grecque au X siècle. Par Rambaud. Paris 1870.

[illegible] клейма на своихъ товарахъ. Договоръ этотъ конечно былъ письменный, ибо спустя около ста лѣтъ болгарскій царь Крумъ посылаетъ угрожающее письмо къ императору Михаилу Рангаве и требуетъ мира не иначе какъ на основаніи Кормесіева договора (Θеофанъ и Анастасій). А въ промежуткѣ между Кормесіемъ и Крумомъ мы имѣемъ извѣстіе того же Θеофана о договорѣ Болгаръ съ Греками при Константинѣ Копронимѣ въ 774 г., при чемъ обѣ стороны обмѣнялись письменными договорами и граматами. (Theoph. Ed. Bon. 691 и [illegible]).

Какъ значительна была торговая конкуренція болгарскихъ купцовъ съ греческими въ самой Византіи, показываютъ событія второй половины IX вѣка. Въ царствованіе Льва VI Философа по интригѣ греческихъ купцовъ, подкупившихъ кого слѣдуетъ, склады болгарскихъ товаровъ въ 888 г. были переведены изъ Константинополя въ Солунь. Хотя это былъ второй послѣ столицы торговый городъ имперіи, однако положеніе болгарской торговли значительно измѣнилось къ худшему: болгарскія суда должны были огибать весь Θракійскій полуостровъ и проходить мимо Константинополя, чтобы достигнуть Солуня. Въ тоже время пошлины на ихъ товары были увеличены. Знаменитый болгарскій царь Симеонъ горячо принялъ къ сердцу жалобы своихъ торговцевъ, и отсюда возникла его извѣстная война съ Греками. Въ этомъ случаѣ мы опять находимъ разительную аналогію съ Руссами, которые воевали съ Греками за нарушеніе торговыхъ договоровъ и притѣсненія своихъ купцовъ. Самая торговля русская съ Константинополемъ очевидно шла объ руку съ торговлей болгарской, и во многомъ за ней слѣдовала. Замѣчательны также и общіе мореходные пріемы Руссовъ и Болгаръ. Какъ тѣ, такъ и другіе не достигли развитія своихъ морскихъ силъ, и оба народа повидимому не пошли дальше своихъ лодокъ однодеревокъ, которыя были пригодны для рѣчнаго и морскаго плаванія. Еще въ [illegible] г., во время осады Константинополя аварскимъ каганомъ, мы видали на Боспорѣ эти лодки Тавроскиθовъ-Болгаръ. Тѣже болгарскія однодеревки встрѣчаемъ у береговъ Малой Азіи и спустя около 100 лѣтъ послѣ того, при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ (Nicephor. Ed. Bon. 63). Дальнѣйшему развитію морскихъ силъ конечно воспрепятствовали относительно Руси кочевыя орды, которыя отрѣзали ее отъ моря, а относительно

Болгаріи политическій упадокъ царства во второй половинѣ X вѣка и наступившая затѣмъ потеря самобытности. Приливъ тюркскихъ народовъ, т. е. Печенѣговъ и Половцевъ, въ XI вѣкѣ, также немало задержалъ развитіе болгарской образованности.

Рѣчь о болгарской торговлѣ приводитъ насъ къ вопросу о началѣ болгарской письменности. Обыкновенно это начало возводятъ ко времени крещенія царя Бориса и апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, т. е. во второй половинѣ IX вѣка. Но вѣрно ли это мнѣніе? Отвѣчаемъ отрицательно. Мы видѣли существованіе письменныхъ договоровъ съ Греками уже до царя Бориса; первый извѣстный намъ (по Ѳеофану) договоръ относится къ 714 или 715 году. Если съ этимъ даннымъ сопоставимъ упомянутое выше извѣстіе Прокопія о посольствѣ князя Утургуровъ Сандила къ императору Юстиніану въ 551 г., при чемъ посолъ излагалъ свое порученіе *изустно*, то придемъ къ слѣдующему предположенію: болгарская письменность возникла въ періодъ времени между второю половиною VI-го и первою четвертью VIII-го вѣка. Но какая же это была письменность? Конечно славянская. Посольскія грамоты и письменные договоры съ Греками предполагаютъ при греческомъ текстѣ и существованіе славянскихъ переводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находимъ при договорахъ Олега и Игоря.

Свидѣтельства о письменныхъ договорахъ и посланіяхъ болгарскихъ царей не принадлежатъ къ какимъ либо позднѣйшимъ извѣстіямъ, сложившимся подъ вліяніемъ собственно Кирилло-Меѳодіевой грамоты; доказательствомъ тому служитъ самъ авторъ этихъ свидѣтельствъ Ѳеофанъ, который жилъ ранѣе свв. Солунскихъ братьевъ и былъ современникъ Крума. Можно предложить вопросъ: не писались ли означенные договоры на одномъ греческомъ языкѣ? Но во первыхъ, это предположеніе не подкрѣпляется никакимъ свидѣтельствомъ источниковъ; во вторыхъ, тому противорѣчитъ существованіе славянскихъ переводовъ при договорахъ Руссовъ съ Греками. У насъ повторилось тоже явленіе: при княжемъ дворѣ писались грамоты на славянскомъ языкѣ прежде, нежели христіанство окончательно утвердилось въ Россіи. Притомъ два извѣстныхъ Олеговыхъ договора не были первыми русскими грамотами въ этомъ родѣ, такъ какъ въ нихъ самихъ заключаются намеки на договоры предшествовавшіе, слѣдовательно относящіеся къ IX вѣку.

На Руси начало грамоты совпадаетъ съ началомъ христіан-ства. Первое свидѣтельство о крещеніи Руссовъ, какъ извѣ-стно, заключается въ окружномъ посланіи патріарха Фотія 866 года. И у Дунайскихъ Болгаръ водвореніе письменности та-же по всей вѣроятности находилось въ связи съ началомъ ихъ христіанства. Исторіографія обыкновенно возводитъ христіан-ство Болгаръ къ крещенію царя Бориса-Михаила и его бояръ, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но она забываетъ, что это крещеніе было только окончательнымъ торжествомъ христіан-ства въ Болгаріи. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Византіей, въ Болгарію не проникло христіанство гораздо ранѣе. Что дѣйствительно такъ было, и это имѣемъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго и Кед-рина. По ихъ словамъ преемникъ Крума Муртагонъ (или Кру-тагонъ), княжившій въ первой четверти IX вѣка, замѣтивъ, что Болгарскій народъ мало по малу отпадаетъ отъ язычества и переходитъ въ христіанство, воздвигъ гоненіе на обращен-ныхъ и подвергъ казни тѣхъ, которые не хотѣли оставить новой вѣры. При этомъ упомянутые историки распростране-ніе христіанства между Болгарами приписываютъ плѣнному греческому епископу (Cedrenus. Ed. Bon. II. 185. Memor. Pop. II. 563). * Но христіанство по всей вѣроятности уже существо-вало между ними. Болгаре заняли страну, населенную по боль-шей части ихъ славянскими соплеменниками, которые искони жили на Балканскомъ полуостровѣ, входили въ составъ Визан-тійской имперіи, и конечно если не всѣ, то отчасти были уже христіанами, когда утвердились здѣсь. Болгаре. Отъ этихъ-то туземныхъ Славянъ христіанство очень рано могло проник-нуть къ Болгарамъ. Есть поводы думать, что у послѣднихъ была сильная христіанская партія, съ которою язычество дол-го боролось. По всей вѣроятности не безъ связи съ этой борь-бой происходили тѣ внутреннія смуты, которыми ознаменова-на исторія Болгаріи въ VIII вѣкѣ, сверженіе и убійство нѣко-торыхъ ея князей, и, можетъ быть, по преимуществу тѣхъ, которые особенно дружились съ Византіей и обнаруживали на-

---

* По расказу Θеофилакта, архіепископа Болгарскаго, одинъ изъ сы-новей того же Мортагона, Нравота или св. Баянъ, послѣ смерти отца принялъ крещеніе и былъ за то преданъ смерти братомъ своимъ Ма-ломіромъ (См. аббата Миня Patrolg. graec. t. CXXVI. p. 194).

клонность къ христіанской религіи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ изъ второй половины VIII вѣка примѣръ князя Телерика, который принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Болгаріи; онъ удалился ко двору императора Льва IV, былъ имъ окрещенъ, женился на его родственницѣ и получилъ санъ патриція (Theophan. 698).

Язычество долго и упорно держалось между Дунайскими Болгарами конечно вслѣдствіе почти постоянныхъ войнъ съ Византіей, которая стремилась подчинить себѣ этихъ Болгаръ: они подозрительно и враждебно относились къ греческой религіи, опасаясь подчиненія не только церковнаго, но и политическаго. Какъ бы то ни было, христіанство вторгалось постепенно и неотразимо. Вотъ почему исторія не имѣетъ никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ даже о крещеніи самого царя Бориса. Относительно его обращенія мы имѣемъ только двѣ скудныя легенды. Одна изъ нихъ приписываетъ это обращеніе сестрѣ Бориса, воротившейся изъ греческаго плѣна, гдѣ она просвѣтилась христіанскою вѣрою; а другая приводитъ его въ связь съ картиною страшнаго суда, нарисованнаго на стѣнѣ княжаго дворца греческимъ монахомъ-живописцемъ Меѳодіемъ (Продолжатель Константина, Кедринъ и Зонара). Третье, болѣе достовѣрное, извѣстіе говоритъ, что Борисъ принялъ христіанство во время неудачной войны съ греческимъ императоромъ Михаиломъ, чтобы получить миръ на выгодныхъ условіяхъ (Симеонъ Логоѳетъ, Левъ Граматикъ и Георгій Монахъ). Но онъ конечно былъ уже подготовленъ къ этому обращенію. Исторія даже не знаетъ въ точности года крещенія Борисова. Можемъ только приблизительно сказать, что оно совершилось вскорѣ послѣ 860 года.

Напрасно исторіографія пыталась связать введеніе христіанства въ Дунайской Болгаріи съ дѣятельностію солунскихъ братьевъ Константина и Меѳодія, имѣя при этомъ почти единственнымъ основаніемъ сходство имени послѣдняго съ упомянутымъ живописцемъ Меѳодіемъ (хотя никакое свидѣтельство не говоритъ намъ, чтобы братъ Константина былъ живописцемъ). Во первыхъ, самая хронологія едва ли допускаетъ эту гипотезу. По смыслу житій Константина и Меѳодія, почти вслѣдъ за путешествіемъ въ Козарію наступила ихъ миссія въ Моравію, и трудно предположить, чтобы братья по пути въ послѣднюю, такъ сказать мимоходомъ, крестили Болгаръ, какъ тол-

куютъ нѣкоторые ученые, и при этомъ снабдили ихъ (тоже мимоходомъ) славянскою грамотою. Если принять извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, то крещеніе Бориса совершилось не ранѣе 863 или 864 года, т. е. въ то время, когда братья находились уже въ Моравіи. * Во вторыхъ, въ это самое время мы видимъ сильную борьбу между греческою и латинскою церковью за господство въ Болгаріи и колебаніе самого Бориса между этими двумя вліяніями. Если бы Борисъ былъ только что окрещенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, то нѣсколько страннымъ является его обращеніе въ 866 году въ Римъ съ вопросами, относящимися до новой религіи. Въ этихъ вопросахъ упоминается о разныхъ проповѣдникахъ въ Болгаріи, но не сдѣлано ни малѣйшаго намека на Солунскихъ братьевъ. Въ третьихъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы такой важный подвигъ, гораздо болѣе важный чѣмъ поѣздки къ Сарацинамъ и Козарамъ,—чтобы этотъ подвигъ, т. е. крещеніе Болгаръ и дарованіе имъ славянской грамоты, пройденъ былъ совершеннымъ молчаніемъ въ Паннонскихъ житіяхъ свв. братьевъ, если бы этотъ подвигъ дѣйствительно былъ ими совершенъ. Дунайскіе Болгаре по всѣмъ признакамъ были отчасти христіанами еще прежде Кирилла; они уже имѣли конечно славянскую грамоту, а также и начатки перевода Священнаго писанія. Если бы славянская грамота не существовала прежде у Болгаръ, а была введена только при Борисѣ, то было бы трудно и объяснить то процвѣтаніе болгарской письменности, которое началось еще при томъ же Борисѣ и достигло такой замѣчательной степени при его преемникѣ Симеонѣ. Но объ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ Славянской грамотѣ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу Азовско-Черноморской Руси).

Итакъ, если Болгарскій народъ создалъ въ IX-X вв. богатую славянскую письменность, которою надѣлилъ и другихъ Славянъ, то спрашивается: когда же этотъ народъ былъ не славянскимъ? И могъ ли онъ быть не кореннымъ славянскимъ народомъ?

---

* Лѣтопись Гинкмара. Pertz. I. 465. См. о томъ Byzantinische Geschichten von [illegible]. Graz 1873. (II. 79) и Viek i Djelovanje sv. Cyrilla i Metho[illegible] [illegible] Zagrebu. 1859. (147—148). А также см. *Очеркъ исторіи пра[illegible]* Голубинскаго. Москва. 1871 (стр. 26 и 239).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ.

VII.

Филологическіе пріемы турко и финно-мановъ. Разборъ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и отдѣльныхъ словъ.

Теперь перейдемъ въ область тѣхъ доказательствъ, на которыхъ Тюрко-Финская система въ особенности думала основать свои выводы, т. е. въ область филологіи, собственно въ область личныхъ именъ. По поводу вопроса о происхожденіи Руси, мы уже не разъ имѣли случай указывать всю несостоятельность и всю произвольность подобныхъ доказательствъ. Филологія тогда только можетъ дѣлать точные выводы, когда она имѣетъ передъ собою языкъ народа съ достаточнымъ количествомъ лексическаго матеріала и граматическихъ формъ. Если филологическая наука сдѣлала огромные успѣхи въ области сравнительнаго языкознанія, то она еще слишкомъ слаба, чтобы рѣшать этнографическіе вопросы изъ области вѣковъ давнопрошедшихъ, на основаніи кое-какихъ отдѣльныхъ словъ, подобно тому, какъ наука палеонтологіи, на основаніи кое-какихъ кусковъ отъ костей, иногда опредѣляетъ объемъ и строеніе допотопныхъ животныхъ (впрочемъ не всегда достовѣрно).

Личныя имена конечно отражаютъ въ себѣ корни и характеръ словопроизводства въ народномъ языкѣ. Но чтобы добраться до этихъ корней и уяснить характеръ словопроизводства, прежде всего надобно возстановить народное произношеніе или фонетику данныхъ именъ; а это рѣдко бываетъ возможно, потому что рѣчь идетъ обыкновенно объ именахъ, уже несуществующихъ въ живомъ употребленія и дошедшихъ до насъ въ иноземной, искаженной передачѣ, притомъ иногда въ нѣсколькихъ варіантахъ. Далѣе, личныя имена и прозвища нерѣдко переходили изъ одного народа въ другой по причинѣ близкаго сосѣдства, политической зависимости, родственныхъ союзовъ и т. п.; слѣдовательно могутъ попадаться и такія, которыя, хотя чужаго происхожденія, но не означаютъ, чтобы лица ихъ носившія принадлежали къ этому чужому племени. Наконецъ въ исторіи всякаго народа могутъ попадаться лица иноплеменныя, находившіяся на службѣ туземныхъ государей

или близкихъ по какимъ либо другимъ причинамъ. При всѣхъ этихъ соображеніяхъ посмотримъ однако, на сколько справедливы слова Шафарика, будто „слѣдующія имена всякому безпристрастному языкоизслѣдователю представляются какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ своимъ видомъ ничего не заключающими въ себѣ славянскаго“ *.

1. *Кувратъ* или *Кубратъ*. Какимъ образомъ слово, котораго основной слогъ есть *вратъ* или *братъ* не можетъ быть славянскимъ? Развѣ рязанецъ Евпатій Коловратъ или чешская аристократическая фамилія Коловратовъ не Славяне? Тотъ же корень встрѣчается и въ началѣ нѣкоторыхъ славянскихъ именъ, напр. Вратиславъ или Братиславъ (откуда Брячиславъ). Самое Кувратъ можетъ быть сокращено изъ Колувратъ, т. е. Коловратъ. Въ Росписи болгарскихъ князей (Обзоръ Хроногр. А. Попова. I. 25) оно встрѣчается еще въ болѣе сокращенной формѣ *Коур'тъ*. Почти туже форму находимъ у патріарха Никифора, именно *Куратъ* (Κουρατος). Но и этимъ не ограничиваются его варіанты; такъ у Θеофана оно встрѣчается въ формѣ *Кробатъ* или *Кроватъ*. А Кроватами византійцы называли Хорватовъ— названіе, какъ извѣстно, славянское. Упомянемъ и о формѣ *Курбатъ*, имѣющейся въ нашихъ старинныхъ актахъ и происшедшей оттуда фамиліи Курбатовыхъ. (Не забудемъ, что личныя имена и фамильныя прозвища нерѣдко сохраняютъ слова, давно вышедшія изъ народнаго употребленія). Наконецъ. если предположимъ въ данномъ имени древнее юсовое произношеніе (Кѫвратъ), тогда получимъ почти тоже, что Кунрадъ или Конрадъ, встрѣчающееся не у Финновъ, а у Нѣмцевъ и Поляковъ.

2. *Батбай*. Легенда о раздѣленіи Болгаръ называетъ такъ старшаго сына Кувратова. Но это имя встрѣчается не одинъ разъ въ исторіи, хотя и съ легкими варіантами. У Іорнанда мы имѣемъ Бабая, князя Придунайскихъ Сарматъ, которыхъ побѣдилъ Теодорихъ Остготскій (cap. LV). По всѣмъ признакамъ эти Сарматы были тѣже Болгаре, которые въ то время

---

* Кувратъ, Батбай, Котрагъ, Алтицей, Алзеко, Куберъ, Аспарухъ, Тервель, Кормезій, Телецъ, Сабинъ, Паганъ или Баянъ, Умаръ, Токтъ, Черигъ. [illegible], Крумъ, Мортагонъ, Пресіамъ, Борисъ, Алмъ, Ахмедъ. Талибъ, [illegible], Болдъ, Чигатъ, Мармесъ, Кининъ, Ибоклія, Алогоботуръ, Ко[illegible]. Буйй Тарканъ, Калутерканъ. Кракрасъ, Елемагъ, Кавканъ, [illegible], Еладій, Добетъ, Била, Боксу Гетенъ и др. (Славян. Древн. [illegible]–270).

уже появились въ придунайскихъ странахъ, куда часть ихъ послѣдовала за Остготами. А Сарматами Іорнандъ очевидно называетъ славянскіе народы, и во всякомъ случаѣ не тюркскіе. Данное имя было остаткомъ очень далекой древности. Еще Геродотъ говоритъ, что у Скиѳовъ главный богъ, соотвѣтствующій греческому Зевсу, назывался Папай (Παπαῖος). Корень этого слова *пат* или *бат* общеарійскій и присутствуетъ въ словахъ означающихъ отца (собственно *питателя*), каковы санскр. pitar, зенд. patar. греч. πατήρ, латин. pater и пр. Онъ и доселѣ сохраняется въ нашемъ словѣ *батя*, *батюшка*, женское *баба*, *бабушка*. А у Сербовъ *бабо* и теперь значитъ отецъ. Напомнимъ еще, что по извѣстію Іорнанда отецъ императора Максимина, въ III вѣкѣ, былъ Готъ, по имени Мекка, а мать Аланка, по имени *Абаба*. Слѣдовательно какимъ же образомъ это имя должно быть не славянское, а непремѣнно турецкое или финское? Что касается до варіантовъ, то патріархъ Никифоръ въ одномъ мѣстѣ называетъ старшаго Кувратова сына *Базіанъ*, а въ другомъ *Баянъ*.

3. *Котрагъ*, по легендѣ второй сынъ Куврата. Это имя подтверждаетъ только тождество Болгаръ съ Котрагами, Котрагурами или Кутургурами. Укажу на старое чешское имя *Кутра*. (См. Славянскій Именословъ—Морошкина).

4. *Аспарухъ*, четвертый сынъ Куврата. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей онъ названъ *Исперихъ* или Исперикъ. А этотъ варіантъ указываетъ на славянскія уменьшительныя, оканчивающіяся на *икъ* или *ко*. Почему же это имя должно быть тюркское, когда самъ же Шафарикъ считаетъ его персидскаго происхожденія? Но Персидскій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ арійскимъ, а въ древности былъ близокъ къ Славянскому. Что это имя дѣйствительно не финское и не турецкое, доказываетъ существованіе его у Аланъ. А именно въ V вѣкѣ у Приска въ числѣ аланскихъ вождей упоминается *Аспаръ*, помощи котораго императоръ Левъ I былъ обязанъ престоломъ (Mem. Pop. IV. 336. Кромѣ того имя Гаспаръ существуетъ и у Нѣмцевъ). Асперихъ, Исперикъ конечно есть ничто иное какъ уменьшительная форма отъ Аспаръ (какъ Рюрикъ отъ Руря). Это обстоятельство подтверждаетъ ту нашу мысль, что Болгаре и Алане были родственныя сарматскія племена. Если же оставимъ форму Аспа*рухъ* или Аспа*рукъ*, то и эта

форма отнюдь не чужда славянскому языку. Развѣ въ словахъ: *пѣтухъ*, *пастухъ*, *барсукъ* и т. п. суффиксъ не славянскій?

5. *Тербель* или *Тервель*, преемникъ Аспаруха. Мы не видимъ никакого основанія, подобно Шафарику, отвергать въ этомъ имени присутствіе славянскаго корня. Въ примѣръ ошибочныхъ филологическихъ толкованій знаменитаго слависта приведемъ слѣдующее. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей" (гл. 34) говоритъ, что названіе области *Тервунія* или *Тербунія* по-славянски значитъ „укрѣпленное мѣсто" (твердыня). Кажется, ясно. Но изъ современнаго славянскаго языка не легко объяснить такое значеніе, и Шафарикъ преспокойно отвергъ его. Онъ утверждаетъ, что Константинъ въ этомъ случаѣ „очень ошибся": такъ какъ въ другомъ его сочиненіи (объ обрядахъ Византійскаго двора), „передѣланномъ впрочемъ въ XI вѣкѣ", читаемъ *Травуны*, а въ сербскихъ грамотахъ *Травунійская земля*. Отсюда Шафарикъ заключаетъ, что это слово есть собственно иллиролатинское *Трансвунія*, въ славянскомъ переводѣ *Захлумье*; что во всякомъ случаѣ современное названіе этой области *Требинѣ* „никоимъ образомъ не можетъ означать твердь, какъ это толкуетъ Константинъ". Славян. Древн. т. I., кн. 2., стр. 445). Между тѣмъ въ данномъ толкованіи оказывается правъ византійскій императоръ X вѣка, а не славянскій филологъ XIX-го. Шафарикъ, во первыхъ, не взялъ въ расчетъ столь обычную перегласовку, въ слѣдствіе которой Тербунія (при полногласіи Теребунія) обратилась въ Требинѣ. Во вторыхъ онъ упустилъ изъ виду одно мѣсто русской лѣтописи, именно подъ 1114 годомъ. „И рече Володимеръ: требите (варіантъ *теребите*) путь и мостите мостъ". Здѣсь „теребить путь" очевидно употреблено въ смыслѣ укрѣплять, устроивать, и тутъ же отчасти пояснено, въ чемъ состояло это укрѣпленіе: „мостите мосты". Въ древней Россіи устройство дорогъ собственно и ограничивалось построеніемъ мостовъ и проложеніемъ гатей по топкимъ, непроходимымъ мѣстамъ. Слово *теребить* существуетъ у насъ до сихъ поръ, хотя съ нѣсколько другимъ оттѣнкомъ въ смыслѣ. Слѣдовательно Константинъ совершенно вѣрно объяснилъ значеніе древней Тербуніи или нынѣшней Требинѣ въ смыслѣ тверди. Можетъ быть и личное имя Тербель (Тервель по росписи Болгарскихъ князей) одного корня съ названіемъ Тербунія, и соотвѣтственная ему форма въ древнерусскихъ именахъ была бы Тербило или

Теребило, въ родѣ нашего лѣтописнаго Твердило, къ которому она подходила бы не только по формѣ, но и по значенію. (*Теребиха*, см. Именословъ Морошкина).

6. *Кормезій*, въ росписи болгарскихъ князей *Кормисошъ*. Опять не вижу причины, почему бы имя Кормешъ или Кормисошъ было не славянское? Почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами *кормило* и *кормчій*?

7. *Телецъ*. Доказывать, что это слово чисто славянское было бы излишне. Укажемъ еще на имена *Тель* по влахо-болгарскимъ грамотамъ и *Теля* по Писцовымъ книгамъ (см. у Морошкина). Къ тому же корню относится конечно имя и другаго болгарскаго князя, жившаго въ VIII вѣкѣ, *Телерика* (по другому извѣстію *Черигъ*). Этотъ Телерикъ и выше приведенный Эсперикъ подтверждаютъ, что имена на *рикъ* принадлежали не однимъ Нѣмцамъ, но и Славянамъ, въ чемъ доселѣ сомнѣвались норманисты. (Шафарикъ забылъ при этомъ о собственномъ имени).

8. *Баянъ*. Принадлежность его языку восточныхъ Славянъ засвидѣтельствована Словомъ о Полку Игоревѣ, и корень этого имени по всей вѣроятности одинъ и тотъ же съ глаголомъ *баять* говорить, вѣщать; слѣдовательно баянъ тоже что́ вѣщунъ. Оно было въ употребленіи на Руси еще въ XIII вѣкѣ (см. Морошкина). Тоже имя носилъ одинъ изъ аварскихъ кагановъ; что́ можетъ указывать на славянскую примѣсь у Аваръ или на родство кагановъ съ славянскими князьями. (Авары, какъ мы доказываемъ, были сармато-черкесскій народъ). Подобно Аварамъ, славянскія имена встрѣчаются также у древне-угорскихъ князей.

9. *Умаръ*, по росписи *Оуморъ*. Мы имѣемъ довольно именъ славянскихъ и нѣмецкихъ на *міръ* и *маръ*; однако Шафарикъ сближаетъ его съ арабскимъ Омаромъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство тюрко-финскаго его происхожденія.

10. *Крумъ* съ его варіантами *Крумнъ и Кремъ*. Почему бы мы не могли сблизить это имя, по его корню, съ нашими названіями: Кромы, Кремль, кремникъ и кремень *?

---

* Позволяю себѣ не соглашаться съ ученымъ авторомъ Филологическихъ Разысканій, который считаетъ кремль и кремень словами не одного корня: на томъ основаніи, что кремень есть названіе твердаго камня, а кремль первоначально былъ деревянною крѣпостью. (I. 255). Но

11. *Борисъ* или *Богорисъ*. Считать подобное имя не славянскимъ, а финскимъ было бы ни съ чѣмъ несообразно. Это одно изъ самыхъ употребительныхъ славянскихъ именъ; на его распространеніе указываетъ и обиліе варіантовъ, которые встрѣчаются въ источникахъ: Борило, Борко, Борикъ, Боричъ, и пр. Интересно, что кромѣ Бориса у Болгаръ встрѣчается, въ X вѣкѣ, и другое обычное древнерусское имя *Глѣба* (Glabas, см. Mem. Pop. II. 628).

12. *Алогоботуръ*, одинъ изъ военачальниковъ царя Симеона. Это имя передано византійцами несовсѣмъ точно: настоящее его произношеніе конечно есть *Алобоготуръ*. Совершенно такую же перестановку встрѣчаемъ мы у Симеона Логоѳета: вмѣсто Богорисъ онъ пишетъ *Гоборисъ*. Алборотуръ есть конечно слово сложное изъ *ал* или *ар*, *яр* и *боготуръ* или *богатырь*. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь прозваніе въ родѣ *Яртура* Всеволода въ Словѣ о Полку Игоревѣ *.

кремль очевидно означалъ вообще крѣпость или *твердь*; а извѣстный камень получилъ названіе кремня именно по своей твердости или крѣпости.

* Почему-то у насъ существуетъ мнѣніе, что слово *богатырь* не славянскаго происхожденія, а заимствовано нами у Татаръ, и въ доказательство приводятъ, что до Татарскаго владычества оно не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ. Но, во первыхъ, есть множество другихъ словъ, несомнѣнно употреблявшихся народомъ и случайно непопавшихъ въ немногіе дошедшіе до насъ памятники до—Татарской эпохи. Во вторыхъ, слова *богъ* и *туръ* несомнѣнно славянскія; почему же, будучи сложены вмѣстѣ, онѣ дадутъ татарское слово? Въ третьихъ, слово *богатырь* есть у западныхъ Славянъ, т. е. у Поляковъ и Чеховъ. А приведенное здѣсь имя болгарскаго военачальника показываетъ, что это слово задолго до Татарскаго владычества существовало и у южныхъ Славянъ. Слѣдовательно объясненіе его татарскимъ вліяніемъ было основано на недостаточномъ изученіи. Мнѣ уже случалось указывать на то, что у насъ продолжаетъ господствовать очевидная наклонность всякое слово, сколько нибудь трудное для объясненія, толковать иноземнымъ вліяніемъ, и что въ лексиконѣ татаро-финскихъ народовъ много общаго съ лексикономъ народовъ арійскихъ, особенно восточно славянскихъ. Ненадобно забывать исконное и тѣсное сосѣдство этихъ народовъ еще въ древней Скиѳіи и средней Азіи. Слѣдовательно, лексиконъ той и другой группы народовъ отражаетъ вліяніе времени еще доисторическихъ, и скорѣе можно предположить вліяніе арійскихъ народовъ, какъ болѣе одаренныхъ и ранѣе развившихся, на сосѣдніе народы Сѣверной или Урало-Монгольской группы.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, ограничимся примѣромъ этихъ 12 именъ изъ числа тѣхъ, которыя Шафарикъ объявилъ „незаключающими въ себѣ ничего славянскаго". Въ числѣ остальныхъ, имъ упомянутыхъ, есть такія, которыя принадлежатъ не Дунайскимъ, а Камскимъ Болгарамъ (Альмъ, Агмедъ, и пр.), и слѣдовательно совсѣмъ не идутъ къ данному вопросу. Иныя имена, по ихъ искаженію или просто по трудности найти ихъ смыслъ, едва ли могутъ быть объяснены изъ какого либо языка (въ родѣ Ицбокля, Ехацій, и т. п.). Наконецъ нѣкоторыя имена могутъ быть дѣйствительно чужія, что̀ весьма естественно и нисколько не нарушало принадлежности Болгарскаго племени къ Славянскому корню. Тутъ имѣли вліяніе бывшее господство Гунновъ и Аваръ, сосѣдство Угровъ, родственныя связи княжескихъ фамилій того и другаго народа, кромѣ того въ числѣ бояръ и дружины, какъ и у насъ на Руси, были по всей вѣроятности люди дѣйствительно угро-тюркскаго или другаго какого происхожденія. Наконецъ Іорнандъ прямо говоритъ: „Всѣмъ извѣстно, что многія (чужія) имена усвоиваются народомъ чрезъ употребленіе; такъ Римляне часто заимствовали у Грековъ, Сарматы (Славяне) у Германцевъ, Готы у Гунновъ" (гл. IX. Онъ очевидно смѣшиваетъ вмѣстѣ имена дѣйствительно заимствованныя съ именами общими по родству корней; напримѣръ, это можно сказать относительно Славянъ и Германцевъ). Какъ имена гуннскія отчасти перешли къ Славянамъ, такъ и на оборотъ имена съ славянскимъ или германскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются у Гунновъ, Аваръ и Угровъ; таковы: Валаміръ, Онегизъ, Баянъ, Лебедій, Вологудъ и др.

Въ своихъ статьяхъ о норманизмѣ мы уже замѣчали, что напрасно было бы между древними именами у разныхъ славянскихъ народовъ искать непремѣнно такихъ, которыя оканчиваются на *славъ*. Послѣдняя приставка начинаетъ входить въ моду только съ IX вѣка. Многія древнія имена у всѣхъ почти славянскихъ народовъ не поддаются славянскому словопроизводству (Чехъ, Бехъ, Гериманъ, Мунъ, Бальде, Гатальдъ, Микъ, Крокъ и пр.). А туранскій оттѣнокъ особенно сильнымъ долженъ былъ явиться у восточныхъ Славянъ, т. е. Русскихъ и Болгаръ. (Относительно русскихъ именъ см. выше статью „Еще о норманизмѣ"). Впрочемъ Древнеболгарская исторія не чужда и такихъ именъ, которыя носили общеславянскій оттѣнокъ, каковы имена на *міръ*: Драгоміръ въ VIII вѣкѣ, Добро-

міръ въ X; въ числѣ предшественниковъ Богориса имѣемъ Владиміра, а въ числѣ его преемниковъ Властиміра. По разсказу о св. Баянѣ, или *Нравотѣ*, этотъ послѣдній былъ дядею Владиміра, другой его дядя назывался Маломіръ, а отецъ Zvynitzes, слѣдовательно въ родѣ Звониміра или Звенислава. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей, кромѣ тѣхъ именъ, которыя мы уже приводили, съ славянскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются: *Гостунъ* (напоминающій нашего легендарнаго Гостомысла и князя Бодричей историческаго Гостомысла IX вѣка), *Безмѣръ* и *Севаръ* (послѣднее вѣроятно одного корня съ именемъ славянина Сваруны у Агаѳія). Въ этой росписи остаются только два первыя имени съ чуждымъ оттѣнкомъ: *Авитохолъ* и *Ирникъ*; впрочемъ самыя лица, которымъ онѣ принадлежатъ, весьма сомнительны. Роспись говоритъ, что Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а Ирникъ 108. Первый отзывается подражаніемъ Библіи; а второй едва ли въ сокращенной формѣ не отразилъ въ себѣ смутное воспоминаніе объ остготскомъ Ерманарикѣ, который когда-то господствовалъ надъ народами Южной Россіи, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Ерманарикъ по словамъ Іорнанда умеръ на стодесятомъ году своей жизни.

Кстати о Готахъ. Для тѣхъ, которые любятъ выводить имена древнерусскія и древнеболгарскія изъ чуждыхъ языковъ, я предлагаю рядъ готскихъ именъ изъ книги Іорнанда: Гальмалъ, Унильтъ, Аталь (чуть не Атель, т. е. Атила), Ансила, Мелка, Книва, Респа, Ведуко и пр. Пусть означенные любители потрудятся объяснить мнѣ эти имена изъ нѣмецкаго языка или найти такія же имена у другихъ германскихъ народовъ. Если же они не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, то по ихъ логикѣ придется объявить Готскій народъ не принадлежащимъ къ Нѣмецкой группѣ *.

* Для тѣхъ, которые относятъ имена болгарскія къ татарскимъ или финскимъ на томъ основаніи, что онѣ имъ *кажутся* неславянскими, не арійскими, укажу еще на слѣдующій примѣръ. Въ Ипатьев. лѣтописи встрѣчается рядъ именъ литовскихъ вождей, каковы: Давъятъ, Юдьки, Бикши, Кинтибутъ, Китеній, Рукля, Репекья, Бурдикидъ и пр. Съ перваго взгляда онѣ также звучатъ какими то татарскими или финскими и вообще не арійскими; а между тѣмъ очень хорошо извѣстно, что Литва племя арійское, родственное Славянскому.

Къ числу болгарскихъ княжескихъ именъ можемъ отнести и тѣ, которыя встрѣчались намъ въ исторіи Гунновъ-Кутургуровъ и Утургуровъ, каковы *Синніо*, *Заберганъ* и *Сандилъ*, которыя совсѣмъ не принадлежатъ къ именамъ чисто-гуннскимъ. Первое напоминаетъ уменьшительную форму *Синко* въ Игоревомъ договорѣ. Заберганъ или его варіантъ *Заберга* можетъ быть сближенъ по корню съ Beurgus, аланскимъ князем V вѣка, о которомъ упоминаетъ Іорнандъ. Относительно имени Сандилъ и его варіанта Сандилхъ, если возьмемъ въ расчетъ древнее носовое произношеніе (Сѫдилъ), то получимъ чисто славянское имя Судило или Судилко (и сложное Судиславъ).

Если обратимъ вниманіе на тѣхъ Болгаръ, которые встрѣчаются въ дружинахъ Велизарія и обозначены у Прокопія подъ общими названіями Гунновъ и Массагетовъ, то и здѣсь также можно усмотрѣть славянскую стихію. Во первыхъ, нѣсколько разъ упоминается одинъ изъ предводителей конницы *Айганъ* или *Айга*, родомъ Массагетъ. А у Менандра имѣемъ *Анагая* или *Ананган*, предводителя Утургуровъ на берегахъ Меотиды (повидимому одного изъ преемниковъ Сандила); вѣроятно это имя есть варіантъ Прокопіева Айгана, хотя лицо не одно и тоже *. Далѣе въ „Готской войнѣ" Прокопія между начальниками конныхъ дружинъ встрѣчаются Массагеты *Дзантеръ*, *Хорсоманъ* и *Эшманъ*, имена чисто арійскія, а не тюрко-финскія. Дзантеръ напоминаетъ извѣстнаго скиѳскаго царя Дантура или Идантура. Эшманъ вѣроятно имя тождественное съ болгарскими Сисманами или Шишманами. Хорсоманъ, съ его варіантомъ *Хорсомантъ*, очевидно произошло отъ славянскаго божества Хорса. (А *мантъ* соотвѣтствуетъ окончанію нѣмецкихъ именъ на *мундъ*, литовскихъ на *мунтъ*, славянскихъ на *мутъ* и *мидъ*).

* Въ Росписи Болгарскихъ князей при ихъ именахъ большею частію повторяется, что они были изъ рода *Дуло*. Нѣтъ ли чего общаго между этимъ родоначальникомъ и означеннымъ утургурскимъ княземъ Судило? Точно также утургурскаго Анангая позволимъ себѣ сблизить съ упоминаемымъ въ той же росписи родомъ *Угаинъ*, къ которому принадлежалъ князь Телецъ. О Гостунѣ въ росписи сказано, что онъ былъ *намѣстникъ* изъ рода *Ерми*. Этотъ Ерми м. б. указываетъ на того-же готскаго Ерманарика. Впрочемъ у Аланъ также существовало это имя: въ числѣ сыновей упомянутаго выше Аспара былъ *Ерминарикъ*. А что имя Ермана или Германа не было чуждо Славянамъ, указываютъ древнечешское Гериманъ и древнерусское Ермакъ.

Этотъ Хорсомантъ былъ настоящій славянскій богатырь какъ по силѣ и мужеству, такъ по излишней отвагѣ и пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ. („А Массагеты суть величайшіе пьяницы изъ всѣхъ смертныхъ“—замѣтилъ Прокопій, De Bel. Vand. K. I. с., 12). Однажды, когда Готы осаждали Велизарія въ Римѣ, Хорсомантъ съ нѣсколькими византійскими всадниками наткнулся на 70 непріятелей и гналъ ихъ до самаго лагеря. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ раненъ въ лѣвую голень, такъ что не могъ сѣсть на коня. Эта рана приводила его въ гнѣвъ, и онъ грозилъ жестоко отмстить Готамъ. Когда ему стало лучше, то разъ, по обычаю своему напившись за обѣдомъ въ полпьяна, онъ объявилъ, что идетъ на непріятелей одинъ и пѣшій. Дойдя до Пинчіанскихъ воротъ, онъ сказалъ стражѣ, что имѣетъ порученіе отъ Велизарія въ непріятельскій лагерь. Стража, зная расположеніе къ нему Велизарія, пропустила его. Непріятели почли его сначала перебѣжчикомъ; но когда онъ сталъ пускать въ нихъ стрѣлы, то на него бросилось 20 человѣкъ. Хорсомантъ побилъ ихъ и пошелъ впередъ. На него бросились новыя толпы; наконецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ палъ, избивъ порядочное количество враговъ. Да, это историческое событіе, засвидѣтельствованное Прокопіемъ, является какъ будто отрывкомъ изъ нашихъ богатырскихъ былинъ!

Вотъ еще примѣръ изъ „Готской войны.“ Анкона едва не была взята Готами, если бы въ крѣпости на тотъ разъ случайно не присутствовали два витязя, Улимунъ Ѳракіецъ и Вулгуду Массагетъ: они приняли участіе въ сраженіи, своими мечами отразили непріятелей, но воротились въ городъ сильно израненные. Вторая половина имени *Вулгуду* напоминаетъ Гуды Олегова и Игорева договоровъ. Съ носовымъ звукомъ оно будетъ оканчиваться на *гундъ* или *гандъ*, и дѣйствительно въ той же Готской войнѣ встрѣчается Гуннъ *Ольдогандъ* и кромѣ того Гуннъ *Улдахъ* (съ придыханіемъ оно должно было произноситься Вулдахъ или Вулдай). Мало того, у Агаѳія изъ той же эпохи имѣемъ *Регнаря*. Это имя конечно тоже что готское Рагнарь, о которомъ упоминаетъ Прокопій въ Готской войнѣ; однако Регнарь Агаѳія не Готъ: онъ родомъ Гуннъ изъ племени Витигоровъ (т. е. Утургуровъ). Ясно, что подъ общими именами Гунновъ и Массагетовъ скрываются въ данныхъ слу-

чаяхъ не настоящіе Гунны или Угры, а все тѣже Славяне-Болгаре.

Довольно объ именахъ. Тюрко-Финская теорія усматриваетъ и другіе слѣды угорскихъ нарѣчій въ языкѣ Болгаръ, напримѣръ слова: *боилядьі*, *тарканъ*, *аулъ*. Но какимъ образомъ слово „боиляды" (boilades) можетъ быть доказательствомъ угорскаго происхожденія, когда его совсѣмъ нѣтъ въ финскихъ языкахъ? Означаетъ ли оно *былей* Слова о Полку Игоревѣ или просто Русское *боляре*, во всякомъ случаѣ оно должно быть поставлено въ числѣ доказательствъ именно славянскаго, а не финскаго происхожденія Болгаръ. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ Византійскаго двора" упоминаетъ о „шести великихъ болядахъ", какъ о высшихъ сановникахъ при болгарскомъ государѣ. Эти великіе боляды какъ нельзя лучше соотвѣтствутъ тѣмъ Русскимъ „великимъ (или свѣтлымъ) боярамъ", о которыхъ говорится въ Олеговомъ договорѣ. Тотъ же Константинъ приводитъ болгарскіе титулы *Конартикина* и *Вулія Таркана* (ibid. ὁ Κοναρτιχειvος xαι ὁ Βουλιας Ταρχανος); эти титулы повидимому носили старшіе сыновья болгарскаго государя. Конартикинъ м. б. есть испорченное въ греческой передачѣ слово, вмѣсто Контарканъ (въ X. в. въ числѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи встрѣчается Калутерканъ), т. е. вторая половина слова таже что̀ въ титулѣ Вулій Тарканъ. А послѣднее конечно означаетъ: Велій (великій) тарканъ. Не беремся объяснить происхожденіе слова „тарканъ." Предположимъ, что оно дѣйствительно принадлежитъ восточнымъ языкамъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство финскаго происхожденія Болгаръ. Извѣстно, что титулы легче всего заимствуются у другихъ народовъ (наши титулы царь, императоръ, графъ и т. п. развѣ славянскаго происхожденія?). Притомъ и самое слово „тарканъ" никѣмъ необъяснено филологически изъ финскихъ языковъ; а что въ немъ заключено слово *ханъ*, по толкованію Шафарика, то и это толкованіе произвольное; да намъ и неизвѣстенъ титулъ хана у народовъ собственно финскихъ. А слова на *канъ*, *ханъ* и *ганъ* встрѣчаются въ различныхъ языкахъ. Для примѣра укажу на персидскаго полководца Нахорагана въ VI вѣкѣ и византійскаго патриція Теодорокана въ X-мъ. Послѣдователи тюрко-финской теоріи хазаро-аварскій титулъ кагана или хакана отождествляютъ съ татарскимъ ханомъ; но такое тождество гадательное.

Мы думаемъ, что титулъ кагана, ранѣе другихъ встрѣчающійся у народовъ кавказскихъ, первоначально принадлежалъ не Туранской, а Иранской группѣ. Вообще филологія при объясненіи подобныхъ словъ нерѣдко доказываетъ свой произволъ и свою несостоятельность въ рѣшеніи вопросовъ историко-филологическихъ, если она не ищетъ поддержки въ строгой исторической критикѣ.

Что касается до слова *аулъ*-дворецъ, будто-бы тождественнаго съ киргизскимъ *aul* или мадьярскимъ *ol*, то здѣсь по всей вѣроятности кроется какое-либо недоразумѣніе. Нѣкоторые византійскіе писатели (Ѳеофанъ и Зонара) упоминаютъ, что Греки въ 811 г. взяли Крумову авлу (ἀυλήν): „такъ Болгаре называютъ жилище своего государя"—поясняетъ Зонара. Но какимъ образомъ слово „авла" можно относить исключительно къ татарскимъ или финскимъ языкамъ, когда оно существовало и въ греко-латинскихъ нарѣчіяхъ? Очень можетъ быть, что оно отъ Грековъ же перешло къ нѣкоторымъ варварскимъ народамъ, если не принадлежитъ къ элементамъ общимъ лексикону Туранской и Иранской группы. Сверхъ того представляется вопросъ: нѣтъ ли въ означенной фразѣ какого пропуска у византійскихъ писателей или собственно у Ѳеофана, у котораго заимствовали другіе компиляторы; а онъ выразился сжато: „Крумову такъ называемую авлу". Можетъ быть слѣдовало сказать: Крумову авлу или такъ называемый (*дворъ*? *теремъ*? *палату*? и т. п.). *

Вообще развѣ это научно-филологическій пріемъ: отыскать у Болгаръ нѣсколько словъ, похожихъ на татарскія, и на этомъ основаніи утверждать, что они не Славяне? Между тѣмъ какъ Болгаре жили въ постоянномъ сосѣдствѣ именно съ Урало-Алтайскими народами и притомъ значительное время находились отъ нихъ въ зависимости. При такихъ условіяхъ въ ихъ лексиконѣ неизбѣжно должно было оказаться нѣсколько

---

* Это изслѣдованіе наше напечатано было въ 1874 г. (Русс. Архивъ № 7). Послѣ того я встрѣтилъ нѣкоторое подтвержденіе своему предположенію въ „Филологическихъ разысканіяхъ". Я. К. Грота. Онъ приводитъ выписку Востокова изъ одного хронографа, гдѣ именно по поводу даннаго событія дворецъ болгарскихъ государей названъ *кремлемъ*. «Царь Никифоръ на болгары поиде.... и побѣди ихъ крѣпко, яко и глаголемаго *двора* князя ихъ, иже есть *кремль*, пожещи его». (т. I. 254. Изд. 2-е).

финно-тюркскихъ элементовъ; особенно эти элементы могли отразиться въ личныхъ именахъ, въ названіи высшихъ титуловъ и т. п. На такомъ основаніи и древнихъ Руссовъ можно было бы отнести къ племенамъ тюрко-финскимъ. Неговоря уже объ эпохѣ послѣ-татарской, оставившей нѣкоторые слѣды въ нашемъ лексиконѣ; но и въ до-татарскую эпоху мы встрѣчаемъ не мало именъ и словъ, имѣющихъ родство съ финскими и тюркскими, чтò совершенно естественно при давнихъ и близкихъ отношеніяхъ Восточныхъ Славянъ къ своимъ сѣверовосточнымъ и юговосточнымъ сосѣдямъ.

VIII.

Роспись болгарскихъ князей съ загадочными фразами. Признаки чистаго славянскаго языка у древнихъ Болгаръ. Заключеніе.

Здѣсь я упомяну объ одномъ отрывкѣ, который, казалось, долженъ былъ доставить окончательное торжество Тюрко-Финской теоріи. Именно, въ интересной и весьма добросовѣстно составленной монографіи г. А. Попова *Обзоръ хронографовъ русской редакціи*, 1866 г. (вып. I. стр. 25) обнародована вставка изъ одного хронографа, называемаго „Эллинскимъ лѣтописцемъ", по спискамъ XVI вѣка. Эта вставка заключаетъ въ себѣ ту роспись древнихъ болгарскихъ князей, о которой выше мы имѣли случай упоминать уже нѣсколько разъ. Тутъ мы находимъ какія-то загадочныя фразы на непонятномъ языкѣ. * По-

* Приведемъ эту вставку вполнѣ:

«Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Ирникъ жилъ лѣтъ 100 и 8; родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сыи 2 лѣта; родъ ему Ерми; а лѣтъ ему дохсъ твиремъ. Коуртъ 60 лѣтъ држа; родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣта, а родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вѣчемъ. Сіи пять князь држаша княженіе обону страну Доуная лѣтъ 500 и 15 съ остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная Испернхъ князь тожде и доселѣ. Есперихъ князь 60 и одино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему веренналемъ. Тервелъ 20 и 1 лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему текоучетемь твиремъ. 20 и 8 лѣтъ, родъ ему доуло,

слѣдователи Энгеле-Тунмановой теоріи поспѣшили объяснить эти фразы съ помощью лексикона Мадьярскаго и другихъ финскихъ нарѣчій. Выходитъ, что каждому княженію соотвѣтствовала формула, обозначающая его княженіе. Напримѣръ: „а лѣтъ ему *диломъ твиремъ*" значитъ „я исполненъ, и совершенъ"; *шегоръ вечемъ*—„я есмь помощникъ"; *верениалемъ*—„я живу въ крови" и пр. (сочч. Гильферд. I. 23). „Обычай давать прозвище году — замѣчаетъ Гильфердингъ — обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до слiянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденія орды Аспаруховой" (стр. 22).

Темныя фразы приведенной записи, по мнѣнію ихъ толкователей, суть ничто иное какъ памятникъ того финскаго нарѣчія, на которомъ говорили древніе Болгаре и который долго еще существовалъ рядомъ съ Славянскимъ языкомъ. Но такое заключеніе по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Во первыхъ, значеніе самихъ фразъ истолковано еще слишкомъ гадательно, и они ждутъ своего разъясненія отъ знатоковъ восточныхъ нарѣчій. Затѣмъ нисколько не разъяснено происхожденіе данной записи и время, къ которому она относится. Наконецъ, къ какому бы иноплеменному языку ни принадлежали темныя рѣченія, мы не видимъ никакого повода заключать, что это именно тотъ языкъ, на которомъ говорили древніе Болгаре. Если эти рѣченія принадлежатъ языку финскому, то опять таки не забудемъ близкаго сосѣдства Угровъ и остатковъ настоящихъ Гунновъ, которые могли еще долго существовать посреди Болгаръ. Въ хожденіи Аѳанасія Никитина „за три моря" встрѣчаются татарскія фразы; но можно ли отсюда заключать, что авторъ этого хожденія былъ татарскаго племени? Или предпо-

---

а лѣтъ ему двеншехтемъ. Севаръ 15 лѣтъ; родъ ему доуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошъ 16 лѣтъ; родъ ему вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримъ. Сии же князь измѣни родъ доуловъ, рекше вихтунь винехъ; 6 лѣтъ, а родъ ему оукиль ему имаше горалемь. Телецъ 3 лѣта, родъ ему оугаинъ; а лѣтъ ему соморъ алтемъ. И сии иного родъ оуморъ. 40 дній, родъ ему оукиль, а ему диломъ тоутомъ».

ложимъ, что языкъ нашихъ офеней, существующій и до сихъ поръ, оставилъ бы слѣдъ въ какомъ либо письменномъ памятникѣ до-Петровской Руси. Можно ли заключить отсюда, что эта Русь была не славянская? Итакъ упомянутыя загадочныя фразы, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подтверждаютъ Тюрко-Финской теоріи. Притомъ не означаютъ ли онѣ скорѣе какой либо счетъ, нежели формулу? Не имѣютъ ли онѣ какого отношенія къ сектѣ Богумиловъ? Вообще подождемъ болѣе удовлетворительнаго ихъ разъясненія прежде, нежели дѣлать какіе либо положительные выводы *.

---

* Въ примѣръ неудачной филологіи финномановъ упомяну еще о доказательствахъ Рёслера. Въ своей книгѣ о Румунахъ онъ посвящаетъ особую статью происхожденію Болгаръ, гдѣ развиваетъ Тюрко-Финскую теорію и старается подкрѣпить ее новыми филологическими соображеніями. По этому поводу онъ предлагаетъ слѣдующій, повидимому весьма тонкій, пріемъ. Въ Румунскомъ языкѣ встрѣчаются слова очевидно финскаго происхожденія: а такъ какъ Румуны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили въ Мэзіи посреди Болгаръ, откуда потомъ постепенно перешли на сѣверную сторону Дуная, то эти финскія слова будто бы суть ни болѣе, ни менѣе какъ именно тѣ элементы, которые вошли въ Румунскій языкъ изъ древнеболгарскаго. Онъ предлагаетъ примѣры нѣкоторыхъ словъ, которыя сближаетъ съ угорскими, остяцкими, самоѣдскими, эстонскими и пр. Но такое повидимому весьма тонкое соображеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Начать съ того, что самое изслѣдованіе Рёслера о происхожденіи Румунскаго народа, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ учености и добросовѣстности, по большей части построено на шаткихъ основаніяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества, именно въ Мартѣ 1871 года, я имѣлъ случай высказать свое мнѣніе о происхожденіи Румунскаго народа. Въ основу его легло племя Даковъ; слѣдовательно вопросъ сводится къ слѣдующему: къ какой семьѣ народовъ принадлежали Даки? Я представилъ свои соображенія въ пользу того мнѣнія, что Даки по всей вѣроятности были племя Кельтическое. Я прибавилъ, что Румунская народность въ бурную эпоху великаго переселенія, открывшагося движеніемъ Гунновъ и закончившагося поселеніемъ на Дунаѣ Болгаръ и Угровъ, сохранилась преимущественно въ горныхъ убѣжищахъ Седмиградіи; а отсюда, послѣ перехода главной массы Болгаръ за Дунай, Румуны снова колонизовали равнинную часть древней Дакіи, т. е. сѣверную сторону Дуная (См. Древн. Моск. Арх. Об. т. III. вып. 3). Потомъ мнѣ случилось прочесть книгу Рёслера, Romänische Studien, которая вышла въ томъ же 1871 году. Онъ доказываетъ: во первыхъ, что Даки были племя Ѳракійское; во вторыхъ, будто Румунская національность во время переселенія народовъ сохранилась на югѣ отъ Дуная, откуда она потомъ колонизовала его

Итакъ мы не видимъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ существованія финскаго языка у древнихъ Болгаръ. Напротивъ, существуютъ неоспоримыя свидѣтельства, что языкъ на которомъ они говорили, былъ чистый славянскій. Во первыхъ, ихъ народное названіе *Болгаре* или *Волгаре* принадлежитъ Славянскому языку; оно происходитъ отъ славянскаго слова Волга, тоже что *волога* или *влага*. А у тюрко-финскихъ народовъ Волга, какъ извѣстно, называлась или Ра, или Атель. Далѣе, страна, въ которой Болгаре жили передъ своимъ переселеніемъ за Дунай (по извѣстію Өеофана и Никифора), называлась у нихъ Онглъ, т. е. Углъ. А въ южной Россіи до сихъ поръ существу-

---

сѣверную сторону. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ его доказательствъ: но мнѣ они показались на столько слабы, что не измѣнили моего мнѣнія. Такимъ образомъ слова изъ Румунскаго лексикона, которыя онъ считаетъ древнеболгарскими, я предлагаю объяснять сосѣдствомъ съ другимъ народомъ, дѣйствительно финскаго происхожденія, т. е. съ Мадьярами, и особенно черезполоснымъ сожительствомъ съ ними въ Седмиградіи. Но еще ранѣе Мадьяръ, предшественники ихъ Гунны также могли оставить нѣсколько словъ въ Румунскомъ лексиконѣ.

Въ языкѣ Румунъ конечно существуютъ многіе слѣды дѣйствительно болгарскаго, т. е. славянскаго, вліянія. Замѣчательно, что Рёслеръ изощряется иногда толковать финскимъ происхожденіемъ слова, очевидно славянскія. Напр. волошское lopata и булгарское *лопата*, въ значеніи весла, онъ производитъ отъ остяцко-самоѣдскаго lap (254). Но и въ Русскомъ мы имѣемъ слово *лапа* съ его производными *лапоть* и *лопата*. Или румунское têtê сестра онъ сближаетъ съ самоѣдскимъ tati младшая жена (256); но мы имѣемъ слово *тетя*, *тетка*, которое означаетъ сестру отца или матери. Далѣе румунское curcubeu-радуга Рёслеръ сближаетъ съ остяцкимъ названіемъ радуги paijðgot, что значитъ лукъ грома, и съ самоѣдскимъ Numbanu-покровъ Нума или собственно покровъ медвѣдя. Съ помощью разныхъ натяжекъ онъ пытается доказать, что curcubeu имѣетъ почти тоже самое значеніе, слѣдовательно представляетъ отрывокъ изъ древней самоѣдской миѳологіи (256—259); а отсюда прямой выводъ: Дунайскіе Болгаре есть вѣтвь Остяцко-Самоѣдская! Болѣе произвольныхъ филологическихъ сближеній и выводовъ по нашему мнѣнію трудно и придумать. Здѣсь особенно оригинально то, что толкователь, объясняющій финскій элементъ въ Румунскомъ языкѣ болгарскимъ вліяніемъ, не указываетъ никакой финской стихіи въ самомъ Болгарскомъ языкѣ. Но вмѣсто разносторонняго, научнаго анализа подобные толкователи идутъ отъ предвзятой идеи, т. е.: такъ какъ древніе Болгаре были Гунны или Финны, то и т. д.; а потому въ своихъ натяжкахъ и выводахъ они доходятъ иногда до наивнаго.

ютъ рѣки съ названіемъ Угла или, какъ мы ихъ произносимъ теперь, Ингула. Послѣ переселенія за Дунай, Болгаре, при князѣ Тервелѣ, заставили Грековъ уступить южный склонъ Балканскихъ горъ около Чернаго моря. Патріархъ Никифоръ прибавляетъ, что эта область „называется нынѣ“ *Загорье*. Стало быть, прежде, т. е. до появленія Болгаръ, она Загорьемъ не называлась. Не забудемъ при этомъ, что Ѳеофанъ и Никифоръ писали въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно они сообщаютъ болгаро-славянскія названія еще въ эпоху, которая предшествовала предполагаемому превращенію финскихъ Болгаръ въ славянскихъ. Вообще съ появленіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ мы видимъ весьма быстрое умноженіе славянскихъ географическихъ названій въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ и даже въ самой Греціи, и никакого признака названій финскихъ. Тутъ мы начинаемъ встрѣчать многія имена, какъ будто прямо перенесенныя изъ Руси, каковы: Вышгородъ, Смоленскъ, Островъ, Верея, Переяславль, Плесковъ и пр. Такая черта вполнѣ соотвѣтствуетъ наводненію этихъ провинцій Славянами въ VII и VIII вв., чтó и заставило Константина сказать: „ославянилась цѣлая страна“. Ясно, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ Славянскій элементъ получилъ здѣсь сильное подкрѣпленіе; чего никакъ не могло бы случиться, еслибы Болгаре были Финны, а не Славяне. О столь быстромъ и коренномъ превращеніи господствующаго Финскаго племени въ покоренную имъ Славянскую народность, какъ мы замѣчали, не можетъ быть и рѣчи: оно противно всѣмъ историческимъ законамъ.

Если предположимъ, что Болгаре были дѣйствительно Финское племя, подчинившееся вліянію покоренныхъ, въ такомъ случаѣ оно теряло бы свою народность не вдругъ, а постепенно; оно оставило бы не нѣсколько словъ, а глубокіе слѣды въ языкѣ, и не въ одномъ лексиконѣ, но и въ граматикѣ. Мало того, въ такомъ случаѣ необходимо должно было произойти смѣшеніе двухъ языковъ; а изъ этого смѣшенія долженъ выработаться новый типъ языка, даже и при полномъ преобладаніи Славянскаго элемента. Вмѣсто того мы видимъ въ IX и X вв. необыкновенно богатое развитіе болгарской письменности на чистомъ Славянскомъ языкѣ. И какой письменности! Которая легла въ основу всей славянохристіанской образованности. А какой былъ разговорный языкъ Болгаръ въ тѣ времена? Нѣтъ

ли на него какихъ указаній? Есть. Въ 1016 г., во время войны императора Василія II съ Болгарами, разъ болгарскіе лазутчики, испуганные приближеніемъ самаго Василія, поспѣшили въ лагерь съ крикомъ: бѣжите, Цесарь!" (Βεζειτε, ὁ Τζαισαρ. Кедринъ). Это уже отрывокъ не изъ лексикона, а изъ граматики (даже сохранено свойство церковно-славянскаго языка измѣнять *г* въ *з* передъ *и*, если только греческая *з* вѣрно передала звукъ). Одна эта фраза даетъ ясное понятіе, что вся масса Болгарскаго народа въ это время говорила чистымъ славянскимъ нарѣчіемъ, что было бы совершенно невозможно, если предположить, что Болгаре были одного происхожденія съ Уграми, или съ Турками.

Но если Болгаре были Славянами, то могутъ спросить насъ: почему же они съ самаго начала не названы Славянами въ источникахъ? Отвѣтимъ тоже самое, чтó говорили въ своихъ разсужденіяхъ о Руси, т. е: Болгаре, какъ и Русь, сами себя Славянами не называли. Это имя перешло къ нимъ впослѣдствіи, когда названіе *Славяне* стало обобщаться, т. е. изъ видоваго сдѣлалось родовымъ. Первоначально Славянами (собственно Склавинами) называлась часть Дунайскихъ и Иллирскихъ племенъ, сосѣднихъ съ Римскою имперіей. Отъ ближайшихъ сосѣдей потомъ средневѣковые латинскіе и византійскіе писатели перенесли это видовое имя и на другіе народы, т. е. на тѣ, которые были родственники Склавинамъ. Отсюда произошло обобщеніе даннаго имени, которое Славяне осмыслили, т. е. Склавовъ обратили въ Славовъ. Что это обобщеніе произошло путемъ собственно-книжнымъ, доказываетъ существующее доселѣ у большинства славянскихъ народовъ невѣденіе того, что они принадлежатъ къ Славянамъ, и если они узнаю́тъ о томъ, то только изъ книгъ. Мало того, что Болгаре не называли себя Славянами, но безъ всякаго сомнѣнія они говорили нарѣчіемъ, которое было отлично отъ языка Славянъ, еще прежде нихъ обитавшихъ на Дунаѣ: ибо Болгаре были едва ли не самая восточная славянская вѣтвь. Безъ сомнѣнія она имѣла многія особенности въ произношеніи сравнительно съ отдаленными отъ нея Славянами югозападными. Между ними отношеніе было приблизительно такое же, какое между Готами, т. е. восточно-нѣмецкими вѣтвями, и Франками или Алеманами, т. е. западно-нѣмецкими племенами. Различіе въ языкѣ между Готами и Алеманами или между нынѣшними Шведами и Нѣмцами было даже болѣе значительно, чѣмъ между восточными и западными Славянскими на-

родами. Сами Готы въ средневѣковыхъ источникахъ не называются ни Тевтонами, ни Германами; отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы Готы принадлежали къ иной, не Нѣмецкой группѣ народовъ.

Переселеніе восточно-славянскаго народа на Дунай въ сосѣдство съ Славянами югозападной вѣтви и объясняетъ, почему на Балканскомъ полуостровѣ явились рядомъ два такія славянскія нарѣчія, какъ Сербское и Болгарское. Странно, что филологи, толкующіе о финскомъ происхожденіи, всего менѣе при этомъ обращали вниманія на Болгарскій языкъ. Откуда же взялся этотъ древнеболгарскій или церковнославянскій языкъ, столь цѣльный, гибкій и богатый? Нѣкоторая порча и измѣненія въ этомъ языкѣ начались собственно не со времени поселенія Болгаръ за Дунаемъ, а съ приливомъ народовъ дѣйствительно тюркскихъ. Послѣдователи Тюрко-Финской теоріи, пытаясь опереться на филологію, болѣе всего погрѣшили противъ этой науки: указывая нѣсколько непонятныхъ для себя именъ и словъ, они совсѣмъ упустили изъ виду *языкъ* народа.

Въ заключеніе подведемъ итоги своимъ доказательствамъ въ пользу славянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ, противъ Тюрко-Финской теоріи Энгеля, Тунмана, Шафарика и ихъ послѣдователей:

1. Основатели помянутой теоріи были введены въ заблужденіе названіемъ *Гунны*, которое употреблялось сбивчиво средневѣковыми лѣтописцами и придавалось иногда Болгарамъ. Но подъ этимъ названіемъ являются у нихъ разнообразные народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ и между прочимъ народы Славянскіе. У византійскихъ писателей VI вѣка Болгаре называются или общимъ именемъ Гунновъ или частными именами Котрагуровъ, Утригуровъ, Ультинзуровъ и пр. У писателей VIII и IX вв. они называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами. У послѣднихъ писателей является легенда о раздѣленіи Болгаръ между пятью сыновьями Куврата и разселеніи ихъ въ разныхъ странахъ только во второй половинѣ VII вѣка. Нѣмецкая и Славянская исторіографія приняла эту легенду за историческій фактъ, т. е. отнеслась къ ней безъ надлежащей критики, и на ней основывала начальную исторію Болгаръ; тогда какъ ихъ предъидущая исторія и ихъ движенія на Дунай расказаны писателями VI вѣка (Прокопіемъ, Агаѳіемъ а Менандромъ), но только они не употребляютъ имени *Болгаре*. Однимъ словомъ, новѣйшая

Европейская исторіографія вмѣсто того, чтобы разъяснить путаницу народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ, строила искусственныя теоріи на основаніи этой путаницы, т. е. на основаніи разныхъ недоразумѣній. Такимъ образомъ она упустила изъ виду ясно обозначенную въ источникахъ родину Болгарскаго народа, т. е. Кубанскую низменность; не замѣтила существованія Болгаръ Таманскихъ и Таврическихъ съ IV-го до X вѣка включительно (т. е. съ появленія Утургуровъ до извѣстій о т. наз. Черныхъ Болгарахъ), а связывала Дунайскихъ Болгаръ непосредственно съ Камскими и производила первыхъ отъ послѣднихъ. Такъ какъ коренные Гунны считаются племенемъ Угро-Финскимъ, а Камскіе Болгаре тоже считаются Финскимъ народомъ, то исторіографія объявила Финами и Болгаръ Дунайскихъ. Но Болгаре вообще не были ни Турками, ни Уграми; а смѣшанная народность Камскихъ Болгаръ еще недостаточно разъяснена. Есть поводы думать, что послѣдніе были славяно-болгарскою вѣтвію, постепенно утратившею свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ. (Признаки ея славянства отразились особенно въ арабскихъ извѣстіяхъ X вѣка) *.

---

* Теперь, когда мы знаемъ, что древнею родиною Болгаръ была страна между Азовскимъ моремъ и нижнею Волгою, что это былъ народъ Славянскаго корня, для насъ получаютъ смыслъ тѣ арабскія извѣстія о Камскихъ Болгарахъ, которыя казались странными и несовмѣстными съ Тюрко-Финской теоріей. Такъ, Ибнъ-Фадланъ, лично посѣтившій Камскую Болгарію въ первой половинѣ X вѣка, постоянно называетъ царя болгарскаго «царемъ Славянъ», городъ Болгаръ «городомъ Славянъ», и весь тотъ край «страною Славянъ». ИбнъХардадбегъ называетъ Волгу «Славянскою рѣкою». А по извѣстію Димешки Камскіе Болгаре сами считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ. Болѣе поздніе мусульманскіе писатели также отличаютъ Болгаръ отъ другихъ туземныхъ племенъ, напримѣръ, отъ «дикихъ» Башкиръ и Мещеряковъ (см. Березина—*Булгары на Волгѣ*). Если бы Волжко-Камскіе Болгаре были Финскаго происхожденія, то они легко слились бы съ мѣстными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную національность. Однако этого мы не находимъ. Очевидно угро-тюркскіе элементы подавляли своею массою элементъ болгаро-славянскій, но не могли его совершенно усвоить. Въ свою очередь болгаро-славянскій элементъ, положившій начало государственному быту въ томъ краю, былъ слишкомъ слабъ численно и слишкомъ изолированъ отъ другихъ родственныхъ народовъ (особенно съ принятіемъ ислама), чтобы осла-

2. Доказательства въ пользу Финскаго происхожденія, основанныя на сравненіи народныхъ нравовъ и обычаевъ, не выдерживаютъ никакой критики. Это или черты общія разнымъ языческимъ народамъ, или прямо родственныя съ другими Славянами, и преимущественно съ восточными. Но что̀ болѣе всего противорѣчитъ помянутой теоріи, это быстрое и коренное превращеніе Дунайскихъ Болгаръ въ Славянъ, превращеніе, противорѣчащее всѣмъ историческимъ законамъ. Если бы Болгаре были Финны, то они не могли бы такъ легко усвоить себѣ народность покореннаго племени, и тѣмъ болѣе, что Болгаре были не только господствующій, но и сильный, многочисленный народъ. Притомъ же въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ находились дѣйствительно финскіе народы, каковы Мадьяры и остатки настоящихъ Гунновъ, которые неизбѣжно должны были подкрѣпить народность Болгаръ, еслибы она была Финскою. (Одного существованія Мадьяръ довольно для того, чтобы опровергнуть всю искусственную теорію финномановъ). Вмѣсто того мы видимъ, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ славянскій элементъ получилъ здѣсь могущественное подкрѣпленіе, и началась сильная славянизація византійскихъ областей.

3. Попытки финномановъ подтвердить свою теорію филологическими данными, преимущественно личными именами древнихъ Болгаръ, также обнаруживаютъ недостатки ихъ критическихъ пріемовъ и особенно недостатки сравнительно-исторической филологіи. Толкованіе данныхъ именъ отличается произвольнымъ, одностороннимъ и поверхностнымъ характеромъ. Имена дошли до насъ большею частію въ иноземной передачѣ, въ искаженіи, безъ опредѣленнаго ихъ произношенія. Притомъ личныя имена легче всего переходили и заимствовались однимъ народомъ у другаго. Вообще это не всегда надежный элементъ для опредѣленія древнихъ народовъ. Наконецъ въ большинствѣ случаевъ есть возможность, при ближайшемъ разсмотрѣніи,

---

вянить туземные угорскіе и тюркскіе народцы. Эта борьба разнородныхъ элементовъ и объясняетъ отсутствіе опредѣленнаго національнаго типа и недостатокъ прочности въ государствѣ Камскихъ Болгаръ, не смотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто съ лица исторіи наплывомъ Татарской орды. Но уже самое существованіе промышленныхъ, торговыхъ городовъ и вообще способность къ цивилизаціи обнаруживаютъ, что высшій слой населенія не былъ чисто Финскій.

отыскать славянскія основы въ болгарскихъ именахъ. Отсутствіе сколько-нибудь замѣтной финской стихіи въ языкѣ Болгарскаго народа явно противорѣчитъ теоріи финномановъ. А цвѣтущая древнеболгарская или церковнославянская письменность, которою Болгаре надѣлили и другіе Славянскіе народы, окончательно уничтожаетъ эту теорію.

По поводу этого изслѣдованія, считаемъ необходимою слѣдующую оговорку относительно того, что у насъ называется собственными или настоящими Гуннами. Мы держались господствующаго теперь въ наукѣ мнѣнія объ ихъ Угро-Финской народности; но считаемъ этотъ вопросъ все еще нерѣшеннымъ окончательно, т. е. подлежащимъ всестороннему и тщательному пересмотру. Что въ извѣстномъ толчкѣ, породившемъ Великое переселеніе народовъ, участвовалъ угорскій элементъ, мы не отвергаемъ; но не даемъ ему исключительнаго значенія. По многимъ признакамъ едвали не главная роль въ этомъ толчкѣ принадлежала именно народамъ Сармато-Славянскимъ, и преимущественно Болгарамъ. Представляется еще вопросъ: кому первоначально принадлежало самое имя *Гунны*? Очень возможно, что оно и съ самого начала принадлежало Славянамъ Болгарамъ, и отъ нихъ уже перенесено греко-римскими писателями на нѣкоторые другіе народы, а не наоборотъ. Этого вопроса мы не беремъ на себя рѣшить окончательно. Пересмотрѣвъ вопросъ о Болгарской народности, мы пришли къ убѣжденію, что историки и филологи сильно погрѣшили противъ нея, считая ее неславянскою, и что основою такого заблужденія послужило сбивчивое употребленіе въ источникахъ самого имени *Гунны*. Этихъ выводовъ вполнѣ достаточно для нашей задачи (имѣющей въ виду собственно Русскую исторію). Не желая отвлекаться отъ своей задачи, мы оставляемъ пока въ сторонѣ спеціальное переизслѣдованіе вопроса о Гуннахъ IV вѣка, о царствѣ Аттилы и его составныхъ элементахъ. Это вопросъ, достойный того, чтобы надъ нимъ попыталъ свои силы кто либо изъ молодыхъ и даровитыхъ русскихъ ученыхъ. Но каково бы ни было его рѣшеніе, оно, надѣемся, не измѣнитъ нашихъ главныхъ положеній, т. е: что Болгарская народность была чисто славянскою, и что племена Болгарскія, оставшіяся въ южной Россіи, играли видную роль въ начальной Русской исторіи и на ряду съ другими южнорусскими Славянами участвовали въ образованіи великой Русской націи.

ЗАМѢТКИ И ОТВѢТЫ.

I.

Къ вопросу о лѣтописныхъ легендахъ и происхожденіи Русскаго государственнаго быта *.

Возьмемъ извѣстный расказъ объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами; при чемъ жители, по совѣту мудраго старца, наливаютъ въ одну яму кисель, въ другую медовую сыту, и такимъ образомъ обманываютъ Печенѣговъ, которые надѣялись взять ихъ голодомъ. Г. Костомаровъ полагаетъ, что въ этомъ расказѣ выразилось Русское мнѣніе о Печенѣгахъ какъ о глупомъ народѣ. Но подобный расказъ принадлежитъ къ тѣмъ легендарнымъ мотивамъ, которые встрѣчаются не только у новыхъ, но и у древнихъ народовъ: такъ Геродотъ въ первой книгѣ расказываетъ о войнѣ лидійскаго царя Аліата съ городомъ Милетомъ; жители Милета, по совѣту Ѳразибула, собрали весь свой хлѣбъ на площадь и, когда въ городъ прибылъ лидійскій посолъ, то нашелъ гражданъ предававшимися на площади пиршеству и веселію; слѣдствіе было тоже самое: потерявъ надежду взять Милетъ голодомъ, Аліатъ заключилъ миръ. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы въ исторіи Византійской. Въ концѣ X вѣка мятежный полководецъ Варда Склиръ между прочимъ осадилъ городъ Никею, и хотѣлъ взять ее голодомъ. Мануилъ Комненъ, начальникъ гарнизона, велѣлъ наполнить хлѣбные магазины пескомъ, а сверху покрыть его мукою; потомъ показалъ

---

* Изъ замѣтокъ (въ Рус. Архивѣ 1873 г. № 4) по поводу статьи Костомарова о преданіяхъ Русской лѣтописи и его теоріи возникновенія Русскаго государства.

нихъ одному плѣннику и отпустилъ его, поручивъ сказать Склиру, что тотъ напрасно надѣется принудить къ сдачѣ городъ, снабженный хлѣбомъ болѣе чѣмъ на два года. И этой хитростью Комненъ добился свободнаго пропуска вмѣстѣ съ гарнизономъ. (См. у Le Beau. VII. 416).

Вообще въ Русской лѣтописи можно отыскать сходныя черты или заимствованія изъ Византійской письменности въ большей степени, чѣмъ до сихъ поръ полагалось.

Напримѣръ бросается въ глаза извѣстіе нашей лѣтописи, что Святославъ взялъ на Дунаѣ 80 городовъ. Почему же восемьдесятъ, ни болѣе, ни менѣе? Я полагаю, это число нѣсколько объяснится, если сопоставимъ его съ извѣстіемъ Прокопія о томъ, что Юстиніанъ построилъ вдоль Дунайской границы 80 крѣпостей. Это число восьмидесяти Дунайскихъ городовъ конечно не разъ повторялось у Византійскихъ и Болгарскихъ писателей. До какой степени наша начальная лѣтопись была въ зависимости отъ византійскихъ хронографовъ, показываютъ походы Руссовъ въ Каспійское море. О нихъ говорятъ Арабы, а Византійцы не упоминаютъ, и Русскіе лѣтописцы ровно ничего не знаютъ объ этихъ походахъ, хотя по времени они были ближе къ эпохѣ лѣтописцевъ, чѣмъ предпріятіе 865 года и сказочный походъ Олега. Такъ мало домашнихъ свѣденій имѣли наши лѣтописцы даже о X-мъ вѣкѣ! *

Теперь обращу вниманіе на сказочный походъ Олега подъ Константинополь на 2000 корабляхъ. Расказъ о немъ по наружности имѣетъ всѣ признаки народнаго преданія. Г. Костомаровъ видитъ въ немъ даже слѣды пѣсеннаго склада; числа *сорокъ* (по 40 человѣкъ на кораблѣ) и *двѣнадцать* (по 12 гривенъ на ключъ) суть обычныя въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Но откуда же взялось 2000 кораблей? Мы позволимъ себѣ сблизить эту легенду съ греко-латинскими извѣстіями о знаменитомъ походѣ Скиѳовъ изъ странъ Меотійскихъ въ Геллеспонтъ и Эгейское море, во второй половинѣ III вѣка (Зосимъ,

* Преданіе объ Аварахъ или Обрахъ нашъ лѣтописецъ заключаетъ словами «Есть притча въ Руси и до сего дне»: *погибоша аки Обри*. Эта притча отзывается скорѣе церковнославянскимъ или Болгарскимъ переводомъ, нежели народнымъ Русскимъ языкомъ. А выраженіе «до сего дне» повторяется въ лѣтописи кстати и не кстати и есть также заимствованная привычка.

Синкелъ, Амміанъ, Іорданъ). Варвары (по однимъ просто Скиѳы, по другимъ Готы, по третьимъ Герулы) разграбили многіе города Греціи, Ѳракіи и Малой Азіи и между прочимъ разрушили извѣстный храмъ Діаны Эфесской. Подробности этого нашествія передаются разнообразно; нѣкоторые писатели (напр. Зосимъ) даже говорятъ не объ одномъ, а объ нѣсколькихъ подобныхъ походахъ; но замѣчательно, что число скиѳскихъ кораблей опредѣлялось именно въ 2000, о чемъ свидѣтельствуетъ Амміанъ. Итакъ мы въ правѣ предположить, что въ нашемъ сказаніи о походѣ Олега скрывается историческая основа, занесенная путемъ книжнымъ и вплетенная въ народную легенду по поводу совершенно другой эпохи. Предположеніе свое мы можемъ подкрѣпить еще слѣдующимъ сближеніемъ. По словамъ лѣтописи, Греки, испуганные приготовленіями Олега къ приступу, предложили дань и вынесли ему брашно и вино; но Олегъ не принялъ послѣдняго, ибо оно было приготовлено съ отравою. „Это не Олегъ (сказали Греки), а самъ святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога." Что это за сравненіе Олега съ св. Димитріемъ?—спросимъ мы. Почему Димитрій, а не Георгій, или иной святой? Ключъ къ разгадкѣ даетъ намъ также Амміанъ Марцеллинъ: онъ расказываетъ, что, во время упомянутаго нашествія, Скиѳы между прочимъ осаждали и городъ Ѳессалонику, т. е. Солунь. А извѣстно, что въ Солуни мѣстно-чтимый святой былъ Димитрій. Очень можетъ быть, что составилась мѣстная Солунская легенда о нашествіи варваровъ „въ двух тысячахъ корабляхъ." Св. Димитрій также занесенъ въ легенду; ибо она конечно не затруднилась тѣмъ, что Димитрій жилъ немного позднѣе нашествія. А такъ какъ въ Солунской области, въ послѣдующую эпоху, обитало много Славянскихъ Болгаръ, то вѣроятно Солунская легенда вошла и въ болгарскіе переводные сборники, откуда съ разными измѣненіями и передѣлками перешла и къ намъ *.

Мы конечно не отрицаемъ элемента народныхъ преданій въ Русской начальной лѣтописи о временахъ до-Ярославовыхъ; но

* Это смѣшеніе Царьграда съ Солунью подтверждается и неоднократными нападеніями Славянъ-Болгаръ на Солунь въ VI—VIII вв.; при чемъ спасеніе города приписывалось обыкновенно св. Димитрію. О солунскихъ легендахъ, относящихся сюда, см. статью преосв. Филарета въ Чт. Об. И. и Д. 1848 № 6.

думаемъ, что въ настоящее время очень трудно провести границу между этими преданіями и собственными измышленіями нашихъ старинныхъ книжниковъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ Византійской письменности (переводной или оригинальной, это все равно).

Относительно лѣтописнаго сказанія объ осадѣ Царьграда Олегомъ мы позволимъ себѣ еще слѣдующую догадку. Можетъ быть, поводъ къ означенному сказанію о первомъ Олегѣ, на ряду съ его договорами, поданъ былъ Олегомъ Святославичемъ, который дѣйствительно плавалъ въ Царьградъ, хотя въ качествѣ изгнанника, а не завоевателя. Но послѣднимъ обстоятельствомъ легенда не затрудняется. Для нея достаточно и одного имени, чтобъ измыслить цѣлое событіе. Не забудемъ, что Олегъ Святославичъ былъ одинъ изъ тѣхъ князей, о которыхъ наиболѣе говорили въ древней Руси. Онъ и весь родъ его имѣли своихъ поэтовъ-панегиристовъ, къ которымъ принадлежитъ и авторъ Слова о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, легенда объ осадѣ Царяграда Олегомъ имѣетъ происхожденіе Черниговское, какъ легенда о призваніи трехъ Варяговъ происхожденія Новогородскаго; при чемъ имя Рюрика, можетъ быть, явилось не безъ связи съ извѣстнымъ Рюрикомъ Ростиславичемъ (о чемъ замѣчено выше). Мы усматриваемъ и другіе примѣры перенесенія позднѣйшихъ историческихъ лицъ и событій въ эпоху древнѣйшую или смѣшенія тѣхъ и другихъ. Такъ въ извѣстной легендѣ о походѣ Русскаго князя, такъ называемаго Бравлина, на Сурожъ говорится, что онъ пришелъ изъ Новгорода. Предлагаемъ вопросъ: къ болѣе древнему преданію о дѣйствительномъ нападеніи Руссовъ на Сурожъ или Сугдею не примѣшали-ль позднѣйшіе списатели воспоминаніе о князѣ тмутараканскомъ Ростиславѣ, который дѣйствительно пришелъ въ тмутракань прямо изъ Новгорода? Или воспоминаніе о князѣ новогородскомъ Владимірѣ Ярославичѣ, который въ 1043 году предпринималъ морской походъ на Византію? Послѣдній князь по всей вѣроятности воевалъ съ Греками не только на Черномъ морѣ, но и въ Тавридѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, русскія владѣнія сходились съ греческими. Любопытно, что византійскіе писатели (Скилица-Кедринъ) называютъ Владиміра Новогородскаго человѣкомъ раздражительнаго, безпокойнаго нрава; что вполнѣ совпадаетъ съ толкованіемъ имени Русскаго князя Бравлинъ искаженіемъ слова „бранливъ“.

Продолжимъ взятые изъ нашей лѣтописи примѣры перенесенія нѣкоторыхъ чертъ изъ эпохи близкой къ лѣтописцу или современной ему на лица и событія болѣе древнія.

Подъ 1068 г. есть извѣстіе о сраженіи Святослава Ярославича Черниговскаго съ Половцами. Видя превосходныя силы непріятелей, Святославъ воскликнулъ къ дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти"; ударилъ на Половцевъ, и выигралъ битву. Почти тоже обращеніе къ дружинѣ, только въ распространенномъ видѣ, отнесено и къ Святославу Игоревичу во время его войны въ Болгаріи: „уже намъ некамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земли Русскіе", и пр. Подъ тѣмъ же 1068 г. расказывается, что Изяславъ Ярославичъ распустилъ Ляховъ своего союзника Болеслава II по кіевскимъ городамъ на покормъ, гдѣ ихъ тайно избивали. Тоже самое отнесено и къ Болеславу I, союзнику Святополка Окаяннаго. Подъ 1075 г. Нѣмцы говорятъ Святославу, смотря на его богатство: „серебро и золото лежитъ мертво; а съ кметами (дружиной) можно доискаться и большаго." Почти тѣже слова отнесены къ Владиміру Св. по поводу его отношеній къ своей дружинѣ. Подъ 1096 г. упомянуто нашествіе половецкаго хана Куря; очень можетъ быть, что его имя перенесено на того печенѣжскаго вождя, который сдѣлалъ себѣ чашу изъ черепа Святослава Игоревича; едва ли настоящее имя этого вождя дошло до лѣтописца.

Возвращаясь къ лѣтописному сказанію о призваніи Варяговъ, предложимъ свое соображеніе о томъ, когда это сказаніе получило ту искаженную редакцію, въ которой оно дошло до насъ.

Мы замѣтили, что до XIII вѣка ни одно произведеніе, кромѣ лѣтописи, не упоминаетъ о призваніи Рюрика съ братьями, а главное не смѣшиваетъ Русь съ Варягами. Для исторической критики важно именно послѣднее обстоятельство: вся норманская система, какъ извѣстно, построена на этомъ смѣшеніи, т. е. на искаженіи первоначальной лѣтописной редакціи; безъ этого искаженія басня о призваніи Варяговъ рушится сама собой. Въ эпоху до-Татарскую мы можемъ указать только одного писателя, у котораго встрѣчается намекъ на смѣшеніе Варяговъ съ Русью. Это Симонъ, епископъ Владимірскій, который въ своемъ посланіи къ Поликарпу говоритъ по поводу Леонтія Ростовскаго: „и се третій гражанинъ небесный бысть

Рускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, его же ради убіенъ бысть." Ясно, что онъ двухъ кіевскихъ мучениковъ считаетъ Варягами и въ тоже время относитъ ихъ къ Русскому міру. Невѣрное представленіе объ этихъ мученикахъ какъ о Варягахъ было нами указано выше (стр. 338). Въ словахъ Симона очевидно слышится знакомство съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, но конечно уже не въ ея первоначальной редакціи. Въ произведеніяхъ XII вѣка (не говоримъ уже объ XI), повторяемъ, кромѣ лѣтописи, нигдѣ нѣтъ намека на какое либо тождество Руси и Варяговъ: искаженная редакція лѣтописнаго сказанія о Варягахъ еще не была извѣстна людямъ книжно образованнымъ. Посланіе Симона къ Поликарпу написано около 20-хъ годовъ XIII вѣка. По этому поводу вновь утверждаемъ, что въ самой лѣтописи смѣшеніе Варяговъ съ Русью по всѣмъ признакамъ произошло не ранѣе какъ во второй половинѣ XII вѣка, и произошло отъ невѣжественныхъ списателей и сокращателей *. Но и въ XIII вѣкѣ искаженіе это проникло не во всѣ списки лѣтописи; какъ то доказываютъ: упомянутый выше лѣтописецъ патріарха Никифора, написанный въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка, отрывокъ Іоакимовой лѣтописи, основанный на недошедшемъ до насъ началѣ Новгородскаго же лѣтописца, и указанные мною польскіе историки Длугошъ и Стрыйковскій, имѣвшіе подъ рукою древніе югоза-

* Выше (стр. 291) мы приводили свои основанія, по которымъ дошедшую до насъ редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ полагаемъ неранѣе второй половины XII вѣка. Особенно укажемъ на казарскихъ Жидовъ, которые говорятъ Владиміру, что Богъ отдалъ Іерусалимъ и землю ихъ Христіанамъ. Самъ авторъ Повѣсти не могъ такъ выразиться: Святая земля была завоевана крестоносцами, такъ сказать, на его глазахъ, и слѣдовательно онъ не могъ не знать, что во времена Владиміра христіане еще не владѣли ею. Съ этимъ моимъ указаніемъ согласился и уважаемой памяти М. П. Погодинъ, который, какъ извѣстно, не дѣлалъ никакихъ уступокъ въ данномъ вопросѣ. («Борьба съ новыми историч. ересями» 358). Чтобы время завоеванія Святой земли могло придти въ нѣкоторое забвеніе у русскихъ книжниковъ, мы должны положить не менѣе 50 или 60 лѣтъ. А такъ какъ подъ 1190 годомъ кіевская лѣтопись упоминаетъ о новой потери Іерусалима, который былъ завоеванъ Саладиномъ, то періодъ, заключающійся между 1160 и 1190 гг. и можетъ быть приблизительно назначенъ для того времени, когда произошла дошедшая до насъ искаженная редакція сказанія о призваніи Варяговъ, т. е. когда въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной лѣтописи могло впервые появиться смѣшеніе Руси съ Варягами.

падные списки нашей лѣтописи. Любопытно, что приведенный сейчасъ первый намекъ на смѣшеніе Руси съ Варягами мы встрѣчаемъ на сѣверовостокѣ Россіи во Владимірѣ на Клязьмѣ. Любопытно, что Симонъ послѣ упоминанія о мученикахъ-Варягахъ немного ниже, по поводу печерскихъ постриженниковъ, ссылается на „стараго лѣтописца Ростовскаго". А этотъ лѣтописецъ едва ли не былъ Ростовскій списокъ все той же Кіевской лѣтописи. Предлагаемъ вопросъ: искаженная редакція лѣтописнаго сказанія о призваніи Варяговъ, редакція смѣшавшая Русь съ Варягами, не утвердилась ли именно въ той группѣ списковъ, которые распространились преимущественно въ Сѣверовосточной Россіи?

Прежде нежели въ достаточной степени были изучены и провѣрены источники, прежде нежели возстановлены и освѣщены факты дѣйствительно историческіе, Русская историческая литература уже была богата разными теоріями и системами для объясненія нашего древнѣйшаго періода. Рядомъ съ системами Норманской, Славяно-Балтійской, Угро-Хазарской и пр., возникали теоріи быта Родоваго, Дружиннаго, Общиннаго или Вѣчеваго, Вотчиннаго и т. п. Зачѣмъ прибавлять къ нимъ еще теорію (если можно такъ выразиться) Дружинно-разбойничью? Появленіе дикой, наѣзднической шайки въ средѣ осѣдлаго, земледѣльческаго населенія и развитіе изъ нея, какъ изъ зерна, государственной жизни—эта теорія была бы еще болѣе искусственна, чѣмъ предыдущія. Русское государство, также какъ и всѣ другія, произошло изъ борьбы племенъ и народовъ между собою. На данномъ пространствѣ изъ массы одноплеменныхъ и разноплеменныхъ элементовъ выдѣляется наиболѣе воинственный, наиболѣе способный къ единенію народъ, который постепенно подчиняетъ себѣ сосѣдей и распространяетъ свое господство обыкновенно до тѣхъ предѣловъ, гдѣ встрѣчаются или естественныя преграды, или не менѣе сильные народы. Подчиненіе племенъ господствующему народу или его вождямъ конечно выражалось данью; но эта дань есть ничто иное, какъ первобытная форма тѣхъ податей и повинностей, безъ которыхъ не существуетъ ни одно благоустроенное общество. Господствующее племя (изъ котораго главнымъ образомъ составлялись княжескія дружины) собирало дани не совсѣмъ даромъ: оно въ свою очередь сторожило, чтобы никакой посторонній народъ не грабилъ и не собиралъ даней въ тѣхъ же мѣстахъ;

а вмѣстѣ съ тѣмъ оно вносило въ страну кое-какой судъ и кое-какой порядокъ, т. е. начала гражданской организаціи. Иногда господство одного народа вытѣснялось господствомъ другаго болѣе сильнаго сосѣда; а этотъ въ свою очередь бывалъ угнетенъ инымъ нашествіемъ, или побѣжденъ возставшимъ племенемъ, которое вновь усиливалось и опять бралю верхъ надъ своими сосѣдями. Такъ именно и было на Руси въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, которые предшествовали временамъ болѣе историческимъ.

Если всматриваться въ эту глубь прошедшихъ вѣковъ, то можно возвести ко временамъ довольно глубокой древности (хотя еще туманные) очерки той исторической мѣстности и той группы народовъ, изъ которыхъ развилось впослѣдствіи Русское государство. Во времена Геродота и нѣсколько столѣтій послѣ него, въ южной Россіи преобладаетъ племя т. наз. Царскихъ Скиѳовъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ *. Самая священная для нихъ мѣстность, Герросъ, гдѣ находились могильные курганы ихъ царей, лежала по всѣмъ признакамъ около Днѣпровскихъ пороговъ (что̀ подтверждается и раскопками могильныхъ кургановъ). Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. на тѣхъ мѣстахъ встрѣчаемъ Сармато-славянскій, народъ Россаланъ; это были можетъ быть потомки тѣхъ же Царскихъ Скиѳовъ, а еще вѣроятнѣе ихъ побѣдители и близкіе соплеменники, распространившіеся изъ за Дона и Меотійскаго озера. Въ первые вѣка по Рожд. Христовѣ, въ странѣ между Днѣстромъ и Днѣ-

---

* Что *Скиѳы* составляли вѣтвь Арійской семьи—это положеніе въ настоящее время можетъ считаться уже доказаннымъ въ наукѣ, а Нибуровское мнѣніе объ ихъ Монгольствѣ опровергнутымъ (послѣ изслѣдованій Надеждина, Лиденера, Укерта, Цейса, Бергмана, Куно, Григорьева, послѣ разсужденій о Скиѳскомъ языкѣ Шифнера, Мюлленгофа и особенно послѣ раскопокъ въ южной Россіи). Къ Скиѳамъ Восточной Европы принадлежали вообще народы Германо-Славяно-Литовскіе. Царскихъ Скиѳовъ, т. е. Скиѳовъ по преимуществу, по разнымъ соображеніямъ относятъ къ Славянамъ. Впрочемъ въ эпоху Геродотовскую, языки Готскій, Славянскій и Литовскій конечно были такъ близки другъ къ другу, что находились еще на степени разныхъ нарѣчій одного и того же языка. Подъ именемъ *Сарматъ* надобно разумѣть преимущественно Славяно-Литовскій отдѣлъ Скиѳовъ. (Все это относится къ эпохѣ до-Гуннской. Впослѣдствіи, названія Скиѳовъ и Сарматовъ переносились и на народы Угро-Тюркскіе, т. е. получили смыслъ еще болѣе географическій).

промъ, усиливается западноскиѳское или восточногерманское племя Готы. Въ III вѣкѣ мы видимъ, что они господствуютъ въ Скиѳіи, т. е. заставляютъ платить дань сосѣдніе народы, въ томъ числѣ и Россаланъ или *Рокасовъ* (какъ ихъ иначе называетъ Іорнандъ). Но очевидно, между этими двумя сильнѣйшими народами Скиѳіи, т. е. между Готами и Россами, идетъ упорная борьба за господство въ Восточной Европѣ. Рѣшался вопросъ: какое объединительное начало возметъ окончательный верхъ, т. е. кому будетъ принадлежать честь созиданія великаго Восточно-европейскаго государства, Нѣмецкому или Славянскому народу? * По всей вѣроятности, въ связи съ этою борьбою Нѣмцевъ и Славянъ являются изъ за Волги Гунны, которые вмѣстѣ съ Аланами не только разрушаютъ владыче-

---

* Объединительныя стремленія того и другаго народа ясно выражаются въ извѣстіяхъ Амміана Марцелина и Іорнанда. Амміанъ, писатель IV вѣка, съ особою силою говоритъ о многочисленности и воинственности Аланскаго племени (котораго передовою западною вѣтвію были Россаланы). По его словамъ, Алане подчинили себѣ многіе народы и распространили на нихъ свое имя. Онъ даже перечисляетъ эти народы, но употребляетъ при томъ названія еще Геродотовскія, какъ то: Невры, Будины, Гелоны, Агатирсы, Меланхлены и Антропофаги. Въ этомъ перечисленіи конечно было преувеличеніе. Съ другой стороны Іорнандъ, писатель VI вѣка, съ явнымъ пристрастіемъ распространяется о могуществѣ Готовъ и говоритъ, будто Германриху подвластны были кромѣ Готовъ Скиѳы, Туиды (Чудь) Васинабронки (Весь?), Меренсы (Меря), Морденсимны (Мордва), Кары (Корсь или Куры?), Рокасы (Русь), Тадзаны, Атуаль, Навего, Бубегенты, Кольды, Герулы, Венеты (Вятичи?)—однимъ словомъ, чуть не всѣ народы Восточной Европы. Но интересно, что эти народы отчасти были ему извѣстны подъ ихъ живыми современными именами, а не подъ книжными названіями, повторявшимися со временъ Геродота. Іорнандъ какъ будто предупреждаетъ нашу лѣтопись, которая, перечисляя инородцевъ, «иже дань даютъ Руси», приводитъ тѣхъ же Чудь, Весь, Мерю, Мордву, Корсь и пр. Какъ ни преувеличены эти извѣстія Амміана и Іорнанда, но они даютъ понять, что уже въ тѣ отдаленныя времена исторія ясно намечивала объемъ и составъ будущаго Русскаго государства. Что между Готами и Руссами шла исконная вражда за господство въ Скиѳіи, подтверждаетъ преданіе, сообщенное тѣмъ же Іорнандомъ: когда Готы пришли на берега Чернаго моря, то должны были выдержать борьбу за свои новыя жилища съ сильнымъ народомъ Спалами. Послѣдніе были, конечно, тоже, что Палеи и Спалеи классическихъ писателей (Діодора и Плинія). Въ нихъ мы узнаемъ нашихъ Полянъ (отъ нихъ же и слова *сполинъ* или *исполинъ*), а слѣдовательно тѣхъ-же Россаланъ или Руссовъ.

ство Готовъ въ южной Россіи, но и самые Готскіе народы вытѣсняютъ за Днѣстръ, а потомъ за Дунай и за Карпаты. Очевидно, толчекъ къ т. наз. Великому Переселенію народовъ данъ былъ движеніемъ Гунно-Славянскимъ.

Въ VI вѣкѣ Русское племя снова выплываетъ на поверхность. Въ этомъ вѣкѣ встрѣчаемъ его въ историческихъ извѣстіяхъ, кромѣ общихъ именъ Скиѳовъ и Сарматовъ, также подъ именами Роксаланъ, Антовъ и Тавроскиѳовъ (Іорнандъ, Прокопій, Маврикій). Временное Германское владычество уничтожено; но очевидно затѣмъ наступаетъ долгій періодъ трудной и упорной борьбы съ дикими Угорскими и Тюркскими народами. Въ нашей лѣтописи отголоски этой борьбы слышны въ преданіяхъ о насилія Обровъ и Казарской дани. Въ тоже время Русь возвращается къ своей объединительной дѣятельности и собираетъ вокругъ себя соплеменные Славянскіе народы, которые конечно подчиняются ей не по доброй волѣ, а уступаютъ только силѣ оружія. Со второй половины IX вѣка начинается періодъ славы и могущества. Нападеніемъ на Царьградъ въ 865 году и походомъ на Каспійское море въ 913 Русь заставила говорить о себѣ Византійскихъ и Арабскихъ писателей *.

Въ X вѣкѣ, когда источники проливаютъ уже яркій свѣтъ на нашу исторію, мы видимъ Русь господствующею отъ Новгорода до Тамани, и все это пространство объединеннымъ подъ властію того княжескаго рода, который сидѣлъ въ Кіевѣ, т. е. въ землѣ Полянъ или Руси по преимуществу. Но и въ этотъ, вполнѣ-историческій періодъ, въ иноземныхъ источникахъ встрѣчаемъ прежнее разнообразіе по отношенію къ нашему народному имени. Арабы болѣе постоянны въ употребленіи имени Русь; но Византійцы наряду съ этимъ именемъ продолжаютъ называть ее Сарматами, Скиѳами и преимущественно Тавроскиѳами. Даже для писателей XII вѣка Кіевъ есть столица *Тавроскиѳіи*, Галиція страна *Тавроскиѳская* и т. п.

* Для объясненія событія, записаннаго Византійцами, и сложились сказанія объ Оскольдѣ и Дирѣ и о призваніи князей въ 862 г. Всѣ подобныя басни совершенно соотвѣтствуютъ понятіямъ и средствамъ старинныхъ бытописателей и списателей. Но замѣчательно то, что онѣ находятъ усердныхъ защитниковъ и въ наше время, время научной критики.

Мы уже говорили прежде, что чрезвычайное множество народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ по отношенію къ какой либо странѣ вносило большую запутанность въ исторіографію; но пора сознать, что мѣнялись и разнообразились имена, а народы по большей части оставались тѣже самые.

Итакъ, основателемъ Русскаго государства не была какая-то дикая, сбродная шайка, жившая на счетъ осѣдлаго населенія. Нѣтъ, это было энергичное могучее племя, выдѣлявшее изъ себя военныя дружины, которыя считались иногда десятками тысячъ человѣкъ. Мы уже сказали, что оно долго жило на Азовскихъ и Черноморскихъ предѣлахъ Грекоримскаго міра и конечно не безслѣдно для своего умственнаго развитія. Часть Сарматовъ-Роксаланъ даже завладѣла древнимъ Боспорскимъ царствомъ, и конечно опередила другихъ своихъ соплеменниковъ на пути гражданственности. Это такъ наз. Русь Тмутраканская, впослѣдствіи отрѣзанная и затертая новымъ приливомъ дикарей, каковы Половцы и Татары. Во второй половинѣ IX-го вѣка, когда проясняется наша исторія, Руссы являются не только воинственнымъ, но и торговымъ народомъ, и притомъ смѣлыми, опытными моряками; Русскіе гости проживаютъ по долгу и въ Константинополѣ, и въ хазарскомъ Итилѣ. Своею наружностію и суровою энергіею Руссы очевидно производили впечатлѣніе на южныхъ жителей. Высокіе, статные, свѣтлорусые съ острымъ взоромъ—вотъ какими чертами описываютъ ихъ Арабы (тѣми же чертами Амміанъ Марцеллинъ изображаетъ Аланъ); при бедрѣ широкій, обоюдуострый мечъ съ волнообразнымъ лезвеемъ; на лѣвое плечо наброшенъ плащъ, въ родѣ древнегреческой хламиды. Руссы остались Славянами; но очевидно у этихъ восточныхъ Славянъ выработался типъ нѣсколько отличный отъ западныхъ; что̀ вполнѣ естественно, если возмемъ въ расчетъ различіе географическихъ условій и перекрещеніе съ другими этнографическими элементами.

Никакая бродячая шайка—все равно домашняя или пришедшая изъ *заморя*—не могла объединить (да еще притомъ въ короткое время) и крѣпко сплотить въ одно политическое тѣло многочисленныя племена, разселившіяся на равнинахъ Восточной Европы, дать имъ единство не только политическое, но и національное. Это не въ порядкѣ вещей. Для такого единства потребно было однородное и весьма прочное ядро. Его могъ совершить только сильный народъ. Болѣе критическое отно-

шеніе къ источникамъ подтверждаетъ, что и наше прошедшее нисколько не отступало отъ историческихъ законовъ, дѣйствующихъ въ развитіи человѣческихъ обществъ.

Говоря о томъ, что́ совершено было тѣмъ или другимъ *народомъ*, мы конечно должны подразумѣвать при этомъ его предводителей; ибо безъ нихъ немыслимы никакія дѣянія, а тѣмъ болѣе основаніе государства. Княжеская власть, по всѣмъ признакамъ, издревле существовала у Руссовъ, какъ и у прочихъ Славянъ. (Очевидно, не имѣлось никакой нужды призывать изъ заморя для порядка чужихъ князей, такъ какъ и въ своихъ недостатка не было). Эта власть была довольно сильно развита. (У Царскихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, она является даже съ характеромъ деспотизма). Достоинство князей было родовое, т. е. наслѣдственное въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Борьба единодержавнаго порядка съ удѣльнымъ началась задолго до Святослава и Владиміра; ибо не они конечно придумали удѣльную систему. Безъ такой борьбы невозможно было бы и объединеніе самихъ Руссовъ подъ властію одного княжескаго рода. До насъ не дошли имена предшествовавшихъ князей-объединителей. Въ ряду Кіевскихъ князей первое достовѣрное имя, которое мы имѣемъ, это *Олегъ*. Его историческія дѣянія намъ неизвѣстны; надобно полагать, что они не были особенно громки, ибо ни одинъ иноземный источникъ о немъ не упоминаетъ; но онъ несомнѣнно существовалъ и имѣлъ сношенія съ Греками: доказательствомъ тому служитъ дошедшій до насъ его договоръ (который конечно и подалъ поводъ къ лѣтописной легендѣ о походѣ Олега подъ Царьградъ). Самое имя его нисколько не иноземное; оно туземное изъ туземныхъ. За нимъ выступаетъ *Игорь*. Это болѣе крупная историческая личность, нежели Олегъ; онъ предпринималъ не сказочный, а дѣйствительный походъ на Византію; о немъ говорятъ иноземцы. Такъ какъ отъ него идетъ непрерывное потомство Русскихъ государей до смерти Ѳеодора Іоанновича, то онъ (а не миѳическій Рюрикъ) и долженъ быть поставленъ во главѣ нашей старой династіи.

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность нашего взгляда на происхожденіе Русскаго государства. Мы убѣждены въ томъ, что усилія изыскателей, направленныя не за море, а именно въ южную Россію, со временемъ разработаютъ нашу древнѣйшую исторію до той степени ясности, которая только возмо-

жна при данномъ состояніи источниковъ. Запасъ послѣднихъ можетъ расшириться научными раскопками, особенно въ Приднѣпровскомъ краѣ *.

II.

Къ вопросу о названіяхъ пороговъ и личныхъ именахъ. Вообще о филологіи норманистовъ.

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи Руси, мы встрѣтились съ Болгарами, и не могли оставить въ сторонѣ вопросъ объ ихъ народности, и не посвятить ему особаго изслѣдованія. Разъясненіе народности и начальной исторіи Болгаръ въ свою очередь освѣтило нѣкоторые пункты начальной Русской исторіи, казавшіеся доселѣ не совсѣмъ понятными. Напримѣръ, теперь, когда мы знаемъ, что Болгаре съ IV или V вѣка встрѣчаются въ историческихъ источникахъ живущими на Кубани и въ восточной части Крыма и продолжаютъ тамъ жить еще въ IX вѣкѣ, теперь устраняется и самый вопросъ о томъ, кто такое были и гдѣ обитали *Черные Болгаре*, упомянутые въ Игоревомъ договорѣ и въ сочиненіи Константина „Объ управленіи имперіей". А эти Черные Болгаре въ свою очередь до нѣкоторой степени выясняютъ происхожденіе русскаго Тмутраканскаго княжества, отношенія Руси къ Хазарамъ въ этомъ краю и ту роль, которую игралъ греческій Корсунь въ исторіи нашего христіанства. Мало того, разъясненіе Болгарской народности, могу сказать, неожиданно для меня самаго, бросило свѣтъ на тотъ пунктъ, который я недалѣе какъ въ первыхъ своихъ статьяхъ о Варяго-Русскомъ вопросѣ еще считалъ въ числѣ почти безнадежно темныхъ: на имена Днѣпровскихъ пороговъ. Такіе результаты, разумѣется, утверждаютъ меня на исторической почвѣ по отношенію къ начатому направленію, и все болѣе убѣждаютъ въ несостоятельности тѣхъ легендъ и тѣхъ

---

* И въ послѣднее время онъ дѣйствительно началъ расширяться, благодаря особенно раскопкамъ Д. Я. Самоквасова.

шеніе къ источникамъ подтверждаетъ, что и наше прошедшее нисколько не отступало отъ историческихъ законовъ, дѣйствующихъ въ развитіи человѣческихъ обществъ.

Говоря о томъ, что́ совершено было тѣмъ или другимъ *народомъ*, мы конечно должны подразумѣвать при этомъ его предводителей; ибо безъ нихъ немыслимы никакія дѣянія, а тѣмъ болѣе основаніе государства. Княжеская власть, по всѣмъ признакамъ, издревле существовала у Руссовъ, какъ и у прочихъ Славянъ. (Очевидно, не имѣлось никакой нужды призывать изъ заморя для порядка чужихъ князей, такъ какъ и въ своихъ недостатка не было). Эта власть была довольно сильно развита. (У Царскихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, она является даже съ характеромъ деспотизма). Достоинство князей было родовое, т. е. наслѣдственное въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Борьба единодержавнаго порядка съ удѣльнымъ началась задолго до Святослава и Владиміра; ибо не они конечно придумали удѣльную систему. Безъ такой борьбы невозможно было бы и объединеніе самихъ Руссовъ подъ властію одного княжескаго рода. До насъ не дошли имена предшествовавшихъ князей-объединителей. Въ ряду Кіевскихъ князей первое достовѣрное имя, которое мы имѣемъ, это *Олегъ*. Его историческія дѣянія намъ неизвѣстны; надобно полагать, что они не были особенно громки, ибо ни одинъ иноземный источникъ о немъ не упоминаетъ; но онъ несомнѣнно существовалъ и имѣлъ сношенія съ Греками: доказательствомъ тому служитъ дошедшій до насъ его договоръ (который конечно и подалъ поводъ къ лѣтописной легендѣ о походѣ Олега подъ Царьградъ). Самое имя его нисколько не иноземное; оно туземное изъ туземныхъ. За нимъ выступаетъ *Игорь*. Это болѣе крупная историческая личность, нежели Олегъ; онъ предпринималъ не сказочный, а дѣйствительный походъ на Византію; о немъ говорятъ иноземцы. Такъ какъ отъ него идетъ непрерывное потомство Русскихъ государей до смерти Ѳеодора Іоанновича, то онъ (а не миѳическій Рюрикъ) и долженъ быть поставленъ во главѣ нашей старой династіи.

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность нашего взгляда на происхожденіе Русскаго государства. Мы убѣждены въ томъ, что усилія изыскателей, направленныя не за море, а именно въ южную Россію, со временемъ разработаютъ нашу древнѣйшую исторію до той степени ясности, которая только возмо-

жна при данномъ состояніи источниковъ. Запасъ послѣднихъ можетъ расшириться научными раскопками, особенно въ Приднѣпровскомъ краѣ *.

II.

Къ вопросу о названіяхъ пороговъ и личныхъ именахъ. Вообще о филологіи норманистовъ.

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи Руси, мы встрѣтились съ Болгарами, и не могли оставить въ сторонѣ вопросъ объ ихъ народности, и не посвятить ему особаго изслѣдованія. Разъясненіе народности и начальной исторіи Болгаръ въ свою очередь освѣтило нѣкоторые пункты начальной Русской исторіи, казавшіеся доселѣ не совсѣмъ понятными. Напримѣръ, теперь, когда мы знаемъ, что Болгаре съ IV или V вѣка встрѣчаются въ историческихъ источникахъ живущими на Кубани и въ восточной части Крыма и продолжаютъ тамъ жить еще въ IX вѣкѣ, теперь устраняется и самый вопросъ о томъ, кто такое были и гдѣ обитали *Черные Болгаре*, упомянутые въ Игоревомъ договорѣ и въ сочиненіи Константина „Объ управленіи имперіей". А эти Черные Болгаре въ свою очередь до нѣкоторой степени выясняютъ происхожденіе русскаго Тмутраканскаго княжества, отношенія Руси къ Хазарамъ въ этомъ краю и ту роль, которую игралъ греческій Корсунь въ исторіи нашего христіанства. Мало того, разъясненіе Болгарской народности, могу сказать, неожиданно для меня самаго, бросило свѣтъ на тотъ пунктъ, который я недалѣе какъ въ первыхъ своихъ статьяхъ о Варяго-Русскомъ вопросѣ еще считалъ въ числѣ почти безнадежно темныхъ: на имена Днѣпровскихъ пороговъ. Такіе результаты, разумѣется, утверждаютъ меня на исторической почвѣ по отношенію къ начатому направленію, и все болѣе убѣждаютъ въ несостоятельности тѣхъ легендъ и тѣхъ

---

* И въ послѣднее время онъ дѣйствительно началъ расширяться, благодаря особенно раскопкамъ Д. Я. Самоквасова.

искусственныхъ теорій, которыя затемнили собою начальную Русскую и вообще Славянскую исторію.

Указывая на принадлежность Славянамъ обѣихъ параллелей, *славянской* и *русской*, въ названіяхъ пороговъ у Константина Б., я замѣтилъ: „впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ называемыя славянскія имена пороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ, чѣмъ Кіевская Русь, рѣшить пока не беремся“. (См. выше стр. 210). Въ настоящее время, когда мы знаемъ, что къ югу отъ Кіевской Руси жили племена Славяноболгарскія (Угличи и Тиверцы), можемъ уже прямо предположить, что славянская параллель въ именахъ пороговъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе какъ болгарскіе варіанты болѣе древнихъ, т. е. славянорусскихъ, названій. И если филологи безъ предубѣжденія взглянутъ на эти варіанты, то убѣдятся, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ признаки церковнославянскаго, т. е. древнеболгарскаго, нарѣчія. Напримѣръ, Островуни-прагъ и Вулни-прагъ. Здѣсь вторая часть сложныхъ именъ, т. е. *прагъ*, свойственна языку такъ наз. церковно-славянскому или древнеболгарскому, а никакъ не славянорусскому, который во всѣхъ своихъ памятникахъ письменности имѣетъ полногласную форму этого слова, т. е. *порогъ*. Точно также славянское названіе порога *Веручи* болѣе соотвѣтствуетъ церковнославянскому глаголу *врѣти*, а не славянорусскому *варити*; тогда какъ послѣдній мы узнаемъ въ русскомъ названіи порога *Вару-форосъ* (почему и позволяемъ себѣ въ параллель ему ставить Веручи, а не Вулнипрагъ, какъ стоитъ у Константина Б., очевидно спутавшаго нѣкоторыя параллели). Названіе порога *Неасыть*, параллельное русскому Айфаръ, также есть церковно-славянское или древнеболгарское слово, и наконецъ послѣднее славянское названіе *Напрези* тоже отзывается церковнославянскою формою, хотя смыслъ его доселѣ неясенъ и вѣроятно оно подверглось искаженію.

Мы и прежде предполагали, что коренныя древнѣйшія названія пороговъ у Константина суть тѣ, которыя названы русскими; а славянскія представляютъ только нѣкоторыя ихъ варіанты. Это было видно уже изъ самаго порядка, въ какомъ ихъ передаетъ Константинъ; изъ того, что прибавленныя къ нимъ объясненія преимущественно относятся къ славянской параллели; наконецъ изъ неодолимой трудности провести эти объясненія че-

резъ всю русскую параллель (хотя норманисты и проводили ихъ съ помощью величайшихъ натяжекъ). Невольно приходила мысль, что нѣкоторыя изъ русскихъ названій по своей древности уже во времена Константина едва ли не утратили своего первоначальнаго смысла; такъ что ихъ объясняли уже съ помощью осмысленія. Разъясненіе начальной Болгарской исторіи подтверждаетъ наши предположенія. Болгарскія племена передвинулись въ Приднѣпровскіе края не ранѣе IV вѣка, т. е. не ранѣе Гуннской эпохи; тогда какъ Роксалане, по Страбону, уже въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. жили между Дономъ и Днѣпромъ.

Что во времена Константина дѣйствительно смыслъ нѣкоторыхъ Русскихъ названій былъ уже потерянъ, доказательствомъ тому служитъ порогъ Есупи (Ἐσσουπῆ). Константинъ говоритъ, что порусски и пославянски это слово значило „Не спи". Но ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ осмысленіемъ, основаннымъ на созвучіи; само по себѣ это повелительное наклоненіе не возможно какъ географическое названіе. Филологія норманистовъ уже потому показала свою научную несостоятельность, что она до послѣдняго времени относилась къ слову „Не спи" какъ къ дѣйствительному географическому имени, и подыскивала для него такую же форму въ переводѣ на Скандинавскіе языки. По моему мнѣнію, это могло быть одно изъ названій, сохранившихся отъ древнѣйшей, еще Скиѳской эпохи. Ключь къ его происхожденію, можетъ быть, заключается въ извѣстіи Геродота о томъ, что область, лежавшая между Гипанисомъ и Борисѳеномъ, на границахъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ и Алазоновъ, называлась *Ексампей* (Ἐξαμπαῖος), и что это скиѳское названіе значило: „Святые пути". Мы видимъ тутъ темное извѣстіе именно о Днѣпровскихъ порогахъ, около которыхъ находилась священная для Скиѳовъ страна Герросъ. Каменныя гряды, преграждающія теченіе Днѣпра, вѣроятно, у туземцевъ были связаны съ миѳическимъ представленіемъ о какомъ-либо божествѣ или героѣ, переходившемъ рѣку по этимъ скаламъ, или съ чѣмъ-либо подобнымъ. Слово Ексампи (при сокращенномъ окончаніи) или Ессампи съ утратою носоваго звука (въ родѣ славянскаго Ѫ) должно было произноситься „Есупи". Такъ сначала назывались вообще Днѣпровскіе пороги; а потомъ, когда ихъ стали различать отдѣльными названіями, Есупи осталось за первымъ. Затѣмъ явилось его осмысленіе въ формѣ: „Не спи". Еще позднѣе,

подъ вліяніемъ этого осмысленія, одинъ изъ пороговъ сталъ называться „Будило“, то-есть, названіемъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу языка при данномъ осмысленіи. Конечно все это предлагаю неболѣе какъ догадку; но, надѣюсь, что во всякомъ случаѣ она имѣетъ за собою бо́льшую степень достовѣрности, нежели забавное названіе „Не спи“ съ его переводнымъ ne suefe или eisofa *.

Второй порогъ, *Ульворси*, норманисты продолжаютъ превращать въ скандинавское holmfors: ибо только при такомъ превращеніи у этого названія получается одинаковый смыслъ съ стоящимъ противъ него славянскимъ *Островунипрагъ*. Что русское *хольм* обратилось у Константина въ *уль* по прежнему доказывается „непривычнымъ“ греческимъ ухомъ, „вѣроятнымъ“ смѣшеніемъ аспирантовъ, переходомъ такихъ то звуковъ въ такіе то, и пр. Однимъ-словомъ невѣрная передача этого названія будтобы совершилась по извѣстнымъ фонетическимъ законамъ. А между тѣмъ всѣ подобныя ссылки на законы языка уничтожаются слѣдующимъ соображеніемъ. Иностранныя слова дѣйствительно произносятся на свой ладъ; но это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда народъ усвоиваетъ себѣ или часто употребляетъ какое либо чужое слово. Но когда образованный человѣкъ записываетъ иностранное названіе, то онъ старается передать его какъ можно ближе къ настоящему произношенію, а не передѣлывать его непремѣнно въ духѣ своего роднаго языка. Доказательствомъ тому служитъ тотъ же Константинъ, который передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ множество варварскихъ названій всякаго рода; при чемъ часто сохраняетъ ихъ произношеніе, совершенно не соотвѣтствующее духу греческаго языка, а иногда сообщаетъ ихъ въ очень искаженномъ видѣ. Вообще подобныя ошибки и неточности подвести подъ извѣстные законы и съ помощію ихъ возстановить точныя данныя по большей части бываетъ невозможно. Напримѣръ, на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ русскій Любечъ у Константина обратился въ Телюча? и т. п. Это-то столь простое соображеніе норманисты упускаютъ изъ виду.

* Въ параллель съ Эссам-пея, укажемъ еще названіе изъ Скиѳской эпохи Агрип-пея или Лысыя головы, а пожалуй и названіе знаменитой столицы Боспорскаго царства, Пантика-пеа.

Третій порогъ, *Геландри*, по новому толкованію, есть собственно сравнительная степень отъ скандинавскаго причастія настоящаго времени gellandi звенящій, а можетъ быть звукъ *р* тутъ только послышался Константину. Славянскимъ же языкомъ нельзя объяснять это названіе, потому что у Славянъ будто бы нѣтъ словъ начинающихся съ *ге* и по славянской фонетикѣ *г* въ такомъ случаѣ должно перейти въ *ж*. Нѣтъ будтобы у Славянъ и словъ, оканчивающихся на *андр*. Но во первыхъ, названіе даннаго порога исправляется по своему, т. е. выбрасывается звукъ *р* и удвоивается *л*; а иначе не совсѣмъ удобно предположить собственное имя въ сравнительной степени. Мы также, хотя и примѣрно, предлагали только маленькую поправку: вмѣсто Геландри читать *Гуландри* и это слово совершенно подходило бы къ толокванію Константина, по которому оно означаетъ шумъ или гулъ. Во вторыхъ, не совсѣмъ вѣрно будто въ славянорусскомъ языкѣ нѣтъ и не могло бытъ словъ, оканчивающихся на *андр*. Мы уже указывали нѣкоторые примѣры (глухандря, слѣпандря и т. п.; прибавимъ *тундра*, форма своя, а не чужая, *хандра* малорус. халандра и пр.); они представляютъ остатокъ какой-то весьма древней формы, для насъ уже утратившей свой граматическій смыслъ. (Впрочемъ по мнѣнію филологовъ норманнской школы, кажется, подобныя слова стоятъ внѣ всякихъ законовъ славянорусскаго языка?). Въ третьихъ, невѣрно также и положеніе, что Славянскій языкъ не терпитъ словъ, начинающихся съ *ге*. На основаніи какого же фонетическаго закона въ одномъ изъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, въ Повѣсти Временныхъ лѣтъ, мы постоянно читаемъ „генварь" вмѣсто „январь"? Укажу еще на слѣдующій примѣръ. У Бандури въ извѣстномъ греческомъ расказѣ Анонима о происхожденіи Славянской азбуки приводятся славянскія названія буквъ съ помощью греческой транскрипціи. При этомъ нетолько всѣ названія, начинающіяся посλавянски буквою *е* (есть, еръ, еры, ерь), но даже *ѣ*, *ю* и оба юса переданы съ *ге*, а именно γέεστι, γέρ, γερῆ, γέρ, γέατ, γίου, γέους, γέα. (О. М. Бодянскій въ своемъ сочиненіи „О врем. происхожд. Славян. письменъ" указываетъ, что такъ вѣроятно записано по южнорусскому или малорусскому произношенію).

Для русскаго названія порога Айфаръ, соотвѣтствовавшаго славянскому Неясыть (пеликанъ), норманисты, по новѣйшему ихъ толкованію, подыскали голландское слово ðievâr, что озна-

чаетъ аиста. Уже сама по себѣ эта комбинація невѣроятна. У Скандинавовъ не водились пеликаны и не существовало его названія; но имъ надобно было во чтобы ни стало перевести славянское названіе „неясыть", и вотъ они берутъ для того у Голландцевъ слово, означающее все таки аиста, а не пеликана. Такъ объясняютъ А. А. Куникъ и Я. К. Гротъ. Выше (на стр. 325) мы уже упоминали объ этомъ толкованіи. Послѣ нашей замѣтки на него встрѣчаемъ тоже толкованіе и въ томъ же видѣ во второмъ, „пополненномъ" изданіи „Филологическихъ разысканій" Я. К. Грота. (Спб. 1876 т. I стр. 422 и слѣд.). При чемъ опять повторяется какъ *неопровержимый фактъ*, что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ и слѣдовательно *переводили* туземныя названія на родной языкъ; хотя я и спрашивалъ: гдѣ же несомнѣнное, историческое свидѣтельство объ этихъ плаваніяхъ до второй половины X вѣка? Снова является ссылка на Петра В., который одинъ изъ кораблей назвалъ по голландски *Айфаръ* или *Ойфаръ*; хотя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что корабль названъ былъ именно голландскимъ словомъ. Противъ нашего предположенія о принадлежности двухъ параллелей двумъ нарѣчіямъ Славянскаго языка приводится положеніе, что такое явленіе „не встрѣчается въ области географіи"; хотя я прямо указалъ на свидѣтельство лѣтописи („рѣка Ерелъ у Руси зовется Уголъ"), которое подтверждаетъ, что дѣйствительно были у южно-русскихъ Славянъ варіанты къ нѣкоторымъ географическимъ названіямъ. * Тутъ любопытно между прочимъ слѣдующее сообщеніе А. А. Куника. Лейденскій профессоръ Фрисъ напечаталъ цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ Aifar, въ которомъ вопреки нашимъ норманистамъ отвергаетъ производство этого названія отъ голландскаго слова (429 стр.).

* Я. К. Гротъ въ изданіи 1876 г. продолжаетъ ссылаться только на мою первую статью (О мним. призв. Варяг.) напечатанную въ 1871 г.; въ ней я еще слегка коснулся вопроса о порогахъ, а болѣе развилъ свои соображенія въ слѣдующихъ статьяхъ. Онъ продолжаетъ приписывать мнѣ толкованіе *Холмборы* вмѣсто Ульборси; хотя я такого толкованія собственно не предлагалъ; а говорилъ, что если обращать *ул* въ holm то и въ славянскомъ языкѣ есть слово *холмъ*, и тогда вмѣсто Улборси *примѣрно* можемъ получить не Holmfors, а Холмоборы. Но дѣло въ томъ, что я съ самаго начала отвергалъ превращеніе *ул* въ *холмъ*, какъ не естественное и сочиненное искусственно для полученія извѣстнаго смысла.

Г. Куникъ конечно несоглашается съ Фрисомъ; но мы не видимъ убѣдительныхъ основаній для этого несогласія. Напримѣръ, голландскій авторъ замѣчаетъ, что въ Скандинавіи нѣтъ и слѣда подобнаго названія. Но это ничего не значитъ — возражаетъ А. А. Куникъ, — „потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только имъ и могло быть извѣстно." Едва ли можетъ быть что либо болѣе искусственное, болѣе придуманное, чѣмъ подобное возраженіе. И опять оно основано на томъ же ничѣмъ недоказанномъ предположеніи, что еще до второй половины X вѣка Скандинавы массами плавали по Днѣпру, и притомъ именно тѣже моряки, которые въ тоже время посѣщали Голландію, гдѣ занимались естественно-историческими и филологическими наблюденіями!

О названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ мы неоднократно говорили и утверждали, что только выходившія изъ предвзятой мысли толкованія могли объяснять т. наз. русскія имена исключительно скандинавскими языками. Повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы во время своихъ работъ постепенно пришли по этому отдѣлу Варяго-Русскаго вопроса:

1. Русскія названія суть основныя, первоначальныя, восходящія къ глубокой древности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть остатокъ еще Скиѳской эпохи.

2. Славянскія названія суть варіанты русскихъ и принадлежатъ нарѣчію древнеболгарскому; такъ какъ къ югу отъ Полянъ въ V—X вв. жили племена болгарскія (Угличи и др.).

3. Названія пороговъ дошли до насъ въ весьма искаженной передачѣ. У насъ нѣтъ средствъ провѣрить ихъ даже самимъ Константиномъ Б., потому что онъ приводитъ ихъ только одинъ разъ. Сравненіе съ другими географическими именами въ его сочиненіи, а также и самые славянскіе варіанты, подтверждаютъ мысль объ этомъ искаженіи. Кромѣ того Константинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣшалъ соотвѣтствіе славянскихъ варіантовъ съ русскими.

4. Первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ русскихъ названій утратился, и Константинъ приводитъ собственно ихъ позднѣйшее осмысленіе. Напр. названіе перваго порога *Есупи* (которое я позволяю себѣ сближать съ скиѳскимъ Exampaios) по созвучію осмыслялось словомъ *Неспи*; но послѣднее какъ противное духу языка не сдѣлалось собственнымъ именемъ, а отразилось въ болѣе позднемъ названіи *Будило*.

5. Старанія норманистовъ объяснять русскія названія исключительно скандинавскими языками сопровождаются всевозможными натяжками. Мы думаемъ, что съ меньшими натяжками можно объяснять ихъ языками славянскими, но и то собственно нѣкоторыя изъ нихъ, потому что другія, вслѣдствіе утраты слова изъ народнаго употребленія, или потери своего смысла, или по крайнему искаженію, пока не поддаются объясненіямъ (Есупи, Аифаръ и Леанти).

6. Тѣ объясненія славянорусскаго языка, которыя мы предлагаемъ, не считаемъ окончательными, а только примѣрными, ибо отвергаемъ возможность дѣлать точные выводы тамъ, гдѣ нѣтъ ни точныхъ данныхъ, ни средствъ опредѣлить степень ихъ неточности. Вообще географическія названія какой либо мѣстности часто бываютъ необъяснимы изъ языка того народа, который употребляетъ ихъ въ данную минуту; тутъ всегда возможны постепенныя наслоенія, позднѣйшія осмысленія и т. п. *).

7. Что дѣйствительно въ южной Россіи существовали когда-то при нѣкоторыхъ русскихъ названіяхъ варіанты славянскіе, указываетъ и наша лѣтопись въ извѣстныхъ словахъ: „И стояша на мѣстѣ, нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ". И въ данномъ случаѣ русское названіе болѣе древне, чѣмъ славянское, потому что первое утратилось, а второе осталось до нынѣ (р. Орель).

Эти выводы наши остаются пока во всей силѣ; хотя норманисты и продолжаютъ настаивать на скандинавскихъ словопроизводствахъ. Всякая новая попытка ихъ подкрѣпить эти словопроизводства порождаетъ только новыя и новыя натяжки.

---

* Просимъ обратить вниманіе на послѣдніе два вывода (5 и 6); такъ какъ норманисты приписываютъ мнѣ попытку объяснить все изъ славянскаго языка. Между тѣмъ я именно указывалъ, что мы имѣемъ много словъ и названій, издревле принадлежавшихъ Славянамъ, и никакъ не можемъ уяснить ихъ смыслъ изъ одного славянскаго языка напримѣръ: Перунъ, Днѣпръ, Богъ, Хорсъ, Мокошь и пр. и пр. И притомъ это не какія нибудь искаженныя слова, которыхъ мы не въ состояніи провѣрить. Ненадобно еще упускать изъ виду, что и доселѣ существуютъ многія славянскія слова, которыхъ первоначальный смыслъ можетъ быть объясняемъ съ помощью Готскихъ и вообще древненѣмецкихъ памятниковъ письменности; что весьма естественно по родству корней.

Точно также остаются пока никѣмъ неопровергнуты мои доводы о томъ, что имена нашихъ первыхъ исторически извѣстныхъ князей, т. е. Олега и Игоря, несомнѣнно туземныя. Это имена почти исключительно русскія (Олега встрѣчаемъ еще только у Литовцевъ въ сложныхъ именахъ Олегердъ и Ольгимундъ); тогда какъ между историческими именами Скандинавовъ ихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. И на оборотъ, наиболѣе употребительныя историческія имена скандинавскихъ князей, каковы Гаральдъ, Эймундъ, Олафъ и т. п. совсѣмъ не встрѣчаются у нашихъ князей. Относительно туземства Олегова имени г. Костомаровъ справедливо указалъ на слова, происшедшія отъ того же корня, каковы *льгота*, *вольгота* и пр. Въ одной изъ предыдущихъ статей мы сближали личныя имена Олегъ и Ольга (которую лѣтопись иногда называетъ и *Волга*) съ названіями нѣкоторыхъ рѣкъ и преимущественно съ названіемъ главной Русской рѣки, т. е. Волги (и слѣдовательно съ словомъ *влага* или *волога*). Послѣ того въ интересномъ изданіи г. Барсова *Причитанья Сѣвернаго Края* я встрѣтилъ слово *ольга*, которое и доселѣ употребляется въ томъ краю въ смыслѣ болота (слѣдовательно заключаетъ въ себѣ понятіе воды или влаги). Лучшаго подтвержденія для своего сближенія я конечно и не желалъ. Выше (стр. 108) я тоже указывалъ на имя знатной роксаланской женщины *Санелги* (по Іорнанду); вторая часть этого сложнаго слова очевидно есть таже Ольга или *Елга*, какъ она называется у Константина Б. Слѣдовательно, съ какой же стати выводить подобныя имена изъ Скандинавіи? А по поводу Игоря и нашего произношенія св. Георгія Егоромъ, пользуюсь случаемъ упомянуть о томъ, что по этому поводу писалъ ко мнѣ профессоръ Харьковскаго университета Н. Я. Аристовъ въ мартѣ 1874 года. Соглашаясь съ моими толкованіями, онъ идетъ еще далѣе, и между прочимъ, приводитъ имя Игоря въ связь съ языческимъ великаномъ нашихъ былинъ Святогоромъ (*Святъ-Игорь*). Прибавка слова „святъ" къ имени Игоря, по его мнѣнію, получилась подъ вліяніемъ христіанства и примѣшавшагося представленія о св. Георгіѣ. Что дѣйствительно первоначальное его имя было несложное, Н. Я. Аристовъ подтверждаетъ стихомъ былины:

Былъ на землѣ богатырь *Егоръ*-Святогоръ.

Что же касается до именъ дружинниковъ, приведенныхъ въ договорахъ Олега и Игоря, то это отрывки изъ Русской оно-

мастики языческаго періода; часть ихъ встрѣчается потомъ рядомъ съ христіанскими именами въ XI, XII и даже XIII вѣкахъ въ разныхъ сторонахъ Россіи, и только несовершенство филологическихъ пріемовъ можетъ объяснять ихъ исключительно скандинавскимъ племенемъ. Если нѣкоторая часть этихъ именъ напоминаетъ подобныя имена въ древней сѣверно-германской ономантологіи, что весьма естественно по многимъ причинамъ (выше не разъ указаннымъ), то другая часть ихъ сильно отзывается восточнымъ или какимъ то мидо-сармато-литовскимъ, а нѣкоторыя пожалуй и угро-тюркскимъ характеромъ, и это все таки не мѣшаетъ ихъ славяно-русской народности. (Алвадъ, Адунъ, Адулбъ, Алданъ, Турд-*овъ* Мутуръ, Карш-*евъ*, Кары, Карнъ и т. п. Послѣднее, т. е. *Карнъ*, очевидно по происхожденію своему и смыслу тоже, что *карна*—печаль или бѣда въ словѣ о П. Игор.). Вообще этимологія личныхъ именъ по своей сложности, по разнообразнымъ отношеніямъ и вліяніямъ, политическимъ и этнографическимъ, можетъ составить особый отдѣлъ сравнительно-исторической филологіи, и приступать къ рѣшенію вопросовъ съ такими нехитрыми пріемами, какъ это доселѣ дѣлалось, несогласно съ настоящими требованіями науки. Если бы въ упомянутыхъ договорахъ нашлось два, три (не болѣе) имени дѣйствительно варяжскихъ, то это подтвердило бы только мою мысль, что, начиная съ Олега, въ Новгородѣ содержался наемный варяжскій гарнизонъ и что нѣкоторые знатные люди изъ Варяговъ уже съ того времени могли появляться въ самой кіевской дружинѣ. Повторимъ тоже, что и прежде не разъ высказывали: обыкновенно, тамъ гдѣ этимологическіе выводы противорѣчатъ историческому ходу событій, при болѣе внимательномъ и многостороннемъ разсмотрѣніи, эти выводы оказываются невѣрны и указываютъ только на несовершенство филологическихъ пріемовъ.

Извѣстно, что главный и постоянный врагъ исторіи какъ науки—это элементъ вымысла, басни, съ которымъ ей приходится бороться отъ самыхъ древнѣйшихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Этотъ элементъ такъ переплетается съ источниками собственно историческими, что часто нужны величайшія усилія, чтобы выдѣлить его. Но кромѣ вымысла у исторической науки есть и другіе непріятели, напр. недостатокъ свидѣтельствъ, недостатокъ безпристрастія и проч. А въ дан-

номъ вопросѣ, какъ мы видимъ, ей приходится бороться и съ ошибочными филологическими пріемами.

Филологія стремится стать наукою точною; но до полной точности ей еще очень далеко; приблизительно вѣрныхъ выводовъ она можетъ достигать только тамъ, гдѣ имѣетъ для того достаточный матеріалъ. Но во многихъ случаяхъ, особенно относящихся къ вѣкамъ прошедшимъ, она безсильна представить удовлетворительныя объясненія, хотя это и не избавляетъ ее отъ обязанности дѣлать къ тому попытки. Движеніе ея въ этомъ отношеніи находится въ тѣсной связи съ движеніемъ вообще исторической науки, которая, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду всю сложность явленій. Нѣтъ сомнѣнія, что наука славянорусской филологіи сдѣлала уже много успѣховъ; но какъ она еще слаба при объясненіи самой исторіи языка, лучше всего показываетъ слѣдующее. Передъ нами великорусское и малорусское нарѣчія въ полномъ своемъ составѣ; мы имѣемъ обильные письменные памятники, которые восходятъ до X столѣтія, и однако русская филологія не объяснила намъ доселѣ, откуда взялось Малорусское нарѣчіе, когда оно сложилось, въ какихъ отношеніяхъ было къ вѣтви Великорусской и т. д. Есть по этому поводу нѣкоторыя попытки, нѣкоторыя мнѣнія, но до рѣшенія вопроса еще очень далеко. Это рѣшеніе зависитъ отъ болѣе тщательной разработки древнѣйшей Русской исторіи. Точно также филологическая наука еще не въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается церковно-славянскій языкъ и начинается собственно русскій въ древнихъ памятникахъ нашей письменности. Если послѣ стольких трудовъ, посвященныхъ вопросу, на какомъ славянскомъ нарѣчіи сдѣланъ былъ переводъ Священнаго писанія все еще продолжаются о томъ споры записныхъ филологовъ, то ясно, какъ еще слаба филологическая наука по отношенію къ исторіи языка. И этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ помощи болѣе точныхъ изслѣдованій по древней исторіи Славянъ *. Часто еще слабѣе оказывается филологія

* Какіе напримѣръ могутъ быть точные выводы о древнеболгарскомъ нарѣчіи, когда самихъ Болгаръ записные филологи считаютъ Финскою или Турецкою ордою, отстаивая теорію, основанную на однихъ недоразумѣніяхъ. Они, напримѣръ, хватаются за нѣсколько непонятныхъ фразъ въ одномъ славянскомъ хронографѣ, Богъ знаетъ на какомъ основаніи предполагая, что эти фразы суть остатокъ настоящаго болгарскаго языка. (А м. т. даже Волжскихъ Болгаръ въ X в. Арабы называютъ Славянами).

тамъ, гдѣ она пытается разъяснять географическія, народныя и личныя имена, дошедшія до насъ отъ вѣковъ давно минувшихъ. Тутъ является обширное поприще для всякаго рода догадокъ, предположеній, вѣроятностей и проч., и въ этихъ случаяхъ только тѣ догадки получаютъ вѣсъ, которыя могутъ опереться на исторію. Считаю не лишнимъ напомнить о всѣхъ этихъ истинахъ въ виду усилій норманизма: за недостаткомъ историческихъ данныхъ на своей сторонѣ искать поддержки преимущественно въ области филологіи.

III.

Отвѣтъ А. А. Кунику. *

Въ концѣ 1875 года вышло изъ печати сочиненіе извѣстнаго нашего оріенталиста, академика Дорна, озаглавленное „*Каспій или О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ*“. Эта объемистая книга по содержанію своему распадается на двѣ неравныя части. Большую ея половину занимаетъ трудъ Б. А. Дорна. Онъ представляетъ тщательный и подробный сводъ не только всѣхъ дошедшихъ до насъ восточныхъ свидѣтельствъ о русскихъ морскихъ походахъ на берега Каспія, но и доводитъ этотъ сводъ до позднѣйшаго времени. Трудъ этотъ есть богатый вкладъ въ историческую науку, и мы можемъ только благодарить его автора. Затѣмъ вторую, меньшую, половину книги составляютъ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ замѣчанія, приложенія, дополненія и разсужденія другаго нашего академика, достоуважаемаго А. А. Куника. Въ большинствѣ случаевъ эти приложенія и дополненія не имѣютъ внутренней связи съ первою частью и могутъ быть разсматриваемы совершенно отдѣльно; вмѣстѣ взятыя онѣ составляютъ ничто иное какъ полемическое сочиненіе, направленное въ защиту пресловутой норманской теоріи по вопросу о происхожденіи Руси. Мы упомянули объ отсутствіи внутренней связи между двумя частями книги. Дѣйствительно, во всемъ тру-

* Изъ Сборника Древняя и Новая Россія 1876 № 3.

дѣ Б. А. Дорна, т. е. во всѣхъ приведенныхъ имъ восточныхъ извѣстіяхъ о древней Руси, нѣтъ ни единой черты, которая бы указывала на ихъ норманское происхожденіе. А между тѣмъ, благодаря примѣчаніямъ и дополненіямъ, по наружности выходитъ, какъ будто вся книга служитъ защитою норманизма. Итакъ, строго различая эти двѣ части, мы остановимъ вниманіе читателей только на второй, т. е. полемической; причемъ коснемся самыхъ существенныхъ ея сторонъ, и постараемся быть возможно краткими.

Во первыхъ, отдаемъ полную справедливость нашему многоуважаемому противнику за тщательно разсмотрѣнный имъ вопросъ объ одномъ византійскомъ свидѣтельствѣ, которое антинорманисты полагали въ числѣ своихъ доказательствъ. Разумѣемъ ῥούσια χελάνδια 773 года. Оставляя въ сторонѣ все, что говорится въ этомъ трактатѣ посторонняго, а принимая въ соображеніе только фактическій сводъ доказательствъ по отношенію къ данному вопросу, я долженъ признать за ними значительную долю убѣдительности, и согласенъ, что вѣрнѣе перевести „красныя хеландіи“, нежели „русскія хеландіи“. (Дополненіе III стр. 359 и слѣд.). Охотно вычеркиваю эти хеландіи изъ системы своихъ аргументовъ. Но мнѣ показалась излишнею являющаяся по этому поводу филиппика противъ антинорманистовъ (стр. 371). По крайней мѣрѣ лично ко мнѣ она едва ли можетъ относиться. Въ одной изъ первыхъ своихъ статей я сказалъ: „относительно нѣкоторыхъ соображеній второстепенной важности мы можемъ ошибаться; но отъ того не пострадаютъ наши главныя положенія“ (Рус. Вѣст. 1872, декабрь). Слова эти исполнились буквально; намъ пришлось пока сдѣлать двѣ, три поправки, которыя нисколько не имѣютъ вліянія на существенныя стороны вопроса о Варягахъ и Руси. Упомянутыя хеландіи въ первой статьѣ я отнесъ къ доказательствамъ спорнымъ, а потомъ раза два упомянулъ о нихъ мимоходомъ; но не выдвигалъ на первый планъ и не помѣстилъ ихъ въ текстѣ тѣхъ тридцати важнѣйшихъ основаній, на которыхъ построены мои выводы (ibid). Точно также г. Куникъ много распространяется о Табаріевыхъ Руссахъ VII вѣка, объясняя это извѣстіе позднѣйшею вставкою. Предоставляю другимъ рѣшать вопросъ о Табари, о которомъ я тоже упоминалъ мимоходомъ; ибо прежде всего цѣню свидѣтельства современныя, или близкія къ нимъ по времени. Тѣ мои основанія

(№№ 21 и 22), на которыхъ построенъ выводъ, что арабскія свидѣтельства о Руси несогласны съ норманской теоріей, и что всѣ онѣ болѣе или менѣе тяготѣютъ къ южному происхожденію Руси, а не къ сѣверному, эти основанія остаются въ полной силѣ (см. выше стр. 340). *

Затѣмъ, намъ приходится указать на несостоятельность тѣхъ критическихъ пріемовъ, которые норманизмъ въ лицѣ нашего противника прилагаетъ къ другимъ, болѣе важнымъ, доказательствамъ. Во первыхъ, извѣстіе „Венеціанской хроники" о gentes Normannorum, которые въ 865 году напали на Константинополь въ количествѣ 360 кораблей. Авторъ этой хроники, Іоаннъ Діаконъ, писавшій въ XI вѣкѣ, повторяетъ выраженіе предшествовавшаго ему писателя Ліутпранда. Послѣдній замѣтилъ о Руссахъ, что это народъ, живущій къ сѣверу отъ Константинополя между Хазарами и Булгарами, въ сосѣдствѣ Печенѣговъ и Угровъ, и что „Греки по наружному качеству называютъ его Руссами, а мы (Итальянцы) по положенію страны Нордманами." Слѣдовательно gentes Normannorum Венеціанской хроники просто значитъ „сѣверные народы"; извѣстіе объ ихъ нападеніи конечно пришло изъ Константинополя; а Греки не только Русскихъ, но и другіе народы сосѣдніе сѣ-

* Г. Куникъ, между прочимъ, сѣтуетъ на С. М. Соловьева, который занялъ такъ сказать среднее направленіе въ данномъ вопросѣ: онъ отрицаетъ хронологію начальной лѣтописи, и признаетъ за Русью, если не славянское происхожденіе, то по крайней мѣрѣ болѣе древнее пребываніе на берегахъ Чернаго моря, ссылаясь преимущественно на согласныя свидѣтельства арабскихъ писателей. (См. «Исторію Россіи» т. I, изданіе пятое. Примѣч. 150). Такое отступленіе отъ догматовъ норманской системы нашъ многоуважаемый историкъ обнаружилъ еще въ первомъ изданіи. Онъ указываетъ также на окружное посланіе Фотія, изъ котораго видно давнее знакомство Византійцевъ съ Русью. А. А. Куникъ хорошо понимаетъ, что это среднее направленіе не можетъ удержаться долго, и что силою логики оно должно придти впослѣдствіи не къ примиренію иноземныхъ свидѣтельствъ съ нашимъ лѣтописнымъ сказаніемъ о призваніи Варягоруссовъ, а къ полному отрицанію послѣдняго (459). Изъ личныхъ сношеній мы знаемъ и другихъ русскихъ ученыхъ (не называемъ именъ, не имѣя на то полномочія), которые держатся того же средняго положенія въ нашей борьбѣ съ норманизмомъ. Но какъ скоро эти ученые, признающіе существованіе Русскаго народа въ южной Россіи до времени такъ называемаго Призванія, попытаются сообщить дальнѣйшее развитіе своему взгляду, то они несомнѣнно придутъ къ Роксаланамъ.

верному Черноморью называли Гипербореями. Если бы Ліутпрандъ и Венеціанская хроника дѣйствительно разумѣли Скандинавовъ, то вышло бы явное противорѣчіе; оба извѣстія (о нападеніяхъ 865 и 941 гг.) получены отъ Византійцевъ; а послѣдніе въ обоихъ случаяхъ говорятъ только о Руси, которую знаютъ очень хорошо, и нигдѣ не смѣшиваютъ ее съ Варягами. Не разбираю ссылки на писателя XV вѣка, Блонди, который повторяетъ извѣстіе Іоанна Діакона, при чемъ смѣшиваетъ вмѣстѣ разныя событія и разные народы (375 стр.). Подобные источники только годны для того, чтобы запутывать вопросъ и отвлекать вниманіе отъ современныхъ свидѣтельствъ о языческой Руси, отъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя изображаютъ ее сильнымъ туземнымъ народомъ восточной Европы.

Сколько изслѣдователи ни разыскивали въ средневѣковыхъ хроникахъ цѣлой Европы, а до сихъ поръ важнѣйшими источниками для вопроса о народности Руссовъ остаются византійскіе писатели IX и X вѣковъ, въ особенности патріархъ Фотій, Константинъ Багрянородный и Левъ Діаконъ. А эти писатели, совершенно независимые другъ отъ друга, согласно указываютъ на исконное существованіе туземной Руси.

По поводу упомянутаго нападенія на Константинополь въ 865 году, вновь обращу вниманіе людей интересующихся на слѣдующій критическій пріемъ норманизма. А. А. Куникъ все еще продолжаетъ относиться къ расказу русской лѣтописи объ этомъ походѣ, какъ къ извѣстію самостоятельному, и на основаніи его продолжаетъ разсуждать объ Оскольдѣ, какъ предводителѣ похода, не обращая никакого вниманія на мои возраженія. Я говорилъ и подтверждаю, что извѣстіе это не самостоятельно; самое поверхностное сравненіе съ хроникой Амартола и его продолжателей убѣждаетъ, что оно взято буквально изъ этой хроники или изъ ея славянскаго перевода, даже удержано число 200 кораблей; тогда какъ извѣстіе Венеціанской хроники, насчитывающее ихъ 360, конечно ближе къ дѣйствительности. Лѣтописецъ къ простому переводу греческой хроники только приклеилъ имена Аскольда и Дира. Мой оппонентъ согласенъ, что Кій, Щекъ и Хоревъ лица миѳическія, сочиненныя на основаніи географическихъ названій (396); но Оскольда считаетъ все-таки сподвижникомъ Рюрика и предводителемъ Руссовъ 865 г. О Дирѣ же онъ умалчиваетъ и счита-

етъ ихъ за одно лицо, хотя въ лѣтописи ясно указаны Оскольдова могила и Дирова могила, лежавшія въ разныхъ мѣстахъ. Если кто принимаетъ лѣтописную легенду о нихъ за достовѣрное событіе, то простая логика требуетъ согласно съ лѣтописью принимать ихъ за два лица, а не за одно *. Мы же повторяемъ, что поводомъ къ расказу объ Оскольдѣ и Дирѣ безъ сомнѣнія послужили названія двухъ урочищъ: Оскольдова могила и Дирова могила. Если бы у лѣтописца были свои домашнія свѣденія объ ихъ походѣ на Константинополь, то не могъ онъ взять безъ перемѣнъ извѣстіе изъ византійской хроники и только приклеить къ нему голыя имена предводителей. Ясно, что своихъ свѣденій не было, а приклейка эта совершенно произвольная. Но А. А. Куникъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на подобное возраженіе. Точно также взято въ русскую лѣтопись изъ продолжателей Ѳеофана и Амартола извѣстіе о морскомъ походѣ Игоря на Византію. Ясно, что и для этого времени все еще не было домашнихъ свѣдѣній о рус-

---

* Авторитетъ А. А. Куника въ данномъ вопросѣ вводитъ въ заблужденіе и другихъ писателей, особенно иностранныхъ. Для примѣра укажу на статью г. Альфонса Куре: La Russie à Constantinople въ Revue des Questions historiques. Paris 1876. № I. Статья эта представляетъ образецъ легкомыслія и отсутствія критики, до которыхъ могутъ доходить послѣдователи норманской системы. Здѣсь вы найдете сказочный походъ Олега на Константинополь, изображенный весьма картинно. «Полунагіе обитатели лѣсовъ, Древляне, Радимичи, Тиверцы и Хорваты, вооруженные отравленными стрѣлами и ременными лассо; Финны съ Бѣлаозера и верхней Волги, рыжевласые съ суровымъ взглядомъ и темно-смуглою кожею, одѣтые въ медвѣжьи шкуры съ тяжелыми дубинами на плечахъ; Чудскіе всадники изъ Финляндіи и Эстоніи, галопирующіе на своихъ малорослыхъ коняхъ» (по морю то!) и т. д.—Это все составъ Олегова войска! Абсолютное молчаніе Византійцевъ о его нападеніи очень просто объясняется ихъ національною гордостью. Скандинавская колонія, основавшая Русское государство, исчисляется ни болѣе, ни менѣе какъ во 100,000 человѣкъ и уподобляется Спартіатамъ въ Лаконіи; а пришла она изъ Литвы или вѣроятнѣе изъ окрестностей Упсалы. И все это обставлено, какъ слѣдуетъ, ученою внѣшностію, т. е. ссылками на источники и пособія. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаемъ самыя разнообразныя имена: Карамзина, Куника, Шторха, Муральта, Ворсо, Ріана, Шницлера, Жеребцова, Ламбина, Рамбо и многихъ другихъ; есть упоминаніе о Костомаровѣ и обо мнѣ. Кажется у автора не было недостатка въ средствахъ; ему недоставало только трезваго взгляда или исторической логики.

скихъ походахъ въ Черное море; о походахъ же въ Каспійское нашъ лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ, будучи незнакомъ съ арабскими писателями. Правда о походѣ Олега въ 907 г. и вторичномъ походѣ Игоря въ 944 мы имѣемъ лѣтописные расказы, независимые отъ византійцевъ, которые совсѣмъ не знаютъ этихъ походовъ; но потому то наши расказы и носятъ баснословный характеръ, въ особенности о походѣ Олега. Новое доказательство, что собственныхъ исторически-достовѣрныхъ свѣдѣній о морскихъ походахъ Руси до второй половины X вѣка у лѣтописца подъ рукой не было. Обстоятельство это уясняется еще болѣе при сравненіи съ извѣстіями о предпріятіи 1043 года.

По русской лѣтописи въ морскомъ походѣ Владиміра Ярославича участвовала наемная дружина Варяговъ. Ея участіе засвидѣтельствовано не древнѣйшими списками лѣтописи, Ипатьевскимъ и Лаврентьевскимъ, а позднѣйшими сводами, Воскресенскимъ и Никоновскимъ; но безъ сомнѣнія свидѣтельство это не выдумано, а взято изъ болѣе древнихъ списковъ начальной Кіевской лѣтописи. Это свидѣтельство подтверждается византійскою хроникой Скилицы-Кедрена, которая говоритъ, что въ числѣ русскихъ войскъ находились союзники „обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана“, т. е. Варяги. Русское извѣстіе въ этомъ случаѣ очевидно самостоятельное, независимое отъ греческихъ источниковъ: оно заключаетъ такія подробности, которыхъ нѣтъ ни у Пселла, ни у Скилицы-Кедрена; нашъ лѣтописецъ почерпнулъ ихъ изъ расказовъ стариковъ, современниковъ самому событію. Въ виду этихъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга извѣстій, русскаго и византійскаго, присутствіе Варяговъ въ русскомъ войскѣ 1043 года уже несомнѣнно. Въ походахъ же 865 и 941 гг. Варяги не участвовали ни по византійскимъ свидѣтельствамъ, ни по русской лѣтописи, которая въ обоихъ случаяхъ представляетъ только переводъ византійскихъ извѣстій. Но въ 1043 году, какъ только Варяги появились передъ Боспоромъ въ числѣ русскихъ войскъ, Византійцы не преминули о томъ упомянуть. Ясно, что въ предыдущихъ морскихъ походахъ ихъ не было; такъ какъ ихъ присутствіе не могло остаться неизвѣстнымъ для Византійцевъ, особенно въ виду множества плѣнныхъ, захваченныхъ послѣ пораженія Игоря. Откуда же являются иногда Варяги нашей лѣтописи въ IX и въ первой половинѣ X вѣка? Я уже гово-

рилъ, что исходною точкою зрѣнія для лѣтописца служили времена Владиміра и Ярослава, при которыхъ наемныя варяжскія дружины дѣйствительно участвовали въ русскихъ войнахъ и даже занимали почетное мѣсто въ русскомъ войскѣ. Въ XI вѣкѣ къ нимъ уже такъ привыкли, что не мудрено было лѣтописцу и другимъ его современникамъ предположить ихъ участіе и въ прежнія времена, о которыхъ въ сущности онъ зналъ очень мало. Но тамъ, гдѣ онъ черпалъ извѣстія прямо изъ греческаго источника, тамъ Варяговъ нѣтъ. Слѣдовательно большая часть лѣтописныхъ извѣстій о Варягахъ на Руси въ IX и X вв. есть плодъ домашнихъ домысловъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ.

А. А. Куникъ много трактуетъ въ Каспіѣ о походѣ 1043 года; но онъ нисколько не думаетъ критически сличить извѣстія объ этомъ походѣ съ извѣстіями о походахъ предыдущихъ и сдѣлать выводы о самостоятельности нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, на основаніи ихъ провѣрки съ свидѣтельствами византійскими. Кажется, здравый критическій пріемъ не могъ бы обойти подобную провѣрку. Нисколько не пытаясь систематически опровергнуть мои доводы, противникъ просто, голословно продолжаетъ увѣрять, что первые русскіе походы на Константинополь были совершены никѣмъ другимъ, какъ Скандинавами. Ссылка на извѣстное лѣтописное выраженіе „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки“ (422) равняется чистому голословію. Мы уже говорили, что эта неопредѣленная фраза относится только къ XI вѣку, а не къ IX, о которомъ нашъ лѣтописецъ имѣлъ такъ мало историческихъ свѣдѣній. Ее нельзя отнести и къ первой половинѣ X вѣка, потому что Константинъ Багрянородный, описывая русскій путь въ Византію, начинаетъ его отъ Новгорода, и ничего не говоритъ о хожденіи Скандинавовъ. Но подобныя препятствія нисколько не затрудняютъ норманистовъ, и они преспокойно продолжаютъ повторять нѣкоторыя лѣтописныя басни и домыслы какъ несомнѣнные факты. Между прочимъ г. Куникъ все еще относится къ расказу объ осадѣ Константинополя Олегомъ, какъ къ достовѣрному историческому свидѣтельству, не представляя для того никакихъ историческихъ основаній. Онъ считаетъ его достовѣрнымъ просто потому, что о немъ говоритъ *Несторъ*. Войско Олега подъ Константинополемъ состояло конечно изъ Скандинавовъ, потому что Несторъ говоритъ о Варягахъ Руси.

А Скандинавы плавали через Россію въ Царьградъ еще въ IX вѣкѣ, потому что тотъ же Несторъ сказалъ „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки“. Призваніе варяжскихъ князей Чудью и Славянами не подлежитъ сомнѣнію, потому что о немъ повѣствуетъ Несторъ. А что Варяги и Русь одно и тоже, это ясно изъ словъ Нестора: „мнози бо бѣша Варязи христіане“. Вотъ тотъ кругъ доказательствъ, въ которомъ упорно вращается норманизмъ. Мой достоуважаемый противникъ, впрочемъ, не ограничивается повтореніемъ однихъ лѣтописныхъ домысловъ; иногда онъ самъ безъ всякихъ источниковъ сочиняетъ цѣлыя событія; къ таковымъ относится походъ Норманновъ изъ устьевъ Дуная въ Каспійское море въ 944 году. (См. 521 стр.).

Немудрено, что съ такими пріемами споръ можетъ длиться до безконечности; ибо нѣтъ никакой возможности поставить норманистовъ на историческую почву, т. е. сдѣлать для нихъ точками отправленія факты несомнѣнно историческіе. Отъ норманизма требуется доказать тождество Варяговъ и Руси; а онъ это тождество считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, и дѣлаетъ его своимъ исходнымъ пунктомъ. Ему доказываютъ, что сама наша лѣтопись первоначально не смѣшивала Русь съ Варягами, а начала смѣшивать позднѣйшая ея редакція. Онъ на эти доказательства не отвѣчаетъ: хотя говоритъ о какой то *окончательной* редакціи, въ которой слово Варягъ означало уже не дружинника, а торговца (стр. 422). Норманизму указываютъ, что нѣтъ никакихъ европейскихъ свидѣтельствъ о путешествіи варяжскихъ дружинъ въ Царьградъ черезъ Россію ранѣе второй половины X вѣка. А онъ отыскалъ *одну* сагу, изъ которой можно вывести заключеніе, что *одинъ* исландецъ ѣздилъ въ Константинополь въ первой четверти X вѣка; впрочемъ съ нѣкоторыми натяжками получается и еще одинъ таковой же исландецъ; причемъ предполагается, что они служили тамъ въ отрядѣ Варанговъ (424). Но во первыхъ, это единичные случаи и Исландцы путешествовали въ Грецію чрезъ западную Европу, а не Россію. Во вторыхъ, Византійцы о Варангахъ упоминаютъ только съ XI вѣка; тогда какъ о народѣ Русь они ясно говорятъ еще въ IX вѣкѣ. Способъ, посредствомъ котораго норманизмъ устраняетъ послѣднее возраженіе, есть верхъ совершенства относительно критическихъ пріемовъ. Что Византійцы не упоминаютъ о Варангахъ въ IX и X вѣкахъ, это совершенно естественно—отвѣчаетъ норманская теорія: — они

говорятъ о Руси, а, вѣдь, Русь и Варяги одно и тоже. Блистательнымъ подтвержденіемъ этому тождеству служитъ одинъ византійскій памятникъ *конца XII вѣка*: тамъ есть замѣчаніе, помѣщенное въ скобкахъ, что названіе *Варанги* принадлежитъ общему, *разговорному*, языку (426). Отсюда будто бы ясно, что—даже въ IX вѣкѣ—ихъ литературное *этническое* названіе было *Рось* (428).

Что можно отвѣчать на подобныя соображенія и выводы? Замѣчательно, что даже такой добросовѣстный, основательный ученый какъ А. А. Куникъ не можетъ не прибѣгать къ голословнымъ, гадательнымъ выводамъ, защищая скандинавское происхожденіе Руси. Онъ игнорируетъ столь извѣстный фактъ, что названіе *Рось* принадлежало именно простому народному языку, а въ болѣе литературномъ стилѣ византійцы замѣняли его словомъ *Тавроскиѳы*. Но таково уже свойство норманской теоріи: безъ крайнихъ натяжекъ ее защищать невозможно.

Не болѣе имѣетъ значенія и повторяющаяся ссылка на Бертинскія лѣтописи по поводу русскаго посольства въ 839 году, т. е. на фразу ex gente Sueonum. Мы уже не разъ говорили, что о Шведахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, потому что у нихъ не существовало титула хакана или кагана; тогда какъ у Русскихъ Славянъ онъ былъ. Данное извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей раздѣляется на двѣ части, неравныя по качеству. Въ первой части послы объявляютъ, что они принадлежатъ народу Рось, и что государь ихъ называется хаканомъ. Эта часть есть данное несомнѣнное, неподлежащее спору; авторъ латинской хроники не могъ его придумать. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что навели справки (конечно потому, что народъ Рось не былъ еще хорошо извѣстенъ при франкскомъ дворѣ), и оказалось, что это были люди *изъ племени Свеоновъ*. Но если тутъ разумѣть Шведовъ, то вторая часть извѣстія несогласима съ первою. Первая сообщаетъ фактъ безспорный, а вторая только мнѣніе автора или франкскихъ придворныхъ, мнѣніе, которое всегда можетъ быть случайно и ошибочно; притомъ неизвѣстно, подтвердилось-ли это мнѣніе, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ русскаго посольства. Мы имѣли полное право предположить здѣсь или этнографическое недоразумѣніе со стороны людей, подозрительно смотрѣвшихъ на невѣдомыхъ пришельцевъ, или ошибку переписчика. Подобныя

этнографическія недоразумѣнія или просто описки очень нерѣдки въ средневѣковыхъ источникахъ, и сами норманисты часто находятъ въ нихъ ошибки или позднѣйшія вставки, особенно тамъ, гдѣ это полезно для ихъ теоріи. Напримѣръ, авторъ „Дополненій“ старается доказать, что Gualani одной латинской хроники не означаютъ Alani, а ихъ надобно читать Guarani = Guarangi = Barangi (655); что въ другой хроникѣ стоитъ Wandalorum вмѣсто Warangorum (658), и затѣмъ съ помощью разныхъ натяжекъ этихъ Гваланов—Варанговъ пріурочиваетъ приблизительно къ половинѣ X вѣка (659); напрасныя усилія, такъ какъ все еще далеко до половины IX вѣка, т. е. до времени, въ которое Русь громко заявляетъ о себѣ въ Византіи. Упомянутое выше извѣстіе Табари о руссахъ VII вѣка, какъ было замѣчено, г. Куникъ пространно доказываетъ позднѣйшею вставкою (379). Онъ дѣлаетъ и многія другія поправки въ источникахъ. (А между тѣмъ продолжаетъ читать у Дитмара ex velocibus Danis вмѣсто подлиннаго Danaïs, стр. 451). Но относительно Бертинскихъ лѣтописей мой противникъ не допускаетъ недоразумѣнія или ошибки, и не сомнѣвается, что тутъ надобно разумѣть Шведовъ (631); хотя и соглашается, что нарицательное хаканъ нельзя обратить въ собственное имя Гаконъ (681); слѣдовательно, ничѣмъ не объясняетъ безвыходнаго противорѣчія. Правда, онъ затрудняется нѣсколько предположить *дѣятельныя* сношенія Шведовъ съ Греками въ первой половинѣ IX вѣка, такъ какъ ни въ Швеціи, ни на островѣ Готландѣ не находили золотыхъ византійскихъ монетъ той эпохи; но это затрудненіе легко устраняется расказомъ Нестора объ Оскольдѣ и Дирѣ, которые *около* 862 *года* отпросились у Рюрика на службу въ Византію, конечно уже имѣя нѣкоторое знакомство съ ея дѣлами (423). Такимъ образомъ археологическій фактъ долженъ уступить баснословному расказу. Любопытно, что, отстаивая басни такъ называемаго Нестора, уважаемый оппонентъ исправляетъ его хронологію, и полагаетъ, что призваніе Варяговъ совершилось прежде 862 года (394 стр.).

Какъ-бы то ни было, а оставаясь при первой части въ упомянутомъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей, при той части, которая неопровержима, мы получаемъ ясное иноземное свидѣтельство о существованіи Русскаго княжества въ восточной Европѣ еще въ первой половинѣ IX вѣка, слѣдовательно во

времена до-Рюриковскія. Что же касается до второй части известія, то замѣтимъ слѣдующее: если и встрѣчаются двѣ, три сбивчивыя фразы относительно Руси, то именно у нѣкоторыхъ западныхъ, латинскихъ писателей, мало или совсѣмъ ее не знавшихъ; тогда какъ Византійцы, хорошо знакомые съ нашими предками, не подали ни малѣйшаго повода смѣшивать ихъ съ Норманнами.

Далѣе, обратимъ вниманіе на критическое отношеніе нашего противника къ Славянорусскому племени. Оказывается, что еслибы Русь была славянскимъ народомъ, то морскіе походы на Византію не были-бы возможны. Почему-же? Да просто потому, что Славяне не способны не только къ морскому, но и къ рѣчному судоходству. Другое дѣло Норманны, которые „проволакивали свои ладьи мимо Днѣпровскихъ и Двинскихъ пороговъ“ (393). Во первыхъ, я уже докладывалъ, что такое переволакиваніе лодокъ *мимо* пороговъ, есть плодъ пылкаго воображенія; о немъ не говоритъ ни одинъ источникъ; извѣстно, что Константинъ Б. описываетъ, какъ Руссы проводили свои ладьи *сквозь* Днѣпровскіе пороги. Во вторыхъ, что эти Руссы были Норманнами, требуется еще доказать. Вообще разсужденія о томъ, что Русь была хорошо знакома съ моремъ, а слѣдовательно не могла быть славянскою; что Славяне, живя внутри страны, не могли освоиться съ моремъ *внезапно* (378)— всѣ подобныя разсужденія болѣе или менѣе гадательны. Самъ авторъ упоминаетъ о существованіи Сербскихъ пиратовъ; укажу еще на мореходство у Славянъ Балтійскихъ и Славянъ Новогородскихъ; слѣдовательно, о неспособности Славянъ къ морскому дѣлу не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, прежде нежели говорить о внезапномъ знакомствѣ съ моремъ, надобно было опровергнуть доказательства исконнаго существованія Руси на берегахъ Азовскаго моря, между прочимъ опровергнуть относящееся сюда извѣстіе Масуди. Наконецъ, казацкіе походы XVI и XVII вѣковъ въ Черное и Каспійское моря совершенно уничтожаютъ помянутыя разсужденія: извѣстно, что казаки принадлежали къ Славянорусскому племени и жили даже не на морскихъ берегахъ. Новгородцы также жили не на Балтійскомъ морѣ, по которому они плавали. Для Русскихъ Славянъ, даже обитавшихъ внутри страны, дорога къ морю была открыта, благодаря большимъ судоходнымъ рѣкамъ.

Въ томъ же гадательномъ родѣ находимъ соображенія, отрицающія тождество Руси и Роксаланъ. Это тождество есть одно изъ самыхъ главныхъ основаній моей теоріи; противъ него я не встрѣтилъ доселѣ ни единаго серьёзнаго возраженія. А. А. Куникъ въ настоящемъ своемъ трудѣ широко распространяется о многихъ предметахъ второстепенной и третьестепенной важности; но относительно Роксаланъ онъ голословенъ и очень кратокъ, какъ и относительно другихъ важнѣйшихъ моихъ основаній. Когда то онъ написалъ разсужденіе подъ заглавіемъ: *„Псевдорусскіе Роксалане“*, гдѣ съ помощью многихъ натяжекъ, историческихъ, этимологическихъ и этнографическихъ, старался доказать, что Роксалане и Русь не одно и тоже и что Роксаланскій народъ съ появленіемъ Гунновъ *исчезъ* изъ исторіи. Въ прежнихъ статьяхъ мы уже указывали на несостоятельность такого вывода. Но мой противникъ думаетъ, что навсегда покончилъ съ Роксаланами. Онъ только мимоходомъ напоминаетъ о своихъ главныхъ доказательствахъ: Роксалане не могли быть Славянами, потому что это *степные наѣздники* (367), *степной народъ* (362); „причисленіе дикихъ Роксаланъ къ Славянской семьѣ обнаружило бы совершенное незнакомство съ сравнительной исторіей военнаго быта у кочующихъ и у осѣдлыхъ народовъ“ (ibid). Такими то фразами почтенный ученый отдѣлывается отъ непріятныхъ для него Роксаланъ. А любопытно было бы хотя слегка познакомиться съ тою сравнительною исторіей военнаго быта, на которую онъ ссылается; вѣроятно мы узнали бы тогда много удивительныхъ фактовъ. Но какъ бы то ни было, а эти несносные Роксалане существовали, и совсѣмъ не думали исчезать изъ исторіи. О нихъ свидѣтельствуютъ не только историческіе писатели, но и знаменитыя Певтингеровы таблицы, которыя обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно. (Такъ утверждаетъ извѣстный ихъ знатокъ Дежардэнъ. См. Revue historique 1876. № I). Здѣсь *Роксулане* помѣщены тамъ же, гдѣ потомъ находимъ и народъ Рось, между Днѣпромъ и Дономъ; притомъ они, какъ сильное племя, обозначены болѣе крупными буквами, нежели ихъ сосѣди. Отвергать тождество Роксаланъ и Роси, по моему мнѣнію, все равно, что спорить противъ очевидности.

Итакъ, Роксалане будто бы не могли быть Славяне, потому что имѣли конницу; а Русь не могла быть славянскою, потому

что имѣла судоходство, и еще потому что она объединила народы, разбросанные на обширныхъ равнинахъ (393). Оказывается, что Славянское племя совершенно обижено судьбою. Даже Финны, и тѣ оказываются гораздо болѣе одарены отъ природы и болѣе способны къ разнообразной дѣятельности. Такъ въ этомъ мало подвижномъ, преимущественно лѣсномъ племени встрѣчаемъ съ одной стороны пиратовъ (на Балтійскомъ морѣ), съ другой цѣлый степной, конный народъ (Угры), и притомъ такой народъ, который основалъ значительное государство. Туркмены, типъ степнаго, коннаго народа, и тѣ имѣли своихъ пиратовъ на Каспійскомъ морѣ. Не приводя другихъ примѣровъ для сравненія, укажу опять на славянорусскихъ Казаковъ XVI и XVII вѣковъ: они жили въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ встрѣчаемъ древнихъ Роксаланъ и Русь. И что же? Казаки одновременно являются и конницей, и пиратами, а при случаѣ и пѣхотой. Странно какъ-то столь извѣстному ученому указывать на столь извѣстные факты. Обратимся къ самымъ древнимъ временамъ. Скиѳы вообще представляются степнымъ, кочевымъ и коннымъ народомъ. А между тѣмъ у нихъ были также морскіе пираты; у нихъ была пѣхота. Такъ въ расказѣ Лукьяна *Токсарисъ* пѣхота является еще въ большемъ числѣ, нежели конница. Повторяю, любопытно было бы познакомиться съ тою сравнительною исторіей военнаго быта, которая доказываетъ, что Русскіе Славяне никогда не находились въ дикомъ состояніи, никогда не были кочевниками, никогда не были знакомы съ моремъ и никогда не были способны къ созданію государственнаго быта. И при этомъ г. Куникъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ томъ, что они „страдаютъ незнаніемъ основаній этнологической критики“ (452).

Голословно отрицая всякую связь между Роксаланами и Русью, авторъ „Дополненій“ къ Каспію не разъ спрашиваетъ, почему же ни одинъ источникъ не говоритъ о морскихъ походахъ Руси до такъ называемаго Рюрика. Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже былъ мною предложенъ; но по обыкновенію норманисты не обратили на него вниманія. Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что Русь конечно и прежде была знакома съ Каспійскимъ и особенно съ Чернымъ моремъ; когда же она объединилась и достигла извѣстной степени могущества, то уже не ограничивалась болѣе мелкимъ пиратствомъ или плаваніемъ для торговыхъ цѣлей и для найма въ иноземную службу, а стала пред-

принимать походы въ большихъ силахъ, и въ 865 году сдѣлала нападеніе на самый Константинополь. Это нападеніе и заставило Византійцевъ громко заговорить о Руси, хотя по всѣмъ признакамъ они уже давно были знакомы съ нею. (О томъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ патріархъ Фотій въ своихъ „бесѣдахъ“). Нашъ лѣтописецъ почерпнулъ начало Русской исторіи изъ византійскаго расказа о нападеніи 865 года, и пріурочилъ къ этому событію мнимое призваніе Варяговъ съ Рюрикомъ и Оскольдомъ во главѣ. Я уже замѣчалъ, что еслибы нападеніе на Константинополь случилось столѣтіемъ ранѣе, то Рюрикъ и Оскольдъ въ нашей лѣтописи, конечно, были бы отнесены на сотню лѣтъ выше. Если противникъ несогласенъ съ такимъ заключеніемъ, то пусть прежде всего потрудится доказать, что извѣстіе нашей лѣтописи о событіи 865 года совершенно самостоятельное, а не заимствованное буквально изъ хроники Амартола.

Но довольно о доказательствахъ историческихъ и этнографическихъ. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о *столпахъ* норманской системы; столпами она называетъ свои доказательства филологическія. Мы съ своей стороны говорили и повторяемъ, что вообще филологія, какъ наука, имѣетъ болѣе или менѣе развитыя стороны, но что самую слабую составляютъ словопроизводства. Въ этомъ отношеніи постоянно возникаютъ споры или новыя объясненія. А гдѣ есть возможность дѣлать разнообразные выводы, тамъ невозможно требовать точности. Если происхожденіе словъ, даже взятыхъ изъ современнаго языка, часто совсѣмъ не находитъ себѣ объясненія или объясняется гадательно, то можно ли ожидать точнаго опредѣленія словъ отжившихъ, извѣстныхъ только по письменнымъ памятникамъ? Всего менѣе можно ожидать его при разборѣ названій собственныхъ, личныхъ и географическихъ. Норманизмъ однако претендуетъ на эту точность. Мы уже указывали на слабую сторону славянорусской филологіи, именно на весьма распространенную привычку отказываться отъ русскихъ словъ. Если корень слова и его исторія не поддаются легкому объясненію изъ славянскаго языка, то оно немедленно относится къ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго, или изъ финскаго, или изъ татарскаго; или просто замѣчаютъ, что это слово не русское. Почему же оно не русское? Да оно звучитъ не пославянски. Другими словами, оно кажется не славянскимъ, и на этомъ

кажется нерѣдко строятъ филологическіе выводы. Много обнаруживается промаховъ вслѣдствіе подобнаго пріема. Нѣкоторыя слова считались заимствованными у Татаръ, потому что онѣ яко бы звучали по-татарски, а потомъ эти слова оказывались въ памятникахъ до-Татарской эпохи; нѣкоторыя русскія названія считались финскими, а онѣ отыскивались у Дунайскихъ или у Западныхъ Славянъ. Кстати укажу на слѣдующій курьёзъ. Еще недавно записные филологи считали (въ „Словѣ о Полку Игоревѣ") *карна* и *жля* именами двухъ половецкихъ хановъ, тогда какъ онѣ означаютъ скорбь и жалость, а слово жля въ томъ же значеніи встрѣчается и въ лѣтописи. Эти половецкіе ханы продолжали существовать даже послѣ того, какъ ихъ несостоятельность была указана. И кѣмъ указана? Вельтманомъ, котораго никто и не считалъ глубокимъ филологомъ. Или напомню оригинальную исторію съ греческимъ словомъ *гюра*, которымъ Константинъ Багрянородный объяснилъ русское *полюдье*; нашлись ученые, которые *gyra* считали словомъ русскимъ, а *polydia* греческимъ, т. е. совершенно наоборотъ. Много еще невѣрныхъ, но общепринятыхъ словопроизводствъ обращается и до настоящаго времени. Между прочимъ филологи, открывая разные законы, долго не замѣчали такого простаго закона, какъ народное осмысленіе словъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ; при своихъ словопроизводствахъ они иногда совсѣмъ не замѣчаютъ того, что имѣютъ дѣло не съ кореннымъ значеніемъ слова, а съ его позднѣйшимъ осмысленіемъ, основаннымъ на созвучіи. Напримѣръ, для нихъ *намецъ* доселѣ происходитъ отъ *нѣмой* (въ родѣ лѣтописнаго объясненія Переяславля отъ перея славу). Лингвистика нерѣдко даетъ намъ смѣлыя и положительныя объясненія тамъ, гдѣ добросовѣстность требовала сказать: „не знаю". Норманизмъ, какъ увидимъ ниже, не только употребляетъ явныя натяжки, чтобы объяснить нѣкоторыя древнерусскія слова, но и выставляетъ иногда такіе законы въ русскомъ языкѣ, которые въ дѣйствительности не существуютъ *.

---

* Такъ многоуважаемый Я. К. Гротъ выразился въ томъ смыслѣ, что русскій языкъ не допускаетъ словъ, начинающихся съ буквы *а* (Жур. М. Н. Пр. 1872. Апрѣль. 289). Положеніе невѣрное: и въ настоящемъ языкѣ существуютъ такія слова, а прежде ихъ было еще болѣе. Многія слова, произносимыя прежде черезъ *а*, теперь произносятся черезъ

Какъ въ Русской исторіи г. Куникъ держится системы исчезанія цѣлыхъ большихъ народовъ неизвѣстно куда, такъ и въ русской филологіи онъ держится системы объясненія русскихъ словъ преимущественно чрезъ *заимствованіе* ихъ у инородцевъ. Напр., слово *врагъ* или *ворогъ* заимствовано изъ готскаго языка (406), *воръ* изъ финскаго (408), *якорь* и *костеръ* изъ шведскаго (416), *топоръ* изъ какого-то каспійскаго языка (71 и 678) и т. д. и т. д., всего не перечтешь. Если повѣрить подобной этимологіи, то нашъ языкъ по крайней мѣрѣ на половину окажется сбродомъ словъ, заимствованныхъ у всѣхъ сосѣднихъ и даже не сосѣднихъ народовъ. Какое смѣшеніе эпохъ, вліяній и отношеній въ исторіи языка! Какое смѣшеніе созвучій съ тождествомъ и общихъ родственныхъ по корню словъ съ заимствованіями. Вообще у нашихъ противниковъ, какъ скоро зайдетъ рѣчь о словопроизводствахъ, тотчасъ начинаютъ смѣшиваться понятія о принадлежности извѣстныхъ словъ извѣстному народу съ опредѣленіемъ ихъ корней при помощи сравнительной филологіи. Г. Куникъ съ особеннымъ усердіемъ оста-

---

я; это послѣднее есть тоже *а*, только смягченное, іотированное. (Напр. въ договорѣ Игоря встрѣчаемъ русское имя Акунъ, а позднѣе въ лѣтописи тоже имя уже пишется Якунъ). Далѣе, есть не мало словъ, которыя пишутся съ *о*, а произносятся чрезъ *а*, если нѣтъ на этомъ *о* ударенія.

Нелишнимъ считаю напомнить: я полемизую только противъ одной слабой стороны славяно-русской филологіи; что конечно не мѣшаетъ мнѣ цѣнить ея успѣхи и многіе замѣчательные труды нашихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ, и между прочимъ отдавать справедливость богатому содержанію *Филологическихъ Разысканій* Я. К. Грота (Выше заявленное правило мы находимъ здѣсь уже въ смягченномъ видѣ: буква *а*, «столь рѣдкая въ началѣ Славянскихъ словъ»). Въ этомъ трудѣ авторъ хотя и обнаруживаетъ наклонность объяснять иногда чисто русскія слова чрезъ заимствованіе, но все таки не въ той степени какъ г. Куникъ. Въ примѣръ этой наклонности приведемъ: *Пинега* будто слово финское означающее «Малая рѣка» (I. 242. А что же будетъ значить Пина, рѣка западной Россіи? Стало быть и Волга или Влага тоже имѣетъ финское окончаніе)? *Ладога* будто есть переиначенное скандинавское *Альдога* и произошло изъ финскаго Aеlto—волна (245. Въ такомъ случаѣ славянскій богъ Ладо тоже заимствованъ у Финновъ?). *Мордва*, по объясненію Кастрена, будто по фински значитъ «народъ у воды». (243. Мы думали, что *ва* въ этомъ случаѣ чисто русскій суффиксъ, имѣющій собирательное значеніе; а иначе *Литва*, простонародное *Татарва* и т. п. тоже все финскія слова?).

навливается на объясненіи названій *Варяги* и *Русь* (400 и слѣд.). Это цѣлая этимологическая диссертація. Между прочимъ онъ много возражаетъ противъ толкованія слова варягъ *волками* и *врагами*, хотя въ настоящее время едвали какой либо серьезный ученый держится этого толкованія. Онъ доказываетъ, что это слово произошло отъ скандинавскаго Waring, соотвѣтственно древнерусскому *ротникъ* или присяжникъ, въ смыслѣ наемнаго воина. Можетъ быть это и вѣрно; но трудно слѣдить за всѣми перипетіями, которымъ авторъ подвергаетъ соединявшіяся съ даннымъ названіемъ понятія, проводя ихъ по разнымъ странамъ и народамъ. Много тутъ гадательнаго, и самъ авторъ прибѣгаетъ иногда къ помощи *вѣроятно*, *кажется* и разнымъ ссылкамъ на сказочныя свидѣтельства, между прочимъ на басню нашей лѣтописи о Варягахъ. Такъ какъ мы никогда не утверждали, что слово Варягъ славянскаго происхожденія, то и не будемъ останавливаться надъ нимъ. Что же касается до имени *Русь*, то г. Куникъ снова возвращается къ отождествленію его съ финскимъ *Ротси*; такъ Финны называютъ Шведовъ (437 и 672). Онъ предполагаетъ здѣсь первоначальную гото-шведскую форму Hrods, которая перешла къ Финнамъ отъ Шведовъ. Эту мысль онъ пытается подтвердить цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ натяжекъ, историческихъ и этимологическихъ. Не считаемъ нужнымъ углубляться въ эту путаницу. Мы только напомнимъ, что прежде нежели предпринимать ее надобно было, во первыхъ, доказать тождество названій *Ротси* и *Русь*. Если это тождество, а не созвучіе, то почему же Финны именно Русскихъ-то и не называютъ Ротсами? Если это названіе перешло къ Финнамъ отъ Шведовъ, то почему же сами Шведы себя такъ никогда не называли и почему исторія не знаетъ никакого народа Рось или Русь въ Скандинавіи? Мы предпочитаемъ то мнѣніе, которое видитъ въ этихъ названіяхъ только внѣшнее подобіе, но разные корни и разное значеніе. А во вторыхъ, и это самое важное, можно ли доказывать происхожденіе названія Русь отъ предполагаемой шведской формы Hrods и даже отъ Hrodhgot-овъ (441), когда уже была указана несомнѣнная связь названія народа Русь или Рось съ именами рѣкъ восточной Европы? Прежде надобно было опровергнуть эту связь; къ сожалѣнію норманизмъ мало вниманія обращаетъ на важнѣйшія доказательства своихъ противниковъ.

Точно также г. Куникъ продолжаетъ стоять на *чисто норманскихъ* именахъ русскихъ князей и дружинниковъ, ничѣмъ не опровергая моихъ доводовъ. Я не бралъ на себя удовлетворительно объяснить всѣ русскія языческія имена и всѣ русскія названія пороговъ; да подобную задачу никто и не въ состояніи выполнить при настоящихъ средствахъ науки. Достаточно и того, что большая часть именъ Олегова и Игорева договоровъ встрѣчается въ послѣдующихъ столѣтіяхъ въ разныхъ частяхъ Россіи; чѣмъ доказывается ихъ принадлежность Русскому народу, т. е. ихъ туземство. Однако, нѣкоторыя частныя объясненія свои я позволяю себѣ считать такими, противъ которыхъ мои противники не могутъ представить никакихъ серьезныхъ опроверженій. Напримѣръ: тождество имени перваго исторически извѣстнаго русскаго князя *Олегъ*, женское *Ольга*, съ названіями рѣкъ Олегъ и Волга; бо́льшая древность и бо́льшая порча русскихъ названій пороговъ сравнительно съ ихъ славянскими варіантами; принадлежность послѣднихъ нарѣчію болѣе южному, чѣмъ славянорусское, а именно славяноболгарскому; осмысленіе непонятнаго *Есупи* съ помощью созвучія „Не спи“, и пр. *. Уже одно то, что норманисты серьёзно считали существовавшимъ названіе Неспи, и соотвѣтственно ему пріискивали повелительное наклоненіе въ скандинавскихъ языкахъ, показываетъ, какъ мало они были знакомы съ духомъ славянорусскаго языка и съ его истинными законами. Или: на основаніи даже не большинства русскихъ личныхъ именъ, а только нѣкоторыхъ, имѣющихъ подобіе съ именами въ скандинавскихъ сагахъ, утверждать, что Руссы явились въ исторіи съ норманскими именами—этотъ пріемъ годился толь-

* Не отвѣчая на мои важнѣйшія доказательства въ пользу славянства Болгаръ, г. Куникъ однако нашелъ случай, по поводу моего изслѣдованія „Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ“ приписать мнѣ и такіе промахи, которыхъ у меня нѣтъ; напримѣръ, относительно Россовъ въ житія Георгія Амастрійскаго, которыхъ я будто бы приписываю VIII столѣтію, и относительно русина, научившаго Кирилла русской грамотѣ (632). У меня доказывается, что эта грамота была собственно не русская, а болгарская. Если г. Куникъ не согласенъ, что Болгаре были Славяне, то пусть попробуетъ не голословно, а систематически опровергнуть мои главные доводы; пусть между прочимъ докажетъ, что загадочныя выраженія въ извѣстномъ хронографѣ принадлежатъ не иному какому языку, а именно древне-болгарскому.

ко для норманистовъ прошлаго столѣтія, когда сравнительная филологія еще находилась въ состояніи блаженной наивности. А между тѣмъ норманизмъ не можетъ даже отнять у Славянорусcовъ имя Карлы. (Интересно было бы слышать его объясненія, откуда взялся половецкій ханъ Кобякъ *Карлыевичъ*?). По этому поводу укажу на то, что г. Куникъ славянское окончаніе въ именахъ *Гуды* и *Карлы* считаетъ просто ошибкой писца, и произвольно ставитъ *Гудъ* и *Карлъ* (461. А Кары, Бруны, Моны, Туны?) Число чуждыхъ именъ на Руси онъ увеличиваетъ еще *Глѣбомъ*, который будто бы заимствованъ или у какихъ то Иранцевъ, или у Хазаръ (680). Повторимъ то, что говорили и прежде: съ объясненіемъ собственныхъ именъ, географическихъ и личныхъ, нельзя обращаться такъ легко, какъ доселѣ обращались норманисты, и нѣтъ столбовъ болѣе шаткихъ, какъ тѣ, на которые думаетъ опереться норманская теорія.

Пока норманизмъ огуломъ отрицаетъ принадлежность данныхъ именъ и названій славянорусскому племени, ссылаясь на какіе то этимологическіе законы вообще, споръ конечно не можетъ придти къ яснымъ выводамъ. Но какъ скоро онъ пытается войти въ подробности и разъяснить намъ эти законы языка, то вмѣсто несомнѣнныхъ, строго научныхъ положеній, мы видимъ по большей части однѣ гаданія. Повторяю, особенно грѣшитъ онъ тѣмъ, что принадлежность слова или цѣлой группы словъ извѣстному языку смѣшиваетъ съ возможностью объяснять ихъ корни и значеніе съ помощію сравнительнаго языкознанія; при чемъ и эта возможность иногда бываетъ только кажущеюся, и отъ нея еще далеко до дѣйствительнаго, положительнаго объясненія. Достоуважаемый А. А. Куникъ представляетъ слѣдующій примѣръ филологическихъ гаданій, выдаваемыхъ за положительные законы языка. Нѣкоторыя слова, оканчивающіяся въ германской группѣ на ing въ славянорусскомъ языкѣ являются съ окончаніемъ *ягъ*, напр.: верингъ—варягъ, шилингъ — шелягъ и т. п. Отсюда вывели уже общее правило, законъ, что, если въ русскомъ встрѣчается слово на *ягъ*, то значитъ оно *заимствовано* отъ иноземцевъ. Г. Куникъ именно настаиваетъ на этомъ мнимомъ законѣ (409); къ подобнымъ словамъ онъ относитъ Ятвягъ и Колбягъ, которые будто бы заимствованы у Нѣмцевъ. Позволяю себѣ усматривать здѣсь большое недоразумѣніе: Ятвяги были окружены Славянами и съ одной стороны примыкали къ Литвѣ, слѣ-

довательно ихъ названіе отнюдь не изобрѣтено Нѣмцами; а подъ Колбягами, какъ теперь съ достовѣрностью можно сказать, разумѣлись кочевые или полукочевые инородцы южной Руси, между прочимъ „Черные Клобуки“ нашей лѣтописи, и названіе ихъ также никоимъ образомъ не заимствовано отъ Нѣмцевъ или отъ Норманновъ. Quasi—научная этимологія забываетъ о существованіи у древнихъ Славянъ носоваго произношенія, которое и доселѣ осталось въ чистотѣ у Поляковъ; вотъ почему у послѣднихъ Ятвяги имѣютъ форму *Ядзвинги*, а Колбяги въ византійскихъ хризовулахъ XI вѣка *Кулпинги* (вѣроятно по произношенію собственно славяноболгарскому, съ малымъ юсомъ, т. е. Кулпянги, откуда Кулпяги или Колбяги). Слѣдовательно суффиксъ ing совсѣмъ не есть какая то исключительная принадлежность германской группы и не есть непремѣнный признакъ заимствованныхъ словъ. Подобный суффиксъ существовалъ и въ литовскомъ языкѣ.

На бѣду для этой этимологіи, въ русскомъ языкѣ оказывается цѣлый отдѣлъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ только въ женской формѣ, т. е. *яга* (въ польскомъ ęga), каковы: бродяга, бѣдняга, портняга, плутяга, скупяга, сряга и т. д. Какъ же г. Куникъ устраняетъ это противорѣчіе съ вышеприведеннымъ закономъ о заимствованіи? Онъ говоритъ, что этотъ суффиксъ „относится къ сравнительно позднему періоду образованія языка и произошелъ отъ болѣе древняго ęka“ (410). Во первыхъ, ęka или ęga это все равно, и стало быть съ одной стороны г. Куникъ признаетъ, что подобный суффиксъ существовалъ и въ древнеславянскомъ языкѣ. (Впрочемъ тутъ объясненіе нѣсколько запутано, и повидимому говорится о древности этого суффикса только въ литовскомъ языкѣ, какъ будто славянскій языкъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ литовскаго, и даже послѣ XI столѣтія!). Во вторыхъ, онъ пытается собрать всѣ русскія слова съ окончаніемъ на яга (455 и 460), и насчитываетъ ихъ до 30 или болѣе; число значительное, ясно показывающее, что это суффиксъ собственный, русскій, а не заимствованный отъ нѣмцевъ или отъ литовцевъ, и тѣмъ болѣе, что тутъ же приведены аналогичныя слова и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но авторъ „Дополненій“ далеко не исчерпываетъ ихъ запасъ: существуетъ много и другихъ словъ, которыя способны принять тотъ же суффиксъ, когда требуется выразить извѣстный смыслъ; чего никакъ немогло бы случится, если-бы таковой

суффиксъ не былъ роднымъ, привычнымъ. Слѣдовательно выводъ о его позднѣйшемъ происхожденіи совершенно гадательный. Притомъ неизбѣжно возникъ бы вопросъ: позднѣйшее сравнительно съ какимъ временемъ? Напримѣръ, существовалъ ли онъ въ XI вѣкѣ, когда въ славянорусскомъ языкѣ еще въ значительной степени сохранялись слѣды древняго юсоваго произношенія? Итакъ былъ ли я правъ, говоря о разныхъ этимологическихъ гаданіяхъ, которыя пускаются въ ходъ подъ именемъ законовъ языка *?

Глядя на подобные трактаты, можно только пожалѣть, что такъ много труда и эрудиціи потрачено для того, чтобы отстоять басню или по крайней мѣрѣ запутать вопросъ. Не отвѣчаемъ на тѣ филиппики и на тѣ эпитеты, которые обнаруживаютъ нѣкоторое раздраженіе со стороны норманизма, весьма впрочемъ понятное. Будучи довольно безпощаденъ къ норманской системѣ вообще, я едва-ли могу себя упрекнуть въ томъ, чтобы въ предыдущихъ своихъ статьяхъ относился безъ должнаго уваженія къ ученымъ заслугамъ автора „Дополненій". Во всякомъ случаѣ поблагодаримъ А. А. Куника за то, во первыхъ, что онъ даетъ намъ возможность сдѣлать двѣ, три поправки второстепенной важности и устранить доказательства такъ сказать излишнія, а далѣе за то, что его „Дополненія" окончательно убѣждаютъ насъ въ несостоятельности норманской теоріи. Вотъ уже около пяти лѣтъ, какъ я веду съ ней борьбу, отвѣчая почти всѣмъ оппонентамъ. Надобно было поддержать интересъ къ данному вопросу и не дать ему снова заглохнуть на страницахъ весьма почтенныхъ, но мало читаемыхъ изданій; надобно было подвинуть на отвѣтъ противниковъ болѣе солидныхъ; ибо полемика съ ними яснѣе всего могла обнаружить тѣ шаткія основанія, на которыхъ доселѣ держалась норманская теорія. Между прочимъ я именно ждалъ отвѣта отъ

---

* Въ параллель съ этой филологіей норманизма можно поставить еще филологію финнизма. Ни съ чѣмъ не сообразное мнѣніе о финскомъ происхожденіи Руссовъ время отъ времени находитъ также своихъ послѣдователей. Для любопытствующихъ укажу на теорію Волжско-Финской Руси г. Щеглова: «Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ Русской исторіи» (Спб. 1874) и «Первыя страницы Русской исторіи» (въ Журн. М. Н. Пр. 1876. Апрѣль). Теорія эта не серьёзна, и если бы норманизму приходилось имѣть дѣло только съ подобными домыслами, то его господство было бы безконечно.

г. Куника, котораго считалъ наиболѣе добросовѣстнымъ и компетентнымъ изъ ея защитниковъ. Настоящій его трудъ не уничтожаетъ ни одного изъ главныхъ основаній, на которыхъ построено мое мнѣніе; большинство ихъ даже незатронуто. Замѣчу при этомъ мимоходомъ: я убѣдился, что противники большею частію даже не давали себѣ труда прочесть внимательно систему моихъ доказательствъ; они часто повторяли свои аргументы, ничѣмъ не опровергая моихъ возраженій или совсѣмъ ихъ игнорируя.

Въ числѣ важнѣйшихъ моихъ основаній стоитъ невозможность быстрыхъ, неуловимыхъ превращеній одной народности въ другую, чуждую ей. Исторія не представляетъ такихъ примѣровъ; они противорѣчатъ всѣмъ ея законамъ. Напротивъ мы повсюду видимъ большую или меньшую живучесть языка и другихъ племенныхъ особенностей у народовъ поселившихся въ чужой землѣ. Противники мои даже не пытались отвѣчать что нибудь на подобное основаніе.

Норманизъ именно заслуживаетъ слѣдующаго упрека: ссылаясь на мнимые лингвистическіе законы, онъ совершенно игнорируетъ законы историческіе, тѣ законы, которые неизмѣнно дѣйствуютъ и проявляются въ жизни народовъ, въ происхожденіи и развитіи человѣческихъ обществъ, называемыхъ государствами. Если бы защитники пресловутой теоріи серьезно вникали въ эти законы, то они не могли бы смѣшивать факты литературные съ фактами историческими, наивные домыслы старинныхъ книжниковъ выдавать за достовѣрное историческое свидѣтельство, да еще отстаивать ихъ въ той безсмысленной формѣ, которую они получили по невѣжеству позднѣйшихъ списателей. Законы политико-историческіе также непреложны какъ и естественноисторическіе: происхожденіе Русской націи не можетъ быть исключеніемъ. Сказочное, внезапное возникновеніе великихъ народовъ и государствъ съ исторической точки зрѣнія есть безсмыслица.

Повторяю, настоящій споръ можетъ продолжаться до безконечности, съ помощью тѣхъ пріемовъ, на которые я не разъ указывалъ, а также съ помощью многихъ соображеній и разсужденій, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу. Но серьезно, систематически, научно доказать скандинавское происхожденіе Руси невозможно; таково мое убѣжденіе. Объяснивъ туземное начало Русскаго государства, на сколько это было въ моихъ сред-

ствахъ и силахъ, я уже перешелъ къ послѣдующей эпохѣ Русской исторіи. Дальнѣйшую обработку даннаго вопроса представляю будущимъ изслѣдователямъ. Мнѣ остается только пересмотрѣть и собрать воедино свои изслѣдованія и замѣтки, разбросанныя по разнымъ изданіямъ *. Впрочемъ, я не отказываюсь и впослѣдствіи возвращаться къ тому же вопросу, но только тогда, когда найду это нужнымъ, напримѣръ, въ случаѣ его новаго запутыванія и затемнѣнія. А запутать его весьма не трудно: стоитъ только сдѣлать еще два, три мнимыхъ открытія въ родѣ того, что Византійцы въ литературномъ языкѣ Варяговъ называли Русью, что Славяне не способны къ мореплаванію, и т. п.

Справедливость впрочемъ требуетъ прибавить, что въ концѣ книги многоуважаемый А. А. Куникъ уже не съ такою увѣренностію борется съ антинорманизмомъ, какъ въ началѣ; онъ сознается, что „въ преданіи о призваніи Рюрика уже пробито нѣсколько брешь" (696). Мы еще не теряемъ надежды, что всѣмъ извѣстная ученая добросовѣстность со временемъ приведетъ его и къ другимъ уступкамъ.

IV.

Могильныя данныя въ отношеніи къ вопросу о Руси и Болгарахъ.

Кромѣ исторіи и филологіи, которыми злоупотребляла норманская система для того, чтобы утвердить басню о призваніи никогда не бывалыхъ Варяго-Руссовъ на якобы научныхъ основаніяхъ, приверженцы этой системы не мало злоупотребляли и археологіей. Такъ раскопки могильныхъ кургановъ давали поводъ вездѣ находить слѣды Варяговъ, къ которымъ относили все то, что принадлежало Руси. Впрочемъ такое заключеніе было естественно въ то время, когда въ тождествѣ этихъ двухъ народовъ не сомнѣвались. Но вотъ что говорятъ археологическіе факты.

Византійскія золотыя монеты, найденныя въ числѣ нѣсколькихъ сотъ подлѣ Ненасытецкаго порога на островкѣ Майстро-

* Что я и привелъ въ исполненіе настоящею книгою.

вѣ, обнимаютъ время по крайней мѣрѣ отъ VII вѣка до XI включительно. * Отсюда ясно слѣдуетъ, что плаваніе русскихъ каравановъ по Днѣпру изъ Кіева въ Грецію восходитъ ко времени не позднѣе VII или первой половины VIII вѣка, т. е. къ тому времени, когда о Варягахъ на Руси еще не было и помину.

Затѣмъ обращаю вниманіе читателей на тѣ въ высшей степени любопытные результаты, которые получены раскопками варшавскаго профессора Д. Я. Самоквасова, произведенными въ 1872—73 гг. въ предѣлахъ земли Сѣверянъ. Множество разрытыхъ имъ могильныхъ кургановъ вполнѣ подтвердило русскія, византійскія и арабскія извѣстія о погребеніи покойниковъ чрезъ сожженіе у Славянорусскихъ язычниковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ представило разнообразные вещественные памятники и самого народа. Означенныя могилы и находимыя въ нихъ предметы вооруженія и другія вещи съ арабскими и византійскими монетами, во первыхъ, свидѣтельствуютъ объ исконномъ пребываніи могучаго Русскаго племени въ области Десны, Семи, Сулы и вообще въ Приднѣпровскомъ краю, а во вторыхъ о воинственномъ характерѣ этого племени и его дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ міромъ Восточнымъ и Греческимъ еще въ эпоху такъ наз. Дорюриковскую, слѣдовательно о его уже значительно развитой гражданственности (разумѣется сравнительно съ другими языческими народами Средней и Сѣверной Европы того времени). Съ результатами раскопокъ г. Самоквасова и съ значительнѣйшими его находками (особенно изъ Черниговскаго кургана, извѣстнаго подъ именемъ Чернаго) мнѣ впервые пришлось познакомиться на Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ лѣтомъ 1874 года. Мои главные выводы,

---

* Графа А. С. Уварова *О древностяхъ Южной Россіи*. Авторъ видѣлъ изъ нихъ двѣ монеты: одну императора Ираклія, VII вѣка, а другую Константина Дуки, XI-го. «Разные люди увѣряли насъ — замѣчаетъ онъ,—что эти монеты были найдены въ различныхъ мѣстахъ. Другіе, наоборотъ, говорили, будто онѣ открыты вмѣстѣ въ одномъ глиняномъ кувшинѣ». Едвали вѣроятно, что бы въ одномъ кувшинѣ хранились монеты пяти вѣковъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы пожалуй предположить, что какой либо любитель византійской нумизматики во второй половинѣ XI вѣка зарылъ здѣсь свою коллекцію. Не было ли на этомъ островкѣ чего либо въ родѣ разбойничаго притона, въ которомъ прятали добычу съ разграбленныхъ или съ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ? Или не существовало ли здѣсь какого святилища, гдѣ путники клали свои жертвоприношенія ради благополучнаго плаванія сквозь п

добытые пересмотромъ вопроса о Варягахъ и Руси, тогда уже были закончены, и мнѣ пришлось скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться, найти такое неопровержимое, вещественное подтвержденіе этимъ выводамъ. *

Я не знаю, къ какимъ натяжкамъ прибѣгнетъ теперь норманская школа, что бы отрицать эти очевидныя данныя и настаивать на существованіи небывалаго народа Варягоруссовъ, пришедшаго изъ Скандинавіи во второй половинѣ IX вѣка. По моему мнѣнію для нея остается единственный исходъ: согласиться съ первоначальной лѣтописной редакціей, по которой Русь, Славяне и Чудь призывали Варяжскихъ князей, и слѣдовательно отстаивать эту легенду въ ея первобытномъ, т. е. династическомъ значеніи. Но по всей вѣроятности норманисты этого не сдѣлаютъ; они очень хорошо понимаютъ, что тогда и басня о призваніи уничтожится сама собою. Сильному, воинственному Русскому племени, объединившему восточныхъ Славянъ и грозному для сосѣдей, не было никакой нужды призывать къ себѣ чужихъ князей изъ за моря: оно издавна имѣло

* Интересующихся этими данными отсылаю къ отчету самого Д. Я. Самоквасова, «Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки» (Древн. и Нов. Россія 1876 №№ 3 и 4). Единственное мое замѣчаніе, которое можно сдѣлать по поводу этой статьи, относится къ ссылкамъ на легендарныя свидѣтельства лѣтописи, напримѣръ, о погребеніи Олега, Аскольда и Дира. Какимъ способомъ они погребены, въ лѣтописи не говорится, это извѣстіе несовременное, притомъ же два послѣднія лица не историческія. Другое дѣло извѣстіе той же лѣтописи о погребеніи у Вятичей, а также расказы Ибнъ Фадлана и другихъ Арабовъ о погребальныхъ обычаяхъ Руси—это свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ. Далѣе, въ средѣ Русскихъ Славянъ, по всѣмъ признакамъ, рядомъ съ сожженіемъ, и притомъ не всегда одинаковымъ въ подробностяхъ, существовалъ и другой хотя не столь распространенный обычай погребенія, т. е. чрезъ зарываніе трупа; но кѣмъ именно и въ какихъ случаяхъ онъ употреблялся, еще нельзя опредѣлить съ достовѣрностію. Наконецъ, достоуважаемый изслѣдователь старается съ точностію опредѣлить границы собственно русскаго обычая сожженія труповъ. Намѣченные имъ предѣлы, т. е. область Сѣверской Руси, вполнѣ подтверждаютъ древнія свидѣтельства о мѣстѣ жительства Роксаланъ между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ; тѣмъ не менѣе подождемъ еще ограничивать эти предѣлы, пока не приведено въ извѣстность содержаніе большинства могильныхъ кургановъ и въ другихъ частяхъ Южной Россіи. Въ настоящее время достаточно и того неопровержимаго вывода, что Русь, на основаніи могильныхъ раскопокъ, является также племенемъ туземнымъ, южнорусскимъ, а не пришедшимъ откуда то съ Сѣвера.

своихъ собственныхъ. Историческіе источники упоминаютъ о Роксаланскихъ князьяхъ еще въ первые вѣка по Р. Х. (См. выше стр. 106—107).

Одновременно съ означенными раскопками въ Приднѣпровскомъ краѣ сдѣлано весьма любопытное открытіе далѣе на югѣ, именно въ окрестностяхъ Керчи. Открытіе это, какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вопросамъ о древней Руси и Болгарахъ. Приведу сообщеніе, сдѣланное мною не далѣе какъ въ мартѣ 1876 года въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества: *

Нельзя не отдать справедливости добросовѣстному изслѣдованію г. Стасова, изслѣдованію, которое онъ посвятилъ объясненію фресокъ, найденныхъ въ 1872 году въ одной Керченской катакомбѣ. ** Сближеніе ихъ съ памятниками восточными, преимущественно иранскими, по моему мнѣнію, очень удачно. Сходныя черты въ костюмахъ, вооруженіи и орнаментахъ, встрѣчающіяся здѣсь, дѣйствительно указываютъ на связи съ востокомъ, съ Азіей и на восточное происхожденіе самыхъ племенъ, представители которыхъ изображены на данныхъ фрескахъ. Но за этимъ общимъ положеніемъ возникаетъ неизбѣжный вопросъ, нельзя ли еще точнѣе опредѣлять: какія именно племена, какіе народные типы, какую эпоху имѣемъ мы передъ собою?

Время, къ которому должны быть отнесены означенныя фрески, г. Стасовъ полагаетъ между началомъ II и концомъ IV вѣка по Р. Х. По всѣмъ даннымъ такое положеніе надобно считать вѣрнымъ или весьма вѣроятнымъ. Слѣдовательно мы имѣемъ передъ собою послѣднюю эпоху Боспорскаго царства, эпоху династіи Савроматовъ. Извѣстно, что въ самомъ началѣ перваго вѣка по Р. Х. Боспорскимъ краемъ овладѣло сарматское племя Аспурговъ. Это было одно изъ тѣхъ Сарматскихъ племенъ, которыя издавна жили между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ, и отчасти на Таманскомъ полуостровѣ, т. е. въ самыхъ предѣлахъ Боспорскаго царства. Князья Аспурговъ, захватившихъ это царство, по дошедшимъ до насъ монетамъ, носили по преимуществу имена Савроматовъ и Рескупоридовъ. Эти варварскіе князья однако уже на столько были знакомы съ эллиноримъ-

* Изъ *Трудовъ* этого Общества. Т. VI. вып. 2.

** Отчетъ Императорской Археологической коммиссіи за 1872 годъ съ атласомъ. Спб. 1875 г.

своею цивилизаціей и на столько искусны въ политикѣ, что въ началѣ они съумѣли пріобрѣсти покровительство самихъ римскихъ императоровъ, начиная съ Августа и Тиверія. Разумѣется, что бы обезпечить за собою Боспоръ, они признали себя покорными вассалами римскихъ императоровъ, и показывали имъ особую преданность; это видно между прочимъ изъ того, что они къ своимъ именамъ присоединяли имена своихъ покровителей; отсюда мы встрѣчаемъ на монетахъ и надписяхъ Тиверія Юлія Савромата или Тиверія Юлія Рескупорида. * Но подчиненіе Риму продолжалось только до тѣхъ поръ, пока въ самой Римской имперіи не наступилъ смутный періодъ, т. е. до второй половины III вѣка. Тогда Савроматская династія не замедлила воспользоваться этими смутами, чтобы пріобрѣсти самостоятельность.

Находясь въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ міромъ Эллиноримскимъ, подчиняясь вліянію его цивилизаціи, Савроматы въ тоже время очевидно сохраняли нравы и преданія, вытекавшія изъ восточнаго происхожденія. Они заключали родственныя связи съ потомками Митридата Понтійскаго, который одно время, какъ извѣстно, владѣлъ Боспорскимъ царствомъ, и въ слѣдствіе этихъ связей послѣдняя Боспорская династія можетъ быть равно относима къ Савроматамъ и Ахеменидамъ. Я именно позволяю себѣ въ главныхъ фигурахъ, которыя изображены на фрескахъ, усмотрѣть представителей этой Савроматской эпохи въ Пантикапеѣ; разныя бытовыя черты, здѣсь встрѣчающіяся, безъ сомнѣнія указываютъ на двойственное вліяніе, т. е. римское и восточное.

Герой этихъ фресокъ, т. е. лицо погребенное въ данной катакомбѣ, есть конечно одинъ изъ предводителей, отличившійся своими подвигами въ войнахъ съ сосѣдними варварами; а извѣстно, что сосѣдніе варварскіе народы въ эту эпоху все болѣе и болѣе тѣснили Боспорское царство, пока впослѣдствіи не разрушили его окончательно. Типъ главнаго героя и его воиновъ, а также и вооруженіе ихъ совершенно соотвѣтствуютъ извѣстіямъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей о народахъ сарматскихъ.

---

* Любопытно, что князья Роксаланъ точно также поступали въ отношеніи къ нѣкоторымъ римскимъ императорамъ. Въ одной латинской надписи упоминается роксаланскій князь *Элій* Распарасанъ, повидимому современный Элію Адріану.

А Сарматы, какъ это утвердительно можно сказать, принадлежали къ Арійской семьѣ и въ ближайшемъ родствѣ находились съ народами Мидо-иранской группы. Означенные воины покрыты чешуйчатымъ панцыремъ, конусообразнымъ шлемомъ, и имѣютъ копья, у всадниковъ по одному длинному, а у пѣхотинцевъ большею частію по два короткихъ. На Траяновой колоннѣ мы именно встрѣчаемъ сарматскихъ всадниковъ, покрытыхъ такою же чешуйчатою бронею. Тацитъ говоритъ, что знатные Роксалане (а Роксалане было сарматское племя) носили чешуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Амміанъ Марцелинъ сообщаетъ о Сарматахъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, на которыхъ была нашита роговая чешуя, сдѣланная на подобіе птичьихъ перьевъ. Конусообразные шлемы суть также одна изъ принадлежностей сарматскихъ народовъ; они встрѣчаются и на сарматскихъ всадникахъ Траяновой колонны, и у древнихъ Руссовъ. (Мы же, какъ извѣстно, доказываемъ, что древняя Русь тождественна съ Сарматами—Роксаланами). Эта форма шлемовъ конечно имѣетъ восточный характеръ; конусообразныя шапки преобладали всегда у иранскихъ народовъ. У самого предводителя Пантикапейскаго сверхъ того наброшенъ на плечи плащъ, развѣвающійся позади. Этотъ плащь есть также одна изъ принадлежностей знатныхъ лицъ у Сарматскихъ народовъ. Левъ Діаконъ именно упоминаетъ о такомъ плащѣ какъ объ одной изъ отличительныхъ чертъ Руси отъ Грековъ. Еще прежде того Прокопій нѣчто подобное говоритъ о Болгарахъ. Я не утверждаю тождества Аспурговъ ни съ Болгарами, ни съ Роксаланами или Русью; я только говорю объ ихъ общей принадлежности къ Сарматскому семейству. Рядомъ съ общими чертами встрѣчаемъ и нѣкоторыя отличія; напримѣръ, овальная форма и небольшой размѣръ щитовъ не походятъ на большіе и съуживающіеся щиты древней Руси. Впрочемъ надобно взять въ расчетъ и разницу эпохъ: между IV и X вѣкомъ могли конечно произойти разныя перемѣны въ вооруженіи и привычкахъ сарматскихъ народовъ. Къ такимъ перемѣнамъ, напримѣръ, надобно отнести и употребленіе стремянъ; извѣстно что у Грековъ, и у Римлянъ не было стремянъ. Ихъ мы не находимъ и на данныхъ фрескахъ. Тогда какъ древняя Русь уже употребляла ихъ; по крайней мѣрѣ это можно сказать о IX и X вѣкѣ. Укажу на раскопки, произведенныя г. Самоквасовымъ въ Приднѣпровскомъ краю;

въ могилахъ языческой Руси найдены между другими предметами и стремена. Интересно было бы встрѣтить какое либо розысканіе объ этомъ предметѣ, т. е. откуда и съ какого времени стали входить въ употребленіе стремена?

Затѣмъ обращу вниманіе еще на отличительную черту типа, встрѣчающагося на означенныхъ фрескахъ. Пантикапейскіе воины являются здѣсь безъ всякихъ признаковъ бороды и усовъ; а изъ подъ шлемовъ ихъ совсѣмъ не видно волосъ. Но бритые подбородки и оголенныя головы, какъ извѣстно, составляли принадлежность древнихъ Руссовъ и древнихъ Болгаръ; а оба эти народа принадлежали первоначально къ Сарматской группѣ и жили около Азовскаго моря, т. е. въ Сарматскихъ краяхъ. Разница съ типами фресокъ заключается только въ томъ, что на послѣднихъ отсутствуютъ и усы. Но, во первыхъ, обычай бритья конечно видоизмѣнялся по разнымъ племенамъ; а во вторыхъ, не забудемъ разницу нѣсколькихъ столѣтій между данными фресками и временемъ Святослава; моды могли нѣсколько мѣняться. Самые Руссы X вѣка, по извѣстію Арабовъ, не всѣ брили бороду; нѣкоторые отпускали ее. Замѣчательно, что лица русскихъ воиновъ въ извѣстной рукописи XIV вѣка, заключающей Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, эти лица также какъ на данныхъ фрескахъ, не имѣютъ ни бороды, ни усовъ. Кромѣ того извѣстно, что Римляне брили не только бороду, но и усы, и можно также предложить вопросъ: не отразилась ли эта мода и на Боспорѣ Киммерійскомъ? Подъ шлемами Пантикапейцевъ, какъ я сказалъ, совсѣмъ не видно волосъ. По этому поводу напомню извѣстіе Лукьяна, греческаго писателя II вѣка по Р. Х. Въ своемъ расказѣ *Токсарисъ* онъ сообщаетъ, что Скиѳы и Алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками, но Скиѳы носятъ болѣе длинные волосы, и одинъ изъ героевъ расказа, Скиѳъ выдающій себя за Алана, долженъ былъ обрѣзать свои волосы по алански. И дѣйствительно извѣстныя намъ по памятникамъ фигуры Скиѳовъ обыкновенно снабжены длинными волосами и бородою. Алане принадлежали все къ той же группѣ народовъ Сарматскихъ, какъ боспорскіе Аспурги, какъ древніе Руссы и Болгаре. Извѣстно, что нашъ Святославъ имѣлъ оголенную голову съ чубомъ; языческіе болгарскіе князья, по замѣчанію одного хронографа, были „съ острижеными главами". А Прокопій еще въ VI вѣкѣ говоритъ,

что Болгаре имѣли оголенныя щеки и подбородокъ, а также подстриженную кругомъ голову съ пучкомъ волосъ на верху.

Но кромѣ пантикапейскихъ воиновъ, покрытыхъ шлемомъ, мы видимъ еще три фигуры изъ того же ополченія, съ открытыми головами. Они также безъ бороды и усовъ, но имѣютъ волосы на головѣ, спускающіеся до ушей или немного ниже. Эти три фигуры не имѣютъ ни шлема, ни панцыря, а вооружены щитомъ и двумя копьями. Мнѣ сдается, что это фигуры женскія, особенно двѣ послѣднія, у которыхъ волосы какъ будто скручены назадъ, а на груди оттѣненно по два полукруга. Извѣстно, что именно у Сарматъ женщины отличались воинственными привычками, что онѣ ходили на войну вмѣстѣ съ мужчинами и носили мужское платье. У нѣкоторыхъ племенъ былъ даже обычай, что дѣвушка не можетъ выдти за мужъ, пока не убьетъ хотя одного непріятеля. Эти сарматскія женщины и послужили источникомъ для греческихъ сказаній объ амазонкахъ. Если обратимся къ Руси и Болгарамъ, то найдемъ у нихъ туже сарматскую черту. По извѣстіямъ того же Прокопія, писателя VI вѣка, послѣ сраженій Византійцевъ съ Болгарами обыкновенно на полѣ битвы между павшими варварами находили женскіе трупы. Точно тоже замѣтилъ и Левъ Діаконъ о Руссахъ Святослава. Тоже самое подтверждаетъ арабскій писатель Масуди о Болгарахъ въ X вѣкѣ. Онъ говоритъ слѣдующее: „когда они отправляются въ походъ, то строятся въ ряды; стрѣлки изъ лука образуютъ передній строй, а женщины и дѣти задній“. (Гаркави. 126). По моему мнѣнію, извѣстіе это замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ Керченскими фресками, именно съ IX таблицей атласа, на которой изображена пѣхота: впереди два воина въ шлемахъ и панцыряхъ, а позади три безъ панцырей и шлемовъ. Изъ послѣднихъ двѣ самыя заднія фигуры я принимаю за женщинъ, а третью, помѣщенную въ срединѣ, я готовъ счесть за мальчика.

Что касается до остальныхъ фигуръ, т. е. до непріятелей Пантикапейцевъ, то г. Стасовъ по справедливости различаетъ между ними два типа. Первый, изображенный на таблицѣ X, близокъ къ той же Сарматской народности. У него также нѣтъ ни бороды, ни усовъ; но онъ отличается густыми и довольно длинными волосами. У воиновъ этого типа нѣтъ ни шлемовъ, ни панцырей, ни щитовъ, и даже у главной фигуры, т. е. у предводителя. На плечахъ у послѣдняго однако наброшенъ плащъ,

похожій на сарматскій; а на лѣвомъ боку довольно большой мечъ; вмѣсто панцыря ему повидимому служитъ кожаная кираса. Это по всѣмъ признакамъ какой то сосѣдній степной, конный народъ. Но второй типъ, изображенный на таблицѣ VI, уже гораздо болѣе удаленъ отъ Пантикапейскаго. Онъ представленъ въ одномъ только лицѣ. Это мужчина съ рѣзкими чертами лица, густыми отброшенными назадъ волосами и черною густою бородою. Онъ пѣшій, также безъ шлема и панцыря, но вооруженъ широкимъ ножомъ или кинжаломъ и ромбовиднымъ щитомъ. Мы можемъ предположить въ немъ представителя какого либо изъ сосѣднихъ черкесскихъ горныхъ племенъ. Очень можетъ быть, что здѣсь изображенъ поединокъ между пантикапейскимъ предводителемъ и вождемъ непріятельскаго войска. Вмѣсто общаго сраженія рѣшать дѣло поединкомъ было иногда въ обычаѣ у варварскихъ народовъ, и между прочимъ у народовъ прикавказскихъ. Напомнимъ единоборство тмутараканскаго князя Мстислава Чермнаго съ касожскимъ или черкесскимъ княземъ Редедею. А гораздо ранѣе того у Конст-на Багрянороднаго въ его соч. объ Управл. Имперіей встрѣчаемъ расказъ именно о единоборствѣ боспорскаго царя Савромата VII съ протевономъ или вождемъ Херсонитовъ Фарнакомъ. Это единоборство, рѣшившее судьбу ихъ войны, происходило какъ надобно полагать въ IV вѣкѣ по Р. Х., слѣдовательно въ эпоху, къ которой можно отнести данныя фрески. Но не этотъ эпизодъ здѣсь изображенъ. Единоборство съ Фарнакомъ окончилось смертью Савромата; тогда какъ здѣсь пантикапейскій предводитель очевидно торжествуетъ; притомъ Савроматъ былъ пораженъ копьемъ; а у пѣшаго воина въ рукахъ только мечъ. Странно только одно, почему противники сражаются при неравныхъ условіяхъ: одинъ на конѣ и лучше вооруженъ, а другой пѣшій но за то со щитомъ, котораго нѣтъ у Пантикапейца. Можетъ быть, варваръ понадѣялся на свою силу и ловкость и самъ пожелалъ сражаться при этихъ условіяхъ. Но могло быть и то, что онъ уже потерялъ коня и теперь, съ кинжаломъ въ рукѣ, готовится дорого продать свою жизнь.

Обращу также вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Изъ всѣхъ трехъ данныхъ типовъ мы не находимъ ни одного, который бы напоминалъ присутствіе въ тѣхъ странахъ народностей Угорскаго, Турецкаго или Монгольскаго корня. Это подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе о принадлежности на-

стоящихъ Скиѳовъ и Сарматъ къ Арійскому семейству и о томъ, что турецко-татарскіе народы появляются въ тѣхъ краяхъ довольно поздно, приблизительно около VI вѣка. (Что между прочимъ важно и для рѣшенія вопроса о каменныхъ бабахъ).

Мнѣ остается еще сдѣлать одно сближеніе. Переходомъ къ нему можетъ послужить упомянутое мною выше извѣстіе Масуди о Болгарахъ. Извѣстіе это по всѣмъ признакамъ относится нестолько къ Дунайскимъ Болгарамъ, сколько къ Чернымъ, т. е. къ тѣмъ, которые жили на Кубани и на Боспорѣ Киммерійскомъ, ибо онъ говоритъ о язычникахъ; тогда какъ у Дунайскихъ Болгаръ въ его время процвѣтало христіанство. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я именно доказывалъ, что Болгаре приблизительно въ V вѣкѣ завладѣли почти всѣмъ Боспорскимъ царствомъ и жили здѣсь еще въ IX и X вв., когда этотъ край былъ освобожденъ отъ Хазарскаго ига и покоренъ Русью и тамъ основано извѣстное Тмутраканское княжество. Слѣдовательно господство Сарматскихъ Аспурговъ здѣсь смѣнилось господствомъ Болгаръ и потомъ Руси, племенъ тоже сарматскихъ. Эта смѣна происходила постепенно; причемъ, кромѣ сходства нравовъ, безъ сомнѣнія на послѣднія племена продолжало дѣйствовать и вліяніе древней боспорской цивилизаціи.

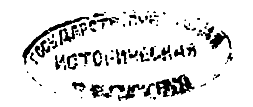
Масуди говоритъ, что у языческихъ Болгаръ сожигали мертвеца или заключали его въ храмину вмѣстѣ съ женой и слугами. Но такой же двоякій обычай погребенія, т. е. чрезъ сожженіе и зарываніе трупа, существовалъ и у языческой Руси. Обрядъ сожженія подробнѣе всего описанъ у Ибнъ Фадлана. Между тѣмъ Ибнъ Даста, писатель X вѣка также какъ Масуди и Фадланъ, говоритъ слѣдующее о Руссахъ. „Когда умираетъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ туже могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи“ (по переводу Хвольсона. стр 40). Очевидно Ибнъ-Даста о Руси повторяетъ съ бо́льшими подробностями тоже, что сказалъ Масуди о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ. Но Ибнъ-Даста по всѣмъ признакамъ также говоритъ о Руси именно Тмутра-

канской или Таманской; онъ изображаетъ ее живущею на сыромъ, болотистомъ островѣ.

Но что же это за домъ или храмина, въ которой погребали знатныхъ Болгаръ и Руссовъ въ Таврическо-Таманскомъ краѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ, подобныхъ той, которой фрески мы имѣемъ передъ собою. Слѣдовательно весьма вѣроятно, что дальнѣйшіе розыски въ катакомбахъ Воспорскаго края приведутъ къ открытіямъ предметовъ изъ другой болѣе поздней эпохи сравнительно съ Аспургіанской династіей Савроматовъ, то есть изъ эпохи Болгаро-Руской.

КОНЕЦЪ.

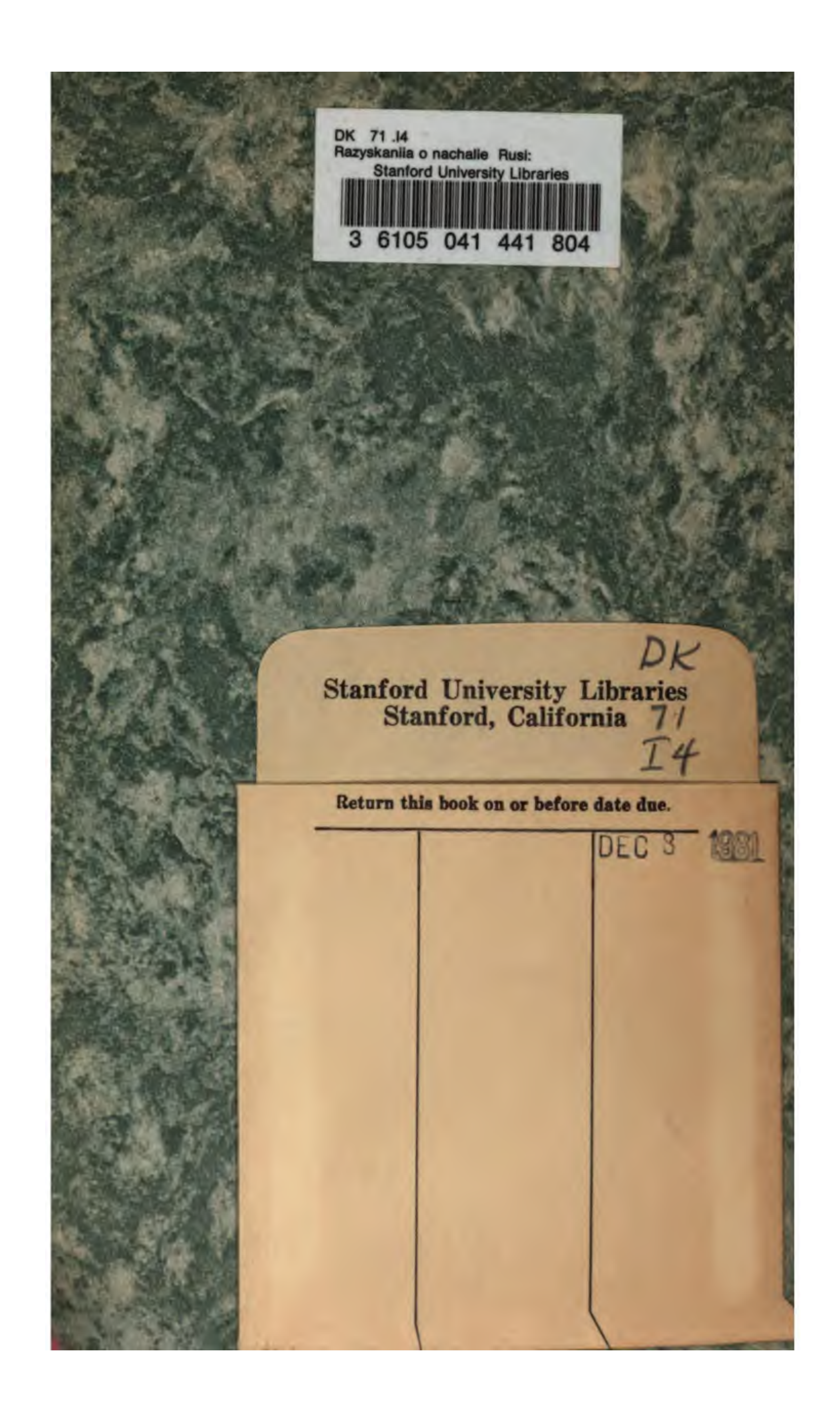

DK 71 .I4
Razyskaniia o nachalie Rusi:
Stanford University Libraries
3 6105 041 441 804
DK
Stanford University Libraries
Stanford, California 71
I4
Return this book on or before date due.
DEC 3 1981